ЛЕВ ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 22

АЗБУКА

Лев Николаевич

ТОЛСТОЙ

Полное собрание сочинений. Том 22.
Азбука 1871-1872 / Книга 1-4

Государственное издательство
художественной литературы, 1957

Л. Н. ТОЛСТОЙ

Ц 224/67

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

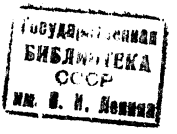
ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ

СЕРИЯ ПЕРВАЯ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ТОМ
22

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1957

Перепечатка разрешается безвозмездно



57-79385 -6

АЗБУКА

1871—1872

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ

В. С. СПИРИДОНОВА

В. С. МИШИНА

АЗБУКА

ГРАФА Л. Н. ТОЛСТАГО

КНИГА I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Замысловскаго, Больш. Мѣщан., д. № 33.
1872.

ОГЛАВЛЕНІЕ I-ОЙ КНИГИ

Часть первая.

Стран.

I. Изображеніе буквъ 2
Азбука съ картинками 5
II. Склады 15
III. Упражненія въ соединеніи складовъ 18
Строчныя буквы *а*, *б*, *в* 19
Скорописныя буквы 20
IV. Упражненія въ произношеніи 31

Часть вторая.

I. Муравей и голубка *(басня Езопа)* 60
Черепаха и орелъ *(Езопъ)* 60
Голова и хвостъ змѣи *(индѣйская басня)* . . . 61
Хорекъ (*Езопъ*). 61
Тонкія нитки (*индѣйск.*) 62
Левъ и мышь (*Езопъ*). 62
Обезьяна (*индѣйск.*) 63
Лгунъ (*Езопъ*) 63
Оселъ и лошадь (*Езопъ*) 64
Галка и голубь (*Езопъ*) 65
Баба и курица (*Езопъ*) 65
Дележъ наслѣдства (*индѣйск.*) 65
Левъ, медвѣдь и лисица (*Езопъ*) 66
Собака, пѣтухъ и лисица (*Езопъ*) 66

Лошадь и конюхъ (*Езопъ*) 67
Лягушка и левъ (*Езопъ*) 67
Обезьяна и горохъ (*индѣйск.*) 67
Дойная корова (*индѣйск.*) 68
Стрекоза и муровей (*Езопъ*) 68
Курица и золотыя яица (*Езопъ*) 69
Волкъ и старуха (*Езопъ*) 69
Ученый сынъ 70
Мужикъ и лошадь 70

II. Море 72
Слѣпой и глухой 72
Подкидышъ 73
Камень 74
Какъ меня выучили шить 75
Пожарныя собаки 76
Какъ меня не взяли въ городъ 77
Какъ меня въ лѣсу застала гроза 78
Мужикъ и огурцы 79
Какъ я дѣдушкѣ нашелъ пчелиныхъ матокъ . . . 80
Пожаръ 82
Какъ я пересталъ бояться слѣпыхъ нищихъ . . . 85
Мышь—дѣвочка (*индѣйск.*) 86
Липунюшка (*народн.*) 88

III. Слонъ 91
Китайская царица Силинчи 91
Какъ научились Бухарцы разводить шелковичныхъ червей 92
Эскимосы 94
Отъ скорости сила 96
Какъ въ городѣ Парижѣ почистили домъ 97
Куда дѣвается вода изъ моря? 98

IV. Дурень (*Кирша Данилов*ъ) 99
Святогоръ богатырь (*Рыбников*ъ) 103

Часть третья.

Несторова Лѣтопись 105
Изъ четьи минеи
О Филагріи манахѣ (*Макарьевск.*) 119
О дровосѣкѣ Муринѣ (*Макарьевск.*) 120
Житіе преподобнаго Давида (*Дмитр. Ростовск*) . 125
Книга Бытія
Глава I 131
Евангеліе отъ Матѳея.
Глава XXIII 138
Молитва Господня 139
Символъ Вѣры 139
Десять Заповѣдей 140

Часть четвертая. Счетъ

Таблица четырехъ счисленій 142
Цифры для чтенія 158
Счетъ славянскими цифрами 159
Счетъ римскими цифрами безъ сокращенія 160
Примѣры для счета римскими цыфрами 161
Счетъ римскими цифрами съ сокращеніями 161
Счетъ на счетахъ и арабскими 163
Таблица арабскихъ чиселъ до милліона. 165

Для учителя.

Къ первой части 167
Ко второй части 173
Къ третьей части 176
Къ четвертой части. 178

стран.
Общія замѣчанія для учителя 180
Опечатки 186

Примѣчаніе. Статьи, при которыхъ не означено, откуда онѣ взяты, принадлежатъ издателю. Статьи, взятыя изъ различныхъ источниковъ, передѣланы такъ, что часто имѣютъ весьма мало общаго съ оригиналомъ. Менѣе всего измѣнены басни Езопа и разсказы Геродота. Былины составлены изъ нѣсколькихъ списковъ, пополненныхъ одинъ другимъ, и изложены правильнымъ русскимъ стихомъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

А Б В Г

Д Е Ѣ Ж

З И І К Л

М Н О П

Р С Т У

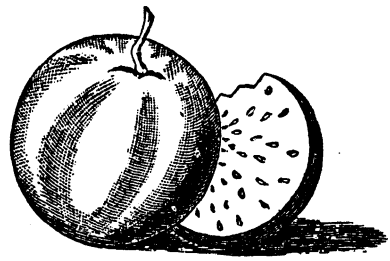
ф Х Ц Ч

Ш Щ Ъ Ы

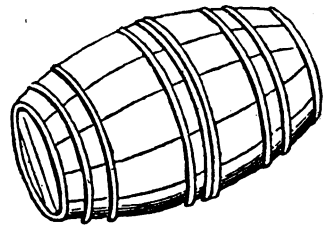
Ь Э Ю Я

Ѳ Ѵ

А А а *А* *а* *а*



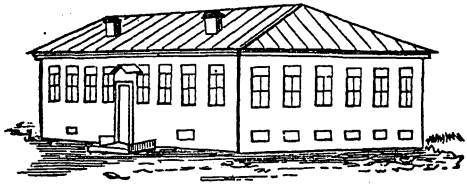
Б Б б *Б* *б* *б*



В В в *В* *в* *в*

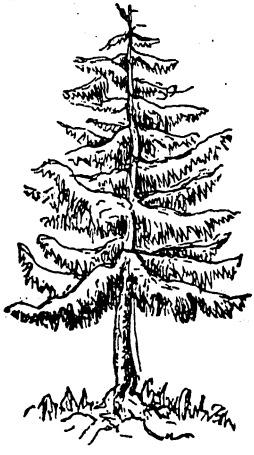
Г Г г *Г* *г* *г*

Д Д д *Д* *д* *д*

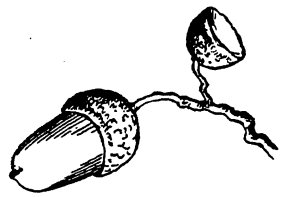


Е Е е *Е* *е* *е*

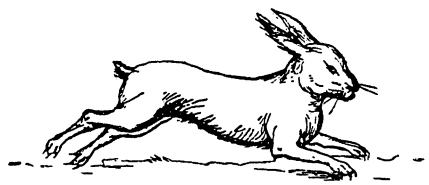
Ѣ Ѣ ѣ *Ѣ* *ѣ* *ѣ*



Ж Ж ж *Ж* *ж* *ж*

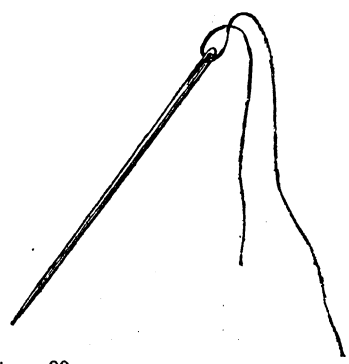


З З з *З* *з* *з*

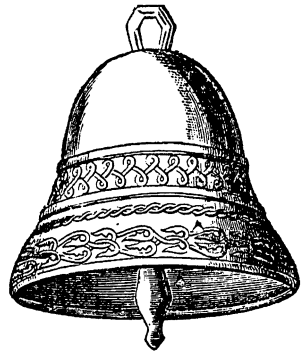


И И и *И* *и* *и*

І І і *І* *і* *і*



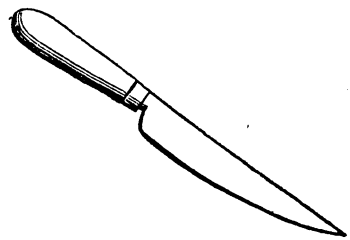
К к к *К* *к* *к*



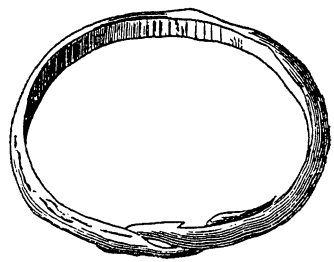
Л л л *Л* *л* *л*

М м м *М* *м* *м*

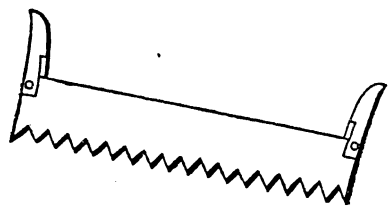
Н Н н *Н* *н* *н*



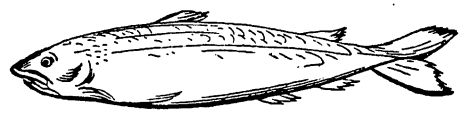
О О о *О* *о* *о*



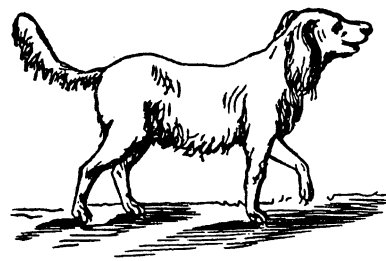
П П п *П* *п* *п*



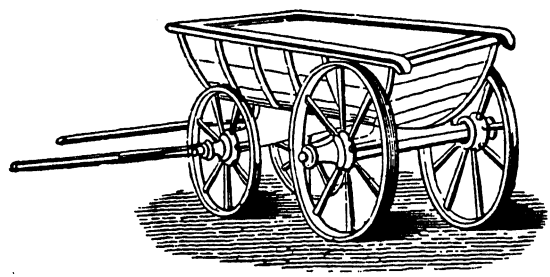
P P p *P* *p* *p*



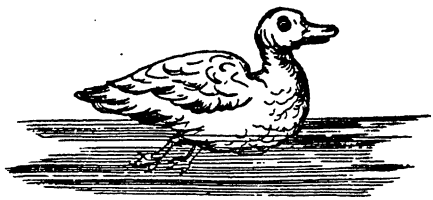
C C c *C* *c* *c*



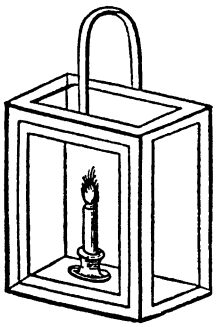
T T T *T* *m* *m*



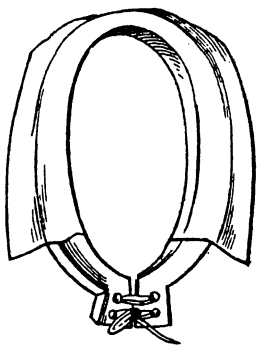
У **У** **у** *У* *у* *у*



Ф **Ф** **ф** *Ф* *ф* *ф*

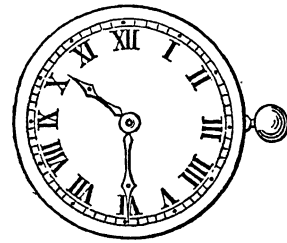


Х **Х** **х** *Х* *х* *х*

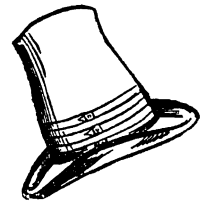


Ц **Ц** **ц** *Ц* *ц* *ц*

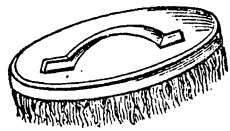
Ч **Ч** **ч** *Ч* *ч* *ч*



Ш **Ш** **ш** *Ш* *ш* *ш*



Щ Щ щ *Щ* *щ* *щ*



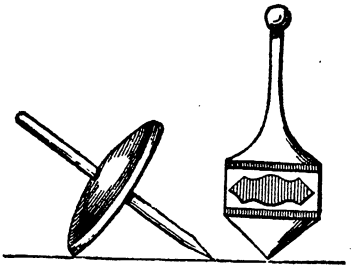
Ъ Ъ ъ *Ъ* *ъ* *ъ*

Ы Ы ы *Ы* *ы* *ы*

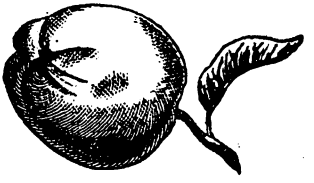
Ь Ь ь *Ь* *ь* *ь*

Э Э э *Э* *э* *э*

Ю Ю ю *Ю* *ю* *ю*



Я Я я *Я* *я* *я*



Ѳ Ѳ ѳ *ѳ* *ѳ* *ѳ*

Ѵ Ѵ ѵ *Ѵ* *ѵ* *ѵ*

II.

БА, ЧА, ГА, МА, КА, ЛА, ВА, СА, ЖА, НА, ЗА, ДА,
БИ, РІ, МИ, ЖІ, ТИ, ЛІ, ФИ, ЗІ, НИ, КІ, ХИ, ЩІ, ЧИ,
БО, МО, ЦО, СО, ЗО, ФО, КО, ДО, ШО, ЧО, ГО, ЛО,
ДУ, ГУ, НУ, ЛУ, БУ, ХУ, ТУ, ДУ, МУ, ПУ, РУ, ЦУ,
ВЫ, ШЫ, ТЫ, ЗЫ, ЦЫ, НЫ, ДЫ, ЧЫ, ЖЫ, ЛЫ, КЫ,
СЮ, ВЮ, ЦЮ, ТЮ, ЛЮ, МЮ, БЮ, ЗЮ, ФЮ, ЩЮ, КЮ,
МЯ, ДЯ, ЧЯ, ЗЯ, ФЯ, СЯ, КЯ, РЯ, БЯ, ЛЯ, ШЯ, ГЯ,
ВЕ, ГЂ, КЕ, ШЂ, НЕ, ВЂ, ПЕ, РЂ, ХЕ, ЩЂ, МЕ, ХЂ,
БЁ, ЖЁ, ЗЁ, ТЁ, РЁ, ДЁ, ЛЁ, НЁ, СЁ, ПЁ, МЁ, ЩЁ.

БЛА, НЛА, МЛА, ВЛА, ПЛА, ЗЛА, ЛЛА, ГЛА, ХЛА,
БЛИ, ПЛІ, РЛИ, НЛІ, СЛИ, ЖЛІ, ЧЛИ, ТЛІ, ЗЛИ, ХЛІ,
БЛО, СЛО, МЛО, ЧЛО, НЛО, ШЛО, КЛО, ЦЛО, ГЛО,
ДЛУ, ГЛУ, НЛУ, ХЛУ, ЗЛУ, ТЛУ, МЛУ, ЩЛУ, КЛУ,
СЛЮ, ВЛЮ, ЦЛЮ, ШЛЮ, ТЛЮ, БЛЮ, ХЛЮ, ДЛЮ, ЗЛЮ,
ВЛЫ, ДЛЫ, ТЛЫ, ЛЛЫ, РЛЫ, СЛЫ, ЧЛЫ, НЛЫ, ФЛЫ,
МЛЯ, СЛЯ, КЛЯ, ФЛЯ, ТЛЯ, РЛЯ, ШЛЯ, ЦЛЯ, ГЛЯ,
БЛЕ, ПЛЂ, ЖЛЕ, ЩЛЂ, ДЛЕ, НЛЂ, ФЛЕ, МЛЂ, ДЛЕ,
БЛЁ, КНЁ, ТЛЁ, КЛЁ, ШНЁ, СЛЁ, ПЛЁ, ФЛЁ, ЖЛЁ,
БРА, ПРА, ВРА, ЧРА, НРА, ХРА, ШРА, ТРА, ФРА,
ГРИ, ЗРИ, ШРИ, МРИ, ПРИ, КРИ, ЦРИ, ДРИ, ЩРИ,
МРО, ПРО, ЦРО, ЧРО, ФРО, ШРО, ДРО, КРО, НРО,

ЗРУ, ПРУ, КРУ, ШРУ, МРУ, ХРУ, ДРУ, ЦРУ, КРУ,
КРЫ, ЦРЫ, СРЫ, НРЫ, ДРЫ, ЗРЫ, ГРЫ, ЦРЫ, ХРЫ,
МРЮ, ДРЮ, ЗРЮ, ТРЮ, ХРЮ, ПРЮ, КРЮ, ЧРЮ, ГРЮ,
НРЯ, ДРЯ, ТРЯ, ЖРЯ, ПРЯ, МРЯ, ЩРЯ, ЖРЯ, ЦРЯ,
ВРЕ, ТРЬ, ПРЕ, ЩРЬ, КРЕ, ШРЬ, ЦРЕ, НРЬ, ЛРЕ,

СБА, СНА, СКА, СТА, СФА, СХА, СЧА, ВТА, ВНА,
ВКА, ВБА, ВЛА, ВЖА, ШТИ, СТИ, СНИ, СПИ, СКИ,
СЛИ, СБИ, ЧКУ, ЦТЫ, КНЮ, КНЯ, ПКЕ, ПШУ, КЩА,
РЦЫ, СДИ, ЗКУ, ЛЗЯ, ЛГУ, СГО, ГНЫ, РФУ, КЛЁ,
ССА, ССЕ, ССИ, ССО, ССЯ, ННА, ННЕ, ННИ, ННО, ННУ,
ННЫ, ЖЖА, ВВА, ДДА, ННУ, ЖЖУ, ССЬ, ДДЬ, ВВУ, ВВЬ,

БСКА, ВЗДЫ, ВДРУ, ВКРИ, ВЗМЫ, ВСТА, ВПРЯ,
ВЗМА, ВДВО, ВСКО, ВЗВО, ДСКО, ДСКА, ДСКИ,
ЖГЛА, ЖГЛО, ЗГНИ, ЗВРЕ, ЗГРИ, ЗДНИ, ЗДРА,
ЗСЧА, ЗГРЬ, ЗГРЫ, ЗДРИ, ЗБРА, КСТА, НСКУ,
НСТА, НСКА, МСТИ, МСТА, МГЛА, МСКА, МСКИ,
ТКНУ, ТКНИ, СГРУ, СТРУ, СТРА, СТНА, СПРА,
СПЛЕ, СТРИ, СПЛА, СКЛА, СБЛИ, СКРИ, СБРА,
СБРО, СПЛЮ, СТРО, СКРЕ, СДРУ, СТВО, СПРЯ,
СТСЯ, СТРЫ, СГРЕ, СКРА, СМРА, СТВО, СТНО,
ЧКВА, РДЦЬ, РСКО, РСТИ, РШКИ, РЧКИ, РМЛЕ,
РСКА, РТВЫ, РТКО, ШТРИ, ШКВО, ШРТИ, ОКНУ,

БСТРО, БЗДНА, ВЗДРА, ВЗГЛЯ, ВЗДВИ, ВЗГРУ,
ВЗДРО, ВСТРУ, ВСТРЬ, ВСТРЁ, ВСТВУ, ВЗХНЫ,
ВСПЛЯ, ЖСТВО, МСТВО, ТСТВО, РСТВО, ДСТВЬ.

БЪ, ВЪ, ШЪ, КЪ, ЗЪ, МЪ, ЦЪ, ДЪ, ХЪ, ГЪ,
ЧЪ, СЪ, ТЪ, ПЪ, РЪ, ЖЪ, ЛЪ, НЪ, ФЪ, ЩЪ,
СРЪ, РХЪ, СКЪ, СХЪ, ШТЪ, ЛПЪ, ЛКЪ, РТЪ,
СПЪ, ФРЪ, КРЪ, ТРЪ, БРЪ, СЛЪ, ФЛЪ, ПРЪ,
БЬ, ВЬ, НЬ, КЬ, ЗЬ, МЬ, НЬ, ШЬ, РЬ, СЬ, ДЬ, ЖЬ,
СТЬ, ЗНЬ, СНЬ, КНЬ, ХНЬ, ШЛЬ, МЛЬ, ПЛЬ, ТРЬ, КТЬ.

ДАЙ, ЧАЙ, САЙ, ФАЙ, МАЙ, РАЙ, БАЙ, ЗАЙ, ЛАЙ,
КЕЙ, МѢЙ, ПЕЙ, ЛѢЙ, БЕЙ, ЧЕЙ, СѢЙ, ВѢЙ ДѢЙ,
нiй, лiй, пiй, фiй, шiй, хiй, мiй, дiй, гiй, кiй,
БОЙ, ВОЙ, ГОЙ, МОЙ, ПОЙ, СТОЙ, РОЙ, ТВОЙ, ТОЙ,
БУЙ, ВУЙ, ДУЙ, ЧУЙ, СУЙ, ФУЙ, РУЙ, МУЙ, КУЙ,
ЛЫЙ, НЫЙ, РЫЙ, ТЫЙ, СЫЙ, ВЫЙ, МЫЙ, ДЫЙ, БЫЙ.

III.

1. ШУ-БА, РУ-КА, ЛЮ-ДИ, ПУ-ЛЯ, ВИ-ЛЫ, ЗИ-МА, ЛИ-ПА, ЗА-РЯ, ДЫ-РА, ВИ-НО, МУ-ХА, РЫ-БА, ТУ-ЧА, КУ-ЧА, БА-НЯ, МУ-КА.

2. ТРА-ВА, СТУ-ЧИ, КРЫ-СА, КЛЮ-ЧИ, БЛЮ-ДО, ТРУ-БА, КРИ-ВА, ГРУ-ША, ГРИ-ВА, ГЛИ-НА, КНИ-ГА, ЦВѢ-ТЫ, КРЫ-ША, БЛИ-НЫ, СПИ-ЦА, ГЛА-ЗА, ГРИ-БЫ, ДВЕ-РИ.

3. НЕ-БО, МО-РЕ, ПЕ-РО, ПѢ-НА, СѢ-НИ, ГО-РЕ, ЩЕ-КА.

4. СТРА-ШНО, СКЛА-ДЫ, ВЗДРО-ГНУ, КСТА-ТИ, ВЗЛѢ-ЗУ, ВСТРѢ-ЧА, ВСКРИ-КНУ.

5. БУ-МА-ГА, СТА-РУ-ХА, КА-РТИ-НА, БУ-ЛА-ВКА, БАШМА-КИ, ДЕ-РЕ-ВНЯ, ЛИ-СИ-ЦА, КРЕ-СТИ-НЫ, КУ-РИ-ЦА, КО-МНА-ТА.

6. Я-МА, И-СКРА, И-ЗБА, У-ЖИ, У-ТКА, У-МНА, О-ВЦЫ, А-ЗБУ-КА, Е-ЛИ, Е-СТЬ, Ѣ-СТЬ, Ё-ЛКА, Ѣ-ЗДА, Е-ЖИ.

7. ВО-Е-ВО-ДА, ЗА-И-КА, ПРІ-Ѣ-ХА-ЛЪ, НА-У-КА, СІ-Я-ЕТЪ.

8. Э-ТО, Э-ТО-ТЪ, Э-ТО-МУ, Э-ТИ, Э-ТУ, Э-ТИ-ХЪ.

9. РО-ТЪ, КО-ТЪ, НО-СЪ, СЛА-ЛЪ, СТА-РЪ, БЫ-ЛЪ, СЫ-НЪ, ЗО-ЛЪ, КУ-ПИ-ТЬ, ТРО-СТЬ, КА-ЗНЬ, РО-ЗНЬ, ПА-СТЬ, МА-СТЬ.

10. ДУ-РНОЙ, ХО-РО-ШІЙ, СТОЙ, ПО-МИ-ЛУЙ, ГУ-СТОЙ.

11. ЗЕ-ЛЁ-НЫЙ, ВЕ-СЁ-ЛЫЙ, ПЁ-СТРЫЙ, А-ЛЁ-ША, ЗА-ПЛЁ-ЛЪ, ЖДЁ-ТЪ.

12. ЖУ-ЖЖА-ТЪ, ВВА-ЛИ-ЛИ, СТРА-ННО, ССО-РА, ПО-ДДА-ВА-ТЬ.

13. ВЪ-Ѣ-ХА-ЛЪ, БОЙ-КА-Я, СЪ-Ѣ-ЛЪ, У-Ѣ-ХА-ТЬ, НАЙ-ДЕ-МЪ, МЕ-НЬ-ШОЙ, И-ЗЪ-Я-НЪ.

а.

На-ши пря-ли, а ва-ши спа-ли.
На нѣ-тъ и су-да нѣ-тъ.

б.

Ба-бу-шкѣ то-ль-ко дѣ-ду-шка не вну-къ.
И-зба крѣ-пка за-по-ро-мъ, а дво-ръ за-бо-ро-мъ.

е.

Не ве-ли-къ све-рчо-къ, да слы-шно кри-чи-тъ.
Не ве-ли-чка ка-пля, а ка-ме-нь до-лби-тъ.
За-ря де-нь-гу да-ё-тъ.

Аа, Бб, Вв, Гг, Дд, Ее, Жж, Зз, Ии, Іі, Кк, Лл, Мм, Нн, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Фф, Хх, Цц, Чч, Шш, Щщ, Ъъ, Ыы, Ьь, Ѣѣ, Ээ, Юю, Яя, Ѳѳ, Ѵѵ.

А. А.

А-збу-ку у-ча-ть, на всю и-збу кри-ча-ть.

А-рши-нъ на су-кно, ве-дро на ви-но.

А-лъ цвѣ-тъ ми-лъ на ве-сь свѣ-тъ.

а.

И пче-*ла* ле-ти-тъ на кр*а*-сный цвѣ-то-къ.

Се-мей-на-я ка-шка гу-ще ки-пи-тъ.

Б. Б.

Бу-*ла*-тъ же-лѣ-зо и ки-се-ль не рѣ-же-тъ.

Бы-ли бы ко-шки, *а* мы-шки бу-ду-тъ.

б.

К*а*-кой па-ле-цъ ни у-ку-си, всё *бо*-ль-но.

В. В.

Во-ро-нъ *за* мо-ре ле-т*а*-лъ, *а* у-мнѣй не ст*а*-лъ.

в.

Не р*а*-зѣ-*вай* рт*а*, му-х*а* не *в*ле-ти-тъ.
У-да-ло-сь че-рвя-ку на вѣ-ку ли-стъ съ-ѣ-сть.

Г. Г.

Глу-пой пти-цѣ *с*вой до-мъ не ми-лъ.

г.

Не *г*о-ды ст*а*-рѣ-ю-тъ — *г*о-ре.
Ка-къ гля-ди-шь, та-къ и ви-ди-шь.

Д. Д.

Два р*а*-з*а* не у-ми-р*а*-ть.

д.

*Гд*ѣ ц*в*ѣ-то-къ, т*а*-мъ и ме-*д*о-къ.
Не бу-де-тъ снѣ-га, не бу-де-тъ и слѣ-да.

Е. Е.

Е-сли и-з*в*ѣ-ри-шь-ся *в*ъ *а*-лты-нѣ, не по-*в*ѣ-ря-тъ и *в*ъ ру-*б*лѣ.

е.

Слѣ-пой щ*е*-но-къ и то-тъ къ м*а*-т*е*-ри лѣ-з*е*-тъ.
На се-рди-ты-хъ во-ду во-зя-тъ.

Ж. ж.

Жа-ли-тъ пчё-лка, *жа*-ль мё-ду.

Же-лѣ-зо-мъ хлѣ-ба до-бы-ва-ю-тъ.

ж.

У кня-*ги*-ни кня-*жа*, у ко-шки ко-тя,—
всё то-*же* ди-тя.

Жи-ли дѣ-ды — не ви-да-ли бѣ-ды, ста-
ли жи-ть вну-ки—на-те-рпѣ-ли-сь
му-ки.

З. з.

Зна-*е*-мъ *са*-ми—кри-*вы* *са*-ни.

Знай све-рчо-къ свой ше-сто-къ.

Зна-е-тъ ко-шка, чь-ё мя-со съ-ѣ-ла.

з.

Лю-*би* *взя*-ть, лю-*би* и *да*-ть.

У стра-ха гла-за ве-ли-ки.

Съ во-за у-па-ло—не сы-ще-шь.

И. и.

И мѣ-ся-цъ *свѣ*-ти-тъ, ко-ль со-лнц*а*
нѣ-тъ.

и.

Въ *те*-мно-тѣ *и* *гни*-лу-шк*а* *свѣ*-*ти*-тъ.

Ди-тя па-да-е-тъ,—а-нге-лъ пе-ри-нку
сте-ле-тъ.

К. К.

Ко-шкѣ *и-гру-шки*, мы-шкѣ слё-*зки*.

Ка-къ во-лка ни ла-скай, онъ всё къ лѣ-су гля-ди-тъ.

к.

Кра-сна пти-ца пе-ро-мъ, че-ло-*вѣ*-*къ* у-мо-мъ.

Л. Л.

Лѣ-то со-*би*-ра-*е*-тъ, *зи*-ма съ-*ѣ*-*да*-*е*тъ.

л.

Съ тѣ-сно-тѣ *лю*-*ди жи*-*ву*-тъ.

У-плы-ли го-ды ка-къ ве-шні-я во-ды.

М. М.

Ма-те-ри-нска-я мо-ли-тва со *дна* мо-ря по-*дни*-ма-*е*-тъ.

Мо-кро-му до-ждь не стра-ше-нъ.

м.

Не рой *дру*-*го*-*му* я-*му*, са-*мъ* у-па-*дё*-шь.

Н. Н.

На чу-*жой зе-млѣ и ве-сна не кра-сна.*

На грѣ-хъ ма-сте-ра нѣ-тъ.

Но-ва-я ме-тла чи-сто ме-тё-тъ.

н.

Ви-на го-ло-ву кло-нитъ.

Ку-да и-го-лка, ту-да и ни-тка.

О. О.

Око *ви-ди-*тъ *да-ле-ко, а мы-сль ещё да-ль-ше.*

Око-ло пчё-лки ме-до-къ.

о.

Жи-лъ бы-лъ мо-ло-де-цъ: до-ма не ви-да-лъ ве-се-лья, у-ше-*лъ на* чу-*жби-ну—за-пла-ка-лъ.*

Не мо-ре то-пи-тъ—лу-жа.

П. П.

Пти-ца не сѣ-е-тъ, не жнё-тъ, а сы-то *жи-вё-тъ.*

По снѣ-гу гри-бы не ищи.

Пра-вду, ка-къ ши-ло въ мѣ-шкѣ, не ута-и-шь.

п.

Въ пу-стой и-збѣ за-мка не на-до.

Ѣха-лъ пря-мо, у-па-лъ въ я-му.

Р. Ꝛ.

Ꝛа-но пта-шка за-пѣ-ла, ка-къ-бы ко-шка не съ-Ѣ-ла.

Ру-би де-ре-во крѢ-пко-е, гни-ло-е са-мо у-па-дё-тъ.

Ры-ба-къ ры-ба-ка ви-ди-тъ и-зда-ле-ка.

р.

Сва-ри-ла бы ка-шу, да ку-ры кру-пу ра-скле-ва-ли.

С. Ꝛ

Ꝛо-ба-ка на сѢ-нѣ ле-жи-тъ, са-ма не Ѣ-стъ и дру-ги-мъ не да-ётъ.

с.

Ꝛча-сть-е бе-зъ у-ма—ды-ря-ва-я су-ма.

Ꝛъ сте-пи про-сто-ръ, въ лѢ-су у-го-дь-е.

Ска-за-нно-е сло-во се-ре-бря-но-е, не-ска-за-нно-е зо-ло-то-е.

Т. Т.

Ти-ше ѣ-де-шь, да-ль-ше бу-де-шь.

Тѣ-хъ-же щей да жи-же влей.

То-нко пря-сть, до-лго жда-ть.

т.

Не ра-бо-та су-ши-тъ — за-бо-та.

Не мо-ре то-пи-тъ, а вѣ-тры.

У. У.

У-мѣй взя-ть, у-мѣй и да-ть.

У се-ми ня-не-къ ди-тя бе-зъ гла-зу.

У-пу-сти-лъ гри-ву, за хво-сть не де-ржи-сь.

у.

О то-мъ ку-кушка и ку-ку-етъ, что гнѣ-зда у ней нѣтъ.

Чу-жа-я бѣ-да не да-ё-тъ у-ма.

Ф. Ѳ.

Ѳу-нта-ми пу-ды, ко-пѣй-ка-ми ру-бли.

Фи-ли-пъ къ пе-чкѣ при-ли-пъ.

ф.

Мы *ро-дня: на ва-шей ба-бу-шкѣ са-ра-фа-нъ го-рѣ-лъ, на-шъ дѣ-ду-шка ру-ки грѣ-лъ.*

Х. Х.

Ху-до-е де-ре-во въ су-къ ра-стё-тъ.

Хо-ди-тъ Зи-ня ро-тъ ра-зи-ня.

Хо-че-шь ѣ-сть ка-ла-чи, не си-ди на пе-чи.

х.

У стра-ха гла-за ве-ли-ки.

Дво-е плѣ-ши-вы-хъ за гре-бе-нь дра-ли-сь.

Ц. Ц.

Ца-ря не всѣ ви-дя-тъ, а всѣ зна-ю-тъ.

До Ца-ря да-лё-ко, до Бо-га вы-со-ко.

ц.

Это то-ль-ко цвѣ-то-чки, а я-го-ды впе-ре-ди.

Вый-де-тъ кра-сно со-лнце, уй-дё-тъ свѣ-те-лъ мѣ-ся-цъ.

Ч. Ч.

Чу-жа-я ду-ша те-мна.

Чѣ-мъ у-ши-бё-шь-ся, тѣ-мъ и лѣ-чи-сь.

ч.

Той-же му-чки, да не тѣ-же ру-чки.

У ре-бя-тъ да у зай-ча-тъ по два зу-ба.

Уче-нь-е свѣ-тъ, не-у-че-нь-е—ть-ма.

Ш. ш.

Ше-лу-ди-вый ба-ра-нъ всё ста-до по-рти-тъ.

Ши-ла въ мѣ-шкѣ не у-та-и-шь.

ш.

Фу-чка бѣ-ле-нь-ка, ду-шa че-рне-нь-ка.

Ко-ша-чь-и-мъ гла-за-мъ ды-мъ не стра-ше-нъ.

Щ. щ.

Ще-но-къ ла-е-тъ, у ста-рши-хъ слы-шu-тъ.

Щу-ка у-ме-рла, да зу-бы цѣ-лы.

Ще-рби-на въ но-жѣ, ще-ти-на въ е-жѣ.

щ.

Въ ра-до-сти сы-щу-тъ, въ го-рѣ за-бу-ду-тъ.

Вся-ка-я ще-ль пи-щи-тъ.

Не бе-ри го-рсткой, а бе-ри ще-по-ткой.

Что-то въ лѣ-су пи-щи-тъ, — во-лкъ ба-ра-на та-щи-тъ.

ъ.

Фу-ка ру-ку мо-е-тъ и о-бѣ бѣ-лы жи-ву-тъ.

Дѣ-ло у-чи-тъ и му-чи-тъ, и ко-рми-тъ.

ы.

Не ста-рый у-ми-ра-е-тъ, а по-спѣ-лый.

Съ мо-ло-ду ды-рка, а по-дъ ста-ро-сть ды-ра.

ъ.

Ло-ко-ть бли-зо-къ, да не у-ку-си-шь.

Въ чу-жі-я са-ни не са-ди-сь.

За-цѣ-пи-лся за пе-нь и ста-лъ на ве-сь де-нь.

Бѣ-дно-сть у-чи-тъ, сча-сть-е по-рти-тъ.

Ѣ. ѣ.

Ѣ-де-шь на де-нь, бе-ри хлѣ-ба на не-дѣ-лю.

Ѣ-ду—не сви-щу, а на-Ѣ-ду—не спу-щу.

ѣ.

Въ-къ пе-ре-жи-ть—не по-ле пе-рей-ти.

Въ дру-гѣ стрѣ-ла ка-къ въ пнѣ.

Э. э.

Э-хъ-ма! ка-бы да по-лна-я су-ма!

Э-ту пѣ-се-нку ты ду-рно спѣ-лъ.

Ю. Ю.

Ю-но-сть не грѣ-хъ, ста-ро-сть не смѣ-хъ.

Ю-но-ши ду-ма-ю-тъ о бу-ду-ще-мъ, ста-ри-ки о про-ше-дше-мъ.

ю.

Не лю-бо не слу-шай, лга-тъ не мѣ-шай.

Му-ра-вей не по се-бѣ но-шу та-щи-тъ, ни-кто спа-си-бо не ска-же-тъ, а пче-ла ме-нь-ше но-си-тъ да Бо-гу и лю-дя-мъ ми-ла.

Я. Я.

Я-рко сло-во смя-ща-е-тъ се-рдце.

Я-ркі-я звѣ-зды къ хо-ло-ду.

я.

Бу-шка ба-ра-нъ, не гу-ляй по лѣ-са-мъ; у-бъ-ю-тъ те-бя, не пѣ-няй на ме-ня.

Ка-пля ма-ла, а ка-пля-ми мо-ре.

Ло-мя-тъ ко-сти, не и-ду въ го-сти.

IV.

О въ *А*

Воронѣ соколомъ не быть.

Воронъ ворону глаза не выклюнетъ.

Воровъ въ лѣсу ловили, а они въ домѣ были. Воръ, что заяцъ—и тѣни своей боится.

Одну половину прожили и другую проживёмъ.

Пропали деньги у мужика, и не могли найти вора. Когда собрались всѣ мужики, староста закричалъ: „братцы, пожаръ! на ворѣ шапка горитъ“. Одинъ мужикъ схватился за шапку. И всѣ узнали, что онъ былъ воръ.

Государственная БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. Ленина

Была одна сильная, злая собака. Она грызла всѣхъ собакъ, кромѣ двухъ; она не грызла маленькаго щенка и большаго волкодава.

Булатъ желѣзо и кисель не рѣжетъ.

Загадки.

На дворѣ горой, а въ избѣ водой. (Снѣгъ).

Лежитъ — ниже кота, встанетъ — выше коня. (Дуга).

Идётъ лѣсомъ—не треснетъ, идётъ плёсомъ—не плеснетъ. (Мѣсяцъ).

Б въ *П*

Не то бѣды, что родился не хлѣбъ, а лебеда, а то бѣды, что ни хлѣба, ни лебеды.

Хлѣба ни куска, такъ въ теремѣ тоска.

Грибы ищутъ, по лѣсу рыщутъ.

Мальчикъ набралъ грибовъ; ему тяжело было нести, и онъ оставилъ ихъ въ лѣсу. На зарѣ онъ пошелъ взять ихъ. Грибы унесли.

Наши лепёшки поѣли кошки.

Мальчикъ катался на льду и расшибъ носъ. Безъ костей и рыбки не съѣшь.

Загадки.

Самъ дубовый, поясъ вязовый, носъ липовый. (Бочка).

Маленекъ, удаленекъ, сквозь землю прошелъ, красну шапочку нашелъ. (Грибъ).

В въ *Ф.*

Молодецъ на овецъ, а на молодца и сама овца.

Овечку стригутъ, а другая тогоже жди.

Левъ страшно, обезьяна смѣшно.

Льва соннаго не буди.

Гладкая головка — отцу-матери не кормилецъ.

Одна голова не бѣдна, а бѣдна, такъ одна.

Волкъ съѣлъ овцу; охотники поймали волка и стали его бить. Волкъ сказалъ: „напрасно вы меня бьёте: я не виноватъ, что сѣръ; меня такимъ Богъ сдѣлалъ“. А охотники сказали:

„Не за то бьютъ волка, что сѣръ, а за то, что овцу съѣлъ“.

Загадки.

Маленькій Ерофейка, подпоясанъ коротенько, по полу скокъ-скокъ, по лавкамъ скокъ-скокъ, и сѣлъ въ уголокъ. (Вѣникъ).

Братъ брата трётъ, бѣлая кровь идетъ. (Жернова и мука).

З въ *С*.

Возъ подъ горою, возжи упали.

Что съ воза упало, то пропало.

Десять разъ примѣрь, одинъ разъ отрѣжь.

Съ разу всему не научишься.

Кошкѣ игрушки, мышкѣ слезки.

Слеза скоро сохнетъ.

Мужикъ сталъ спускать возъ подъ гору и замоталъ крѣпко вожжи на руку. Вожжи остались въ рукахъ, возъ укатился подъ гору.

Одинъ разъ два мужика ѣхали на встрѣчу и зацѣпились санями. Одинъ кричитъ: „Посторонись, мнѣ скорѣе въ городъ надо“, а другой говоритъ: „Ты посторонись, мнѣ скорѣе домой надо“. Они долго спорили. Третій мужикъ увидалъ и сказалъ: „Если вамъ скоро надо, такъ осадите назадъ“.

Загадки.

Безъ ногъ, безъ рукъ, рубашки проситъ. (Подушка).

Дѣдушка безъ топора мостъ моститъ. (Морозъ).

Г въ *Х*.

Голенькій охъ, а за голенькимъ Богъ.

На Бога надѣйся, самъ не плошай.

Богатому какъ хочется, убогому какъ можется.

Богатому жаль корабля, убогому — костыля.

Плыли рыбаки на лодкѣ; поднялась буря. Они бросили вёсла и стали креститься, а лодку подхватило вѣтромъ и

отнесло дальше отъ берега. *Богу молись, а къ берегу гребись.*

Внизу жилъ бѣдный сапожникъ, а вверху богатый баринъ. Сапожникъ мѣшалъ спать барину: всё пѣлъ пѣсни. Баринъ далъ сапожнику мѣшокъ денегъ: сапожникъ сталъ богатъ и пересталъ пѣть: всё караулилъ свои деньги. *Богатъ ждётъ пакости, а убогъ радости.*

Загадки.

Точимъ скатерти бранныя, ставимъ яства сахарныя, людямъ на потребу, Богу на угоду. (Пчёлы, воскъ, мёдъ).

Летитъ звѣрокъ черезъ Божій до-

мокъ, летитъ говоритъ: моя сила горитъ. (Пчела).

Г въ *К*

Старый другъ лучше новыхъ двухъ.

Другу сколько можно помогай.

Съѣлъ-бы пирогъ, да въ печи сжёгъ.

Пирога ждать—не ѣвши спать.

Порогъ поскребла, пирогъ испекла.

Безъ Бога ни до порога, а съ нимъ хошь за море.

Неизвѣданный другъ нехорошъ для услугъ.

Друга ищи, а найдёшь—береги.

Знаючи недруга, не зови на пиръ.

Два охотника пошли въ лѣсъ за медвѣжатами. Одинъ полѣзъ въ оврагъ

къ берлогѣ и кричитъ оттуда: „Я медвѣдя поймалъ!“ „Веди сюда!“ „Да нейдетъ.“ „Такъ самъ иди!“ „Да не пускаетъ.“

У одной барыни была собачёнка небольше крысы. Когда кто-нибудь входилъ къ барынѣ, собачёнка бросалась грызть, но она не могла достать выше сапогъ, а сапога прокусить не могла.

Бодливой коровѣ Богъ рогъ не даётъ.

Загадки.

Вокругъ поля достанутъ, а вокругъ головы не достанутъ. (Глаза).

Безъ крылъ летитъ, безъ ногъ бѣжитъ, безъ огня горитъ, безъ ранъ болитъ. (Вѣтеръ, тучи, солнце, сердце).

Ч въ Ш

Скучно жить Афонюшкѣ на чужой сторонушкѣ.

Скученъ день до вечера, коли дѣлать нечего.

Не скучай работой, а скучай заботой.

Одинъ ученикъ просилъ книгу; ему дали. Онъ сказалъ: „непонятна!“ Ему дали другую. Онъ сказалъ: „скучно!“ Дали бабѣ холстъ, она говоритъ: толстъ; дали бабѣ потонѣ,—говоритъ: дай болѣ!

Мужикъ сѣялъ пашню и пропустилъ одно мѣсто. Когда выросла рожь, обсѣвокъ сталъ видѣнъ. Бабы стали жать рожь и обошли кругомъ обсѣвокъ. А

обсѣвокъ жаловался и говорилъ: „За что меня бабы обошли?“

Загадки.

Что краше свѣта, что выше лѣса, что чаще лѣса, что безъ кореньевъ, что безъизвѣстно?

Краше свѣта — красно солнце,

Выше лѣса — свѣтелъ мѣсяцъ,

Чаще лѣса — часты звѣзды,

Безъ коренья — тяжелъ камень,

Безъизвѣстна — Божья воля.

Д въ *Т*.

Радъ-бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ.

Рада-бы курица на свадьбу не идти, да за крыло волокутъ.

Трудъ человѣка кормитъ.

Труды Богъ любитъ.

Одинъ бѣднякъ поѣхалъ въ городъ и зашелъ въ гости; лошадь его увели воры. *Изъ худаго кармана послѣдній грошъ валится.*

Загадки.

Разсыпался горохъ на четырнадцать дорогъ. (Народъ изъ церкви).

Сѣмя плоско, поле гладко, кто умѣетъ, тотъ и сѣетъ. (Письмо).

Два конца, два кольца,—въ серединѣ гвоздь. (Ножницы).

Я въ *Е*.

Тяжело противъ воды плыть.

Тяжко жить одному на свѣтѣ.

Языкъ не лопатка, знаетъ что сладко.

Языкъ голову кормитъ, онъ-же и губитъ.

Волкъ унёсъ ягнёнка; лисица стала его уговаривать. Волкъ съѣлъ ягнёнка и говоритъ: „вотъ я пожалѣлъ его, оставилъ кости да кожу“.

Загадки.

У двухъ матерей по пяти сыновей. (Руки).

Всякому мальчику по чуланчику. (Перчатка).

Въ тѣсной избушкѣ ткутъ холсты старушки. (Пчёлы).

Ж въ *Ш*

Ложкой кормитъ, стеблёмъ глазъ колетъ.

Одинъ горшокъ, а много ложекъ.

Мужъ глава, жена душа.

Не во всякомъ камнѣ искра, не во всякомъ мужѣ правда.

Одинъ человѣкъ увидалъ во снѣ много киселя, да нечѣмъ было его ѣсть. На другую ночь онъ лёгъ спать и положилъ съ собою ложку, но кисель уже ему не приснился.

Загадки.

Два брюшка, четыре рожка. (Подушка).

Чёрненька собачка свернувшись лежитъ; не лаетъ, не кусаетъ, а въ домъ не пускаетъ. (Замокъ).

ТСЯ и *ТЬСЯ* въ *ЦА*

Люди надѣются (ца) до самой (а) смерти.

Бабы въ полѣ сѣютъ,

На Бога ся (себя) надѣютъ.

Волки и злые люди ходятъ и озираются (а, ца).

Бѣдный часто ся (себя) озираетъ (а), хоть его (в) и не кличутъ.

Отъ чего (А, в) трудно учиться (ца) и всякую работу дѣлать?

Мельница не по (а) вѣтру, а противъ вѣтра (и) мелетъ.

Мать отдавала (а) дочь замужъ (ш) и приказывала (ца) ей слушаться всѣхъ въ мужниномъ (ца) домѣ и обо всёмъ спрашиваться.

Поутру свекровь послала молодайку за водой; молодка спросила: въ чёмъ носить воду? Невѣстка на смѣхъ сказала: рѣшетомъ. Молодка взяла рѣшето и пошла за водой. Мужикъ увидалъ, и спросилъ, зачѣмъ она такъ дѣлаетъ? „Мнѣ такъ велѣли“. — Ну, видно добрыхъ людей слушаться, — рѣшетомъ воду носить.

Загадки.

Кланяется, кланяется, придётъ домой — растянется. (Топоръ).

Два брата глядятся, а вмѣстѣ не сойдутся. (Полъ и потолокъ).

Безъ рукъ, безъ ногъ подъ окномъ стучится, — въ домъ просится. (Вѣтеръ).

К въ *Х*.

И Богъ на того, кто обидитъ кого. Никто не можетъ, такъ Богъ поможетъ.

У кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ.

Два человѣка на улицѣ нашли вмѣстѣ книгу и стали о ней спорить. Третій спросилъ: „Кто изъ васъ грамотный?“ Они сказали: „Никто, оба неграмотные.“ *Два плѣшивыхъ за гребень дерутся.*

Загадки.

Сидитъ баба на грядкахъ, вся въ заплаткахъ; кто взглянетъ, тотъ заплачетъ. (Луковица).

Семьдесятъ одёжекъ, всѣ безъ застёжекъ. (Капуста).

Г въ *В*.

Виноватаго кровь — вода, а невиновнаго — бѣда.

Вздулся какъ пузырь дождевой и сталъ — ничего.

На деревнѣ умеръ мальчикъ; мать его плакала, а на улицѣ пѣли пѣсни. *Лѣсъ по дереву не плачетъ.*

Пріѣхалъ купецъ на постоялый дворъ и спросилъ обѣдать. Хозяйка расказывала, какіе къ ней заѣзжаютъ купцы, а обѣдать не собирала. *Есть что слушать, да нечего кушать.*

Загадки.

Живой мёртваго бьётъ, а мёртвый во всю глотку орётъ. (Колоколъ).

Летѣлъ жукъ и шумѣлъ: *убью, убью;* гусь спросилъ: *кого, кого?* Телёнокъ сказалъ: *меня, меня,* а уточка говоритъ: *такъ, такъ....*

А въ *О*.

Не ищи большаго, потеряешь малое.

Больнаго волка на овцу станетъ.

У богатаго мужика борода расчёсана лопатой, а у бѣднаго клиномъ. Богатый говоритъ: Иванъ мнѣ долженъ, и расправитъ бороду въ одну сторону; и Петръ мнѣ долженъ, и расправитъ

бороду въ другую сторону. А бѣдный говоритъ: „и я ему долженъ“, и соберётъ всю бороду въ горсть.

Загадки:

Стоитъ въ полѣ столбъ; этого столба ни перейти, ни переѣхать; хлѣбомъ не отманить, деньгами не откупить. (Смерть).

Летитъ—воетъ, сядетъ—землю роетъ. (Жукъ).

С въ *З*.

Сдѣлайся богатъ, друзья будутъ.

Содѣлавши добро, — не кайся. Съ чѣмъ въ колыбельку, съ тѣмъ и въ могилку.

Съ дуру, что съ дубу. Съ умнымъ найти, съ дуракомъ—потерять.

Съ глупымъ водиться, самъ поглупѣешь.

Мужикъ увидалъ — по рѣкѣ плывётъ бревно. Онъ сталъ съ берега топоромъ доставать его. Топоръ зацѣпился за бревно и вырвался изъ руки. *Погнался за топорищемъ, упустилъ топоръ.*

Старикъ сажалъ яблони. Ему сказали: ты не дождёшься съ нихъ яблокъ. *И пчела не на себя работаетъ.*

Загадки.

Съ году на годъ беззубая старушка Маврушка кости жуётъ. (Мялка, чёмъ лёнъ мнутъ).

Катились каточки по ясному мосточку, увидали зарю — пали въ воды. (Звѣзды).

И въ *Ы.*

Жили дѣды, не видали бѣды; стали жить внуки, натерпѣлись муки.

Жидъ крещёный, конь лечёный, недругъ примирёный.

Одинъ человѣкъ много про себя разсказывалъ. Кто бы дятла зналъ, кабы носомъ не стучалъ.

Работникъ сталъ бранить хозяина. *И собака не лаетъ на того, чей хлѣбъ ѣстъ.*

Загадки.

Не живой, а дышетъ. (Квашня).

Безъ огня горитъ, безъ ногъ бѣжитъ, безъ крылъ летитъ. (Солнце, тучи, вѣтеръ).

Молодъ былъ — въ четыре дудки игралъ, старъ сталъ — землю поднялъ. (Быкъ).

ІЙ въ *ОЙ*

Тихій возъ будетъ на горѣ.

Короткій счётъ, длинная дружба.

Прытній набѣжитъ, а на тихаго Богъ нанесётъ.

Мышь вскочила въ узкій кувшинъ, не могла изъ него выскочить и закричала: „пусти“!

Къ бѣдному мужику въ домъ пришелъ жалкій нищій. У бабы былъ

только одинъ хлѣбъ; она отдала половину нищему. Когда она вышла на дворъ, то увидала на верейкѣ (*) сидитъ рой; баба огребла его и у ней повелись пчелы. Дай въ окно, Богъ дастъ въ подворотню.

Загадки.

Маленькій, кругленькій, а за хвостъ не поймаешь. (Клубокъ).

Маленькій Данилка въ петелькѣ удавился. (Пуговка.)

Синенька маленька, скачетъ—всѣхъ людей краситъ. (Иголка)

Скоро ѣстъ, мелко жуётъ, сама не ѣстъ, другимъ не даётъ (Пила).

(*) Воротный столбъ.

А въ *Е*

Жалѣть мѣшка, не завесть дружка.

Жаль молока — не видать кошки.

Овцы ходили подъ лѣсомъ; два ягнёнка отбѣжали отъ стада. Старая овца сказала: „Не шалите ягнята, дошалитесь до бѣды.“ А волкъ стоялъ за кустомъ и сказалъ: „Не вѣрьте, ягнята, старой овцѣ; она говоритъ такъ потому, что у нея ноги неходятъ отъ старости и ей завидно. Зачѣмъ вамъ скучать? — бѣгайте больше.“ Ягнята послушали волка и побѣжали, а волкъ поймалъ ихъ и зарѣзалъ. Шаловливая овца волку корысть.

Загадки:

Не шагаетъ, а ходитъ. (Дверь).

Одинъ говоритъ: „побѣжимъ, побѣжимъ;“ другой говоритъ: „постоимъ, постоимъ“, третій говоритъ: пошатаемся, пошатаемся. (Рѣка, берега и трава).

ЫЙ въ *ОЙ*.

Счастливый пойдётъ—кладъ найдётъ, безсчастный и гриба не сыщетъ.

Счастливой собакѣ и хозяина не нужно.

Хозяинъ хотѣлъ вывести въ своемъ огородѣ репейники и каждый день ходилъ ихъ выкапывать; но каждый разъ, какъ онъ работалъ въ репейникахъ, репьи цѣплялись къ его платью, и когда

онъ отцѣплялъ ихъ и бросалъ на земь, на томъ мѣстѣ, куда онъ бросалъ старый репейникъ—выросталъ новый.

Загадки.

Быкъ желѣзный, хвостъ кудельный. (Иголка съ нитками).

Бѣлый лебедь на яицахъ сидитъ. (Снѣгъ).

ІЙ въ *ЕЙ*.

Хорошій товаръ самъ себя хвалитъ.

Хорошей хозяйкой домъ стоитъ.

На вдовій дворъ хоть щепку кинь.

Вдовьей участи не завидуй.

Два рыбака тянули неводъ. Когда стало тяжело, одинъ остановился и сказалъ, что неводъ не хорошій; другой

остановился и сказалъ: „неводъ хорошій, но грузъ лишній“. Третій сказалъ: „Послѣ разсудимъ; а теперь тащить надо“. *За споромъ дѣло стало.*

Загадки.

Синій цвѣточекъ, малъ малышочекъ;
Мясо бросятъ, а шкурку износятъ;
Въ землю малый ушелъ, въ синей шапкѣ пришелъ. (Лёнъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Муравей и голубка.

Муравей спустился къ ручью: захотѣлъ напиться. Волна захлеснула его и чуть не потопила. Голубка несла вѣтку; она увидала—муравей тонетъ, и бросила ему вѣтку въ ручей. Муравей сѣлъ на вѣтку и спасся. Потомъ охотникъ разставилъ сѣть на голубку и хотѣлъ захлопнуть. Муравей подползъ къ охотнику и укусилъ его за ногу; охотникъ охнулъ и уронилъ сѣть. Голубка вспорхнула и улетѣла.

Черепаха и орёлъ.

Черепаха просила орла, чтобы научилъ её летать. Орёлъ не совѣтовалъ, потому что ей не пристало; а она пуще

просила. Орёлъ взялъ её въ когти, поднялъ вверхъ и пустилъ: она упала на камни и разбилась.

Голова и хвостъ змѣи.

Змѣиный хвостъ заспорилъ съ змѣиной головой о томъ, кому ходить впереди? Голова сказала: „ты не можешь ходить передомъ, у тебя нѣтъ глазъ и ушей“. Хвостъ сказалъ: „а за то во мнѣ сила, я тебя двигаю; если захочу, да обернусь вокругъ дерева, ты съ мѣста не тронешься. Голова сказала: „разойдёмся!“

И хвостъ оторвался отъ головы и поползъ впередъ. Но только что онъ отползъ отъ головы, попалъ въ трещину и провалился.

Хорёкъ.

Хорёкъ зашелъ къ мѣднику и сталъ лизать подпилокъ. Изъ языка пошла кровь, а хорёкъ радовался, лизалъ,— думалъ, что изъ желѣза кровь идётъ, и погубилъ весь языкъ.

Тонкія нитки.

*О*динъ челов*ѣ*къ заказалъ пряхѣ тонкія нитки. Пряха спряла тонкія нитки, но челов*ѣ*къ сказалъ, *что* нитки не хор*о*ши и *что* ему нужны нитки самыя тонкія. Пряха сказала: „если тебѣ эти не тонки, такъ вотъ тебѣ другія“; и *о*на п*о*казала на пустое м*ѣ*сто. Онъ сказалъ, *что* не видитъ. Пряха сказала: „*отто*го и не видишь, *что о*нѣ очень тонки; я и сама не вижу“.

Дуракъ *о*брадов*а*лся и заказалъ себѣ ещё такихъ нит*о*къ, а за эти заплатилъ деньги.

Лев*ъ* и мышь.

Лев*ъ* спалъ. Мышь пр*о*б*ѣ*жала ему п*о* т*ѣ*лу. Онъ пр*о*снулся и п*о*ймалъ её. Мышь стала *о*тмаливат*ь*ся; *о*на сказала: пустишь и я тебя п*о*милую“ Левъ засм*ѣ*ялся, *что* мышь *о*б*ѣ*щаетъ ему мил*о*сть, и пустилъ её.

П*о*томъ *о*хотники п*о*ймали льва и привязали верёвкой къ дереву. Мышь услыхала львиный рев*ъ*, приб*ѣ*жала,

перегрызла верёвку и сказала: „помнишь, ты смѣялся, не думалъ, чтобы отъ меня пришла отплата, а теперь видишь, — живётъ и отъ мыши милость“.

Обезьяна.

Одинъ человѣкъ пошелъ въ лѣсъ, срубилъ дерево и сталъ распиливать. Онъ поднялъ конецъ дерева на пень, сѣлъ верхомъ и сталъ пилить. Потомъ онъ забилъ клинъ въ распиленное мѣсто и сталъ пилить дальше, потомъ вынулъ клинъ и переложилъ еще дальше.

Обезьяна сидѣла на деревѣ и смотрѣла. Когда человѣкъ лёгъ спать, обезьяна сѣла верхомъ на дерево и хотѣла тоже дѣлать; но, когда она вынула клинъ, дерево сжалось и прищемило ей хвостъ. Она стала рваться и кричать. Человѣкъ проснулся, прибилъ обезьяну и привязалъ на верёвку.

Лгунъ.

Мальчикъ стерёгъ овецъ и будто увидалъ волка, сталъ звать: „помогите,

волкъ! волкъ!“ Мужики прибѣжали и видятъ: неправда. Какъ сдѣлалъ онъ такъ и два и три раза, случилось — и вправду набѣжалъ волкъ. Мальчикъ сталъ кричать: „сюда, сюда, скорѣй, волкъ!“ Мужики подумали, что опять по всегдашнему обманываетъ, — не послушали его. Волкъ видитъ, бояться нечего: на просторѣ перерѣзалъ всё стадо.

Оселъ и лошадь.

У одного человѣка былъ осёлъ и лошадь. Шли они по дорогѣ; осёлъ сказалъ лошади: „мнѣ тяжело, не дотащу я всего; возьми съ меня хоть немного“. Лошадь не послушалась. Осёлъ упалъ отъ натуги и умеръ. Хозяинъ какъ наложилъ всё съ осла на лошадь, да еще и шкуру ослиную, лошадь и взвыла: „охъ, горе мнѣ бѣдной, горюшко мнѣ несчастной! Не хотѣла я немножко ему подсобить, теперь вотъ всё тащу, да ещё и шкуру“.

Галка и голуби.

Галка увидала, что голубей хорошо кормятъ,—выбѣлилась и влетѣла въ голубятню. Голуби подумали сперва, что она такой-же голубь, и пустили её. Но галка забыла и закричала по галчьи. Тогда её голуби стали клевать и прогнали. Галка полетѣла назадъ къ своимъ, но галки испугались, что она бѣлая и тоже прогнали.

Баба и курица.

Одна курица несла каждый день по яичку. Хозяйка подумала, что если больше давать корму, она вдвое будетъ нестись. Такъ и сдѣлала. Курица зажирѣла и перестала нестись.

Дележъ наслѣдства.

У одного отца было два сына. Онъ сказалъ имъ: „умру, — раздѣлите всё пополамъ“. Когда отецъ умеръ, сыновья не могли раздѣлиться безъ спора. Они пошли судиться къ сосѣду. Сосѣдъ спросилъ, какъ отецъ велѣлъ имъ дѣлиться. Они сказали: онъ велѣлъ дѣ-

лить всё пополамъ". Сосѣдъ сказалъ: „такъ разорвите пополамъ всѣ платья, разбейте пополамъ всю посуду и пополамъ разрѣжьте всю скотину". Братья послушали сосѣда и у нихъ ничего не осталось.

Левъ, медвѣдь и лисица.

Левъ и медвѣдь добыли мяса и стали за него драться. Медвѣдь не хотѣлъ уступить и левъ не уступалъ. Они такъ долго бились, что ослабѣли оба и легли. Лисица увидала промежь ихъ мясо, подхватила его и убѣжала.

Собака, пѣтухъ и лисица.

Собака и пѣтухъ пошли въ товарищахъ странствовать. Ввечеру пѣтухъ уснулъ на деревѣ, а собака пристроилась у того-же дерева промежь корней. Какъ пришло время, пѣтухъ запѣлъ. Лисица услыхала пѣтуха, прибѣжала и стала снизу просить, чтобы онъ сошелъ къ ней, будто ей хочется оказать почтенье ему за то, что у него голосъ хорошъ. Пѣтухъ сказалъ: „надо

прежде разбудить дворника, онъ спитъ промежъ кореньевъ. Пусть отопрётъ, тогда я сойду". Лисица стала искать дворника и забрехала. Собака живо вскочила и задушила лисицу.

Лошадь и конюхъ.

Конюхъ кралъ у лошади овёсъ и продавалъ, а лошадь каждый день чистилъ. Лошадь и говоритъ: „если вправду хочешь, чтобъ я была хороша,—овёсъ мой не продавай".

Лягушка и левъ.

Левъ услыхалъ — лягушка громко квакаетъ и подумалъ, что большой звѣрь такъ громко кричитъ. Онъ подождалъ немного, видитъ — вышла лягушка изъ болота. Левъ раздавилъ ее лапой и сказалъ: „глядѣть не на что, а я испугался".

Обезьяна и горохъ.

Обезьяна несла двѣ полныя горсти гороху. Выскочила одна горошинка; обезьяна хотѣла поднять и просыпала

двадцать горошинокъ. Она бросилась поднимать и просыпала всѣ. Тогда она разсердилась, разметала весь горохъ и убѣжала.

Дойная корова.

У одного человѣка была корова; она давала каждый день горшокъ молока. Человѣкъ позвалъ гостей. Чтобы набрать больше молока, онъ десять дней не доилъ коровы. Онъ думалъ, что на десятый день корова дастъ ему десять кувшиновъ молока.

Но въ коровѣ перегорѣло молоко, и она дала меньше молока, чѣмъ прежде.

Стрекоза и муравьи.

Осенью у муравьёвъ подмокла пшеница; они её сушили. Голодная стрекоза попросила у нихъ корму. Муравьи сказали: „что жъ-ты лѣтомъ не собрала корму?“ Она сказала: „недосугъ было: пѣсни пѣла“. Они засмѣялись и говорятъ: „если лѣтомъ играла, зимой пляши“.

Курица и золотыя яица.

У одного хозяина курица несла золотыя яица. Ему захотѣлось сразу побольше золота, и онъ убилъ курицу (онъ думалъ, что внутри ея большой комъ золота), а она была такая-же, какъ и всѣ курицы.

Волкъ и старуха.

Голодный волкъ разыскивалъ добычу. На краю деревни онъ услыхалъ въ избѣ плачетъ мальчикъ и старуха говоритъ:

— Не перестанешь плакать, я тебя волку отдамъ.

Волкъ не пошёлъ дальше и сталъ дожидаться, когда ему отдадутъ мальчика. Вотъ пришла ночь; онъ всё ждётъ и слышитъ—старуха опять приговариваетъ:

— Не плачь, дитятко; не отдамъ тебя волку; только приди волкъ, убьёмъ его.

Волкъ и подумалъ: видно тутъ говорятъ одно, а дѣлаютъ другое; и пошёлъ прочь отъ деревни.

Ученый сынъ.

Сынъ пріѣхалъ изъ города къ отцу въ деревню. Отецъ сказалъ: „нынче покосъ, возьми грабли и пойдёмъ, пособи мнѣ“. А сыну не хотѣлось работать, онъ и говоритъ: „я учился наукамъ, а всѣ мужицкія слова забылъ; что такое грабли?“ Только онъ пошёлъ по двору, наступилъ на грабли; они его ударили въ лобъ. Тогда онъ и вспомнилъ, что такое грабли, хватился за лобъ и говоритъ: „и что за дуракъ тутъ *грабли* бросилъ!“

Мужикъ и лошадь.

Поѣхалъ мужикъ въ городъ за овсомъ для лошади. Только что выѣхалъ изъ деревни, лошадь стала заворачивать назадъ къ дому. Мужикъ ударилъ лошадь кнутомъ. Она пошла и думаетъ про мужика: „куда онъ, дуракъ, меня гонитъ; лучше бы домой“. Не доѣзжая до города, мужикъ видитъ, что лошади тяжело по грязи, своротилъ на мостовую; а лошадь воротитъ прочь отъ мостовой. Мужикъ ударилъ

кнутомъ и дёрнулъ лошадь; она пошла на мостовую и думаетъ: „зачѣмъ онъ меня повернулъ на мостовую, только копыта обломаешь. Тутъ подъ ногами жёстко“.

Мужикъ подъѣхалъ къ лавкѣ, купилъ овса, и поѣхалъ домой. Когда пріѣхалъ домой, далъ лошади овса. Лошадь стала ѣсть и думаетъ: „какіе люди глупые! только любятъ надъ нами умничать, а ума у нихъ меньше нашего. О чёмъ онъ хлопоталъ? Куда-то ѣздилъ и гонялъ меня. Сколько мы ни ѣздили, а вернулись же домой. Лучше бы съ самаго начала оставаться намъ съ нимъ дома; онъ бы сидѣлъ на печи, а я бы ѣла овёсъ“.

II.

Море.

Море широко и глубоко; конца морю не видно. Въ морѣ солнце встаётъ и въ морѣ садится. Дна моря никто не досталъ и не знаетъ. Когда вѣтра нѣтъ, море сине и гладко; когда подуетъ вѣтеръ, море всколыхается и станетъ неровно. Подымутся по морю волны; одна волна догоняетъ другую; онѣ сходятся, сталкиваются и съ нихъ брызжетъ бѣлая пѣна. Тогда корабли волнами кидаетъ, какъ щепки. *Кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался.*

Слѣпой и глухой.

Слѣпой и глухой пошли въ чужое поле за горохомъ. Глухой сказалъ слѣпому: „ты слушай и мнѣ сказывай, а я буду смотрѣть—тебѣ скажу“

Вотъ они зашли въ горохъ и сѣли. Слѣпой ощупалъ горохъ и говоритъ: „стручистъ.“ А глухой говоритъ: „гдѣ стучитъ?“ Слѣпой спотыкнулся на межу и упалъ. Глухой спросилъ: „что ты?“ Слѣпой говоритъ: „межа!“ Глухой говоритъ: „бѣжать?“—и побѣжалъ. А слѣпой за нимъ.

Подкидышъ.

У бѣдной женщины была дочь Маша. Маша утромъ пошла за водой и увидала, что у двери лежитъ что-то завёрнутое въ тряпки. Маша поставила вёдра и развернула тряпки. Когда она тронула тряпки, изъ нихъ закричало что-то: уа! уа! уа! Маша нагнулась и увидала, что это былъ маленькій красный ребёночекъ. Онъ громко кричалъ: уа! уа! Маша взяла его въ руки и понесла въ домъ, и стала съ ложки поить молокомъ. Мать сказала: „что ты принесла“? Маша сказала: „ребёночка; я нашла у нашей двери.“ Мать сказала: „мы и такъ бѣдны, гдѣ намъ кормить ещё ребёнка; я пойду къ начальнику и скажу, чтобъ его

взяли". Маша заплакала и сказала: „матушка, онъ не много будетъ ѣсть, оставь его. Посмотри, какія у него красненькія сморщенныя ручки и пальчики." Мать посмотрѣла, ей стало жалко. Она оставила ребёночка. Маша кормила и пеленала ребёночка, и пѣла ему пѣсни, когда онъ ложился спать.

Камень.

Одинъ бѣдный пришелъ къ богатому и сталъ просить милостыню. Богатый не далъ ничего и сказалъ: „поди вонъ"! но бѣдный не уходилъ. Тогда богатый разсердился, поднялъ камень и бросилъ имъ въ бѣднаго. Бѣдный поднялъ камень, положилъ за пазуху и сказалъ: „до тѣхъ поръ буду носить этотъ камень, пока не придётся и мнѣ бросить въ него". И пришло это время. Богатый сдѣлалъ дурное дѣло: у него отняли всё, что у него было, и повезли въ тюрьму. Когда его везли въ тюрьму, бѣдный подошёлъ къ нему, вынулъ изъ за пазухи камень и замахнулся; потомъ поразмыслил, бросилъ

камень на земь и сказалъ: „напрасно я такъ долго носилъ этотъ камень: когда онъ былъ богатъ и силенъ, я боялся его; а теперь мнѣ жалко его“.

Какъ меня выучили шить.

Когда мнѣ было шесть лѣтъ, я просила мать дать мнѣ шить. Она сказала: „ты еще мала, ты только пальцы наколешь“; а я всё приставала. Мать достала изъ сундука красный лоскутъ и дала мнѣ; потомъ вдѣла въ иголку красную нитку и показала мнѣ, какъ держать. Я стала шить, но не могла дѣлать ровныхъ стежковъ; одинъ стежокъ выходилъ большой, а другой попадалъ на самый край и прорывался насквозь. Потомъ я уколола палецъ и хотѣла не заплакать, да мать спросила меня „что ты?“ — я не удержалась и заплакала. Тогда мать велѣла мнѣ идти играть.

Когда я легла спать, мнѣ всё мерещились стежки; я всё думала о томъ, какъ-бы мнѣ скорѣе выучиться шить, и мнѣ казалось такъ трудно, что я никогда не выучусь. А теперь я вы-

росла большая и не помню, какъ выучилась шить; и когда я учу шить свою дѣвочку, удивляюсь, какъ она не можетъ держать иголку

Пожарныя собаки.

Бываетъ часто, что въ городахъ на пожарахъ остаются дѣти въ домахъ, и ихъ нельзя вытащить; потому что они отъ испуга спрячутся и молчатъ, а отъ дыма нельзя ихъ разсмотрѣть. Для этого въ Лондонѣ пріучены собаки. Собаки эти живутъ съ пожарными, и когда загорится домъ, то пожарные посылаютъ собакъ вытаскивать дѣтей. Одна такая собака въ Лондонѣ спасла двѣнадцать дѣтей; её звали Бобъ.

Одинъ разъ загорѣлся домъ. И когда пожарные пріѣхали къ дому, къ нимъ выбѣжала женщина. Она плакала и говорила, что въ домѣ осталась двухлѣтняя дѣвочка. Пожарные послали Боба. Бобъ побѣжалъ по лѣстницѣ и скрылся въ дымѣ. Черезъ пять минутъ онъ выбѣжалъ изъ дома и въ зубахъ за рубашку нёсъ дѣвочку. Мать

бросилась къ дочери и плакала отъ радости, что дочь была жива. Пожарные ласкали собаку и осматривали её—не обгорѣла ли она; но Бобъ рвался опять въ домъ. Пожарные подумали, что въ домѣ есть ещё что-нибудь живое, и пустили его. Собака побѣжала въ домъ и скоро выбѣжала съ чѣмъ-то въ зубахъ. Когда народъ разсмотрѣлъ то, что она несла, то всѣ расхохотались: она несла большую куклу.

Какъ меня не взяли въ городъ.

Собрался батюшка въ городъ. А я ему говорю: „батя, возьми меня съ собой“. А онъ говоритъ: „ты тамъ замёрзнешь; куда тебя“. Я повернулся, заплакалъ и пошёлъ въ чуланъ. Плакалъ-плакалъ и заснулъ. И вижу я во снѣ, будто отъ нашей деревни небольшая дорожка къ границѣ; и вижу я—по этой дорожкѣ идётъ батя. Я догналъ его, и мы пошли съ нимъ вмѣстѣ въ городъ. Иду я и вижу—впереди топится печка. Я говорю: „батя, это городъ?“ А онъ говоритъ: „онъ самый“. Потомъ

мы дошли до печки, и вижу я—тамъ пекутъ калачи. Я говорю: „купи мнѣ калачика“. Онъ купилъ и далъ мнѣ. Тутъ я проснулся, всталъ, обулся, взялъ рукавицы и пошёлъ на улицу. На улицѣ ребята катаются на ледянкахъ, на салазкахъ и на скамейкахъ. Я сталъ съ ними кататься и катался до тѣхъ поръ, пока не иззябъ. Только я вернулся и влѣзъ на печку, слышу—батя вернулся изъ города. Я обрадовался, вскочилъ и говорю: „Батя, что—купилъ мнѣ калачика? Онъ говоритъ: „купилъ“. И далъ мнѣ калачъ. Я скочилъ на лавку и сталъ плясать съ радости.

Какъ меня въ лѣсу застала гроза.

Когда я былъ маленькій, меня послали въ лѣсъ за грибами. Я дошёлъ до лѣсу, набралъ грибовъ и хотѣлъ идти домой. Вдругъ стало темно, пошёлъ дождь и загремѣло. Я испугался и сѣлъ подъ большой дубъ. Блеснула молнія такая свѣтлая, что мнѣ глазамъ больно стало и я зажмурился. Надъ моей головой у меня затрещало

и загремѣло; потомъ что-то ударило меня въ голову. Я упалъ и лежалъ до тѣхъ поръ, пока пересталъ дождь. Когда я очнулся, по всему лѣсу капало съ деревьевъ, пѣли птицы и играло солнышко. Большой дубъ сломался, и изъ пня шёлъ дымъ. Вокругъ меня лежали оскретки отъ дуба. Платье на мнѣ было всё мокрое и липло къ тѣлу; на головѣ была шишка и только немножко больно. Я нашёлъ свою шапку, взялъ грибы и побѣжалъ домой.—Дома никого не было; я досталъ въ столѣ хлѣба и влѣзъ на печку. Когда я проснулся, я увидалъ съ печки, что грибы мои изжарили, поставили на столъ и уже хотятъ ѣсть. Я закричалъ: „что вы безъ меня ѣдите“? Они говорятъ: „чтожь ты спишь? Иди скорѣй, ѣшь“.

„ “ Мужикъ и огурцы.

Пошёлъ разъ мужикъ къ огороднику огурцы воровать. Подползъ онъ къ огурцамъ и думаетъ: „вотъ дай унесу мѣшокъ огурцовъ, продамъ; на эти деньги курочку куплю. Нанесётъ

мнѣ курица яицъ, сядетъ насѣдочкой, выведетъ много цыплятъ. Выкормлю я цыплятъ, продамъ, куплю поросёночка — свинку; напоситъ мнѣ свинка поросятъ. Продамъ поросятъ, куплю кобылку; ожеребитъ мнѣ кобылка жеребятъ. Выкормлю жеребятъ, продамъ; куплю домъ и заведу огородъ. Заведу огородъ, насажу огурцовъ, воровать не дамъ, караулъ буду крѣпкій держать. Найму караульщиковъ, посажу на огурцы, а самъ такъ-то подойду сторонкой, да крикну: эй, вы, караульте крѣпче!“ Какъ закричитъ на всю глотку. Караульщики услыхали, выскочили, избили мужика.

Какъ я дѣдушкѣ нашелъ пчелиныхъ матокъ.

Мой дѣдушка лѣтомъ жилъ на пчельникѣ. Когда я прихаживалъ къ нему, онъ давалъ мнѣ мёду.

Одинъ разъ я пришёлъ на пчельникъ и сталъ ходить промежь ульевъ. Я не боялся пчёлъ, потому что дѣдъ научилъ меня тихо ходить по осѣку *).

*) Мѣсто, гдѣ ставятъ пчёлъ.

И пчёлы привыкли ко мнѣ и не кусали. Въ одномъ ульѣ я услышалъ, что-то квохчетъ. Я пришёлъ къ дѣду въ избушку и разсказалъ ему.

Онъ пошёлъ со мною, самъ послушалъ и сказалъ: „изъ этого улья уже вылетѣлъ одинъ рой, первакъ, съ старой маткой; а теперь молодыя матки вывелись. Это онѣ кричатъ. Онѣ завтра съ другимъ роемъ вылетать будутъ“. Я спросилъ у дѣдушки, какія такія бываютъ матки? Онъ сказалъ:

— „А матка всё равно, что царь въ народѣ; безъ нея нельзя быть пчёламъ“.

Я спрашивалъ: „а изъ себя онѣ какія?“

Онъ сказалъ: „приходи завтра; Богъ дастъ отроится, — я тебѣ покажу и мёду дамъ“.

Когда я на другой день пришелъ къ дѣдушкѣ, у него въ сѣняхъ висѣли двѣ закрытыя роевни съ пчёлами. Дѣдъ велѣлъ мнѣ надѣть сѣтку и обвязалъ мнѣ её платкомъ по шеѣ; потомъ взялъ одну закрытую роевню съ пчёлами и понёсъ её на пчельникъ. Пчёлы гудѣли въ ней. Я боялся ихъ и запряталъ руки

въ портки; но мнѣ хотѣлось посмотрѣть матку, и я пошёлъ за дѣдомъ.

На осѣкѣ дѣдъ подошёлъ къ пустой колодѣ, приладилъ корытце, открылъ роевню и вытряхнулъ изъ нея пчёлъ на корыто. Пчёлы поползли по корыту въ колоду и всѣ трубѣли, а дѣдъ вѣничкомъ пошевеливалъ ихъ.

„А вотъ и матка!“ Дѣдъ указалъ мнѣ вѣничкомъ, и я увидалъ длинную пчелу съ короткими крылышками. Она проползла съ другими и скрылась. Потомъ дѣдъ снялъ съ меня сѣтку и пошёлъ въ избушку. Тамъ онъ далъ мнѣ большой кусокъ мёду, я съѣлъ его и обмазалъ себѣ щёки и руки. Когда я пришёлъ домой, мать сказала:

„Опять тебя баловникъ дѣдъ мёдомъ кормилъ“. А я сказалъ: „онъ за то мнѣ далъ мёду, что я ему вчера нашёлъ улей съ молодыми матками, а нынче мы съ нимъ рой сажали“.

( ) Пожаръ.

Въ жнитво мужики и бабы ушли на работу. Въ деревнѣ остались только

старые да малые. Въ одной избѣ оставались бабушка и трое внучатъ. Бабушка истопила печку и легла отдохнуть. На неё садились мухи и кусали её. Она закрыла голову полотенцемъ и заснула. Одна изъ внучекъ, Маша (ей было три года), открыла печку, нагребла угольевъ въ черепокъ и пошла въ сѣни. А въ сѣняхъ лежали снопы. Бабы приготовили эти снопы на свясла *). Маша принесла уголья, положила подъ снопы и стала дуть. Когда солома стала загораться, она обрадовалась, пошла въ избу и привела за руку брата, Кирюшку (ему было полтора года, и онъ только-что выучился ходить), и сказала: „глянь, Килюска, какую я печку вздула“. Снопы уже горѣли и трещали. Когда застлало сѣни дымомъ, Маша испугалась и побѣжала назадъ въ избу. Кирюшка упалъ на порогѣ, расшибъ носъ и заплакалъ; Маша втащила его въ избу, и они оба спрятались подъ лавку. Бабушка ничего не слыхала и спала. Старшій мальчикъ, Ваня (ему было восемь

*) Соломенные жгуты, чтобъ вязать снопы.

лѣтъ), былъ на улицѣ. Когда онъ увидалъ, что изъ сѣней валитъ дымъ, онъ вбѣжалъ въ дверь, сквозь дымъ проскочилъ въ избу и сталъ будить бабушку; но бабушка съ просонковъ ошалѣла и забыла про дѣтей, выскочила и побѣжала по дворамъ за народомъ. Маша тѣмъ временемъ сидѣла подъ лавкой и молчала; только маленькій мальчикъ кричалъ, потому что больно разбилъ себѣ носъ. Ваня услыхалъ его крикъ, поглядѣлъ подъ лавку и закричалъ Машѣ: „бѣги, сгоришь!“ Маша побѣжала въ сѣни, но отъ дыма и отъ огня нельзя было пройти. Она вернулась назадъ. Тогда Ваня поднялъ окно и велѣлъ ей лѣзть. Когда она пролѣзла, Ваня схватилъ брата и потащилъ его. Но мальчикъ былъ тяжёлъ и не давался брату. Онъ плакалъ и толкалъ Ваню. Ваня два раза упалъ, пока дотащилъ его къ окну; дверь въ избѣ уже загорѣлась. Ваня просунулъ мальчикову голову въ окно и хотѣлъ протолкнуть его; но мальчикъ (онъ очень испугался) ухватился ручёнками и не пускалъ ихъ. Тогда Ваня закричалъ

Машѣ: „тащи его за голову!“ а самъ толкалъ сзади. И такъ они вытащили его въ окно на улицу.

Какъ я пересталъ бояться слѣпыхъ нищихъ.

Когда я былъ маленькій, меня пугали слѣпыми нищими, и я боялся ихъ. Одинъ разъ я пришёлъ домой, а на крыльцѣ сидѣло двое слѣпыхъ нищихъ. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать; я боялся бѣжать назадъ и боялся пройти мимо ихъ: я думалъ, что они схватятъ меня. Вдругъ одинъ изъ нихъ (у него были бѣлые, какъ молоко, глаза) поднялся, взялъ меня за руку и сказалъ: „паренёкъ! что-же милостыньку?“ Я вырвался отъ него и прибѣжалъ къ матери. Она выслала со мною денегъ и хлѣба. Нищіе обрадовались хлѣбу, стали креститься и ѣсть. Потомъ нищій съ бѣлыми глазами сказалъ: „хлѣбъ твой хорошій—спаси Богъ“. И онъ опять взялъ меня за руку и ощупалъ её. Мнѣ его стало жалко и съ тѣхъ поръ я пересталъ бояться слѣпыхъ нищихъ.

Мышь-дѣвочка.

Одинъ человѣкъ шёлъ подлѣ рѣки и увидалъ, что воронъ несётъ мышь. Онъ бросилъ въ него камнемъ, и воронъ выпустилъ мышь; мышь упала въ воду. Человѣкъ досталъ её изъ воды и принёсъ домой. У него не было дѣтей, и онъ сказалъ: „ахъ! еслибъ эта мышь сдѣлалась дѣвочкой!“ И мышь сдѣлалась дѣвочкой. Когда дѣвочка выросла, человѣкъ спросилъ её: „за кого ты хочешь замужъ?“ Дѣвочка сказала: „хочу выйти за того, кто сильнѣе всѣхъ на свѣтѣ“. Человѣкъ пошёлъ къ солнцу и сказалъ: „солнце! моя дѣвочка хочетъ выйти замужъ за того, кто сильнѣе всѣхъ на свѣтѣ. Ты сильнѣе всѣхъ; женись на моей дѣвочкѣ“. Солнце сказало: „я не сильнѣе всѣхъ: тучи заслоняютъ меня.“

Человѣкъ пошёлъ къ тучамъ и сказалъ: „тучи! вы сильнѣе всѣхъ, женитесь на моей дѣвочкѣ“. Тучи сказали: „нѣтъ, мы не сильнѣе всѣхъ: вѣтеръ гоняетъ насъ“.

Человѣкъ пошёлъ къ вѣтру и ска-

залъ: „вѣтеръ! ты сильнѣе всѣхъ; женись на моей дѣвочкѣ“. Вѣтеръ сказалъ: „я не сильнѣе всѣхъ: горы останавливаютъ меня“.

Человѣкъ пошёлъ къ горамъ и сказалъ: „горы женитесь на моей дѣвочкѣ: вы сильнѣе всѣхъ“. Горы сказали: „сильнѣе насъ крыса: она грызётъ насъ“.

Тогда человѣкъ пошёлъ къ крысѣ и сказалъ: „крыса! ты сильнѣе всѣхъ; женись на моей дѣвочкѣ“. Крыса согласилась. Человѣкъ вернулся къ дѣвочкѣ и сказалъ: „крыса сильнѣе всѣхъ: она грызётъ горы, горы останавливаютъ вѣтеръ, вѣтеръ гонитъ тучи, а тучи заслоняютъ солнце, и крыса хочетъ жениться на тебѣ“. Но дѣвочка сказала: „Ахъ! что мнѣ теперь дѣлать! какъ же я выйду замужъ за крысу?“ Тогда человѣкъ сказалъ: „ахъ! если-бъ моя дѣвочка сдѣлалась опять мышью!“

И изъ дѣвочки сдѣлалась мышь, и мышь вышла замужъ за крысу.

? Липунюшка.

Жилъ старикъ со старухою. У нихъ не было дѣтей. Старикъ поѣхалъ въ поле пахать. А старуха осталась дома блины печь. Старуха напекла блиновъ и говоритъ:

„Если бы былъ у насъ сынъ, онъ бы отцу блиновъ отнёсъ; а теперь съ кѣмъ я пошлю?“

Вдругъ изъ хлопка вылѣзъ маленькій сыночекъ и говоритъ:

— Здравствуй, матушка!

А старуха и говоритъ: „откуда ты, сыночекъ, взялся, и какъ тебя звать?“

А сыночекъ и говоритъ:

— Ты, матушка, отпряла хлопочекъ и положила въ столбочекъ, я тамъ и вывелся. А звать меня Липунюшкой. Дай, матушка, я отнесу блиновъ батюшкѣ.

Старуха и говоритъ:

„Ты донесёшь ли, Липунюшка?“

— Донесу, матушка.

Старуха завязала блины въ узелокъ и дала сыночку. Липунюшка взялъ узелокъ и побѣжалъ въ поле.

Въ полѣ попалась ему на дорогѣ кочка; онъ и кричитъ:

— Батюшка, батюшка, пересади меня черезъ кочку! Я тебѣ блиновъ принёсъ.

Старикъ услыхалъ съ поля, кто-то его зовётъ, пошёлъ къ сыну навстрѣчу, пересадилъ его черезъ кочку и говоритъ:

— „Откуда ты, сынокъ?“ А мальчикъ говоритъ:

— Я, батюшка, въ хлопочкѣ вывелся“, и подалъ отцу блиновъ. Старикъ сѣлъ завтракать, а мальчикъ говоритъ:

— Дай, батюшка, я буду пахать.

А старикъ говоритъ: „у тебя силы не достанетъ пахать“.

А Липунюшка взялся за соху и сталъ пахать. Самъ пашетъ и самъ пѣсни поётъ.

Ѣхалъ мимо этого поля баринъ и увидалъ, что старикъ сидитъ завтракаетъ, а лошадь одна пашетъ. Баринъ вышелъ изъ кареты и говоритъ старику: „какъ это у тебя старикъ, лошадь одна пашетъ?“

А старикъ говоритъ: „у меня тамъ

мальчикъ пашетъ, онъ и пѣсни поётъ". Баринъ подошёлъ ближе, услыхалъ пѣсни и увидалъ Липунюшку.

Баринъ и говоритъ: „старикъ! продай мнѣ мнѣ мальчика". А старикъ говоритъ „нѣтъ, мнѣ нельзя продать, у меня одинъ только и есть".

А Липунюшка говоритъ старику: „продай, батюшка, я убѣгу отъ него".

Мужикъ и продалъ мальчика за сто рублей. Баринъ отдалъ деньги, взялъ мальчика, завернулъ его въ платочекъ и положилъ въ карманъ. Баринъ пріѣхалъ домой и говоритъ женѣ: „я тебѣ радость привёзъ". А жена говоритъ: „покажи, что такое?" Баринъ досталъ платочекъ изъ кармана, развернулъ его; а въ платочкѣ ничего нѣту. Липунюшка ужь давно къ отцу убѣжалъ.

III.

Слонъ.

У одного Индѣйца былъ слонъ. Хозяинъ дурно кормилъ его и заставлялъ много работать. Одинъ разъ слонъ разсердился и наступилъ ногою **на** своего хозяина. Индѣецъ умеръ. Тогда жена индѣйца заплакала, принесла своихъ дѣтей **къ** слону и бросила ихъ слону **подъ** ноги. Она сказала: „слонъ! ты убилъ отца, убей и ихъ“. Слонъ посмотрѣлъ **на** дѣтей, взялъ хоботомъ старшаго, потихоньку поднялъ и посадилъ его себѣ **на** шею. И слонъ сталъ слушаться этого мальчика и работать **для** него.

Китайская Царица Силинчи.

У Китайскаго Императора Гоангчи была любимая жена Силинчи. Импе-

раторъ хотѣлъ, чтобы весь народъ помнилъ его любимую царицу. Онъ показалъ женѣ шелковичнаго червя и сказалъ: „научись, что съ этимъ червякомъ дѣлать и какъ его водить, и тебя народъ никогда не забудетъ“.

Силинчи стала смотрѣть червей и увидала, что когда они замираютъ, то на нихъ бываетъ паутина. Она размотала эту паутину, спряла её въ нитки и соткала шёлковый платокъ. Потомъ она примѣтила, что черви водятся на тутовыхъ деревьяхъ. Она стала собирать листъ съ тутоваго дерева и кормить имъ червей. Она развела много червей и научила свой народъ, какъ водить ихъ.

Съ тѣхъ поръ прошло пять тысячъ лѣтъ, а Китайцы до сихъ поръ помнятъ Императрицу Силинчи и въ честь ея празднуютъ.

Какъ научились Бухарцы разводить шелковичныхъ червей.

Китайцы долго одни умѣли разводитъ шёлкъ и ни кому этого искус-

ства не показывали, а продавали за дорогія деньги шёлковыя ткани.

Бухарскій царь услыхалъ объ этомъ, и ему захотѣлось достать червей и научиться этому дѣлу. Онъ просилъ Китайцевъ дать ему сѣмянъ червей и деревьевъ. Они отказали. Тогда Бухарскій царь послалъ сватать за себя дочь у Китайскаго Императора и велѣлъ сказать невѣстѣ, что у него всего много въ царствѣ, нѣтъ только одного— шёлковыхъ тканей;—такъ чтобы она съ собою потихоньку привезла сѣмянъ шелковицы и червей, а то не во что ей будетъ наряжаться.

Царевна набрала сѣмянъ червей и деревьевъ и положила себѣ въ головную повязку.

Когда на границѣ стали осматривать,—не везётъ-ли она съ собою потихоньку чего запрещеннаго, никто не посмѣлъ развязать ея повязку.

И Бухарцы развели у себя тутовыя деревья и шелковичныхъ червей, а царевна научила водить ихъ.

Эскимосы.

На свѣтѣ есть земля, гдѣ только три мѣсяца бываетъ лѣто, а остальное время бываетъ зима. Зимой дни бываютъ такіе короткіе, что только взойдётъ солнце, тотчасъ и сядетъ. А три мѣсяца, **въ** самую середину зимы, солнце совсѣмъ не восходитъ, и всѣ три мѣсяца темно. **Въ** этой землѣ живутъ люди; ихъ называютъ Эскимосами. Люди эти говорятъ своимъ языкомъ, другихъ языковъ не понимаютъ и никуда **изъ** своей земли не ѣздятъ. Ростомъ Эскимосы бываютъ невелики, но головы **у** нихъ очень большія. Тѣло у нихъ не бѣлое, а бурое, волосы черны и жёстки. Носы **у** нихъ тонкіе, скулы широкія, глаза маленькія, Эскимосы живутъ **въ** снѣговыхъ домахъ. Они строятъ ихъ такъ: нарубятъ **изъ** снѣгу кирпичей и сложатъ **изъ** нихъ домъ, какъ печку. Вмѣсто стеколъ они вставляютъ въ стѣны льдины, а вмѣсто дверей они дѣлаютъ длинную трубу **подъ** снѣгомъ и **черезъ** эту трубу влѣзаютъ

въ свои дома. Когда приходитъ зима, ихъ дома совсѣмъ заноситъ снѣгомъ, и у нихъ дѣлается тепло. Ѣдятъ Эскимосы оленей, волковъ, бѣлыхъ медвѣдей. Они ловятъ рыбу въ морѣ крючками на палкахъ и сѣтями. Звѣрей они убиваютъ изъ луковъ стрѣлами и копьями. Эскимосы ѣдятъ, какъ звѣри, сырое мясо. У нихъ нѣтъ льна и пеньки, чтобы дѣлать рубахи и верёвки, нѣтъ и шерсти, чтобы дѣлать сукно; верёвки они дѣлаютъ изъ жилъ звѣрей, а платье — изъ звѣриныхъ кожъ.

Они складываютъ двѣ кожи шерстью наружу, протыкаютъ рыбьими костями, и сшиваютъ жилами. Такъже они дѣлаютъ рубахи, штаны и сапоги. Желѣза у нихъ тоже нѣтъ. Они дѣлаютъ копья и стрѣлы изъ костей. Больше всего они любятъ ѣсть звѣриный и рыбій жиръ. Женщины и мущины одѣваются одинаково. У женщинъ только бываютъ очень широки сапоги. Въ эти широкія голенища сапоговъ онѣ кладутъ маленькихъ дѣтей и такъ носятъ ихъ.

Въ срединѣ зимы у Эскимосовъ бываетъ три мѣсяца темно. А лѣтомъ солнце совсѣмъ не садится, и ночей совсѣмъ не бываетъ.

Отъ скорости сила.

Одинъ разъ машина ѣхала очень скоро по желѣзной дорогѣ. А на самой дорогѣ, на переѣздѣ, стояла лошадь съ тяжёлымъ возомъ. Мужикъ гналъ лошадь черезъ дорогу, но лошадь не могла сдвинуть возъ, потому что заднее коле соскочило. Кондукторъ закричалъ машинисту: „держи“, но машинистъ не послушался. Онъ смекнулъ, что мужикъ не можетъ ни согнать лошадь съ телѣгой, ни своротить её, и что машины сразу остановить нельзя. Онъ не сталъ останавливать, а самымъ скорымъ ходомъ пустилъ машину и во весь духъ налетѣлъ на телѣгу. Мужикъ отбѣжалъ отъ телѣги, а машина, какъ щепку, сбросила съ дороги телѣгу и лошадь, а сама не тряхнулась, пробѣжала дальше. Тогда машинистъ сказалъ кондуктору: „теперь мы только убили

одну лошадь и сломали телѣгу, а если бы я тебя послушалъ, мы сами бы убились и перебили бы всѣхъ пассажировъ. На скоромъ ходу мы сбросили телѣгу и не слыхали толчка, а на тихомъ ходу насъ бы выбросило изъ рельсовъ.

Какъ въ городѣ Парижѣ починили домъ.

Въ одномъ большомъ домѣ разошлись врозь стѣны. Стали думать, какъ ихъ свести такъ, чтобы не ломать крыши. Одинъ человѣкъ придумалъ. Онъ вдѣлалъ съ обѣихъ сторонъ въ стѣны желѣзныя ушки; потомъ сдѣлалъ желѣзную полосу, такую, чтобы она на вершокъ не хватала отъ ушка до ушка. Потомъ загнулъ на ней крюки по концамъ такъ, чтобы крюки входили въ ушки. Потомъ разогрѣлъ полосу на огнѣ; она раздалась и достала отъ ушка до ушка. Тогда онъ задѣлъ крюками за ушки и оставилъ её такъ. Полоса стала остывать и сжиматься, и стянула стѣны.

Куда дѣвается вода изъ моря?

Изъ родниковъ, ключей и болотъ вода течётъ **въ** ручьи, **изъ** ручьёвъ **въ** рѣчки, **изъ** рѣчекъ **въ** большія рѣки, а изъ большихъ рѣкъ течётъ **въ** моря. **Съ** другихъ сторонъ **въ** моря текутъ другія рѣки, и всѣ рѣки текутъ **въ** моря **съ** тѣхъ поръ, какъ міръ сотворёнъ. Куда дѣвается вода **изъ** моря? Отчего оно не течётъ **черезъ** край?

Вода **изъ** моря поднимается туманомъ; туманъ поднимается выше, и **изъ** тумана дѣлаются тучи. Тучи гонитъ вѣтромъ и разноситъ **по** землѣ. **Изъ** тучъ вода падаетъ **на** землю. **Съ** земли стекаетъ **въ** болота и ручьи. **Изъ** ручьёвъ течётъ **въ** рѣки; **изъ** рѣкъ **въ** море. **Изъ** моря опять вода поднимается **въ** тучи, и тучи разносятся **по** землѣ....

IV.

ДУРЕНЬ.

Задумалъ дӯрень
На Русь гуля̀ти,
Людей вида̀ти,
Себя каза̀ти.
Увидѣлъ дӯрень
Двѣ избы пӯсты;
Глянулъ въ подпо̀лье:
Въ подпольѣ чѐрти,
Востроголо̀вы,
Глаза, что ло̀жки,
Усы, что вѝлы,
Руки, что гра̀бли,
Въ карты игра̀ютъ,
Костью броса̀ютъ,
Деньги счита̀ютъ.
Дурень имъ мо̀лвилъ:
«Богъ да на по̀мочь
«Вамъ, добрымъ лю̀дямъ».
Черти не лю̀бятъ,—
Схватили дӯрня,
Зачали бѝти,
Стали давѝти,
Еле жива̀го
Дурня пустѝли.
Приходитъ дӯрень
Домой, самъ пла̀четъ,
На голосъ во̀етъ.
А мать бранѝти,
Жена пѣня̀ти,
Сестра-то то̀же:
«Дурень, ты, дӯрень,
«Глупый ты Ба̀бинъ.
«Тоже ты сло̀во
«Не такъ бы мо̀лвилъ;
«А ты бы мо̀лвилъ:
«Будь ты, врагъ, про̀клят
«Имемъ Госпо̀днимъ!
«Черти ушлѝ бы,
«Тебѣ бы, дӯрню,
«Деньги доста̀лись
«За мѣсто кла̀да»
—«Добро же, ба̀ба,

«Ты, бабарѝха,
«Матерь Лукѐрья,
«Сестра Чернàва,
«Вперёдъ я, дýрень,
«Таковъ не бýду».
Пошёлъ онъ, дýрень,
На Русь гулѝти,
Людей видàти,
Себя казàти.
Увидѣлъ дýрень
Четырёхъ брàтовъ,—
Ячмень молòтятъ.
Онъ братьямъ мòлвилъ:
«Будь ты, врагъ, прòклятъ
«Имемъ Госпòднимъ!»
Какъ сграбятъ дýрня
Четыре брàта,
Зачали бѝти,
Еле живàго
Дурня пустѝли.
Приходитъ дýрень
Домой, самъ плàчетъ,
На голосъ вòетъ.
А мать браніти,
Жена пѣнѝти,
Сестра-то тàкже:
«Дурень, ты, дýрень,
«Глупый ты Бàбинъ,
«То-же ты слòво
«Не такъ бы мòлвилъ.
«Ты бы имъ мòлвилъ:
«Богъ вамъ на пòмочь,
«Чтобъ по сту нà день,
«Чтобъ не сносѝти»
—«Добро же, бàба,
«Ты, бабарѝха,
«Матерь Лукѐрья,
«Сестра Чернàва,
«Впередъ я дýрень
«Таковъ не бýду».
Пошёлъ онъ, дýрень,
На Русь гулѝти,
Людей видàти,
Себя казàти.
Увидѣлъ дýрень,—
Семеро брàтьевъ
Матерь хорòнятъ;
Всѣ они плàчутъ,
Голосомъ вòютъ.
Онъ имъ и мòлвилъ:
«Богъ вамъ на пòмочь,
«Семеро брàтьевъ,
«Мать хоронѝти,
«Чтобъ по сту нà день,
«Чтобъ не сносѝти».
Сграбили дýрня
Семеро брàтьевъ,
Зачали бѝти,
Стали таскàти,
Въ грязи валѝти,
Еле живàго
Дурня пустѝли.

Идётъ онъ, дурень,
Домой, да плачетъ,
На голосъ воетъ.
А мать бранити,
Жена пѣняти,
Сестра-то также:
«Дурень, ты, дурень,
«Тоже ты слово
«Не такъ бы молвилъ,
«А ты бы молвилъ:
«Канунъ да ладанъ,
«Дай же Господь Богъ
«Царство небесно,
«Пресвѣтлый рай ей
«Тебя бы дурня
«Тамъ накормили
«Кутьёй съ блинами».
—«Добро же баба,
«Ты, бабариха,
«Матерь Лукерья,
«Впередъ я дурень
«Таковъ не буду».
Пошёлъ онъ, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати;
На встрѣчу свадьба,—
Онъ имъ и молвилъ:
«Канунъ да ладанъ,
«Дай Господь Богъ вамъ,
«Царство небесно,
«Пресвѣтлый рай всѣмъ».
Скочили дружки,
Схватили дурня,
Зачали бити,
Плетьми стегати,
Въ лицо хлестати.
Пошёлъ, заплакалъ,
Идётъ да воетъ;
А мать бранити,
Жена пѣняти,
Сестра-то также:
«Дурень, ты, дурень,
«Ты глупый Бабинъ,
«Ты тоже слово
«Не такъ бы молвилъ;
«А ты бы молвилъ:
«Дай Господь Богъ вамъ,
«Князю съ княгиней,
«Законъ приняти,
«Любовно жити,
«Дѣтей сводити».
—«Впередъ я дурень
«Таковъ не буду».
Пошёлъ онъ, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Попался дурню
На встрѣчу старецъ;
Онъ ему молвилъ:
«Дай Богъ тѣ старцу

«Законъ приня̀ти,
«Любовно жѝти,
«Дѣтей сводѝти».
Какъ схватитъ ста̀рецъ
За воротъ дю̀рня,
Сталъ его бѝти,
Сталъ колотѝти,
Сломалъ костыль весь.
Пошёлъ онъ, дю̀рень,
Домой, самъ пла̀четъ,
А мать бранѝти,
Жена журѝти,
Сестра-то та̀кже:
«Ты дурень, дю̀рень,
«Ты глупый Ба̀бинъ,
«Ты тоже сло̀во,
«Не такъ бы мо̀лвилъ.
«А ты бы мо̀лвилъ:
«Благословѝ мя,
«Святой Игю̀менъ».
—«Добро же, ба̀ба,
«Ты бабарѝха,
«Матерь Лукѐрья,
«Вперёдъ я, дю̀рень,
«Таковъ не бю̀ду».
Пошёлъ онъ, дю̀рень,
На Русь гуля̀ти,
Въ лѣсу ходѝти.
Увидѣлъ дю̀рень
Въ бору медвѣдя,—
Медвѣдь за ѐлью
Дерётъ коро̀ву.
Онъ ему мо̀лвитъ:
«Благословѝ мя,
«Святой Игю̀менъ».
Медвѣдь на дю̀рня
Кинулся, сгра̀билъ,
Зачалъ ковѐркать,
Зачалъ лома̀ти,
Едва жива̀го
Дурня оста̀вилъ.
Приходитъ дю̀рень
Домой, самъ пла̀четъ,
На голосъ во̀етъ,
Матери ска̀жетъ.
А мать бранѝти,
Жена пѣня̀ти,
Сестра-то та̀кже:
«Ты дурень, дю̀рень,
«Ты глупый Ба̀бинъ,
«Ты тоже сло̀во
«Не такъ бы мо̀лвилъ;
«Ты бы заю̀ськалъ,
«Ты бы зага̀йкалъ
«Заулюлю̀калъ».
—«Добро же, ба̀ба,
«Ты, бабарѝха,
«Матерь Лукѐрья,
«Сестра Черна̀ва.
«Вперёдъ я, дю̀рень,
«Таковъ не бю̀ду».
Пошёлъ онъ дю̀рень

На Русь гуля́ти,
Людей вида́ти,
Себя каза́ти.
Идётъ онъ, дю́рень,
Во чистомъ по́лѣ,—
На встрѣчу дю́рню
Идётъ полко́вникъ.
Зауськалъ дю́рень,
Загайкалъ дю́рень,
Заулюлю́калъ.
Сказалъ полко́вникъ
Своимъ солда́тамъ,
Схватили дю́рня,—
Зачали бити,
До смерти дю́рня
Тутъ и уби́ли.

СВЯТОГОРЪ БОГАТЫРЬ.

Выѣзжа́лъ-ли Святогоръ гулять въ чисто́ поле,
Никого́-то Святогоръ онъ не наха́живалъ,
Съ кѣмъ бы си́лой богатырскою помѣряться;
А самъ чю́етъ въ себѣ силу онъ вели́кую,
Чуетъ—жи́вчикомъ по жилкамъ разлива́ется,
Грузно съ си́лы Святогору, какъ отъ бре́мени.
И промо́лвилъ Святогоръ-свѣтъ похваля́ючись:
«По моей ли да по силѣ богаты́рскоей
«Кабъ держа́ву мнѣ найти, всю землю по́днялъ бы.»
Со тѣхъ сло́въ увидѣлъ Святогоръ прохо́жаго,—
Сдалека́ въ степи идётъ прохожій съ су́мочкой,—
И поѣхалъ Святогоръ къ тому прохо́жему.
Ѣдетъ ры́сью, всё прохожій идётъ пе́редомъ,—
Во всю прыть не можетъ онъ догнать прохо́жаго.
Закрича́лъ тутъ Святогоръ да громкимъ го́лосомъ:
«Гой, прохо́жій человѣкъ, пожди́ немно́жечко,
«Не могу́ догнать тебя я на добро́мъ конѣ».
Сдалека́ прохожій Святогора слю́шался,
Становя́лся, съ плечъ на землю бросалъ су́мочку.

Наѣзжаетъ Святогоръ на эту сумочку,
Своей плёточкой онъ сумочку пощупывалъ,—
Какъ урослая та сумочка не тронется.
Святогоръ съ коня перстомъ её потрогивалъ,—
Не сворохнется та сумка, не шевельнется.
Святогоръ съ коня хваталъ рукой, потягивалъ,—
Какъ урослая та сумка не поднимется.
Слѣзъ съ коня тутъ Святогоръ, взялся за сумочку,
Онъ приладился, взялся руками обѣими,
Во всю силу богатырску принатужился,—
Отъ натуги по бѣлу лицу аль кровь пошла,
А поднялъ суму отъ земи только на волосъ,
По колѣна жъ самъ онъ въ мать сыру землю угрязъ
Взговоритъ ли Святогоръ тутъ громкимъ голосомъ:
«Ты скажи же мнѣ, прохожій, правду истинну,
«А и что, скажи ты, въ сумочкѣ накладено?»
Взговоритъ ему прохожій да на тѣ слова:
«Тяга въ сумочкѣ отъ матери сырой земли».
Взговоритъ тутъ Святогоръ да ко прохожему:
«А ты самъ кто есть, какъ звать тебя по имени?»
Взговоритъ ему прохожій ли на тѣ слова:
«Я Микула есмь, мужикъ я Селянинович,
«Я Микула,—меня любитъ мать сыра земля».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

НЕСТОРОВА ЛѢТОПИСЬ.

П, п, покой, п.	
По потопѣ тріе сынове [1]) Ноеви раздѣлиша [2]) землю, Симъ, Хамъ и Афетъ.	Послѣ потопа три сына Ноевы раздѣлили землю, Симъ, Хамъ и Іафетъ.
С, с, слово, с.	
И яся въстокъ Симови [3]): Сурія, Мидія, Вавилонъ и другія страны.	И достался востокъ Симу: Сирія, Мидія, Вавилонъ и другія страны.
Ѳ, ѳ, ѳита, ѳ.	
Хамови же яся полуденная страна: Египетъ, Ефиопья, Ѳива и другія страны.	Хаму же досталась южная страна: Египетъ, Ѳіопія, Ѳивы и другія страны.

---

[1]) *Сынове*—сыновья, *сыновъ*—сыновей, *сыномъ*, *сыновомъ*—сыновьямъ.

[2]) *Раздѣлиша*—они раздѣлили, *раздѣлихомъ*—мы раздѣлили, *раздѣлисте*—вы раздѣлили.

[3]) *Симови*—Симу, *Господеви*—Господу.

А, а, азъ, а.

Аѳету же яшася полуночныя страны и западныя: Мидія, Арменія, Сармати и другія.

Х, χ, хѣръ, х.

Симъ же, и Хамъ и Аѳетъ, раздѣливше [1]) землю, — жребьи метавше,—не преступати ни комуже въ жребій братень, живяху [2]) кождо [3]) въ своей части.

Б, б, буки, б.

Бысть [4]) языкъ единъ, и умножившимъся человѣкомъ [5]) на земли, помыслиша создати столпъ до небесе [6]).

В, в, вѣди, в.

И собрашася на мѣстѣ Сенаръ здати столпъ до небесе и градъ около его Вавилонъ.

З, з, земля, з.

И здаша столпъ за четыредесять лѣтъ, и несвершенъ бысть.

Іафету же достались сѣверныя страны и западныя: Мидія, Арменія, Сарматія и другія.

Симъ же и Хамъ и Іафетъ, раздѣливши землю, — жребьи кинувши,—(чтобъ) не переходить никому въ долю братнину, жили каждый въ своей части.

Былъ языкъ (и народъ) одинъ, и, когда умножились люди на землѣ, задумали они выстроить столбъ (башню) до неба.

И собрались на мѣстѣ Сенаръ строить столбъ (башню) до неба и городъ вокругъ него Вавилонъ.

И строили башню сорокъ лѣтъ, и (еще) неокончена была.

---

[1]) *Раздѣливше*—раздѣливши.
[2]) *Живяху*—они жили, *живѣхомъ*—мы жили, *живясте*—вы жили.
[3]) *Кождо*—каждый, *когождо*—каждаго, *комуждо*—каждому.
[4]) *Бысть*—онъ былъ, *быхъ*—я былъ.
[5]) *Умножившимся человѣкомъ*—когда умножились люди.
[6]) *Небесе*—неба, *небеси*—небу, *небесемъ*—небомъ.

Г, г, глаголь, г.

И сниде [1]) Господь Богъ видѣти градъ и столпъ, и рече [2]) Господь: се родъ и языкъ единъ.

И сошёлъ Господь Богъ, (чтобъ) видѣть городъ и башню, и сказалъ Господь: вотъ родъ одинъ и языкъ (народъ) одинъ.

Р, ρ, рцы, р.

И съмѣси [3]) Богъ языки, и раздѣли на седмьдесять и два языка, и разсѣя по всей земли. По размѣшеньи же языкъ [4]), Богъ вѣтромъ великимъ разруши столпъ.

И смѣшалъ Богъ языки (народы), и раздѣлилъ на семьдесять два народа (языка), и разсѣялъ по всей землѣ. Послѣ смѣшенія же народовъ, Богъ вѣтромъ большимъ разрушилъ башню.

V, v, ижица, ѵ

И есть останокъ его промежю Ассура и Вавилона, и есть въ высоту и въ широту локоть пять тысячь четыреста тридесять три.

И есть остатокъ ея между Ассиромъ и Вавилономъ, и онъ въ высоту и ширину локтей пять тысячъ четыреста тридцать три.

Ъ, ъ, еръ, Ъ (въ концѣ слова Ъ, и какъ О въ серединѣ слова).

По разрушеньи же столпа и по раздѣленьи языкъ, пріяша сынове Симови въсточ-

Послѣ разрушенія башни и послѣ раздѣленія народовъ, взяли потомки Симовы

[1]) *Сниде*—онъ сошёлъ, *снидохъ*—я сошёлъ.
[2]) *Рече*—онъ сказалъ, *рекохъ*—я сказалъ.
[3]) *Смѣси*—онъ смѣсилъ, *смѣсихъ*—я смѣсилъ.
[4]) *Языкъ*—языковъ (народовъ), *языци*—языки (народы).

ныя страны, а Хамови сынове полуденныя страны.

Ф, ѳ, фертъ, ф.

Афетови же пріяша западъ и полунощныя страны. Отъ сихъ же седмидесяти и двухъ языкъ бысть языкъ Словѣнескъ отъ племени Афетова.

восточныя страны, а Хамовы потомки южныя страны.

Іафетовы же (потомки) взяли западъ и сѣверныя страны. Изъ этихъ-то семидесяти двухъ народовъ (языковъ) одинъ былъ народъ (языкъ) Славянскій отъ племени Іафетова.

Оу, оу, ѹ, ꙋ, у, укъ, у.

По мнозѣхъ же временѣхъ[1]) сѣли суть[2]) Словѣне по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска.

Послѣ же долгаго времени сѣли Славяне по Дунаю, гдѣ нынче Угорская земля и Болгарская.

И, м, мыслѣте, м.

Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася[3]) по землѣ и прозвашася имены своими[4]), гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ: яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ именемъ Морава и прозвашася Морава.

Изъ этихъ Славянъ разошлись (Славяне) по землѣ и прозвались именами своими, гдѣ (кто) сѣлъ на какомъ мѣстѣ; какъ (напримѣръ, какіе) пришедши сѣли на рѣкѣ по имени Морава, (тѣ) и прозвались Морава.

---

[1]) *Мнозѣхъ временѣхъ*—многихъ временахъ, *многа времена*—многія времена, *многомъ временемъ*—многимъ временамъ.

[2]) *Сѣли суть*—они сѣли, *сѣлъ есмь*—я сѣлъ, *сѣлъ есть*—онъ сѣлъ.

[3]) *Разидошася*—они разошлись, *разидохомся*—мы разошлись.

[4]) *Имены*—именами, *именомъ*—именамъ, *именѣхъ*—именахъ.

Ѣ, ѣ, ять, ѣ.

Такоже и тѣже Словѣне пришедше сѣдоша по Днѣпру и нарекошася Поляне, а друзіи Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ.

Такъ тѣже Славяне пришедши сѣли по Днѣпру и назвались Поляне, а другіе (назвались) Древляне, потому что сѣли въ лѣсахъ.

И, и, иже, и.

Инїи сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчьки ради, яже [1]) втечеть [2]) въ Двину именемъ Полота. Отъ сея прозвашася Полочане.

Иные сѣли по Двинѣ и назвались Полочане отъ рѣчки, которая втекаетъ въ Двину, по имени Полота. Отъ нея (-то) прозвались Полочане.

Н, н, нашъ, н.

Словѣне же сѣдоша около езера Илмеря, и прозвашася своимъ именемъ, и сдѣлаша градъ, и нарекоша и [3]) Новъгородъ. Тако разидеся Словѣньскій языкъ, тѣмже и грамота прозвася Словѣньская.

Славяне же сѣли вокругъ озера Илменя и прозвались своимъ именемъ, построили городъ и назвали его Новгородъ. Такъ разошелся славянскій народъ (языкъ); по нёмъ же и грамота прозвалась Славянская.

Ь, ь, ерь (Ь въ концѣ слова, въ серединѣ какъ е).

Оньдрѣю брату Петрову учащю [4]) въ Синопіи и при-

Ко́гда Андрей, братъ Петровъ, училъ въ Синопіи,

[1]) *Яже*—которая, *еяже* — которой, *ейже* — которой, *юже* — которую.

[2]) *Втечеть*—втекаетъ, *втечеши*—втекаешь.

[3]) *И*—его, *ю*—её, *е*—его.

[4]) *Оньдрѣю учащу*—когда Андрей училъ.

шедшю [1]) ему въ Корсунь, увидѣ, яко изъ Корсуня близь устье Днѣпрьское; възхотѣ поити въ Римъ и приде въ устье Днѣпрьское.

Ѿ, ѿ, отъ.

Ѿтолѣ поиде по Днѣпру горѣ, и по приключаю приде и ста подъ горами на березѣ [2]). Заутра въставъ, и рече къ сѫщимъ съ нимъ ученикомъ [3]): «видите ли горы сія?»

пришёлъ онъ въ Корсунъ и увидѣлъ, что отъ Корсуни близко устье Днѣпровское; захотѣлъ онъ идти въ Римъ и пришёлъ въ устье Днѣпровское.

Оттуда поплылъ по Днѣпру вверхъ, и случайно подплылъ и остановился подъ горами на берегѣ. На утро, вставши, онъ сказалъ бывшимъ съ нимъ ученикамъ: «видите ли горы эти?»

Я, Ѩ, ꙗ, Ѧ, ѧ, я.

«Яко на сихъ горахъ возсіѧетъ благодать Божія, имать градъ великъ быти [4]), и церкви многи Богъ воздвигнути имать [5])». Въшедъ на горы сіѧ, благослови ѧ [6]), постави крестъ, и помоливъсѧ

«(Что) На этихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, городъ большой будетъ и церквей много Богъ воздвигнетъ.» Взошедши на горы эти, онъ благословилъ ихъ, поставилъ крестъ,

[1]) *Пришедшю ему*—когда онъ пришёлъ.

[2]) *На березѣ*—на берегѣ, *берези*— берега, *на березѣхъ*—на берегахъ.

[3]) *Ученикомъ*—ученикамъ, *ученици*—ученики, *ученикъ*—учениковъ.

[4]) *Имать быти*—онъ будетъ, *имамъ быти*—я буду, *имаши быти*—ты будешь.

[5]) *Имать воздвигнути* — воздвигнетъ, *имамъ воздвигнути* — воздвигну.

[6]) *Я*—ихъ.

Богу, и сълѣзъ съ горы сея, идеже послѣже бысть Кіевъ, и поиде по Днѣпру горѣ.

Щ, щ, ща, щ.

И пріиде въ Словѣни, идѣже нынѣ Новъгородъ; и видѣ ту люди суціа, како есть обычай имъ, и како сѧ мыють [1]), хвощутсѧ, и удивисѧ имъ.

Ѥ, є, есть, е.

Иде въ Варѧги и приде въ Римъ, исповѣда, елико научи и елико видѣ, и рече: «дивно видѣхъ Словѣньскую землю, идучи ми сѣмо; видѣхъ бани древены, и пережьгуть [2]) є [3]) рамѧно, совлокутьсѧ и будуть нази, [4]) и облѣютсѧ квасомъ уснімнымъ, и возьмуть на сѧ прутье младое, бьютьсѧ сами».

и, помолившись Богу, сошёлъ съ горы этой, гдѣ послѣ былъ Кіевъ, и поплылъ по Днѣпру вверхъ.

И пришёлъ къ Славянамъ, гдѣ нынче Новгородъ; и видѣлъ жившій тамъ народъ, какіе обычаи у нихъ, и какъ они моются, хлещутся, и подивился онъ имъ.

Пошёлъ онъ къ Варягамъ и пришёлъ въ Римъ, и разсказалъ, сколькихъ научилъ и сколько видѣлъ, и говорилъ: «съ удивленіемъ видѣлъ я Славянскую землю, когда шёлъ сюда; видѣлъ бани деревянныя, и истопятъ ихъ крѣпко, раздѣнутся до-нага и обольются квасомъ кислымъ, и возьмутъ на себя вѣтки молодыя (и) бьютъ себя сами»

[1]) *Ся мыють*—моются, *ся мыемъ*—моемся, *ся мыете*—моетесь.

[2]) *Пережгуть*—разожгутъ, *пережжемъ*—разожжёмъ, *пережжете*—разожжёте.

[3]) *Е*—ихъ. [4]) *Нази*—наги, голы; *назіи*—нагіе, *нагія*—нагія, *нагая дрьвеса*—нагія деревья; *нашихъ, нашимъ, нашими*, о *назихъ*.

Ж, ж, живѣте, ж.

„И того сѧ добьють, еда вылѣзуть ли живи; облѣютсѧ [1]) водою студеною, тако оживуть; и то творѧть по всѧ [2]) дни, не мучими ни кимъ-же, но сами сѧ мучать, и то творѧть мовенье себѣ, а не мученье“.

«И (до) того себя добьютъ, (что) едва выйдутъ еле живы; а обольются водою холодной, такъ оживутъ; и это дѣлаютъ всегда, и не мучитъ никто ихъ, а они сами себя мучаютъ, и это они дѣлаютъ мытьё себѣ, а не мученіе»

Ч, ч, червь, ч.

Имѧху [3]) Словѣне обычаи свои и законъ отецъ [4]) своихъ и преданье, кождо свой нравъ. Полѧне своихъ отецъ обычай имѧхуть [5]) кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыдѣнье имѧху; брачным обычаи имѧху:

Имѣли Славяне обычаи свои и законѣ отцовъ своихъ и преданіе, и каждый (славянскій народъ) свой нравъ. Полянесвоихъотцовъ обычай имѣли кроткій и тихій, и уваженіе къ снохамъ своимъ, къ сестрамъ, къ матерямъ и къ родителямъ своимъ, къ свекровямъ и къ деверямъ большое уваженіе имѣли, и брачные обычаи имѣли:

---

[1]) *Облѣются* — обольются, *облѣемся* — обольёмся, *облѣется* — обольётся.

[2]) *По вся*—во всѣ, *вси*—всѣ, *всѣхъ*—всѣхъ, *всѣми*—всѣми.

[3]) *Имяху*—они имѣли, *имяхомъ*—мы имѣли, *имясте*—вы имѣли.

[4]) *Отецъ*—отцовъ, *отци*—отцы, *отцемъ*—отцамъ, *отци*—отцами.

[5]) *Имяхуть*—имѣли.

Ш, ш, ша, ш.

Не хожаше зѧть по невѣсту, но приводѧху вечеръ, а завътра приношаху по ней, что вдадуче.

Не ходилъ зять за невѣстой, но приводили (её) съ вечера, а на утро приносили за ней, что́ даютъ.

S, s, зѣло, з.

Ѧ Древлѧне живѧху звѣриньскимъ образомъ, скотьски: убиваху другъ друга, ѣдѧху все нечисто, и брака у нихъ не бываше [1]), но умыкиваху дѣвицѧ.

А Древляне жили звѣрскимъ образомъ, по скотски: убивали другъ друга, ѣли всё нечистое, и браковъ у нихъ не бывало, но похищали дѣвицъ.

Т, т, твердо, т.

И Радимичи, и Вѧтичи, и Сѣверъ одинъ обычай имѧху: живѧху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ѣдуще [2]) все нечисто, браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы, и ту умыкаху жены собѣ; имѧху же по двѣ и по три жены.

И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имѣли: жили въ лѣсу, какъ всякій звѣрь, ѣли всё нечистое, браковъ не бывало у нихъ, но игры между сёлъ, и тутъ похищали жёнъ себѣ; и имѣли по двѣ и по три жены.

Л, л, люди, л.

Иже кто умрѧше, творѧху трызну надъ нимъ, и посемъ творѧху кладу велику, и възложаху [3]) и на кладу;

Если кто умиралъ, дѣлали тризну (поминки) надъ нимъ, и потомъ дѣлали костёръ большой, и клали

[1]) *Бываше*—бывало, онъ бывалъ, *бывахъ*—я бывалъ, *бываше*—ты бывалъ.

[2]) *Ядуще*—ядя, *идуще*—идя.

[3]) *Възложахуть*—возлагали.

мертвеца сожьжаху, а посемъ, собравше кости, вложаху въ судину малу и поставляху на столпѣхъ [1]) на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ.

О, о, Ѡ, ѡ, онъ, о.

Въ лѣто шесть тысячь триста шестьдесятое, наченшю Михаилу царю греческому царствовати, нача сѧ прозывати Руска земля. Ѿтселѣ почнемъ и числа положимъ. Яко ѿтъ Адама до потопа лѣтъ двѣ тысящи двѣстѣ [2]) четыредесять и два, а ѿ потопа до Оврама лѣтъ тысящу и осмьдесятъ [3]) и два.

Ѵ, ѵ, пси, пс.

И ѿтъ Авраама до исхожденьѧ Моусѣева лѣтъ четыреста тридесять [4]), а ѿтъ

его на костёръ; мертваго сжигали, а потомъ, собравши кости, вкладывали(ихъ) въ посудину небольшую и ставили на столбахъ на дорогахъ, что дѣлаютъ Вятичи и до нынѣ.

Въ году шесть тысячь триста шестидесятомъ, когда началъ Михаилъ Царь Греческій царствовать, начала прозываться Русская земля. Отсюда и начнёмъ и числа поставимъ. Такъ отъ Адама до потопа двѣ тысячи двѣсти сорокъ два года, а отъ потопа до Авраама тысяча восемьдесятъ два года.

А отъ Авраама до исхода Моусея четыреста тридцать лѣтъ, а отъ исхода Мои-

[1]) *На столпѣхъ*—на столбахъ, *столпи*—столбы, *столпомъ*—столбамъ.

[2]) *Двѣстѣ*—двѣсти, *триста*—триста; *двусту*—двухсотъ.

[3]) *Осмьдесятъ*—восемьдесятъ, *девятьдесятъ*—девяносто.

[4]) *Тридесять*—тридцать, *двадесять*—двадцать, *четыредесять* — сорокъ.

исхожденія Моѵсѣева до Давыда Ѱалмопѣвца лѣтъ шесть сотъ и одно.

сея до Давида Псалмопѣвца шестьсотъ одинъ годъ.

І, і, ї, і.

А ѡтъ Давыда Ѱалмопѣвца и ѡтъ начала царства Соломоня [1]) до плѣненія Іерусалима лѣтъ четыреста четыредесять и осмь.

А отъ Давида Псалмопѣвца и отъ начала царства Соломонова до плѣненія Іерусалима четыреста сорокъ восемь лѣтъ.

Ѯ, ѯ, кси, кс.

А отъ плѣненья до Олеѯанъдра лѣтъ триста осмьнадесять, а отъ Олеѯанъдра до Рождества Христова лѣтъ триста тридесять и три.

А отъ плѣненія до Александра триста восемьнадцать лѣтъ, а отъ Александра до Рождества Христова триста тридцать три года.

К, к, како, к.

А ѡтъ Христова Рождества до Константина лѣтъ триста осмьнадесять, ѡтъ Константина же до Михаила сего лѣтъ пятьсотъ четыредесять и два. Въ лѣто же шесть тысящь триста шестьдесятъ седьмое имаху [2]) дань Варязи изъ заморья на Чуди

А отъ Христова Рождества до Константина триста восемьнадцать лѣтъ, отъ Константина же до Михаила этого пятьсотъ сорокъ два года. Въ шесть тысячъ триста шестьдесятъ седьмомъ году брали дань Варяги изъ заморья

---

[1]) *Соломоня*—Соломонова, *Соломонь*—Соломоновъ, *Соломоню*—Соломонову, *Соломонимъ*—Соломоновымъ, *о Соломони*—о Соломоновомъ.

[2]) *Имаху*—брали, имали; *имахомъ*—мы брали, *имасте*—вы брали.

и на Словѣнехъ, на Мери и на всѣхъ Кривичѣхъ [1]). А Козари имаху на Полянѣхъ и на Сѣверѣхъ и на Вятичѣхъ.

Ы, ы, еры.

Въ лѣто шесть тысящь триста семидесятое изгнаша Словѣне Варяги [2]) за море и не даша имъ дани, и почаша сами въ себѣ володѣти; и не бѣ въ нихъ правды, и въста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ [3]), и воевати начаша сами на ся.

Ю, ю, ю.

Рѣша сами въ себѣ: «поищемъ собѣ [4]) князя, иже [5]) бы володѣлъ нами и судилъ по праву». Идоша за море къ Варягомъ къ Руси. Рѣша [6]) Руси Чюдь, Словѣни и Кривичи: «Вся земля наша

съ Чуди и съ Славянъ, съ Мери и съ всѣхъ Кривичей. А Козары брали съ Полянъ и съ Сѣверянъ и съ Вятичей.

Въ шесть тысячь триста семидесятомъ году прогнали Славяне Варяговъ за море и не дали имъ дани, и начали сами собою управлять-ся; и не было у нихъ правды, и возсталъ родъ на родъ, сдѣлались у нихъ междоусобицы, и воевать начали между собою.

(И) сказали сами между собою: «поищемъ себѣ князя, который бы управлялъ нами и судилъ по правдѣ». (И) пошли за море къ Варягамъ къ Руси. (И) сказали Руси Чудь, Сла-

---

[1]) *О Кривичѣхъ* — о Кривичахъ, *Кривичи* — Кривичами, *Кривичемъ*—Кривичамъ.

[2]) *Варяги*—Варяговъ, *Варязи*—Варяги.

[3]) *Усобицѣ*—усобицы, *усобицъ*—усобицъ, *усобицамъ*—усобицамъ.

[4]) *Собѣ*—себѣ, *ся*—себя, *себе*—себя.

[5]) *Иже*—который, *еюже*—котораго, *емуже*—которому.

[6]) *Рѣша*—сказали, *рѣхъ*—сказалъ, *рещи*—говорить.

велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да пойдѣте [1]) княжити и володѣти нами». И избрашася три братьа съ роды своими, поняша по собѣ всю Русь и придоша; старѣйшій Рюрикъ сѣдѣ въ Новѣградѣ, а другій Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а третій Изборьстѣ [2]) Труворъ.

Ц, ц, цы, ц.

По дву же лѣту [3]) Синеусъ умре, и братъ его Труворъ, и пріа власть Рюрикъ. И бѣста [4]) у него два мужа, Аскольдъ и Диръ, не племени его, но боярина [5]), и та [6]) испросистася ко Царю-городу съ родомъ своимъ.

Д, д, добро, д.

И поидоста по Днѣпру, и

вяне и Кривичи: «вся земля наша велика и богата, а распорядка въ ней нѣтъ; такъ пойдите княжить и владѣть нами». И выбрались три брата съ родными своими, и взяли съ собо́ю всю Русь, и пришли; старшій Рюрикъ сѣлъ въ Новгородѣ, а второй Синеусъ въ Бѣлоозѣрѣ, а третій въ Изборскѣ Труворъ.

Послѣ двухъ лѣтъ Синеусъ померъ и братъ его Труворъ, и принялъ власть Рюрикъ. И было у него два мужа, Аскольдъ и Диръ, не рода его, но бояре; и они отпросились къ Царьграду съ родными своими.

И пошли по Днѣпру и,

[1]) *Пойдѣте*—пойдите, *пойди*—пойди.

[2]) *Изборьстѣ* — въ Изборскѣ, *Кіевѣ*—въ Кіевѣ, *Смоленстѣ*—въ Смоленскѣ.

[3]) *По дву лѣту* — послѣ двухъ лѣтъ; *два лѣта*—два года; *двѣма лѣтома* двумъ годамъ, двумя годами.

[4]) *Бяста*—было двое, *бяховѣ*—мы двое были.

[5]) *Боярина* — два боярина, *боярину* — двухъ бояръ, *боярюнома*—двумъ боярамъ, двумя боярами.

[6]) *Та*—эти двое, *тово*—этихъ двухъ, *тѣма*—этими двумя, этимъ двумъ.

идучи мимо, и узрѣста [1]), на горѣ градокъ и вопросиста, чій се градокъ? Они же рѣша: «были суть [2]) три братьѧ, Кій, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градокъ ось, и изгибоша, и мы сѣдимъ здѣ, платѧче дань родомъ [3]) ихъ Казарамъ». Аскольдъ же и Диръ остаста сѧ въ градѣ семъ. Въ лѣто шесть тысѧщь триста осмьдесѧтъ седьмое, умершю Рюрикови, предасть княженье свое Ольгови, отъ рода ему сущю [4]), вьдавъ ему сынъ свой [5]) на руцѣ, Игорѧ; бысть бо дѣтескъ вельми.

идучи мимо, увидали на горѣ городокъ и спросили: чей это городокъ? (И имъ) сказали: «были три брата: Кій, Щекъ, Хоривъ, которые построили городокъ этотъ, и вымеръ ихъ родъ, а мы живёмъ здѣсь и платимъ дань единоплеменникамъ ихъ Козарамъ. Аскольдъ же и Диръ остались въ городѣ этомъ. Въ шесть тысячь триста восемьдесятъ седьмомъ году, Рюрикъ умирая передалъ княженіе свое Олегу, бывшему изъ его же рода, отдавъ ему сына своего на руки, Игоря; потому что былъ онъ (еще) малъ очень.

---

[1]) *Узрѣста*—они двое увидали, *узрѣховѣ*—мы двое увидѣли.

[2]) *Были суть* — были, *былъ есмь* — я былъ, *былъ еси*—ты былъ, *былъ есть*—онъ былъ.

[3]) *Родомъ*—родамъ, *роды*—родами.

[4]) *Сущу*—сущему, *сый*—сущій, *суща*—сущаго, *сущемъ*—сущимъ.

[5]) *Сынъ твой*—сына своего.

ИЗЪ ЧЕТЬИ МИНЕИ.

О Филагріи мнисѣ [1]), иже, налѣзъ [2]) тысѧщѹ златникъ, и възврати погѹбившемѹ.

Бѣ нѣкто мънихъ, Филагрій именемъ, живый въ Іерѹсалимѣ; дѣлаше рѹкодѣліе и отъ своего трѹда ѣдяше хлѣбъ. И егда стояше на торжищи, продавъ дѣло свое, и забы єтеръ [3]) влагалище, имѹще [4]) тысѧщѹ златьникъ. И обрѣтъ [5]) є [6]) старець, ста на мѣстѣ своемъ, гла-

О Филагріи монахѣ, который, нашедши тысячу золотыхъ, воротилъ потерявшему.

Былъ нѣкто монахъ, по имени Филагрій, жившій въ Іерусалимѣ; онъ дѣлалъ рукодѣлие и отъ своего труда ѣлъ хлѣбъ. Когда стоялъ онъ (разъ) на торгу, продавая работу свою, забылъ одинъ (человѣкъ) кошель, заключавшій тысячу золотыхъ. Нашедши его, ста-

1) О мнисѣ — о монахѣ; мниχъ — монахъ; мниси — монахи; о мнисѣхъ — о монахахъ; о, мнише! — о, монахъ!

2) Налѣзъ — нашедши; налѣзти — найдти.

3) Єтеръ — нѣкоторый, нѣкто; єтера — нѣкоторая; єтеру — нѣкоторую; єтеро — нѣкоторое.

4) Имуще — имѣющее, имѣвшее, содержавшее; имуща — имѣющая; имы — имѣющій.

5) Обрѣтъ — нашедши; обрѣсти — найдти.

6) Є — его (т. е. влагалище); ю — ее; и — его (говоря про мужчину).

голѣ: подобаетъ погꙋбившемꙋ пріити. И се приде плачасѧ.

Поимъ [1]) же, и цѣло дасть [2]) емꙋ. Той же держаше, хотѣ дати емꙋ часть етерꙋ; старецъ же небрежаше [3]). Тогда начатъ [4]) вопити: пріидѣте, видѣте человѣка Божіѧ, что се [5]) творитъ! Старецъ же, бѣжавъ, изыде изъ града, да не познанъ бꙋдетъ. Се же твори, да не почтенъ бꙋдетъ.

рецъ сталъ на своёмъ мѣстѣ, говоря: потерявшій, конечно, прійдётъ. И вотъ пришёлъ тотъ—плачетъ.

Онъ взялъ и подалъ ему нетронутый (кошель). Тотъ и держитъ, желая дать ему нѣкоторую часть; а старецъ и слышать не хочетъ. Тогда тотъ сталъ кричать: Подите, поглядите на Божьяго человѣка! что это онъ дѣлаетъ! А старецъ, убѣжавъ, вышелъ изъ города, чтобы его не узнали. А дѣлалъ онъ это, чтобы не стали его почитать.

О Жꙋринѣ древосѣчьцѣ.

Бѣ нѣкогда въ Кипрьстѣй странѣ бездождіе много. И моли Бога о семъ страны

О дровосѣкѣ Муринѣ.

Была нѣкогда въ Кипрской землѣ большая засуха. И молилъ Бога объ

[1]) Поимъ—взявъ, взявши; поѧти—взять.

[2]) Дасть—онъ далъ; дахъ—я далъ; дахомъ,—мы дали: дасте—вы дали; даша—они дали.

[3]) Небрежаше — онъ не обращалъ вниманья; небрежахъ, небрежахомъ, небрежасте, небрежаху.

[4]) Начатъ — онъ началъ (такъже, какъ: поѧтъ — онъ взялъ); начахъ, начахомъ, начасте, начаша.

[5]) Сь—сей, этотъ; си—сія, эта; се—сіе, это.

том [1]) епископъ, и бысть гласъ съ небесе, глаголя ему: Иди по утрени ко онѣмъ вратомъ града и, егоже аще [2]) узриши въходяща первѣе, того удержи, да помолить ся; и придеть вы [3]) дождь. Сотвори же епископъ тако: изыде со клиросомь своимь и сѣде [4]) у вратъ града.

И се въходяше [5]) единъ старець, нося бремя дровъ на проданіе. Въста [6]) епископъ и удержа его. И абіе сложи съ раму [7]) си [8]) бремя

этомъ епископъ той страны, и былъ голосъ съ неба, говорившій ему: Иди послѣ утрени къ тѣмъ (дальнимъ) воротамъ города, и, если кого увидишь входящаго прежде (другихъ), того и останови, чтобы онъ помолился; и будетъ вамъ дождь. И сдѣлалъ епископъ такъ: вышелъ съ причтомъ своимъ и сѣлъ у воротъ города.

И вотъ входитъ одинъ старикъ, неся беремя дровъ на продажу. Всталъ епископъ и остановилъ его. И тотъ тотчасъ сложилъ себѣ

---

[1]) Том—той; тъ—тотъ, та—та, то—то; того, том, того.

[2]) Аще—если.

[3]) Вы—вамъ.

[4]) Сѣде—онъ сѣлъ; сѣдохъ, сѣдохомъ, сѣдосте, сѣдоша.

[5]) Въходяше—онъ входилъ; въходяхъ, въходяхомъ, въходясте, въходяху.

[6]) Въста — онъ всталъ; въстахъ, въстахомъ, въстасте, въсташа.

[7]) Съ раму—съ (обоихъ) плечъ; рамо—плечо, рамѣ—(оба) плеча, раму—(обоихъ) плечъ. (обоихъ) плечахъ, рамома—(обоимъ) плечамъ, (обоими) плечами; рамена—плечи.

[8]) Си—себѣ; себе—себя; себѣ или си, ся—себя.

дрокъ. И, поклоньсѧ [1]) емꙋ епископъ, помоли сѧ емꙋ, глаголѧ: «Авва! Господа ради помоли сѧ, да послѣть [2]) намъ Господь милость и бꙋдеть нынѣ на землю дождь!» Старець же недостойна сѧ глаголаше. И яко [3]) прилежаше [4]) емꙋ епископъ, да сѧ помолить, и яко, преклонивъ колѣни, помоли сѧ, и сниде дождь

съ плечъ беремя дровъ. И, поклонившись ему, епископъ попросилъ его, говоря: «Отецъ мой! Господа ради, помолись, чтобы послалъ намъ Господь милость свою, и чтобы былъ нынче на землю дождь!» Но старикъ говорилъ, что онъ недостоинъ. И когда епископъ упрашивалъ его, чтобы онъ помолился, и когда онъ, преклонивъ колѣна, помолился, дождь и пошёлъ

Моли же старьца епископъ, глаголѧ: «Сотвори мꙋдрость, отче! пользы ради рьци [5]) намъ

И просилъ епископъ старика, говоря: «Окажи ты намъ милость, отецъ! поль-

[1]) Поклоньсѧ — поклонившись, поклонившійся; поклоньшисѧ — поклонившаяся, поклоньшесѧ — поклонившееся.

[2]) Послѣть — пошлётъ; послати — послати.

[3]) Яко — какъ, когда; такъ какъ.

[4]) Прилежаше — онъ настаивалъ; прилежати — не отступать, не отставать, настаивать.

[5]) Рьци — скажи; рѣци — сказать; реку — я говорю, я скажу; речеши — ты говоришь, ты скажешь; речеть — онъ говоритъ, онъ скажетъ; речемъ — мы говоримъ, мы скажемъ; речете — вы говорите, вы скажете; рекуть — они говорятъ, они скажутъ; рьцѣмъ — скажемте! Дьяконъ на ектеніи возглашаетъ: отъ всей души, отъ всего помышленія нашего рьцѣмъ вси! — а клиръ оканчиваетъ: Господи помилуй! — Рьцѣте — скажите!

житіе свое, да и мы поревнуемъ!»

И рече старець: «Прости мя, господи! азъ убо грѣшникъ есмь, на злыя дьни рождьсѧ[1]) и ничтоже имый[2]) покойна, имѣже[3]) моя бы утѣшилася душа! но се, яко видиши мя, исхожу изъ града и, собравъ бремя дровъ, и продамь то, куплю хлѣбъ, еже ѣмь; иного же не имамъ[4]) ничтоже, и сплю въ церкви, и, паки исходя, тоже творю; аще ли зимьно будеть, или

зы (нашей) ради, разскажи свою жизнь, чтобы и мы поревновали (по тебѣ)!»

И сказалъ старикъ: «Прости мнѣ, владыко! я—грѣшный человѣкъ, на горькую долю родившійся и ничего не имѣющій отраднаго, чѣмъ бы утѣшилась моя душа! а вотъ, какъ видишь ты меня, выхожу я изъ города и, собравъ беремя дровъ, продамъ его, и куплю хлѣба, который ѣмъ; а другаго нѣтъ ничего у меня; сплю въ церкви, и опять

---

[1]) Рождьсѧ — родившійся; рождьшисѧ — родившаяся; рождьшесѧ — родившееся; говорится тоже: родивъсѧ, родивъшисѧ, родивъшесѧ; родитисѧ—родиться.

[2]) Имый—имѣющій, имуци—имѣющая, имуще—имѣющее.

[3]) Имѣже—которымъ, чѣмъ; иже—который, яже—которая, еже—которое.

[4]) Имамъ—я имѣю, у меня есть; имаши—ты имѣешь, у тебя есть; имать—онъ имѣетъ, у него есть; имамы—мы имѣемъ, у насъ есть; имате—вы имѣете, у васъ есть; имуть — они имѣютъ, у нихъ есть. Священникъ возглашаетъ за обѣдней: Горѣ имѣемъ сердца! (т. е. пусть сердца у насъ будутъ въ выси!); а клиръ отвѣчаетъ: Имамы ко Господу! (т. е. они у насъ (обращены) къ Господу!)

слота день или два, и пребываю алченъ, хвалѧ Бога, доньдеже паки ведро бѹдеть, да възмогѹ изыти и сѣчи дрова.

выхожу и тоже дѣлаю; если же холодно бываетъ, или ненастье день или два, остаюсь голоднымъ, хваля Бога, пока снова ведро наступитъ, такъ что я могу выйти и рубить дрова.

И пользѹ пріимъ [1]) епископъ съ клиросомь его, и вси прославиша Бога о трѹдѣ старьчи [2]), и рекоша емѹ: Истиною ты еси свершилъ Писаніе: пришлець есмь азъ на земли. И поемъ [3]) его епископъ, препита [4]) и покои [5]), доньдеже престави сѧ къ Господѹ.

И епископъ, получившій пользу (назиданье) съ причтомъ своимъ, и всѣ—прославили Бога о трудѣ старика; и сказали ему: Самымъ дѣломъ исполнилъ ты Писаніе: «пришлецъ я на землѣ».—И епископъ, взявъ его, питалъ его и покоилъ, пока (не) преставился онъ къ Господу

---

[1]) Пріимъ—принявъ, принявшій; пріимъши—принявшая; пріимъше—принявшее; пріѧти—принять, получить.

[2]) О старчи—о старчьемъ; старьчь—старчій, стариковъ.

[3]) Поемъ—все равно, что: поимъ; поимъ, поимъши, поимъше.

[4]) Препита — онъ пропиталъ; препитахъ, препитахомъ, препитасте, препиташа; препитати—прокармливать, пропитывать.

[5]) Покои—онъ покоилъ; покоихъ, покоихомъ, покоисте, покоиша.

Житіе преподобнаго отца нашего Давида, иже [1]) прежде бѣ [2]) разбойникъ.

Сей святый и преподобный отецъ нашъ Давидъ бѣ прежде разбойникъ въ пустыни Ермопольстѣй живый [3]), многа зла [4]) творя, и многи убивая; тако золъ и суровъ, яко [5]) инъ [6]) никтоже: имѣ бо подъ собою дружины болѣе тридесяти, разбой съ нимъ творящихъ.

Единою же сѣдя съ ними въ горѣ, помысли свое житіе, и убоясь вельми Бога, яко таковое зло содѣя: и оставивъ

Житіе преподобнаго отца нашего Давида, который прежде былъ разбойникомъ.

Этотъ святой и преподобный отецъ нашъ Давидъ былъ прежде разбойникомъ, жившимъ въ пустынѣ Ермопольской, дѣлавшимъ многія злодѣйства и многихъ убивавшимъ; такъ (онъ былъ) золъ и суровъ, какъ никто другой: имѣлъ подъ своимъ начальствомъ дружины болѣе тридцати человѣкъ, дѣлавшихъ съ нимъ разбой.

Однажды, сидя съ ними на горѣ, онъ подумалъ о своёмъ житьѣ и весьма устрашился Бога, что сдѣ-

[1]) Иже—который; яже—которая; еже—которое.

[2]) Бѣ — онъ былъ; бѣхъ — я былъ; бѣхомъ — мы были; бѣсте—вы были; бѣша—они были.

[3]) Живый—живущій, жившій.

[4]) Многа зла—многія бѣды, многія дурныя дѣла; много зло—многое зло.

[5]) Яко—какъ.

[6]) Инъ—иной, другой; ина—иная, другая; ино — иное, другое.

всѧ, ѥаже бѧхѹ [1]) съ нимъ, иде въ монастырь. Ударившѹ же емѹ во врата, изыде [2]) вратарь, и рече [3]) емѹ: что хощеши? Давидъ же рече емѹ: черноризецъ хощѹ быти. И шедъ [4]) вратарь, повѣда ѡ немъ игѹменѹ.

Пришедъ же игѹменъ видѣ его, ѩкѡ старъ есть мѹжъ, и рече емѹ: не можеши здѣ быти, ѩкѡ многъ трѹдъ имѣютъ братіѧ, и великое воздержаніе: ты же инагѡ нрава еси, и запѡвѣди монастырскіѧ не можеши хранити. Онъ же молѧшесѧ [5]) глаголѧ: всѧ, ѥаже повелите ми, сотворити [6]) имамъ, токмо пріимите мѧ. Игѹменъ же ѿрицаше, глаголѧ:

лалъ такое зло. И оставивъ все, что̀ съ нимъ было, пошёлъ въ монастырь. Когда онъ ударилъ въ ворота, вышелъ привратникъ и сказалъ ему: «Чего ты хочешь?» Давидъ же сказалъ ему: «Я хочу быть монахомъ». И привратникъ, пойдя, сказалъ о немъ игумену.

Игуменъ же пришедши увидѣлъ его, что онъ старый человѣкъ, и сказалъ ему: «ты не можешь быть здѣсь, такъ какъ у братіи много труда и велико воздержаніе; ты же другаго нрава и монастырскихъ уставовъ не можешь соблюдать». Онъ же просилъ, говоря: «все, что̀ повелите мнѣ, сдѣлаю, только примите меня».

---

[1]) Бѧхѹ—они были; бѧхомъ—мы были; бѧсте—вы были.

[2]) Изыде—вышелъ; изыдохъ—я вышелъ.

[3]) Рече—сказалъ; рекохъ—я сказалъ.

[4]) Шедъ—пойдя; пришедъ—пришедши.

[5]) Молѧшесѧ—онъ молился, онъ упрашивалъ; молѧхсѧ—я молился, я молилъ, я упрашивалъ.

[6]) Сотворити — сдѣлать; имамъ — я имѣю; сотворити имамъ—сдѣлаю.

не можеши ты жити съ нами.

Тогда рече ко игумену: «вѣжды [1]) отче [2]), яко [3]) азъ есмь Давидъ, старѣйшина разбойникомъ, пріидохъ же къ вамъ, да плачуся [4]) о грѣсѣхъ моихъ: аще ли [5]) мене [6]) не хощеши пріяти, то извѣщаю вамъ съ клятвою, яко иду на первое мое дѣло, и приведу съ собою, елико имамъ разбойники, и всѣ вы [7]) извію, и разорю монастырь вашъ». Сіе слышавъ игуменъ, помысъ [8]) его въ монастырь,

Игуменъ отказывалъ, говоря: «не можешь ты жить съ нами»

Тогда онъ сказалъ игумену: «знай, отецъ, что я—Давидъ, старшина разбойниковъ, и пришелъ я къ вамъ, чтобы плакаться о моихъ грѣхахъ; если же ты меня не хочешь принять, то объявляю вамъ съ клятвою, что пойду къ прежнему моему занятію, приведу съ собой сколько есть у меня разбойниковъ, и всѣхъ васъ перебью и разорю монастырь вашъ».

---

[1]) Вѣжды—вѣдай, знай.

[2]) Отче — отецъ (мой). батюшка! Отче нашъ — отецъ нашъ!

[3]) Азъ— я; мя — меня; азъ есмь Давидъ — я Давидъ, ты инаго нрава еси ты другого нрава; онъ старъ есть мужъ—онъ старый человѣкъ.

[4]) Да плачуся—чтобы плакаться.

[5]) Аще—если; аще ли—если же.

[6]) Мене—меня; мнѣ—мнѣ; ми—мнѣ.

[7]) Всѣ вы—всѣхъ васъ.

[8]) Помысъ—онъ взялъ; помыхъ—я взялъ; помыхомъ—мы взяли; помысте—вы взяли: помыша—они взяли.

и постриже того въ ангельскій образъ.

Нача же Давидъ подвизатисѧ воздержаніемъ, и ѡбѹчати себе смиренію, и въ малѣ времени всѣхъ, иже въ монастырѣ черноризцевъ превзыде [1]) добродѣтельми, и бѧше всѣмъ нѫ пользѹ житіемъ и словомъ. Єдиною же сѣдѧщѹ ємѹ въ келліи, ста предъ нимъ Гавріилъ архангелъ, глаголѧ [2]) ємѹ: «Давиде, Давиде, простилъ Господь грѣхи твоѧ, и бѹдеши ѿнынѣ чѹдеса творѧй [3])». Давидъ же ѿвѣща ко ангелѹ: «не могѹ семѹ вѣры ѧти [4]), аще [5]) простилъ ми Господь въ малѣ времени грѣхи моѧ, иже тѧжки сѹть сѣлѡ, и умножени паче песка морскагѡ».

Игуменъ, услышавъ это, взялъ его въ монастырь и постригъ въ ангельскій образъ.

И началъ Давидъ подвизаться въ воздержаніи и пріучать себя къ смиренію, и въ скоромъ времени всѣхъ черноризцевъ, которые были въ монастырѣ, превзошёлъ добродѣтелями, и былъ всѣмъ полезенъ жизнью и словомъ. Однажды, когда сидѣлъ онъ въ кельи, сталъ предъ нимъ Гавріилъ архангелъ, говоря ему: «Давидъ, Давидъ! простилъ Господь грѣхи твои и ты будешь отнынѣ творящимъ чудеса». Давидъ же отвѣчалъ ангелу: «не могу повѣрить тому, что простилъ Господь въ малое время грѣхи мои, которые весьма тяжки и несмѣтнѣе песка морскаго»

---

[1]) Превзыде — онъ превзошёлъ; превзыдохъ — я превзошёлъ.

[2]) Глаголѧ — говоря.

[3]) Творѧй — творящій.

[4]) Ѧти — взять, вѣрѹ ѧти — повѣрить.

[5]) Аще — что.

Архангелъ же рече къ немѹ: «азъ есмь Гавріилъ архангелъ, иже и Захарію не пощадѣхъ [1]) не вѣровавша словесемъ моимъ, но связахъ языкъ его въ наказаніе, да вѣрѹетъ [2]) глаголемымъ ѿ мене: тебе же ли имамъ пощадѣти; ѹбо [3]) ѿнынѣ да бѹдеши [4]) нѣмъ». Давидъ же поклонисѧ, и рече ко ангелѹ: «егда бѣхъ въ разбои, и неподобнаѧ дѣла творѧхъ, и мнѡги крѡви проліѧхъ, тогда не связалъ ми еси языка, не приносѧща славы Богѹ: егда же хощѹ работати Господеви, и хвалѹ емѹ приносити, то нынѣ языкъ мой вѧжеши, такѡ не бесѣдовати ми».

Глагола же емѹ ангелъ: «бѹди глаголѧ, егда Бога славиши, и молишисѧ емѹ въ канѡнѣ, кромѣ же тогѡ молчи». И та-

Архангелъ сказалъ ему: «я Гавріилъ Архангелъ, который не пощадилъ и Захарію, невѣровавшаго моимъ словамъ, а связалъ въ наказаніе его языкъ, чтобы онъ вѣровалъ говоримому мною; такъ тебя ли я пощажу? такъ вотъ отнынѣ пусть ты будешь нѣмъ!» Давидъ поклонился и сказалъ ангелу: «Когда я былъ разбойникомъ, совершалъ нехорошія дѣла и проливалъ много крови, тогда ты не связалъ мнѣ языка, неприносившаго славы Богу; когда же я хочу служить Господу и приносить ему хвалу, такъ ты вяжешь мой языкъ, такъ что мнѣ не (можно будетъ) говорить». Сказалъ ему ангелъ: «будь говорящимъ, когда будешь славить Бога и молиться Ему въ канонѣ; кромѣ того

[1]) Пощадѣхъ—я пощадилъ.
[2]) Да вѣрѹетъ—чтобы онъ вѣровалъ.
[3]) Ѹбо—такъ вотъ.
[4]) Да бѹдеши—будь.

кѡ наказавъ его ангелъ, ѿиде

Онъ же благодареніе воздаде[1]) Богѹ ѡ прощеніи согрѣшеній своихъ. Потомъ чѹдеса многа сотвори благодатію Божіею, слѣпымъ просвѣти, хрѡмымъ ходити сотвори, бѣсным исцѣли, и помше пѣснь въ церкви на молитвѣ, инагѡ же словесе не можаше изрещи такѡ другій Захарія. И пожив лѣта довшльна, всѣмъ бывъ на созиданіе, прейде ко Господѹ. и нынѣ предстоящи емѹ, не молча молитсѧ ѡ насъ: егѡже молитвами бѹди намъ полѹчити Господню милость, аминь.

молчи». И такъ наказавъ его, ангелъ удалился

Онъ же воздалъ благодареніе Богу о прощеніи своихъ согрѣшеній. Потомъ онъ сотворилъ Божіею благодатію много чудесъ, слѣпымъ отверзъ зрѣнье, хромыхъ сдѣлалъ ходящими, бѣсноватыхъ изцѣлилъ; и пѣлъ (только) въ церкви на молитвѣ, другаго же слова не могъ произносить, какъ второй Захарія. И прожившп много лѣтъ, бывъ для всѣхъ назиданіемъ, онъ отошелъ къ Господу; и нынѣ стоя предъ Нимъ, немолчно молится о насъ: его молитвами и мы да получимъ Господню милость. Аминь.

[1]) Воздаде—онъ воздалъ; воздахъ—я воздалъ, отдалъ, принесъ; воздахомъ, воздасте, воздаша.

КНИГА БЫТІЯ.

ГЛАВА I.

а҃. Въ нача́лѣ сотвори̑ Бг҃ъ[1]) нб҃о[2]) и҆ зе́млю.

в҃. Землѧ́ же бѣ̀ неви́дима, и҆ неꙋстро́ена: и҆ тма̑ верхꙋ̀ бе́здны: и҆ Дх҃ъ[3]) Бж҃їй[4]) ноша́шесѧ верхꙋ̀ воды̀

г҃. И҆ речѐ Бг҃ъ: да бꙋ́детъ свѣ́тъ: и҆ бы́сть свѣ́тъ.

д҃. И҆ ви́дѣ Бг҃ъ свѣ́тъ, ꙗ҆́кѡ добро̀: и҆ разлꙋчѝ Бг҃ъ межд̀ꙋ свѣ́томъ, и҆ межд̀ꙋ тмо́ю.

є҃. И҆ наречѐ Бг҃ъ свѣ́тъ де́нь, а҆ тмꙋ̀ наречѐ но́щь. и҆ бы́сть ве́черъ, и҆ бы́сть оу҆́тро, де́нь є҆ди́нъ.

ѕ҃. И҆ речѐ Бг҃ъ: да бꙋ́детъ тве́рдь посред̀ѣ воды̀: и҆ да

1. Въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю.

2. Земля же была безвидна и пуста, и тьма надъ бездною; и Духъ Божій носился надъ водою.

3. И сказалъ Богъ: да будетъ свѣтъ; и сталъ свѣтъ.

4. И увидѣлъ Богъ свѣтъ, что онъ хорошъ; и отдѣлилъ Богъ свѣтъ отъ тьмы.

5. И назвалъ Богъ свѣтъ днемъ, а тьму ночью. И былъ вечеръ, и было ꙋтро: день одинъ.

6. И сказалъ Богъ: да будетъ твердь посреди во-

---

1) Ногъ.
2) Небо.
3) Дꙋхъ.
4) Божїй.

бꙋ́детъ разлꙋча́ющи [1]) посредѣ̀ воды̀ и҆ воды̀, и҆ бы́сть та́кѡ.

з҃. И҆ сотвори̑ Бг҃ъ тве́рдь: и҆ разлꙋчи̑ Бг҃ъ межд̀ꙋ водо́ю, ꙗ҆̀же бѣ̀ под̀ тве́рдїю, и҆ межд̀ꙋ водо́ю, ꙗ҆̀же бѣ̀ над̀ тве́рдїю.

и҃. И҆ наречѐ Бг҃ъ тве́рдь, нб҃о: и҆ ви́дѣ Бг҃ъ, ꙗ҆̀кѡ добро̀. и҆ бы́сть ве́черъ, и҆ бы́сть оу҆̀тро, де́нь вторы́й.

ѳ҃. И҆ речѐ Бг҃ъ: да собере́тсѧ вода̀, ꙗ҆̀же под̀ нб҃се́мъ [2]), въ собра́нїе є҆ди́но, и҆ да ꙗ҆ви́тсѧ сꙋ́ша: и҆ бы́сть та́кѡ: и҆ собра́сѧ вода̀, ꙗ҆̀же под̀ нб҃се́мъ, въ собра̑нїѧ своѧ̀, и҆ ꙗ҆ви́сѧ сꙋ́ша.

і҃. И҆ наречѐ Бг҃ъ сꙋ́шꙋ, зе́млю: и҆ собра̑нїѧ во́дъ наречѐ, морѧ̀: и҆ ви́дѣ Бг҃ъ, ꙗ҆̀кѡ добро̀.

а҃і. И҆ речѐ Бг҃ъ: да прорасти́тъ землѧ̀ бы́лїе травно́е,

ды, и да отдѣляетъ она воду отъ воды; и стало такъ.

7. И создалъ Богъ твердь; и отдѣлилъ воду, которая подъ твердію, отъ воды, которая надъ твердію.

8. И назвалъ Богъ твердь небомъ; и увидѣлъ Богъ, что это хорошо. И былъ вечеръ, и было утро: день вторый.

9. И сказалъ Богъ: да соберётся вода, которая подъ небомъ, въ одно мѣсто; и да явится суша: и стало такъ. И собралась вода подъ небомъ въ свои мѣста, и явилась суша.

10. И назвалъ Богъ сушу землёю, а собраніе водъ назвалъ морями: и увидѣлъ Богъ, что *это* хорошо.

11. И сказалъ Богъ: да произраститъ земля зелень,

---

[1]) Разлꙋчающи — разлучающая, разлꙋчаѧ — разлучающій.

[2]) Небесемъ.

сѣющее сѣмѧ по ро́дꙋ и҆ по подо́бїю, и҆ дре́во плодови́тое, творѧ́щее пло́дъ, є҆мꙋ́же сѣмѧ є҆гѡ̀ въ не́мъ по ро́дꙋ на земли̑: и҆ бы́сть та́кѡ.

в҃і. И҆ и҆знесѐ землѧ̀ бы́лїе травно́е, сѣющее сѣмѧ по ро́дꙋ и҆ по подо́бїю, и҆ дре́во плодови́тое творѧ́щее пло́дъ, є҆мꙋ́же сѣмѧ є҆гѡ̀ въ не́мъ по ро́дꙋ на земли̑: и҆ ви́дѣ Бг҃ъ, ꙗ҆́кѡ добро̀.

г҃і. И҆ бы́сть ве́черъ, и҆ бы́сть оу҆́тро, де́нь тре́тїй.

д҃і. И҆ речѐ Бг҃ъ: да бꙋ́дꙋтъ свѣти́ла на тве́рди нб҃нѣй [1]), ѡ҆свѣща́ти зе́млю, и҆ разлꙋча́ти междꙋ̀ дне́мъ, и҆ междꙋ̀ но́щїю: И҆ да бꙋ́дꙋтъ въ зна́менїѧ, и҆ во времена̀ и҆ во дни̑, и҆ въ лѣта.

є҃і. И҆ да бꙋ́дꙋтъ въ просвѣще́нїе на тве́рди нб҃нѣй, ꙗ҆́кѡ свѣти́ти по земли̑: и҆ бы́сть та́кѡ.

ѕ҃і И҆ сотвори̑ Бг҃ъ два̀ свѣти́ла вели́каѧ: свѣти́ло ве-

траву сѣющую сѣмя, по роду и по подобію *ея*, и дерево плодовитое, приносящее по роду своему плодъ, въ которомъ сѣмя его на землѣ: и стало такъ.

12. И произвела земля зелень, траву, сѣющую сѣмя по роду и по подобію ея, и дерево плодовитое приносящее плодъ, въ которомъ сѣмя его по роду его на землѣ И увидѣлъ Богъ, что *это* хорошо.

13. И былъ вечеръ, и было утро: день третій.

14. И сказалъ Богъ: да будутъ свѣтила на тверди небесной, для освѣщенія земли, и для отдѣленія дня отъ ночи, и для знаменій, и временъ, и дней, и годовъ.

15. И да будутъ они свѣтильниками на тверди небесной, чтобы свѣтить на землю: и стало такъ.

16. И создалъ Богъ два свѣтила великія; свѣтило

---

[1]) Небеснѣй.

ли́кое въ нача̑ла днѐ, и҆ свѣти́ло ме́ншее въ нача̑ла но́щи, и҆ звѣ́зды.

з҃і. И҆ положѝ ѧ҆̀ Бг҃ъ на тве́рди нб҃нѣй, ꙗ҆́кѡ свѣти́ти на зе́млю,

н҃і. И҆ владѣ́ти дне́мъ и҆ но́щїю, разлꙋча́ти межд̀ꙋ свѣ́томъ и҆ межд̀ꙋ тмо́ю: и҆ ви́дѣ Бг҃ъ, ꙗ҆́кѡ добро̀.

ѳ҃і. И҆ бы́сть ве́черъ, и҆ бы́сть оу́тро, де́нь четве́ртый.

к҃. И҆ рече̑ Бг҃ъ: да и҆зведꙋ́тъ во́ды га́ды дꙋ́шъ живы́хъ, и҆ пти́цы лета́ющыѧ по землѝ, по тве́рди нб҃нѣй: и҆ бы́сть та́кѡ.

ка. И҆ сотворѝ Бг҃ъ ки́ты вели́кїѧ, и҆ всѧ́кꙋ дꙋ́шꙋ живо́тныхъ гадѡ́въ, ꙗже и҆зведоша во́ды по родѡ́мъ и҆́хъ, и҆ всѧ́кꙋ пти́цꙋ перна́тꙋ по ро́дꙋ: и҆ ви́дѣ Бг҃ъ, ꙗкѡ дѡбра̀ [1]).

большое, для управленія днёмъ, и свѣтило меньшее, для управленія ночью, и звѣзды.

17 И поставилъ ихъ Богъ на тверди небесной, чтобы свѣтить на землю,

18. И управлять днемъ и ночью, и отдѣлять свѣтъ отъ тьмы. И увидѣлъ Богъ, что *это* хорошо.

19. И былъ вечеръ и было утро: день четвертый.

20. И сказалъ Богъ: да произведётъ вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетятъ надъ землёю, по тверди небесной: и такъ стало.

21. И сотворилъ Богъ рыбъ большихъ и всякую душу животныхъ пресмыкающихся, которыхъ произвела вода, по роду ихъ, и всякую птицу пернатую по роду ея: и увидѣлъ Богъ, что *это* хорошо.

---

[1]) Ꙗко добра—что хорошія.

к҃в. И҆ бл҃гви̑[1]) ѧ҆ Бг҃ъ, гла-
го́лѧ: расти́тесѧ, и҆ мно́жи-
тесѧ, и҆ напо́лните во́ды, ꙗ҆́же
въ морѧ́хъ: и҆ пти́цы да
оу҆мно́жатсѧ на земли̑.

22. И благословилъ ихъ Богъ, говоря: плодитесь и размножайтесь и наполняйте во́ды въ моряхъ, и птицы да размножаются на землѣ.

к҃г. И҆ бы́сть ве́черъ, и҆ бы́сть
оу҆́тро, де́нь пѧ́тый.

23. И былъ вечеръ, и было утро: день пятый.

к҃д. И҆ рече̑ Бг҃ъ: да и҆зве-
де́тъ землѧ̀ дꙋшꙋ жи́вꙋ по ро́-
дꙋ, четверонѡгаѧ[2]) и҆ га́ды,
и҆ ѕвѣ́ри земли̑ по ро́дꙋ: и҆
бы́сть та́кѡ.

24. И сказалъ Богъ: да произведётъ земля душу живую по роду ея, скотовъ, и гадовъ, и звѣрей земныхъ по роду ихъ: и увидѣлъ Богъ, что *это* хорошо

к҃е. И҆ сотвори̑ Бг҃ъ ѕвѣ́ри
земли̑ по ро́дꙋ, и҆ скоты̀ по
ро́дꙋ и҆́хъ, и҆ всѧ̀ га́ды зем-
ли̑ по ро́дꙋ и҆́хъ: и҆ ви́дѣ Бг҃ъ,
ꙗ҆́кѡ дѡбра̀.

25. И создалъ Богъ звѣрей земныхъ по роду ихъ, и скотъ по роду его, и всѣхъ гадовъ земныхъ по роду ихъ: и увидѣлъ Богъ, что *это* хорошо.

к҃ѕ. И҆ рече̑ Бг҃ъ: сотво-
ри́мъ человѣ́ка по ѻ҆́бразꙋ
на́шемꙋ и҆ по подо́бїю: и҆ да
ѡ҆блада́етъ ры́бами морски́ми,
и҆ пти́цами нб҃ными[3]), [и҆
ѕвѣ́рми̑,] и҆ скота́ми, и҆ все́ю

26. И сказалъ Богъ: сотворимъ человѣка по образу Нашему, и по подобію Нашему; и да владычествуютъ они надъ рыбами морскими, и надъ

---

[1]) Бл҃гви—благослови.

[2]) Четвероногаѧ — четвероногія четверонозїи — четвероногіе.

[3]) Небесными.

землею, и всѣми гады [1]), пресмыка́ющимисѧ по земли̑.

птицами небесными, (и надъ звѣрями), и надъ скотомъ, и надъ всею землёю, и надъ всѣми гадами, пресмыкающимися по землѣ.

к҃з. И̑ сотвори̑ Бг҃ъ человѣка, по ѻ҆́бразꙋ Бж҃їю [2]) сотвори̑ є҆го̀: мꙋ́жа и҆ жен̑ꙋ сотвори̑ и҆́хъ.

27. И сотворилъ Богъ человѣка по образу Своему, по образу Божию сотворилъ его; мужчину и женщину сотворилъ ихъ.

кн. И̑ бл҃ви и҆хъ Бг҃ъ, гл҃ѧ [3]): расти́тесѧ и҆ мно́житесѧ, и҆ напо́лните зе́млю, и҆ госпо́дствꙋйте є҆́ю, и҆ ѡ҆блада́йте ры́бами морски́ми, [и҆ ѕвѣрми́], и҆ пти́цами нбными, и҆ всѣ́ми скота́ми, и҆ все́ю земле́ю, и҆ всѣ́ми га́дами, пресмыка́ющимисѧ по земли̑

28. И благословилъ ихъ Богъ, и сказалъ имъ Богъ: плодитесь, и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте надъ рыбами морскими, (и надъ звѣрьми), и надъ птицами небесными), и надъ всякимъ скотомъ, и надъ всею землею), и надъ всякимъ животнымъ, пресмыкающимся по землѣ.

к҃ѳ. И̑ рече̑ Бг҃ъ: се̑ да́хъ ва́мъ всѧ́кꙋю травꙋ̀ сѣ́меннꙋю сѣ́ющꙋю сѣ́мѧ, є҆́же є҆́сть вер-

29. И сказалъ Богъ: вотъ, Я вамъ далъ всякую траву сѣющую сѣмя, какая есть

---

[1]) Гады—гадами.

[2]) Божїю.

[3]) Глаголѧ

хꙋ землѝ всеѧ̀: и҆ всѧ́кое дре́во, є҆́же и҆́мать въ себѣ̀ пло́дъ сѣ́мене сѣ́меннагѡ, ва́мъ бꙋ́детъ въ снѣ́дь:

л҃. И҆ всѣ́мъ ѕвѣре́мъ земны́мъ, и҆ всѣ́мъ пти́цамъ небе́снымъ, и҆ всѧ́комꙋ гадꙋ̀, пресмыка́ющемꙋсѧ по землѝ, и҆́же и҆́мать въ себѣ̀ дꙋ́шꙋ живота́, и҆ всѧ́кꙋ травꙋ̀ зеле́нꙋю въ снѣ́дь: и҆ бы́сть та́кѡ.

л҃а. И҆ ви́дѣ Кг҃ъ всѧ̑, є҆ли̑ка сотвори̑: и҆ сѐ дѡбра̀ ѕѣлѡ̀. и҆ бы́сть ве́черъ, и҆ бы́сть оу҆́тро, де́нь шесты́й.

на всей землѣ, и всякое дерево, у котораго плодъ древесный, сѣющій сѣмя; вамъ *сіе* будетъ въ пищу.

30. А всѣмъ звѣрямъ земнымъ, и всѣмъ птицамъ небеснымъ, и всякому гаду пресмыкающемуся по землѣ, въ которомъ душа живая, далъ Я всю зелень травную въ пищу: и стало такъ

31. И увидѣлъ Богъ всё, что̀ Онъ создалъ, и вотъ, хорошо весьма. И былъ вечеръ, и было утро: день шестый.

ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ МАТѲЕЯ.

ГЛАВА XXIII.

л҃д. Фарїсе́е, слы́шавше, ꙗ҆́кѡ посрамѝ І҆и҃съ [1]) саддꙋке́и, собра́шасѧ вкꙋ́пѣ.

34. Фарисеи, услышавъ, что Іисусъ привёлъ саддукеевъ въ молчаніе, собрались вмѣстѣ.

л҃е. И҆ вопросѝ є҆ди́нъ ѿ ни́хъ законоꙋчи́тель, и҆скꙋша́ѧ є҆го̀, и҆ глаго́лѧ:

35. И одинъ изъ нихъ, законникъ, искушая Его, спросилъ, говоря:

л҃ѕ. Оу҆чи́телю, ка́ѧ [2]) за́повѣдь бо́льши [3]) є҆́сть въ зако́нѣ;

36. Учитель! какая наибольшая заповѣдь въ законѣ?

л҃з. І҆и҃съ же речѐ є҆мꙋ̀: возлю́биши Гд҃а [4]) Бг҃а [5]) твоего̀ всѣ́мъ срⷣцемъ [6]) твои́мъ, и҆ все́ю дꙋше́ю твое́ю, и҆ все́ю мы́слїю твое́ю:

37. Іисусъ сказалъ ему: возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душёю твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ.

л҃и. Сїѧ́ є҆́сть пе́рваѧ и҆ бо́льшаѧ за́повѣдь.

38. Сія есть первая и наибольшая заповѣдь.

л҃ѳ. Втора́ѧ же подо́бна є҆́й: возлю́биши и҆скреннѧго твоего̀, ꙗ҆́кѡ са́мъ себѐ.

39. Вторая же подобная ей: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя.

м҃. Въ сїю̀ ѻ҆бою̀ за̑повѣдїю весь зако́нъ и҆ проро́цы ви́сѧтъ.

40. На сихъ двухъ заповѣдяхъ утверждается весь законъ и пророки.

---

[1]) Іисусъ. [2]) Кїй—какой, каѧ—какая, кое — какое. [3]) Больши — бо́льшая, наибольшая. [4]) Господа. [5]) Бога. [6]) Сердцемъ.

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ.

Ѻ҃че [1]) на́шъ, И҆́же є҆сѝ на нб҃сѣ́хъ: да свѧ́титсѧ и҆́мѧ Твоѐ: да прїи́детъ цр҃ствїе Твоѐ: да бꙋ́детъ во́лѧ Твоѧ ꙗ҆́кѡ на нб҃сѝ, и҆ на землѝ. Хлѣ́бъ на́шъ насꙋ́щный да́ждь на́мъ дне́сь. И҆ ѡ҆ста́ви на́мъ до́лги на́шѧ, ꙗ҆́коже и҆ мы̀ ѻ҆ставлѧ́емъ должникѡ́мъ на́шымъ. И҆ не введѝ на́съ во и҆скꙋше́нїе, но и҆зба́ви на́съ ѿ лꙋка́вагѡ. Ꙗ҆́кѡ Твоѐ є҆́сть цр҃ство, и҆ си́ла, и҆ сла́ва во вѣ́ки, а҆ми́нь.

СѴМВОЛЪ ВѢРЫ.

Вѣ́рꙋю во є҆ди́наго Бг҃а [2]) Ѻ҆ц҃а̀ Вседержи́телѧ, Творца̀ нб҃ꙋ и҆ землѝ, ви́димымъ же всѣ́мъ и҆ неви́димымъ. И҆ во є҆ди́наго Гд҃а І҆и҃са Хр҃та̀, Сн҃а Бж҃їѧ, є҆диноро́днаго, И҆́же ѿ Ѻ҆ц҃а̀ рожде́ннаго пре́жде всѣ́хъ вѣ́къ: Свѣ́та ѿ Свѣ́та, Бг҃а и҆́стинна ѿ Бг҃а и҆́стинна, рожде́нна, несотворе́нна, є҆диносꙋ́щна Ѻ҆ц҃ꙋ̀, И҆́мже всѧ̀ бы́ша. На́съ ра́ди человѣ́къ, и҆ на́шегѡ ра́ди спасе́нїѧ сше́дшаго съ нб҃съ, и҆ воплоти́вшагосѧ

---

[1]) Ѻ҃че—отче́. Нб҃сѣ́хъ—небесѣ́хъ. Цр҃твїе — царствїе. Нб҃сѝ—небеси. Цр҃тво—царство.

[2]) Бг҃а—Бога. Оц҃а̀—отца. Нб҃у—небу. Гд҃а—Господа. І҆и҃са—Іисуса. Хр҃та̀—Христа. Сн҃а—сына. Бж҃їѧ—Божїѧ. Оц҃ꙋ̀— Отцꙋ̀. Нб҃съ—небесъ.

ѿ Дх҃а [1]) Ст҃а, и҆ Мр҃іи Дв҃ы, и҆ вочеловѣчшасѧ. Распѧтаго же за ны при Понтїйстѣмъ Пїлатѣ, и҆ страда́вша, и҆ погребе́ша. И҆ воскре́сшаго въ третїй де́нь по писа́нїемъ. И҆ возше́дшаго на нб҃са̀, и҆ сѣдѧ́ща ѡ҆десну́ю Ѻ҆ц҃а̀. И҆ па́ки грѧду́щаго со славою су́дити живы́мъ и҆ ме́ртвымъ, Є҆гѡ́же цр҃твїю не бу́детъ конца̀. И҆ въ Дх҃а Ст҃а́го, Гд҃а, животворѧ́щаго, И҆́же ѿ Ѻ҆ц҃а̀ и҆сходѧ́щаго, И҆́же со Ѻ҆ц҃е́мъ и҆ Сн҃омъ спокланѧ́ема и҆ сла́вима, гл҃го́лавшаго Пр҃рѡ́ки. Во є҆ди́ну, ст҃у́ю, Собо́рную, и҆ А҆пл҃скую Цр҃ковь. И҆сповѣ́дую є҆ди́но крещє́нїе во ѡ҆ставле́нїе грѣхѡ́въ. Ча́ю воскр҃нїѧ ме́ртвыхъ, И҆ жи́зни бу́дущагѡ вѣ́ка, а҆ми́нь.

ДЕСЯТЬ ЗАПОВѢДЕЙ.

I А҆́зъ є҆́смь Гд҃ь [2]) Бг҃ъ тво́й, да не бу́дутъ тебѣ̀ бо́зи и҆ни́и ра́звѣ Менѐ.

II. Не сотвори̇̀ себѣ̀ ку́міра, и҆ всѧ́каго подо́бїѧ, є҆ли́ка на нб҃си̇̀ горѣ̀, и҆ є҆ли́ка на земли̇̀ ни́зу, и҆ є҆ли́ка въ вода́хъ под̾ земле́ю, да не поклони́щисѧ и҆̀мъ, ни послу́жиши и҆̀мъ.

III. Не во́змеши и҆̀мене Гд҃а Бг҃а твоегѡ̀ всу́е.

IV. По́мни де́нь суббѡ́тный, є҆́же свѧти́ти є҆го̀: ше́сть дне́й дѣ́лай, и҆ сотвори́ши (въ ни́хъ) всѧ̀ дѣла̀ твоѧ̀, въ де́нь же седмы́й суббѡ́та Гд҃у Бг҃у твоему̀.

---

[1]) Дх҃а—духа. Ст҃а—свѧта. Мр҃іи—Маріи. Дв҃ы—Дѣвы. Гл҃го́лавшаго — глаголавшаго. Пр҃ро́ки—пророки. Ст҃ую—свѧтую. А҆пл҃скую—апостольскую. Воскр҃нїѧ—воскресенїѧ.

[2]) Гд҃ь — Господь. Гд҃у — Господу. Бг҃у — Богу. Ѻ҆ц҃а̀—отца. Бл҃го—благо.

V. Чтѝ отца̀ твоегѡ̀ и̑ ма́терь твою̀, да бла́го тѝ бу́детъ, и̑ да долголѣ́тенъ бу́деши на землѝ

VI. Не уби̑й

VII. Не прелюбы̀ сотворѝ.

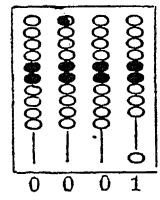
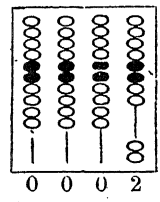
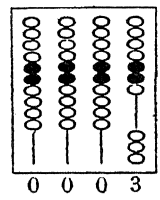
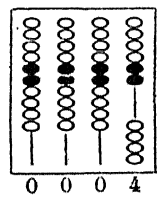
VIII. Не укра́ди.

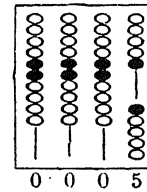
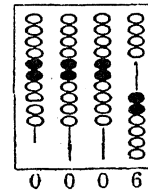
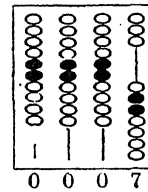
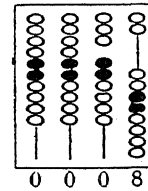
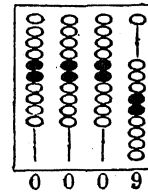
IX. Не послу́шествуй на дру́га твоего̀ свидѣ́тельства ло́жна

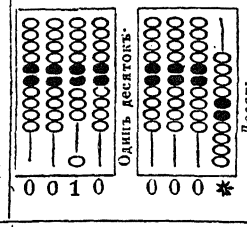
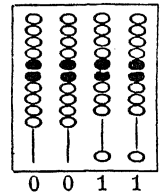
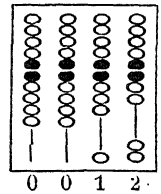
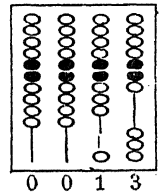
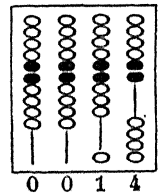
X. Не пожела́й жены̀ и̑скренняго твоегѡ̀, не пожела́й до́му̀ бли́жняго твоегѡ̀, ни села̀ е̂гѡ̀, ни раба̀ е̂гѡ̀, ни рабы́ни е̂гѡ, ни вола̀ е̂гѡ̀, ни о̑сла̀ е̂гѡ̀, ни всѧ́каго скота̀ е̂гѡ̀, ни всегѡ̀, е̂ли́ка су́ть бли́жняго твоегѡ̀.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СЧЕТЪ.

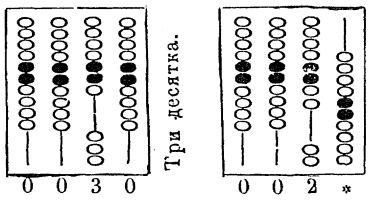
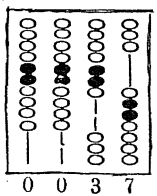
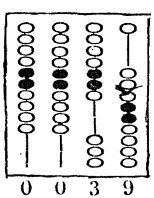
Названія.		Славянскія.	Римскія.	На счетахъ.	Арабскія.
Ничего и одинъ. Два безъ одного.	Одинъ.	А	I	 0 0 0 1	1
Одинъ и одинъ. Три безъ одного.	Два.	В	II	 0 0 0 2	2
Два и одинъ. Четыре безъ одного.	Три.	Г	III	 0 0 0 3	3
Три одинъ. Пять и одинъ.	Четыре.	Д	IIII или IV Пятокъ безъ одного.	 0 0 0 4	4

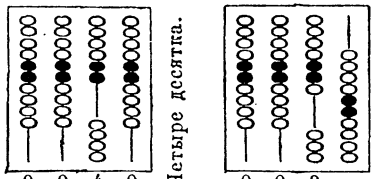
Названія.	Славянскія.	Римскія.	На счетахъ	Арабскія.
Четыре и одинъ. / Пять. / Шесть безъ одного.	Є	V Пятокъ	 0 0 0 5	5
Пять и одинъ. / Шесть. / Семь безъ одного.	Ѕ	VI Пятокъ и одинъ.	 0 0 0 6	6
Шесть и одинъ. / Семь. / Восемь безъ одного.	З	VII Пятокъ и два.	 0 0 0 7	7
Семь и одинъ. / Восемь. / Девять безъ одного.	Й	VIII Пятокъ и три.	 0 0 0 8	8
Восемь и одинъ. / Девять. / Девять безъ одного.	Ѳ	VIIII Пятокъ и четыре. или IX Десятокъ безъ одного.	 0 0 0 9	9

Названія.		Славянскія.	Римскія.		На счетахъ.	Арабскія. Десятки.	Арабскія. Простыя.
Девять и одинъ. Одинадцать безъ одного.	Десять.	Ī	X	Десятокъ.		1	0
Десять и одинъ. Двѣнадцать безъ одного.	Одинадцать.	ĀI	XI	Десятокъ и одинъ,	 Одинъ десятокъ и одинъ.	1	1
Десять и два. Тринадцать безъ одного.	Двѣнадцать.	B̄I	XII	Десятокъ и два.	 Одинъ десятокъ и два.	1	2
Десять и три. Четырнадцать безъ одного.	Тринадцать.	Ī̄I	XIII	Десятокъ и три.	 Одинъ десятокъ и три.	1	3
Десять и четыре. Пятнадцать безъ одного.	Четырнадцать.	D̄I	XIIII или XIV	Десятокъ и пятокъ безъ одного. Десятокъ и четыре.	 Одинъ десятокъ и четыре.	1	4

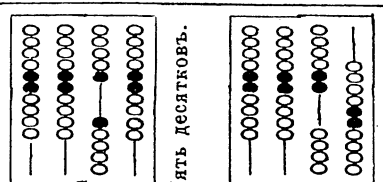
Названія.		Славянскія.	Римскія.		На счетахъ.	Арабскія. Десятки.	Арабскія. Простыя.
Десять и пять. Шестнадцать безъ одного.	Пятнадцать.	ЄI	XV	Десятокъ и пятокъ.	0 0 1 5 Одинъ десятокъ и пять.	1	5
Десять и шесть. Семнадцать безъ одного.	Шестнадцать.	ЅI	XVI	Десятокъ, пятокъ и одинъ.	0 0 1 6 Одинъ десятокъ и шесть.	1	6
Десять и семь. Восемнадцать безъ одного.	Семнадцать.	ЗI	XVII	Десятокъ, пятокъ и два.	0 0 1 7 Одинъ десятокъ и семь.	1	7
Десять и восемь. Девятнадцать безъ одного.	Восемнадцать.	ЙI	XVIII	Десятокъ, пятокъ и три.	0 0 1 8 Одинъ десятокъ и восемь.	1	8
Десять и девять. Двадцать безъ одного.	Девятнадцать.	ѲI	XIX	Десятокъ и десятокъ безъ одного.	0 0 1 9 Одинъ десятокъ и девять.	1	9

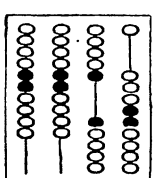
НАЗВАНІЯ		Славянскія	Римскія.	НА СЧЕТАХЪ.	Арабскія.	
					Десятки.	Простыя.
Девятнадцать и одинъ. Двадцать безъ одного.	Двадцать.	К	XX	Два десятка. 0 0 2 0 — Одинъ десятокъ и десять. 0 0 1	2	0
Двадцать семь и одинъ. Двадцать девять безъ одного.	Двадцать восемь.	КИ	XXVIII	Два десятка и восемь. 0 0 2 8	2	8
Двадцать восемь и одинъ. Тридцать безъ одного.	Двадцать девять.	К·О·	XXIX	Два десятка и девять. 0 0 2 9	2	9

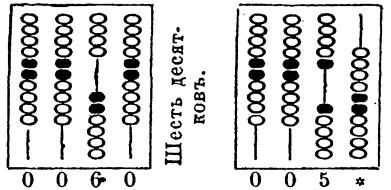
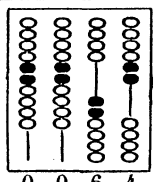
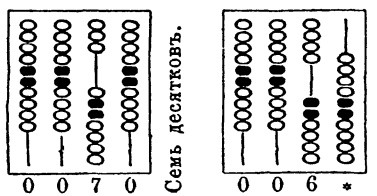
НАЗВАНІЯ.		Славянскія.	Римскія.	НА СЧЕТАХЪ.	Арабскія. Десятки.	Арабскія. Простыя.
Двадцать девять и одинъ. Тридцать одинъ безъ одного.	Тридцать.	Л҃	XXX		3	0
Тридцать шесть и одинъ. Тридцать восемь безъ одного.	Тридцать семь.	Л҃З	XXXVII		3	7
Тридцать восемь и одинъ. Сорокъ безъ одного.	Тридцать девять.	Л҃Ѳ	XXXIX		3	9



НАЗВАНІЯ.		Славянскія.	Римскія.	НА СЧЕТАХЪ.	Арабскія. Десятки.	Арабскія. Простыя.
Тридцать девять и одинъ. Сорокъ одинъ безъ одного.	Сорокъ.	М҃	XXXX или XL Полсотни безъ десятка.	0 0 4 0 Четыре десятка. 0 0 3 * Три десятка и десять.	4	0
Сорокъ девять и одинъ. Пятьдесятъ одинъ безъ одного.	Пятьдесятъ.	Н҃	L Полсотни.	0 0 5 0 Пять десятковъ. 0 0 4 * Четыре десятка и десять.	5	0
Пятьдесятъ восемь и одинъ. Шестьдесятъ безъ одного.	Пятьдесятъ девять.	Н҃Ѳ	LIX	0 0 5 9 Пять десятковъ и девять.	5	9





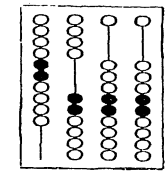
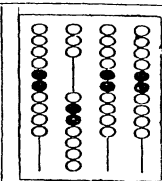
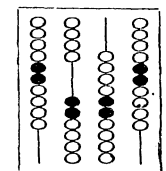
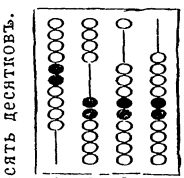
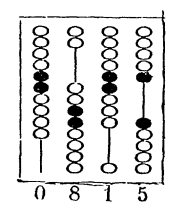
НАЗВАНІЯ.		Славянскія.	Римскія.	НА СЧЕТАХЪ.	Арабскія. Десятки.	Арабскія. Простыя.
Пятьдесятъ девять и одинъ. Шестьдесятъ одинъ безъ одного.	Шестьдесятъ.	ѯ҃	LX	 0 0 6 0 Шесть десятковъ. 0 0 5 * Пять десятковъ и десять.	6	0
Шестьдесятъ три и одинъ Шестьдесятъ пять безъ одного.	Шестьдесятъ четыре.	ѯ҃д	LXIV	 0 0 6 4 Шесть десятковъ и четыре.	6	4
Шестьдесятъ девять и одинъ. Семьдесятъ одинъ безъ одного.	Семьдесятъ.	о҃	LXX	 0 0 7 0 Семь десятковъ. 0 0 6 * Шесть десятковъ и десять.	7	0

НАЗВАНІЯ.		Славянскія.	Римскія.	НА СЧЕТАХЪ.	Арабскія. Десятки.	Арабскія. Простыя.
Семьдесятъ девять и одинъ. Восемьдесятъ одинъ безъ одного.	Восемьдесятъ.	Пї	LXXX	0 0 8 0 Восемь десятковъ. 0 0 7 * Семь десятковъ и десять.	8	0
Восемьдесятъ одинъ и одинъ. Восемьдесятъ три безъ одного.	Восемьдесятъ два.	Пѳ	LXXXII	0 0 8 2 Восемь десятковъ и два.	8	2
Восемьдесятъ девять и одинъ. Девяносто одинъ безъ одного.	Девяносто	Ч	LXXXX (Полсотни и четыре десятка.) или XC (Сотни безъ десятка.)	0 0 9 0 Девять десятковъ. 0 0 8 * Восемь десятковъ и десять.	9	0

Названія.		Славянскія.	Римскія.	На счетахъ.	Арабскія. Сотни.	Десятки.	Простыя.
Девяносто четыре и одинъ. Девяносто шесть безъ одного.	Девяносто пять.	ϞϚ	XCV	0 0 9 5 Девять десятковъ и пять.		9	5
Девяносто восемь и одинъ. Сто безъ одного.	Девяносто девять.	Ϟϴ	XCIX	0 0 9 9 Девять десятковъ и девять.		9	9
Девяносто девять и одинъ. Сто одинъ безъ одного.	Сто.	Ρ	C Сотня.	0 1 0 0 Одна сотня. 0 0 * 0 Десять десятковъ. 0 0 9 * Девять десятковъ и десять.	1	0	0

Названія.		Славянскія.	Римскія.	На счетахъ.	Арабскія. Сотни.	Десятки.	Простыя.
Сто девяносто восемь и одинъ. Двѣсти безъ одного.	Сто девяносто девять.	ρϞθ	CXCIX или CLXXXXVIIII	0 1 9 9 Сто девяносто девять.	1	9	9
Сто девяносто девять и одинъ. Двѣсти одинъ безъ одного.	Двѣсти.	С	CC Двѣ сотни.	0 2 0 0 Двѣ сотни. 0 1 * 0 Одна сотня и десять десятковъ. 0 1 9 * Одна сотня, девять десятковъ и десять	2	0	0
Двѣсти девяносто восемь и одинъ. Триста безъ одного.	Двѣсти девяносто девять.	СϞθ	CCXCIX	0 2 9 9 Двѣ сотни, девять десятковъ и девять.	2	9	9

Названія.		Славянскія.	Римскія.	НА СЧЕТАХЪ.	Арабскія. Сотни.	Десятки.	Простыя.
Двѣсти девяносто девять и одинъ. Триста одинъ безъ одного.	Триста.	Т҃	CCC Три сотни.	0 3 0 0 Три сотни. 0 2 * 0 Двѣ сотни и десять десятковъ. 0 2 9 * Двѣ сотни, девять десятковъ и десять.	3	0	0
Четыреста девяносто восемь и одинъ. Пятьсотъ безъ одного.	Четыреста девяносто девять.	ꙋ҃ч҃ѳ	CCCCXCIX или CDXCIX	0 4 9 9 Четыре сотни, девять десятковъ и девять.	4	9	9
Четыреста девяносто девять и одинъ. Пятьсотъ одинъ безъ одного.	Пятьсотъ	Ф҃	D Полтысячи.	0 5 0 0 Пять сотенъ. 0 4 * 0 Четыре сотни и десять десятковъ. 0 4 9 * Четыре сотни, девять десятковъ и десять.	5	0	0

Названія.		Славянскія.	Римскія.	НА СЧЕТАХЪ.	Арабскія. Сотни.	Десятки.	Простыя.
Шестьсотъ девяносто восемь и одинъ. Семьсотъ безъ одного.	Шестьсотъ девяносто девять.	ХЧ҃О	DCXCIX	 0 6 9 9 Шесть сотенъ, девять десятковъ и девять.	6	9	9
Шестьсотъ девяносто девять и одинъ. Семьсотъ одинъ безъ одного.	Семьсотъ.	Ѱ҃	DCC Полтысячи и двѣ сотни.	 0 7 0 0 Семь сотенъ  0 6 * 0 Шесть сотенъ и десять десятковъ.  0 6 9 * Шесть сотенъ, девять десятковъ и десять.	7	0	0
Восемьсотъ четырнадцать и одинъ. Восемьсотъ шестнадцать безъ одного.	Восемьсотъ пятнадцать.	Ѿ҃ЕІ	DCCCXV	 0 8 1 5 Восемь сотенъ, одинъ десятокъ и пять.	8	1	5

Названія.	Славянскія.	Римскія.	На счетахъ.	Арабскія. Тысячи.	Сотни.	Десятки.	Простыя.
Девятьсотъ девяносто восемь и одинъ. Тысяча безъ одного. } Девятьсотъ девяносто девять.	ЦЧѲ	DCCCCXCIX или CMXCIX			9	9	9
Девятьсотъ девяносто девять и одинъ. Тысяча одинъ безъ одного. } Тысяча.	҂Й	M		1	0	0	0
Тысяча шестьсотъ восемьдесятъ семь.	҂АХЇЗ	MDCLXXXVII		1	6	8	7

Названія.	Славянскія.	Римскія.	НА СЧЕТАХЪ.	Арабскія. Тысячи.	Сотни.	Десятки.	Простыя.
Три тысячи шестьдесятъ три.	҂ГѮГ	MMMLXIII	3 0 6 3 Три тысячи, шесть десятковъ и три. 2 * 6 3 Двѣ тысячи, десять сотенъ, шесть десятковъ и три.	3	0	6	3
Тысяча сто.	҂АР҃	MC	1 1 0 0 Одна тысяча и одна сотня. 1 0 * 0 Одна тысяча и десять десятковъ. 1 0 9 * Одна тысяча, девять десятковъ и десять.	1	1	0	0
Двѣ тысячи три.	҂ВГ҃	MMIII	2 0 0 3 Двѣ тысячи и три. 1 * 0 3 Одна тысяча, десять сотенъ и три. 1 9 * 3 Одна тысяча, девять сотенъ, десять десятковъ и три.	2	0	0	3

Названія.	Славянскія.	Римскія.	На счетахъ.	Арабскія. Тысячи.	Сотни	Десятки	Простыя.
Три тысячи восемьсотъ пять.	≠ГѮЄ	MMMDCCCV	Три тысячи, восемь сотенъ и пять. Три тысячи, семь сотенъ, десять десятковъ и пять.	3	8	0	5
Четыре тысячи сто пять.	≠ДѮЄ	MMMMCV	Четыре тысячи, одна сотня и пять. Четыре тысячи, десять десятковъ и пять.	4	1	0	5

ЦИФРЫ ДЛЯ ЧТЕНІЯ:

217, двѣсти семнадцать.
314, триста четырнадцать
5011, пять тысячъ одинадцать.
718, семьсотъ восемнадцать.
3019, три тысячи девятнадцать.
40, сорокъ; 90, девяносто.
200, двѣсти; 300, триста.
190, сто девяносто.
8040, восемь тысячъ сорокъ.
595, пятьсотъ девяносто пять.
643, шестьсотъ сорокъ три.
147, сто сорокъ семь.
298, двѣсти девяносто восемь.
196, сто девяносто шесть.
414, четыреста четырнадцать.
1241, тысяча двѣсти сорокъ одинъ.
2362, двѣ тысячи триста шестьдесятъ два.
390, триста девяносто.
240, двѣсти сорокъ.

5486 можно выговаривать: 5,486 пять тысячъ, четыреста восемьдесятъ шесть простыхъ. И можно выговаривать: 54,86 пятьдесятъ четыре сотни и восемьдесятъ шесть простыхъ. И ещё можно выговаривать: 548,6 пятьсотъ сорокъ восемь десятковъ и шесть простыхъ.

3,121=31,21=312,1. 8,965=89,65=896,5.

СЧЕТЪ СЛАВЯНСКИМИ ЦИФРАМИ.

Десять и пять—пятнадцать . . . . . І҃+Є҃=ЄІ.
Двадцать и семь=двадцать семь. . . . К҃+З҃=КЗ.
Тридцать и девять=тридцать девять . Л҃+Ѳ҃=ЛѲ
Сто и сорокъ=сто сорокъ . . . . . Р҃+М҃=РМ.
Триста и семьдесятъ и еще восемь=
триста семьдесятъ восемъ . . . . . Т҃+О҃+И҃=ТОИ.

Тридцать и пятьдесятъ=восемьдесятъ . . Л҃+Н҃=И҃.
Сорокъ пять и семнадцать=шесть-
десятъ два . . . . . М҃Є+З҃І=З҃В.
Триста и двѣсти=пятьсотъ . . . . . Т҃+С҃=Ф҃.
Сто девяносто девять и одинъ=двѣсти. РЧ҃Ѳ+А҃=С҃.
Четыреста двадцать восемь и
пятьсотъ семьдесятъ два=тысяча. ѸК҃И+ФО҃В=А҃.

Славянскія цифры помогаютъ въ счётѣ только тогда, когда къ десяткамъ присчитываешь простыя, или къ сотнямъ десятки. Тогда—только пишутся тѣже буквы. Напр. К҃+Ѳ҃=КѲ. А какъ только станешь считать простыя съ простыми, или десятки съ десятками, или сотни съ сотнями,—такъ на каждое число пишутся другія буквы. Напр: М҃+Н҃=Ч҃.

СЧЕТЪ РИМСКИМИ ЦИФРАМИ БЕЗЪ СОКРАЩЕНІЯ.

Десять и пять=пятнадцать. . . . . X+V=XV.
Восемь и шесть=четырнадцать . . VIII+VI=XIIII.
Тридцать пять и тринадцать=сорокъ восемь . . . . XXXV+XIII=XXXXVIII.
Сто тридцать семь и двадцать два=сто пятьдесятъ девять CXXXVII+XXII=CLIX.
Четыреста двадцать восемь и пятьсотъ семьдесятъ два=тысяча . . . . CCCCXXVIII+DLXXII=M

Чтобы считать Римскими цифрами, надо только списывать вмѣстѣ: тысячи M съ тысячами M; полтысячи D съ полтысячами D; сотни C съ сотнями C; полсотни L съ полсотнями L, десятки X съ десятками X; пятки V съ пятками V, и единицы I съ единицами I. И потомъ очесть сколько выйдетъ тысячъ, полтысячъ, сотенъ, полсотенъ, десятковъ, пятковъ, единицъ.

DCCLXXXVIII+DCCCLXXVIII=DDCCCCCLLXXXXXVVIIIII.

Когда написалъ—что вышло, тогда сводя единицы въ пятки, пятки въ десятки, десятки въ полсотни, полсотни въ сотни, сотни въ полтысячи, полтысячи въ тысячи:

IIII=V.
VV=X.
XXXXX=L.
LL=C.
CCCCC=D.
DD=M.

Было написано: DDCCCCCLLXXXXXVVIIIII.
Все равно: DDCCCCCLLXXXXXVVVI.
Все равно: DDCCCCCLLXXXXXXVI.
Все равно: DDCCCCCLLLXVI.
Все равно: DDCCCCCCLXVI.
Все равно: DDDCLXVI.
Все равно: MDCLXVI.

LVI+XXXXIIII=LXXXXVIIIII=LXXXXVV=LXXXXX=LL=C.

CLXXXIIII + XVI = CLXXXXVIIII = CLXXXXVV=CLXXXXX=CLL=CC.

CCCXXXXIII + DCLVII = DCCCCLXXXXVIIII = DCCCCLXXXXVV = DCCCCLXXXXX = DCCCCLL = DCCCCC=DD=M.

ПРИМѢРЫ ДЛЯ СЧЕТА РИМСКИМИ ЦИФРАМИ.

CCLIII+CCCLXXVI.
CCCCXXII+DXVIII.
DCLXXXXVIII+DLVI.
DCCLXXXII+XXV.
LXIIII+DCLXVI.
DCCCCXIII+CXII.

СЧЕТЪ РИМСКИМИ ЦИФРАМИ СЪ СОКРАЩЕНІЯМИ.

Для того, чтобы меньше писать Римскими цифрами, пишутъ тоже и такъ: четыре пишутъ не четыре палочки—IIII, а пишутъ пять и передъ пятью ставятъ одинъ,—значитъ пять безъ одной; четыре—IV. И девять пишутъ не пять и четыре—VIIII, а десять безъ одной—IX. И сорокъ пишутъ не четыре десятка—XXXX, а полсотни безъ десятка—XL. И девяносто пишутъ не пол-

сотни и четыре десятка—XCLXXXX, а сотню безъ десятка—XC. И четыре сотни пишутъ не четыре сотни—CCCC, а полтысячи безъ сотни — CD. И девятьсотъ пишутъ не полтысячи и четыре сотни—DCCCC, а тысячу безъ сотни—CM.

XXIX+XIV=XLIII.
CXLIII+LIV=CXCVIII.
XCV+XLIV=CXXXIX.
CXCIX+CDXCIX=DCXCVIII.
CDXXIX+CCCLXXVI=DCCCV.

Чтобы считать сокращёнными цифрами, надо точно также списывать вмѣстѣ тысячи, полтысячи, сотни, полсотни, десятки, пятки, единицы и потомъ сличать, сколько выходитъ тысячъ, полтысячъ, сотенъ, полсотенъ, десятковъ.

Считать надо такъ: Если надо счесть IV+IV, то выйдетъ два пятка, десятокъ; изъ десятка надо взять два, — останется восемь, и напиши VIII. Если надо счесть IV и V, то два пятка—десять, и изъ десяти надо взять одинъ; такъ и оставь одинъ, будетъ—IX. Если надо счесть IV+VI, то въ одномъ пяткѣ надо взять I, а къ другому прибавить; значитъ—ни прибавлять, ни убавлять,—будетъ X. Если счесть IX и IV, то надо изъ XV взять два, будетъ—XIII. Если счесть IX+XI, то у одного взять, къ другому прибавить по одному, будетъ — XX.

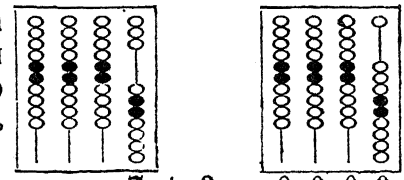
Также надо считать полсотни и сотни безъ десятковъ, и тысячи и полтысячи безъ сотенъ.

CXLIII + LIV = CXLLIVIII = CXLLVII = CXCVII.
CXCIX + CDXCIV = CDCXCXCIXIV = CDCXCXCXIII = CDCCLXXXXIII = CDCCLXLIII = CDCCXCIII = DCXCIII.

Считать сокращёнными Римскими цифрами трудно. Чтобы скорѣе считать, надо переводить сокращённыя на несокращённыя.

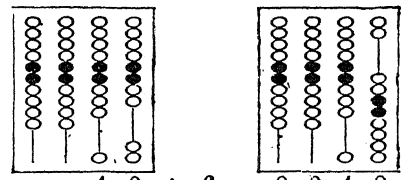
СЧЕТЪ НА СЧЕТАХЪ И АРАБСКИМИ.

7 и 2. Положи на *простыхъ* 7 костей и еще 2. Сочти, сколько выйдетъ, и запиши подъ простыми 9.



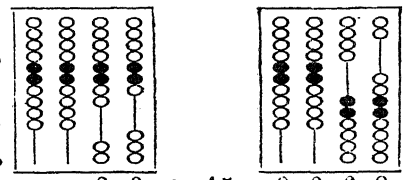
7 + 2 = 0 0 0 9

12 и 6. Положи одинъ десятокъ и двѣ простыхъ. Къ простымъ приложи 6. Сочти и запиши подъ простыми 8, подъ десятками 1.



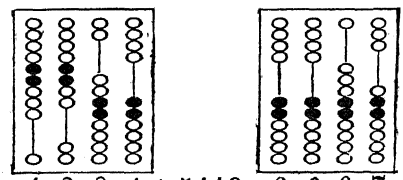
1 2 + 6 = 0 0 1 8

23 и 45. Положи 2 десятка и 3 простыхъ. Къ десяткамъ приложи 4. Сочти и запиши подъ десятками 6. Къ простымъ приложи 5; сочти и запиши подъ простыми 8.



2 3 + 45 = 0 0 6 8

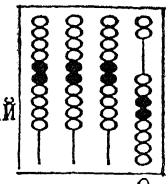
1284+5413=



1 2 8 4 + 5413 = 6 6 9 7

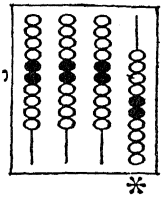
8 и 6.

Положи 8 простыхъ и прикладывай 6 по одной.



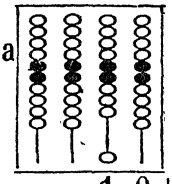
8+2

Двѣ приложишь,—будетъ всего десять, а 4-хъ не достанетъ.



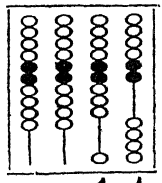
*

Скинь назадъ десять простыхъ, а на мѣсто ихъ положи одинъ десятокъ.



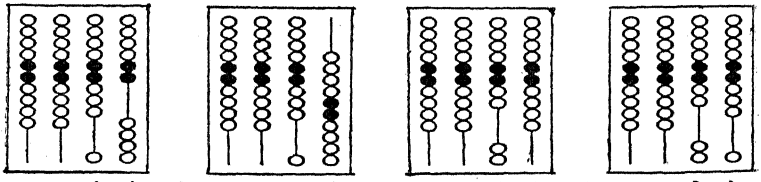
1 0+4

Положи въ простыхъ 4. Вышло 14.

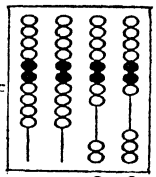
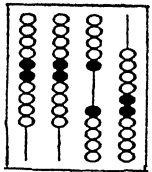
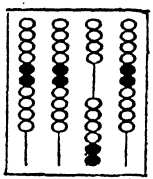


1 4

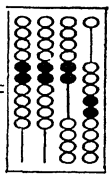
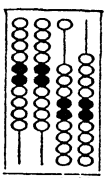
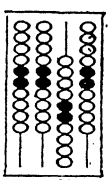
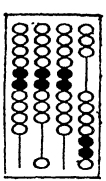
14 + 7 =



1 4+6= 1 * 2 0+1= 2 1

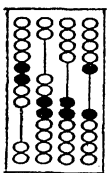
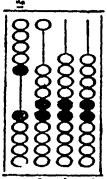
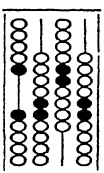
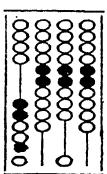
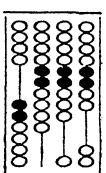
23+37= 



2 3+37= 5 * = 6 0

49+58= 




4 9+51= 9* = *0+7= 107

2865+3147=6012

2 8 6 5 +3145=5 9 * * = 5 * 0 * = 6 0 1 0 +2= 6 0 1 8

ТАБЛИЦА АРАБСКИХЪ ЧИСЕЛЪ ДО МИЛЛІОНА.

Милліоны.	Сотни тысячъ.	Десятки тысячъ.	Тысячи.	Сотни.	Десятки.	Простыя.		Милліоны.	Сотни тысячъ.	Десятки тысячъ.	Тысячи.	Сотни.	Десятки.	Простыя.
9	3	4	1	0	5	2		3	2	9	6	3	8	6
7	8	0	4	8	3	7		4	5	2	7	8	9	1
3	0	7	6	3	2	9		1	3	7	4	3	5	2
	1	2	0	5	4	8					3	6	0	8
		6	9	5	3	2			7	4	2	5	9	0
			6	4	1	0						1	8	3

5624328 можно выговаривать: пять *милліоновъ*, шестьсотъ двадцать четыре тысячи, триста двадцать восемь простыхъ

56,24328 можно еще выговаривать: пятьдесятъ шесть *сотенъ тысячъ*, и двадцать четыре тысячи триста двадцать восемь простыхъ.

562,4328 можно еще выговаривать: пятьсотъ шестьдесятъ два *десятка тысячъ*, и четыре тысячи триста двадцать восемь простыхъ.

5624,328 можно еще выговаривать: пять тысячъ, шестьсотъ двадцать четыре *тысячи*, и триста двадцать восемъ простыхъ.

56243,28 можно еще выговаривать: пятьдесятъ шесть тысячъ двѣсти сорокъ три *сотни*, и двадцать восемь простыхъ.

562432,8 можно еще выговаривать: пятьсотъ шестьдесятъ двѣ тысячи четыреста тридцать два *десятка*, и восемь простыхъ.

1382516 можно выговаривать: одинъ милліонъ, и триста восемьдесятъ двѣ тысячи, пятьсотъ шестьнадцать. Еще 13,82516 можно выговаривать: тринадцать сотенъ тысячъ, и восемьдесятъ двѣ тысячи пятьсотъ шестнадцать. Еще 138,2516 можно выговаривать: сто тридцать восемь десятковъ тысячъ, и двѣ тысячи пятьсотъ шестьнадцать. Еще 1382,516 можно выговаривать: тысяча триста восемьдесятъ двѣ тысячи, и пятьсотъ шестнадцать. Еще 13825,16 можно выговаривать: тринадцать тысячъ восемьсотъ двадцать пять сотенъ, и шестнадцать простыхъ. Еще 138251,6 можно выговаривать: сто тридцать восемь тысячъ двѣсти пятьдесятъ одинъ десятокъ, и шесть простыхъ.

ДЛЯ УЧИТЕЛЯ.

КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Уменье читать и писать состоитъ изъ

1) Умѣнья отличать одну букву отъ другой и изображать буквы,

2) Умѣнья соединять буквы въ слоги и разлагать слоги на буквы,

3) Умѣнья соединять слоги въ слова и разлагать слова на слоги и

4) Умѣнья въ словахъ правильно произносить и писать тѣ буквы, которыя пишутся не такъ, какъ произносятся.

I.

Для изученія буквъ есть много различныхъ способовъ,—и всѣ они хороши, если ученикъ не скучаетъ. Для одного ученика, и въ особенности для ребенка въ семьѣ, общеупотребительный способъ картинокъ предметовъ, начинающихся по буквамъ,—есть самый лучшій, только картинки должны быть такія, чтобы ученикъ безошибочно называлъ предметъ именемъ, начинающимся съ требуемой буквы. Для школы же лучшій и простѣйшій способъ слѣдующій.

Пишите мѣломъ на доскѣ, или вѣшайте на стѣнѣ, изображенія буквъ въ самыхъ большихъ размѣрахъ, такія, въ которыхъ была бы удержана только сущность фигуры каждой

буквы; называйте буквы и потомъ спрашивайте. Не стирайте и не снимайте буквъ, а постарайтесь найти мѣсто, чтобы всѣ буквы вмѣстѣ были видны ученику: это облегчаетъ запоминаніе. Называйте согласныя буквы всѣ безъ исключенія—ихъ звукомъ съ присоединеніемъ гласной *е*, т. е. *бе*, *ве*, *ге*, *де*, и т. д. И *м* называйте не *эмъ*, а *ме*; *р* не *эръ*, а *ре*; *ф* не *эфъ*, а *фе*, и т. д.

Гласную *ё* называйте *ъо*; *ы* называйте толстымъ *и*; *э* называйте *э*; *е* и *ѣ* одинаково называйте *ъе*; *ъ* называйте *еръ*; *ъ*—*еръ*; *й* называйте *ій*.

Послѣ того, какъ ученики стали узнавать изображенія буквъ и называть ихъ, заставляйте ихъ писать буквы. При писаньи не требуйте правильности въ изображеніи, а заботьтесь только о томъ, чтобы ученикъ выражалъ смыслъ сочетанія линій между собою, такъ чтобы видно было отличіе одной буквы отъ другой.

Въ особенности избѣгайте требованія правильности изображенія зависящей отъ руки, а не отъ головы ребенка.

Памятливый ученикъ выучитъ этимъ способомъ всѣ буквы въ одинъ урокъ.

II.

Умѣнье складывать состоитъ въ томъ, чтобы ученикъ научился понимать значеніе согласнаго звука безъ присоединенія какой-нибудь опредѣленной гласной, и могъ бы соединять его со всякою гласною. Для этой цѣли по старинному способу буквы назывались *буки*, *вѣди*, *глаголь*, и при складахъ ученика научали откидывать ненужные *уки*, *ѣди*, *лаголь* и т. д.

По новому способу буквы называютъ: *бъ*, *въ*, *гъ*, и т. д., и при складахъ научаютъ прямо соединять согласный звукъ съ гласнымъ, предполагая, что *бъ* есть только согласный звукъ. Но ученикъ точно также долженъ от-

кидывать полугласную ъ, оканчивающую каждую букву; ибо предположеніе, что *бъ* есть одинъ согласный звукъ — не вѣрно. По нѣмецки еще можно предположить, что f есть отдѣльный согласный звукъ; по по-русски *фъ* долженъ быть или *фъ*, или *фъ*. Такъ что этимъ способомъ, ничего не выигрывая при складахъ и только путая ученика,— очень много теряютъ при заучиваніи буквъ, ибо произношеніе *гъ*, *къ*, и т. п —почти невозможно.

Простѣйшій способъ заучиванія слѣдующій: заставьте ученика *на слухъ*, *безъ книги* складывать слоги оканчивающіеся гласною; говорите: *бе*, *ре*, *а—бра; де*, *ре*, *у—дру; же*, *не*, *и*,—*жни; б*, *а*,—*ба; з*, *а—за; с-т-р-у—стру; в-с-т-р-е—встре*, и т. д., и заставляйте его повторять за собою.

Ученикъ очень скоро привыкнетъ на слухъ откидывать ненужную гласную *е*.

Большое количество согласныхъ въ одномъ слогѣ—*встре*, и т. п., нисколько не затрудняетъ при этомъ ученика.

Почти всякій ученикъ, послѣ десяти такихъ повторенныхъ за учителемъ *на слухъ* складовъ, уже самъ начинаетъ складывать. Вы говорите ему *пе*, *ре*, *о*,—и онъ прямо отвѣчаетъ *про*, и т. д.

Когда ученикъ усвоитъ себѣ вполнѣ пріемъ откидыванія *на слухъ* ненужной гласной *е*, дѣлайте съ нимъ обратное, тоже *на слухъ*, т. е. говорите: *бра—бе*, *ре*, *а; дру—де*, *ре*, *у*; —и ученикъ также скоро усвоитъ себѣ пріемъ *на слухъ* разлаганія слоговъ и прибавленія гласной *е* къ согласнымъ звукамъ.

Тогда заставьте ученика читать и складывать тоже самое по книгѣ или доскѣ, и точно также раскладывать и писать.

Наибольшая трудность при складываніи будетъ встрѣчаться при складахъ на *е*, *ъ* и *ь*. При складахъ на *е* и *ъ* труд-

ность будетъ состоять въ томъ, что тутъ (напр. *бе, е—бе*) *е* дано ученику два раза, и онъ будетъ затрудняться въ откидывании ненужнаго *е* болѣе, чѣмъ всякой другой гласной. Другая трудность будетъ состоять въ томъ, что такъ какъ *е, ѣ, ю* и *я* выговариваются какъ *ье, ъѣ, ъю* и *ъя* въ началѣ слова,—то ученикъ будетъ складывать иногда: *бе, е,—бье; бе, ю—бью, бе, я,—бья;* и потому нужно на слоги *бя, бе, бѣ, бю*—обратить особое вниманіе.

Когда ученикъ вполнѣ овладѣетъ складами кончающимися на гласную,—заставьте его точно также повторяетъ за собою склады, кончающіеся на полугласныя *ъ, ь,* и *й*, такъ: *те, еръ — тъ,*—почти какъ *ты,—те, ерь—ть,*—почти какъ *ти; бе, а, ій—бай; рой, дай, лай*, и т д.

Потомъ заставьте разлагать эти слоги на буквы, такъ: *тъ—те, еръ; ть—те, ерь; бай—бе, а, ій;* и т. д.

Потомъ заставьте его читать эти склады и писать ихъ.

III.

Умѣнье соединять слоги въ слова состоитъ въ томъ, чтобы, прочтя одинъ слогъ, ученикъ, не забывая этого слога, прочелъ-бы второй и присоединилъ бы его къ первому. Обыкновенно ученикъ напрягаетъ такъ сильно свое вниманіе на разобраніе одного слога, что разобравъ второй, онъ забываетъ первый. Сложивъ въ словѣ *баня* слогъ *ба*, онъ, складывая и читая *ня*,—забываетъ *ба*, и, повторяя два раза первый слогъ или второй (особенно, если слоги эти похожи), говоритъ *няня* или *баба*.

Выберите такія двусложныя слова, чтобы слоги ихъ наименѣе были между собою похожи, такъ какъ сходство слоговъ сбиваетъ учениковъ, и, говоря ученику буквы складовъ, заставляйте его *на слухъ, безъ книги* складывать, и, говоря ему склады, заставляйте его раскладывать ихъ

на буквы. Напр. вы говорите: *к*, *р*, *ы*,—онъ произноситъ: *кры*. Вы говорите: «помни *кры*», и говорите дальше: *с*, *а*,—онъ произноситъ: *са*. Вы спрашиваете: «что̀ вмѣстѣ?»—«*крыса*».

И обратно. Вы спрашиваете: «какъ разложить *крыса*, сначала на слоги, и потомъ каждый слогъ на буквы?» И онъ отвѣчаетъ: *к*, *р*, *ы*, и *с*, *а*. Рѣдко ученикъ скажетъ сразу—к-р-ы-с-а; большею частью, когда вы спросите: «какъ сложить крыса?» онъ скажетъ: *к*, *а*, или что-нибудь подобное. Произнесенное имъ слово кажется ему такъ коротко, что онъ не можетъ вообразить, что нужно пять буквъ для его изображенія.

Прежде чѣмъ разлагать слова на буквы, нужно пріучить учениковъ произносить ихъ медленно, разлагая на слоги.

Такимъ образомъ пройдите постепенно поставленныя по порядку трудности 13 №№ упражненій третьяго отдѣла (III, стр. 18), и когда ученикъ вполнѣ усвоитъ себѣ этотъ пріемъ соединенія и разложенія словъ на слухъ, заставьте его дѣлать тоже самое по книгѣ и на доскѣ, т. е. при чтеніи и письмѣ.

Объ удареніи ненужно и нельзя говорить ученику, такъ какъ нельзя указать правилъ для ударенія. Надо заботиться только о томъ, чтобы слова были понятны для ученика. Въ понимаемомъ словѣ ученикъ найдетъ мѣсто ударенію также хорошо, какъ и учитель.

Послѣ этого ученикъ пусть читаетъ изреченія третьяго отдѣла (стр. 18—30), *всѣ выговариваемыя, какъ они пишутся*, и пусть пишетъ подъ диктовку.

Диктовать надо ученику такія слова, которыя-бы писались такъ, какъ они выговариваются. Въ упражненія вставлены неизвѣстныя еще ученику буквы обыкновеннаго и скорописнаго шрифта.

Умѣнье соединять слоги въ слова и разлагать слова на слоги пріобрѣтается медленнѣе другихъ умѣній.

IV.

Умѣнье правильно произносить и писать буквы состоитъ въ знаніи нѣкоторыхъ особенностей произношенія и въ знаніи измѣненій въ произношеніи того-же слова, зависящихъ отъ различныхъ грамматическихъ формъ и отъ принятаго говора.

Главнѣйшія изъ этихъ измѣненій слѣдующія:

1) *о* въ *а*, 2) *б* въ *п*, 3) *в* въ *ф*, 4) *з* въ *с*, 5) *г* въ *х*, 6) *г* въ *к*, 7) *ч* въ *ш*, 8) *д* въ *т*, 9) *я* въ *е*, 10) *ж* въ *ши*, 11) *тся* и *ться* въ *ца*, 12) *к* въ *х*, 13) *г* въ *в*, 14) *а* въ *о*, 15) *с* въ *з*, 16) *и* въ *ы*, 17) *ій* въ *ой*, 18) *а* въ *е*, 19) *ый* въ *ой*, 20) *ій* въ *ей*.

Ученикъ еще прочтетъ иногда правильно (если угадаетъ удареніе) слово, пишущееся не такъ, какъ выговаривается; но всякій ученикъ напишетъ: *мнь хочеца*, *малако*, а не «хоче*тся*», «*м*олоко»; и потому надобно обратить его вниманіе на различіе письма и произношенія. Заставляйте ученика читать упражненія четвертаго отдѣла (IV, стр. 31—59), выговаривая верхнюю букву; обращайте его вниманіе на то, какъ слово пишется и какъ выговаривается и какъ не должно писаться; и тамъ, гдѣ это возможно въ примѣрахъ,— на причину, почему слово такъ пишется.

Одновременно съ этими упражненіями заставляйте ученика писать изъ головы самыя простыя изреченія,— лучше всего тѣ самыя, которыя онъ только что-сказалъ, не думая о нихъ;—или пусть пишетъ подъ диктовку другихъ учениковъ, но отнюдь не по книгѣ.

При письмѣ не надо стѣснять ученика требованіемъ правильности; пускай его пишетъ «малако». «фсатъ» вмѣсто «молоко», «въ садъ», и т. д. Поправляйте его уже тогда, когда онъ кончилъ писать. Писать могутъ ученики и печатными и скорописными буквами, или и тѣми и другими вмѣстѣ, если они еще не выучились писать скорописными.

КО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Вторая часть состоитъ изъ статей для русскаго чтенія и имѣетъ двоякую цѣль: 1) Упражненіе учениковъ въ разсказѣ и сочиненіяхъ. 2) Упражненія грамматическія.

Заставляя учениковъ разсказывать басни, нужно стараться, чтобы ученики передавали не только самое содержаніе басни, но и тотъ общій выводъ, который по ихъ понятіямъ вытекаетъ изъ басни.

Заставляя разсказывать статьи втораго отдѣла (II, стр. 72—90), нужно стараться, чтобы ученики передавали подробности разсказа.

Описанія должны служить ученикамъ образцами для сочиненій.

По прочтеніи сказокъ требуйте отъ ученика преимущественно связнаго изложенія хода дѣла

Въ третьемъ отдѣлѣ (III, стр. 91—98) обращайте вниманіе ученика на тѣ свѣденія, которыя передаются въ статьяхъ этого отдѣла. Большая часть статей этого отдѣла назначена преимущественно для вызова учениковъ на вопросы по различнымъ отраслямъ знанія. Отвѣты зависятъ отъ знанія и умѣнія учителя.

Въ четвертомъ отдѣлѣ (IV, стр. 99—101) обращайте вниманіе на ударенія. Если ученикъ не можетъ самъ усвоить правильнаго ударенія, то прочтите сами нѣсколько стиховъ.

Статьи второй части составлены такъ, что всякій ученикъ можетъ все понять въ нихъ; но для этого онъ долженъ правильно прочесть и произнести каждое слово, и кромѣ того обратить вниманіе на знаки припинанія.

Поэтому не торопитесь чтеніемъ, а заставьте ученика по нѣскольку разъ прочитывать и разсказывать прочитанное. Кромѣ разсказа, для того, чтобы убѣдиться, что ученикъ понялъ смыслъ прочитаннаго, надо вызывать ученика на

свои замѣчанія о томъ, что прочитано. Но не надо вызывать на это ученика вопросами о значеніи каждаго прочитаннаго слова. Лучше самому прочесть и объяснить ученику смыслъ прочитаннаго, чѣмъ скучными вопросами возбуждать въ немъ на первыхъ шагахъ отвращеніе къ чтенію.

При прохожденіи каждаго отдѣла необходимо одновременно съ чтеніемъ упражнять ученика въ писаніи сочиненій изъ головы на заданную тему (лучше всего задавать описанія занимательныхъ событій, которыхъ ученикъ былъ свидѣтелемъ) и въ передачѣ письменно того, что прочелъ. Передача на письмѣ того, что онъ прочелъ въ азбукѣ, удобна для того, чтобы закрѣпить въ памяти ученика правописаніе словъ: буква ѣ въ корняхъ словъ напечатана особеннымъ шрифтомъ, чтобы легче запоминалась.

Упражненія грамматическія подраздѣляются на 3 слѣдующіе отдѣла:

1) Упражненія въ произношеніи (I, стр. 60—71).

На всѣ буквы, поставленныя курсивомъ, надо обратить вниманіе ученика, сначала объяснить ему, почему слово пишется не такъ какъ произносится; напримѣръ: *галупка* пишется «голубка», потому что мы говоримъ «голуби», а не «галупи»; а потомъ требовать и отъ него указаній на то, почему слово пишется не такъ, какъ произносится.

2) Упражненія въ знакахъ препинанія (II, стр. 72—90).

Знаніе знаковъ препинанія также необходимо для чтенія, какъ и знаніе буквъ.

Объясненіе значенія знаковъ возможно и необходимо при самомъ первоначальномъ обученіи.

Покажите сначала только точку, и дайте на точку упражненія въ письмѣ, въ чтеніи и разсказѣ.

Когда ученикъ говоритъ, — покажите ему, что онъ останавливается тамъ, гдѣ должна стоять точка.

Когда онъ узнаетъ точку, объясните ему другіе знаки въ томъ порядкѣ, въ какомъ они стоятъ въ упражненіяхъ этого отдѣла:

. : ; , „ “ ( ) ! ?

3) Упражненія въ предлогахъ (III, стр. 91—98).

Одну изъ главныхъ трудностей для правильнаго чтенія и писанія на русскомъ языкѣ составляютъ предлоги.

Всякій ученикъ при чтеніи проглатываетъ короткіе предлоги, какъ *о*, *у*, *съ*, *къ*, *въ*, и отъ этого теряетъ смыслъ читаемаго; а при писаніи—соединяетъ предлоги съ тѣми словами, какія стоятъ послѣ.

Пройдите съ ученикомъ упражненія въ предлогахъ, обращая его вниманіе на то, что коротенькія слова—*о*, *въ*, *къ*, и т. п.—такія же особенныя слова, какъ и самыя длинныя.

Большею частью, понявъ, что бываютъ коротенькія, особенныя слова: *въ*, *къ*,—ученикъ начинаетъ при писаніи дѣлать обратную ошибку, т. е. отставляетъ предлоги отъ глаголовъ и нарѣчій: *на—питься*, и даже *съ—нпгъ*, и т. п.

Для избѣжанія этихъ ошибокъ нужно обратить вниманіе ученика на то, что отъ примѣненія того или другаго предлога—различно измѣняются послѣдующія слова. Для этой цѣли нужно дать ученику много примѣровъ на каждый изъ употребительнѣйшихъ предлоговъ, и главное—заставить его самого составлять изреченія на заданные предлоги. Напримѣръ: скажи мнѣ что нибудь, гдѣ бы было слово *на*, или *къ*, или *съ*, и т. п.

КЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

На первыхъ страницахъ славянскаго отдѣла вставлены всѣ славянскія буквы, такъ что ученику не нужно учить славянскую азбуку—онъ прямо начнетъ читать, пройдя всѣ буквы. Заставляйте ученика читать лѣтопись прямо по-славянски Пускай онъ пытается понимать Въ выноскахъ поставлены непонятные слова и обороты въ переводѣ. Справляясь самъ въ выноскахъ ученикъ будетъ запоминать и тѣ и другіе.

Въ выноскахъ поставлены примѣры грамматическихъ формъ. Заставляйте ученика склонять и спрягать, по-русски и по-славянски, вынесенныя слова,—не упоминая ни о частяхъ рѣчи, ни о падежахъ, ни о лицахъ, временахъ и числахъ, а только заставляя видоизмѣнять слова.

Указанія на главнѣйшія грамматическія формы сдѣланы въ выноскахъ не столько для изученія славянской, сколько русской грамматики. Только послѣ сличенія на двухъ языкахъ большаго количества существительныхъ, прилагательныхъ и мѣстоимѣній въ различныхъ падежахъ и числахъ, и глаголовъ въ различныхъ лицахъ, числахъ и временахъ, должно назвать части рѣчи по ихъ имени и объяснить ихъ значеніе. Лѣтопись и житія переведены по возможности подстрочно. Въ случаѣ непониманія ученикъ пусть находитъ въ переводѣ, на соотвѣтствующемъ мѣстѣ, непонимаемое имъ слово или выраженіе; но пусть читаетъ сперва по-славянски. Священное писаніе переведено не подстрочно и потому ученикъ пусть читаетъ сперва по-русски, а потомъ по-славянски.

Чтобы облегчить ученикамъ сравненіе текста съ переводомъ, можно объяснить имъ нѣкоторыя самыя простыя правила, по которымъ переводъ отступаетъ отъ текста; напр.

1) По-славянски (мы здѣсь соединяемъ подъ общимъ именемъ церковно-славянскій и древне-русскій языки) бываютъ

обороты, которыхъ вовсе нѣтъ по русски Таковъ *дательный самостоятельный;* всего удобнѣе онъ переводится съ частицею *когда*. *Умножившимся человѣкомъ*—когда умножились люди (стр. 106); *Ондрею учащу*—когда Андрей училъ (стр. 109); *пришедшю ему*—когда онъ пришелъ (стр. 110) и проч.

2) Одно слово по-славянски переводится двумя по-русски. Такъ въ русскомъ къ глаголамъ часто прибавляются личныя мѣстоимѣнія,—*я*, *ты*, *онъ*, *мы*, *вы*, *они*, и слова ихъ замѣняющія,—*тотъ*, *кто*, и т. п., которыя по-славянски рѣже употребляются, такъ какъ лицо указывается самою формою глагола. *Помыслиша*—задумали они (стр. 106); *и есть въ высоту*—и онъ (есть) въ высоту (стр. 107); *иде*—пошелъ онъ (стр. 111.)

3) Два слова по-славянски переводятся однимъ по-русски. *Сѣли суть*—сѣли (стр. 108); *имать быти*—будетъ (стр. 110).

4) Одно и тоже слово не одно значитъ въ томъ и другомъ языкѣ. *Да* значитъ *а*, *такъ* (кромѣ значенія *пусть*, *чтобы*). *Но* не обозначаетъ всегда противоположенія, какъ по-русски, а только переходъ къ другому предмету, и переводится *а*, *и*. Частица *же* иногда переводится *же*, иногда *а*, *и*.

5) Разстановка словъ бываетъ разная. *Же*, когда переводится *же*, ставится позади, какъ и по-славянски; а когда переводится *а*, *и*, то эти частицы ставятся впереди. *Бо* по-славянски ставится позади, а *потому что* по-русски впереди.

6) Частица *и* употребляется по-славянски тамъ, гдѣ ея нельзя ставить по-русски. *Вставъ, и рече*—вставши, сказалъ (стр. 110). *Егда стояше, и забы*—когда стоялъ, забылъ (стр. 119).

По прочтеніи статей славянскаго отдѣла заставляйте ученика разсказывать прочитанное.

КЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

Десятичное счисленіе заключаетъ въ себѣ всю ариѳметику. Тотъ, кто умѣетъ считать впередъ и назадъ до ста, тотъ въ головѣ дѣлаетъ и сложеніе, и вычитаніе, и умноженіе, и дѣленіе, и возвышеніе въ степень, и извлеченіе корней. Тотъ, кто хорошо пойметъ счисленіе, тотъ легко пойметъ всю ариѳметику; и потому надо учить счисленію осторожно, не торопясь, не позволяя ученику ничего заучивать наизусть, а объясняя каждое дѣйствіе.

Покажите ученику славянскія буквы, потомъ семь знаковъ римскаго счисленія—M, D, C, L, X, V, I, и десять знаковъ арабскаго счисленія, и заставляйте его читать таблицу и класть на счетахъ до ста впередъ и назадъ

Когда онъ запомнитъ знаки цифръ, заставляйте его читать по славянскому счисленію, писать по римскому (безъ сокращенія), класть на счетахъ и подписывать арабскими цифрами. (Подъ счёты надо подложить разграфленный листъ бумаги, такъ чтобы графа приходилась на каждый разрядъ счетовъ).

Обращайте вниманіе ученика въ римскомъ счисленіи на образованіе пятковъ, десятковъ, полсотенъ и сотенъ, въ арабскомъ на различные способы класть на счетахъ и писать числа, кончающіяся нулемъ.

Пройдя таблицу до ста и обратно, заставьте ученика подъ диктовку писать числа по-римски, класть на счетахъ и подписывать по-арабски, и заставляйте читать числа, написанныя по разнымъ счисленіямъ.

Не требуйте отъ ученика, чтобы онъ называлъ цифры правильно, то есть 40 — сорокъ, 90 — девяносто, 113 — сто тринадцать, а пускай называетъ: 4 десятка; 9 десятковъ; одна сотня, 1 десятокъ и 3 простыхъ; и диктуя, если онъ не понимаетъ васъ, говорите ему такъ же.

Потомъ пройдите таблицу до 1000 и точно также заставьте читать и писать цифры по двумъ счисленіямъ и класть на счётахъ.

Потомъ заставьте ученика выговаривать числа правильно. Обратите вниманіе на числа 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, на 40, на 90, на 200, 300. Эти числа при выговариваніи обыкновенно путаютъ ученика.

Покажите счетъ славянскими буквами для того только, чтобы ученикъ понялъ преимущество римскаго и арабскаго счисленія.

Заставляйте ученика считать, т. е. складывать римскими цифрами (безъ сокращенія).

Римское счисленіе, самое понятное и простое, имѣетъ еще то преимущество, что оно пріучаетъ ученика разбивать десятокъ на два пятка, что ему потомъ много облегчитъ счетъ; поэтому какъ можно больше заставляйте ученика считать по-римски. Прибавьте отъ себя сотни примѣровъ. Все потраченное на это время вознаградится сторицею.

Сокращеннымъ римскимъ счисленіемъ не нужно считать, если ученикъ не очень способенъ, а нужно только показать его.

Прежде чѣмъ приступить къ арабскому счисленію на бумагѣ и на счётахъ, пройдите нѣсколько разъ упражненія въ различномъ изображеніи чиселъ съ нулями, изображая звѣздочкой десятки (напримѣръ 1000—одна тысяча,—или 10 сотенъ,—или 9 сотенъ и 10 десятковъ; 1000=*00=9*0=99*), и упражненія въ различныхъ способахъ наименованія чиселъ, напримѣръ 5673=56 сотнямъ и 73 простымъ=567 десяткамъ и 3 простымъ. Чѣмъ лучше пойметъ это ученикъ, чѣмъ тверже онъ будетъ въ этомъ, тѣмъ несравненно легче будетъ для него все дальнѣйшее.

Считать арабскими цифрами заставляйте одновременно съ счетами.

Не торопитесь показывать сложенія одними арабскими цифрами.

Общія замѣчанія для учителя.

Для того, чтобы ученикъ учился хорошо, нужно, чтобы онъ учился охотно; для того, чтобы онъ учился охотно, нужно:

1) *Чтобы то, чему учатъ ученика, было понятно и занимательно, и* 2) *чтобы душевныя силы его были въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ.*

Чтобы ученику было понятно и занимательно то, чему его учатъ, избѣгайте двухъ крайностей: не говорите ученику о томъ, чего онъ не можетъ знать и понять, и не говорите о томъ, что онъ знаетъ не хуже, а иногда и лучше учителя. Для того, чтобы не говорить того, чего ученикъ не можетъ понять, избѣгайте всякихъ опредѣленій, подраздѣленій и общихъ правилъ. Всѣ учебники состоятъ только изъ опредѣленій, подраздѣленій и правилъ, а ихъ-то именно и нельзя сообщать ученику.

Избѣгайте грамматическихъ и синтаксическихъ опредѣленій и подраздѣленій частей и формъ рѣчи и общихъ правилъ. А заставляйте ученика видоизмѣнять формы словъ, не называя этихъ формъ, и главное—больше читать, понимая то, что онъ читаетъ, и больше писать изъ головы; и поправляйте его не на томъ основаніи, что то или другое противно правилу, опредѣленію, или подраздѣленію, а на томъ основаніи, что непонятно, нескладно и неясно.

По естественнымъ наукамъ избѣгайте классификаціи, предположеній о развитіи организмовъ, объясненій строенія ихъ, а давайте ученику какъ можно болѣе самыхъ подробныхъ свѣдѣній о жизни различныхъ животныхъ и растеній.

По исторіи и географіи избѣгайте общихъ обзоровъ земель и историческихъ событій, и подраздѣленій тѣхъ и другихъ. Ученику не могутъ быть занимательны историческіе и географическіе обзоры тогда, когда онъ не вѣритъ еще хорошенько въ существованіе чего-нибудь за видимымъ горизонтомъ, а о государствѣ, власти, войнѣ и законѣ, составляющихъ предметъ исторіи, не можетъ составить себѣ ни малѣйшаго понятія. Для того, чтобы онъ повѣрилъ въ географію и исторію, давайте ему географическія и историческія впечатлѣнія. Разсказывайте ученику съ величайшей подробностью про тѣ страны, которыя вы знаете, и про тѣ событія историческія, которыя вамъ хорошо извѣстны

По космографіи избѣгайте сообщенія ученику объясненія (столь любимаго въ педагогіи) солнечной системы и вращенія и обращенія земли. Для ученика, ничего не знающаго о видимомъ движеніи небеснаго свода, солнца, луны, планетъ, о затмѣніяхъ, о наблюденіяхъ тѣхъ же явленій съ различныхъ точекъ земли, толкованіе о томъ, что земля вертится и бѣгаетъ, не есть развязка вопроса и объясненіе, а есть безъ всякой необходимости навязываемая безсмыслица. Ученикъ, полагающій, что земля стоитъ на водѣ и рыбахъ, судитъ гораздо здравѣе, чѣмъ тотъ, который вѣритъ, что земля вертится, и не умѣетъ этого понять и объяснить. Сообщайте какъ можно больше свѣдѣній о видимыхъ явленіяхъ неба, о путешествіяхъ, и давайте ученику только такія объясненія, которыя онъ самъ можетъ провѣрить на видимыхъ явленіяхъ

По ариѳметикѣ избѣгайте сообщенія опредѣленій и общихъ правилъ, упрощающихъ счетъ. Ни на чемъ такъ не замѣтенъ вредъ сообщенія общихъ правилъ, какъ на математикѣ. Чѣмъ короче тотъ путь, посредствомъ котораго вы научите ученика дѣлать дѣйствіе, тѣмъ хуже онъ будетъ понимать и знать дѣйствіе.

Самое короткое счисленіе есть десятичное—оно и самое трудное. Самый короткій пріемъ сложенія—начинать съ меньшихъ разрядовъ и приписывать одну изъ полученныхъ цифръ къ слѣдующему разряду—есть вмѣстѣ съ тѣмъ и самый непонятный пріемъ; нѣтъ ничего легче, какъ научить ученика при вычитаніи считать за 9 всякій О, черезъ который онъ перескочитъ занимая, или научить приведенію къ одному знаменателю посредствомъ помноженія крестъ на крестъ, или дѣленію дробей крестъ на крестъ; но ученикъ, выучившій эти правила, уже долго не пойметъ, почему это такъ дѣлается.

Избѣгайте всѣхъ ариѳметическихъ опредѣленій и правилъ, а заставляйте производить какъ можно больше дѣйствій, и поправляйте не потому, что сдѣлано не по правилу, а потому, что сдѣланное не имѣетъ смысла.

Избѣгайте весьма любимаго (особенно въ иностранныхъ книгахъ для школъ) сообщенія необычайныхъ результатовъ, до которыхъ дошла наука—въ родѣ того: сколько вѣситъ земля, солнце; изъ какихъ тѣлъ состоитъ солнце; какъ изъ ячеекъ строится дерево и человѣкъ, и какія необыкновенныя машины выдумали люди. Не говоря уже о томъ, что, сообщая такія свѣдѣнія, учитель внушаетъ ученику мысль, что наука можетъ открыть человѣку много тайнъ,—въ чемъ умному ученику слишкомъ скоро придется разочароваться,—не говоря объ этомъ,—голые результаты вредно дѣйствуютъ на ученика и пріучаютъ его вѣрить на слово.

Избѣгайте непонятныхъ русскихъ словъ, словъ, не соотвѣтствующихъ понятію, или имѣющихъ два значенія,—и особенно иностранныхъ. Старайтесь замѣнять ихъ словами, хотя и длиннѣйшими, хотя даже и не столь точными, но такими, которыя въ умѣ ученика возбуждали бы соотвѣтствующія понятія.

Вообще избѣгайте такихъ оборотовъ: это такъ-то назы-

вается, это такъ-то; а старайтесь называть каждую вещь какъ ей слѣдуетъ называться.

Вообще давайте ученику какъ можно больше свѣдѣній и вызывайте его на наибольшее число наблюденій по всѣмъ отраслямъ знанія; но какъ можно меньше сообщайте ему общихъ выводовъ, опредѣленій, подраздѣленій, и всякой терминологіи.

Сообщайте опредѣленіе, подраздѣленіе, правило, названіе— только тогда, когда ученикъ имѣетъ столько свѣдѣній, что самъ въ состояніи провѣрить общій выводъ,—когда общій выводъ не затрудняетъ, а облегчаетъ его.

Другая причина, по которой урокъ бываетъ непонятенъ и незанимателенъ, заключается въ томъ, что учитель объясняетъ слишкомъ длинно и сложно то, что давно уже понялъ ученикъ. Ученику такъ просто, что ему сказали, что онъ ищетъ особеннаго, другаго значенія, и понимаетъ ошибочно, или ужъ вовсе не понимаетъ.

Такого рода толкованія очень обыкновенны, въ особенности, когда предметы уроковъ взяты изъ жизни. Напримѣръ, когда учитель начнетъ толковать ученику: что такое столъ, или какое животное лошадь, или чѣмъ отличается книга отъ руки, или: одно перо и одно перо—сколько будетъ перьевъ?

Вообще: толкуйте ученику то, чего онъ не знаетъ, и то, что вамъ самимъ было бы занимательно узнать, если бы вы не знали.

При соблюденіи всѣхъ этихъ правилъ, часто случится, что ученикъ все-таки не будетъ понимать. На это будутъ двѣ причины. Или ученикъ уже думалъ о томъ предметѣ, о которомъ вы толкуете, и объяснилъ его себѣ по-своему. Тогда старайтесь вызвать ученика на объясненіе его взгляда, и если онъ не вѣренъ—опровергните его, а если вѣренъ—то покажите ему, что вы и онъ видите предметъ одинаково, но съ различныхъ сторонъ.

Или-же ученикъ не понимаетъ отъ того, что ему еще не пришло время. Это особенно замѣтно въ ариѳметикѣ. То, надъ чѣмъ вы тщетно бились по цѣлымъ часомъ, становится вдругъ ясно въ минуту черезъ нѣсколько времени. Никогда не торопитесь, переждите, возвращайтесь къ тѣмъ же толкованіямъ.

Для того, чтобы душевныя силы ученика были въ наивыгоднѣйшихъ условіяхъ, нужно:

1) Чтобы не было новыхъ, непривычныхъ предметовъ и лицъ тамъ, гдѣ онъ учится.

2) Чтобы ученикъ не стыдился учителя или товарищей.

3) (Очень важное.) Чтобы ученикъ не боялся наказанія за дурное ученіе т. е. за непониманіе. Умъ человѣка можетъ дѣйствовать только тогда, когда онъ не подавляется внѣшними вліяніями.

4) Чтобъ умъ не утомлялся. Опредѣлить число часовъ или минутъ, послѣ котораго умъ ученика утомляется,—невозможно ни для какого возраста. Но для внимательнаго учителя всегда есть вѣрные признаки утомленія. Какъ скоро умъ утомленъ, заставьте ученика дѣлать физическое движеніе. Лучше ошибиться и отпустить ученика, когда онъ еще не утомленъ, чѣмъ ошибиться въ обратномъ смыслѣ и задержать ученика, когда онъ утомленъ. *Тупикъ*, *столбнякъ*, *упрямство*—происходятъ только отъ этого.

5) Чтобы урокъ былъ соразмѣренъ силамъ ученика, не слишкомъ легокъ, не слишкомъ труденъ.

Если урокъ будетъ слишкомъ труденъ, ученикъ потеряетъ надежду исполнить заданное, займется другимъ и не будетъ дѣлать никакихъ усилій; если урокъ слишкомъ легокъ, будетъ тоже самое. Нужно стараться, чтобы все вниманіе ученика могло быть поглощено заданнымъ урокомъ. Для этого давайте ученику такую работу, чтобъ каждый урокъ чувствовался ему шагомъ впередъ въ ученіи.

Чѣмъ легче учителю учить, тѣмъ труднѣе ученикамъ учиться. Чѣмъ труднѣе учителю, тѣмъ легче ученику. Чѣмъ больше будетъ учитель самъ учиться, обдумывать каждый урокъ и соразмѣрять съ силами ученика, чѣмъ больше будетъ слѣдить за ходомъ мысли ученика, чѣмъ больше вызывать на отвѣты и вопросы, тѣмъ легче будетъ учиться ученикъ.

Чѣмъ больше будетъ ученикъ предоставленъ самому себѣ и занятіямъ, не требующимъ вниманія учителя: переписыванію, диктованію, чтенію вслухъ безъ пониманія, заучиванію стиховъ,—тѣмъ труднѣе будетъ ученику.

Но если учитель положитъ и всѣ силы на свое дѣло, то все-таки онъ не только со многими учениками, но и съ однимъ ученикомъ будетъ постоянно чувствовать, что онъ далеко не исполняетъ того, что нужно.

Для того чтобы, не смотря на это всегдашнее недовольство собой, имѣть сознаніе приносимой пользы, нужно имѣть одно качество. Это же качество восполняетъ и всякое искусство учительское и всякое приготовленіе, ибо съ этимъ качествомъ учитель легко пріобрѣтетъ недостающее знаніе.

Если учитель во время трехъ-часоваго урока не чувствовалъ ни минуты скуки,—онъ имѣетъ это качество.

Качество это есть любовь. Если учитель имѣетъ только любовь къ дѣлу,—онъ будетъ хорошій учитель. Если учитель имѣетъ только любовь къ ученику, какъ отецъ, мать,—онъ будетъ лучше того учителя, который прочелъ всѣ книги, но не имѣетъ любви ни къ дѣлу, ни къ ученикамъ.

Если учитель соединяетъ въ себѣ любовь къ дѣлу и къ ученикамъ, онъ—совершенный учитель.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строк.	Напеч.	Читай.
142	1 и 2 снизу.	Пять и одинъ	Пять безъ одного
143	3 сн.	Девять	Десять
165	6 сверху	6018	6012

—

На стр. 163 въ первыхъ счетахъ нижняго ряда положено 6 костей простыхъ,—нужно 4.

—

Двѣ точки надъ буквою ё пропущены въ словахъ:

Стр. 19 строка 1 св. *веселый, пестрый, Алеша.*
— 24 — 9 св. *далеко*
— 24 — 14 св. *ушелъ*
— 35 — 9 св. *идетъ*
— 36 — 1 св. *слезки*

АЗБУКА

ГРАФА Л. Н. ТОЛСТАГО

КНИГА II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Замысловскаго, Больш. Мѣщан., д. № 33.
1872.

ОГЛАВЛЕНІЕ II-ОЙ КНИГИ.

Часть первая.

	Стран.
Оселъ въ львиной шкурѣ (*басня Езопа*)	1
Курица и ласточка (*Езопъ*)	1
Олень и ланчукъ (*Езопъ*)	1
Лисица и виноградъ (*Езопъ*)	2
Работницы и пѣтухъ (*Езопъ*)	2
Рыбакъ и рыбка (*Езопъ*)	2
Лисица и козелъ (*Езопъ*)	2
Собака и ея тѣнь (*Езопъ*)	3
Журавль и аистъ (*Езопъ*)	3
Садовникъ и сыновья (*Езопъ*)	3
Волкъ и журавль (*Езопъ*)	4
Утка и мѣсяцъ (*индѣйская басня*)	4
Волкъ въ пыли (*индѣйск.*)	4
Мышь подъ амбаромъ (*индѣйск.*)	5
Зайцы и лягушки (*Езопъ*)	5
Три калача и одна баранка (*индѣйск.*)	6
Двѣ лошади	6
Отецъ и сыновья (*Езопъ*)	6
Самыя лучшія груши (*индѣйск.*)	7
Теленокъ на льду	7
Соколъ и пѣтухъ (*индѣйск.*)	8
Шакалы и слонъ (*индѣйск.*)	8
Цапля, рыбы и ракъ (*индѣйск.*)	9
Ежъ и заяцъ (*нѣмецк.*)	10
Водяной и жемчужина (*индѣйск.*)	12

		Стран
II.	Дѣвочка и грибы	13
	Какая бываетъ роса на травѣ	14
	Индѣецъ и англичанинъ (*американскій разсказъ*)	14
	Старая лошадь	15
	Орелъ (*американск.*)	17
	Медвѣдь на повозкѣ	18
	Бѣшеная собака	19
	Жилетка	20
	Левъ и собачка (*американск.*)	21
	Воробьи	23
	Архіерей и разбойникъ (*Викторъ Гюго*)	26
	Лозина	28
	1000 Золотыхъ (*французск.*)	29
III.	Ужъ (*народн.*)	31
	Удача (*индѣйск.*)	34
	Два брата (*арабск.*)	34
	Петръ I-й и мужикъ (*Безсоновъ*)	36
	Три вора (*Гебель*)	38
	Ровное наслѣдство	39
IV.	Шатъ и Докъ (*народн.*)	41
	Волга и Вазуза (*Даль*)	42
	Судома (*Перевлѣсскій*)	43
	Золотоволосая царевна (*Чижовъ*)	43
	Камбизъ и Псаменитъ (*Геродотъ*)	45
	Ермакъ	47
	Сова и заяцъ	56
	Какъ волки учатъ своихъ дѣтей	57
	Воробей и ласточки (*Перевлѣсскій*)	58
	Акула (*американск.*)	59
V.	Какъ мужикъ убралъ камень	61
	Самокрутка	61
	Тепло, I	63
	Тепло, II	64
	Тепло, III	65

Стран.
Отчего бываетъ вѣтеръ? 66
Для чего вѣтеръ? 66
Отчего потѣютъ окна и бываетъ роса? 69
Осязаніе и зрѣніе 71
Магнитъ, I 72
Магнитъ, II 72
Магнитъ, III. 73
VI. Сухманъ (былина) 75

Часть вторая.

Несторова лѣтопись.

Убіеніе Аскольда и Дира и поселеніе Олега съ Игоремъ въ Кіевѣ 81
Походъ Олега на Грековъ 83
Смерть Олега. 86

Изъ четьи минеи.

Житіе преподобнаго отца нашего Сергія, игумена Радонежскаго, новаго чудотворца 88

Книга Бытія.

Глава II 118
Глава III. 121

Евангеліе отъ Луки. Глава XV 124

Псаломъ XXXVI. 128

Часть третья. Счетъ.

Сложеніе и вычитаніе 134
Безъ счетовъ считать слѣва 148

Стран

Считать справа 150
Задачи 153

Для учителя.

Къ первой части. 155
Къ третьей части. О счетѣ 157
Опечатки 159

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ОПЕЧАТКАМЪ.

Стр.	Строк.	Напеч.	Читай.
149	8 сн.	1741	1641
152	11 сн.	32	32

На стр. 9 ошибочно названа басня *Цапля, лягушка и ракъ.* Должно стоять: *Цапля, рыбы и ракъ.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

ОСЕЛЪ ВЪ ЛЬВИНОЙ ШКУРѢ.

Осёлъ надѣлъ львиную шкуру, и всѣ думали—левъ. Побѣжалъ народъ и скотина. Подулъ вѣтеръ, шкура распахнулась, и стало видно осла. Сбѣжался народъ: исколотили осла.

КУРИЦА И ЛАСТОЧКА.

Курица нашла змѣиныя яица и стала ихъ высиживать. Ласточка увидала и говоритъ:

«То-то глупая! Ты ихъ выведешь, а какъ выростутъ, они тебя первую обидятъ».

ОЛЕНЬ И ЛАНЧУКЪ.

Ланчукъ [1]) сказалъ разъ оленю:

«Батюшка, ты и больше и рѣзвѣе собакъ, да ещё и рога у тебя огромные на защиту; отчего ты такъ боишься собакъ?»

Олень засмѣялся и говоритъ:

«Правду говоришь, дитятко. Одна бѣда: какъ только услышу собачій лай, не успѣю подумать, а ужь бѣгу».

[1]) Молодой олень.

ЛИСИЦА И ВИНОГРАДЪ.

Лисица увидала—висятъ спѣлыя кисти винограда, и стала прилаживаться, какъ-бы ихъ съѣсть.

Она долго билась, но не могла достать. Чтобъ досаду заглушить, она говоритъ: «зелены ещё».

РАБОТНИЦЫ И ПѢТУХЪ.

Хозяйка по ночамъ будила работницъ и, какъ запоютъ пѣтухи, сажала за дѣло. Работницамъ тяжело показалось; и онѣ вздумали убить пѣтуха, чтобы не будилъ хозяйки. Убили, а имъ стало хуже: хозяйка боялась проспать и ещё раньше стала поднимать работницъ.

РЫБАКЪ и РЫБКА.

Поймалъ рыбакъ рыбку. Рыбка и говоритъ:

«Рыбакъ, пусти меня въ воду; видишь, я мелка: тебѣ отъ меня пользы мало будетъ. А пустишь, да я выросту, тогда поймаешь—тебѣ пользы больше будетъ»

Рыбакъ и говоритъ:

«Дуракъ тотъ будетъ, кто станетъ большой пользы ждать, а малую изъ рукъ упуститъ».

ЛИСИЦА И КОЗЁЛЪ.

Захотѣлось козлу напиться; онъ слѣзъ подъ кручь къ колодцу, напился и отяжелѣлъ. Сталъ онъ выбираться назадъ и не можетъ. И сталъ онъ ревѣть. Лисица увидала и говоритъ:

«То-то безтолковый! Коли-бы у тебя, сколько въ бородѣ волосъ, столько бы въ головѣ ума было, ты прежде, чѣмъ слѣзать, подумалъ бы, какъ назадъ выбраться».

СОБАКА И ЕЯ ТѢНЬ.

Собака шла по кладочкѣ черезъ рѣчку, а въ зубахъ несла мясо. Увидала она себя въ водѣ и подумала, что тамъ другая собака мясо несётъ, — она бросила своё мясо и кинулась отнимать у той собаки: того мяса вовсе не было, а своё волною унесло.

И осталась собака ни при чёмъ.

ЖУРАВЛЬ И АИСТЪ.

Мужикъ разставилъ на журавлей сѣти за то, что они сбивали у него посѣвъ. Въ сѣти попались журавли, а съ журавлями одинъ аистъ.

Аистъ и говоритъ мужику:

«Ты меня отпусти: я не журавль, а аистъ; мы самыя почётныя птицы; я у твоего отца на домѣ живу. И по перу видно, что я не журавль».

Мужикъ говоритъ:

«Съ журавлями поймалъ, съ ними и зарѣжу».

САДОВНИКЪ И СЫНОВЬЯ.

Хотѣлъ садовникъ сыновей пріучить къ садовому дѣлу. Когда онъ сталъ умирать, позвалъ ихъ и сказалъ:

«Вотъ дѣти, когда я умру, вы въ виноградномъ саду поищите, что́ тамъ спрятано».

Дѣти подумали, что тамъ кладъ, и когда отецъ умеръ, стали рыть и всю землю перекопали. Клада не нашли, а землю въ виноградникѣ такъ хорошо перекопали, что стало плода родиться много больше.

ВОЛКЪ И ЖУРАВЛЬ.

Подавился волкъ костью и не могъ выперхнуть. Онъ позвалъ журавля и сказалъ:

«Ну-ка, ты, журавль, у тебя шея длинная, засунь ты мнѣ въ глотку голову и вытащи кость; я тебя награжу».

Журавль засунулъ голову, вытащилъ кость и говоритъ:

«Давай же награду».

Волкъ заскрипѣлъ зубами, да и говоритъ:

«Или тебѣ мало награды, что я тебѣ голову не откусилъ, когда она у меня въ зубахъ была?»

УТКА И МѢСЯЦЪ.

Утка плавала по рѣкѣ, отыскивала рыбу и въ цѣлый день не нашла ни одной. Когда пришла ночь, она увидала мѣсяцъ въ водѣ, подумала, что это рыба, и нырнула, чтобъ поймать мѣсяцъ. Другія утки увидали это и стали надъ ней смѣяться.

Съ тѣхъ поръ утка такъ застыдилась и заробѣла, что, когда и видала рыбу подъ водой, она ужь не ловила ея и умерла съ голода.

ВОЛКЪ ВЪ ПЫЛИ.

Волкъ хотѣлъ поймать изъ стада овцу и зашёлъ подъ вѣтеръ, чтобы на него несло пыль отъ стада.

Овчарная собака увидала его и говоритъ:

«Напрасно ты, волкъ, въ пыли ходишь, глаза заболятъ». А волкъ говоритъ: «то-то и горе, собаченька, что у меня ужь давно глаза болятъ, а говорятъ— отъ овечьяго стада пыль хорошо глаза вылѣчиваетъ».

МЫШЬ ПОДЪ АМБАРОМЪ.

Жила одна мышь подъ амбаромъ. Въ полу амбара была дырочка, и хлѣбъ сыпался въ дырочку. Мыши житьё было хорошее, но она захотѣла похвастаться своимъ житьёмъ. Прогрызла больше дыру и назвала другихъ мышей.

«Идите», говоритъ, «ко мнѣ гулять, корму на всѣхъ достанетъ» Когда она привела мышей, она увидала, что дыры совсѣмъ не было. Мужикъ примѣтилъ большую дыру въ полу и задѣлалъ её.

ЗАЙЦЫ И ЛЯГУШКИ.

Сошлись разъ зайцы и стали плакаться на свою жизнь: «И отъ людей, и отъ собакъ, и отъ орловъ, и отъ прочихъ звѣрей погибаемъ. Ужь лучше разъ умереть, чѣмъ въ страхѣ жить и мучиться. — Давайте, утопимся!»

И поскакали зайцы въ озеро топиться. Лягушки услыхали зайцевъ и забултыхали въ воду. Одинъ заяцъ и говоритъ:

«Стойте, ребята! Подождёмъ топиться; вотъ лягушачье житьё, видно, ещё хуже нашего: онѣ и насъ боятся».

ТРИ КАЛАЧА И ОДНА БАРАНКА.

Одному мужику захотѣлось ѣсть. Онъ купилъ калачъ и съѣлъ; ему всё ещё хотѣлось ѣсть. Онъ купилъ другой калачъ и съѣлъ; ему всё ещё хотѣлось ѣсть. Онъ купилъ третій калачъ и съѣлъ, и всё ему ещё хотѣлось ѣсть. Потомъ онъ купилъ баранокъ и, когда съѣлъ одну, сталъ сытъ. Мужикъ ударилъ себя по головѣ и сказалъ:

«Экой я дуракъ! чтожъ я напрасно съѣлъ столько калачей?—Мнѣ бы надо сначала съѣсть одну баранку».

ДВѢ ЛОШАДИ.

Двѣ лошади везли два воза. Передняя лошадь везла хорошо, а задняя останавливалась. На переднюю лошадь стали перекладывать съ задняго воза; когда всё переложили, задняя пошла налегкѣ и сказала передней:

«Мучься и потѣй. Что больше будешь стараться, то больше тебя будутъ мучить»

Когда пріѣхали на постоялый дворъ, хозяинъ и говоритъ:

«Что мнѣ двухъ лошадей кормить, а на одной возить? Лучше одной дамъ вволю корму, а ту зарѣжу; хоть шкуру возьму»

Такъ и сдѣлалъ.

ОТЕЦЪ И СЫНОВЬЯ.

Отецъ приказывалъ сыновьямъ, чтобы жили въ согласіи; они не слушались. Вотъ онъ велѣлъ принесть вѣникъ и говоритъ:

«Сломайте!»

Сколько они ни бились, не могли сломать. Тогда отецъ развязалъ вѣникъ и велѣлъ ломать по пруту. Они поломали.

Отецъ и говоритъ.

«Такъ-то и вы, если въ согласіи жить будете, никто васъ не одолѣетъ; а если будете ссориться, да всё врозь,— васъ всякій легко погубитъ».

САМЫЯ ЛУЧШІЯ ГРУШИ.

Одинъ баринъ послалъ слугу купить самыхъ вкусныхъ грушъ. Слуга пришёлъ въ лавку и спросилъ грушъ. Купецъ подалъ ему; но слуга сказалъ:

«Нѣтъ, дай мнѣ самыхъ лучшихъ»

Купецъ сказалъ:

«Отвѣдай одну; ты увидишь, что онѣ вкусны».

«Какъ я узнаю», сказалъ слуга, «что онѣ всѣ вкусны, если отвѣдаю только одну?»

Онъ откусилъ по немногу отъ каждой груши и принёсъ ихъ барину. Тогда баринъ прогналъ его.

ТЕЛЕНОКЪ НА ЛЬДУ.

Телёнокъ скакалъ по закутѣ и выучился дѣлать круги и повороты. Когда пришла зима, телёнка выпустили съ другою скотиною на лёдъ къ водопою. Всѣ коровы осторожно подошли къ корыту, а телёнокъ разбѣжался на лёдъ, загнулъ хвостъ, приложилъ уши и сталъ кружить. На первомъ же кругу нога его раскатилась, и онъ ударился головою о корыто.

Онъ заревѣлъ:

«Несчастный я! По колѣно въ соломѣ скакалъ—не падалъ, а тутъ на гладкомъ поскользнулся».

Старая корова сказала.

«Кабы ты былъ не телёнокъ, ты бы зналъ, что гдѣ легче скакать, тамъ труднѣе держаться»

СОКОЛЪ И ПѢТУХЪ.

Соколъ привыкъ къ хозяину и ходилъ на руку, когда его кликали; пѣтухъ бѣгалъ отъ хозяина и кричалъ, когда къ нему подходили. Соколъ и говоритъ пѣтуху:

«Въ васъ, пѣтухахъ, нѣтъ благодарности; видна холопская порода. Вы, только когда голодны, идёте къ хозяевамъ. То-ли дѣло мы, дикая птица; въ насъ и силы много, и летать мы можемъ быстрѣе всѣхъ; а мы не бѣгаемъ отъ людей, а сами ещё ходимъ къ нимъ на руку, когда насъ кличутъ. Мы помнимъ, что они кормятъ насъ».

Пѣтухъ и говоритъ:

«Вы не бѣгаете отъ людей оттого, что никогда не видали жаренаго сокола, а мы то-и-дѣло видимъ жареныхъ пѣтуховъ».

ШАКАЛЫ И СЛОНЪ.

Шакалы поѣли всю падаль въ лѣсу, и имъ нечего стало ѣсть. Вотъ старый шакалъ и придумалъ, какъ имъ прокормиться. Пошёлъ онъ къ слону и говоритъ:

«Былъ у насъ царь, да избаловался: приказывалъ намъ дѣлать такія дѣла, какихъ нельзя исполнить; хотимъ мы другаго царя выбрать,—и послалъ меня

нашъ народъ просить тебя въ цари. У насъ житьё хорошее:—что́ велишь, всё то будемъ дѣлать, и почитать тебя во всёмъ будемъ. Пойдёмъ въ наше царство.» Слонъ согласился и пошёлъ за шакаломъ. Шакалъ привёлъ его въ болото. Когда слонъ завязъ, шакалъ и говоритъ:

«Теперь приказывай; что велишь, то и будемъ дѣлать.»

Слонъ сказалъ:

«Я приказываю вытащить меня отсюда.»

Шакалъ разсмѣялся и говоритъ: хватайся хоботомъ мнѣ за хвостъ,—сейчасъ вытащу.»

Слонъ говоритъ:

«Развѣ можно меня хвостомъ вытащить?» А шакалъ и говоритъ: «такъ зачѣмъ-же ты приказываешь, чего нельзя сдѣлать? Мы и перва́го царя за то прогнали, что онъ приказывалъ то, чего нельзя дѣлать»

Когда слонъ издохъ въ болотѣ, шакалы пришли и съѣли его

ЦАПЛЯ, ЛЯГУШКА И РАКЪ.

Жила цапля у пруда и состарѣлась; не стало ужь въ ней силы ловить рыбу. Стала она придумывать, какъ бы ей хитростью прожить. Она и говоритъ рыбамъ: «а вы, рыбы, не знаете, что на васъ бѣда собирается: слышала я отъ людей, хотятъ они прудъ спустить и васъ всѣхъ повыловить. Знаю я, тутъ за горой—хорошъ прудокъ есть. Я бы помогла, да стара стала: тяжело летать.» Рыбы стали просить цаплю, чтобъ помогла.

Цапля и говоритъ:

«Пожалуй, постараюсь для васъ, перенесу васъ: только вдругъ не могу, а поодиночкѣ.»

Вотъ рыбы и рады; всѣ просятъ: «меня отнеси, меня отнеси!»

И принялась цапля носить ихъ: возьмётъ, вынесетъ въ поле, да и съѣстъ. И переѣла она такъ много рыбъ.

Жилъ въ пруду старый ракъ. Какъ стала цапля выносить рыбу, онъ смекнулъ дѣло и говоритъ:

«Ну, теперь, цапля, и меня снеси на новоселье».

Цапля взяла рака и понесла. Какъ вылетѣла она на поле, хотѣла сбосить рака. Но ракъ увидалъ рыбьи косточки на полѣ, стиснулъ клещами цаплю за шею и удавилъ её, а самъ приползъ назадъ къ пруду и разсказалъ рыбамъ.

ЕЖЪ И ЗАЯЦЪ.

Повстрѣчалъ заяцъ ежа и говоритъ:

«Всѣмъ бы ты хорошъ, ёжъ, только ноги у тебя кривыя, заплетаются».

Ежъ разсердился и говоритъ:

«Ты что-жъ смѣешься; мои кривыя ноги скорѣе двоихъ прямыхъ бѣгаютъ. Вотъ дай только схожу домой, а потомъ давай на перегонку»!

Ежъ пошёлъ домой и говоритъ женѣ: «я съ зайцомъ поспорилъ: хотимъ бѣжать на перегонку».

Ежова жена и говоритъ: «ты, видно, съ ума сошёлъ! гдѣ тебѣ съ зайцемъ бѣжать? У него ноги быстрыя».

А ёжъ говоритъ: «у него ноги быстрыя, а у меня умъ быстрый. Ты только дѣлай, что́ я велю. Пойдёмъ въ поле».

Вотъ пришли они на вспаханное поле къ зайцу; ёжъ и говоритъ женѣ:

«Спрячься ты на этомъ концѣ борозды, а мы съ зайцомъ побѣжимъ съ другаго конца; какъ онъ разбѣжится, я вернусь назадъ; а какъ прибѣжитъ къ твоему концу, ты выходи и скажи: а я уже давно жду. Онъ тебя отъ меня не узнаетъ — подумаетъ, что это я».

Ежова жена спряталась въ бороздѣ, а ёжъ съ зайцомъ побѣжали съ другаго конца.

Какъ заяцъ разбѣжался, ёжъ вернулся назадъ и спрятался въ борозду. Заяцъ прискакалъ на другой конецъ борозды: глядь!—а ежова жена уже тамъ и говоритъ: «а я уже давно жду».

Заяцъ думаетъ: «что́ за чудо! какъ это онъ меня обогналъ»?

«Ну», говоритъ, «давай ещё разъ побѣжимъ»!

«Давай»!

Заяцъ пустился назадъ, прибѣжалъ на другой конецъ: глядь!—а ёжъ уже тамъ, да и говоритъ: «э, братъ, ты только теперь, а я уже давно тутъ.»

«Что за чудо!» думаетъ заяцъ, «ужь какъ я шибко скакалъ, а всё онъ обогналъ меня. Ну, такъ побѣжимъ ещё разъ, теперь ужь не обгонишь».

«Побѣжимъ!»

Поскакалъ заяцъ, что было духу: глядь!—ёжъ впереди сидитъ и дожидается.

И такъ заяцъ до тѣхъ поръ скакалъ изъ конца въ конецъ, что изъ силъ выбился.

Заяцъ покорился и сказалъ, что впередъ никогда не будетъ спорить.

ВОДЯНОЙ И ЖЕМЧУЖИНА

Одинъ человѣкъ ѣхалъ на лодкѣ и уронилъ драгоцѣнный жемчугъ въ море. Человѣкъ вернулся къ берегу, взялъ ведро и сталъ черпать воду и выливать на землю. Онъ черпалъ и выливалъ три дня безъ устали.

На четвертый день вышелъ изъ моря водяной и спросилъ:

«Зачѣмъ ты черпаешь»?

Человѣкъ говоритъ:

«Я черпаю затѣмъ, что уронилъ жемчугъ»

Водяной спросилъ:

«А скоро-ли ты перестанешь?»

Человѣкъ говоритъ:

«Когда высушу море, тогда перестану»

Тогда водяной вернулся въ море, принёсъ тотъ самый жемчугъ и отдалъ человѣку.

II.

ДѢВОЧКА И ГРИБЫ.

Двѣ дѣвочки шли домой съ грибами.

Имъ надо было переходить черезъ желѣзную дорогу. Онѣ думали, что машина далеко, взлѣзли на насыпь и пошли черезъ рельсы.

Вдругъ зашумѣла машина. Старшая дѣвочка побѣжала назадъ, а меньшая перебѣжала черезъ дорогу.

Старшая дѣвочка закричала сестрѣ: «не ходи назадъ»!

Но машина была такъ близко и такъ громко шумѣла, что меньшая дѣвочка не разслышала; она подумала, что ей велятъ бѣжать назадъ. Она побѣжала назадъ черезъ рельсы, споткнулась, выронила грибы и стала подбирать ихъ.

Машина уже была близко и машинистъ свистѣлъ что было силы.

Старшая дѣвочка кричала: «брось грибы»! а маленькая дѣвочка думала, что ей велятъ собрать грибы, и ползала по дорогѣ.

Машинистъ не могъ удержать машины. Она свистала изо всѣхъ силъ и наѣхала на дѣвочку

Старшая дѣвочка кричала и плакала. Всѣ проѣзжающіе смотрѣли изъ оконъ вагоновъ, а кондукторъ

побѣжалъ на конецъ поѣзда, чтобы видѣть, что́ сдѣлалось съ дѣвочкой.

Когда поѣздъ прошелъ, всѣ увидали, что дѣвочка лежитъ между рельсами головой внизъ и не шевелится.

Потомъ, когда поѣздъ уже отъѣхалъ далеко, дѣвочка подняла голову, вскочила на колѣнки, собрала грибы и побѣжала къ сестрѣ.

КАКАЯ БЫВАЕТЪ РОСА НА ТРАВѢ.

Когда въ солнечное утро, лѣтомъ, пойдёшь въ лѣсъ, то на полихъ, въ травѣ видны алмазы. Всѣ алмазы эти блестятъ и переливаются на солнцѣ разными цвѣтами—и желтымъ, и краснымъ, и синимъ. Когда подойдёшь ближе и разглядишь, что́ это такое, то увидишь, что это капли росы собрались въ треугольныхъ листахъ травы и блестятъ на солнцѣ.

Листокъ этой травы внутри мохнатъ и пушистъ какъ бархатъ. И капли катаются по листку и не мочатъ его.

Когда неосторожно сорвёшь листокъ съ росинкой, то капелька скатится какъ шарикъ свѣтлый, и не увидишь, какъ проскользнётъ мимо стебля. Бывало, сорвёшь такую чашечку, потихоньку поднесёшь ко рту и выпьешь росинку, и росинка эта вкуснѣе всякаго напитка кажется.

ИНДѢЕЦЪ И АНГЛИЧАНИНЪ.

Индѣйцы взяли на войнѣ въ плѣнъ молодаго англичанина, привязали къ дереву и хотѣли убить.

Старый индѣецъ подошёлъ и сказалъ: «не убивайте его, а отдайте мнѣ».

Его отдали.

Старый индѣецъ отвязалъ англичанина, свёлъ въ свой шалашъ, накормилъ и положилъ ночевать.

На другое утро индѣецъ велѣлъ англичанину идти за собой. Они шли долго, и когда подошли близко къ англійскому лагерю, индѣецъ сказалъ:

«Ваши убили моего сына, я спасъ тебѣ жизнь; иди къ своимъ и убивай насъ».

Англичанинъ удивился и сказалъ: «зачѣмъ ты смѣёшься надо мною? Я знаю, что наши убили твоего сына: убивай же меня скорѣе».

Тогда индѣецъ сказалъ: «когда тебя стали убивать, я вспомнилъ о своемъ сынѣ, и мнѣ стало жаль тебя. Я не смѣюсь: иди къ своимъ и убивай насъ, если хочешь». И индѣецъ отпустилъ англичанина.

СТАРАЯ ЛОШАДЬ.

У насъ былъ старый старикъ Пименъ Тимоѳеичъ. Ему было 90 лѣтъ. Онъ жилъ у своего внука безъ дѣда. Спина у него была согнутая: онъ ходилъ съ палкой и тихо передвигалъ ногами. Зубовъ у него совсѣмъ не было, лицо было сморщенное. Нижняя губа его тряслась; когда онъ ходилъ и когда говорилъ, онъ шлёпалъ губами, и нельзя было понять, чтб онъ говоритъ.

Насъ было четыре брата и всѣ мы любили ѣздить верхомъ. Но смирныхъ лошадей у насъ для ѣзды не было. Только на одной старой лошади намъ позволяли ѣздить; эту лошадь звали Воронокъ.

Одинъ разъ матушка позволила намъ ѣздить верхомъ, и мы всѣ пошли въ конюшню съ дядькой. Кучеръ

осѣдлалъ намъ Воронка, и первый поѣхалъ старшій братъ. Онъ долго ѣздилъ: ѣздилъ на гумно и кругомъ сада, и когда онъ подъѣзжалъ назадъ, мы закричали: «ну, теперь проскачи!»

Старшій братъ сталъ бить Воронка ногами и хлыстомъ, и Воронокъ проскакалъ мимо насъ.

Послѣ старшаго сѣлъ другой братъ. И онъ ѣздилъ долго, и тоже хлыстомъ разогналъ Воронка и проскакалъ изъ подъ горы. Онъ ещё хотѣлъ ѣздить, но третій братъ просилъ, чтобы онъ поскорѣе пустилъ его. Третій братъ проѣхалъ и на гумно, и вокругъ сада, да ещё и по деревнѣ, и шибко проскакалъ изъ подъ горы къ конюшнѣ. Когда онъ подъѣхалъ къ намъ, Воронокъ сопѣлъ, а шея и лопатки потемнѣли у него отъ пота»

Когда пришёлъ мой черёдъ, я хотѣлъ удивить братьевъ и показать имъ, какъ я хорошо ѣзжу,—сталъ погонять Воронка изо всѣхъ силъ, но Воронокъ не хотѣлъ идти отъ конюшни. И сколько я ни колотилъ его, онъ не хотѣлъ скакать, а только трусилъ и заворачивалъ всё назадъ. Я злился на лошадь и изо всѣхъ силъ билъ её хлыстомъ и ногами. Я старался бить её въ тѣ мѣста, гдѣ ей больнѣе, сломалъ хлыстъ и остаткомъ хлыста сталъ бить по головѣ. Но Воронокъ всё не хотѣлъ скакать. Тогда я поворотилъ назадъ, подъѣхалъ къ дядькѣ и попросилъ хлыстика покрѣпче. Но дядька сказалъ мнѣ:

«Будетъ вамъ ѣздить, сударь, слѣзайте. Что лошадь мучить?» Я обидѣлся и сказалъ: «какъ же я совсѣмъ не ѣздилъ? Посмотри, какъ я сейчасъ проскачу! Дай, пожалуста, мнѣ хлыстъ покрѣпче. Я его разожгу».

Тогда дядька покачалъ головой и сказалъ:

— «Ахъ, сударь, жалости въ васъ нѣтъ. Что его разжигать? Вѣдь ему 20-ть лѣтъ. Лошадь измучена, насилу дышетъ, да и стара. Вѣдь она такая старая! Всё равно какъ Пименъ Тимоѳеичъ. Вы бы сѣли на Тимоѳеича, да такъ-то черезъ силу погоняли бы его хлыстомъ. Что-же, вамъ не жалко бы было»?

Я вспомнилъ про Пимена и послушалъ дядьки. Я слѣзъ съ лошади и, когда я посмотрѣлъ, какъ она носила потными боками, тяжело дышала ноздрями и помахивала облѣзшимъ хвостикомъ, я понялъ, что лошади трудно было. А то я думалъ, что ей было такъ-же весело, какъ мнѣ. Мнѣ такъ жалко стало Воронка, что я сталъ цѣловать его въ потную шею и просить у него прощенья за то, что я его билъ.

Съ тѣхъ поръ я выросъ большой и всегда жалѣю лошадей, и всегда вспоминаю Воронка и Пимена Тимоѳеича, когда вижу, что мучаютъ лошадей.

ОРЕЛЪ.

Орёлъ свилъ себѣ гнѣздо на большой дорогѣ, вдали отъ моря, и вывелъ дѣтей.

Одинъ разъ подлѣ дерева работалъ народъ, а орёлъ подлеталъ къ гнѣзду съ большой рыбой въ когтяхъ. Люди увидали рыбу; окружили дерево, стали кричать и бросать въ орла каменьями.

Орёлъ выронилъ рыбу, а люди подняли её и ушли.

Орёлъ сѣлъ на край гнѣзда, а орлята подняли свои головы и стали пищать: они просили корма.

Орёлъ усталъ и не могъ летѣть опять на море; онъ спустился въ гнѣздо, прикрылъ орлятъ крыльями, ласкалъ ихъ, оправлялъ имъ пёрушки и какъ будто про-

силъ ихъ, чтобы они подождали немного. Но чѣмъ больше онъ ихъ ласкалъ, тѣмъ громче они пищали.

Тогда орёлъ отлетѣлъ отъ нихъ и сѣлъ на верхній сукъ дерева.

Орлята засвистали и запищали ещё жалобнѣе.

Тогда орёлъ вдругъ самъ громко закричалъ, расправилъ крылья и тяжело полетѣлъ къ морю. Онъ вернулся только поздно вечеромъ; онъ летѣлъ тихо и низко надъ землёю; въ когтяхъ у него опять была большая рыба.

Когда онъ подлеталъ къ дереву, онъ оглянулся — нѣтъ ли опять вблизи людей, быстро сложилъ крылья и сѣлъ на край гнѣзда

Орлята подняли головы и разнули рты, а орёлъ разорвалъ рыбу и накормилъ дѣтей.

МЕДВѢДЬ НА ПОВОЗКѢ.

Повадырь съ медвѣдемъ подошёлъ къ кабаку; привязалъ медвѣдя къ воротамъ, а самъ вошёлъ въ кабакъ выпить. Ямщикъ на тройкѣ подъѣхалъ къ кабаку, закрутилъ коренную и тоже вошёлъ въ кабакъ. А въ телѣгѣ у ямщика были калачи. Медвѣдь учуялъ въ повозкѣ калачи, отвязался, подошёлъ къ повозкѣ, влѣзъ и сталъ шарить въ сѣнѣ. Лошади оглянулись и шаркнули отъ кабака по дорогѣ. Медвѣдь ухватился лапами за грядки и не знаетъ, какъ ему быть. А лошади что дальше, то пуще разгораются. Медвѣдь держится передними лапами за грядки и только голову поворачиваетъ то на ту сторону, то на другую. А лошади оглянутся оглянутся — ещё шибче катятъ по дорогѣ, подъ гору, на гору.... Проѣзжіе не успѣваютъ посто-

раниваться. Катитъ тройка вся въ мылѣ, на телѣгѣ сидитъ медвѣдь, держится за грядки, да по сторонамъ оглядывается. Видитъ медвѣдь, что дѣло плохо—убьютъ его лошади, началъ онъ ревѣть. Ещё пуще лошади понеслись. Скакали-скакали, прискакали домой въ деревню. Всѣ смотрятъ, что́ такое скачетъ. Уткнулись лошади въ свой дворъ, въ ворота. Хозяйка глядитъ, что такое. Не путёмъ прискакалъ хозяинъ—видно пьянъ. Выходитъ на дворъ, а съ телѣги не хозяинъ—медвѣдь лѣзетъ. Соскочилъ медвѣдь, да въ поле, да въ лѣсъ.

БѢШЕНАЯ СОБАКА.

Баринъ купилъ лягаваго щенка въ городѣ и въ рукавѣ шубы привёзъ его въ деревню. Барыня полюбила щенка и въ горницахъ выхаживала его. Щенокъ выросъ и его назвали Дружкомъ.

Онъ ходилъ на охоту съ бариномъ, караулилъ домъ и игралъ съ дѣтьми.

Одинъ разъ въ садъ забѣжала дворная собака. Собака эта бѣжала прямо по дорожкѣ, хвостъ у ней былъ опущенъ, ротъ былъ окрытъ и изо рта текли слюни. Дѣти были въ саду.

Баринъ увидалъ эту собаку и закричалъ:

— Дѣти! бѣгите скорѣе домой, — бѣшеная собака!

Дѣти услыхали, что кричалъ отецъ, но не видали собаки и бѣжали ей прямо на встрѣчу. Бѣшеная собака хотѣла броситься на одного изъ дѣтей, но въ это время Дружокъ кинулся на собаку и сталъ съ ней грызться.

Дѣти убѣжали, но когда Дружокъ вернулся въ домъ, онъ визжалъ, и на шеѣ у него была кровь.

Черезъ десять дней Дружокъ сталъ скученъ, не пилъ, не ѣлъ и бросился грызть щенка. Дружка заперли въ пустую горницу.

Дѣти не понимали, зачѣмъ заперли Дружка, и пошли потихоньку посмотрѣть собаку.

Они отперли дверь и стали кликать Дружка. Дужокъ чуть не сбилъ ихъ снотъ, выбѣжалъ въ дворъ и лёгъ въ саду подъ кустомъ. Когда барыня увидала Дружка, она кликнула его, но Дружокъ не послушался, не замахалъ хвостомъ и не взглянулъ на неё. Глаза у него были мутные, изо рта текла слюня. Тогда барыня позвала мужа и сказала:

— Иди скорѣй: кто-то выпустилъ Дружка, онъ совсѣмъ бѣшеный. Ради Бога сдѣлай съ нимъ что-нибудь.

Баринъ вынесъ ружьё и подошёлъ къ Дружку. Онъ прицѣлился въ него, но рука тряслась у него, когда онъ цѣлился. Онъ выстрѣлилъ и не попалъ въ голову, а въ задъ.

Собака завизжала и забилась.

Баринъ подошелъ ближе, что-бы разсмотрѣть, что съ нимъ: Весь задъ у Дружка былъ въ крови и всѣ заднія ноги перебиты. Дружокъ подползъ къ барину и сталъ лизать его ногу. Баринъ затрясся, заплакалъ и убѣжалъ въ домъ.

Тогда кликнули охотника, и охотникъ изъ другаго ружья до смерти убилъ собаку и унёсъ её.

ЖИЛЕТКА

Одинъ мужикъ занялся торговлей и такъ разбогатѣлъ, что сталъ первымъ богачёмъ. У него служили сотни прикащиковъ, и онъ ихъ всѣхъ и по имени не зналъ.

Пропало разъ у купца двадцать тысячъ денегъ. Стали старшіе прикащики разыскивать и разыскали того, кто укралъ деньги.

Пришёлъ старшій прикащикъ къ купцу и говоритъ: «я вора нашёлъ. Надо его въ Сибирь сослать».

Купецъ говоритъ: «а кто укралъ»? Старшій прикащикъ говоритъ:

«Иванъ Петровъ, самъ призна́лся».

Купецъ подумалъ и говоритъ:

«Ивана Петрова надо простить».

Прикащикъ удивился и говоритъ:

«Какъ-же простить? Этакъ и тѣ прикащики тоже будутъ дѣлать; всё добро растаскаютъ«. Купецъ говоритъ: «Ивана Петрова надо простить: когда я начиналъ торговать, мы съ нимъ товарищами были. Когда я женился, мнѣ подъ вѣнецъ надѣть нечего было. Онъ мнѣ свою жилетку далъ надѣть. Ивана Петрова надо простить»

Такъ и простили Ивана Петрова.

ЛЕВЪ И СОБАЧКА.

Въ Лондонѣ показывали дикихъ звѣрей и за смотрѣнье брали деньгами, или собаками и кошками на кормъ дикимъ звѣрямъ

Одному человѣку захотѣлось поглядѣть звѣрей; онъ ухватилъ на улицѣ собачёнку и принёсъ её въ звѣринецъ. Его впустили смотрѣть, а собачёнку взяли и бросили въ клѣтку къ льву на съѣденье.

Собачка поджала хвостъ и прижалась въ уголъ клѣтки. Левъ подошелъ къ ней и понюхалъ её.

Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостикомъ.

Левъ тронулъ её лапой и перевернулъ.

Собачка вскочила и стала передъ львомъ на заднія лапки.

Левъ смотрѣлъ на собачку, поворачивалъ голову со стороны на сторону и не трогалъ ея.

Когда хозяинъ бросилъ льву мяса, левъ оторвалъ кусокъ и оставилъ собачкѣ.

Вечеромъ, когда левъ лёгъ спать, собачка легла подлѣ него и положила свою голову ему на лапу.

Съ тѣхъ поръ собачка жила въ одной клѣткѣ со львомъ. Левъ не трогалъ её, ѣлъ кормъ, спалъ съ ней вмѣстѣ, а иногда игралъ съ ней.

Одинъ разъ баринъ пришелъ въ звѣринецъ и узналъ свою собачку; онъ сказалъ, что собачка его собственная, и попросилъ хозяина звѣринца отдать ему. Хозяинъ хотѣлъ отдать, но какъ только стали звать собачку, чтобы взять её изъ клѣтки, левъ ощетинился и зарычалъ.

Такъ прожили левъ и собачка цѣлый годъ въ одной клѣткѣ.

Черезъ годъ собачка заболѣла и издохла. Левъ пересталъ ѣсть, а всё нюхалъ, лизалъ собачку и трогалъ её лапой.

Когда онъ понялъ, что она умерла, онъ вдругъ вспрыгнулъ, ощетинился, сталъ хлестать себя хвостомъ по бокамъ, бросился на стѣну клѣтки и сталъ грызть засовы и полъ.

Цѣлый день онъ бился, метался по клѣткѣ и ревѣлъ; потомъ лёгъ подлѣ мёртвой собачки и затихъ.

Хозяинъ хотѣлъ унести мёртвую собачку, но левъ ни кого не подпускалъ къ ней.

Хозяинъ думалъ, что левъ забудетъ свое горе, если ему дать другую собачку, и пустилъ къ нему въ клѣтку живую собачку, но левъ тотчасъ разорвалъ её на куски. Потомъ онъ обнялъ своими лапами мёртвую собачку и такъ лежалъ пять дней.

На шестой день левъ умеръ.

ВОРОБЬИ.

Въ нашемъ домѣ за ставнемъ окна воробей свилъ гнѣздо и положилъ пять яичекъ. Мы съ сёстрами смотрѣли, какъ воробей по соломенкѣ и по пёрушку носилъ за ставню и вилъ тамъ гнѣздышко. А потомъ, когда онъ положилъ туда яица, мы очень обрадовались. Воробей не сталъ больше прилетать съ пёрушками и соломой, а сѣлъ на яица. Другой воробей—намъ сказали, что одинъ мужъ, а другой жена—приносилъ женѣ червей и кормилъ её.

Черезъ нѣсколько дней мы услыхали изъ-за ставня писк и посмотрѣли, что̀ сдѣлалось въ воробьиномъ гнѣздѣ: въ нёмъ было пять крошечныхъ голыхъ птичекъ, безъ крыльевъ и безъ перьевъ; носики у нихъ были жёлтые и мягкіе, и головы большія.

Они показались намъ очень некрасивы, и мы перестали на нихъ радоваться, а только иногда смотрѣли на то, что̀ они дѣлали. Мать часто отъ нихъ улетала за кормомъ, и, когда она возвращалась, воробышки съ пискомъ открывали свои жёлтые клювики, и мать одѣляла ихъ кусочками червяковъ.

Черезъ недѣлю маленькіе воробьи подросли, покрылись пухомъ и стали красивѣе, и тогда мы опять стали часто на нихъ смотрѣть. Мы пришли утромъ къ ставню посмотрѣть нашихъ воробьёвъ и увидали, что старый воробей лежитъ мёртвый подлѣ ставня. Мы догадались, что воробей сѣлъ на ночь на ставень и заснулъ, и что его раздавили, когда закрывали ставень. Мы подняли стараго воробья и бросили въ траву. Маленькіе пищали, высовывали свои головки и открывали клювики; но ихъ некому было кормить

Старшая сестра сказала: «вотъ у нихъ теперь нѣтъ матери, некому ихъ кормить; давайте выкормимъ ихъ»!

Мы обрадовались, взяли коробокъ, наклали въ него хлопчатой бумаги, уложили туда гнѣздо съ птичками и понесли къ себѣ на верхъ. Потомъ мы нарыли червяковъ, намочили хлѣбъ въ молокѣ и стали кормить воробушковъ. Они ѣли хорошо, трясли головками, чистили клювики объ стѣнки коробка и всѣ были очень веселы.

Такъ мы ихъ кормили весь день, и очень на нихъ радовались. На другое утро, когда мы посмотрѣли въ коробокъ, мы увидали, что самый маленькій воробушекъ лежитъ мёртвый, а лапки его запутались въ хлопчатую бумагу. Мы его выкинули и вынули всю хлопчатую бумагу, чтобы другой въ ней не запутался, и положили въ коробокъ травы и моху. Но къ вечеру ещё два воробья растопырили свои пёрушки и раскрыли рты, закрыли глаза и тоже померли.

Черезъ два дня умеръ и четвёртый воробушекъ и остался только одинъ. Намъ сказали, что мы ихъ окормили.

Сестра плакала о своихъ воробьяхъ и послѣдняго воробья стала кормить одна, а мы только смотрѣли. Послѣдній—пятый воробушекъ, былъ весёлый, здоровый и живой; мы называли его Живчикомъ.

Этотъ живчикъ жилъ такъ долго, что уже сталъ летать и знать свою кличку.

Когда, бывало, сестра закричитъ: Живчикъ, Живчикъ! онъ прилетитъ, сядетъ ей на плечо, на голову или на руку, и она его кормитъ.

Потомъ онъ выросъ и сталъ самъ кормиться. Онъ жилъ у насъ въ горницѣ, на верху, улеталъ иногда въ окно, но всегда прилеталъ ночевать на своё мѣсто въ коробокъ.

Разъ онъ утромъ никуда не полетѣлъ изъ своего коробка; перья у него стали мокрыя и онъ ихъ растопырилъ, какъ и другіе воробьи, когда они умирали. Сестра не отходила отъ Живчика, ходила за нимъ; но онъ ничего не ѣлъ и не пилъ.

Три дня онъ былъ боленъ и на четвёртый умеръ. Когда мы увидѣли его мёртвымъ, на спинкѣ, съ подкорюченными лапками, мы всѣ три сестры стали такъ плакать, что мать прибѣжала на верхъ узнать, что́ случилось. Когда она вошла, она увидала на столѣ мёртваго воробья и поняла наше горе. Сестра нѣсколько дней не ѣла, не играла, а всё плакала.

Живчика мы завернули въ наши самые лучшіе лоскутки, положили въ деревянный ящичекъ и зарыли въ саду, въ ямкѣ. Потомъ сдѣлали надъ его могилкой бугорокъ и положили камушекъ.

АРХІЕРЕЙ И РАЗБОЙНИКЪ.

Одпаго разбойника давно искали. Разъ онъ переодѣлся и пришёлъ въ городъ. Въ городѣ его узнали полицейскіе и погнались за нимъ. Разбойникъ бѣжалъ отъ нихъ и прибѣжалъ къ архіерейскому дому; ворота были открыты: онъ вошёлъ во дворъ.

Послушникъ спросилъ его —что ему нужно?

Разбойникъ не зналъ, что отвѣчать, и на-обумъ сказалъ: «мнѣ нужно архіерея».

Архіерей принялъ разбойника и спросилъ — за какимъ онъ дѣломъ пришелъ къ нему?

Разбойникъ отвѣчалъ: «я разбойникъ, за мною погоня; спрячь меня, а не то я убью тебя».

Архіерей сказалъ: «я—старикъ, смерти не боюсь; но мнѣ жалъ тебя. Поди въ ту горницу: ты усталъ, отдохни, а я тебѣ пришлю поѣсть».

Полицейскіе не посмѣли войти къ Архіерею въ домъ, и разбойникъ остался у него ночевать.

Когда разбойникъ отдохнулъ, Архіерей пришёлъ къ нему и сказалъ: «мнѣ жаль тебя, что ты холоденъ и голоденъ и что за тобой гоняются, какъ за волкомъ, но мнѣ всего болѣе жаль тебя за то, что ты зла много сдѣлалъ и душу свою губишь. Брось дурныя дѣла!»

Разбойникъ сказалъ: «нѣтъ, мнѣ уже не отвыкнуть отъ худаго; разбойникомъ жилъ, такимъ и умру».

Архіерей ушёлъ отъ него, растворилъ всѣ двери и лёгъ спать.

Ночью разбойникъ всталъ и пошёлъ ходить по горницамъ. Ему удивительно показалось, какъ Архіерей ничего не заперъ и оставилъ всѣ двери настежь.

Разбойникъ сталъ оглядываться кругомъ—что бы ему украсть, увидалъ большой серебряный подсвѣчникъ и думаетъ: возьму я эту вещь — она много денегъ стоитъ—и уйду отсюда, а старика убивать не буду. Такъ и сдѣлалъ.

Полицейскіе не отходили отъ Архіерейскаго дома и всё время карауллли разбойника. Какъ только онъ вышелъ изъ дому, его окружили и нашли у него подъ полой подсвѣчникъ.

Разбойникъ сталъ отпираться, но полицейскіе сказали: «если ты отъ прежнихъ дѣлъ своихъ отпираешся, то отъ кражи этого подсвѣчника откленаться не можешь. Пойдёмъ къ Архіерею—онъ тебя уличитъ».

Привели вора къ Архіерею, показали ему подсвѣчникъ и спросили: «ваша ли это вещь?» Онъ говоритъ: «моя».

Полицейскіе сказали: «у васъ украли эту вещь, а вотъ воръ»

Разбойникъ молчалъ, и у него какъ у волка бѣгали глаза.

Архіерей ничего не сказалъ, вернулся въ горницу, взялъ тамъ дружку отъ того же подсвѣчника, подалъ разбойнику и говоритъ: «зачѣмъ же ты, дружокъ, только одинъ подсвѣчникъ взялъ? Вѣдь я тебѣ оба подарилъ».

Разбойникъ заплакалъ и сказалъ полицейскимъ: «я воръ и разбойникъ, ведите меня!»

Потомъ онъ сказалъ Архіерею: «прости меня ради Христа и помолись за меня Богу».

ЛОЗИНА.

На Святой мужикъ пошёлъ посмотрѣть—оттаяла ли земля?

Онъ вышелъ на огородъ и коломъ ощупалъ землю. Земля раскисла. Мужикъ пошёлъ въ лѣсъ. Въ лѣсу на лозинѣ уже надулись почки. Мужикъ и подумалъ: «дай обсажу огородъ лозиной; выростетъ—защита будетъ!» Взялъ топоръ, нарубилъ десятокъ лозиннику, затесалъ съ толстыхъ концовъ кольями и воткнулъ въ землю.

Всѣ лозинки выпустили побѣги вверху съ листьями и внизу подъ землёю выпустили такіе же побѣги замѣсто кореньевъ; и однѣ зацѣпились за землю и принялись, а другія неловко зацѣпились за землю кореньями—замерли и повалились.

Къ осени мужикъ порадовался на свои лозины: шесть штукъ принялось. На другую весну овцы обгрызли четыре лозины, и двѣ только остались. На другую весну и эти обгрызли овцы. Одна совсѣмъ пропала, а другая справилась, стала окореняться и разрослась деревомъ. По веснамъ пчёлы гудмя гудѣли на лозинѣ. Въ роевщину часто на лозину сажались рои, и мужики огребали ихъ. Бабы и мужики часто завтракали и спали подъ лозиной; а ребята лазили на неё и выламывали изъ нея прутья.

Мужикъ — тотъ, что посадилъ лозину, давно уже умеръ, а она всё росла. Старшій сынъ два раза срубалъ съ нея сучья и топилъ ими. Лозина всё росла. Обрубятъ ее кругомъ, сдѣлаютъ шишку, а она на весну выпуститъ опять сучья, хоть и тоньше, но вдвое больше прежнихъ, какъ вихоръ у жеребёнка.

И старшій сынъ пересталъ хозяйничать, и деревню сселили, а лозина всё росла на чистомъ полѣ. Чужіе мужики ѣздили, рубили её — она всё росла. Грозой ударило въ лозину; она справилась боковыми сучьями, и всё росла и цвѣла. Одинъ мужикъ хотѣлъ срубить её на колоду, да бросилъ: она была дюже гнила. Лозина свалилась на бокъ и держалась только однимъ бокомъ, а всё росла, и всё каждый годъ прилетали пчёлы обирать съ ея цвѣтовъ поноску.

Собрались разъ ребята рано весной стеречь лошадей подъ лозину. Показалось имъ холодно, они стали разводить огонь, набрали жнивья, чернобылу, хворосту. Одинъ влѣзъ на лозину, съ нея же наломалъ сучьевъ. Склали они всё въ дупло лозины и зажгли. Зашипѣла лозина, закипѣлъ въ ней сокъ, пошелъ дымъ и сталъ перебѣгать огонь; всё нутро ея почернѣло. Сморщились молодые побѣги, цвѣты завяли. Ребята угнали домой лошадей. Обгорѣлая лозина осталась одна въ полѣ. Прилетѣлъ черный воронъ, сѣлъ на неё и закричалъ: что издохла старая кочерга, давно пора было.

1000 ЗОЛОТЫХЪ.

Богатый человѣкъ захотѣлъ отдать 1000 золотыхъ бѣднымъ, но не зналъ, какимъ бѣднымъ дать эти деньги.

Онъ пришёлъ къ священнику и говоритъ: я хочу дать 1000 золотыхъ бѣднымъ, да не знаю, — кому дать. Возьмите деньги и раздайте, кому знаете».

Священникъ сказалъ: «деньги большія, я тоже не знаю, кому дать: можетъ быть я одному дамъ много,

а другому мало. Скажите, какимъ бѣднымъ и посколько дать вашихъ денегъ»?

Богатый сказалъ: «если вы не знаете, кому дать деньги, то Богъ знаетъ: кто первый бѣдный придётъ къ вамъ, тому и отдайте деньги».

Въ томъ-же приходѣ жилъ бѣдный человѣкъ. У него было много дѣтей, а самъ онъ былъ боленъ и не могъ работать. Бѣдный человѣкъ читалъ разъ псалтирь и прочёлъ эти слова: *«я былъ молодъ и состарѣлся, и не видалъ праведнаго оставленнаго и дѣтей его просящихъ хлѣба.»*

Бѣдный подумалъ: я вотъ оставленъ Богомъ! а я дурнаго ничего не сдѣлалъ. Дай пойду къ священнику, спрошу его, какъ такъ неправда сказана въ Писаніи.

Онъ пошёлъ къ священнику.

Священникъ увидалъ его и сказалъ: «этотъ бѣдный первый пришёлъ ко мнѣ», и отдалъ ему всѣ 1000 золотыхъ богатаго человѣка.

III.

УЖЪ.

У одной женщины была дочь Маша. Маша пошла съ подругами купаться. Дѣвочки сняли рубашки, положили на берегъ и попрыгали въ воду.

Изъ воды выползъ большой ужъ и свернувшись лёгъ на машину рубашку. Дѣвочки вылѣзли изъ воды, надѣли свои рубашки и побѣжали домой. Когда Маша подошла къ своей рубашкѣ и увидала, что на ней лежитъ ужакъ, она взяла палку и хотѣла согнать его, но ужъ поднялъ голову и засипѣлъ человѣчьимъ голосомъ.

«Маша, Маша, обѣщай за меня замужъ».

Маша заплакала и сказала «только отдай мнѣ рубашку, а я всё сдѣлаю».

«Пойдёшь ли замужъ?»

Маша сказала: «пойду» И ужъ сползъ съ рубашки и ушёлъ въ воду.

Маша надѣла рубашку и побѣжала домой. Дома она сказала матери: «матушка, ужакъ лёгъ на мою рубашку и сказалъ: иди за меня замужъ, а то не отдамъ рубашки. Я ему обѣщала»

Мать посмѣялась и сказала: «это тебѣ приснилось».

Черезъ недѣлю цѣлое стадо ужей приползло къ машиному дому.

Маша увидала ужей, испугалась и сказала: «матушка, за мной ужи приползли»

Мать не повѣрила, но какъ увидала, сама испугалась и заперла сѣни и дверь въ избу. Ужи проползли подъ ворота и вползли въ сѣни, но не могли пройти въ избу. Тогда они выползли назадъ, всѣ вмѣстѣ свернулись клубкомъ и бросились въ окно. Они разбили стекло, упали на полъ въ избу и поползли по лавкамъ, столамъ и на печку. Маша забилась въ уголъ на печи, но ужи нашли её, стащили оттуда и повели къ водѣ.

Мать плакала и бѣжала за ними, но не догнала. Ужи вмѣстѣ съ Машей бросились въ воду.

Мать плакала о дочери и думала, что она умерла.

Одинъ разъ мать сидѣла у окна и смотрѣла на улицу. Вдругъ она увидала, что къ ней идётъ ея Маша и ведётъ за руку маленькаго мальчика, а на рукахъ несётъ дѣвочку.

Мать обрадовалась и стала цѣловать Машу и спрашивать её, гдѣ она была и чьи это дѣти? Маша сказала, что это ея дѣти, что ужъ взялъ её замужъ, и что она живётъ съ нимъ въ водяномъ царствѣ.

Мать спросила дочь, хорошо ли ей жить въ водяномъ царствѣ, и дочь сказала, что лучше, чѣмъ на землѣ.

Мать просила Машу, чтобъ она осталась съ нею, но Маша не согласилась. Она сказала, что обѣщала мужу вернуться.

Тогда мать спросила дочь:

«А какъ же ты домой пойдёшь?»

«Пойду, покличу: «Осипъ, Осипъ, выйди сюда и возьми меня»; онъ и выйдетъ на берегъ и возьмётъ меня».

Мать сказала тогда Машѣ: «ну, хорошо, только переночуй у меня».

Маша легла и заснула, а мать взяла топоръ и пошла къ водѣ.

Она пришла къ водѣ и стала звать: «Осипъ, Осипъ, выйди сюда».

Ужъ выплылъ на берегъ. Тогда мать ударила его топоромъ и отрубила голову. Вода сдѣлалась красною отъ крови.

Мать пришла домой, а дочь проснулась и говоритъ: «я пойду домой, матушка; мнѣ скучно стало» и она пошла.

Маша взяла дѣвочку на руки, а мальчика повела за руку.

Когда она пришла къ водѣ, она стала кликать: «Осипъ, Осипъ, выйди ко мнѣ». Но никто не выходилъ.

Тогда она посмотрѣла на воду и увидала, что вода красная и ужовая голова плаваетъ по ней.

Тогда Маша поцѣловала дочь и сына, и сказала имъ: «Нѣтъ у васъ батюшки, не будетъ у васъ и матушки. Ты, дочка, будь птичкой ласточкой, летай надъ водой; ты, сынокъ, будь соловейчикомъ, распѣвай по зарямъ; а я буду кукушечкой, буду куковать по убитому по своему мужу». И они всѣ разлетѣлись въ разныя стороны.

УДАЧА.

Пріѣхали люди на островъ, гдѣ было много дорогихъ каменьевъ. Люди старались найти больше; они мало ѣли, мало спали, а всё работали. Одинъ только изъ нихъ ничего не дѣлалъ: а сидѣлъ на мѣстѣ, ѣлъ, пилъ и спалъ. Когда стали собираться домой, они разбудили этого человѣка и сказали: «ты съ чѣмъ-же домой поѣдешь?» Онъ взялъ поднялъ горсть земли подъ ногами и положилъ въ сумку.

Когда всѣ пріѣхали домой, этотъ человѣкъ досталъ свою землю изъ сумки и въ ней нашёлъ камень, драгоцѣннѣе всѣхъ другихъ вмѣстѣ.

ДВА БРАТА.

Два брата пошли вмѣстѣ путешествовать. Въ полдень они легли отдохнуть въ лѣсу. Когда они проснулись, то увидали — подлѣ нихъ лежитъ камень и на камнѣ что-то написано. Они стали разбирать и прочли:

«*Кто найдётъ этотъ камень, тотъ пускай идётъ прямо въ лѣсъ на восходъ солнца. Въ лѣсу придётъ рѣка; пускай плывётъ чрезъ рѣку на другую сторону. Увидишь медвѣдицу съ медвѣжатами: отними медвѣжатъ у медвѣдицы и бѣги безъ оглядки прямо въ гору. На горѣ увидишь домъ и въ домѣ томъ найдёшь счастіе*».

Братья прочли, что было написано, и меньшой сказалъ: «давай, пойдёмъ вмѣстѣ. Можетъ быть мы переплывёмъ эту рѣку, донесёмъ медвѣжатъ до дому и вмѣстѣ найдёмъ счастіе».

Тогда старшій сказалъ: «я не пойду въ лѣсъ за мед-

вѣжатами и тебѣ не совѣтую. Первое дѣло: никто не знаетъ—правда-ли написана на этомъ камнѣ; можетъ быть всё это написано на смѣхъ. Да можетъ быть мы и не такъ разобрали. Второе:—если и правда написано,—пойдёмъ мы въ лѣсъ, придётъ ночь, мы не попадёмъ на рѣку и заблудимся. Да если и найдёмъ рѣку, какъ мы переплывёмъ её? Можетъ быть она быстра и широка? Третье: — если и переплывёмъ рѣку, развѣ лёгкое дѣло отнять у медвѣдицы медвѣжатъ: она насъ задерётъ, и мы, вмѣсто счастія, пропадёмъ ни за что. Четвёртое дѣло:—если намъ и удастся унести медвѣжатъ, мы не добѣжимъ безъ отдыха въ гору. Главное-же дѣло—не сказано: *какое счастіе мы найдёмъ въ этомъ домѣ? Можетъ-быть насъ тамъ ждётъ такое счастіе, какого намъ вовсе не нужно»*.

А меньшой сказалъ «по моему не такъ. Напрасно этого писать на камнѣ не стали-бы И всё написано ясно. Первое дѣло:—намъ бѣды не будетъ, если и попытаемся. Второе дѣло: — если мы не пойдёмъ, кто нибудь другой прочтётъ надпись на камнѣ и найдётъ счастье, а мы останемся ни при чёмъ. Третье дѣло: не потрудиться, да не поработать, ничто въ свѣтѣ не радуетъ. Четвёртое:—не хочу я, чтобъ подумали, что я чего-нибудь да побоялся».

Тогда старшій сказалъ, «и пословица говоритъ: *искать большого счастія — малое потерять;* да ещё: *не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки»*.

А меньшой сказалъ: «а я слыхалъ — *волковъ бояться, въ лѣсъ не ходить;* да ещё: *подъ лежачій камень вода не потечётъ*. По мнѣ надо идти».

Меньшой братъ пошёлъ, а старшій остался.

Какъ только меньшой братъ вошёлъ въ лѣсъ, онъ напалъ на рѣку, переплылъ её и тутъ-же на берегу увидалъ медвѣдицу. Она спала. Онъ ухватилъ медвѣжатъ и побѣжалъ безъ оглядки на гору. Только что добѣжалъ до верху,—выходитъ ему на встрѣчу народъ: подвезли ему карету, повезли въ городъ и сдѣлали царёмъ.

Онъ царствовалъ пять лѣтъ. На 6-ой годъ пришёлъ на него войной другой царь, сильнѣе его: завоевалъ городъ и прогналъ его. Тогда меньшой братъ пошёлъ опять странствовать и пришёлъ къ старшему брату.

Старшій братъ жилъ въ деревнѣ ни богато, ни бѣдно. Братья обрадовались другъ другу и стали разсказывать про свою жизнь.

Старшій братъ и говоритъ: «вотъ и вышла моя правда: я всё время жилъ тихо и хорошо, а ты хошь и былъ царёмъ, за то много горя видѣлъ».

А меньшой сказалъ: «я не тужу, что пошёлъ тогда въ лѣсъ на гору; хошь мнѣ и плохо теперь, за то есть чѣмъ помянуть мою жизнь, а тебѣ и помянуть-то нечѣмъ».

ПЕТРЪ I-й И МУЖИКЪ.

Наѣхалъ Царь Петръ на мужика въ лѣсу. Мужикъ дрова рубитъ.

Царь говоритъ: «Божья помощь, мужикъ!»

Мужикъ и говоритъ: «и то мнѣ нужна Божья помощь».

Царь спрашиваетъ: «а велика ли у тебя семья?»

— «У меня семьи два сына, да двѣ дочери».

«Ну, не велико твоё семейство. Куда-жь ты деньги кладёшь?»

— «А я деньги на три части кладу: во первыхъ долгѣ плачу, въ другихъ—въ долгъ даю, въ третьихъ —въ воду мечу».

Царь подумалъ и не знаетъ, что это значитъ, что старикъ и долгъ платитъ, и въ долгъ даётъ, и въ воду мечетъ.

А старикъ говоритъ: «долгъ плачу—отца-мать кормлю; въ долгъ даю—сыновей кормлю; а въ воду мечу—дочерей рощу».

Царь и говоритъ: «умная твоя голова, старичокъ. Теперь выведи меня изъ лѣсу въ поле: я дороги не найду».

Мужикъ говоритъ: «найдёшь и самъ дорогу: иди прямо, потомъ сверни вправо, а потомъ влѣво, потомъ опять вправо».

Царь и говоритъ: «я этой грамоты не понимаю; ты сведи меня».

— «Мнѣ, сударь, водить некогда: намъ въ крестьянствѣ день дорого стоитъ».

«Ну, дорого стоитъ, такъ я заплачу».

— «А заплатишь, пойдёмъ».

Сѣли они на одноколку, поѣхали.

Сталъ дорогой Царь мужичка спрашивать: «далече-ли ты, мужичёкъ, бывалъ»?

— «Кое-гдѣ бывалъ».

«А видалъ-ли Царя?»

— «Царя не видалъ, а надо-бъ посмотрѣть»

«Такъ вотъ, какъ выѣдемъ въ поле, — и увидишь Царя».

— «А какъ я его узнаю?»

«Всѣ безъ шапокъ будутъ; одинъ Царь въ шапкѣ».

Вотъ пріѣхали они въ поле. Увидалъ народъ Царя,— всѣ поснимали шапки. Мужикъ пялитъ глаза, а не видитъ Царя.

Вотъ онъ и спрашиваетъ: «а гдѣ же Царь?»

Говоритъ ему Петръ Алексѣевичъ: «видишь, только мы двое въ шапкахъ—кто-нибудь изъ насъ да Царь».

ТРИ ВОРА.

Одинъ мужикъ вёлъ въ городъ продавать осла и козу. На козѣ былъ привязанъ бубенчикъ.

Три вора увидали мужика, и одинъ сказалъ: «я украду козу, такъ что мужикъ и не замѣтитъ».

Другой воръ сказалъ: «а я изъ рукъ у мужика украду осла».

Третій сказалъ: «и это не трудно; а я такъ всё платье съ мужика украду».

Первый воръ подкрался къ козѣ; снялъ съ нея бубенчикъ и привѣсилъ къ хвосту осла, а козу увёлъ въ поле.

Мужикъ на поворотѣ оглянулся, увидалъ, что козы нѣтъ, сталъ искать.

Тогда къ нему подошёлъ второй воръ и спросилъ, чего онъ ищетъ?

Мужикъ сказалъ, что у него украли козу. Второй воръ сказалъ: «я видѣлъ твою козу: вотъ сейчасъ только въ этотъ лѣсъ пробѣжалъ человѣкъ съ козою. Его можно поймать».

Мужикъ побѣжалъ догонять козу и попросилъ вора подержать осла. Второй воръ увёлъ осла.

Когда мужикъ вернулся изъ лѣсу и увидалъ, что и осла его нѣтъ, онъ заплакалъ и пошёлъ по дорогѣ.

На дорогѣ, у пруда увидалъ онъ — сидитъ человѣкъ и плачетъ Мужикъ спросилъ, что́ съ нимъ?

Человѣкъ сказалъ, что ему велѣли отнести въ городъ мѣшокъ съ золотомъ и что онъ сѣлъ отдохнуть у пруда, заснулъ и во снѣ столкнулъ мѣшокъ въ воду.

Мужикъ спросилъ — отчего онъ не лѣзетъ доставать его?

Человѣкъ сказалъ: «я боюсь воды и не умѣю плавать; но я дамъ 20 золотыхъ тому, кто достанетъ мѣшокъ». Мужикъ обрадовался и подумалъ: мнѣ Богъ далъ счастье за то, что у меня украли козу и осла. Онъ раздѣлся, полѣзъ въ воду, но мѣшка съ золотомъ не нашёлъ; а когда онъ вылѣзъ изъ воды, его платья уже не было.

Это былъ третій воръ: онъ укралъ и платье.

РОВНОЕ НАСЛѢДСТВО.

У одного купца было два сына. Старшій былъ любимецъ отца, и отецъ всё своё наслѣдство хотѣлъ отдать ему. Мать жалѣла меньшаго сына и просила мужа не объявлять до времени сыновьямъ, какъ ихъ раздѣлятъ: она хотѣла какъ нибудь сравнять двухъ сыновей. Купецъ её послушалъ и не объявлялъ своего рѣшенія.

Одинъ разъ мать сидѣла у окна и плакала: къ окну подошёлъ странникъ и спросилъ, о чёмъ она плачетъ?

Она сказала: «какъ мнѣ не плакать; оба сына мнѣ равны, а отецъ хочетъ одному сыну всё отдать, а другому ничего. Я просила мужа не объявлять своего рѣ-

шенія сыновьямъ, пока я не придумаю, какъ помочь меньшему. Но денегъ у меня своихъ нѣтъ и я не знаю, какъ помочь горю».

Странникъ сказалъ: «твоему горю легко помочь: поди, объяви сыновьямъ, что старшему достанется всё богатство, а меньшему ничего; и у нихъ будетъ поровну».

Меньшой сынъ, какъ узналъ, что у него ничего не будетъ, ушёлъ въ чужія страны и выучился мастерствамъ и наукамъ, а старшій жилъ при отцѣ и ничему не учился, потому что зналъ, что будетъ богатъ.

Когда отецъ умеръ, старшій ничего не умѣлъ дѣлать, прожилъ всё своё имѣніе, а младшій выучился наживать на чужой сторонѣ и сталъ богатъ.

IV.

ШАТЪ И ДОНЪ.

У старика Ивана было два сына, Шатъ Иванычъ и Донъ Иванычъ. Шатъ Иванычъ былъ старшій братъ; онъ былъ сильнѣе и больше, а Донъ Иванычъ былъ меньшій и былъ меньше и слабѣе. Отецъ показалъ каждому дорогу и велѣлъ имъ слушаться. Шатъ Иванычъ не послушался отца и не пошёлъ по показанной дорогѣ, сбился съ пути и пропалъ. А Донъ Иванычъ слушалъ отца и шёлъ туда, куда отецъ приказывалъ. За то онъ прошёлъ всю Россію и сталъ славенъ.

Въ Тульской губерніи, въ Епифанскомъ уѣздѣ есть деревня «Иванъ-озеро» и въ самой деревнѣ есть озеро. Изъ озера вытекаютъ въ разныя стороны два ручья. Одинъ ручей такъ узокъ, что черезъ него перешагнуть можно. Этотъ ручей называютъ Донъ. Другой ручеёкъ широкій, и его называютъ Шатъ.

Донъ идётъ всё прямо и чѣмъ дальше онъ идётъ, тѣмъ шире становится.

Шатъ вертится съ одной стороны на другую. Донъ прошёлъ черезъ всю Россію и впалъ въ Чёрное море. Въ нёмъ много рыбы, и по нёмъ ходятъ барки и пароходы.

Шатъ зашатался, не вышелъ изъ Тульской губерніи и впалъ въ рѣку Упу.

ВОЛГА И ВАЗУЗА.

Были двѣ сестры Волга и Вазуза Онѣ стали спорить, кто изъ нихъ умнѣе и кто лучше проживётъ

Волга сказала. «зачѣмъ намъ спорить,—мы обѣ на возрастѣ. Давай выйдемъ завтра по утру изъ дому и пойдёмъ каждая своей дорогой; тогда увидимъ, кто изъ двоихъ лучше пройдётъ и скорѣе придётъ въ Хвалынское царство.

Вазуза согласилась, но обманула Волгу Только что Волга заснула, Вазуза ночью побѣжала прямой дорогой въ Хвалынское царство.

Когда Волга встала и увидала, что сестра ея ушла, она ни тихо, ни скоро пошла своей дорогой и догнала Вазузу.

Вазуза испугалась, чтобъ Волга не наказала ея; назвалась меньшей сестрой и попросила Волгу довести её до Хвалынскаго царства. Волга простила сестру и взяла съ собой.

Рѣка Волга начинается въ Осташковскомъ уѣздѣ изъ болотъ, въ деревнѣ Волго. Тамъ есть небольшой колодезь, изъ него течётъ Волга. А рѣка Вазуза начинается въ горахъ. Вазуза течётъ прямо, а Волга поворачиваетъ.

Вазуза весной раньше ломаетъ лёдъ и проходитъ, а Волга позднѣе. Но когда обѣ рѣки сходятся, въ Волгѣ уже 30 саженей ширины, а Вазуза ещё узкая и маленькая рѣчка. Волга проходитъ черезъ всю Россію на три тысячи сто шестьдесятъ вёрстъ и впадаетъ въ Хвалынское (Каспійское) море. И ширины въ ней въ полую воду бываетъ до двѣнадцати вёрстъ.

СУДОМА.

Въ Псковской губерніи, въ Пороховскомъ уѣздѣ, есть рѣчка Судома, и на берегахъ этой рѣчки есть двѣ горы, другъ противъ дружки.

На одной горѣ былъ прежде городокъ Вышгородъ, на другой горѣ въ прежнія времена судились Славяне. Старики расказываютъ, что на этой горѣ встарину съ неба висѣла цѣпь, и что кто былъ правъ, тотъ до цѣпи доставалъ рукой, а кто былъ виноватъ, тотъ не могъ достать. Одинъ человѣкъ занялъ у другаго деньги и отперся. Привели ихъ обоихъ на гору Судому и велѣли доставать до цѣпи. Тотъ, что̀ давалъ деньги, поднялъ руку и сразу досталъ. Пришёлъ черёдъ виноватому доставать. Онъ не отпирался, а только отдалъ свой костыль подержать тому, съ кѣмъ судился, чтобы ловчѣе было руками достать до цѣпи; протянулъ руки и досталъ. Тогда народъ удивился: какъ оба правы? А у виноватаго костыль былъ пустой, и въ костылѣ были запрятаны тѣ самыя деньги, въ какихъ онъ отпирался. Когда онъ отдалъ въ руки костыль съ деньгами подержать тому, кому онъ долженъ былъ, онъ съ костылёмъ отдалъ и деньги, и потому досталъ цѣпь.

Такъ онъ обманулъ всѣхъ. Но съ тѣхъ поръ цѣпь поднялась на небо и больше не спускалась. Такъ разсказываютъ старики.

ЗОЛОТОВОЛОСАЯ ЦАРЕВНА.

Въ Индіи была одна царевна съ золотыми волосами; у нея была злая мачиха. Мачиха возненавидѣла золотоволосую падчерицу и уговорила царя сослать её въ

пустыню. Золотоволосую свели далеко въ пустыню и бросили. На пятый день золотоволосая царевна вернулась верхомъ на львѣ назадъ къ своему отцу.

Тогда мачиха уговорила царя сослать золотоволосую падчерицу въ дикія горы, гдѣ жили только коршуны. Коршуны на четвёртый день принесли её назадъ.

Тогда мачиха сослала царевну на островъ среди моря. Рыбаки увидали золотоволосую царевну и на шестой день привезли её назадъ къ царю.

Тогда мачиха велѣла на дворѣ вырыть глубокій колодезь, опустила туда золотоволосую царевну и засыпала землёй.

Черезъ шесть дней изъ того мѣста, куда зарыли царевну, засвѣтился свѣтъ, и когда царь велѣлъ раскопать землю, тамъ нашли живую золотоволосую царевну.

Тогда мачиха велѣла выдолбить колоду тутоваго [1]) дерева, задѣлала туда царевну и пустила её по морю.

На девятый день море принесло золотоволосую царевну въ японскую землю и тамъ её Японцы вынули изъ колоды. Она была жива.

Но какъ только она вышла на берегъ, она умерла, и изъ нея сдѣлался шелковичный червь.

Шелковичный червь всползъ на тутовое дерево и сталъ ѣсть тутовый листъ. Когда онъ повыросъ, онъ вдругъ сдѣлался мёртвый: не ѣлъ и не шевелился.

На пятый день, въ тотъ самый срокъ, какъ царевну принёсъ левъ изъ пустыни, — червь ожилъ и опять сталъ ѣсть листъ.

[1]) На тутовомъ деревѣ растутъ ягоды—похожи на малину, а листъ похожъ на берёзовый; этимъ листомъ кормятъ шелковичныхъ червей.

Когда червь опять повыросъ, онъ опять умеръ и на четвёртый день, въ тотъ самый срокъ, какъ коршуны принесли царевну, червь ожилъ и опять сталъ ѣсть.

И опять умеръ, и въ тотъ самый срокъ, какъ царевна вернулась на лодкѣ, опять ожилъ.

И опять умеръ въ четвёртый разъ и ожилъ на шестой день, когда царевну выкопали изъ колодца.

И опять въ послѣдній разъ умеръ, и на девятый день, въ тотъ самый срокъ, какъ царевна приплыла въ Японію, ожилъ въ золотой, шёлковой куколкѣ. Изъ куколки вылетѣла бабочка и положила яички, а изъ яичекъ вывелись черви и повелись въ Японіи. Черви пять разъ засыпаютъ и пять разъ оживаютъ.

Японцы разводятъ много червей, дѣлаютъ много шёлка; и первый сонъ червя называется *сномъ льва*, второй — *сномъ коршуна*, третій — *сномъ лодки*, четвёртый — *сномъ двора* и пятый — *сномъ колоды*.

КАМБИЗЪ И ПСАМЕНИТЪ.

Когда царь персидскій Камбизъ завоевалъ Египетъ и полонилъ царя Египетскаго Псаменита, онъ велѣлъ вывесть на площадь царя Псаменита съ другими египтянами и велѣлъ вывести на площадь двѣ тысячи человѣкъ, а съ ними вмѣстѣ псаменитову дочь, приказалъ одѣть её въ лохмотья и выслать съ вёдрами за водой; вмѣстѣ съ нею онъ послалъ въ такой-же одеждѣ и дочерей самыхъ знатныхъ египтянъ. Когда дѣвицы съ воемъ и плачемъ прошли мимо отцовъ, отцы заплакали, глядя на дочерей. Одинъ только Псаменитъ не плакалъ, а только потупился.

Когда дѣвицы прошли, Камбизъ выслалъ сына Псаменита съ другими египтянами. У всѣхъ ихъ вокругъ шеи были обвязаны верёвки, а во рту были удила. Ихъ вели убивать.

Псаменитъ видѣлъ это и понялъ, что сына ведутъ на смерть. Но такъ же, какъ и при видѣ дочери, когда другіе отцы плакали, глядя на своихъ дѣтей, онъ только потупился.

Потомъ прошёлъ мимо Псаменита прежній товарищъ его и родственникъ.

Онъ прежде былъ богатъ, а теперь какъ нищій просилъ милостыню по войску. Какъ только Псаменитъ увидалъ его, онъ назвалъ его по имени, ударилъ себя по головѣ и зарыдалъ. Камбизъ удивился тому, что Псаменитъ сдѣлалъ, и послалъ спросить его такъ:

«Псаменитъ! Господинъ твой Камбизъ спрашиваетъ: отчего, когда дочь твою осрамили и сына вели на смерть, ты не плакалъ, а нищаго, и вовсе не роднаго, такъ пожалѣлъ?».

Псаменитъ отвѣчалъ:

«Камбизъ! моё собственное горе такъ велико, что о нёмъ и плакать нельзя; а товарища мнѣ жалко стало за то, что онъ въ старости изъ богатства попалъ въ нищету».

Былъ при этомъ другой плѣнный царь—Крезъ. Когда онъ услыхалъ эти слова, ему больнѣе показалось своё горе, и онъ заплакалъ—и всѣ Персы, что̀ тутъ были, всѣ заплакали.

И на самого Камбиза нашла жалость, и онъ велѣлъ вернуть назадъ Псаменитова сына, а самаго Псаменита привесть къ себѣ. Но сына не застали живымъ—

опъ уже былъ убитъ; а самого Псаменита привели къ Камбизу, и Камбизъ помиловалъ его.

ЕРМАКЪ.

При Царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ были богатые купцы Строгоновы и жили они въ Перми на рѣкѣ Камѣ. Прослышали они, что по рѣкѣ Камѣ на 140 верстъ въ кругу есть хороша земля: пашня не пахана отъ вѣка, лѣса черные отъ вѣка не рублены. Въ лѣсахъ звѣря много, и по рѣкѣ озёра рыбныя, и никто на той землѣ не живётъ, только захаживаютъ Татары.

Строгоновы написали Царю письмо «Отдай намъ эту землю, а мы сами по ней городки построимъ и народъ соберёмъ, заселимъ и не будемъ давать черезъ эту землю ходу Татарамъ.»

Царь согласился и отдалъ имъ землю Строгоновы послали прикащиковъ собирать народъ. И сошлось къ нимъ много гулящаго народа. Кто приходилъ, тѣмъ Строгоновы отводили землю, лѣсъ, давали скотину, и никакихъ оброковъ не брали, только живи и, когда нужда, выходи съ народомъ биться съ Татарами. Такъ и заселились эта земля русскимъ народомъ.

Прошло лѣтъ 20-ть. Строгоновы купцы ещё сильнѣе разбогатѣли, и мало имъ стало той земли на 140 вёрстъ. Захотѣли они ещё болѣе земли. Вёрстъ за 100 отъ нихъ были высокія горы, Уральскія, и за этими горами, прослышали они, есть прекраснѣйшая земля, и землѣ той конца нѣтъ. Владѣлъ этой землёй Сибирскій князёкъ Кучумъ. Кучумъ въ прежнее время покорился Царю Русскому, а потомъ сталъ бунтовать и грозилъ разорить Строгоновскіе городки.

Вотъ Строгоновы и написали Царю: «отдалъ ты намъ землю, мы её подъ твою руку покорили; теперь воровской царёкъ Кучумъ противъ тебя бунтуетъ и хочетъ и эту землю отнять и насъ разорить. Вели ты намъ занять землю за Уральскими горами; мы Кучума завоюемъ и всю его землю подъ твою руку подведёмъ.» Царь согласился и отписалъ: «Если сила у васъ есть, отберите у Кучума землю. Только изъ Россіи много народу не сманивайте.»

Вотъ Строгоновы какъ получили отъ Царя письмо, послали прикащиковъ ещё собирать народъ къ себѣ. И больше велѣли подговаривать казаковъ съ Волги и съ Дону. А въ то время по Волгѣ, по Дону казаковъ много ходило. Соберутся шайками въ 200, 300, 600 человѣкъ, выберутъ Атамана и плаваютъ на стругахъ, перехватываютъ суда, грабятъ, а на зиму становятся городкомъ на берегу.

Пріѣхали прикащики на Волгу и стали спрашивать: жакіе тутъ казаки слывутъ. Имъ и говорятъ: «казаковъ много. Житья отъ нихъ не стало. Есть Мишка Черкашенинъ, есть Сары-Азманъ... Но нѣтъ злѣе Ермака Тимофеича, Атамана. У того человѣкъ 1000 народа и его нетолько народъ и купцы боятся, а царское войско къ нему приступить не смѣетъ».

И поѣхали прикащики къ Ермаку Атаману и стали его уговаривать идти къ Строгонову. Ермакъ принялъ прикащиковъ, отслушалъ ихъ рѣчи и обѣщалъ придти съ народомъ своимъ къ Успенью.

Къ Успенью пришли къ Строгоновымъ казаки человѣкъ 600 съ Атаманомъ Ермакомъ Тимофеевичемъ. Напустилъ ихъ сначала Строгоновъ на ближнихъ Та-

таръ. Казаки ихъ побили. Потомъ когда нечего было дѣлать, стали казаки по округу ходить и грабить.

Призываетъ Строгоновъ Ермака и говоритъ: «Я васъ теперь больше держать не стану, если вы такъ шалить будете». А Ермакъ говоритъ: «Я и самъ не радъ, да съ народомъ моимъ не совладаешь, набаловались. Дай намъ работу». Строгоновъ и говоритъ: «Идите за Уралъ воевать съ Кучумомъ, завладѣйте его землёю. Васъ и Царь наградитъ.» И показалъ Ермаку царское письмо. Ермакъ обрадовался, собралъ казаковъ и говоритъ:

«Вы меня срамите передъ хозяиномъ—всё безъ толку грабите. Если не бросите, онъ васъ прогонитъ, а куда пойдёте? На Волгѣ царскаго войска много, насъ переловятъ и за прежнія дѣла худо будетъ. А если скучно вамъ, то вотъ вамъ работа».

И показалъ имъ Царское письмо, что позволено Строгонову за Ураломъ землю завоевать. Поговорили казаки и согласились идти. Пошёлъ Ермакъ къ Строгонову, сталъ съ нимъ думать, какъ имъ идти.

Обсудили, сколько струговъ надо, сколько хлѣба скотины, ружей, пороху, свинцу, сколько переводчиковъ татаръ плѣнныхъ, сколько нѣмцевъ мастеровъ ружейныхъ.

Строгоновъ думаетъ: хоть и дорого мнѣ станетъ, а надо дать ему всего, а то здѣсь останутся, разорятъ меня. Согласился Строгоновъ, собралъ всего и снарядилъ Ермака съ казаками.

1-го Сентября поплыли казаки съ Ермакомъ вверхъ по рѣкѣ Чусовой на 32-хъ стругахъ, на каждомъ стругѣ было 20-ть человѣкъ. Плыли они четыре дня

на вёслахъ вверхъ по рѣкѣ и выплыли въ Серебряную рѣку. Оттуда ужъ плыть нельзя. Разспросили проводниковъ и узнали, что надо имъ тутъ перевалиться черезъ горы и вёрстъ 200 сухопутьемъ пройти а потомъ пойдутъ опять рѣки. Остановились тутъ казаки, построили городъ, и выгрузили всю снасть; и струга побросали, а наладили телѣги, уложили всё и пошли сухопутьемъ — черезъ горы. Мѣста всё были лѣсныя и народу не жило никакого. Прошли они 10 дней сухопутьемъ, попали на Жаровню на рѣку. Тутъ опять постояли, и стали ладить струги. Наладили и поплыли по рѣкѣ внизъ. Проплыли пять дней, и пришли мѣста еще веселѣе: луга, лѣса, озёра. И рыбы и звѣря много; и звѣрь непуганный. Проплыли ещё день, выплыли въ Туру рѣку. Тутъ по Турѣ рѣкѣ сталъ попадаться народъ и городки татарскіе.

Послалъ Ермакъ казаковъ посмотрѣть одинъ городокъ, что за городокъ и много ли въ нёмъ силы. Пошли 20 казаковъ, распугали всѣхъ татаръ и забрали весь городокъ, и скотину всю забрали. Какихъ татаръ перебили, а какихъ привели живьёмъ.

Сталъ Ермакъ черезъ переводчиковъ спрашивать татаръ: какіе они люди и подъ чьей рукой живутъ? Татары говорятъ, что они Сибирскаго царства и царь ихъ Кучумъ.

Ермакъ отпустилъ татаръ, а троихъ поумнѣе взялъ съ собой, чтобы они ему дорогу показывали.

Поплыли дальше. Что дальше плывутъ, то рѣка всё больше становится; а мѣста, что дальше, то лучше.

И народа стало больше попадаться. Только народъ не сильный. И всѣ городки, какіе были по рѣкѣ, казаки повоевали.

Забрал они въ одномъ городкѣ много татаръ и одного почётнаго, стараго татарина. Стали спрашивать татарина, что̀ онъ за человѣкъ? Онъ и говоритъ: «Я Таузикъ, я своего царя Кучума слуга, и отъ него начальникомъ въ этомъ городѣ».

Ермакъ сталъ спрашивать Таузика про его царя. Далеко ли его городъ Сибирь? Много ли у Кучума силы, много ли у него богатства? Таузикъ всё разсказалъ. Говоритъ: «Кучумъ первѣйшій царь на свѣтѣ. Городъ его Сибирь — самый большой городъ на свѣтѣ. Въ городѣ этомъ, говоритъ, людей и скотины столько, сколько звѣздъ на небѣ. А силы у Кучума царя счёту нѣтъ, его всѣ цари вмѣстѣ не завоюютъ.

А Ермакъ говоритъ: «Мы, русскіе, пришли сюда твоего царя завоевать и его городъ взять; русскому Царю подъ руку подвести. Силы у насъ много. Что̀ со мной пришли—это только передніе, а сзади плывутъ въ стругахъ—счёту имъ нѣтъ, и у всѣхъ ружья. А ружья наши насквозь дерево пробиваютъ, не то что ваши луки и стрѣлы. Вотъ смотри».

И Ермакъ выпалилъ въ дерево, и дерево раскололось, и со всѣхъ сторонъ стали палить казаки. Таузикъ отъ страха на колѣни упалъ. Ермакъ и говоритъ ему: «ступай же ты къ своему царю Кучуму и скажи ему, что̀ ты видѣлъ. Пускай онъ покоряется, а не покорится, такъ и его погубимъ». И отпустилъ Таузика.

Поплыли казаки дальше. Выплыли въ большую рѣку Тоболъ, и всё къ Сибири городу приближаются. Подплыли они къ рѣчкѣ Бабасанъ, смотрятъ—на берегу городокъ стоитъ, и кругомъ городка татаръ много.

Послали они переводчика къ татарамъ—узнать, что́ за люди. Приходитъ назадъ переводчикъ, говоритъ: «Это войско Кучумово собралось. А начальникомъ надъ войскомъ самъ зять Кучумовъ—Маметкулъ. Онъ меня призывалъ и велѣлъ вамъ сказать, чтобы вы назадъ шли, а то онъ васъ перебьётъ».

Ермакъ собралъ казаковъ, вышелъ на берегъ и началъ стрѣлять въ татаръ. Какъ услыхали татары пальбу, такъ и побѣжали. Стали ихъ казаки догонять, и какихъ перебили, а какихъ забрали. Насилу самъ Маметкулъ ушелъ.

Поплыли казаки дальше. Выплыли въ широкую, быструю рѣку Иртышъ. По Иртышу-рѣкѣ проплыли день, подплыли къ городку хорошему и остановились. Пошли казаки въ городокъ. Только стали подходить, начали въ нихъ татары стрѣлы пускать и поранили трёхъ казаковъ. Послалъ Ермакъ переводчика сказать татарамъ, чтобы сдали городъ, а то всѣхъ перебьютъ. Переводчикъ пошёлъ, вернулся и говоритъ: «Тутъ живётъ Кучумовъ слуга Атикъ Мурза Качара. У него силы много, и онъ говоритъ, что не сдастъ городка».

Ермакъ собралъ казаковъ и говоритъ:

«Ну, ребята, если не возьмёмъ этого городка, татары запируютъ. И намъ ходу не дадутъ. Что скорѣе страха зададимъ, то намъ легче будетъ. Выходи всѣ. Кидайся всѣ разомъ.» Такъ и сдѣлали. Татаръ много тутъ было, и татары лихіе.

Какъ бросились казаки, стали татары стрѣлять изъ луковъ. Засыпали казаковъ стрѣлами. Которыхъ до смерти перебили, которыхъ перераниили.

Озлились и казаки, добрались до татаръ, и какіе попались, всѣхъ перебили.

Въ городкѣ этомъ нашли казаки много добра, скотины, ковровъ, мѣховъ и мёду много. Похоронили мёртвыхъ, отдохнули, забрали добро съ собой и поплыли дальше Не далеко проплыли, смотрятъ—на берегу какъ городъ стоитъ, войска конца-края невидать, и все войско окопано канавой, и канава лѣсомъ завалена. Остановились казаки Стали думать; собралъ Ермакъ кругъ. «Ну что, ребята, как быть?»

Казаки заробѣли. Одни говорятъ: надо мимо плыть; другіе говорятъ: назадъ идти.

И стали они скучать, бранить Ермака. Говорятъ: «зачѣмъ ты насъ завёлъ сюда? Вотъ перебили ужь изъ насъ сколько, да переранили; и всѣ мы тутъ пропадёмъ.» Стали плакать.

Ермакъ и говоритъ своему подъатаманью, Ивану Кольцо: «Ну, а ты, Ваня, какъ думаешь?» А Кольцо и говоритъ: «А я что думаю? Не нынче убьютъ, такъ завтра; а не завтра, такъ даромъ на печи помрёмъ. По мнѣ — выйти на берегъ, да и валить прямо лавой на Татаръ,—что́ Богъ дастъ?»

Ермакъ и говоритъ: «Ай молодецъ, Ваня! Такъ и надо. Эхъ вы, ребята! Не казаки вы, а бабы. Видно бѣлужину ловить, да бабъ татарскихъ пугать, только на то васъ и взять. Развѣ не видите сами? Назадъ идти—перебьютъ; мимо плыть—перебьютъ; здѣсь стоять—перебьютъ. Куда же намъ попятиться? Разъ потрудишься, послѣ полегчаетъ. Такъ-то, ребята, у батюшки кобыла здоровая была. Какъ подъ горку—везётъ, и по ровному везётъ, а какъ придётся въ гору,

заноровится, назадъ воротитъ, думаетъ легче будетъ. Такъ взялъ батюшка колъ, возилъ-возилъ её коломъ-то. Ужъ она крутилась, билась, всю телѣгу разбила. Выпрягъ её батюшка изъ воза и ободралъ. А везла бы возъ, никакой бы муки не видала. Такъ-то и намъ, ребята. Одно только мѣсто осталось, прямо на татаръ ломить».

Засмѣялись казаки, говорятъ: «видно ты Тимофеичъ умнѣе нашего; насъ дураковъ и спрашивать нечего. Веди куда знаешь. Двухъ смертей не бывать, а одной не миновать». Ермакъ и говоритъ: «Ну, слушай, ребята! Вотъ какъ дѣлать. Они ещё насъ всѣхъ не видали. Разобьёмтесь мы на три кучки. Одни въ середину прямо на нихъ пойдутъ, а другія двѣ кучи въ обходъ зайдутъ справа и слѣва. Вотъ какъ станутъ средніе подходить, они подумаютъ, что мы всѣ тутъ — выскочатъ. А тогда съ боковъ и ударимъ. Такъ-то, ребята. А этихъ перебьёмъ, ужъ бояться некого. Царями сами будемъ».

Такъ и сдѣлали. Какъ пошли средніе съ Ермакомъ, татары завизжали, выскочили; тутъ ударили—справа Иванъ Кольцо, слѣва—Мещерякъ атаманъ. Испугались татары, побѣжали. Перебили ихъ казаки. Тутъ ужъ Ермаку никто противиться не смѣлъ. И такъ онъ вошёлъ въ самый городъ Сибирь. И насѣлъ туда Ермакъ всё равно какъ Царёмъ.

Стали пріѣзжать къ Ермаку царьки съ поклонами. Стали татары пріѣзжать селиться въ Сибири: а Кучумъ съ зятемъ Маметкуломъ боялись на Ермака прямо идти, а только кругомъ ходили, придумывали, какъ бы его погубить.

Весною по водополью прибѣжали къ Ермаку татары, говорятъ: Маметкулъ опять на тебя идётъ, собралъ войска много, стоитъ на Вагаѣ рѣкѣ.

Ермакъ собрался черезъ рѣки, болота, ручьи, лѣса, подкрался съ казаками, бросился на Маметкула и побилъ много татаръ и самаго Маметкула забралъ живьёмъ и привёзъ въ Сибирь. Тутъ ужъ мало немирныхъ Татаръ осталось, а какіе не покорялись, на тѣхъ Ермакъ ходилъ въ это лѣто; и по Иртышу, по Оби рѣкамъ завоевалъ Ермакъ столько земли, что въ два мѣсяца не обойдёшь.

Какъ забралъ Ермакъ всю эту землю, послалъ Ермакъ посла къ Строгоновымъ и письмо. «Я, говоритъ, Кучума городѣ взялъ и Маметкула въ плѣнъ забралъ, и весь здѣшній народъ подъ свою руку привёлъ. Только казаковъ много истратилось. Присылайте народа, чтобы намъ веселѣе было. А добра въ здѣшней землѣ и конца нѣтъ».

И послалъ онъ дорогихъ мѣховъ: лисицъ, куницъ и соболей.

Прошло тому дѣлу два года. Ермакъ всё держалъ Сибирь, а помощь изъ Россіи всё не приходила, и стало у Ермака мало русскаго народа.

Прислалъ разъ къ Ермаку татаринъ Карача посла, говоритъ: «мы тебѣ покорились, а насъ Ногайцы обижаютъ, пришли къ намъ своихъ молодцовъ на помощь. Мы вмѣстѣ Ногайцевъ покоримъ. А что мы твоихъ молодцовъ не обидимъ, такъ мы тебѣ клятву дадимъ».

Ермакъ повѣрилъ ихъ клятвѣ и отпустилъ съ Иваномъ Кольцомъ 40 человѣкъ. Какъ пришли эти сорокъ

человѣкъ, татары бросились на нихъ и побили; казаковъ ещё меньше стало.

Прислали другой разъ бухарскіе купцы вѣсть Ермаку, что они собрались къ нему въ Сибирь городъ товары везти, да что имъ на дорогѣ Кучумъ съ войскомъ стоитъ и не пускаетъ ихъ пройти.

Ермакъ взялъ съ собой 50 человѣкъ и пошёлъ очистить дорогу Бухарцамъ. Пришёлъ онъ къ Иртышу рѣкѣ, не нашёлъ Бухарцевъ. Остановился ночевать. Ночь была тёмная и дождь. Только полегли спать казаки, откуда ни взялись татары, бросились на сонныхъ, начали ихъ бить. Вскочилъ Ермакъ, сталъ биться. Ранили его ножомъ въ руку. Бросился онъ бѣжать къ рѣкѣ. Татары за нимъ. Онъ въ рѣку. Только его и видѣли. И тѣла его не нашли, и никто не узналъ, какъ онъ умеръ.

На другой годъ пришло царское войско, и Татары замирились.

СОВА И ЗАЯЦЪ.

Смерклось. Стали совы летать въ лѣсу по оврагу, высматривать добычу.

Выскочилъ на полянку большой русакъ, сталъ охорашиваться. Старая сова посмотрѣла на русака и сѣла на сукъ; а молодая сова говоритъ: «что-жъ ты зайца не ловишь?» Старая говоритъ: «не по силамъ,—великъ русакъ: ты въ него вцѣпишься, а онъ тебя уволочётъ въ чащу». А молодая сова говоритъ: «а я одной лапой вцѣплюсь, а другой поскорѣе за дерево придержусь».

И пустилась молодая сова за зайцомъ, вцѣпилась ему лапой въ спину такъ, что всѣ когти ушли, а другую лапу приготовила за дерево уцѣпиться. Какъ поволокъ заяцъ сову, она уцѣпилась другой лапой за дерево и думала: «не уйдётъ». Заяцъ рванулся и разорвалъ сову. Одна лапа осталась на деревѣ, другая на спинѣ у зайца. На другой годъ охотникъ убилъ этого зайца и дивился тому, что у него въ спинѣ были заросшіе совиные когти.

КАКЪ ВОЛКИ УЧАТЪ СВОИХЪ ДѢТЕЙ.

Я шёлъ по дорогѣ и сзади себя услыхалъ крикъ. Кричалъ мальчикъ пастухъ. Онъ бѣжалъ полемъ и на кого-то показывалъ.

Я поглядѣлъ и увидалъ—по полю бѣгутъ два волка; одинъ матерой, другой молодой. Молодой нёсъ на спинѣ зарѣзаннаго ягнёнка, а зубами держалъ его за ногу. Матерой волкъ бѣжалъ позади.

Когда я увидалъ волковъ, я вмѣстѣ съ пастухомъ побѣжалъ за ними, и мы стали кричать. На нашъ крикъ прибѣжали мужики съ собаками.

Какъ только старый волкъ увидалъ собакъ и народъ, онъ подбѣжалъ къ молодому, выхватилъ у него ягнёнка, перекинулъ себѣ на спину и оба волка побѣжали скорѣе и скрылись изъ глазъ.

Тогда мальчикъ сталъ разсказывать, какъ было дѣло: изъ оврага выскочилъ большой волкъ, схватилъ ягнёнка, зарѣзалъ его и понёсъ.

На встрѣчу выбѣжалъ волчёнокъ и бросился къ ягнёнку. Старый отдалъ нести ягнёнка молодому волку, а самъ налегкѣ побѣжалъ возлѣ.

Только когда пришла бѣда, старый оставилъ ученье и самъ взялъ ягнёнка.

ВОРОБЕЙ И ЛАСТОЧКИ.

Разъ я стоялъ на дворѣ и смотрѣлъ на гнѣздо ласточекъ подъ крышей. Обѣ ласточки при мнѣ улетѣли, и гнѣздо осталось пустое.

Въ то время, какъ онѣ были въ отлучкѣ, съ крыши слетѣлъ воробей, прыгнулъ на гнѣздо, оглянулся, взмахнулъ крылушками и юркнулъ въ гнѣздо; потомъ высунулъ оттуда свою головку и зачирикалъ.

Скоро послѣ того прилетѣла къ гнѣзду ласточка. Она сунулась въ гнѣздо, но какъ только увидала гостя, запищала, побилась крыльями на мѣстѣ и улетѣла.

Воробей сидѣлъ и чирикалъ.

Вдругъ прилетѣлъ табунокъ ласточекъ: всѣ ласточки подлетали къ гнѣзду—какъ будто для того, чтобъ посмотрѣть на воробья, и опять улетали.

Воробей не робѣлъ, поворачивалъ головку и чирикалъ.

Ласточки опять подлетали къ гнѣзду, что-то дѣлали и опять улетали.

Ласточки не даромъ подлетали: они приносили каждая въ клювикѣ грязь и понемногу замазывали отверстіе гнѣзда.

Опять улетали и опять прилетали ласточки, и всё больше и больше замазывали гнѣздо, и отверстіе становилось все тѣснѣе и тѣснѣе.

Сначала видна была шея воробья, потомъ уже одна головка, потомъ носикъ, а потомъ ничего не стало ви-

дно: ласточки совсѣмъ замазали его въ гнѣздѣ, улетѣли и съ свистомъ стали кружиться вокругъ дома.

АКУЛА.

Нашъ корабль стоялъ на якорѣ у берега Африки. День былъ прекрасный; съ моря дулъ свѣжій вѣтеръ; но къ вечеру погода измѣнилась: стало душно и точно изъ топленой печки несло на насъ горячимъ воздухомъ съ пустыни Сахары.

Передъ закатомъ солнца капитанъ вышелъ на палобу, крикнулъ: «купаться!» и въ одну минуту матросы попрыгали въ воду, спустили въ воду парусъ, привязали его и въ парусѣ устроили купальню.

На кораблѣ съ нами было два мальчика. Мальчики первые попрыгали въ воду, но имъ тѣсно было въ парусѣ и они вздумали плавать на перегонки въ открытомъ морѣ.

Оба какъ ящерицы вытягивались въ водѣ и что было силы поплыли къ тому мѣсту, гдѣ былъ боченокъ надъ якоремъ.

Одинъ мальчикъ сначала перегналъ товарища, но потомъ сталъ отставать. Отецъ мальчика, старый артиллеристъ, стоялъ на палубѣ и любовался на своего сынишку. Когда сынъ сталъ отставать, отецъ крикнулъ ему: «не выдавай! понатужься!»

Вдругъ съ палубы кто-то крикнулъ: «акула!» и всѣ мы увидали въ водѣ спину морскаго чудовища.

Акула плыла прямо на мальчиковъ.

— «Назадъ! назадъ! вернитесь! акула!» закричалъ артиллеристъ. Но ребята не слыхали его, плыли дальше, смѣялись и кричали ещё веселѣе и громче прежняго.

Артиллеристъ, блѣдный какъ полотно, не шевелясь, смотрѣлъ на дѣтей.

Матросы спустили лодку, бросились въ неё и, сгибая вёсла, понеслись что было силы къ мальчикамъ; но они были ещё далеко отъ нихъ, когда акула уже была не дальше 20-ти шаговъ.

Мальчики сначала не слыхали того, что́ имъ кричали, и не видали акулы; но потомъ одинъ изъ нихъ оглянулся, и мы всѣ услыхали пронзительный визгъ, и мальчики поплыли въ разныя стороны.

Визгъ этотъ какъ будто разбудилъ артиллериста. Онъ сорвался съ мѣста и побѣжалъ къ пушкамъ. Онъ повернулъ хоботъ, прилёгъ къ пушкѣ, прицѣлился и взялъ фитиль.

Мы всѣ, сколько насъ ни было на кораблѣ, замерли отъ страха и ждали, что будетъ.

Раздался выстрѣлъ, и мы увидали, что артиллеристъ упалъ подлѣ пушки и закрылъ лицо руками. Что сдѣлалось съ акулой и съ мальчиками, мы не видали, потому что на минуту дымъ застлалъ намъ глаза.

Но когда дымъ разошёлся надъ водою, со всѣхъ сторонъ послышался сначала тихій ропотъ, потомъ ропотъ этотъ сталъ сильнѣе и наконецъ со всѣхъ сторонъ раздался громкій, радостный крикъ.

Старый артиллеристъ открылъ лицо, поднялся и посмотрѣлъ на море.

По волнамъ колыхалось жёлтое брюхо мёртвой акулы. Въ нѣсколько минутъ лодка подплыла къ мальчикамъ и привезла ихъ на корабль.

V.

КАКЪ МУЖИКЪ УБРАЛЪ КАМЕНЬ.

На площади въ одномъ городѣ лежалъ огромный камень. Камень занималъ много мѣста и мѣшалъ ѣздѣ по городу. Призвали инженеровъ и спросили ихъ, какъ убрать этотъ камень и сколько это будетъ стоить.

Одинъ инженеръ сказалъ, что камень надо разбивать на куски порохомъ и потомъ по частямъ свезти его, и что это будетъ стоить 8000 руб., другой сказалъ, что подъ камень надо подвести большой катокъ и на каткѣ свезти камень и что это будетъ стоить 6000 рублей.

А одинъ мужикъ сказалъ: «а я уберу камень и возьму за это 100 рублей».

У него спросили, какъ онъ это сдѣлаетъ. И онъ сказалъ: «я выкопаю подлѣ самаго камня большую яму; землю изъ ямы развалю по площади, свалю камень въ яму и заровняю землёю».

Мужикъ такъ и сдѣлалъ, и ему дали 100 рублей и еще 100 руб. за умную выдумку.

САМОКРУТКА.

Одинъ мужикъ выучился мельничному мастерству и сталъ дѣлать мельницы водяныя, вѣтреныя и конныя.

Потомъ онъ задумалъ сдѣлать такую мельницу, чтобы не нужно было ни воды, ни вѣтра, ни лошадей: онъ хотѣлъ сдѣлать такъ, чтобы тяжёлый камень спускался книзу и своей тяжестью вертѣлъ колесо, и опять бы поднимался кверху, и опять спускался—такъ чтобы мельница ходила сама.

Мужикъ пошёлъ къ барину и сказалъ: «я придумалъ такую мельницу — самокрутку, что сама будетъ ходить безъ воды и безъ лошадей; только разъ завести, она и будетъ ходить до тѣхъ поръ, пока остановишь. Нѣтъ только у меня денегъ на лѣсъ, да на чугунъ. Дай мнѣ, баринъ, триста рублей денегъ, я тебѣ первому сдѣлаю такую мельницу».

Баринъ спросилъ у мужика—знаетъ-ли онъ грамотѣ.

Мужикъ сказалъ, что не знаетъ.

Тогда баринъ сказалъ: «вотъ еслибы ты зналъ грамотѣ, я бы тебѣ книжку далъ о механикѣ, и тамъ ты бы прочёлъ о такой мельницѣ и увидалъ-бы, что такой мельницы сдѣлать нельзя, что много людей учёныхъ посходили съ ума—всё выдумывали такую мельницу, чтобъ сама ходила.

Мужикъ не повѣрилъ барину и сказалъ: «въ книгахъ вашихъ много дурно пишутъ. Такъ-то ученый машинистъ построилъ крупорушку купцу въ городѣ, да только испортилъ, а я хоть не грамотный, да какъ взглянулъ, такъ увидалъ и переладилъ рушку—стала работать».

Баринъ сказалъ: «чѣмъ же ты подымешь свой камень, когда онъ спустится?»

Мужикъ сказалъ: «самъ по колесу поднимется».

Баринъ сказалъ: «поднимется, да ниже, а другой

разъ поднимется еще ниже и станетъ, какія ты колеса ни прилаживай. Всё равно, какъ если на салазкахъ съ большой горы съѣдешь — на маленькую поднимешься, а съ маленькой назадъ на большую никакъ не поднимешься».

Мужикъ не повѣрилъ, а пошёлъ къ купцу и обѣщалъ ему сдѣлать мельницу безъ воды и лошадей.

Купецъ далъ денегъ. Мужикъ строилъ, строилъ, простроилъ всѣ 300 рублей, а мельница не ходитъ.

Тогда мужикъ сталъ своё имѣніе продавать и всё простроилъ.

А купецъ говоритъ: «давай мнѣ мельницу, чтобы сама ходила безъ лошадей, или деньги давай назадъ».

Пришёлъ мужикъ къ барину и разсказалъ о своёмъ горѣ.

Баринъ далъ ему денегъ и говоритъ «оставайся у меня работать: строй ты мнѣ мельницы, только водяныя да конныя—на это ты мастеръ, а впередъ за то не берись, чего и поумнѣе тебя люди не сдѣлали».

ТЕПЛО.

I.

Отчего на чугункѣ кладутъ рельсы такъ, чтобы концы не сходились съ концами?

Оттого, что зимой желѣзо отъ холода сжимается, а лѣтомъ отъ жару растягивается. Если-бы зимою вплотную сомкнуть рельсы концы съ концами, они бы лѣтомъ растянулись, уперлись бы другъ въ друга и поднялись.

Отъ жару всё раздается, отъ холода всё сжимается.

Если винтъ не входитъ въ гайку, то погрѣть гайку и винтъ взойдетъ. А если винтъ слабъ, то нагрѣть винтъ и онъ будетъ тугъ.

Отчего стаканъ лопается, если нальёшь въ него кипятокъ?

Оттого, что то мѣсто, гдѣ кипятокъ разогрѣвается, растягивается, а то мѣсто, гдѣ нѣтъ кипятка, остаётся попрежнему: внизу тянетъ стаканъ врозь, а вверху не пускаетъ, и онъ лопается.

Отчего тонкій стаканъ не лопается?

ТЕПЛО.

II.

Отчего, когда въ оттепель идётъ снѣгъ, онъ таетъ на рукѣ, а на шубѣ остаётся?

Оттого, что тепло лица и руки переходитъ въ снѣгъ и распускаетъ его; отъ этого то мѣсто лица, гдѣ растаялъ снѣгъ, дѣлается холодно.

Отчего, если подержать жестяную кружку съ холодной водой въ ладоняхъ, вода согрѣется, а ладони охолодѣютъ?

Оттого, что тепло изъ рукъ перейдётъ въ жесть, а потомъ въ воду.

Если держать кружку рукавицами, отчего она нескоро согрѣвается?

Оттого, что рукавицы не позволяютъ теплу изъ руки перейти въ воду, а жесть пропускаетъ тепло изъ рукъ въ воду. Желѣзо и жесть пропускаютъ тепло и холодъ, а

шуба и дерево не пропускаютъ. Отъ этого желѣзо, жесть, мѣдь и всякій металлъ [1]) разогрѣваются на солнцѣ сильнѣе дерева, шерсти, бумаги и скорѣе остываютъ. Отъ этого-то въ холода одѣваются въ мѣха, шерсть и во всё, что́ не пропускаетъ тепла.

Для чего закрываютъ квашню шубой, а не заслонкой?

Для того, что шуба не пропуститъ тепла, и хлѣбы (квашни) не остынутъ, а заслонка пропуститъ тепло наружу, и хлѣбы остынутъ.

Отчего подъ щепой и соломой снѣгъ не таетъ, а лежитъ до Петровокъ?

Отчего лёдъ лучше держится въ погребахъ подъ соломенной крышей?

Отчего, когда хотятъ высушить доски, то кладутъ ихъ подъ желѣзную, а не подъ соломенную крышу?

Для чего на покосѣ и жнитвѣ мужики, чтобы не согрѣлась вода,—обёртываютъ кувшины полотенцомъ?

ТЕПЛО.

III.

Отчего, когда вѣтрено безъ мороза, то зябнешь больше, чѣмъ въ морозъ безъ вѣтра?

Оттого, что тепло изъ тѣла переходитъ въ воздухъ, и если тихо, то воздухъ вокругъ тѣла нагрѣвается и стоитъ тёплый. Но когда дуетъ вѣтеръ, онъ относитъ нагрѣтый воздухъ и приноситъ холодный. Опять изъ тѣла выходитъ тепло и нагрѣваетъ воздухъ вокругъ него и

[1]) Металлы: золото, серебро, мѣдь, желѣзо, олово, ртуть и другіе.

опять вѣтеръ относитъ тёплый воздухъ. Когда выйдетъ много тепла изъ тѣла, тогда и зябнешь.

Отчего, когда горячь чай въ чашкѣ, на него дуютъ?

ОТЧЕГО БЫВАЕТЪ ВѢТЕРЪ?

Рыбы живутъ въ водѣ, а люди въ воздухѣ. Рыбамъ не слышно и не видно воды, пока сами рыбы не шевелятся, или пока вода не шевелится. И намъ также не слышно воздуха, пока мы не шевелимся, или воздухъ не шевелится.

Но какъ только мы побѣжимъ, мы слышимъ воздухъ—намъ дуетъ въ лицо; а иногда слышно, когда мы бѣжимъ, какъ воздухъ въ ушахъ свиститъ. Когда-же отворимъ дверь въ тёплую горницу, то всегда дуетъ вѣтеръ *низомъ* со двора въ горницу, а *верхомъ* дуетъ изъ горницы на дворъ.

Когда кто-нибудь ходитъ по комнатѣ или махаетъ платьемъ, то мы говоримъ: «онъ вѣтеръ дѣлаетъ», а когда топятъ печку, всегда въ неё дуетъ вѣтеръ. Когда на дворѣ дуетъ вѣтеръ, то онъ дуетъ цѣлые дни и ночи, иногда въ одну сторону, иногда въ другую. Это бываетъ оттого, что гдѣ нибудь на землѣ воздухъ очень разогрѣется, а въ другомъ мѣстѣ остынетъ,—тогда и начинается вѣтеръ, и низомъ идетъ холодный духъ, а верхомъ тёплый, такъ же какъ съ надворья въ избу. И до тѣхъ поръ дуетъ, пока не согрѣется тамъ, гдѣ было холодно, и не остынетъ тамъ, гдѣ было жарко.

ДЛЯ ЧЕГО ВѢТЕРЪ?

Свяжутъ крестъ изъ двухъ лучинъ и кругомъ креста обвяжутъ ещё четыре лучины. На всё наклеятъ бумаги.

Къ одному концу привяжутъ мочальный хвостъ, а къ другому привяжутъ длинную бичёвку и выйдетъ змѣй. Потомъ возьмутъ змѣй, разбѣгутся на вѣтеръ и пустятъ. Вѣтеръ подхватитъ змѣй, занесётъ его высоко въ небо. И змѣй подрагиваетъ и гудитъ, и рвется, и поворачивается, и развѣвается мочальнымъ хвостомъ.

Если бы не было вѣтра, нельзя бы было пускать змѣя.

Сдѣлаютъ изъ тёса четыре крыла, утвердятъ ихъ крестомъ въ валъ и придѣлаютъ къ валу шестерни и колёса съ кулачьями, такъ чтобы, когда валъ вертится, онъ бы цѣплялъ за шестерни и колёса, а колеса бы вертѣли жёрновъ. Потомъ крылья поставятъ противъ вѣтра: крылья начнутъ вертѣться, станутъ шестерни и колёса цѣплять другъ за друга, и жёрновъ станетъ вертѣться на другомъ жёрновѣ. И тогда сыплютъ зерно промежду двухъ жернововъ, зерно растирается, и высыпается въ ковшъ мука.

Если бы вѣтра не было, нельзя бы было молоть зерно на вѣтряныхъ мельницахъ.

Когда плывутъ на лодкѣ и хотятъ плыть скорѣе, то возьмутъ на серединѣ лодки вставятъ въ дыру большой шестъ мачты; къ шесту этому придѣлана верёвка и поперёкъ перекладина. Къ этой перекладинѣ привяжутъ холстинный парусъ, къ низу паруса привяжутъ верёвку и держатъ её въ рукахъ. Потомъ поставятъ парусъ противъ вѣтра. И тогда вѣтеръ надуетъ парусъ такъ крѣпко, что лодка нагибается на бокъ, верёвка рвётся изъ рукъ; и лодка поплывётъ по вѣтру такъ скоро, что подъ носомъ лодки забурчитъ вода, и берега точно бѣгутъ назадъ мимо лодки.

Еслибы не было вѣтра, нельзя бы было плавать съ парусомъ.

Тамъ, гдѣ люди живутъ, бываетъ дурной духъ; еслибы не было вѣтра, духъ этотъ такъ и оставался бы. А придётъ вѣтеръ, разгонитъ дурной духъ и принесётъ изъ лѣсовъ и съ полей хорошій, чистый воздухъ. Еслибы не было вѣтра, люди бы надышали и испортили воздухъ. Воздухъ всё бы стоялъ на мѣстѣ, и людямъ надо бы уходить изъ того мѣста, гдѣ они надышали.

Когда дикіе звѣри ходятъ по лѣсамъ и полямъ, то они всегда ходятъ на вѣтеръ, и слышатъ ушами, и чуютъ носомъ то, что впереди ихъ. Если бы не было вѣтра, они бы не знали, куда имъ идти.

Почти всѣ травы, кусты и деревья такіе, что для того, чтобы на травѣ, кустѣ или деревѣ завязалось сѣмя, нужно, чтобъ съ одного цвѣтка пыль нерелетала на другой цвѣтокъ. Цвѣтки бываютъ далеко другъ отъ друга, и имъ нельзя пересылать свою пыль съ одного на другой.

Когда огурцы ростутъ въ парникахъ, гдѣ вѣтра нѣтъ, тогда люди сами срываютъ одинъ цвѣтокъ и накладываютъ на другой, чтобы цвѣтовая пыль попала на плодовой цвѣтокъ, и была бы *завязь*. Пчёлы и другія насѣкомыя иногда переносятъ на лапкахъ пыль съ цвѣтка на цвѣтокъ; но больше всего пыль эту переноситъ вѣтеръ. Если бы не было вѣтра, половина растеній была бы безъ сѣмени.

Въ тёплое время надъ водой поднимается паръ. Паръ этотъ поднимается выше и, когда онъ остынетъ на верху, то падаетъ внизъ каплями дождя.

Надъ землёй поднимается паръ только тамъ, гдѣ

есть вода,—надъ ручьями, надъ болотами, надъ прудами и рѣками: больше всего надъ моремъ. Еслибы вѣтру не было, пары не ходили бы, а собирались бы въ тучи надъ водой и падали бы опять тамъ, гдѣ поднялись. Надъ ручьёмъ, надъ болотомъ, надъ рѣкой, надъ моремъ былъ бы дождь, а на землѣ, на поляхъ и лѣсахъ дождя бы не было. Вѣтеръ разноситъ тучи и поливаетъ землю. Если бы вѣтра не было, то гдѣ вода, тамъ бы было ещё больше воды, а земля вся бы пересохла.

ОТЧЕГО ЛОТѢЮТЪ ОКНА И БЫВАЕТЪ РОСА?

Когда сохнетъ вода, что́ дѣлается съ этой водой?

Отъ тепла всѣ вещи раздаются. Вода отъ тепла раздаётся и вся разойдётся на такія маленькія частички, что ихъ глазомъ не видать, и уйдётъ въ воздухъ. Частички эти, пары, носятся въ воздухѣ, и ихъ не видно, покуда воздухъ тёпелъ. Но остуди воздухъ, и сейчасъ паръ остынетъ и станетъ виденъ.

Если натопить жарко́ баню и налить воду на кирпичи, вода вся уйдётъ паромъ и будетъ сухо. Поддай ещё,—вода опять разойдётся. Если баня горяча, летучей воды разойдётся въ воздухѣ ушатъ. Ушатъ воды будетъ стоять въ горячемъ воздухѣ бани и его будетъ не видно. Воздухъ бани впитаетъ въ себя весь ушатъ. Но если станешь ещё поддавать, то воздухъ уже напитается и не станетъ больше принимать воды, а лишняя вода потечётъ каплями. Одинъ ушатъ будетъ держаться, а лишняя вода вытечетъ.

Если въ ту-же баню нетопленную принесёшь горячіе кирпичи и станешь лить на нихъ воду, выльешь

шайку—она разойдётся и не будетъ видно, воздухъ всосётъ её въ себя. Но если станешь лить другую шайку, вода потечётъ каплями. Лишняя вода стечётъ каплями, и холодный воздухъ только будетъ держать одну шайку. Въ той же банѣ воздухъ, когда былъ горячь, впиталъ ушатъ; а когда холоденъ, можетъ впитать только шайку.

Если подуть на стекло, на стеклѣ сядутъ капли. И чѣмъ холоднѣе, тѣмъ больше сядетъ капель. Отчего это будетъ? Оттого что дыханіе человѣка теплѣе чѣмъ стекло и въ дыханіи много летучей воды. Какъ только это дыханіе сядетъ на холодное стекло, изъ него выйдетъ вода.

Губка держитъ въ себѣ воду, и воды не видать, покуда губка не сожмётся; но только что пожмёшь её, вода польётся. Также и воздухъ держитъ въ себѣ воду, пока онъ горячь: а какъ онъ остынетъ, такъ вода польётся.

Если лѣтомъ вынесешь изъ погреба холодный горшокъ, по нёмъ сейчасъ сядутъ капли воды. Откуда взялась эта вода? Она тутъ и была. Только пока тепло было, ея не видно было, а какъ ушло тепло изъ воздуха въ холодный горшокъ, воздухъ вокругъ горшка остылъ, и капли сѣли. Тоже бываетъ и на окнахъ. Въ горницѣ тепло, и пары держатся въ воздухѣ; но съ надворья остынутъ окна и снутри подлѣ оконъ воздухъ охолодѣетъ, и потекутъ капли.

Отъ этого же бываетъ роса. Какъ остынетъ земля ночью, надъ ней воздухъ остынетъ и изъ холоднаго воздуха выходятъ пары каплями и садятся на землю.

Иногда бываетъ, что и холодно на дворѣ, а въ гор-

ницѣ тепло,—а не потѣютъ окна; а иногда и теплѣе на дворѣ, а въ горницѣ не такъ тепло,—а потѣютъ окна

Тоже иногда ночь тёплая, а большая роса; а то холодная ночь и нѣтъ росы.

Отчего это бываетъ? Оттого что бываетъ сухой и сырой воздухъ Сухой воздухъ бываетъ тогда, когда онъ не нагрѣваясь можетъ поднять ещё много паровъ, а сырой тогда, когда онъ не нагрѣваясь не можетъ больше поднять паровъ Сухой воздухъ — это губка не вся ещё напитанная водой; а сырой воздухъ—губка вся напитанная водой. Чуть похолоднѣй воздухъ и чуть пожать губку, и потечётъ. Въ сыромъ воздухѣ всякая вещь, если она холоднѣе воздуха, намокнетъ, а въ сухомъ всякая мокрая вещь высохнетъ. Пары выйдутъ изъ нея, и воздухъ впитаетъ ихъ въ себя.

ОСЯЗАНІЕ И ЗРѢНІЕ.

Заплети указательный палецъ съ среднимъ и заплетёнными пальцами потрогивай маленькій шарикъ такъ, чтобы онъ катался промежь обоихъ пальцевъ, а самъ закрой глаза. Тебѣ покажется, что два шарика. Открой глаза,—увидишь, что одинъ шарикъ. Пальцы обманули, а глаза поправили.

Погляди (всего лучше сбоку) на хорошее, чистое зеркало; тебѣ покажется, что это окно или дверь, и что тамъ сзади что-то есть. Ощупай пальцемъ,—увидишь, что это зеркало. Глаза обманули, а пальцы поправили.

МАГНИТЪ.

I.

Въ старину былъ пастухъ; звали его Магнисъ. Пропала у Магниса овца. Онъ пошёлъ въ горы искать. Пришёлъ на одно мѣсто, гдѣ—одни голые камни. Онъ пошелъ по этимъ камнямъ и чувствуетъ, что сапоги на немъ прилипаютъ къ этимъ камнямъ. Онъ потрогалъ рукой—камни сухіе и къ рукамъ не липнутъ. Пошёлъ опять,—опять сапоги прилипаютъ. Онъ сѣлъ, разулся, взялъ сапогъ въ руку и сталъ трогать имъ камни.

Тронетъ кожей и подошвой—ка прилипаетъ, а какъ тронетъ гвоздями, такъ прилипнетъ.

Была у Магниса палка съ желѣзнымъ наконечникомъ. Онъ тронулъ камень деревомъ — не прилипаетъ; тронулъ желѣзомъ—прилипло такъ, что отрывать надо.

Магнисъ разсмотрѣлъ камень, видитъ, что похожъ на желѣзо, и принёсъ куски камня домой. Съ тѣхъ поръ узнали этотъ камень и прозвали его магнитомъ.

МАГНИТЪ.

II

Магнитъ находятъ въ землѣ съ желѣзной рудой. Тамъ, гдѣ есть магнитъ въ рудѣ, и желѣзо самое лучшее. Изъ себя магнитъ похожъ на желѣзо.

Если положить кусокъ желѣза на магнитъ, то и желѣзо станетъ притягивать другое желѣзо. А если положить стальную иголку на магнитъ, да подержать

подольше, то иголка сдѣлается магнитомъ и станетъ къ себѣ притягивать желѣзо. Если два магнита сводить концы съ концами, то одни концы будутъ отворачиваться другъ отъ друга, а другіе будутъ сцѣпляться.

Если одну магнитную палочку разрубить пополамъ, то опять каждая половинка будетъ съ одной стороны цѣпляться, а съ другой отворачиваться. И ещё разруби,—тоже будетъ; и ещё руби сколько хочешь,—всё тоже будетъ: одинакіе концы будутъ отворачиваться, разные цѣпляться, какъ будто съ одного конца магнитъ выпираетъ, а съ другаго втягиваетъ. И какъ его ни разломи, всё съ одного конца онъ будетъ выпирать, а съ другаго втягивать. Всё равно какъ еловую шишку, гдѣ ни разломи, всё будетъ съ одного конца пупомъ, а съ другаго чашечкой. Съ того ли, съ другаго ли конца,—чашечка съ пупомъ сойдётся, а пупъ съ пупомъ и чашечка съ чашечкой не сойдутся.

МАГНИТЪ.

III.

Если намагнитить иголку (подержать подольше съ магнитомъ) и насадить её серединкой на шпенёкъ, такъ чтобы она ходила вольно на шпенькѣ, то какъ хочешь верти магнитную иголку, какъ пустишь—она станетъ однимъ концомъ на полдни (югъ), другимъ на полночь (сѣверъ).

Когда не знали магнита, по морю не плавали далеко. Какъ выйдутъ далеко въ море, что земли не видать, то только по солнцу и по звѣздамъ и знали,

куда плыть. А если пасмурно, не видать солнца и звѣздъ, то и не знаютъ сами, куда плыть. А корабль несётъ вѣтромъ и занесётъ на камни, и разобьётъ

Пока не знали магнита, не плавали по морямъ вдаль отъ берега; а когда узнали магнитъ, то сдѣлали иголку магнитную на шпенькѣ, чтобъ она вольно ходила. По этой иголкѣ и стали узнавать, въ какую сторону плывутъ Съ магнитной иголкой стали ѣздить дальше отъ береговъ, и съ тѣхъ поръ много новыхъ морей узнали.

На корабляхъ всегда бываетъ магнитная иголка (компасъ) и есть мѣрная верёвка съ узлами на концѣ корабля. И верёвка придѣлана такъ, что она разматывается и по ней видно, сколько корабль проѣхалъ.

Такъ что когда плывутъ на кораблѣ, всегда знаютъ, на какомъ теперь мѣстѣ корабль, далеко ли отъ берега и въ какую сторону.

VI.

СУХМАНЪ.

Какъ у ласкова князь-Владиміра
Пированье шло, шёлъ почестенъ пиръ
На бояръ, князей, добрыхъ молодцовъ.
На пиру-то всѣ порасхвастались:
Одинъ хвастаетъ золотой казной,
Другой хвастаетъ что добрымъ конёмъ,
Сильный хвастаетъ своей силою,
Глупый хвастаетъ молодой женой,
Умный хвастаетъ старой матерью.
За столомъ сидитъ призадумавшись
Богатырь Сухманъ Одихмантьевичъ,
И ничѣмъ Сухманъ онъ не хвастаетъ.
Тутъ Владиміръ-князь, красно солнышко,
Самъ по горенкѣ онъ похажива(е)тъ,
Желтыми кудрями онъ потряхива(е)тъ,
Одихмантьичу выговарива(е)тъ:
«Что, Сухмантьюшка, ты задумался?
«Что не ѣшь, не пьёшь и не кушаешь,
«Бѣлой лебеди ты не рушаешь.
«И ничѣмъ въ пиру ты не хвастаешь?»
Взговорилъ Сухманъ таковы слова:
—«Если хвастать мнѣ ты приказываешь,

—«Привезу-жъ тебѣ я, похвастаю,
—«Лебедь бѣлую не кровавлену
—«И не ранену, а живьёмъ въ рукахъ»
И вставалъ Сухманъ на рѣзвы ноги,
Онъ сѣдлалъ коня свого добраго,
Выѣзжалъ Сухманъ ко синю морю,
Ко синю морю, къ тихимъ заводямъ.
Подъѣзжалъ Сухманъ къ первой заводи,
Не наѣзживалъ бѣлыхъ лебедей.
Подъѣзжалъ Сухманъ къ другой заводи,
Не нахаживалъ гусей-лебедей.
И у третіей тихой заводи—
Нѣтъ сѣрыхъ гусей, бѣлыхъ лебедей.
Тутъ Сухмантьюшка призадумался:
«Какъ поѣду я въ славный Кіевъ-градъ?
«Что́ сказать будетъ князь-Владиміру?»
И поѣхалъ онъ къ мать Нѣпрѣ рѣкѣ.
Глядь—течётъ Нѣпра не по старому,
Не по старому, не по прежнему,
А вода съ пескомъ въ ней смутилася.
Тутъ Нѣпру рѣку Сухманъ спрашивалъ:
«Что течёшь ты такъ, мать Нѣпра рѣка,
«Не по старому, не по прежнему,
«А вода съ пескомъ помутилася?»
Испровѣщится мать Нѣпра рѣка:
«Я затѣмъ теку не по старому,
«Не по прежнему, по старинному,
«Что стоятъ за мной, за Нѣпрой рѣкой,
«Сорокъ тысячей злыхъ Татаровей.
«Они мостъ мостятъ съ утра до ночи.
«Что́ намостятъ днёмъ, то въ ночь вырою,

«Да изъ силъ ужъ я выбиваюся».
Взговорилъ Сухманъ таковы слова:
«То не честь-хвала молодецкая
«Не отвѣдать мнѣ силъ татарскіихъ».
И пустилъ коня свого добраго,
Чрезъ Нѣпру рѣку перескакивалъ,
Не мочилъ копытъ его добрый конь.
Подъѣзжалъ Сухманъ ко сыру дубу
Ко сыру дубу, кряковистому,
Дубъ съ кореньями выворачивалъ.
А съ комля дуба бѣлый сокъ бѣжалъ;
Ту дубиночку за вершину бралъ
И пустилъ коня на Татаровей.
Сталъ Сухмантьюшка поварачивать,
Той дубиночкой сталъ помахивать.
Какъ махнетъ впередъ, станетъ улица,
Отвернётъ назадъ—переулочекъ.
Всѣхъ побилъ Татаръ Одихмантьевичъ,
Убѣжало ли три Татарченка,—
Подъ кусточками, подъ ракитовыми
У Нѣпры рѣки схоронилися.
Подъѣзжалъ Сухманъ къ мать-Нѣпрѣ рѣкѣ,
Изъ подъ кустиковъ въ Одихмантьича
Три Татарченка стрѣлки пустили
Во его бока, въ тѣло бѣлое.
Свѣтъ-Сухмантьюшка стрѣлки выдернулъ
Изъ своихъ боковъ, изъ кровавыхъ ранъ,
Листьемъ маковымъ позатыкивалъ,
И споролъ ножомъ трёхъ Татарченковъ.
Пріѣзжалъ Сухманъ къ князь-Владиміру,
Привязалъ коня на дворѣ къ столбу,

Самъ входилъ Сухманъ во столовую.
Тутъ Владиміръ князь, красно солнышко,
Самъ по горенкѣ онъ похаживаетъ,
Одихмантьичу выговариваетъ:
«Чтожъ, Сухмантьюшка, не привёзъ ты мнѣ
«Лебедь бѣлую не кровавлену?»
Взговорить Сухманъ таковы слова:
«Гой, Владиміръ князь, за Нѣпрой рѣкой
«Доходило мнѣ не до лебедей:
«Повстрѣчалась мнѣ за Нѣпрой рѣкой
«Сила ратная въ сорокъ-тысячей:—
«Шли во Кіевъ градъ злы Татаровья,
«Съ утра до ночи мосты ладили,
«А Нѣпра рѣка вырывала въ ночь,
«Да изъ силъ она выбивалася.
«Я пустилъ коня на Татаровей,
«И побилъ ихъ всѣхъ до единаго».
Володиміръ князь, красно солнышко,
Тѣмъ словамъ его не увѣровалъ,
Приказалъ слугамъ своимъ вѣрныимъ
Брать Сухмантія за бѣлы руки,
Въ погреба сажать во глубокіе;
А Добрынюшку посылалъ къ Нѣпрѣ
Про Сухмантьевы свѣдать заработки.
Всталъ Добрынюшка на рѣзвы ноги,
Онъ сѣдлалъ коня свого добраго,
Выѣзжалъ въ поле, къ мать-Нѣпрѣ рѣкѣ.
Увидалъ,—лежитъ сила ратная,
Въ сорокъ тысячей, вся побитая,
И валяется дубъ съ кореньями,
На лучиночки весь исщепанный.

Дубъ Добрынюшка поднималъ съ земли,
Привозилъ его ко Владиміру,
Такъ Добрынюшка выговаривалъ.
«Правдой хвастастъ Одихмантьевичъ:
«За Нѣпрой рѣкой я видалъ—лежатъ
«Сорокъ тысячей злыхъ Татаровей,
«И дубиночка Одихмантьича,
«На лучиночки вся исщепана».
Тутъ велѣлъ слугамъ Володиміръ князь
Въ погреба идти во глубокіе,
Выводить скорѣй Одихмантьича,
Приводить къ себѣ на ясны очи,
Таковы слова выговаривалъ:
«За услуги тѣ за великія
«Добра молодца буду миловать,
«Буду жаловать его до люби
«Городами ли съ пригородками,
«Еще сёлами да съ присёлками,
«Золотой казной да безсчётною».
Въ погреба идутъ во глубокіе
Къ Одихмантьичу слуги вѣрные,
Говорятъ ему таковы слова:
«Выходи, Сухманъ, ты изъ погреба:
«Володиміръ князь тебя милуетъ,
«За твои труды за великіе
«Хочетъ солнышко тебя жаловать
«Городами ли съ пригородками,
«Еще сёлами да съ присёлками,
«Золотой казной да безсчётною».
Выходилъ Сухманъ во чисто поле,
Говорилъ Сухманъ таковы слова:

«Гой, Владиміръ князь, ласково солнышко
«Не умѣлъ меня въ пору миловать,
«Не умѣлъ же ты въ пору жаловать,
«А теперь тебѣ не видать будетъ,
«Не видать меня во ясны очи.
И выдёргивалъ Одихмантьевичъ
Изъ кровавыхъ ранъ листье маково,
Свѣтъ-Сухмантьюшка приговаривалъ.
«Потеки рѣка отъ моей крови,
«Отъ моей крови отъ горючія,
«Отъ горючія, отъ напрасныя,
«Потеки Сухманъ, ахъ Сухманъ рѣка,
«Будь Нѣпрѣ рѣкѣ ты родна сестра.»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НЕСТОРОВА ЛѢТОПИСЬ.

УБІЕНІЕ АСКОЛЬДА И ДИРА И ПОСЕЛЕНІЕ ОЛЕГА СЪ ИГОРЕМЪ ВЪ КІЕВѢ.

Въ лѣто ҂ѕтч. Поиде Олегъ, поимъ воѧ многи, Варѧги, Чюдь, Словѣни, Мерю, Весь, Кривичи, и приде къ Смоленску съ Кривичи, и пріѧ градъ, и посади мужь свой. [1]) Оттуда поиде внизъ, и взѧ Любець, и посади мужь свой.

Въ 6390 году, пошёлъ Олегъ, взявъ воиновъ много: Варяговъ, Чуди, Славянъ, Мери, Веси и Кривичей. И пришёлъ къ Смоленску съ Кривичами, и принялъ городъ, и посадилъ намѣстника своего. Оттуда пошёлъ внизъ, и взялъ Любечь, и посадилъ мужа своего.

Придоша къ горамъ къ Кіевьскимъ, и увидѣ Олегъ, ꙗко

Пришли они къ горамъ къ Кіевскимъ, и увидалъ

[1]) Мꙋжъ свой—своего мужа (человѣка); мꙋжи своѧ—своихъ мужей (людей).

Асколдъ и Диръ кнѧжита [1]), похорони вои въ лодьѧхъ, а другїѧ назади остави, а самъ приде, носѧ Игоря дѣтьска. И приплу подъ Угорьское, похоронивъ вои своѧ, и присла ко Асколду и Дирови, глаголѧ: «яко гость есмь, идемъ въ Греки отъ Олга и отъ Игоря кнѧжича, да придѣта [2]) къ намъ къ родомъ своимъ».

Олегъ, что Аскольдъ и Диръ княжатъ (вдвоёмъ), спряталъ воиновъ въ лодкахъ, а другихъ назади оставилъ, а самъ подплылъ, взявъ Игоря ребенка. И подплылъ подъ Угорское (урочище), спрятавъ воиновъ своихъ, и послалъ къ Аскольду и Диру, говоря: «я куиецъ — а идёмъ мы въ Греки отъ Олега и отъ Игоря княжича. Такъ приходите вы оба къ намъ, къ роднымъ своимъ».

Асколдъ же и Диръ придоста; выскакавъ же вси прочїи изъ лодьѧ, и рече Олегъ Асколду и Дирови: «вы нѣста кнѧзѧ, ни рода кнѧжа, но азъ есмь роду кнѧжа»,—вынесоша Игоря,—«и се есть сынъ Рюриковъ». И убиша Асколда и Дира, несоша на гору, и погребоша и на горѣ, еже сѧ нынѣ зоветь Угорьское...

Аскольдъ и Диръ пришли; повыскакивали всѣ остальные изъ лодки, и сказалъ Олегъ Аскольду и Диру: «оба вы не князья и не рода княжескаго, а я рода княжескаго»; вынесли (тутъ) Игоря, «а вотъ сынъ Рюрика». И убили Аскольда и Дира, и снесли на гору, и похоро-

[1]) Кнѧжита—они двое княжатъ (царствуютъ); кнѧживѣ—мы двое княжимъ.

[2]) Придѣта—придите вы двое; придѣвѣ—придемъ мы двое.

Сѣде Олегъ кнѧжа въ Кїевѣ, и рече Олегъ: «се буди мати градомъ Рускимъ».

нили ихъ на горѣ, что̀ теперь называется Угорское.

Сѣлъ Олегъ, княжа въ Кіевѣ, и сказалъ Олегъ: пусть это будетъ мать городамъ русскимъ.

ПОХОДЪ ОЛЕГА НА ГРЕКОВЪ.

Иде Олегъ на Грекы [1]), Игорѧ оставивъ Кыевѣ; поѧ же множьство Варѧгъ, и Словѣнъ, и Чюди, и Кривичи, и Мерю, и Полѧны, и Сѣверъ, и Деревлѧны, и Радимичи, и Хорваты, и Дулѣбы, и Тиверци. И съ сѣми всѣми поиде Олегъ на конѣхъ и въ кораблѣхъ, и бѣ числомъ кораблїй ҂в҃.

И приде къ Царюграду, и Греци замкоша Судъ, а городъ затвориша. И вылѣзе Олегъ на берегъ, и повелѣ воемъ изъволочити кораблѧ на берегъ, и повоева около города, и много убїйство створи Грекомъ, и по-

Пошёлъ Олегъ на Грековъ, Игоря оставивъ въ Кіевѣ. Набралъ множество Варяговъ, и Славянъ, и Чуди, и Кривичей, и Мери, и Полянъ, и Сѣверянъ, и Древлянъ, и Радимичей, и Тиверцовъ. И съ этими всѣми пошёлъ Олегъ на коняхъ и въ корабляхъ, и было числомъ кораблей двѣ тысячи.

И пришёлъ къ Царьграду, и Греки замкнули гавань, а городъ заперли. И высадился Олегъ на берегъ, и велѣлъ воинамъ вытащить корабли на берегъ, и опустошилъ (мѣста̀) около города, и много побилъ Грековъ, и

[1]) Греци—Греки; Грекъ—Грековъ; Грекомъ—Грекамъ; Грекы—Грековъ; ѡ Грецѣхъ—о Грекахъ.

латы многы разбиша, а церькви пожьгоша; а ихъ же имѣху полонѧникы, овѣхъ посѣкаху, другыѧ же мучаху, иныѧ же разстрѣлѧху, а другыѧ въ море вметаша, и ина многа зла творѧху Русь Грекомъ, елико же ратніи творѧть.

И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса изъдѣлати и въставити кораблѧ на колеса; и бывшю покосну вѣтру, успѧша прѣ съ полѧ, и идѧше къ городу. Видѣвше же Грецѣ убоѧшасѧ и рькоша, выславше ко Ольгови: «не погубѧй городъ, имемъсѧ по дань, якоже хощеши». И стави Олегъ вои, и вынесоша ему брашна и вино, и не прiѧ его; бѣ бо устроено съ отравою. И убоѧшасѧ Грецѣ и рькоша: «нѣсть се Олегъ, но святый Дмитрiй, посланъ на ны отъ Бога».

дворцовъ много разорили и церквей пожгли. А какихъ забирали въ плѣнъ—однихъ рубили, другихъ мучили, нѣкоторыхъ разстрѣливали, а другихъ въ море побросали, и другихъ много золъ творили Русскіе Грекамъ—всѣ, какія воины дѣлаютъ.

И велѣлъ Олегъ воинамъ своимъ колёса сдѣлать и поставить корабли на колёса; и когда поднялся боковой вѣтеръ, поставили паруса со стороны поля и такъ шёлъ опъ къ городу. Увидѣвъ же это, Греки испугались и сказали, выславши (пословъ) къ Олегу: «не губи города,—возьмемся давать дань, какъ хочешь». И остановилъ Олегъ воиновъ, и вынесли ему кушанье и вино, и онъ не принялъ ихъ; потому-что было приготовлено съ отравою. И устрашились Греки и сказали: это не Олегъ, а Святой Димитрій, посланный на насъ отъ Бога.

И заповѣда Олегъ дань даѧти на ҂в҃ кораблїй, по в҃і гривнѣ на человѣка, а въ корабли по м҃ мужь; нѧшасѧ Греци по се, и почаша Греци мира просити, дабы не воевалъ Грецькой земли. Олегъ же, мало отступивъ отъ города, нача миръ творити съ царема Грецькыма [1]), съ Леономъ и съ Александромъ, посла къ нима въ городъ Карла, Фарлофа, Велмуда, Рулава и Стемида, глаголѧ: «имѣте ми сѧ по дань». И ркоша Грецѣ: «чего хочете и дамы ти».

И потребовалъ Олегъ дань давать на двѣ тысячи кораблей, по двѣнадцати гривенъ на человѣка; а въ кораблѣ было по сорока человѣкъ. Взялись Греки за это, и стали Греки мира просить, чтобъ не воевалъ онъ греческой земли. Олегъ, немного отойдя отъ города, сталъ миръ заключать съ (двумя)царями греческими, съ Львомъ и Александромъ, послалъ къ нимъ въ городъ Карла, Фарлафа, Велмуда, Рулава и Стемида, говоря: «Возьмитесь (давать) мнѣ дань». И сказали Греки: «чего хотите? Мы дадимъ тебѣ».

И заповѣда Олегъ дати воемъ на ҂в҃ кораблїй, по двѣнадцать гривнѣ на ключь, и потомъ даѧти уклады на Рускїе городы. И рече Олегъ «исшїйте прѣ поволочиты Руси, а Словѣномъ кропїйныѧ». И бысть тако.

И выговорилъ Олегъ, чтобы дано было воинамъ его дани на двѣ тысячи кораблей по двѣнадцати гривенъ на человѣка, а затѣмъ дать (еще) плату на русскіе города. И сказалъ Олегъ Грекамъ: «пошейте шелко-

[1]) Царема Грецкима—двумя греческими царями, двумъ греческимъ царямъ; царѧ Грецкаѧ—два греческихъ царя.

И повѣсиша щиты свои въ вратѣхъ, показующе повѣду.

И приде Олегъ къ Кіеву, неся золото, и паволокы, и овощи, и вина, и всѣко узорочье; и прозваша Ольга вѣщій: вѣху бо людіе погани и невѣголоси.

вые паруса для Руси, а для Славянъ полотняные». И было это (исполнено).

И повѣсили щиты свои на воротахъ въ знакъ побѣды.

И приплылъ Олегъ къ Кіеву, везя золото, и шёлковыя ткани, и овощи, и вино, и всякія украшенія. И прозвали Олега *вѣщимъ*, потому что былъ народъ некрещёный и неучёный.

СМЕРТЬ ОЛЕГА.

И живяше Олегъ миръ имѣя ко всѣмъ странамъ, княжа въ Кіевѣ. И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставилъ кормити, не всѣда на нь[1]). Бѣ бо преже въпрошалъ волхвовъ кудесникъ: «Отъ чего ми есть умрети?» И рече ему одинъ кудесникъ: «княже! конь, его же любиши и ѣздиши на немъ, отъ того ти умрети».

Жилъ Олегъ въ мирѣ со всѣми сосѣдями, княжа въ Кіевѣ. И пришла осень, и вспомнилъ Олегъ коня своего, котораго онъ отдалъ кормить, не садясь (уже) на него. Потому что прежде спрашивалъ волхвовъ колдуновъ: «Отъ чего мнѣ умереть?» И сказалъ ему одинъ колдунъ: «Князь! Конь, котораго ты любишь, и ѣздишь на которомъ,—отъ него тебѣ умереть.»

[1]) На нь, вмѣсто на ни, на и, на него.

Олегъ же пріимъ въ умѣ, си рече: «николи же всяду на конь, ни вижю его болѣ того»; и повелѣ кормити и не водити его къ нему, и пребывъ нѣколько лѣтъ не видѣ его, дондеже и на Грекы иде. И пришедшю ему къ Кіеву, и пребысть д лѣта, на е лѣто помяну конь свой, отъ него же вѣху рекли волъсви умрети Ольгови, и призва старѣйшину конюхомъ, рекѣ: «гдѣ есть конь мой, его же вѣхъ поставилъ кормити и блюсти его?» Онъ же рече: «умерлъ есть».

Олегъ взявъ (это) на умъ, такъ сказалъ: «никогда я не сяду на (этого) коня и не увижу его больше». И велѣлъ кормить и не водить его къ себѣ; и такъ прошло нѣсколько лѣтъ, что онъ не видалъ его,—до самаго времени, когда на Грековъ пошёлъ. А когда и вернулся онъ въ Кіевъ и прожилъ еще четыре года, (такъ только) на пятый годъ вспомнилъ онъ коня своего, отъ котораго сказали волхвы (прійдется) умереть Олегу; и призвалъ старшаго конюха, говоритъ: «гдѣ— конь мой, котораго я отдалъ кормить и беречь?» А тотъ сказалъ: «умеръ».

Олегъ же посмѣяся и укори кудесника, рекѣ: «то ть [1]) неправо молвятъ волъсви, но все то лъжа есть; конь умерлъ, а я живъ». И повелѣ осѣдлати конь: «да ть вижю кости его». И пріѣха на мѣсто, идѣже вѣху лежаще ко-

Олегъ посмѣялся и покорилъ колдуна, говоря: «Такъ вотъ неправду говорятъ волхвы, все-то это ложь; конь умеръ, а я живъ». И велѣлъ осѣдлать коня: «дай, молъ, погляжу кости его». И пріѣхалъ на мѣсто, гдѣ ле-

[1]) Ть вмѣсто ти, тебѣ.

сти его голы и лобъ голъ; и слѣзъ съ коня, посмѣяся рекѣ: «отъ сего ли лъва смерть мнѣ взяти?» И въступи ногою на лобъ; и выникнучи змѣя, и уклюну и въ ногу, и съ того разболѣвся умре.

И плакашася по немъ вси людіе плачемъ великомъ, и несоша и, и погребоша и на горѣ, иже глаголется Щековица. Есть же могила его до сего дни, словеть могила Олгова.

жали кости его голыя и черепъ голый. И слѣзши съ коня, посмѣялся, сказавъ: «Отъ этого ли черепа смертъ мнѣ принять?» И наступилъ ногой на черепъ. И, высунувшись, змѣя ужалила его въ ногу, и отъ этого разболѣвшись, онъ умеръ.

И плакалъ о нёмъ весь народъ плачемъ великимъ; и понесли его, и похоронили его на горѣ, которая называется Щековица. И есть могила его до нынѣ,—прозывается могила Олегова.

ИЗЪ ЧЕТЬИ МИНЕИ.

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО СЕРГІЯ, ИГУМЕНА РАДОНЕЖСКАГО, НОВАГО ЧУДОТВОРЦА.

Преподобный и Богоносный отецъ нашъ Сергій родился въ градѣ Ростовѣ, отъ благовѣрныхъ родителей Кирилла и Маріи. Бывши седми лѣтъ данъ бысть въ наученіе книж-

Преподобный и богоносный отецъ нашъ Сергій родился въ городѣ Ростовѣ, отъ благовѣрныхъ родителей—Кирилла и Маріи. Семи лѣтъ, онъ былъ отданъ для обу-

ное, но не скоро учашесѧ, ꙗкѡ памѧтїю тѹпъ бѣ. И со многимъ прилежанїемъ учашє его учитель, обачє малѡ что успѣваше...

По единѣ ѿ днєй ходѧщи единъ въ нѣкоєй дѹбравѣ,—любѧше бо ѿ юности безмолвїє, и многаждꙑ единъ въ безмолвныхъ прохождашесѧ мѣстѣхъ,—шврѣте нѣкоєго инока, въ дѹбравѣ стоѧща и молитвѹ творѧща. Онъ же приближивсѧ, ста близъ єгѡ, и ѡжидаше конца молитвы, таже сотвори ємѹ поклонєнїе. Инокъ же вопроси: что требѹєши чадо? Ѿвѣща отрокъ, глаголѧ: «вданъ єсмь отче учитисѧ книгамъ, и не могѹ ничтоже разѹмѣти, ѡ нихже сказѹетъ ми учитель мой, чегѡ ради зѣлѡ скорблю, и не вѣмъ что творити; но молю честнѹю твою свѧтыню, помоли Бога ѡ мнѣ, ꙗко да вразѹмитъ мѧ свѧтыми твоими молитвами». Инокъ же сотворивъ молитвѹ, благослови єго, рекъ: «єсє Ѿнынѣ, чадо,

ченія грамотѣ, но медленно учился, истому что памятью былъ тупъ. Съ большимъ стараніемъ училъ его учитель, однакожъ онъ мало успѣвалъ.

Однажды, гуляя одинъ въ нѣкоторой дубравѣ, — ибо любилъ онъ отъ юности безмолвіе, и часто одинъ прогуливался въ безмолвныхъ мѣстахъ,—нашёлъ онъ нѣкоего монаха, стоявшаго въ дубравѣ и творившаго молитву. Онъ приблизившись сталъ подлѣ него и ожидалъ окончанія молитвы, и потомъ сдѣлалъ ему поклонъ. Монахъ (же) спросилъ: что тебѣ нужно, дитя мое? Отвѣчалъ отрокъ, говоря: «отданъ я, отецъ, учиться грамотѣ, и немогу ничего понять, о чёмъ мнѣ говоритъ учитель мой, почему очень печалюсь и незнаю, что дѣлать; молю честную твою святость, помоли Бога обо мнѣ, чтобы онъ вразумилъ меня святыми твоими молитвами». Монахъ

дарꙋетъ ти Богъ разꙋмѣти, ꙗже требꙋеши, ꙗкѡ да возможеши и иныхъ пользовати»

же, сотворивъ молитву, благословилъ его и сказалъ: «вотъ отнынѣ, дитя, дастъ тебѣ Богъ понимать, что́ тебѣ нужно, такъ что будешь имѣть возможность и другимъ быть полезнымъ».

Ѿ того времени блаженный отрокъ, бысть удобенъ ко изꙋченїю всѧкїѧ книжныѧ премꙋдрости безъ трꙋда: Богъ бо ѡверзе емꙋ умъ разꙋмѣти писанїѧ. И растѧше отрокъ лѣты вкꙋпѣ и разꙋмомъ, и добродетелми: любѧше бо постъ и воздержанїе, дѣтскихъ обычныхъ игралищъ бѣгаше, чтенїю же Божественныхъ книгъ присѣдѧщи, учашесѧ тоѧ премꙋдрости, ейже начало страхъ Господень. И такѡ ѿ силы въ силꙋ грѧдꙋщи, возрасташе въ мꙋжа совершенна.

Съ того времени блаженный отрокъ сталъ способенъ къ изученію всякаго книжнаго знанія безъ труда. Ибо Богъ открылъ ему умъ къ разумѣнью Писанія. И росъ отрокъ лѣтами, и вмѣстѣ и разумомъ, и добродѣтелями; любилъ онъ постъ и воздержаніе, отъ дѣтскихъ обыкновенныхъ игръ удалялся,—чтеніемъ же Божественныхъ книгъ занимаясь, учился той премудрости, которой начало страхъ Господень. И такъ, отъ силы въ силу идя, возрасталъ въ мужа совершеннаго.

Посемъ родители егѡ преселишасѧ ѡ преждереченнагѡ града Ростова на мѣсто нарицаемое Радонежъ. Не по мнозѣмъ времени пресели-

Потомъ родители его переселились изъ выше-названнаго города Ростова въ мѣсто, называемое Радонежъ. Спустя не много вре-

шасѧ и ѿ житїѧ сегѡ на мѣста свѣтла и прохладна, шставивше все имѣніе свое наслѣдникѹ своемѹ Варѳоломею. Онъ же преставленіе родителей своихъ видѣвъ, помышляше въ себѣ, глаголѧ: «и азъ смертенъ есмь, и всякѡ умрѣти имамъ такѡ и родители мои». Такѡ благоразѹмный отрокъ разсѹдивъ краткое сіе житіе, раздаде шставшееся по родителехъ имѣніе, не шставлѧѧ себѣ на нѹжное препитаніе ничтоже: упова бо на Бога дающаго пищѹ алчѹщимъ. Таже ѿиде въ пѹстыню, и сотворь хижинѹ, пребываше въ ней, подвизаѧсѧ и молѧсѧ къ Богѹ непрестанно.

По нѣкоемъ же времени пріиде къ немѹ нѣкій шсвѧщенный инокъ, именемъ Митрофанъ; ѿ тогѡ блаженный Варѳоломей во иноческій чинъ постриженсѧ, имый ѿ рожденіѧ

мени переселились они изъ этой жизни въ мѣста свѣтлыя и отрадныя, оставивши все имѣніе свое наслѣднику своему Варѳоломею. Онъ же, видѣвъ кончину родителей своихъ, думалъ самъ съ собою, говоря: «и я смертенъ, и во всякомъ случаѣ умру, какъ и родители мои». Такъ благоразумный отрокъ, размысливъ о скоротечной этой жизни, роздалъ оставшееся послѣ родителей имѣніе, не оставивъ себѣ (даже и) на необходимое пропитаніе ничего: ибо уповалъ онъ на Бога, дающаго пищу голодающимъ. Затѣмъ онъ удалился въ пустыню и, сдѣлавши хижину, пребывалъ въ ней, трудясь и молясь Богу безпрестанно.

Черезъ нѣкоторое время пришелъ къ нему одинъ священно-инокъ (іеромонахъ) по имени Митрофанъ. Отъ него блаженный Варѳоломей въ монашескій чинъ

своегѡ двадесѧть и три лѣта, и наречено бысть имѧ ємѹ Сергій. Пребысть же той свѧщенноиноκъ съ Сергіємъ малѡ дней, и посемъ рече ємѹ: азъ чадо ѿхождѹ въ пѹть свой, тебѣ же предаю въ рѹцѣ Божіи. И пророче глаголѧ: «распространитъ Богъ на мѣстѣ семъ обитель великѹ и преславнѹ». Сотворивъ же молитвѹ, ѿиде. А святый Сергій на мѣстѣ томъ ѡстасѧ, и трѹждашесѧ, умерщвлѧѧ плоть свою бдѣніемъ, постомъ, и многоразличными трѹды. Во врема зимнее разсѣдающіейсѧ земли ѿ мраза, онъ въ єдиной одеждѣ терпѧше, аки безплотенъ явлѧѧсѧ...

Симъ такѡ бываѡщымъ, слава ѡ немъ нача проходити всюдѹ, и стекахѹсѧ къ немѹ мнози ѿ окрестныхъ градовъ и странъ пользы ради, иніи же хотѧще съ нимъ

былъ постриженъ, имѣя отъ роду своего двадцать три года, и дано было имя ему Сергій. Пробылъ этотъ священно-инокъ съ Сергіемъ нѣсколько дней и потомъ сказалъ ему: я, сынъ мой, ухожу въ путь свой, а тебя отдаю въ руки Божіи. И онъ предсказалъ, говоря: «распространитъ Богъ на мѣстѣ этомъ обитель великую и (пре)знаменитую». И, совершивъ молитву, ушёлъ. А святый Сергій на мѣстѣ томъ остался, и трудился, умерщвляя плоть свою бодрствованіемъ, постомъ, и многоразличными трудами. Въ зимнее время, когда разсѣдалась земля отъ мороза, онъ въ одной одеждѣ терпѣлъ (стужу), какъ-бы безплотнымъ оказываясь.

Когда это такъ было, слухъ о нёмъ началъ проходить всюду, и приходили къ нему многіе изъ близлежащихъ городовъ и мѣстъ ради пользы (душевной), а

жити, и наставлѧгисѧ ѿ него на пѫ́ть спасенїѧ. Онъ же любезнѡ пріемлѧше приходѧщымъ къ немѹ. И созда первѣе малѹ̀ церковь, ѩже повелѣнїемъ тогда бывшагѡ архїе́реа Ѳеогноста ѡсвѧтисѧ во имѧ пресвѧтыѧ Троицы: такѡже и монастырь честенъ воздвиже, иже е́сть и до нынѣ̀ благодатїю Христовою. Ѹмоленъ же бывъ ѿ братїи, пріѧ̀ свѧщенство рѫ́коположенїемъ Ѳѡнасїѧ епископа, и пасѧше добрѣ̀ ввѣренное себѣ̀ словесное стадо, наставлѧѧ є на пажити дѫ́ховныѧ..

Проходѧщѹ̀ же слѫ́хѹ ѡ немъ всюдѹ̀, и многимъ ѿ ѻкрестныхъ странъ собираю̀щымсѧ, пріи́де нѣкїй архїмандритъ ѿ Смоленска, именемъ Сїмонъ, той многаѧ имѣнїѧ принесъ, даде въ рѹцѣ̀ свѧтаго, да бо́льшѹю церковь созиждетъ, самъ же себе вдаде въ повиновенїе свѧтомѹ̀.

иные желая съ нимъ жить и научиться отъ него пути спасенія. Онъ же съ любовію принималъ приходящихъ къ нему. И построилъ сперва малую церковь, которая по повелѣнію тогда бывшаго архіерея Ѳеогноста освящена во имя Пресвятой Троицы; также и монастырь честной воздвигъ, который существуетъ и до-нынѣ̀ по благодати Христовой. Упрошенъ бывъ братіею, принялъ священство чрезъ рукоположеніе Аѳанасія епископа, и пасъ усердно ввѣренное ему словесное стадо, указывая ему пастбище духовное.

Когда слухъ о нёмъ сталъ проникать всюду, и многіе изъ близлежащихъ мѣстъ собирались (къ нему), пришёлъ одинъ архимандритъ изъ Смоленска, по имени Симонъ; онъ, принёсши большое имущество, отдалъ его въ руки святаго, чтобы онъ бо́льшую церковь построилъ, а самого себя от-

И помогающꙋ Богꙋ, преподобный Сергїй вскорѣ тѣмъ имѣнїемъ бо́льшꙋю церковь воздвиже, и монастырь распространи, и живѧше ангельски ꙗкоже нанебеси, съ ликомъ братїй своихъ, днемъ и нощїю славословѧ Бога. Слꙋчисѧ же нѣкогда въ монастырѣ егѡ быти ѡскуденїю брашна, и бѧхꙋ братїѧ въ скорби велицѣй, пребывше безъ пищи три дни. Ꙋставъ же бѣ преподобнагѡ таковъ, да не исходѧтъ иноцы изъ монастырѧ, во еже просити у мїрѧнъ хлѣба, но возлагати надежду на Бога питающаго всѧкое дыханїе, и ѿ тогѡ съ вѣрою просити потребнаѧ. Еще же тогда не у бѣ общее житїе въ монастырѣ преподобнагѡ.

Братїѧ же гладомъ утѣснѧеми, начаша роптати на свѧтаго, глаголюще: «доколѣ возбранѧеши намъ ити въ

далъ подъ начало святому.

И при помощи Божіей, преподобный Сергій скоро на это имѣніе бо̀льшую церковь построилъ, и монастырь распространилъ, и жилъ подобно ангеламъ, какъ на небѣ, съ ликомъ братьевъ своихъ, день и ночь славословя Бога. Случилось однажды, что въ монастырѣ его не достало пищи, и братія была въ большомъ истощеніи, пробывъ безъ пищи три дня. Правило же было преподобнаго такое, чтобы не выходили монахи изъ монастыря просить у мірянъ хлѣба, но полагали бы надежду на Бога, питающаго всё, что̀ дышетъ на свѣтѣ, и отъ него съ вѣрою просили бы необходимаго; а ещё тогда не было общежитія въ монастырѣ преподобнаго.

Братья же, голодомъ томимые, начали роптать на святаго, говоря: «до какихъ поръ станешь ты запрещать.

міръ, и просити ꙗже на потребꙋ? но еще претерпимъ сію нощь, заꙋтра же изыдемъ ѿ мѣста сегѡ, да не умремъ ѿ глада». Свѧтый же утѣшаше ихъ, сказꙋѧ имъ Отецъ свѧтыхъ житіѧ, какѡ многіѧ скорби, гладъ, и жаждꙋ, и наготꙋ Господа ради претерпѣша, и глаголаше имъ словеса Христова: «Воззрите на птицы небесныѧ, ꙗко ни сѣютъ, ни жнꙋтъ, ни въ житницы собираютъ, и Отецъ небесный питаетъ ихъ: аще же птицы питаетъ, насъ ли не можетъ пропитати? Се нынѣ терпѣніѧ времѧ, мы же не терпѣливи ꙗвихомсѧ, не хотѧще понести въ малѣ времени приключшагосѧ намъ искушеніѧ, еже аще съ благодареніемъ пріѧли бы, въ великꙋю пользꙋ вмѣнилосѧ бы намъ, безъ искушеніѧ бо злато не совершаетсѧ». И прорече глаголѧ: «нынѣ на мало времѧ прилꙋчисѧ намъ ѡскудѣніе, заꙋтра же всѣхъ благъ изобиліе бꙋдетъ».

намъ идти въ міръ, и просить, что̀ нужно? потерпимъ мы ещё эту ночь, а утромъ уйдёмъ отсюда, чтобъ не умереть съ голоду» Святой же утѣшалъ ихъ, разсказывая житія святыхъ отцовъ, какъ они многія скорби, голодъ, и жажду, и наготу терпѣли ради Господа, и говорилъ имъ слова Христовы. «Посмотрите на птицъ небесныхъ, какъ онѣ ни сѣютъ, ни жнутъ, ни въ закромы не собираютъ, и Отецъ Небесный питаетъ ихъ; а если птицъ питаетъ, насъ-ли не можетъ пропитать? Вотъ нынѣ терпѣнія время, а мы не терпѣливыми оказались, не желая перенесть короткое время случившагося намъ испытанія,—которое, ежели бы мы съ благодарностію приняли (его), въ великую пользу обратилось-бы намъ, ибо безъ испытанія золото не очищается»: И предсказалъ онъ (имъ), говоря: «нынѣ на малое время случился намъ

И сбыстсѧ пророченіе свѧтагѡ: во утрїй бо день принесено бысть въ монастырь множество хлѣбовъ новопеченыхъ, и рыбъ многихъ, и иныхъ различныхъ новоуготованныхъ брашенъ ѿ нѣкоегѡ незнаема человѣка. Глаголаху бо принесшїи: «Онъ сей Христолюбецъ присла авв҃ѣ Сергїю и живущымъ съ нимъ братїямъ». Молиху же братїи принесшихъ, да вкусятъ съ ними пищи, они же не восхотѣша, повѣдающе, ꙗкѡ повелѣно имъ есть скорѡ возвратитисѧ, и поспѣшисѧ изыдоша изъ обители...

Бысть же брашна тогѡ довольнѡ на многи дни братїямъ, и глагола къ нимъ преподобный: «видите братїе и чудитесѧ, каково подаваетъ Богъ воздаянїе терпѣнїю, не забудетъ бо убогихъ своихъ до конца, и не имать никогда же презрѣти мѣста сегѡ свѧтагѡ, и живущихъ въ немъ рабѡвъ

недостатокъ, а утромъ всѣхъ благъ обиліе будетъ.

И сбылось пророчество святаго: ибо на другой день принесено было въ монастырь множество свѣжихъ хлѣбовъ, и рыбъ много и другихъ различныхъ вновь приготовленныхъ яствъ отъ одного неизвѣстнаго человѣка. Принёсшіе говорили: «онъ, этотъ христолюбецъ прислалъ (все это) отцу Сергію и живущимъ съ нимъ братьямъ». Просили же братья принёсших вкусить съ ними пищи, но они не захотѣли, говоря, что велѣно имъ немедленно вернуться, и, поспѣшивъ, ушли изъ обители.

Было пищи той довольно на много дней братьямъ, и говорилъ имъ преподобный: «смотрите, братья, и удивляйтесь, какое подаётъ Богъ вознагражденіе терпѣнію, ибо не забудетъ бѣдныхъ своихъ до конца, и не оставитъ никогда въ пренебреженіи мѣста этого свя-

своихъ, и служащихъ ему день и ночь...

Преподобный отецъ Сергій въ началѣ пришествія своего въ пустыню вселился на мѣстѣ безводнѣмъ: сіе же на приложеніе труда, да отдалече приносяци воду, множае трудитъ свое тѣло. Егда же Богъ изволивъ, братіи умножишася, и монастырь составися, бысть нужда велія воды ради, яко отдалече со многимъ трудомъ приношашеся. И тѣмъ ради вины ропташа нѣцыи на святаго глаголюще: вскую не разсуждая сѣлъ еси на семъ мѣстѣ? вскую здѣ обитель устроилъ еси, водѣ близь не сущей?

Святый же отвѣщаваше: азъ братіе единъ на мѣстѣ семъ безмолвствовати хотѣхъ, а понеже благоизволи Богъ толикой обители воздвигнутися, то силенъ есть и воду чешскудну подати, точію не

таго и живущихъ въ пёмъ рабовъ своихъ, служащихъ ему день и ночь.

Преподобный отецъ Сергій въ началѣ пришествія своего въ пустыню поселился на мѣстѣ безводномъ; а (сдѣлалъ) это для увеличенія труда, чтобы, издалека принося воду, больше утруждать своё тѣло. Когда же, по Божіей волѣ, братья умножились, и монастырь составился, была нужда большая въ водѣ, потому что издалека со многимъ трудомъ приносилась она, и по этой причинѣ роптали нѣкоторые на святаго, говоря: зачѣмъ не подумавъ поселился на этомъ мѣстѣ? зачѣмъ здѣсь обитель основалъ, тогда какъ воды близко нѣтъ?

Святой же отвѣчалъ: я, братья, одинъ на мѣстѣ этомъ намѣренъ былъ безмолствовать, а такъ какъ благоизволилъ Богъ такой обители устроиться, то силенъ онъ и воду достаточ-

пренемогайте, но молитесѧ съ вѣрою. Ѩце бо людемъ непокоривымъ источи водꙋ ѿ камене въ пꙋстыни, кольми паче васъ работающихъ емꙋ не презритъ. Единою же поемъ нѣкоего съ собою брата отай, сниде въ дебрь, иже подъ монастыремъ: не бѣ же въ дебри той воды текꙋщіѧ никогдаже, ꙗкоже древніи человѣцы ꙗвѣ извѣствобахꙋ. Свѧтый же wбрѣтъ въ единомъ рвѣ малѡ воды ѿ наводненіѧ дождевнагѡ, преклони колѣна, и помолисѧ прилѣжѣ къ Богꙋ, и внезапꙋ источникъ великій ꙗвисѧ, иже и до нынѣ всѣми видимъ есть, и черплютъ ѿ негѡ на всякꙋ потребꙋ монастырскꙋю.

Поселѧнинъ нѣкій, земледѣлецъ ѿ далечайшіѧ страны, слышавъ мнѡгаѧ ѡ свѧтомъ Сергіи, восхотѣ видѣти его: и пришедъ во обитель преподобнагѡ, вопрошаше ѡ немъ, гдѣ есть? Случисѧ же тогда

ную подать, только не ослабѣвайте, но молитесь съ вѣрою! Ибо если людямъ непокорнымъ извёлъ воду изъ камня въ пустынѣ, то тѣмъ болѣе васъ, трудящихся Ему, не пренебрежётъ. И однажды, взявъ тайно съ собою одного брата, пошёлъ онъ въ лѣсъ, который былъ близъ монастыря; не было же въ лѣсу томъ воды текущей никогда, какъ старожилы прямо говорили. Святой же, нашедши въ одномъ рву немного воды (оставшейся) отъ новодненія дождеваго, преклонилъ колѣна и помолился усердно Богу, и неожиданно явился большой источникъ, который и доселѣ всѣмъ видимъ, и черпаютъ изъ него на всякую нужду монастырскую.

Поселянинъ нѣкоторый, земледѣлецъ изъ дальняго мѣста, слышавъ многое о святомъ Сергіи, захотѣлъ видѣть его, и, прійдя въ обитель преподобнаго, сталъ спрашивать о нёмъ.

преподобномѹ въ вертоградѣ копати землю, и повѣдано бысть ѡ семъ человѣкѹ томѹ. Шедъ же поселянинъ въ вертоградъ, видѣ свѧтаго въ хѹдѣй одежде, раздраннѣй и многошвеннѣй, землю копающа, и мнѧше, ꙗкѡ порѹгашасѧ емѹ повѣдавшїи, надѣѧшесѧ бо въ великѣй славѣ видѣти свѧтаго, и возвращшисѧ въ монастырь, паки вопрошаше, глаголѧ: «гдѣ есть свѧтый Сергїй? покажите ми, ꙗкѡ ѿдалечѣ прїидохъ видѣти егѡ. «Они же глаголахѹ: вонистинну той есть, егоже видѣлъ еси.

Посемъ изшедшѹ свѧтомѹ изъ вертограда, видѣ его поселянинъ, и возгнушавсѧ имъ ѿврати лице свое ѿ негѡ, и не хотѣ ни воззрѣти на блаженнаго. Поношаше же въ сѣбѣ глаголѧ: «ѡ̃ колико трѹдъ подѧхъ всѹе! азъ прїидохъ видѣти великаго пророка, ѡ

где онъ находится? Случилось же тогда преподобному копать землю въ огородѣ, и сказано было объ этомъ человѣку тому. Но войдя въ огородъ, увидѣлъ поселянинъ святаго въ худой одеждѣ, разодранной и во многихъ мѣстахъ зашитой, копающаго землю, и думалъ, что посмѣялись ему сказавшие; ибо предполагалъ въ большой славѣ видѣть святаго. И возвратившись въ монастырь, опять спросилъ, говоря: «гдѣ находится святой Сергій? покажите мнѣ, потому что я издалека пришёлъ повидать его». Они же отвѣчали: истинно онъ тотъ, котораго ты видѣлъ.

Потомъ по выходѣ святаго изъ огорода, увидѣлъ его поселянинъ, съ пренебреженьемъ взглянулъ на него, отвернулъ лицо своё отъ него и смотрѣть не хотѣлъ на блаженнаго. И бранился про себя, говоря: «Сколько труда я принялъ напрасно!

немже слышахъ, и надѣѧхсѧ оузрѣти єго въ велицѣй славѣ и чести, и се нынѣ вижду єдинаго нища и нечестнаго старца» Свѧтый же разумѣвъ помышленіѧ єгѡ, ѕѣлѡ благодари єго: ꙗкоже бо гордый ѡ похваленіи и почитаніи, такѡ смиренномудрый ѡ безчестіи и уничиженіи своемъ радуєтсѧ. И поємши поселѧнина того къ себѣ, постави єму транезу, и любезнѡ учреди єгѡ.

Я пришёлъ видѣть великаго пророка, о которомъ слышалъ, и надѣялся увидѣть его въ большой славѣ и чести, а тутъ вотъ вижу какого-то нищаго, невзрачнаго монаха» Святой же, понявъ его мысли, весьма благодарилъ его, ибо какъ гордый похвалѣ и почести, такъ смиренномудрый безчестію и униженію своему радуется; и взявши поселянина этого къ себѣ, приготовилъ ему обѣдъ, и съ любовію угостилъ его.

Посемъ рече єму: «не скорби человѣчѡ, ибо єгоже видѣти желаєши, вскорѣ узриши». Єще же свѧтому глаголющу, се вѣстникъ пріиде, возвѣщаѧ пришествіє кнѧзѧ нѣкоєгѡ велика въ монастырь, и воставъ свѧтый изыде въ срѣтеніє кнѧзю, иже со множествомъ слугъ своихъ грѧдѧше. Узрѣвъ же кнѧзь свѧтагѡ, потщавсѧ притече къ нему, и предваривъ своимъ воклоненіємъ до земли, просѧше благословеніѧ ѿ преподобна-

Послѣ того сказалъ ему: «не печалься (добрый) человѣкъ! Ибо, кого ты хочешь видѣть, того вскорѣ увидишь!» Ещё святый говорилъ, какъ вотъ явился вѣстникъ, объявляя о прибытіи въ монастырь одного знатнаго князя, и святой вставъ вышелъ на встрѣчу князю, который шёлъ со множествомъ слугъ своихъ. Увидя же князь святаго, поспѣшивъ подошёлъ къ нему, и предупредивъ своимъ по-

гѡ онъ же благословивъ егѡ, введе егѡ въ обитель съ подобающею честію: и сѣдше оба вкупѣ, старецъ и князь, бесѣдоваша, прочіе же вси предстоахѹ. А поселянинъ оный далече нѣгдѣ ѿ предстоящихъ слѹгъ ѿриновенъ бысть, и егоже гнѹшашесѧ старца, того ѿдалече приникнѹвши оузрѣти желаше, и не можаше. Вопроси же нѣкоего ѿ предстоящихъ, тайнѣ глаголѧ: «кто есть, господине, старецъ оный сѣдѧй съ княземъ?» И сказа емѹ той, ѩко святый Сергій есть.

Нача же поселянинъ поносати и укорѧти себе, глаголюще: «вскѹю ослѣпохъ, и не вѣроваХъ показѹющымъ ми отца святаго, и не воздахъ достойным емѹ чести. Вправдѹ имѧ наше поселянинъ и невѣжда, ѩко ѩвлюсѧ лицѹ святагѡ стѹдомъ одержимый.

клономъ до земли, просилъ благословенія отъ преподобнаго. Онъ же, благословивъ его, ввелъ его въ обитель съ надлежащею честью, и, сѣвши оба вмѣстѣ, старецъ и князь, бесѣдовали, прочіе же всѣ стояли вокругъ. А поселянинъ тотъ далеко куда-то оттѣснёнъ былъ стоявшими кругомъ слугами, и старца, котораго онъ гнушался, того (хоть) издалека, (какъ-нибудь) изогнувшись, увидѣть хотѣлъ онъ, и не могъ. И спросилъ онъ одного изъ присутствующихъ, шёпотомъ говоря ему: кто, господинъ, этотъ монахъ, сидящій съ княземъ? И сказалъ ему тотъ, что это святой Сергій.

Началъ же поселянинъ бранить и укорять себя, говоря: «какъ это я ослѣпъ и не вѣрилъ указывавшимъ мнѣ святаго отца и невоздалъ ему достойной чести! недаромъ зовутъ насъ поселянинъ и невѣжда! какъ покажусь теперь передъ свя-

Ѿшедшꙋ же кнѧзю ѿ обители, поселѧнинъ притече къ преподобномꙋ, и стыдѧсѧ на лице егѡ воззрѣти, припаде къ ногамъ егѡ прощенїѧ проса, такѡ ѿ неразꙋмїѧ согрѣши. Свѧтый же любезнѡ ꙋтѣши его, глаголѧ: «не скорби чадо, понеже ты единъ истиньствовалъ еси ѡ мнѣ, глаголѧ быти мѧ ничтоже сꙋща: прочїи же вси соблазнишасѧ, мнѧще мѧ быти велика».

Нѣкогда блаженный по обычаю своемꙋ въ вечеръ глꙋбокъ на правилѣ стоѧщїй и ѡ ученицѣхъ своихъ прилѣжнѡ къ Богꙋ молѧщїйсѧ, слыша гласъ глаголющъ: Сергїе. Онъ же ꙋдивлсѧ ѡ необычномъ въ ночи званїи, сотвори молитвꙋ, и ѿверзе оконце келлїи, хотѧ ꙋвидѣти, кто есть зовый его. И се ꙋзрѣ свѣтъ велїй сїѧющъ, такѡ просвѣтитисѧ ночи той паче свѣтлагѡ днє. Прїиде же къ немꙋ вторицею гласъ,

тымъ, стыдомъ одержимый!» Когда ушёлъ князь изъ обители, поселянинъ подошёлъ къ преподобному и, стыдясь взглянуть ему въ лицо, упалъ къ ногамъ его, прося прощенія, что отъ неразумія согрѣшилъ. Святой же съ любовію утѣшилъ его, говоря: «не печалься, сынъ мой, такъ какъ ты одинъ былъ правъ относительно меня, считая меня за ничто; остальные же всѣ заблуждаются, думая, что я нѣчто важное»

Нѣкогда блаженный, по обычаю своему въ вечеръ глубокій на правилѣ стоя и объ ученикахъ своихъ прилежно Богу молясь, услышалъ голосъ, говорящій: Сергій! Онъ же, удивившись необыкновенному въ ночи зову, сотворилъ молитву, и отворилъ окно кельи, желая увидѣть, кто зоветъ его. И вотъ увидѣлъ онъ свѣтъ большой, съ неба сіяющій, такъ что освѣтилась ночь та лучше бѣ-

глаголѧ: «Сергіе, молишисѧ ѡ чадѣхъ твоихъ, и пріѧто єсть моленіе твое, смотри же и виждь число иноковъ во имѧ свѧтыѧ Троицы собирающихсѧ въ твою паствѹ». Свѧтый же воззрѣвъ, видѣ множество многое птицъ прекрасныхъ, не точію въ монастырѣ, но и окрестъ монастыра сѣдѧщихъ, и поющихъ пѣсни ангельскіѧ съ несказанною сладостію.

И паки слышашесѧ гласъ глаголющъ: «имже образомъ зриши птицы сіѧ, такѡ умножитсѧ стадо ученикъ твоихъ, и по тебѣ не ѡскѹдѣетъ, и такѡ чѹдно и различно украшени бѹдѹтъ по добродѣтелемъ ихъ послѣдовати хотѧщіи стопамъ твоимъ». Свѧтый же зрѧ, удивлѧшесѧ чудномѹ томѹ видѣнію. Хотѧщи же обѧтника и свидѣтелѧ видѣніѧ того имѣти, возгласивъ призва преждереченнаго Сімона, такѡ близъ бывша. Сімонъ же удивлаго дня. Дошёлъ до него другой разъ голосъ, говорящій: «Сергій! ты молишься о дѣтяхъ твоихъ, и принята молитва твоя! смотри и види число монаховъ во имя Святой Троицы собирающихся въ твою паству» Святой же взглянувъ увидѣлъ великое множество птицъ прекрасныхъ, нетолько въ монастырѣ, но и около монастыря сидящихъ и поющихъ пѣсни ангельскія съ невыразимою пріятностію.

И опять слышенъ былъ голосъ, говорящій: «какъ видишь ты птицъ этихъ, такъ увеличится собраніе учениковъ твоихъ, и послѣ тебя не уменьшится, и такъ дивно и различно украшены будутъ по своимъ добродѣтелямъ желающіе слѣдовать по стопамъ твоимъ!» Святой же видя удивлялся чудному тому явленію. Желая имѣть участника и свидѣтеля этого явленія, крикнувъ призвалъ онъ прежде-назван-

сѧ необычному старцевꙋ позванїю, скорѡ притече къ немꙋ, но не сподобисѧ всегѡ видѣнїѧ видѣти, точїю часть нѣкꙋю небеснагѡ онаго свѣта узрѣ. Исповѣда же емꙋ свѧтый всѧ, ꙗже видѣ, и ꙗже слыша, и радовахꙋсѧ оба вкꙋпѣ прославлѧюще Бога.

Посихъ во единъ ѿ дней прїидоша Греки ѿ Константїнѧ града, прислани къ свѧтомꙋ ѿ свѧтѣйшагѡ патрїарха Филоѳеа, и вдаша емꙋ ѿ патрїарха благословенїе и дары: крестъ, и параманъ, и схимꙋ, и писанїе, имꙋщее написано въ себѣ сице:

Милостїю Божїею архїепископъ Константїнѧ града, вселенскїй патрїархъ Кѵръ Филоѳей, ѡ свѧтомъ Дꙋсѣ сынꙋ и сослꙋжебникꙋ нашегѡ смиренїѧ Сергїю, благодать, и миръ, и наше благослове-

наго Симона, какъ по близости случившагося. Симонъ, удивясь необычному зову старца, немедля явился къ нему, но не удостоился всего явленія видѣть, только часть нѣкоторую того небеснаго свѣта усмотрѣлъ; открылъ же ему святой все, что̀ видѣлъ и что̀ слышалъ, и радовались они оба, вмѣстѣ прославляя Бога.

Послѣ сего въ одинъ день пришли Греки изъ Константинополя, присланные къ святому отъ святѣйшаго патріарха Филофея, и передали ему отъ патріарха благословеніе и дары: крестъ, поясъ (парамандъ), одежду и писаніе, имѣющее написаннымъ въ себѣ слѣдующее:

Милостію Божіею архіепископъ Константина-града вселенскій патріархъ Киръ Филоѳей, о Святомъ Духѣ сыну и сослужителю нашего смиренія Сергію!—благодать и миръ и наше бла-

нїє да бꙋдетъ съ вами. Слышахомъ єже по Бозѣ житїє ваше добродѣтельно ѕѣло, и похвалихомъ и прославихомъ Бога: обаче єдина главизна єще не достаточествꙋєтъ, ꙗкѡ не общєє житїє стѧжасте. Но понеже вѣси преподобнє, ꙗкѡ и самый Богоотецъ пророкъ Давидъ, иже всѧ ѡсѧзавый разꙋмомъ, ничтоже ино возможе тако похвалити, точїю: «Се нынѣ что добро? или что красно? но єже жити братїи вкꙋпѣ». Потомꙋже и мы совѣтъ благъ даємъ вамъ, ꙗкѡ да составите общєє житїє, и милость Божїѧ и наше благословенїє да бꙋдетъ съ вами.

Сїє патрїаршєє посланїє преподобный прїємъ; пойде къ преосвѧщенномꙋ всеѧ Рѡссїи митрополїтꙋ блаженномꙋ Алеѯїю, и показавъ ємꙋ посланїє, вопрошаше єго, глаголѧ: «ты свѧтый владыко какѡ повелѣваєши?»

гословеніе да будетъ съ вами! Слышали мы по Богѣ жизнь вашу весьма добродѣтельную, и похвалили и прославили Бога; впрочемъ одной стороны ещё недостаетъ, что общежитія не устроили у себя. И, поелику знаешь, преподобный, что и самый Богоотецъ Пророкъ Давидъ, который всё обнялъ умомъ, ничего другого не могъ такъ похвалить, какъ (слѣдующее) только: «Что̀ же есть теперь добраго?—или что́ прекраснаго?—конечно, жить братьямъ вмѣстѣ!»—то и мы совѣтъ добрый даёмъ вамъ, чтобы вы установили общежитіе; и милость Божія и наше благословеніе да будетъ съ вами.

Это, патріаршее посланіе преподобный принявъ, пошёлъ къ преосвященному всей Россіи митрополиту блаженному Алексѣю, и показавъ ему посланіе, спросилъ его, говоря: «ты, святой владыка, какъ велишь?»

Митрополитъ же ѿвѣща старцꙋ рекъ: «понеже преподобне толика блага сподобилсѧ еси, прославлѧющꙋ Богꙋ славѧщихъ его, такѡ и въ далекїѧ страны достиже слꙋхъ имене и житїѧ твоегѡ, и такѡ великїй вселенскїй патрїархъ совѣтꙋетъ ти на пользꙋ, то и мы тожде совѣтꙋемъ и похваляемъ». Ѿ тогѡ ꙋбѡ времене преподобный Сергїй устави общее житїе въ своей ѡбители, повелѣвъ твердѡ блюсти ѡбщежительныѧ ѹставы, ничтоже себѣ ради комꙋ стѧжавати, ни своимъ что звати, но всѧ ѡбща имѣти по заповѣдемъ ѻтецъ свѧтыхъ.

По ставленїи же ѡбщагѡ житїѧ восхотѣ бѣжати славы человѣческїѧ, и въ незнаемѣмъ вселисѧ мѣстѣ, безмолвнѡ наединѣ работати Богꙋ. Ѡбрѣтъ ꙋбѡ времѧ ꙋдобно, изыде тайно изъ ѡбители своем никомꙋже вѣдꙋщꙋ, и устремисѧ въ пꙋстыню:

Митрополитъ, отвѣчая старцу, сказалъ: «поелику ты, преподобный, такого блага удостоился отъ Бога, прославляющаго славящихъ Его, что и въ далёкія страны прошёлъ слухъ объ имени и жизни твоей, и какъ великій вселенскій патріархъ совѣтуетъ тебѣ на пользу, то и мы также совѣтуемъ и одобряемъ». Итакъ съ того времени преподобный Сергій установилъ общежитіе въ своей обители, приказавъ твордо исполнять общежительныя постановленія, ничего для себя никому не пріобрѣтать, ни своимъ что-нибудь называть, но всё общимъ имѣть—по заповѣдямъ святыхъ отцовъ.

По установленіи же общежитія, захотѣлъ онъ удалиться отъ славы человѣческой, и, въ неизвѣстномъ поселившись мѣстѣ, въ безмолвіи на единѣ служить Богу. Итакъ, нашедши время удобное, вышелъ тайно изъ обители своей, такъ

шедъ же ꙗкѡ четыредесѧть поприщъ, ѡбрѣте благоꙋгодное себѣ мѣсто близъ рѣки зовомой, Киржачъ, и тамо вселивсѧ живѧще. Братїѧ же видѣвше себе ѿ отца ѡставленныхъ, быша въ велицѣй скорби и смꙋщенїи, ꙗко овцы безъ пастырѧ, и прилѣжнѡ егѡ искахꙋ всюдꙋ. Времени же нѣкоемꙋ минувшꙋ, увѣданъ бысть ѿ братїй, и пришедше молѧхꙋ свѧтаго со слезами, да возвратитсѧ во обитель, но онъ не хотѧше, любѧ безмолвїе и уединенїе: тогѡ ради мнози ѿ ученикъ егѡ ѡставивше лаврꙋ, съ нимъ въ пꙋстыни той водворишасѧ, и по времени монастырь и церковь во имѧ пресвѧтыѧ Богородицы воздвигоша.

Но братїѧ великїѧ лавры безъ отца своего жити не терпѧще, и умолити его, да возвратитсѧ къ нимъ, не могꙋще, идоша къ преосвѧщен-

что никто не зналъ о томъ. и пошёлъ въ пустыню; прошедши же около сорока вёрстъ, нашёлъ благопріятное себѣ мѣсто близъ рѣки, называемой Киржачъ, и тамъ поселившись жилъ. Братья, видя себя оставленными отцомъ, находились въ большой печали и безпокойствѣ, какъ овцы безъ пастуха, и усердно его искали вездѣ. Черезъ нѣсколько времени однакожъ братья узнали, гдѣ онъ; и они пришедши просили святаго со слезами, чтобы онъ возвратился въ обитель, но онъ нехотѣлъ, любя молчаніе и уединеніе: поэтому многіе изъ учениковъ его оставили лавру, поселились съ пустынѣ той, и со временемъ монастырь и храмъ во имя Пресвятой Богородицы построили.

Но братья великой лавры, не будучи въ состояніи жить безъ отца своего, и не имѣя возможности упросить его возвратиться къ

номꙋ митрополїтꙋ Алеѯїю, просѧще, да онъ послетъ къ преподобномꙋ, повелѣвающи на первое мѣсто емꙋ возвратитисѧ. Блаженный же Алеѯїй посла два нѣкїѧ архїмандрита, молѧ, да послꙋшаетъ и утѣшитъ братїю свою возвращенїемъ своимъ къ нимъ, да не когда стꙋживши безъ негѡ, разыдꙋтсѧ, и мѣсто свѧтое ѡпꙋстѣетъ. Преподобный же Сергїй не могїй преслꙋшати архїереа, возвратисѧ въ лаврꙋ на первое свое пребыванїе, и утѣшишасѧ братїѧ ѕѣлѡ.

нимъ, пошли къ преосвященному митрополиту Алексѣю, прося, чтобы онъ послалъ къ преподобному, повелѣвая ему возвратиться на прежнее мѣсто. Блаженный же Алексѣй послалъ двухъ архимандритовъ, прося, чтобы онъ послушалъ и утѣшилъ братію свою возвращеніемъ своимъ къ нимъ, чтобы они, печалясь безъ него, не разошлись, и мѣсто святое не опустѣло. Преподобный Сергій, не могши ослушаться архіерея, возвратился въ лавру на прежнее свое пребываніе, и утѣшились братья весьма.

Єпископъ Пермскїй свѧтый Стефанъ велїю къ преподобномꙋ любовь имѣѧй, нѣкогда ѿ єпископїи своеѧ въ градъ Москвꙋ идѧше пꙋтемъ, иже ѿстоитъ ѿ Сергїева монастырѧ ꙗкѡ пѧть поприщъ или вѧщше: скорѡ же спѣшащи ко градꙋ, умысли тогда не быти во обители свѧтагѡ, но возвратив-

Епископъ Пермскій святой Стефанъ великую къ преподобному любовь имѣя, нѣкогда изъ епархіи своей въ городъ Москву слѣдовалъ дорогою, которая отстоитъ отъ Сергіева монастыря около пяти вёрстъ или больше; поспѣшая въ городъ, рѣшился не быть тогда въ обители святаго,

шисѧ во своѧ, прїити къ преподобномꙋ. Пывшу же ему противꙋ монастырѧ, воста съ колесницы своеѧ, и прочетъ: «Достоино есть», и обычнꙋю молитвꙋ сотворивъ, поклонисѧ Сергїю преподбномꙋ, сице рекъ: «миръ тебѣ дꙋховный брате».

но, возвращаясь домой, заѣхать къ преподобному. Когда былъ онъ противъ монастыря, онъ всталъ съ повозки своей и прочитавъ: «Достоино есть», и обыкновенную молитву совершивъ, поклонился Сергію преподобному, сказавъ слѣдующее: «миръ тебѣ, духовный братъ!»

Слꙋчисѧ же тогда Сергїю блаженномꙋ на трапезѣ ꙗсти. Разꙋмѣвъ же дꙋхомъ поклоненїе епископово, воста въ тойже часъ ѿ трапезы, и малѡ постоѧвъ, и молитвꙋ сотворивъ, поклонисѧ такожде епископꙋ далече ѿ обители ѿстоѧщемꙋ, рекъ: «радꙋйсѧ и ты пастырю Христова стада, и миръ Божїй да пребываетъ съ тобою». Братїѧ же удивишасѧ ѡ необычномъ томъ дѣлѣ, и разꙋмѣша нѣцыи, ꙗкѡ видѣнїе видитъ преподобный.

Случилось тогда Сергію блаженному ѣсть въ трапезѣ; узнавъ духомъ поклонъ епископа, всталъ онъ тотчасъ же изъ за стола, и немного постоявши и молитву совершивши, поклонился также епископу, находившемуся далеко отъ обители, сказавъ: «радуйся и ты, пастырь Христова стада, и миръ Божій да будетъ съ тобой!» Братья удивились необыкновенному этому случаю, и поняли нѣкоторые, что видѣніе видитъ преподобный.

Но скончанїи же трапезы вопросиша егѡ ѡ бывшемъ, онъ же исповѣда имъ, глаголѧ: «въ

По окончаніи же стола спросили его о бывшемъ. Онъ же открылъ имъ, го-

той часъ єпископъ Стефанъ грѧдый пѹтемъ ко градѹ Москвѣ, ста противѹ монастырѧ нашегѡ, и поклонисѧ свѧтѣй Троицѣ, и насъ грѣшныхъ благослови». Послѣди же нѣцыи ѿ ученикъ єгѡ извѣстнѡ увѣдаша истиннѡ бывшѹю вещь, и дивлѧхѹсѧ ѡ прозорливомъ дарѣ отцѹ ихъ ѿ Бога даннѣмъ.

Цвѣтѧше же ѡвитель преподобнагѡ сѣлѡ добродѣтельными мѹжи, и мнози ѿ нихъ великихъ ради добродѣтелей ихъ взяти быша во иныѧ монастыри на игѹменства, инїи же и на свѧтительскїѧ престолы возведени.

По сихъ блаженный Алеѯїй митрополїтъ старостїю изнемогаѧй, видѣвъ себе къ концѹ приближающасѧ, призва къ себѣ Сергїа преподобнагѡ, и вземъ крестъ свой архїерейскїй, єгоже на персехъ ношаше, златомъ и каменїемъ

воря: «въ этотъ часъ епископъ Стефанъ, слѣдуя дорогою къ городу Москвѣ, сталъ противъ монастыря нашего, и поклонился Святой Троицѣ, и насъ грѣшныхъ благословилъ». Впослѣдствіи нѣкоторые изъ учениковъ его ясно узнали дѣйствительно бывшее событіе, и удивлялись дару прозорливости, отцу ихъ отъ Бога данному.

Процвѣтала же обитель преподобнаго весьма добродѣтельными мужами, и многіе изъ нихъ, великихъ ради добродѣтелей ихъ, взяты были въ другіе монастыри въ настоятели, другіе же и на святительскіе престолы возведены.

Послѣ сего блаженный Алексѣй митрополитъ, одряхлѣвъ отъ старости и видя себя къ смерти приближающимся, призвалъ къ себѣ Сергія преподобнаго, и взявши крестъ свой архіерейскій, который на груди носилъ, золотомъ и ка-

украшенный, даѧше преподобномꙋ.

Ѻнъ же со смиренїемъ поклоншисѧ, глагола: «прости мѧ владыко, ꙗкѡ ѿ юности не быхъ златоносецъ, въ старости же наипаче хощꙋ въ нищетѣ пребывати». Архїерей же рече: «вѣмъ возлюбленне ꙗкѡ сїѧ исправилъ еси, но сотвори послꙋшанїе, и прїими ѿ насъ подаваемое тебѣ благословенїе». И такѡ своими рꙋками крестъ на свѧтаго ꙗкѡ нѣкое обрꙋченїе возложи.

Таже нача глаголати: «вѣдый бꙋди блаженне, чесѡ ради призвахъ тѧ, и что хощꙋ ѡ тебѣ устроити: се азъ Богꙋ ми врꙋчившꙋ, содержахъ Россїйскꙋю митрополїю, еликѡ онъ хотѧше: нынѣ же виждꙋ себе къ концꙋ приближившасѧ, токмѡ не вѣмъ дне скончанїѧ моегѡ, и желаю въ животѣ моемъ ѡбрѣсти мꙋжа, могꙋща по мнѣ пасти стадо Христово: не

меньями украшенный, подалъ его преподобному.

Онъ же, со смиреніемъ поклонившись, сказалъ: «прости мнѣ, владыко! отъ юности не былъ златоносцемъ, въ старости же въ особенности желаю въ нищетѣ пребывать». Архіерей же сказалъ: «знаю, возлюбленный, что это ты исполнилъ, но послушайся и прими отъ насъ подаваемое тебѣ благословеніе!» И такимъ образомъ онъ своими руками крестъ на святаго, какъ нѣкоторое обрученіе, возложилъ.

Затѣмъ началъ онъ говорить: «узнай, блаженный, для чего призвалъ я тебя, и что хочу съ тобою устроить! Вотъ я, по Божію мнѣ врученію, правилъ Русскою Митрополіею, сколько времени Ему угодно было; а теперь вижу себя къ концу приблизившимся, только не знаю дня конца моего, и желаю при жизни моей найти мужа, могущаго по-

ѡбрѣтаю же таковагѡ кромѣ тебе единагѡ. Вѣмъ же извѣстнѡ, ꙗкѡ и великодержавнїи кнѧзи, и вси модїе мїрстїи и дꙋховнїи, даже до послѣднѧгѡ, возлюбѧтъ тѧ, и не инагѡ когѡ, точїю тебе на престолъ той требовати бꙋдꙋтъ, ꙗкѡ достойна сꙋща. Нынѣ убѡ преподобне, прїими санъ епископства, по моемъ же исходѣ престолъ мой воспрїимеши».

слѣ меня пасти стадо Христово; не нахожу же такого человѣка, кромѣ тебя одного. Знаю же достовѣрно, что и великодержавные князья, и всѣ люди мірскіе и духовные, даже до послѣдняго человѣка, полюбятъ тебя, и не друґаго кого, а только тебя на престолъ этотъ требовать будутъ, какъ достойнаго. Итакъ теперь, преподобный, прими санъ епископскій, по моей же смерти престолъ мой примешь».

Преподобный же сїѧ глаголы слыщавъ, ѡскорбисѧ ѕѣлѡ, недостойна бо толикагѡ сана вмѣни себе быти. Ко архїерею же ѿвѣща: «прости мѧ владыко, ꙗкѡ выше моеѧ мѣры хощеши ми наложити бремѧ, но семꙋ невозможно быти никогдаже: кто бо есмь азъ грѣшный и хꙋдѣйшїй паче всѣхъ человѣкъ, да такова сана дерзнꙋ коснꙋтисѧ?» Блаженный же Алеѯїй мнѡга изрече словеса къ свѧтомꙋ ѿ Божествен-

Преподобный же эти слова услышавъ, опечалился весьма, ибо недостойнымъ такого сана считалъ себя. Архіерею же отвѣчалъ: «прости мнѣ, владыко! ты сверхъ моей силы хочешь на меня наложить тяжесть, но этому нельзя быть никогда: ибо кто я, грѣшный и худшій изъ всѣхъ людей, чтобы я осмѣлился коснуться такого сана?» Блаженный же Алексѣй много сказалъ словъ святому

ныхъ писаній, преклонѧѧ єгѡ къ воли своєй: но смиренїѧ любитель не преклонисѧ никакоже. Наконецъ ѿвѣща, глаголющи:

Владыко свѧтый, аще не хощеши ѿгнати хꙋдость мою ѿ предѣлъ сихъ, и ѿ слышанїѧ твоєгѡ, то не приложи прочєє глаголати ѡ семъ ко мнѣ, ниже иномꙋ, комꙋ попꙋсти, да стꙋжаєтъ ми таковыми словесы, понеже никтоже возможетъ ѡбрѣсти во мнѣ на то изволенїѧ.

Архїєрей же видѣвъ свѧтаго непреклонна, преста глаголати ємꙋ ѡ томъ, боѧсѧ, да не когда, стꙋживъ си преподобный, ѿидетъ въ далечайшыѧ страны и пꙋстыни, и лишитсѧ Москва таковагѡ свѣтилника: утѣшивъ же єго словесы дꙋховными, ѿпꙋсти съ миромъ въ монастырь. Не по мнозѣмъ же времени иже во свѧтыхъ Алеѯїй митрополїтъ ѿ житїѧ ѿиде, и паки блаженный Сергїй принꙋждаємь бѣ моленїємъ ѿ великодержав-

изъ Божественныхъ писаній, склоняя ото къ волѣ своей, но смиренія любитель не склонился никакъ; наконецъ отвѣчалъ, говоря:

Владыко Святой, если не хочешь удалить недостойность мою изъ предѣловъ этихъ, и отъ словъ твоихъ, то не продолжай болѣе говорить объ этомъ мнѣ, ни другому кому не допусти, чтобы онъ печалилъ меня такими словами, поелику никто не можетъ найти во мнѣ на то согласія.

Архіерей же, видѣвъ святаго непреклоннымъ, пересталъ говорить ему о томъ, опасаясь, чтобы преподобный опечалясь не ушёлъ какъ-нибудь въ дальнѣйшія страны и пустыни, и не потеряла бы Москва такого свѣтильника. Утѣшивши же его словами духовными, отпустилъ съ миромъ въ монастырь. Черезъ нѣкоторое же время, причисленный къ лику святыхъ Алексѣй митрополитъ

ныхъ кнѧзей и ѿ всѣхъ людей, да воспріиметъ престолъ митрополіи Россійскія: свѧтый же аки твердый адамантъ непреклоненъ пребысть...

Въ та лѣта Божіимъ за грѣхи нашѧ попущеніемъ, бысть нашествіе нечестиваго Мамѧ царѧ татарскаго на Россійскую землю, ѡ чесомъ великому кнѧзю Димитрію скорбящу, свѧтый Сергій молитвою его вооружи, и ѡ побѣдѣ пророчествова, глаголѧ: «изыди противу варваръ, всякое сумнѣніе ѿвергши ѿ себе, и Богу помогающу ти, враги побѣдиши, и здравъ во отечество свое возвратишисѧ».

Великій же кнѧзь, на помощь Божію, и на молитвы свѧтаго надѣявсѧ, пойде, и сотворивъ брань съ татары, побѣди ихъ, яко едва съ малою дружиною Мамай убѣ-

отошёлъ отъ міра сего, и опять блаженный Сергій былъ убѣждаемъ просьбами великодержавныхъ князей и всѣхъ людей, чтобы принялъ престолъ митрополіи Русской, Святой же какъ твердый алмазъ, остался непреклоненъ.

Въ тѣ года Божіимъ за грѣхи наши попущеніемъ было нашествіе нечестиваго Мамая, царя Татарскаго, на Русскую землю, о чёмъ когда великій князь Димитрій скорбѣлъ, святой Сергій молитвою его вооружилъ, и о побѣдѣ предсказывалъ, говоря: «выди противъ варваровъ, всякое сомнѣніе отбросивши отъ себя, и съ Божіей помощью ты враговъ побѣдишь и въ отечество своё воротишься невредимымъ».

Великій же князь, на помощь Божію и на молитвы святаго надѣясь, пошёлъ и, сразившись съ Татарами, побѣдилъ ихъ, такъ что едва съ малою дружиною

жа. Преподобный же прозорливъ сый, видѧше далече бывающаѧ ꙗкѡ близъ сꙋщаѧ, и стоѧ съ братїею на молитвѣ во обители своей, внегда брань бысть междꙋ христїаны и татары, возвѣсти, ꙗкѡ въ то времѧ великїй кнѧзь Димитрїй татаръ побѣди: и которїи ѿ христїанъ храбрїи воини на брани убїени быша, по имени сказа, и приношенїе ѡ нихъ Богꙋ принесе: ѡ всемъ бо емꙋ ѿкровено бѣ ѿ Бога.

Мамай убѣжалъ. Преподобный же, прозорливъ будучи, видѣлъ вдали происходящее, какъ будто вблизи находящееся, и, стоя съ братіею на молитвѣ въ обители своей, когда происходила битва между Христіанами и татарами, объявилъ, что въ это время великій князь Димитрій татаръ побѣдилъ, и, которые изъ Христіанъ храбрые воины въ битвѣ убиты были, тѣхъ поимённо назвалъ, и даръ за нихъ Богу принёсъ: ибо обо всёмъ ему открыто было отъ Бога.

Кнѧзь же съ торжествомъ ѿ брани возвратився, во обитель къ преподобномꙋ прїиде, и многѡ благодари свѧтаго, ꙗкѡ поможе емꙋ своими къ Богꙋ прилѣжными молитвами...

Князь же, съ торжествомъ съ войны возвратившись, въ обитель къ преподобному пришёлъ, и много благодарилъ святаго, что помогъ ему своими къ Богу прилежными молитвами.

Живъ же преподобный лѣта довольна въ велицѣмъ воздержанїи и трꙋдѣхъ, и многаѧ чꙋдеса содѣлавъ, въ старость глꙋбокꙋ прїиде: бѧше бо суже емꙋ лѣтъ ѿ рожде-

Живши же преподобный года многіе въ большомъ воздержаніи и трудахъ, и многія чудеса совершивъ, въ старость глубокою пришёлъ, ибо было уже ему

нїм седмьдесмтъ осмь. Провидѣвъ же прежде шести мѣсмцевъ свое къ Богѹ преставленїе, призва братїю. и вручи старѣйшинство ученикѹ своемѹ именемъ Нїкѡнѹ, иже аще и младъ бѣ лѣты, но умъ егѡ сѣдинами цвѣтѧше, и во всемъ житїи подражаше учителю и наставникѹ своемѹ Сергїю преподовномѹ.

Того оубѡ. Нїкѡна Сергїй игѹмномъ поставивъ, самъ безмолвствовати нача: Сентемврїа же мѣсмца въ недѹгъ тѣлесный впаде, и разѹмѣвъ конечное свое къ Богѹ ѿшествїе, призва и поѹчи братїю довольнѡ. Благословенїе же и прощенїе имъ подавъ, въ самый часъ исхода пречистыхъ таинъ причастисѧ, и такѡ свѧтѹю дшѹ предаде въ рѹцѣ Божїи.

Бѣ же лице егѡ свѣтло, не такѡ мертва, но такѡ спѧ

отъ роду семьдесятъ восемь лѣтъ. Предусмотрѣвъ же за шесть мѣсяцевъ своё къ Богу отшествїе, призвалъ братїю и передалъ начальство ученику своему, именемъ Никону, который хотя и молодъ былъ годами, но умъ его сѣдинами процвѣталъ, и во всей жизни подражалъ учителю и наставнику своему Сергїю преподобному.

Итакъ этого Никона Сергїй игуменомъ поставилъ, самъ же началъ безмолвствовать. Сентября же мѣсяца въ болѣзнь тѣлесную впалъ, и, уразумѣвъ окончательное своё къ Богу отшествїе, призвалъ и долго поучалъ братїю. Благословивъ же ихъ и простившись съ ними, въ самый часъ смерти пречистыхъ таинъ. пріобщился, и такимъ образомъ святую свою душу предалъ въ руки Божїи.

Было лицо его свѣтло, не какъ у мёртваго, но

ца человѣка, еже бѣ извѣстнымъ знаменіемъ свѣтлости его душевныя и мздовоздаянія отъ Бога. И положено бысть честное его тѣло во обители, въ нейже добрѣ подвизался. По тридесяти же лѣтѣхъ обрѣтены быша святыя его мощи цѣлы и нетлѣнны, и ниже одеждамъ его прикоснуся истлѣніе, благоуханіе же неизреченное исхождаше, и многая исцѣленія болящымъ подаваху.

Но и до нынѣ отъ честнаго его ковчега, аки отъ источника истекаютъ цѣлбы всѣмъ съ вѣрою притекающымъ: такоже бо въ животѣ своемъ, такъ и по преставленіи великій той чудотворецъ великая и неисчетная творитъ чудеса, въ славу Христа Бога нашего, емуже честь и благодареніе во вѣки, аминь.

как у спящаго человѣка, что было явнымъ знакомъ чистоты его душевной и воздаянія отъ Бога. И положено было честное тѣло его въ обители, въ которой онъ доблестно подвизался. Послѣ тридцати лѣтъ найдены были святыя его мощи цѣлыми и нетлѣнными, и даже къ одеждамъ его не прикоснулось тлѣніе, благоуханіе же неисказанное исходило отъ него, и многія исцѣленія больнымъ подавались.

Но и до сего дня отъ честной его гробницы, какъ отъ источника истекаютъ исцѣленія всѣмъ съ вѣрою приходящимъ; ибо какъ при жизни своей, такъ и по кончинѣ великій этотъ чудотворецъ великія и несчётныя творитъ чудеса во славу Христа Бога нашего, которому честь и благодареніе во вѣки, аминь.

КНИГА БЫТІЯ.

ГЛАВА II.

в. И совершѝ Бг҃ъ въ де́нь шестый дѣла̀ своѧ̑, ꙗ҆́же сотворѝ: и҆ почѝ въ де́нь седмы́й ѿ всѣ́хъ дѣ́лъ свои́хъ, ꙗ҆́же сотворѝ.

г҃ И блг҃вѝ Бг҃ъ де́нь седмы́й, и҆ ѡ҆сти̑ є҆гѡ̀; ꙗ҆́кѡ въ то́й почѝ ѿ всѣ́хъ дѣ́лъ свои́хъ, ꙗ҆́же нача́тъ Бг҃ъ творитѝ.

д҃. Сїѧ̀ книга̀ бытїѧ̀ нбсѐ и҆ землѝ, є҆гда̀ бы́сть, въ ѻ҆́ньже дѐнь сотворѝ Гдⷭ҇ь Бгъ не́бо и҆ зе́млю,

є҃. И всѧ́кїй ѕла́къ се́лный, пре́жде да́же бы́ти наземлѝ, и҆ всѧ́кꙋю травꙋ̀ се́лную, пре́жде да́же прозѧ́бнꙋти: не

2. И совершилъ Богъ къ седьмому дню дѣла̀ Свои, которыя Онъ дѣлалъ, и почилъ въ день седьмый о́тъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, которыя дѣлалъ.

3. И благословилъ Богъ седьмый день и освятилъ его; ибо въ оный почилъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, которыя Богъ творилъ и созидалъ.

4. Вотъ происхожденіе неба и земли, при сотвореніи ихъ, въ то время, когда Господь Богъ создалъ землю и небо,

5. И всякій полевый кустарникъ, котораго ещё не было на землѣ, и всякую полевую траву, которая

бо̀ ѿдожди̇ Гдь Бгъ на зе́млю, и҆ чл҃вѣкъ не бѧ́ше дѣлати ю̀.

ѕ҃. Исто́чникъ же и҆схожда́ше и҆з земли̇, и҆ напаѧ́ше всѐ лицѐ земли̇.

з҃. И҆ созда̀ Бг҃ъ чл҃ка, пе́рсть [взе́мъ] ѿ земли̇, и҆ вду́нꙋ въ лицѐ є҆гѡ дыха́нїе жи́зни: и҆ бы́сть чл҃къ въ дꙋ́шу жи́вꙋ.

и҃. И҆ насади̇ Гдь Бг҃ъ ра́й во Є҆де́мѣ на восто́цѣхъ, и҆ введѐ та́мѡ чл҃ка, є҆го́же созда.

ѳ҃. И҆ прозѧбѐ Бг҃ъ є҆щѐ ѿ земли̇ всѧ́кое дре́во кра́сное въ видѣ́нїе, и҆ до́брое въ снѣ́дь: и҆ дре́во жи́зни посредѣ̀ раѧ̀, и҆ дре́во, є҆́же вѣдѣти разꙋмѣ́тельное до́брагѡ и҆ лꙋка́вагѡ.

ѕі҃ И҆ заповѣда Гдь Бг҃ъ А҆да́мꙋ, гл҃ѧ: ѿ всѧ́кагѡ дре́ва, є҆́же въ рай, снѣдїю снѣ́си:

зі҃. Ѿ дре́ва же, є҆́же разꙋмѣти до́брое и҆ лꙋка́вое, не снѣ́сте ѿ негѡ̀: а҆ въ о҆́нь-

ещё не росла; ибо Господь Богъ не посылалъ дождя на землю, и не было человѣка для воздѣлыванія земли.

6. Но паръ поднимался съ земли, и орошалъ всё лицо земли.

7. И создалъ Господь Богъ человѣка изъ праха земнаго, и вдунулъ въ лицо его дыханіе жизни, и сталъ человѣкъ душёю живою.

8. И насадилъ Господь Богъ рай въ Едемѣ на востокѣ; и помѣстилъ тамъ человѣка, котораго создалъ.

9. И произрастилъ Господь Богъ изъ земли всякое дерево, пріятное на видъ и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познанія добра и зла.

16. И заповѣдалъ Господь Богъ человѣку, говоря: отъ всякаго дерева въ саду ты будешь ѣсть;

17. А отъ дерева познанія добра и зла; не ѣшь отъ него; ибо въ день, въ

же а҃ще дн҃ь снѣ́сте ѿ него҆, смерті҃ю оу҃мрете.

и҃. И҆ рече́ Гд҃ь Бг҃ъ: не добро҆ бы́ти чл҃вѣ́кꙋ ѥ҆ди́номꙋ: сотворі́мъ ѥ҆мꙋ помо́щника по нем҃ꙋ.

ѳ҃і. И҆ созда́ Бг҃ъ ѥ҆ще ѿ земли҆ всѧ̀ зв҃ѣ́ри се́лныѧ и҆ всѧ̀ пти҃цы нб҃ны́ѧ, и҆ приведѐ ѧ̀ ко А҆да́мꙋ, ви́дѣти, что҆ нарече́тъ ѧ̀: и҆ всѧ́ко е҃́же а҃ще нарече́ А҆да́мъ дꙋ́шꙋ живꙋ, сі҃е и҃мѧ ѥ҆мꙋ.

к҃ И҆ нарече́ А҆да́мъ и҃мена҆ всѣ́мъ скотꙋ́мъ, и҆ всѣ́мъ пти҃цамъ нб҃ны́мъ, и҆ всѣ́мъ зв҃ѣ́рємъ земны́мъ: А҆да́мꙋ же не ѡ҆брѣ́тесѧ помо́щникъ подо́бный ѥ҆мꙋ.

кѧ. И҆ наложи́ Бг҃ъ и҃зступле́ніе на А҆да́ма, и҆ ꙋ҃спе́: и҆ взѧ̀ ѥ҆ди́но ѿ ре́бръ е҆гѡ̀, и҆ и҃спо́лни пло́тію вмѣ́сто е҆гѡ̀.

кв҃. И҆ созда́ Гд҃ь Бг҃ъ ребро́, е҃́же взѧ̀ ѿ А҆да́ма, въ жен҃ꙋ, и҆ приведѐ ю҆ ко А҆да́мꙋ.

который ты вкусишь отъ него, смертію умрёшь.

18. И сказалъ Господь Богъ: не хорошо человѣку быть одному; сотворимъ ему помощника, соотвѣтственнаго ему.

19. Господь Богъ образовалъ изъ земли всѣхъ животныхъ полевыхъ, и всѣхъ птицъ небесныхъ, и привёлъ (ихъ) къ человѣку, чтобы видѣть, какъ онъ назовётъ ихъ, и чтобы, какъ наречётъ человѣкъ всякую душу живую, такъ и было имя ей.

20. И нарёкъ человѣкъ имена всѣмъ скотамъ и птицамъ небеснымъ и всѣмъ звѣрямъ полевымъ; но для человѣка не нашлось помощника, подобнаго ему.

21. И навелъ Господь Богъ на человѣка крѣпкій сонъ; и, когда онъ уснулъ, взялъ одно изъ рёберъ его, и закрылъ то мѣсто плотію.

22. И создалъ Господь Богъ изъ ребра, взятаго у человѣка, жену, и привёлъ

её къ человѣку.

к҃г. И речѐ А҆да́мъ: се́ ны́нѣ ко́сть ѿ косте́й мои́хъ, и҆ пло́ть ѿ пло́ти моеѧ̀: сїѧ̀ нарече́тсѧ жена̀, ꙗ҆́кѡ ѿ мꙋ́жа своегѡ взѧта̀ бы́сть сїѧ̀.

23. И сказалъ человѣкъ: это кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моей; она будетъ называться женою: ибо взята отъ мужа (своего).

ГЛАВА III.

Ѕмі́й же бѣ̀ мꙋ́дрѣйшїй всѣ́хъ ѕвѣре́й сꙋ́щихъ на земли̇̀, и҆́хже сотвори̇̀ Гдⷭ҇ь Бг҃ъ. И҆ речѐ ѕмі́й женѣ̀: что̀ ꙗ҆́кѡ речѐ Бг҃ъ: да не ꙗ҆́сте ѿ всѧ́кагѡ дре́ва ра́йскагѡ;

Змѣй былъ хитрѣе всѣхъ звѣрей полевыхъ, которыхъ создалъ Господь Богъ. И сказалъ змѣй женѣ: подлинно ли сказалъ Богъ: не ѣшьте ни отъ какого дерева въ раю?

в҃. И҆ речѐ жена̀ ѕмі́ю: ѿ всѧ́кагѡ дре́ва ра́йскагѡ ꙗ҆́сти бꙋ́демъ:

2. И сказала жена змѣю: плоды съ дерёвъ мы можемъ ѣсть,

г҃. Ѿ плода̀ же дре́ва, є҆́же є҆́сть посредѣ̀ раѧ̀, рече́ Бг҃ъ: да не ꙗ҆́сте ѿ негѡ̀, ниже̑ прикосне́тесѧ є҆мꙋ̀, да не оу҆́мрете.

3. Только плодовъ дерева, которое среди рая, сказалъ Богъ, не ѣшьте ихъ, и не прикасайтесь къ нимъ, чтобы вамъ не умереть.

д҃. И҆ речѐ ѕмі́й женѣ̀: не сме́ртїю оу҆́мрете.

4. И сказалъ змѣй женѣ: нѣтъ, не умрёте;

є҃ Вѣ́дѧше бо Бг҃ъ, ꙗ҆́кѡ въ о҆́ньже а҆́ще де́нь снѣ́сте ѿ него̀, ѿве́рзꙋтсѧ о҆́чи ва́ши, и҆ бꙋ́дете ꙗ҆́кѡ бо́зи, вѣ-

5. Но знаетъ Богъ, что въ день, въ который вы вкусите ихъ, откроются глаза ваши, и вы будете,

дѧще до́брое и҆ лꙋка́вое.

ѕ҃. И҆ ви́дѣ жена̀, ꙗ҆́кѡ добро̀ дре́во въ снѣ́дь, и҆ ꙗ҆́кѡ ᲂу҆го́дно ѻ҆чи́ма ви́дѣти, и҆ красно̀ є҆́сть є҆́же разꙋмѣ́ти: и҆ взе́мши ѿ плода̀ є҆гѡ̀, ꙗ҆дѐ: и҆ дадѐ мꙋ́жꙋ своемꙋ̀ съ собо́ю, и҆ ꙗ҆до́ста.

з҃. И҆ ѿверзо́шасѧ ѻ҆́чи ѻ҆бѣ́ма, и҆ разꙋмѣ́ша, ꙗ҆́кѡ на́зи бѣ́ша: и҆ сши́ста ли́ствіе смоко́вное и҆ сотвори́ста себѣ̀ препоѧ́санїѧ.

и҃. И҆ ᲂу҆слы́шаста гла́съ Гдⷭ҇а Бг҃а ходѧ́ща въ раѝ по полꙋ́дни: и҆ скры́стасѧ А҆да́мъ же и҆ жена̀ є҆гѡ̀ ѿ лица̀ Гдⷭ҇а Бг҃а посредѣ̀ дре́ва ра́йскагѡ.

ѳ҃. И҆ призва̀ Гдⷭ҇ь Бг҃ъ А҆да́ма, и҆ речѐ є҆мꙋ̀: А҆да́ме, гдѣ̀ є҆сѝ;

і҃. И҆ речѐ є҆мꙋ̀: гла́съ слы́шахъ тебѐ ходѧ́ща въ раѝ и҆ ᲂу҆боѧ́хсѧ, ꙗ҆́кѡ на́гъ є҆́смь, и҆ скры́хсѧ.

а҃і. И҆ речѐ є҆мꙋ̀ Бг҃ъ: кто̀ возвѣстѝ тебѣ̀, ꙗ҆́кѡ на́гъ є҆сѝ, а҆́ще не бы̀ ѿ дре́ва, є҆го́же

какъ Боги, знающіе добро и зло.

6. И увидѣла жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно пріятно для глазъ и вождѣленно, потому что даётъ знаніе; и взяла плодовъ его, и ѣла; и дала также мужу своему, и онъ ѣлъ.

7. И открылись глаза у нихъ обоихъ, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья, и сдѣлали себѣ опоясанія.

8. И услышали голосъ Господа Бога, ходящаго въ раю во время прохлады дня; и скрылся Адамъ и жена его отъ лица Господа Бога между деревьями рая.

9. И воззвалъ Господь Богъ къ Адаму, и сказалъ ему: (Адамъ;) гдѣ ты?

10. Онъ сказалъ: голосъ Твой я услышалъ въ раю, и убоялся, потому что я нагъ, и скрылся.

11. И сказалъ (Богъ): кто сказалъ тебѣ, что ты нагъ? не ѣлъ ли ты отъ

заповѣдахъ тебѣ сегѡ̀ є҆ди́нагѡ не ꙗ҆́сти, ѿ негѡ̀ ꙗ҆́лъ є҆сѝ;

в҃і. И҆ речѐ А҆да́мъ: жена̀ ю҆́же да́лъ є҆сѝ со мно́ю, та́ мѝ дадѐ ѿ дре́ва, и ꙗ҆до́хъ.

г҃і. И҆ речѐ Гдⷭ҇ь Бг҃ъ женѣ̀: что сїѐ сотвори́ла є҆сѝ; и҆ речѐ жена̀: ѕмі́й прелсти́ мѧ, и҆ ꙗ҆до́хъ.

д҃і. И҆ речѐ Гдⷭ҇ь Бг҃ъ ѕмі́ю: ꙗ҆́кѡ сотвори́лъ є҆сѝ сїѐ, про́клѧтъ ты̀ ѿ всѣ́хъ скотѡ́въ, и҆ ѿ всѣ́хъ ѕвѣре́й земны́хъ: на пе́рсѣхъ твои́хъ и҆ чре́вѣ ходи́ти бꙋ́деши, и҆ зе́млю снѣ́си всѧ̑ дни̑ живота̀ твоегѡ̀.

ѕ҃і. И҆ женѣ̀ речѐ: оу҆множа́ѧ оу҆мно́жꙋ печа̑ли твоѧ̑, и҆ воздыха̑нїѧ твоѧ̀: въ болѣ́знехъ роди́ши ча̑да....

з҃і И҆ А҆да́мꙋ речѐ: ꙗ҆́кѡ послꙋ́шалъ є҆сѝ гла́са жены̀ твоеѧ̀, и҆ ꙗ҆́лъ є҆сѝ ѿ дре́ва, є҆го́же заповѣ́дахъ тебѣ̀ сегѡ̀ є҆ди́нагѡ не ꙗ҆́сти, ѿ негѡ̀

дерева, съ котораго Я запретилъ тебѣ ѣсть?

12. Адамъ сказалъ: жена, которую Ты мнѣ далъ, она дала мнѣ отъ дерева, и я ѣлъ.

13. И сказалъ Господь Богъ женѣ: что̀ ты это сдѣлала? Жена сказала: змѣй обольстилъ меня, и я ѣла.

14. И сказалъ Господь Богъ змѣю: за то, что ты сдѣлалъ это, проклятъ ты предъ всѣми скотами, и предъ всѣми звѣрями полевыми; ты будешь ходить на чревѣ твоёмъ, и будешь ѣсть прахъ во всѣ дни жизни твоей.

16. Женѣ сказалъ: умножая умножу скорбь твою въ беременности твоей; въ болѣзни будешь раждать дѣтей...

17. Адаму же сказалъ: за то, что ты послушалъ голоса жены твоей, и ѣлъ отъ дерева, о которомъ Я заповѣдалъ тебѣ, сказавъ:

ꙗ҆́лъ є҆сѝ: проклѧта̀ землѧ̀ въ дѣлѣ́хъ твои́хъ, въ печа́лехъ снѣ́си тꙋ́ю всѧ̑ дни̑ живота̀ твоегѡ̀:

не ѣшь отъ него, проклята земля за тебя; со скорбію будешь питаться отъ нея во всѣ дни жизни твоей.

и҃і. Те́рніѧ и҆ волчцы̀ возрасти́тъ тебѣ̀, и҆ снѣ́си травꙋ̀ се́лнꙋю.

18. Терніе и волчцы произраститъ она тебѣ; и будешь питаться полевою травою.

ѳ҃і. Въ по́тѣ лица̀ твоегѡ̀ снѣ́си хлѣ́бъ тво́й, до́ндеже возврати́шисѧ въ зе́млю, ѿ неѧ́же взѧ́тъ є҆сѝ: ѧ҆́кѡ землѧ̀ є҆сѝ, и҆ въ зе́млю ѿи́деши.

19. Въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ, доколѣ не возвратишься въ землю, изъ которой ты взятъ; ибо прахъ ты и въ прахъ возвратишься.

ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ ЛУКИ.

ГЛАВА XV

а҃і. Рече́ жѐ І҆и҃съ: чл҃вѣ́къ нѣ́кій и҆мѣ̀ два̀ сы́на:

11. Еще сказалъ Іисусъ: у нѣкотораго человѣка было два сына;

в҃і. И҆ речѐ ю҆нѣ́йшій ѿ ни́хъ ѻ҆ц҃ꙋ̀: ѻ҆ч҃е, да́ждь мѝ досто́йнꙋю ча́сть и҆мѣ́ніѧ. И҆ раздѣлѝ и҆̀мъ и҆мѣ́ніе.

12. И сказалъ младшій изъ нихъ отцу: отче! дай мнѣ слѣдующую мнѣ часть имѣнія. И *отецъ* раздѣлилъ имъ имѣніе.

г҃і. И҆ не по мно́зѣхъ дне́хъ собра́въ всѐ мні́й сы́нъ, ѿи́де на странꙋ̀ дале́че, и҆ тꙋ̀

13. По прошествіи немногихъ дней, младшій сынъ, собравъ всё, пошёлъ въ

расточи̑ и҆мѣ́нїе своѐ, живы́й блꙋ́днѡ.

д҃і. И҆зжи́вшꙋ же є҆мꙋ̀ всѐ, бы́сть гла́дъ крѣ́покъ на странѣ̀ то́й, и҆ то́й нача́тъ лиша́тисѧ.

є҃і. И҆ ше́дъ прилѣпи́сѧ є҆ди́номꙋ ѿ жи́тель тоѧ̀ страны̀. И҆ посла̀ є҆го̀ на се́ла своѧ̑ пасти̑ свинїѧ̑.

ѕ҃і. И҆ жела́ше насы́тити чре́во своѐ ѿ роже́цъ, ꙗ҆̀же ꙗ҆дѧ́хꙋ свинїѧ̑: и҆ никто́же даѧ́ше є҆мꙋ̀.

з҃і. Въ себѐ же прише́дъ, речѐ: коли́кѡ нае́мникѡмъ ѻ҆ц҃а̀ моегѡ̀ и҆збыва́ютъ хлѣ́бь, а҆́зъ же гла́домъ ги́блю;

и҃і. Воста́въ и҆дꙋ̀ ко ѻ҆ц҃ꙋ̀ моемꙋ̀, и҆ рекꙋ̀ є҆мꙋ̀: ѻ҆ч҃е, согрѣши́хъ на нб҃о и҆ пред̾ тобо́ю.

ѳ҃і. И҆ ᲂу҆жѐ нѣ́смь досто́инъ нарещи́сѧ сы́нъ тво́й: сотвори́ мѧ ꙗ҆̀кѡ є҆ди́нагѡ ѿ нае́мникъ твои́хъ.

к҃ И҆ воста́въ и҆́де ко ѻ҆ц҃ꙋ̀ своемꙋ̀. Є҆ще же є҆мꙋ̀ дале́че

дальнюю сторону, и тамъ расточилъ имѣніе своё, живя распутно.

14. Когда же онъ прожилъ всё, насталъ великій голодъ въ той странѣ, и онъ началъ нуждаться.

15. И пошёлъ, присталъ къ одному изъ жителей страны той; а тотъ послалъ его на поля свои пасти свиней.

16. И онъ радъ былъ наполнить чрево своё рожками, которые ѣли свиньи; но никто не давалъ ему.

17 Пришёдши же въ себя, сказалъ: сколько наёмниковъ у отца моего избыточествуютъ хлѣбомъ, а я умираю отъ голода!

18 Встану, пойду къ отцу моему, и скажу ему: отче! я согрѣшилъ противъ неба и предъ тобою.

19 И уже недостоинъ называться сыномъ твоимъ; прими меня въ число наёмниковъ твоихъ.

20. Всталъ, и пошёлъ къ отцу своему. И когда

ѿщꙋ, оу҆зрѣ є҆го̀ ѻ҆ц҃ъ є҆гѡ̀: и҆ ми́лъ є҆мꙋ̀ бы́сть, и҆ те́къ нападѐ на вы́ю є҆гѡ̀, и҆ ѡ҆бло-бызà є҆го̀

онъ былъ ещё далеко, увидѣлъ его отецъ его, и сжалился; и побѣжавъ палъ ему на шею, и цѣловалъ его.

к҃а. Рече́ же є҆мꙋ̀ сы́нъ: ѻ҆́ч҃е, согрѣши́хъ на нб҃о и҆ пред̾ тобо́ю, и҆ оу҆жѐ нѣ́смь досто́инъ нарещи́сѧ сы́нъ тво́й.

21 Сынъ же сказалъ ему: отче! я согрѣшилъ противъ неба и предъ тобою, и уже недостоинъ называться сыномъ твоимъ.

к҃в. Речѐ же ѻ҆ц҃ъ къ рабѡ́мъ свои̑мъ: и҆знесите ѻ҆деждꙋ пе́рвꙋю, и҆ ѡ҆блецы́те є҆го, и҆ дади́те пе́рстень на рꙋ́кꙋ є҆гѡ̀, и҆ сапогѝ на но́зѣ:

22. А отецъ сказалъ рабамъ своимъ: принесите лучшую одежду, и одѣньте его, и дайте перстень на руку его, и обувь на ноги.

к҃г. И҆ приве́дше теле́цъ оу҆пита́нный заколи́те, и҆ ѧ҆́дше весели́мсѧ:

23. И приведите откормленнаго телёнка, и заколите; станемъ ѣсть, и веселиться!

к҃д. Ꙗ҆́кѡ сы́нъ мо́й се́й ме́ртвъ бѣ̀, и҆ ѡ҆живѐ: и҆ и҆зги́блъ бѣ̀, и҆ ѡ҆брѣ́тесѧ. И҆ нача́ша весели́тисѧ.

24. Ибо сей сынъ мой былъ мёртвъ, и ожилъ; пропадалъ и нашёлся. И начали веселиться.

к҃є. Бѣ̀ же сы́нъ є҆гѡ̀ ста́рѣй на селѣ̀: и҆ ꙗ҆́кѡ грѧды́й прибли́жисѧ къ до́мꙋ, слы́ша пѣ́нїе и҆ ли́ки:

25. Старшій же сынъ его былъ на полѣ; и, возвращаясь, когда приблизился къ дому, услышалъ пѣніе и ликованіе.

к҃ѕ. И҆ призва́въ є҆ди́нагѡ ѿ ѻ҆́трѡкъ, вопроша́ше: что̑ оубо сїѧ̑ сꙋ́ть;

26. И, призвавъ одного изъ слугъ, спросилъ: что́ это такое?

к҃з. Ѻ҆́нъ же речѐ є҆мꙋ̀, ꙗ҆́кѡ бра́тъ тво́й прїи́де: и҆ закла̀ ѻ҆ц҃ъ тво́й телца̀ оу҆пита́нна, ꙗ҆́кѡ здра́ва є҆го̀ прїѧ́тъ.

27. Онъ сказалъ ему: братъ твой пришёлъ; и отецъ твой закололъ откормленнаго телёнка, потому что принялъ его здоровымъ.

к҃и. Разгнѣ́вавсѧ же, и҆ не хотѧ́ше вни́ти: ѻ҆ц҃ъ же є҆гѡ̀ и҆зше́дъ молѧ́ше є҆го̀.

28. Онъ осердился, и не хотѣлъ войти. Отецъ же его вышедши, звалъ его.

к҃ѳ. Ѻ҆́нъ же ѿвѣща́въ речѐ ѻ҆ц҃ꙋ̀: сѐ толи́кѡ лѣ́тъ рабо́таю тебѣ̀, и҆ николи́же за́пѡвѣди твоѧ̑ престꙋпи́хъ, и҆ мнѣ̀ николи́же да́лъ є҆сѝ козлѧ́те, да со дрꙋ́ги свои́ми возвесели́лсѧ бы́хъ.

29. Но онъ сказалъ въ отвѣтъ отцу: вотъ я столько лѣтъ служу тебѣ, и никогда не преступалъ приказанія твоего: но ты никогда не далъ мнѣ и козлёнка, чтобы мнѣ повеселиться съ друзьями своими.

л҃. Є҆гда̀ же сынъ тво́й се́й, и҆зѧ́дый твоѐ и҆мѣ́нїе съ любодѣ́йцами, прїи́де, закла́лъ є҆сѝ є҆мꙋ̀ телца̀ пито́маго.

30. А когда этотъ сынъ твой, расточившій имѣніе твоё съ блудницами, пришёлъ; ты закололъ для него откормленнаго телёнка.

л҃а. Ѻ҆́нъ же речѐ є҆мꙋ̀: ча́до, ты̀ всегда̀ со мно́ю є҆сѝ, и҆ всѧ̑ моѧ̑ твоѧ̑ сꙋ́ть:

31. Онъ же сказалъ ему: сынъ мой, ты всегда со мною, и всё моё твоё.

л҃в. Возвесели́тижесѧ и҆ возра́довати подоба́ше, ꙗ҆́кѡ бра́тъ тво́й се́й ме́ртвъ бѣ̀, и҆ ѡ҆живѐ: и҆ и҆зги́блъ бѣ̀, и҆ ѡ҆брѣ́тесѧ.

32. А о томъ надобно было радоваться и веселиться, что братъ твой сей былъ мёртвъ и ожилъ: пропадалъ и нашёлся.

ПСАЛОМЪ XXXVI.

Псаломъ Давида.

Не ревнꙋ́й лꙋкавнꙋющымъ, нижѐ зави́ди творѧ́щымъ беззако́нїе.

Не ревнуй злодѣямъ, не завидуй дѣлающимъ беззаконіе.

в҃. Занѐ ꙗ҆́кѡ трава́ ско́рѡ и҆зсшꙋтъ, и҆ ꙗ҆́кѡ ѕе́лїе ѕла́ка ско́рѡ ѿпадꙋ́тъ.

2. Ибо они, какъ трава, скоро будутъ подкошены, и, какъ зеленѣющій злакъ, увянутъ.

г҃. Оу҆пова́й на Гдⷭ҇а, и҆ твори́ бл҃госты́ню: и҆ насели̑ зе́млю, и҆ оу҆пасе́шисѧ въ бога́тствѣ є҆ѧ̀

3. Уповай на Господа и дѣлай добро; живи на землѣ, и храни истину.

д҃. Насладисѧ Гдⷭ҇еви, и҆ да́стъ ти̑ проше́нїѧ се́рдца твоегѡ̀.

4. Утѣшайся Господомъ, и Онъ исполнитъ желанія сердца твоего

є҃. Ѿкры́й ко Гдⷭ҇ꙋ пꙋ́ть тво̑й, и҆ оу҆пова́й на него̀, и҆ то́й сотворитъ.

5. Предай Господу путь твой, и уповай на Него, и Онъ совершитъ

ѕ҃. И҆ и҆зведе́тъ ꙗ҆́кѡ свѣ́тъ пра́вдꙋ твою̀, и҆ сꙋдьбꙋ̀ твою̀ ꙗ҆́кѡ полꙋ́дне.

6. И выведетъ, какъ свѣтъ, правду твою, и справедливость твою, какъ полдень

з҃. Повини́сѧ Гдⷭ҇еви, и҆

7. Покорись Господу и

оу҆моли̑ є҆гѡ̀. Не ревну́й спѣю-
щемꙋ̀ въ пꙋти̑ своє́мъ, чело-
вѣ́кꙋ творѧ́щемꙋ законопре-
стꙋпле́нїе.

и҃. Преста́ни ѿ гнѣва, и҆
ѡ҆ста́ви ꙗ҆́рость: не ревну́й,
є҆́же лꙋка́вновати.

ѳ҃. Занѐ лꙋка́внꙋющїи по-
требѧ́тсѧ: терпѧ́щїи же Гд҃а
тїи наслѣ́дѧтъ зе́млю.

і҃. И҆ є҆щѐ ма́лѡ, и҆ не бꙋ́-
детъ грѣ́шника: и҆ взы́щеши
мѣ́сто є҆гѡ̀, и҆ не ѡ҆брѧ́щеши.

а҃і. Кро́тцыи же наслѣ́дѧтъ
зе́млю, и҆ насладѧ́тсѧ ѡ҆ мно́-
жествѣ ми́ра.

в҃і. Назира́етъ грѣ́шный
пра́веднаго, и҆ поскреже́щетъ
на́нь зꙋбы̑ свои́ми:

г҃і. Гдⷭ҇ь же посмѣ́етсѧ
є҆мꙋ̀, занѐ прозира́етъ, ꙗ҆́кѡ
прїи́детъ де́нь є҆гѡ̀.

д҃і. Ме́чь и҆звлеко́ша грѣ́ш-
ницы, напрѧго̀ша лꙋ́къ сво́й,
низложи́ти оу҆бо́га и҆ ни́ща,
закла́ти пра̑выѧ се́рдцемъ.

надѣйся на Него. Не ревнуй успѣвающему въ пути своёмъ, человѣку лукавнующему.

8. Перестань гнѣваться, и оставь ярость; не ревнуй до того, чтобы дѣлать зло.

9. Ибо дѣлающіе зло истребятся, уповающіе же на Господа наслѣдуютъ землю.

10. Ещё не много, и не станетъ нечестиваго; посмотришь на его мѣсто, и нѣтъ его.

11. А кроткіе наслѣдуютъ землю, и насладятся множествомъ мира.

12. Нечестивый злоумышляетъ противъ праведника, и скрежещетъ на него зубами своими.

13. Господь же посмѣвается надъ нимъ: ибо видитъ, что приходитъ день его.

14. Нечестивые обнажаютъ мечъ, и натягиваютъ лукъ свой, чтобы низложить бѣднаго и нищаго, чтобы пронзить *идущихъ* прямымъ путёмъ.

єі. Ме́чь и҆́хъ да вни́детъ въ сердца̀ и҆́хъ, и҆ лꙋ́цы и҆́хъ да сокрꙋша́тсѧ.

ѕі. Лꙋ́чше ма́лое пра́ведникꙋ, па́че бога́тства грѣ́шныхъ мно́га.

зі. Занѐ мышцы грѣ́шныхъ сокрꙋша́тсѧ, оу҆твержда́етъ же пра́ведныѧ Гдⷭ҇ь.

иі. Вѣ́сть Гдⷭ҇ь пꙋти̑ непоро́чныхъ, и҆ достоѧ́нїе и҆́хъ въ вѣ́къ бꙋ́детъ.

ѳі. Не постыдѧ́тсѧ во̀ вре́мѧ лю́тое, и҆ во дне́хъ гла́да насы́тѧтсѧ.

к. Ꙗ҆́кѡ грѣ́шницы поги́бнꙋтъ, врази́ же Гдⷭ҇ни кꙋ́пнѡ просла́витисѧ и҆̀мъ и вознести́сѧ, изчеза́юще ꙗ҆́кѡ ды́мъ и҆зчезо̀ша.

ка. Зае́млетъ грѣ́шный, и҆ не возврати́тъ, пра́ведный же ще́дритъ, и҆ дае́тъ.

кв. Ꙗ҆́кѡ благословѧ́щїи є҆гѡ̀ наслѣ́дѧтъ зе́млю, кленꙋ́щїи же є҆гѡ̀ потребѧ́тсѧ.

кг. Ѿ Гдⷭ҇а стѡпы̀ человѣ́кꙋ и҆справлѧ́ютсѧ, и҆ пꙋтѝ є҆гѡ̀ восхо́щетъ ѕѣлѡ̀.

15. Мечъ ихъ войдётъ въ ихъ же сердце, и луки ихъ сокрушатся.

16. Малое у праведника лучше богатства многихъ нечестивыхъ

17. Ибо мышцы нечестивыхъ сокрушатся, а праведниковъ подкрѣпляетъ Господь.

18. Господь знаетъ дни непорочныхъ, и достояніе ихъ пребудетъ вовѣкъ.

19. Не будутъ они постыжены во время лютое, и во дни голода будутъ сыты.

20. А нечестивые погибнутъ, и враги Господни, какъ тукъ агнцевъ, исчезнутъ, въ дымѣ исчезнутъ.

21. Нечестивый берётъ взаймы, и не отдаётъ; а праведникъ милуетъ и даётъ.

22. Ибо благословенные Имъ наслѣдуютъ землю, а проклятые Имъ истребятся.

23. Господомъ утверждаются стоны *такого* человѣка, и Онъ благоволитъ къ пути его.

к҃д. Є҆гда̀ паде́тъ, не разві́ется, ꙗ҆́кѡ Гдⷭ҇ь подкрѣпля́етъ рꙋ́кꙋ є҆гѡ̀.

24. Когда онъ будетъ падать, не упадётъ; ибо Господь поддерживаетъ его за руку.

к҃е. Ю҆нѣ́йшїй бы́хъ, и҆́бо состарѣ́хся, и҆ не ви́дѣхъ пра̀ведника ѡ҆ста́влена, нижѐ сѣ́мене є҆гѡ̀ просѧ́ща хлѣ́бы.

25. Я былъ молодъ, и состарѣлся, и не видалъ праведника оставленнымъ, и потомковъ его просящими хлѣба.

к҃ѕ. Ве́сь де́нь ми́луетъ, и҆ взаи́мъ дае́тъ пра́ведный, и҆ сѣ́мѧ є҆гѡ̀ во бл҃гослове́нїе бꙋ́детъ.

26. Онъ всякой день милуетъ и взаймы даётъ, и потомство его въ благословеніе будетъ.

к҃з. Оуклони́сѧ ѿ ѕла, и҆ сотворѝ бл҃го, и всели́сѧ въ вѣ́къ вѣ́ка.

27 Уклоняйся отъ зла, и дѣлай добро, и будешь жить вовѣкъ.

к҃и. Ꙗ҆́кѡ Гдⷭ҇ь лю́битъ сꙋ́дъ, и҆ не ѡ҆ста́витъ прⷣбныхъ свои́хъ, во вѣ́къ сохраня́тсѧ: беззако́нницы же изженꙋ́тсѧ, и҆ сѣ́мѧ нечести́выхъ потреби́тсѧ

28. Ибо Господь любитъ правду, и не оставляетъ святыхъ Своихъ; вовѣкъ сохранятся они: (а беззаконные будутъ извержены), и потомство нечестивыхъ истребится

к҃ѳ. Прⷣвницы же наслѣ́дѧтъ зе́млю, и҆ вселѧ́тсѧ въ вѣ́къ вѣ́ка на не́й.

29. Праведники наслѣдуютъ землю, и будутъ жить на ней вовѣкъ.

л҃. Оу҆ста̀ прⷣвнагѡ поꙋча́тсѧ премⷣрости, и҆ ѧ҆зы́къ є҆гѡ̀ возгл҃голетъ сꙋ́дъ.

30 Уста праведника изрекаютъ премудрость, и языкъ его произноситъ правду

л҃а. Зако́нъ Бг҃а є҆гѡ̀ въ

31. Законъ Бога его въ

сердцѣ его̀, и̑ не за́пнꙋтсѧ стѡпы̀ е̑гѡ̀.

л҃в. Сматрѧ́етъ грѣ́шный пра́веднаго, и̑ и̑щетъ е̑же оу̑мертви́ти е̑гѡ̀:

л҃г. Гдь же не ѡ̑ста́витъ е̑гѡ въ рꙋкꙋ̀ е̑гѡ̀, нижѐ ѡ̑сꙋ́дитъ е̑го̀, е̑гда̀ сꙋ́дитъ е̑мꙋ̀.

л҃д. Потерпѝ Гда, и̑ сохранѝ пꙋ́ть его̀, и вознесе́тъ тѧ̀ е̑же наслѣ́дити зе́млю, внегда̀ потреблѧ́тисѧ грѣ́шникѡмъ, оу̑зриши.

л҃е. Ви́дѣхъ нечести́ваго превозносѧ́щасѧ, и̑ вы́сѧщасѧ ꙗ̑кѡ ке́дры Лїва́нскїѧ:

л҃ѕ. И̑ ми̑мѡ и̑до́хъ, и̑ се́ не бѣ̀, и взыска́хъ е̑гѡ̀, и не ѡ̑брѣ́тесѧ мѣ́сто е̑гѡ̀.

л҃з. Храни̑ неѕло́бїе, и̑ ви́ждь правотꙋ̀, ꙗ̑кѡ е̑сть ѡ̑ста́нокъ человѣ́кꙋ ми́рнꙋ.

л҃и. Беззаконницы же потребѧ́тсѧ вкꙋ́пѣ; ѡ̑ста́нцы же нечести́выхъ потребѧ́тсѧ.

л҃ѳ. Спасе́нїе же пра́вед-

сердцѣ у него; не поколеблются стопы его.

32. Нечестивый подсматриваетъ за праведникомъ. и ищетъ умертвить его

33. Но Господь не отдастъ его въ руки его, и не допуститъ обвинить его, когда онъ будетъ судимъ.

34. Уповай на Господа, и держись пути Его; и Онъ вознесётъ тебя, чтобы ты наслѣдовалъ землю; и когда будутъ истребляемы нечестивые, ты увидишь.

35. Видѣлъ я нечестивца грознаго, разширявшагося, подобно укоренившемуся многовѣтвистому дереву;

36. Но онъ прошёлъ, и вотъ нѣтъ его; ищу его, и не нахожу.

37. Наблюдай за непорочнымъ и смотри на праведнаго ибо будущность *такого* человѣка есть миръ.

38. А беззаконники всѣ истребятся; будущность нечестивыхъ погибнетъ.

39. Отъ Господа спасе-

ныхъ ѿ Гд҃а, и҆ защи́титель и҆́хъ є҆́сть во вре́мѧ ско́рби.

м҃. И҆ помо́жетъ и҆́мъ Гд҃ь, и҆ изба́витъ и҆́хъ, и҆ и҆́зметъ ѿ грѣ́шникъ, и҆ спасе́тъ и҆́хъ, ꙗ҆́кѡ оу҆пова́ша на него̀.

ніе праведникамъ; Онъ защита ихъ во время скорби:

40. И поможетъ имъ Господь и избавитъ ихъ; избавитъ ихъ отъ нечестивыхъ, и спасётъ ихъ, ибо они на Него уповаютъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СЧЕТЪ.

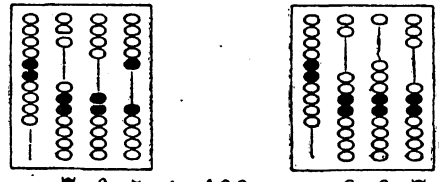
СЛОЖЕНІЕ И ВЫЧИТАНІЕ.

Если считаешь такъ: два и три будетъ пять, 2+3=5; четыре и шесть будетъ десять, 4+6=10; сто тридцать два и двѣсти тридцать семь будетъ триста шестьдесятъ девять, 132 + 237 = 369,—то дѣлаешь *сложеніе*.

Если считаешь такъ: пять безъ двухъ останется три, 5 — 2 = 3; десять безъ шести останется четыре, 10 — 6 = 4; триста шестьдесятъ девять безъ ста тридцати двухъ останется двѣсти тридцать семь, 369—132=237,—то дѣлаешь *вычитаніе*.

Сложить:

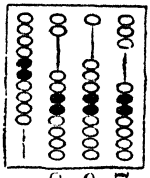
765 + 132



7 6 5 + 132 = 8 9 7

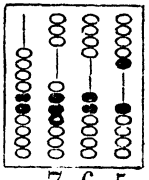
Вычесть:

897—132. Положи на счёты восемь сотенъ, девять десятковъ, семь простыхъ.



8 9 7

Скидывай со счётовъ 1 изъ сотенъ, 3 изъ десятковъ, 2 изъ простыхъ. Осталось



897—132 = 7 6 5

Сложить:

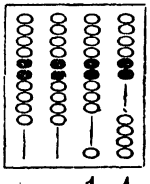
3331 + 2348. 45 + 21. 6084 + 1311. 56 + 43. 47821 + 2147.

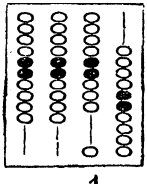
Вычесть:

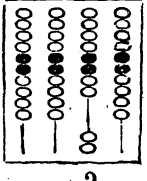
5679 — 2348. 5679 — 3331. 67 — 21. 67 — 45.
7395 — 6084. 7395 — 1311. 99 — 56. 99 — 43.
49969 — 47821. 39969 — 2147.

Сложить:

14+6



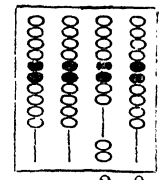




1 4 + 6 = 1 = 2

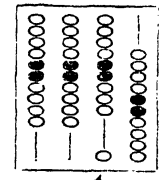
Вычесть:

20—6. Положи на счёты два десятка.



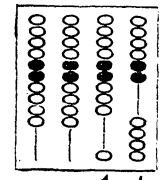
. 2 0

Скидывай шесть простыхъ изъ простыхъ. Простыхъ нѣтъ; положи два десятка такъ, чтобы были простыя



1 .

Изъ простыхъ скинь шесть,—вышло:



20 — 6 = 1 4

Сложить:

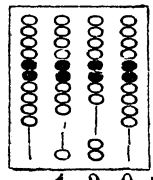
15 + 5. 38 + 12. 49 + 31. 89 + 1.

Вычесть:

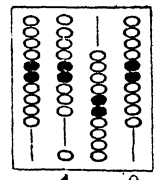
20 — 5. 20 — 15. 50 — 38. 50 — 12. 80 — 31. 81 — 49. 90 — 89. 90 — 1.

Сложить:

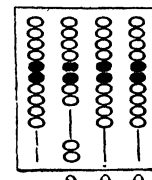
120 + 80



1 2 0+80 =



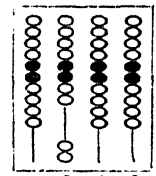
1 * 0 =



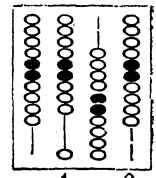
2 0 0

Вычесть:

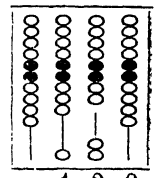
200—80. Положи на счёты двѣ сотни.



Скидывай восемь десятковъ изъ десятковъ. Десятковъ нѣтъ. Положи двѣ сотни такъ, чтобы были десятки.



Изъ десятковъ скинь восемь. Сочти, сколько осталось.



200 — 80 = 1 2 0

Сложить:

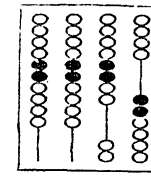
110+90 220+80. 330+70. 440+60. 550+50.
770 + 30. 890 + 10.

Вычесть:

200—90. 200—110. 300—80. 300—220. 500—60.
500—440. 600—50. 600—550. 800—30. 800—770.
900 — 10. 900 — 890.

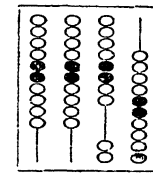
Сложить:

26+7 Положи на счётахъ два десятка и шесть простыхъ.



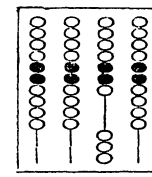
2 6

Прикладывай семь простыхъ къ простымъ. Приложишь четыре—будетъ десять простыхъ, и трёхъ недостанетъ.



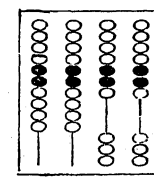
2 *

Переложи десять простыхъ на одинъ десятокъ.



3 0

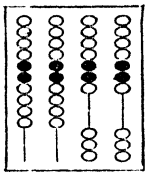
Приложи три простыхъ. Вышло три десятка и три простыхъ



26 + 7 = 3 3

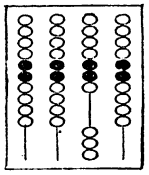
Вычесть:

33—7. Положи на счётахъ три десятка и три простыхъ.



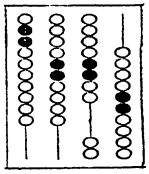
3 3

Скидывай семь простыхъ изъ простыхъ. Три скинешь, четырёхъ не достанетъ.



3 0

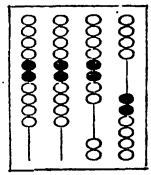
Переложи изъ трёхъ десятковъ одинъ на десять простыхъ.



2 *

Теперь скинь то, что́ не достало,— четыре простыхъ.

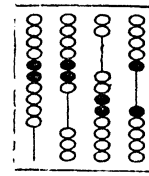
Останется два десятка и шесть простыхъ.



33 — 7 = 2 6

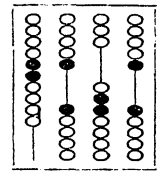
Сложить:

375 + 246 Положи на счёты три сотни, семь десятковъ и пять простыхъ



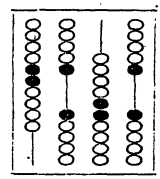
3 7 5

Прикладывай двѣ сотни къ трёмъ сотнямъ,—будетъ пять сотенъ.



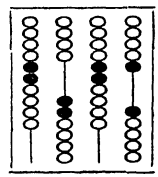
5 7 5

Прикладывай четыре десятка къ семи десяткамъ Приложишь три,—будетъ десять десятковъ, а одного недостанетъ.



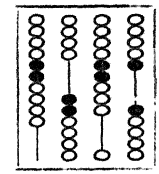
5 * 5

Переложи десять десятковъ на одну сотню.



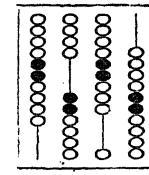
6 0 5

Теперь приложи то, что́ недостало— одинъ десятокъ.



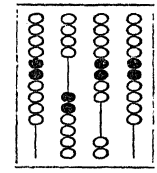
6 1 5

Прикладывай шесть простыхъ къ пяти простымъ. Приложишь пять простыхъ,— будетъ десять, а одной недостанетъ.



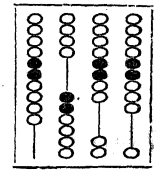
6 1 *

Переложи десять простыхъ на одинъ десятокъ.



6 2 0

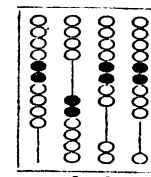
Приложи то, что́ недостало, — одну простую. Вышло



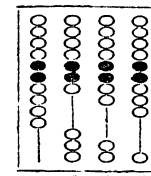
375+246= 6 2 1

Вычесть:

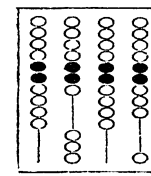
621—375. Положи на счёты шесть сотенъ, два десятка, одну простую.



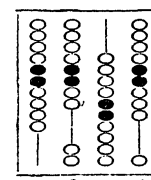
Скидывай изъ шести сотенъ три сотни; останется:



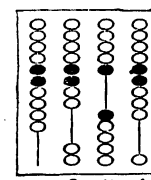
Изъ двухъ десятковъ скидывай семь; два скинешь, пяти недостанетъ; останется:



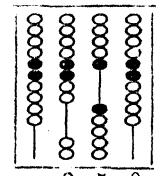
Переложи изъ трёхъ сотенъ одну такъ, чтобъ были десятки.



Скидывай то, что́ недостало, — пять десятковъ; останется:

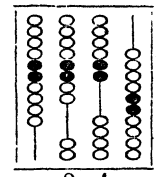


Скидывай пять простыхъ изъ одной простой. Скинешь одну,—четырёхъ не достанетъ.



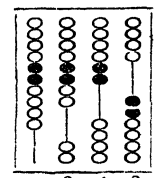
2 5 0

Переложи пять десятковъ такъ, чтобы было десять простыхъ.



2 4 *

Скидывай сколько недостало,—четыре простыхъ; останется:



621—375= 2 4 6

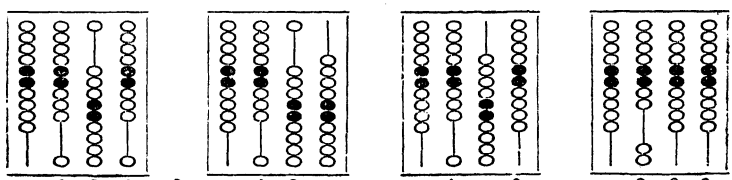
Сложить:

397+145. 428+387. 613+298.

Вычесть:

542 — 397. 542 — 145. 815 — 357. 911 — 613. 911 — 298.

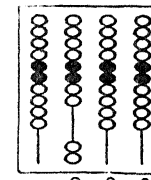
Сложить: 191 + 9.



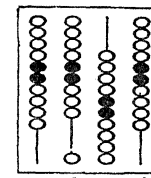
191+9= 19 * = 1 * 0 = 200

Вычесть:

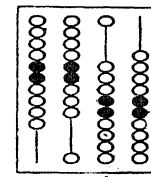
200—9. Положи на счёты двѣ сотни.



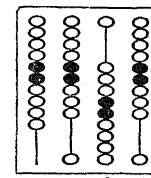
Скидывай девять простыхъ изъ простыхъ. Простыхъ нѣтъ, и десятковъ нѣтъ. Переложи сотню на десять десятковъ.



Переложи десять десятковъ, такъ чтобы были простыя.



Скидывай изъ десяти простыхъ девять простыхъ, останется:



200 — 9 = 1 9 1

Сложить:

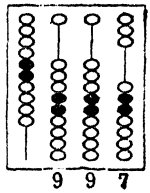
293 + 7. 496 + 4 792 + 8. 985 + 15. 1837 + 163
3799 + 1.

Вычесть:

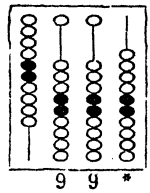
300 — 7. 300 — 293. 500 — 4. 500 — 496. 800 — 8
800 — 792. 1000 — 15. 1000 — 985 2000 — 163
2000 — 1837. 4000 — 3799. 4000 — 1

Сложить:

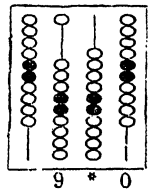
997+8. Положи 997.



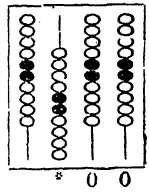
Прикладывай къ семи простымъ восемь простыхъ. Приложишь три, а пяти недостанетъ. Выйдетъ:



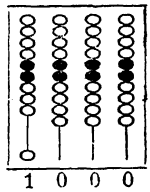
Переложи десять простыхъ на одинъ десятокъ,—будетъ:



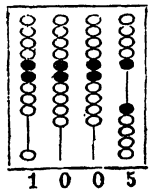
Переложи десять десятковъ на одну сотню,—будетъ:



Переложи десять сотенъ на одну тысячу,—будетъ:

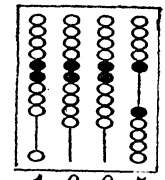


Приложи теперь, что́ недостало,—пять простыхъ, будетъ:

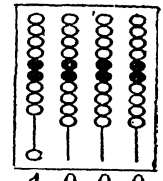


Вычесть:

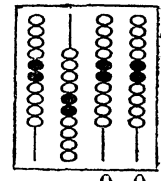
1005—8. Положи на счёты одну тысячу и пять простыхъ.



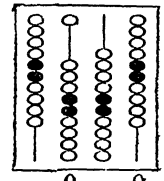
Скидывай изъ пяти простыхъ восемь. Пять скинешь, трёхъ не достанетъ.



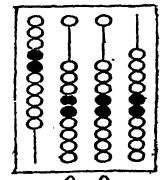
Простыхъ нѣтъ, десятковъ нѣтъ, сотенъ пѣтъ; положи тысячу на десять сотенъ.



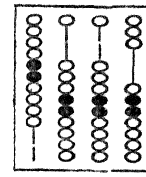
Изъ десяти сотенъ одну положи такъ, чтобы были десятки.



Изъ десяти десятковъ положи одинъ такъ, чтобы были простыя.



Изъ десяти скинь, что̀ не достало,— три простыхъ. Осталось:



1005—8 = 9 9 7

Сложить:

999+1. 3992+8. 998+7. 6000 + 4000.

9800+200. 9950 + 50. 9993 + 7. 100097+1498.

9999 + 30005.

Вычесть:

1000 — 1. 1000 — 999 4000 — 8. 4000 — 3992

1005—998. 1005—7 10000—4000. 10000—6000.

10000 — 50. 10000 — 9950. 10000 — 9993.

10000 — 7. 101595 — 100097. 101595 — 1498.

40004 — 9999. 40004 — 30005.

БЕЗЪ СЧЕТОВЪ СЧИТАТЬ СЛѢВА

Сложить: 565 + 839.

Сочти сколько сотенъ и запиши... 1300, тринадцать сотенъ,

а 5 и 8 сотенъ зачеркни . . . 565 + 839.

Сочти, сколько десятковъ и запиши подъ 13 сотнями 1300
90 девять десятковъ.

а 6 и 3 десятка зачеркни . . . 565 + 839.

Сочти простыя и запиши подъ 9 десятками 1300
90
14 простыхъ.

а 9 и 5 зачеркни . . . . . 565+839.

Сочти, сколько сотенъ, десятковъ и простыхъ . . . . . 13*4.

Десять десятковъ—все равно, что одна сотня; вышло . . . . . 1404.

987 + 654 =	876 + 329 =
1500	1100
130	90
11	15
1641	11*5 1205

Вычесть: 1404 — 565.

1) Скидывай сотни изъ сотенъ. Не достанетъ. Разложи одну тысячу на сотни и запиши такъ. 1404

Изъ 14 сотенъ скинь 5 сотенъ . . . 1404 — 500

Останется 9 сотенъ; запиши. . . . 904

2) Скидывай десятки отъ десятковъ . 904 — 60

Десятковъ нѣтъ. Разложи 9 сотенъ такъ, чтобы были десятки . . . . . 904 — 804

Скинь 6 десятковъ изъ 10, останется 844.

3) Скидывай простыя изъ простыхъ. Не достанетъ. Разложи 4 десятка такъ, чтобы были простыя . . . . . 844 = 834

Скинь 5 простыхъ; останется . . . 839

1404 — 839.

1404 (=1404) − 800 = 604
604 (=504) − 30 = 574
574 (=564) − 9 = 565.

1741 — 987

1641 (=641) − 900 = 741
741 (=641) − 80 = 661
661 (=651) − 7 = 654.

1205 — 876.

1205 (=205) − 800 = 405
405 (=305) − 70 = 335
335 (=325) − 6 = 329.

1205 — 329.

1205 (=205) − 300 = 905
905 (=805) − 20 = 885
885 (=875) − 9 = 876

Сложить:

8248 + 735. 2981 + 19. 8736 + 3574.

Вычесть:

8983 — 8248. 8983 — 735. 3000 — 19. 3000 — 2981.
12310 — 8736. 12310 — 3574.

СЧИТАТЬ СПРАВА

Сложить: 789 + 693

Напиши оба числа одно подъ другимъ, — простыя подъ простыми, десятки подъ десятками, сотни подъ сотнями 789
693

Сочти простыя и подпиши; зачеркни 9 и 3 789
693
12

Сочти десятки и подпиши; зачеркни 8, 9 и 1. 789
693
12
180

Сочти сотни и подпиши; зачеркни 7, 6 и 1. 789
693
12
180
1400

Прочти все, что вышло 1482

Сложить 9873 + 3657.

9873
3657
10
130
1500
13000
13530

Вычесть 1482 — 693.

Напиши оба числа одно подъ другимъ,— простыя подъ простыми, десятки подъ десятками, сотни подъ сотнями.

1482
693

1) Вычитай простыя изъ простыхъ. Простыхъ недостанетъ Переложи восемь десятковъ на семь десятковъ и десять простыхъ.

1472
693

Вычитай 3 изъ 12,—останется 9; напиши 9, и зачеркни простыя.

1472
693
9

2) Вычитай десятки изъ десятковъ. Десятковъ недостанетъ. Переложи 4 сотни на 3 сотни и 10 десятковъ 9 изъ 17 будетъ 8. Напиши 8, и зачеркни десятки.

1372
693
89

3) Вычитай сотни изъ сотенъ. Сотенъ не достанетъ. Разложи тысячу на 10 сотенъ. Будетъ 13 сотенъ. 6 изъ 13 будетъ 7 Напиши 7, и зачеркни сотни. . . . .

372
693
789

1482 — 789.	13530—9873.	13530—3657.
** 37* 1482 789	*** 242* 13530 9873	*** 242* 13530 3657
693	3657	9873

Сложить:

736 + 2453 + 196 + 9 + 38.

Напиши всѣ числа—простыя подъ простыми, десятки подъ десятками, сотни подъ сотнями и тысячи подъ тысячами, и складывай такъ же, какъ два числа.

736
2453
196
9
38
32 простыхъ.
230 десятковъ.
1400 сотенъ.
3000 тысячъ.
3432

Сложить:

7893 + 3657 + 85 + 10 + 11 + 20056
5005 + 5050. 7896 + 3659. 6701 + 8928.

Вычесть:

9009—190. 5689—657. 10101—9876. 8765—3298.
560751 — 98765.

ЗАДАЧИ

I

1) Нынче 1872 годъ. Мнѣ 43 года отъ роду, а дѣдъ старше меня на 48 лѣтъ Въ какомъ году родился дѣдъ?

Дѣдъ старше меня на 48 лѣтъ, а мнѣ 43 года; сколько же дѣду лѣтъ? 43 да 48 будетъ 91. Значитъ онъ 91 годъ тому назадъ родился. Какой былъ годъ 91 годъ тому назадъ? Надо вычесть 91 изъ 1872.

Если мнѣ въ 1872 году 43 года, то значитъ я 43 года тому назадъ родился. Надо вычесть 43 изъ 1872; узнаешь, въ которомъ году я родился,—въ 1829. А когда я родился, дѣду ужъ было 48 лѣтъ. Стало быть онъ родился 48 лѣтъ прежде 1829 года. Надо вычесть 48 изъ 1829.

---

2) Купецъ пріѣхалъ на ярмарку и купилъ сукна на 5687 рублей, да бархату на 6898 рублей, и хотѣлъ ещё купить ситцу на 365 рублей, да недостало у него на ситецъ 58 рублей. Сколько у купца было денегъ?

У купца достало денегъ на сукно—5687 рублей, и на бархатъ — 6898, (сложить)—всего 12585; да на ситецъ достало 365 безъ 58. Вычесть 58 изъ 365,—узнаешь сколько достало на ситецъ; а приложить къ 12585,—узнаешь, сколько всѣхъ было денегъ.

Если бы достало купцу денегъ на всё, то вышло бы всѣхъ денегъ $5687+6898+365$. Сложи всё вмѣстѣ и вычти сколько недостало; узнаешь, сколько всѣхъ было денегъ.

ЗАДАЧИ

II.

1) Отецъ оставилъ въ наслѣдство трёмъ дѣтямъ 59075 рублей: старшему сыну 20000, дочери 13289 р. а другому сыну остальное.

На сколько сестра получила меньше противъ старшаго и противъ младшаго брата?

2) Трёмъ нищимъ дали вмѣстѣ 7 копѣекъ: одному 1 копейку, другому 4, а третьему остальныя.

Насколько первому дали меньше противъ другихъ?

ЗАДАЧИ

III.

1) У двухъ мужиковъ 35 овецъ. У одного на 9 овецъ больше, чѣмъ у другаго. Сколько у каждаго овецъ?

2) У одного мужика 23 овцы, а у другаго на 7 овецъ больше. Сколько у нихъ овецъ вмѣстѣ?

3) У одного мужика 26 овецъ, а у другаго на 5 овецъ меньше. Сколько у нихъ вмѣстѣ овецъ?

5) У двухъ мужиковъ 40 овецъ, а у одного меньше противъ другаго на 6 овецъ. Сколько у каждаго?

5) У двухъ мужиковъ 50 овецъ, а у одного 15. Насколько овецъ у него меньше противъ другаго?

ДЛЯ УЧИТЕЛЯ.

—

КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Заставляя учениковъ разсказывать басни, нужно стараться, чтобы ученики передавали не только самое содержаніе басни, но и тотъ общій выводъ, который по ихъ понятіямъ вытекаетъ изъ нея.

Заставляя разсказывать статьи втораго отдѣла (II, стр. 13—30), нужно стараться, чтобы ученики при описаніяхъ и разсказахъ передавали подробности разсказа или описанія.

(Описанія и разсказы должны служить ученикамъ образцами для сочиненій.)

А при сказкахъ требуйте отъ ученика преимущественно связнаго изложенія хода дѣла.

Въ четвертомъ и пятомъ отдѣлахъ (IV, V, стр. 41—74) болѣе всего обращайте вниманіе ученика на тѣ свѣденія, которыя передаются въ статьяхъ этихъ отдѣловъ.

Большая часть этихъ статей назначена преимущественно для вызова учениковъ на вопросы по различнымъ отраслямъ знанія. Отвѣты зависятъ отъ свѣдѣній и умѣнья учителя.

Въ шестомъ отдѣлѣ (VI, стр. 75) болѣе всего обращайте вниманіе на ударенія, и если ученикъ не можетъ самъ усвоить правильнаго ударенія, то прочтите сами нѣсколько стиховъ.

Общее правило для стиха былинъ состоитъ въ томъ, что удареніе находится на 3-мъ слогѣ и съ конца и съ начала, напр

Илья Мӯромецъ, сынъ Иванович

Во всѣхъ русскихъ статьяхъ второй книги поставлено *ъ* особаго шрифта въ корняхъ словъ, и кромѣ того крупнымъ шрифтомъ обозначены слѣдующія грамматическія формы:

Въ первомъ отдѣлѣ (стр. 1—12) тѣ падежи единственнаго числа существительныхъ, въ которыхъ употребляется буква *ъ*.

Заставляйте ученика составлять изреченія, въ которыхъ бы были существительныя въ предложномъ и дательномъ падежахъ съ окончаніями на *ъ*. Или предлагайте ему изреченія въ другихъ падежахъ, а его заставляйте передѣлывать такъ, чтобы были употреблены дательный или предложный; напримѣръ: *Я держу палку рукой. Умена палка въ*..... и т. п

Во второмъ отдѣлѣ (стр. 13—30) поставлено крупное *ъ* въ окончаніяхъ мѣстоименій, и въ числительныхъ *одинъ*, *двѣ*. Заставляйте ученика составлять изреченія съ мѣстоименіями, имѣющими *ъ* въ окончаніяхъ падежей.

Въ третьемъ отдѣлѣ (стр. 31—40) обозначено *ъ* въ окончаніяхъ глаголовъ. Заставляйте ученика находить неокончательное наклоненіе такихъ глаголовъ и называть ихъ въ разныхъ формахъ, имѣющихъ *ъ*; напр. *хотѣть*, онъ *хотѣлъ*, *хотѣвшій*

Въ четвертомъ отдѣлѣ (стр. 41—60) обозначено *ъ* въ сравнительныхъ и превосходныхъ степеняхъ нарѣчій и прилагательныхъ. Заставляйте ученика составлять изреченія, въ которыхъ была бы сравнительная и превосходная степень

Въ пятомъ отдѣлѣ (стр. 61—74) всѣ упражненія на букву *ъ* соединены вмѣстѣ. Спрашивайте ученика, почему

въ такомъ и такомъ мѣстѣ поставлено *крупнымъ* шрифтомъ.

Къ стихамъ и къ славянскому относится тоже, что сказано въ первой книгѣ.

КЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ. О СЧЕТѢ.

Вычитаніе и сложеніе заставляйте дѣлать на счетахъ, записывая то, что выходитъ, на разграфленной бумагѣ.

Безъ счетовъ заставляйте ученика первое время писать на разграфленной бумагѣ по разрядамъ чиселъ.

Пройдите всѣ упражненія болѣе или менѣе подробно, смотря по способности ученика, но всегда заставляйте дѣлать одновременно сложеніе и вычитаніе изъ суммы слагаемыхъ.

На сложеніи съ большихъ разрядовъ и безъ подписыванія слагаемыхъ чиселъ одного подъ другимъ упражняйте ученика какъ можно дольше. Оно яснѣе и полезнѣе для ученика, чѣмъ сложеніе съ меньшихъ разрядовъ: естественнѣе прежде узнать сколько тысячъ, а потомъ сколько единицъ.

Пройдя сложеніе цифрами обратите вниманіе ученика на значеніе * и на возможность съ помощію этого знака цифрами такъ же, какъ счетами, различно изображать числа, имѣющія нули.

Вычитаніе не-механическое есть одно изъ самыхъ трудныхъ ариѳметическихъ дѣйствій, и для того, чтобы дальнѣйшіе успѣхи были легки, не торопитесь вычитаніемъ и не жалѣйте мѣлу или карандаша, а заставляйте по нѣскольку разъ переписывать то число, изъ котораго вычитается,—какъ показано въ упражненіяхъ.

Обратите вниманіе ученика на то, что, вычитая многоразрядное число, онъ всякій разъ разбиваетъ его на разряды, и вычитаетъ отдѣльно сотни, десятки и единицы.

Вычитаніе точно также естественнѣе съ большихъ разрядовъ, и потому долѣе упражняйте въ немъ ученика.

Не говорите правила о числѣ въ умѣ, приписываемомъ въ сложеніи; а главное, не говорите правила о заниманіи, и о томъ, что нуль, черезъ который перескочили, становится 9-ю. Ученикъ самъ пускай выведетъ эти правила.

Объясненіе задачъ возможно тремя способами:

1) Разъясненіе самой задачи, какъ въ задачахъ № I.

2) Составленіе точно такой же задачи съ самыми малыми числами, такъ чтобы ученикъ тотчасъ же въ умѣ дѣлалъ ее,—какъ въ задачахъ № II.

3) Перестановка неизвѣстнаго въ той же задачѣ, какъ въ задачахъ № III. Полезно заставлять ученика дѣлать тоже самое хотя съ самыми легкими задачами.

Составляйте сами такого рода задачи и задавайте ученику.

ОПЕЧАТКИ

Стран.	Строк.	Напеч.	Читай.
1	3 сн.	засѣмялся	засмѣялся.
19	10 сн.	окрытъ	открытъ.
20	6 св.	Дужокъ	Дружокъ.
25	5 св.	живчикъ	Живчикъ.
37	5 св.	Уралскими	Уральскими.
58	8 сн.	они	онѣ.
59	9 св.	полобу	палубу.
68	9 сн.	*зявязь*	*завязь*.

АЗБУКА

ГРАФА Л. Н. ТОЛСТАГО

КНИГА III.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Тип Замысловскаго, Больш. Мѣщан., д № 33
1872.

ОГЛАВЛЕНІЕ III-ЕЙ КНИГИ.

Часть первая.

		Стран.
I.	Лисица (*Езопъ*)	1
	Дикій и ручной оселъ (*Езопъ*)	1
	Олень (*Езопъ*)	2
	Собака и волкъ (*Езопъ*)	2
II.	Слѣпой и молоко (*индѣйская басня*)	2
	Волкъ и лукъ (*индѣйск.*)	3
	Комаръ и левъ (*Езопъ*)	
III	Лошадь и хозяева (*Езопъ*)	4
	Старикъ и смерть (*Езопъ*)	5
	Левъ и лисица (*Езопъ*)	5
IV.	Олень и виноградникъ (*Езопъ*)	6
	Топоръ и пила	6
	Котъ и мыши (*Езопъ*)	7
	Перепелка и перепелята	7
	Птицы въ сѣти (*индѣйск.*)	7
	Собака и поваръ	8
V.	Волкъ и коза (*Езопъ*)	8
	Царь и соколъ (*индѣйск.*)	9
	Галченокъ (*арабск.*)	10
VI	Царскій сынъ и его товарищи (*турецк.*)	10
	Праведный судья (*восточн. сказка*)	14
	Какъ мужикъ гусей дѣлилъ	18
	Строгое наказаніе (*арабск.*)	19
	Царскіе братья (*Гебель*)	20

Стран.
VII. Какъ я выучился ѣздить верхомъ 21
Солдаткино житье 24
VIII. Булька 30
Булька и кабанъ 32
Фазяны 34
Мильтонъ и Булька 36
Черепаха 37
Булька и волкъ 39
Что случилось съ Булькой въ Пятигорскѣ 41
Конецъ Бульки и Мильтона 44
Русакъ 46
IX. Основаніе Рима (*Плутархъ*) 47
Какъ гуси Римъ спасли (*Плутархъ*) 50
Поликратъ Самосскій (*Геродотъ*) 51
Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ. . . . 53
X. Яблони 64
Клопы 65
Заяцъ и гончая собака. 66
Зайцы и волки 67
Чутье. 68
Отъ чего въ морозы трещатъ деревья 70
Сырость, I. 71
Сырость, II. 71
Разная связь частицъ 72
Ледъ, вода и паръ. 73
Кристаллы 76
XI. Вольга богатырь 80

Часть вторая.

Несторова лѣтопись.

Походы Игоря на Грековъ. 87
Смерть Игоря 91
Месть Ольги за Игоря. 92

Стран.
Крещеніе Ольги 101
Святославъ 103
Смерть Ольги 105
Походъ Святослава на Грековъ 106
Смерть Святослава 111

Изъ четьи минеи.

Чудо Симеона Столпника съ разбойникомъ (*Макарьев.*) 112

Книга Бытія.

Глава VI. 116
Глава VII. 118
Глава VIII. 122
Глава IX. 126

Евангеліе отъ Матѳея.

Глава XIII. 130
Глава XVIII. 133
Псаломъ LXXXIX. 137

Часть третья. Счетъ.

Умноженіе и дѣленіе. **140**

Задачи, I. 171
Задачи, II. 173
Задачи, III. 174
Задачи, IV. 175
Задачи, V. 176

Для учителя.

Къ первой части 179
Къ третьей части. О счетѣ. 180
Опечатки 186

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

ЛИСИЦА.

Попалась лисица въ капканъ, оторвала хвостъ и ушла. И стала она придумывать, какъ бы ей свой стыдъ прикрыть. Созвала она лисицъ и стала ихъ уговаривать, чтобы отрубили хвосты. — «Хвостъ», говоритъ, «совсѣмъ не кстати, только напрасно лишнюю тягость за собой таскаемъ.» — Одна лисица и говоритъ: — «Охъ, не говорила бы ты этого, кабы не была куцая.»

Куцая лисица смолчала и ушла.

ДИКІЙ И РУЧНОЙ ОСЕЛЪ.

Дикій осёлъ увидалъ — ручнаго осла, подошёлъ къ нему и сталъ хвалить его жизнь: какъ и тѣломъ-то онъ гладокъ и какой ему кормъ сладкій. Потомъ, какъ навьючили ручного осла, до какъ сзади сталъ погоньщикъ подгонять его дубиной, дикій осёлъ и говоритъ: «нѣтъ, братъ, теперь не завидую; вижу, что твоё житьё тебѣ сокомъ достаётся.»

ОЛЕНЬ.

Олень подошёлъ къ рѣчкѣ напиться, увидалъ себя въ водѣ и сталъ радоваться на свои рога, что они велики и развилисты, а на ноги посмотрѣлъ и говоритъ: «только ноги мои плохи и жидки.» Вдругъ выскочи левъ и бросься на оленя. Олень пустился скакать по чистому полю. Онъ уходилъ, а какъ пришёлъ лѣсъ, запутался рогами за сучья, и левъ схватилъ его. Какъ пришло погибать оленю, онъ и говоритъ: «то-то глупый я! Про кого думалъ, что плохи и жидки, тѣ спасали, а на кого радовался, отъ тѣхъ пропалъ.»

СОБАКА И ВОЛКЪ.

Собака заснула за дворомъ. Голодный волкъ набѣжалъ и хотѣлъ съѣсть её. Собака и говоритъ: «Волкъ! подожди меня ѣсть,—теперь я костлява, худа. А вотъ дай срокъ, хозяева будутъ свадьбу играть; тогда мнѣ ѣды будетъ вволю, я разжирѣю,—лучше тогда меня съѣсть». Волкъ повѣрилъ и ушёлъ. Вотъ приходитъ онъ въ другой разъ и видитъ—собака лежитъ на крышѣ. Волкъ и говоритъ: «чтожъ,—была сватьба?» А собака говоритъ: «вотъ что, волкъ: коли другой разъ застанешь меня сонную передъ дворомъ, не дожидайся больше сватьбы.»

II.

СЛѢПОЙ И МОЛОКО.

Одинъ слѣпой отъ роду спросилъ зрячаго:
Какого цвѣта молоко?

Зрячій сказалъ: «цвѣтъ молока такой, какъ бумага бѣлая.»

Слѣпой спросилъ: «а что, этотъ цвѣтъ такъже шуршитъ подъ руками, какъ бумага?»

Зрячій сказалъ: «нѣтъ, онъ бѣлый, какъ мука бѣлая.»

Слѣпой спросилъ: «а что, онъ такой-же мягкій и сыпучій, какъ мука?»

Зрячій сказалъ: «нѣтъ, онъ просто бѣлый, какъ заяцъ бѣлякъ.»

Слѣпой спросилъ: «что-же, онъ пушистый и мягкій, какъ заяцъ?»

Зрячій сказалъ: «нѣтъ, бѣлый цвѣтъ такой точно какъ снѣгъ.»

Слѣпой спросилъ: «что-же, онъ холодный, какъ снѣгъ?»

И сколько примѣровъ зрячій ни говорилъ, слѣпой не могъ понять—какой бываетъ бѣлый цвѣтъ молока.

ВОЛКЪ И ЛУКЪ.

Охотникъ съ лукомъ и стрѣлами пошёлъ на охоту, убилъ козу, взвалилъ на плечи и понёсъ её. По дорогѣ увидалъ онъ кабана. Охотникъ сбросилъ козу, выстрѣлилъ въ кабана и ранилъ его. Кабанъ бросился на охотника, споролъ его до смерти, да и самъ тутъже издохъ. Волкъ почуялъ кровь и пришёлъ къ тому мѣсту, гдѣ лежали коза, кабанъ, человѣкъ и его лукъ. Волкъ обрадовался и подумалъ: «Теперь я буду долго сытъ; только и не стану ѣсть всего вдругъ, а буду ѣсть понемногу, чтобы ничего не пропало: сперва съѣмъ, что пожёстче, а потомъ закушу тѣмъ, что помягче и послаще.

Волкъ понюхалъ козу, кабана и человѣка и сказалъ: «это кушанье мягкое, я съѣмъ это послѣ; а прежде дай съѣмъ эти жилы на лукѣ.» И онъ сталъ грызть жилы на лукѣ. Когда онъ перекусилъ тетиву, лукъ разскочился и ударилъ волка по брюху. Волкъ тутъ-же издохъ, а другіе волки съѣли и человѣка, и козу, и кабана, и волка.

КОМАРЪ И ЛЕВЪ.

Комаръ прилетѣлъ ко льву и говоритъ: «ты думаешь, въ тебѣ силы больше моего? Какъ-бы не такъ! Какая въ тебѣ сила? Что царапаешь ногтями и грызёшь зубами;—это и бабы такъ-то съ мужиками дерутся. Я сильнѣе тебя: хочешь, выходи на войну!» И комаръ затрубилъ и сталъ кусать льва въ голыя щёки и въ носъ. Левъ сталъ бить себя по лицу лапами и и драть когтями; изодралъ себѣ въ кровь всё лицо и изъ силъ выбился.

Комаръ затрубилъ съ радости и улетѣлъ. Потомъ запутался въ паутину къ пауку, и сталъ паукъ его сосать. Комаръ и говоритъ: «сильнаго звѣря, льва, одолѣлъ, а вотъ отъ дряннаго паука погибаю.»

III.

ЛОШАДЬ И ХОЗЯЕВА.

У садовника была лошадь. Работы ей было много, а корму мало. И стала она молить Бога, чтобы ей перейти къ другому хозяину. Такъ и сдѣлалось. Садовникъ продалъ лошадь горшечнику. Лошадь была

рада, но у горшечника ещё больше прежняго стало работы. И опять стала лошадь на судьбу свою жаловаться и молиться, чтобы перейти ей къ лучшему хозяину. И то исполнилось. Горшечникъ продалъ лошадь кожевнику. Вотъ какъ увидала лошадь на кожевенномъ дворѣ конины шкуры, она и завыла: «охъ горе мнѣ бѣдной! лучшебъ у прежнихъ хозяевъ оставаться: теперь ужъ, видно, не на работу продали меня, а на шкуру».

СТАРИКЪ И СМЕРТЬ.

Старикъ разъ нарубилъ дровъ и понёсъ. Нести было далеко; онъ измучился, сложилъ вязанку и говоритъ: «эхъ, хоть-бы смерть пришла!»—Смерть пришла и говоритъ: «вотъ я, чего тебѣ надо?»—Старикъ испугался и говоритъ: «мнѣ вязанку поднять».

ЛЕВЪ И ЛИСИЦА.

Левъ отъ старости не могъ уже ловить звѣрей и задумалъ хитростію - жить: зашёлъ онъ въ пещеру, лёгъ и притворился больнымъ. Стали ходить звѣри его провѣдывать, и онъ съѣдалъ тѣхъ, которые входили къ нему въ пещеру. Лисица смекнула дѣло, стала у входа въ пещеру и говоритъ: «что левъ, какъ можешь?»

Левъ говоритъ: «плохо,—да ты отчегожь не входишь?»

А лисица говоритъ: «оттого не вхожу, что по слѣдамъ вижу—входовъ много, а выходовъ нѣтъ».

IV.

ОЛЕНЬ И ВИНОГРАДНИКЪ.

Олень спрятался отъ охотниковъ въ виноградникъ. Когда охотники проминовали его, олень сталъ объѣдать виноградные листья.

Охотники примѣтили, что листья шевелятся, и думаютъ: «не звѣрь ли тутъ подъ листьями?»—выстрѣлили и ранили оленя.

Олень и говоритъ умираючи: «подѣломъ мнѣ за то, что я хотѣлъ съѣсть листья тѣ самые, какіе спасли меня».

ТОПОРЪ И ПИЛА.

Пошли два мужика въ лѣсъ за деревомъ. У одного былъ топоръ, а у другаго пила. Вотъ они выбрали дерево и стали спорить. Одинъ говоритъ—надо дерево срубить, а другой говоритъ—надо спилить.

Третій мужикъ и говоритъ: «я сейчасъ помирю васъ; если топоръ востёръ, то лучше рубить, а если пила ещё вострѣе, то лучше пилить». Онъ взялъ топоръ и сталъ рубить дерево. Но топоръ былъ такъ тупъ, что имъ нельзя было рубить.

Онъ взялъ пилу; пила была плохая и совсѣмъ не рѣзала. Тогда онъ сказалъ: «вы подождите спорить; топоръ не рубитъ, а пила не рѣжетъ. Вы прежде отточите топоръ да поправьте пилу, а потомъ ужь спорьте». Но тѣ мужики еще пуще разсердились другъ на друга за то, что у одного былъ неточеный топоръ, а у другаго пила тупая; и они стали драться.

КОТЪ И МЫШИ.

Завелось въ одномъ домѣ много мышей. Котъ забрался въ этотъ домъ и сталъ ловить мышей. Увидали мыши, что дѣло плохо, и говорятъ: «давайте, мыши, не будемъ больше сходить съ потолка, а сюда къ намъ коту не добраться!» Какъ перестали мыши сходить внизъ, котъ и задумалъ, какъ-бы ихъ перехитрить. Уцѣпился онъ одной лапкой за потолокъ, свѣсился и притворился мёртвымъ. Одна мышь выглянула на него, да и говоритъ: «Нѣтъ, братъ! хошь мѣшкомъ сдѣлайся, и то не подойду.»

ПЕРЕПЕЛКА И ПЕРЕПЕЛЯТА.

Мужики косили луга, а въ лугу подъ кочкой было перепелиное гнѣздо.

Перепёлка съ кормомъ прилетѣла къ гнѣзду и увидала, что кругомъ всё обкошено. Она и говоритъ перепелятамъ: «ну дѣти,—бѣда пришла! Теперь молчите и не шевилитесь, а то пропадёте; вечеромъ переведу васъ.» А перепелята радовались, что въ лугу свѣтлѣе стало, и говорили: «мать—старая, оттого и не хочетъ, чтобы мы веселились»; и стали пищать и свистать.

Ребята принесли мужикамъ на покосъ обѣдать, услыхали перепелятъ и порвали имъ головы.

ПТИЦЫ ВЪ СѢТИ.

Охотникъ поставилъ у озера сѣти и накрылъ много птицъ. Птицы были большія, подняли сѣть и улетѣли

съ ней. Охотникъ побѣжалъ за птицами. Мужикъ увидалъ, что охотникъ бѣжитъ, и говоритъ: «и куда бѣжишь? Развѣ пѣшкомъ можно догнать птицу?» Охотникъ сказалъ: «Кабы одна была птица, я бы не догналъ, а теперь догоню».

Такъ и сдѣлалось. Какъ пришёлъ вечеръ, птицы потянули на ночлегъ каждая въ свою сторону: одна къ лѣсу, другая къ болоту, третья въ поле; и всѣ съ сѣтью упали на землю и охотникъ взялъ ихъ.

СОБАКА И ПОВАРЪ.

Поваръ готовилъ обѣдъ; собаки лежали у дверей кухни. Поваръ убилъ телёнка и бросилъ кишки на дворъ. Собаки подхватили, поѣли и говорятъ: «поваръ хорошій: хорошо стряпаетъ».

Немного погодя, поваръ сталъ чистить горохъ, рѣпу и лукъ, и выбросилъ обрѣзки. Собаки кинулись, отвернули носы и говорятъ: «испортился нашъ поваръ: прежде хорошо готовилъ, а теперь никуда не годится».

Но поваръ не слушался собакъ, а стряпалъ обѣдъ по своему. Обѣдъ съѣли и похвалили хозяева, а не собаки.

V.

ВОЛКЪ И КОЗА.

Волкъ видитъ—коза пасётся на каменной горѣ, и нельзя ему къ ней подобраться; онъ ей и говоритъ: «пошла бы ты внизъ: тутъ и мѣсто поровнѣе и трава тебѣ для корма много слаще».

А коза говоритъ: «не затѣмъ ты, волкъ, меня внизъ зовёшь: ты не объ моёмъ, а о своёмъ кормѣ хлопочешь.»

ЦАРЬ И СОКОЛЪ.

Одинъ царь на охотѣ пустилъ за зайцемъ любимаго сокола и поскакалъ.

Соколъ поймалъ зайца. Царь отнялъ зайца и сталъ искать воды, гдѣ бы напиться. Въ бугрѣ царь нашёлъ воду. Только она по каплѣ капала. Вотъ царь досталъ чашу съ сѣдла и подставилъ подъ воду. Вода текла по каплѣ, и когда чаша набралась полная, царь поднялъ её ко рту и хотѣлъ пить. Вдругъ соколъ встрепенулся на рукѣ у царя, забилъ крыльями и выплеснулъ воду. Царь опять подставилъ чашу. Онъ долго ждалъ, пока она наберётся вровень съ краями, и опять, когда онъ сталъ подносить её ко рту, соколъ затрепыхался и разлилъ воду.

Когда въ третій разъ царь набралъ полную чашу и сталъ подносить её къ губамъ, соколъ опять разлилъ её. Царь разсердился и, со всего размаха ударивъ сокола объ камень, убилъ его. Тутъ подъѣхали царскіе слуги, и одинъ изъ нихъ побѣжалъ вверхъ къ роднику, чтобы найти побольше воды и скорѣе набрать полную чашу. Только и слуга не принёсъ воды; онъ вернулся съ пустой чашкой и сказалъ: «ту воду нельзя пить; въ родникѣ змѣя и она выпустула свой ядъ въ воду. Хорошо, что соколъ разлилъ воду. Еслибы ты выпилъ этой воды, ты бы умеръ».

Царь сказалъ: «дурно же я отплатилъ соколу—онъ спасъ мнѣ жизнь, а я убилъ его».

ГАЛЧЁНОКЪ.

Пустынникъ увидалъ разъ въ лѣсу сокола. Соколъ принёсъ въ гнѣздо кусокъ мяса, разорвалъ мясо на маленькіе куски и сталъ кормить галчёнка.

Пустынникъ удивился, какъ такъ соколъ кормитъ галчёнка, и подумалъ: «галчёнокъ, и тотъ у Бога не пропадётъ: и научилъ же Богъ этого сокола кормить чужаго сироту. Видно Богъ всѣхъ тварей кормитъ, а мы всё о себѣ думаемъ. Перестану я о себѣ заботиться, не буду себѣ припасать пищи. Богъ всѣхъ тварей не оставляетъ, и меня не оставитъ».

Такъ и сдѣлалъ: сѣлъ въ лѣсу и не вставалъ съ мѣста, а только молился Богу. Три дня и три ночи онъ пробылъ безъ питья и ѣды. На третій день пустынникъ такъ ослабѣлъ, что ужъ не могъ поднять руки. Отъ слабости онъ заснулъ. И приснился ему старецъ. Старецъ будто подошёлъ къ нему и говоритъ: «ты зачѣмъ себѣ пищи не припасаешь? Ты думаешь Богу угодить, а ты грѣшишь. Богъ такъ міръ устроилъ, чтобъ каждая тварь добывала себѣ нужное. Богъ велѣлъ соколу кормить галчёнка потому, что галчёнокъ пропалъ бы безъ сокола; а ты можешь самъ работать. Ты хочешь испытывать Бога, а это грѣхъ. Проснись и работай по прежнему». Пустынникъ проснулся и сталъ жить по прежнему.

VI.

ЦАРСКІЙ СЫНЪ И ЕГО ТОВАРИЩИ.

У Царя было два сына. Царь любилъ старшаго и отдалъ ему всё царство. Мать жалѣла меньшаго сы-

на и спорила съ Царёмъ. Царь на неё за то сердился, и каждый день была у нихъ изъ за этого ссора. Меньшій Царевичъ и подумалъ «лучше мнѣ уйти куда-нибудь»,—простился съ отцомъ и матерью, одѣлся въ простое платье и пошёлъ странствовать.

На пути сошёлся онъ съ купцомъ. Купецъ разсказалъ Царевичу, что былъ онъ прежде богатъ, но что всѣ его товары потонули въ морѣ, и что онъ идётъ теперь въ чужіе края поискать счастья.

Они пошли вмѣстѣ. На третій день сошелся съ ними ещё товарищъ. Они разговорились и новый товарищъ разсказалъ, что онъ мужикъ; былъ у него домъ и земля, но что была война, поля его стоптали и дворъ его сожгли; не при чёмъ ему стало жить, и что идётъ онъ теперь искать работы на чужую сторону.

Они пошли всѣ вмѣстѣ. Подошли они къ большому городу, и сѣли отдохнуть. Вотъ мужикъ и говоритъ: «ну, братцы, будетъ намъ гулять, теперь мы пришли къ городу, надо намъ за работу приниматься, кто какую умѣетъ.

Купецъ говоритъ. «я умѣю торговать. Если бы у меня было хоть немного денегъ, я бы много наторговалъ.» А Царевичъ говоритъ — «а я не умѣю ни работать, ни торговать; я только умѣю царствовать. Еслибъ было у меня царство, я бы хорошо царствовалъ.»—А мужикъ говоритъ —«а мнѣ ни денегъ, ни царства не нужно; у меня только бы ноги ходили, да руки ворочали,—я проживу и васъ ещё прокормлю. А то вы, пока кто денегъ, а кто царства дожидаетесь, съ голоду помрёте.» А Царевичъ говоритъ:

«Купцу деньги нужны, мнѣ царство нужно, тебѣ сила нужна, чтобъ работать; а и деньги, и царство, и сила намъ отъ Бога. Захочетъ Богъ, и мнѣ царство дастъ, и тебѣ силу; а не захочетъ ни тебѣ силы, ни мнѣ царства не дастъ.»

Мужикъ не сталъ слушать, а пошёлъ въ городъ. Въ городѣ онъ нанялся таскать дрова. Ввечеру ему заплатили деньги. Онъ ихъ принёсъ товарищамъ и говоритъ: «Вы покуда собираетесь царствовать, а я ужь заработалъ.»

На другой день купецъ выпросилъ денегъ у мужика и пошёлъ въ городъ.

На торгу купецъ узналъ, что въ городѣ мало масла и каждый день ждутъ новаго привоза. Купецъ пошёлъ на пристань и сталъ высматривать корабли. При немъ пришёлъ корабль съ масломъ. Купецъ прежде всѣхъ вошёлъ на корабль, отыскалъ хозяина, купилъ всё масло и далъ задатокъ. Потомъ купецъ побѣжалъ въ городъ; перепродалъ масло и за свои хлопоты заработалъ дѣнегъ въ 10 разъ больше противъ мужика и принёсъ товарищамъ.

Царевичъ и говоритъ: «Ну, теперь мой черёдъ идти въ городъ. Вамъ обоимъ посчастливилось, можетъ и мнѣ тоже будетъ. Для Бога ничего не трудно,—что тебѣ мужику дать работу, что купцу барыши, что Царевичу царство».

Входитъ Царевичъ въ городъ, видитъ онъ,—народъ ходитъ по улицамъ и плачетъ. Царевичъ сталъ спрашивать, о чёмъ плачутъ. Ему говорятъ: «развѣ не знаешь, нынче въ ночь нашъ царь умеръ, и другаго царя намъ такого не найти?» — «Отчего же онъ

умеръ»?—«Да должно быть злодѣи наши отравили». Царевичъ разсмѣялся и говоритъ: «Это не можетъ быть».

Вдругъ одинъ человѣкъ присмотрѣлся къ Царевичу, примѣтилъ, что онъ говоритъ нечисто по ихнему и одѣтъ не такъ, какъ всѣ въ городѣ, и крикнулъ:

— «Ребята! этотъ человѣкъ подосланъ къ намъ отъ нашихъ злодѣевъ разузнавать про нашъ городъ. Можетъ онъ самый отравилъ Царя. Видите, онъ и говоритъ не по нашему и смѣется, когда мы всѣ плачемъ. Хватайте его, ведите въ тюрьму!»

Царевича схватили, отвели въ тюрьму и два дня не давали ему пищи. На третій день пришли за Царевичемъ и повели его на судъ. Народа собралось много слушать, какъ будутъ судить Царевича.

На судѣ Царевича спросили, кто онъ и зачѣмъ пришёлъ въ ихъ городъ? Царевичъ сказалъ:—«Я царскій сынъ. Мой отецъ отдалъ всё царство старшему брату, а мать за меня заступалась и изъ за меня отецъ съ матерью ссорились. Я этого не захотѣлъ; простился съ отцомъ и матерью и ушёлъ странствовать. По дорогѣ встрѣтилъ я двухъ товарищей: купца и мужика и съ ними подошёлъ къ вашему городу. Когда мы сидѣли отдыхали за городомъ, мужикъ сказалъ, что надо теперь работать, кто что умѣетъ; купецъ сказалъ, что онъ умѣетъ торговать, но что у него денегъ нѣтъ; а я сказалъ, что я умѣю только царствовать, да у меня царства нѣтъ. Мужикъ сказалъ, что мы съ голоду помрёмъ, дожидаючи денегъ да царства, а что у него есть сила въ рукахъ, и что онъ и себя, и насъ прокормитъ. И онъ пошёлъ въ городъ, заработалъ деньги и принёсъ намъ. Купецъ на

эти деньги пошёлъ и наторговалъ вдесятеро; а я пошёлъ въ городъ нынче, и вотъ меня взяли и понапрасну посадили въ тюрьму и два дня не давали ѣсть, и теперь хотятъ казнить. Да я этого ничего не боюсь, потому что знаю, что всё отъ Бога, и захочетъ Богъ, такъ вы меня казните понапрасну, а захочетъ, такъ вы меня царёмъ сдѣлаете.»

Когда онъ всё это сказалъ, судья замолчалъ и не зналъ, что говорить. Вдругъ одинъ человѣкъ изъ народа закричалъ:

— «Намъ Богъ послалъ этого Царевича. Мы не найдёмъ себѣ лучше царя! Выбирайте его въ цари!»

И всѣ выбрали его царёмъ.

Когда его выбрали царёмъ, Царевичъ послалъ за городъ привести къ себѣ своихъ товарищей. Когда имъ сказали, что ихъ требуетъ Царь—они испугались: думали, что они сдѣлали какую нибудь вину въ городѣ. Но имъ нельзя было убѣжать и ихъ привели къ Царю. Они упали ему въ ноги, но Царь велѣлъ встать. Тогда они узнали своего товарища. Царь разсказалъ имъ всё, что съ нимъ было, и сказалъ имъ:—«Видите ли вы, что моя правда? Худое и доброе—всё отъ Бога. И Богу не труднѣе дать царство Царевичу, чѣмъ купцу барышъ, а мужику работу.»

Онъ наградилъ ихъ и оставилъ жить въ своёмъ Царствѣ.

ПРАВЕДНЫЙ СУДЬЯ.

Одинъ Алжирскій царь Бауакасъ захотѣлъ самъ узнать,—правду-ли ему говорили, что въ одномъ изъ

его городовъ есть праведный судья, что онъ сразу узнаётъ правду и что отъ него ни одинъ плутъ неможетъ укрыться. Бауакасъ переодѣлся въ купца и поѣхалъ верхомъ на лошади въ тотъ городъ, гдѣ жилъ судья. У въѣзда въ городъ къ Бауакасу подошёлъ калѣка и сталъ просить милостыню. Бауакасъ подалъ ему и хотѣлъ ѣхать дальше, но калѣка уцѣпился ему за платье. «Что тебѣ нужно?» спросилъ Бауакасъ; «развѣ я не далъ тебѣ милостыни?»—«Милостыню ты далъ», сказалъ калѣка, «но ещё сдѣлай милость, довези меня на твоей лошади до площади, а то лошади и верблюды какъ-бы не раздавили меня». Бауакасъ посадилъ калѣку сзади себя, и довёзъ его до площади. На площади Бауакасъ остановилъ лошадь. Но нищій не слѣзалъ. Бауакасъ сказалъ: «что-жь сидишь, слѣзай, мы пріѣхали!» А нищій сказалъ: «зачѣмъ слѣзать,—лошадь моя; а не хочешь добромъ отдать лошадь, пойдёмъ къ судьѣ.» Народъ собрался вокругъ нихъ и слушалъ, какъ они спорили; всѣ закричали: «ступайте къ судьѣ, онъ васъ разсудитъ.»

Бауакасъ съ калѣкой пошли къ судьѣ. Въ судѣ былъ народъ и судья вызывалъ по очереди тѣхъ, кого судилъ. Прежде чѣмъ черёдъ дошёлъ до Бауакаса, судья вызвалъ учёнаго и мужика: они судились за жену. Мужикъ говорилъ, что это его жена, а учёный говорилъ, что его жена. Судья выслушалъ ихъ, помолчалъ и сказалъ: «Оставьте женщину у меня, а сами приходите завтра»

Когда эти ушли, вошли мясникъ и масленникъ. Мясникъ былъ весь въ крови, а масленникъ въ маслѣ. Мясникъ держалъ въ рукѣ деньги, масленникъ руку

мясника. Мясникъ сказалъ: «Я купилъ у этого человѣка масло и вынулъ кошелёкъ, чтобы расплатиться: а онъ схватилъ меня за руку и хотѣлъ отнять деньги. Такъ мы и пришли къ тебѣ,—я держу въ рукѣ кошелёкъ, а онъ держитъ меня за руку. Но деньги мои, а онъ—воръ».

А масленникъ сказалъ: «Это неправда. Мясникъ пришёлъ ко мнѣ покупать масло. Когда я налилъ ему полный кувшинъ, онъ просилъ меня размѣнять ему золотой. Я досталъ деньги и положилъ ихъ на лавку, а онъ взялъ ихъ и хотѣлъ бѣжать. Я поймалъ его за руку и привёлъ сюда» Судья помолчалъ и сказалъ: «оставьте деньги здѣсь и приходите завтра.»

Когда очередь дошла до Бауакаса и до калѣки, Бауакасъ разсказалъ какъ было дѣло. Судья выслушалъ его и спросилъ нищаго. Нищій сказалъ: «это всё неправда. Я ѣхалъ верхомъ черезъ городъ, а онъ сидѣлъ на землѣ и просилъ меня подвезти его. Я посадилъ его на лошадь и довёзъ, куда ему нужно было; но онъ не хотѣлъ слѣзать и сказалъ, что лошадь его. Это неправда»

Судья подумалъ и сказалъ: «оставьте лошадь у меня и приходите завтра.»

На другой день собралось много народу слушать, какъ разсудитъ судья?

Первые подошли учёный и мужикъ.

«Возьми свою жену», сказалъ судья учёному, «а мужику дать 50 палокъ». Учёный взялъ свою жену, а мужика тутъ же наказали.

Потомъ судья вызвалъ мясника.

«Деньги твои», сказалъ онъ мяснику; потомъ онъ

указалъ на масленника и сказалъ: «а ему дать 50 палокъ.»

Тогда позвали Бауакаса и калѣку. «Узнаешь-ты свою лошадь изъ двадцати другихъ?» спросилъ судья Бауакаса.

— «Узнаю.»

— «А ты?»

— «И я узнаю», сказалъ калѣка.

— «Иди за мною», сказалъ судья Бауакасу.

Они вошли въ конюшню. Бауакасъ сейчасъ-же промежь другихъ двадцати лошадей показалъ на свою. Потомъ судья вызвалъ калѣку въ конюшню и тоже велѣлъ ему указать на лошадь. Калѣка призналъ лошадь и показалъ её. Тогда судья сѣлъ на свое мѣсто и сказалъ Бауакасу:

— «Лошадь твоя; возьми её. А калѣкѣ дать 50 палокъ».

Послѣ суда, судья пошёлъ домой; а Бауакасъ пошёлъ за нимъ.

«Что-же ты, или не доволенъ моимъ рѣшеніемъ?» спросилъ судья.

«Нѣтъ, я доволенъ,» сказалъ Бауакасъ. «Только хотѣлось-бы мнѣ знать—почёмъ ты узналъ, что жена была учёнаго, а не мужика, что деньги были мясниковы, а не масленниковы, и что лошадь была моя, а не нищаго?»

«Про женщину я узналъ вотъ какъ: позвалъ её утромъ къ себѣ и сказалъ ей: налей чернила въ мою чернильницу. Она взяла чернильницу, вымыла её скоро и ловко и налила чернила. Стало быть она привыкла это дѣлать. Будь она жена мужика, она не

съумѣла-бы это сдѣлать. Выходитъ, что учёный былъ правъ. Про деньги я узналъ вотъ какъ: положилъ я деньги въ чашку съ водой и сегодня утромъ посмотрѣлъ— всплыло-ли на водѣ масло. Если-бы деньги были масленниковы, то онѣ были бы запачканы его масляными руками. На водѣ масла не было, стало быть мясникъ говоритъ правду.»

«Про лошадь узнать было труднѣе. Калѣка такъже, какъ и ты, изъ двадцати лошадей сейчасъ указалъ на лошадь. Да я не для того приводилъ васъ обоихъ въ конюшню, чтобы видѣть, узнаете-ли вы лошадь, а для того, чтобы видѣть — кого изъ васъ двоихъ узнаетъ лошадь. Когда ты подошёлъ къ ней, она обернула голову, потянулась къ тебѣ; а когда калѣка тронулъ её, она прижала уши и подняла ногу. Поэтому я узналъ, что ты настоящій хозяинъ лошади.

Тогда Бауакасъ сказалъ:

«Я не купецъ, а царь Бауакасъ. Я пріѣхалъ сюда, чтобы видѣть — правда-ли то, что́ говорятъ про тебя. Я вижу теперь, что ты мудрый судья. Проси у меня чего хочешь, я награжу тебя.»

Судья сказалъ: Мнѣ не нужно награды; я счастливъ уже тѣмъ, что царь мой похвалилъ меня.»

КАКЪ МУЖИКЪ ГУСЕЙ ДѢЛИЛЪ.

У одного бѣднаго мужика не стало хлѣба. Вотъ онъ и задумалъ попросить хлѣба у барина. Чтобы было съ чѣмъ идти къ барину, онъ поймалъ гуся, изжарилъ его и понёсъ. Баринъ принялъ гуся и говоритъ мужику: «спасибо, мужикъ, тебѣ за гуся; только не знаю, какъ мы твоего гуся дѣлить будемъ. Вотъ

у меня жена, два сына, да двѣ дочери. Какъ бы намъ раздѣлить гуся безъ обиды?» Мужикъ говоритъ: я раздѣлю. Взялъ ножикъ, отрѣзалъ голову и говоритъ барину: «ты всему дому голова, тебѣ голову». Потомъ отрѣзалъ задокъ, подаётъ барынѣ: «тебѣ, говоритъ, дома сидѣть, за домомъ смотрѣть, тебѣ задокъ» Потомъ отрѣзалъ лапки и подаётъ сыновьямъ «Вамъ», говоритъ, «ножки — топтать отцовскія дорожки» А дочерямъ далъ крылья. «Вы», говоритъ, «скоро изъ дома улетите, вотъ вамъ по крылышку А остаточки себѣ возьму!»—и взялъ себѣ всего гуся.

Баринъ посмѣялся, далъ мужику хлѣба и денегъ

Услыхалъ богатый мужикъ, что баринъ за гуся наградилъ бѣднаго мужика хлѣбомъ и деньгами, зажарилъ пять гусей и понёсъ къ барину

Баринъ говоритъ: «спасибо за гусей, да вотъ у меня жена, два сына, двѣ дочери — всѣхъ шестеро; какъ бы намъ поровну раздѣлить твоихъ гусей?»—Сталъ богатый мужикъ думать и ничего не придумалъ.

Послалъ баринъ за бѣднымъ мужикомъ и велѣлъ дѣлить. Бѣдный мужикъ взялъ—одного гуся далъ барину съ барыней и говоритъ: «вотъ васъ трое съ гусемъ»; одного далъ сыновьямъ—«и васъ», говоритъ, «трое»; одного далъ дочерямъ—«и васъ трое»; а себѣ взялъ двухъ гусей. «Вотъ», говоритъ, «и насъ трое съ гусями,—всѣ поровну».

Баринъ посмѣялся и далъ бѣдному мужику ещё денегъ и хлѣба, а богатаго прогналъ.

СТРОГОЕ НАКАЗАНІЕ.

Одинъ человѣкъ пошёлъ на торгъ и купилъ говяди-

ны. На торгу его обманули—дали дурной говядины, да еще обвѣсили.

Вотъ онъ идётъ домой съ говядиной и бранится. Встрѣчается ему царь и спрашиваетъ, кого ты бранишь? А онъ говоритъ: «я браню того, кто меня обманулъ. Я заплатилъ за три фунта, а мнѣ дали только два, и то дурную говядину. Царь и говоритъ: «Пойдёмъ назадъ на торгъ; покажи того, кто тебя обманулъ». Человѣкъ пошёлъ назадъ и показалъ купца. Царь свѣсилъ при себѣ мясо: видитъ, точно обманули; царь и говоритъ: «Ну, какъ ты хочешь, чтобъ я наказалъ купца?» Тотъ говоритъ: «вели вырѣзать изъ его спины столько мяса, насколько онъ обманулъ меня »

Царь и говоритъ: «Хорошо; возьми ножъ и вырѣжь изъ купца фунтъ мяса; только смотри—чтобы у тебя вѣсъ былъ-бы вѣренъ, а если вырѣжешь больше или меньше фунта, ты виноватъ останешься.

Человѣкъ смолчалъ и ушёлъ домой.

ЦАРСКІЕ БРАТЬЯ.

Одинъ Царь шёлъ по улицѣ. Нищій подошёлъ къ нему и сталъ просить милостыню.

Царь не далъ ничего. Нищій сказалъ. «Царь, ты видно забылъ, что Богъ всѣмъ одинъ Отецъ, мы всѣ братья и намъ всѣмъ дѣлиться надо». Тогда Царь остановился и сказалъ: «ты правду говоришь, мы братья и намъ дѣлиться надо», и далъ нищему золотую деньгу. Нищій взялъ золотую деньгу и сказалъ: «Ты мало далъ; развѣ такъ дѣлятся съ братьями? Надо дѣлить по́ровну. У тебя милліонъ денегъ, а ты мнѣ далъ одну.» Тогда Царь сказалъ: «то правда, что

у меня милліонъ денегъ, а я тебѣ далъ одну; но у меня и братьевъ столько же, сколько денегъ».

VII.

КАКЪ Я ВЫУЧИЛСЯ ѢЗДИТЬ ВЕРХОМЪ.

Когда я былъ маленькій, мы каждый день учились, только по воскресеньямъ и по праздникамъ ходили гулять и играли съ братьями. Одинъ разъ батюшка сказалъ: «надо старшимъ дѣтямъ учиться ѣздить верхомъ. Послать ихъ въ манежъ». Я былъ меньше всѣхъ братьевъ и спросилъ: «А мнѣ можно учиться?» Батюшка сказалъ:—«ты упадёшь». Я сталъ просить его, чтобъ меня тоже учили и чуть не заплакалъ. Батюшка сказалъ: «ну, хорошо, и тебя тоже. Только смотри: не плачь, когда упадёшь. Кто ни разу не упадётъ съ лошади, не выучится верхомъ ѣздить».

Когда пришла середа, насъ троихъ повезли въ манежъ. Мы вошли на большое крыльцо, а съ большаго крыльца прошли на маленькое крылечко. А подъ крылечкомъ была очень большая комната. Въ комнатѣ вмѣсто пола былъ песокъ. И по этой комнатѣ ѣздили верхомъ господа и барыни, и такіе же мальчики, какъ мы. Это и былъ манежъ. Въ манежѣ было несовсѣмъ свѣтло и пахло лошадьми, и слышно было, какъ хлопаютъ бичами, кричатъ на лошадей, и лошади стучатъ копытами о деревянныя стѣны. Я сначала испугался и не могъ ничего разсмотрѣть. Потомъ нашъ дядька позвалъ берейтора и сказалъ: «вотъ этимъ мальчикамъ дайте лошадей, они будутъ учиться ѣздить верхомъ». Берейторъ сказалъ: «хорошо».

Потомъ онъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ: «этотъ малъ очень». А дядька сказалъ: «онъ обѣщаетъ не плакать, когда упадётъ». Берейторъ засмѣялся и ушёлъ.

Потомъ привели трёхъ осѣдланныхъ лошадей, мы сняли шинели и сошли по лѣстницѣ внизъ въ манежъ. Берейторъ держалъ лошадь за корду *), а братья ѣздили кругомъ него. Сначала они ѣздили шагомъ, потомъ рысью. Потомъ привели маленькую лошадку. Она была рыжая и хвостъ у нея былъ обрѣзанъ. Её звали Червончикъ. Берейторъ засмѣялся и сказалъ мнѣ: «ну, кавалеръ, садитесь». Я и радовался, и боялся, и старался такъ сдѣлать, чтобъ никто этого не замѣтилъ. Я долго старался попасть ногою въ стремя, но никакъ не могъ, потому что я былъ слишкомъ малъ. Тогда берейторъ поднялъ меня на руки и посадилъ. Онъ сказалъ: «не тяжёлъ баринъ,—фунта два, больше не будетъ»

Онъ сначала держалъ меня за руку, но я видѣлъ, что братьевъ не держали, и просилъ, чтобы меня пустили. Онъ сказалъ: «а не боитесь?» Я очень боялся, но сказалъ, что не боюсь. Боялся я больше отъ того, что Червончикъ всё поджималъ уши. Я думалъ, что онъ на меня сердится. Берейторъ сказалъ: «ну, смотрите-жъ не падайте!» и пустилъ меня. Сначала Червончикъ ходилъ шагомъ, и я держался прямо. Но сѣдло было скользкое и я боялся свернуться. Берейторъ меня спросилъ: «ну что, утвердились?» Я ему сказалъ: «утвердился». «Ну, теперь рысцой!» и берейторъ защёлкалъ языкомъ.

---

*) Корда—веревка для того, чтобы по кругу гонять лошадей.

Червончикъ побѣжалъ маленькой рысью и меня стало подкидывать. Но я всё молчалъ и старался не свернуться на бокъ. Берейторъ меня похвалилъ: «Ай да кавалеръ, хорошо!» Я былъ очень этому радъ.

Въ это время къ берейтору подошёлъ его товарищъ и сталъ съ нимъ разговаривать, и берейторъ пересталъ смотрѣть на меня.

Только вдругъ я почувствовалъ, что я свернулся немножко на бокъ съ сѣдла. Я хотѣлъ поправиться, но никакъ не могъ. Я хотѣлъ закричать берейтору, чтобъ онъ остановилъ; но думалъ, что будетъ стыдно, если я это сдѣлаю, и молчалъ. Берейторъ не смотрѣлъ на меня, Червончикъ все бѣжалъ рысью, и я еще больше сбился на бокъ. Я посмотрѣлъ на берейтора и думалъ, что онъ поможетъ мнѣ; а онъ все разговаривалъ съ своимъ товарищемъ и, не глядя на меня, приговаривалъ: «молодецъ кавалеръ». Я уже совсѣмъ былъ на боку и очень испугался. Я думалъ, что я пропалъ. Но кричать мнѣ стыдно было. Червончикъ тряхнулъ меня еще разъ, я совсѣмъ соскользнулъ и упалъ на землю. Тогда Червончикъ остановился, берейторъ оглянулся и увидалъ, что на Червончикѣ меня нѣтъ. Онъ сказалъ: «вотъ-те на! свалился кавалеръ мой», и подошёлъ ко мнѣ. Когда я ему сказалъ, что не ушибся, онъ засмѣялся и сказалъ: дѣтское тѣло мягкое. А мнѣ хотѣлось плакать. Я попросилъ, чтобы меня опять посадили; и меня посадили. И я ужъ больше не падалъ

Такъ мы ѣздили въ манежѣ два раза въ недѣлю, и я скоро выучился ѣздить хорошо, и ничего не боялся

СОЛДАТКИНО ЖИТЬЕ.

Мы жили бѣдно на краю деревни. Была у меня мать, нянька (старшая сестра) и бабушка. Бабушка ходила въ старомъ чупрунѣ и худенькой панёвѣ, а голову завязывала какой-то ветошкой, и подъ горломъ у ней висѣлъ мѣшочекъ. Бабушка любила и жалѣла меня больше матери Отецъ мой былъ въ солдатахъ. Говорили про него, что онъ много пилъ и за то его отдали въ солдаты. Я какъ сквозь сонъ помню—онъ приходилъ къ намъ на побывку. Изба наша была тѣсная и подпертая въ серединѣ рогулиной, и я помню, какъ я лазилъ на эту подпорку, оборвался и разбилъ себѣ лобъ объ лавку. И до сихъ поръ мѣтина эта осталась у меня на лбу.

Въ избѣ были два маленькія окна и одно всегда было заткнуто ветошкой. Дворъ нашъ былъ тѣсный и раскрытый. Въ серединѣ стояло старое корыто. На дворѣ была только одна старая, кособокая лошадёнка; коровы у насъ не было, были двѣ плохенькія овчёнки и одинъ ягнёнокъ. Я всегда спалъ съ этимъ ягнёнкомъ. Ѣли мы хлѣбъ съ водою. Работать у насъ было некому, мать моя всегда жаловалась отъ живота, а бабушка отъ головы и всегда была около печки. Работала только одна моя нянька, и то въ свою долю, а не въ семью, покупала себѣ наряды и собиралась замужъ.

Помню я—мать стала больнѣе и потомъ родился у ней мальчикъ. Мамушку положили въ сѣни. Бабушка заняла у сосѣда крупицъ и послала дядю Нефеда за попомъ. А сестра пошла собирать народъ на крестины.

Собрался народъ, принесли три ковриги хлѣба. Родня стала разставлять столы и покрывать скатертями. Потомъ принесли скамейки и ушатъ съ водой. И всѣ сѣли по мѣстамъ. Когда пріѣхалъ священникъ, кумъ съ кумой стали впереди, а позади стала тетка Акулина съ мальчикомъ. Стали молиться. Потомъ вынули мальчика и священникъ взялъ его и опустилъ въ воду. Я испугался и закричалъ: «дай мальчика сюда!» Но бабушка разсердилась на меня и сказала: «молчи, а то побью»

Священникъ окунулъ его три раза и отдалъ тёткѣ Акулинѣ. Тётка завернула его въ миткаль и отнесла къ матери въ сѣни.

Потомъ всѣ сѣли за столы, бабушка наложила каши двѣ чашки, налила постное масло и подала народу. Когда всѣ наѣлись,—вылѣзли изъ за столовъ, поблагодарили бабушку и ушли.

Я пошёлъ къ матери и говорю:

— «Ма, какъ его зовутъ?» Мать говоритъ: «такъже, какъ тебя»

Мальчикъ былъ худой; ножки, ручки у него были тоненькія, и онъ всё кричалъ. Когда ни проснёшься ночью, онъ всё кричитъ, а мамушка всё баюкаетъ, припѣваетъ. Сама кряхтитъ, а всё поётъ.

Одинъ разъ ночью я проснулся и слышу—мать плачетъ. Бабушка встала и говоритъ: «что ты, Христосъ съ тобой!» Мать говоритъ: «мальчикъ померъ» Бабушка зажгла огонь, обмыла мальчика, надѣла чистую рубашечку подпоясала и положила подъ святое. Когда разсвѣло, бабушка вышла изъ избы и привела дядю Нефеда. Дядя принесъ двѣ старенькія тесинки и сталъ.

дѣлать гробикъ. Сдѣлалъ маленькое домовище и положилъ мальчика туда. Потомъ мать сѣла къ гробику и тонкимъ голосомъ стала причитать и завыла. Потомъ дядя Нефедъ взялъ гробикъ подъ мышку и понёсъ хоронить.

Только у насъ и было радости, какъ мы няньку отдавали замужъ. Пріѣхали къ намъ разъ мужики и принесли съ собой ковригу хлѣба и вина. И стали подносить своё вино матери. Мать выпила. Дядя Иванъ отрѣзалъ ломоть хлѣба и подалъ ей. Я стоялъ подлѣ стола и мнѣ захотѣлось хлѣбушка. Я нагнулъ мать и сказалъ ей на ухо. Мать засмѣялась, а дядя Иванъ говоритъ: «что онъ? хлѣбца?» и отрѣзалъ мнѣ большой ломоть. Я взялъ хлѣбъ и ушёлъ въ чуланъ. А нянька сидѣла въ чуланѣ. Она стала меня спрашивать: «что́ тамъ мужики говорятъ?» Я сказалъ: «вино пьютъ». Она засмѣялась и говоритъ: «это они меня сватаютъ за Кондрашку».

Потомъ собрались играть свадьбу. Всѣ встали рано. Бабушка топила печку, мать мѣсила пироги, а тётка Акулина мыла говядину.

Нянька нарядилась въ новые коты, надѣла сарафанъ красный и платокъ хорошій и ничего не дѣлала. Потомъ, когда истопили избу, мать тоже нарядилась, и пришло къ намъ много народу,—полная изба

Потомъ подъѣхали къ нашему двору три пары съ колоколами. И на задней парѣ сидѣлъ женихъ Кондрашка въ новомъ кафтанѣ и въ высокой шапкѣ. Женихъ слѣзъ съ телѣги и пошёлъ въ избу. Надѣли на няньку новую шубу и вывели её къ жениху. Посадили жениха съ невѣстой за столъ и бабы стали ихъ ве-

личать. Потомъ вылѣзли изъ за стола, помолились Богу и вышли на дворъ. Кондрашка посадилъ няньку въ телѣгу, а самъ сѣлъ въ другую. Всѣ посажались въ телѣги, перекрестились и поѣхали. Я вернулся въ избу и сѣлъ къ окну ждать, когда свадьба вернётся. Мать дала мнѣ кусочекъ хлѣбца, я поѣлъ, да тутъ и заснулъ. Потомъ меня разбудила мать, говоритъ: «ѣдутъ»! дала мнѣ скалку и велѣла сѣсть за столъ. Кондрашка съ нянькой вошли въ избу и за ними много народа, больше прежняго. И на улицѣ былъ народъ и всѣ смотрѣли къ намъ въ окна. Дядя Герасимъ былъ дружкою; онъ подошёлъ ко мнѣ и говоритъ: «вылѣзай». Я испугался и хотѣлъ лѣзть, а бабушка говоритъ: «ты покажи скалку и скажи: а это что?» Я такъ и сдѣлалъ. Дядя Герасимъ положилъ денегъ въ стаканъ и налилъ вина и подалъ мнѣ. Я взялъ стаканъ и подалъ бабушкѣ. Тогда мы вылѣзли, а они сѣли.

Потомъ стали подносить вино, студень, говядину; стали пѣть пѣсни и плясать. Дядѣ Герасиму поднесли вина; онъ выпилъ немного и говоритъ: «что-то вино горько». Тогда нянька взяла Кондрашку за уши и стала его цѣловать. Долго играли пѣсни и плясали, а потомъ всѣ ушли и Кондрашка повёлъ няньку къ себѣ домой.

Послѣ этого мы стали ещё бѣднѣе жить. Продали лошадь и послѣднихъ овецъ, и хлѣба у насъ часто не было. Мать ходила занимать у родныхъ. Вскорѣ и бабушка померла. Помню я, какъ матушка по ней выла и причитала: «Уже родимая моя матушка! на кого ты меня оставила горькую горемычную? на кого покинула свое дитятко безсчастное? гдѣ я ума-разума возьму?

какъ мнѣ вѣкъ прожить?» И такъ она долго плакала и причитала.

Одинъ разъ пошёлъ я съ ребятами на большую дорогу лошадей стеречь и вижу—идётъ солдатъ съ сумочкой за плечами. Онъ подошёлъ къ ребятамъ и говоритъ: «Вы изъ какой деревни, ребята?» «Мы—говоримъ—изъ Никольскаго».—«А что, живётъ у васъ солдатка Матрёна?» А я говорю: «жива, она мнѣ матушка». Солдатъ поглядѣлъ на меня и говоритъ: «а отца своего видалъ?» Я говорю: «онъ въ солдатахъ, не видалъ». Солдатъ и говоритъ: «ну, пойдёмъ, проводи меня къ Матрёнѣ, я ей письмо отъ отца привёзъ». Я говорю: какое письмо? А онъ говоритъ: вотъ пойдёмъ, увидишь.

«Ну чтожъ, пойдёмъ».

Солдатъ пошёлъ со мной, да такъ скоро, что я бѣгомъ за нимъ не поспѣвалъ. Вотъ пришли мы въ свой домъ. Солдатъ помолился Богу и говоритъ: «здравствуйте!» Потомъ раздѣлся, сѣлъ на конникъ и сталъ оглядывать избу, и говоритъ: «чтожъ, у васъ семьи только-то?» Мать оробѣла и ничего не говоритъ, только смотритъ на солдата. Онъ и говоритъ: «гдѣжъ матушка?—а самъ заплакалъ. Тутъ мать подбѣжала къ отцу и стала его цѣловать. И я тоже влѣзъ къ нему на колѣни и сталъ его обшаривать руками. А онъ пересталъ плакать и сталъ смѣяться.

Потомъ пришёлъ народъ, и отецъ со всѣми здоровался и разсказывалъ, что онъ теперь совсѣмъ по билету вышелъ.

Какъ пригнали скотину, пришла и нянька и поцѣловалась съ отцомъ. А отецъ и говоритъ: «это чья же молодая бабочка?» А мать засмѣялась и говоритъ:

«свою дочь не узналъ». Отецъ позвалъ её ещё къ себѣ и поцѣловалъ и спрашивалъ, какъ она живетъ? Потомъ мать ушла варить яичницу, а няньку послала за виномъ. Нянька принесла штофикъ заткнутъ бумажкой и поставила на столъ. Отецъ и говоритъ: «это что?» А мать говоритъ: «тебѣ вина». А онъ говоритъ: «нѣтъ, ужъ пятый годъ не пью; а вотъ яичницу подавай!» Онъ помолился Богу, сѣлъ за столъ и сталъ ѣсть. Потомъ онъ говоритъ: «кабы я не бросилъ пить, я бы и унтеръ-офицеромъ не былъ, и домой бы ничего не принёсъ,—а теперь слава Богу». Онъ досталъ въ сумкѣ кошель съ деньгами и отдалъ матери. Мать обрадовалась, заторопилась и понесла хоронить.

Потомъ, когда всѣ разошлись, отецъ лёгъ спать на задней лавкѣ и меня положилъ съ собой, а мать легла у насъ въ ногахъ. И долго они разговаривали, почти до полуночи. Потомъ я уснулъ.

Поутру мать говоритъ: «охъ, дровъ-то нѣтъ у меня!» А отецъ говоритъ: «топоръ есть?»—«Есть, да щербатый, плохой». Отецъ обулся, взялъ топоръ и вышелъ на дворъ. Я побѣжалъ за нимъ.

Отецъ сдёрнулъ съ крыши жердь, положилъ на колоду, взмахнулъ топоромъ, живо перерубилъ и принёсъ въ избу, и говоритъ: «ну вотъ тебѣ и дрова, топи печь; а я нынче пойду пріищу купить избу, да лѣсу на дворъ. Корову также купить надо». Мать говоритъ:

«Охъ, денегъ много на всё надо».

А отецъ говоритъ: «а работать будемъ. Вонъ мужикъ-то растётъ!» Отецъ показалъ на меня.

Вотъ отецъ помолился Богу, поѣлъ хлѣба, одѣлся и

говоритъ матери: «а есть яички свѣжія, такъ испеки въ золѣ къ обѣду». И пошёлъ со двора.

Отецъ долго не ворочался. Я сталъ проситься у матери за отцомъ. Она не пускала. Я хотѣлъ уйти, а мать не пустила меня и побила. Я сѣлъ на печку и сталъ плакать. Тутъ отецъ вошёлъ въ избу и говоритъ: «о чёмъ плачешь?» Я говорю: «я хотѣлъ за тобой бѣчь, а мать меня не пустила, да ещё побила», и ещё пуще заплакалъ. Отецъ засмѣялся, подошёлъ къ матери и сталъ её бить нарочно, а самъ приговариваетъ: «не бей Ѳедьку, не бей Ѳедьку!» Мать нарочно будто заплакала, отецъ засмѣялся и говоритъ: «вотъ вы съ Ѳедькой какіе на слёзы слабые, сейчасъ и плакать». Потомъ отецъ сѣлъ за столъ, посадилъ меня съ собой рядомъ и закричалъ: «ну, теперь давай намъ, мать, съ Ѳедюшкой обѣдать; мы ѣсть хотимъ».

Мать дала намъ каши и яицъ, и мы стали ѣсть. А мать говоритъ: «ну что-же,—иструбъ?» А отецъ говоритъ: «купилъ, 80 цѣлковыхъ, липовый, бѣлый, какъ стекло. Вотъ дай срокъ, мужикамъ купимъ винца, они мнѣ и свезутъ воскреснымъ дѣломъ».

Съ тѣхъ поръ мы стали хорошо жить.

VIII.

БУЛЬКА.

У меня была мордашка. Её звали Булька. Она была вся чёрная, только кончики переднихъ лапъ были бѣлые. У всѣхъ мордашекъ нижняя челюсть длиннѣе верхней и верхніе зубы заходятъ за нижніе; но у Буль-

ки нижняя челюсть такъ выдавалась впередъ, что палецъ можно было заложить между нижними и верхними зубами. Лицо у Бульки было широкое, глаза большіе, черные и блестящіе; и зубы и клыки бѣлые всегда торчали наружу. Онъ былъ похожъ на арапа. Булька былъ смирный и не кусался, но онъ былъ очень силенъ и цѣпокъ. Когда онъ бывало уцѣпится за что-нибудь, то стиснетъ зубы и повиснетъ, какъ тряпка, и его, какъ клещука, нельзя никакъ оторвать.

Одинъ разъ его пускали на медвѣдя и онъ вцѣпился медвѣдю въ ухо и повисъ, какъ піявка. Медвѣдь билъ его лапами, прижималъ къ себѣ, кидалъ изъ стороны въ сторону, но не могъ оторвать и повалился на голову, чтобы раздавить Бульку; но Булька до тѣхъ поръ на нёмъ держался, пока его не отлили холодной водой.

Я взялъ его щенкомъ и самъ выкормилъ. Когда я ѣхалъ на Кавказъ, я не хотѣлъ брать его, и ушёлъ отъ него потихоньку, а его велѣлъ запереть. На первой станціи я хотѣлъ уже садиться на другую перекладную, какъ вдругъ увидалъ, что по дорогѣ катится что-то чёрное и блестящее. Это былъ Булька въ своёмъ мѣдномъ ошейникѣ. Онъ летѣлъ во весь духъ къ станціи. Онъ бросился ко мнѣ, лизнулъ мою руку и растянулся въ тѣни подъ телѣгой. Языкъ его высунулся на цѣлую ладонь. Онъ то втягивалъ его назадъ, глоталъ слюни, то опять высовывалъ на цѣлую ладонь. Онъ торопился, не поспѣвалъ дышать, бока его такъ и прыгали. Онъ поворачивался съ боку на бокъ и постукивалъ хвостомъ о землю.

Я узналъ потомъ, что онъ послѣ меня пробилъ ра-

му и выскочилъ изъ окна, и прямо по моему слѣду поскакалъ по дорогѣ, и проскакалъ такъ вёрстъ 20-ть въ самый жаръ

БУЛЬКА И КАБАНЪ.

Одинъ разъ на Кавказѣ мы пошли на охоту за кабанами, и Булька прибѣжалъ со мной. Только-что гончія погнали, Булька бросился на ихъ голосъ и скрылся въ лѣсу. Это было въ Ноябрѣ мѣсяцѣ: кабаны и свиньи тогда бываютъ очень жирные.

На Кавказѣ, въ лѣсахъ, гдѣ живутъ кабаны, бываетъ много вкусныхъ плодовъ: дикаго винограду, шишекъ, яблокъ, грушъ, ежевики, желудей, терновнику. И когда всѣ эти плоды поспѣютъ и тронутся морозомъ— кабаны отъѣдаются и жирѣютъ.

Въ то время кабанъ такъ бываетъ жиренъ, что не долго можетъ бѣгать подъ собаками. Когда его погоняютъ часа два, онъ забивается въ чащу и останавливается. Тогда охотники бѣгутъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоитъ и стрѣляютъ. По лаю собакъ можно знать, сталъ ли кабанъ или бѣжитъ. Если онъ бѣжитъ, то собаки лаютъ съ визгомъ, какъ будто ихъ бьютъ; а если онъ стоитъ, то они лаютъ, какъ на человѣка, и подвываютъ.

Въ эту охоту я долго бѣгалъ по лѣсу, но ни разу мнѣ не удалось перебѣжать дорогу кабану. Наконецъ я услыхалъ протяжный лай и вой гончихъ собакъ и побѣжалъ къ тому мѣсту. Ужъ я былъ близко отъ кабана. Мнѣ уже слышенъ былъ трескъ по чащѣ. Это ворочался кабанъ съ собаками. Но слышно было по

лаю, что они не брали его, а только кружились около. Вдругъ я услыхалъ—зашуршало что-то сзади, и увидалъ Бульку. Онъ видно потерялъ гончихъ въ лѣсу и спутался, а теперь слышалъ ихъ лай и, также какъ я, что было духу катился въ ту сторону. Онъ бѣжалъ черезъ полянку по высокой травѣ, и мнѣ отъ него видна только была его чёрная голова и закушенный языкъ въ бѣлыхъ зубахъ. Я окликнулъ его, но онъ не оглянулся, обогналъ меня и скрылся въ чащѣ. Я побѣжалъ за нимъ, но чѣмъ дальше я шёлъ, тѣмъ лѣсъ становился чаще и чаще. Сучки сбивали съ меня шапку, били по лицу, иглы терновника цѣплялись за платье. Я уже былъ близокъ къ лаю, но ничего не могъ видѣть.

Вдругъ я услыхалъ, что собаки громче залаяли, что-то сильно затрещало и кабанъ сталъ отдуваться и захрипѣлъ. Я такъ и думалъ, что теперь Булька добрался до него и возится съ нимъ Я изъ послѣднихъ силъ побѣжалъ черезъ чащу къ тому мѣсту. Въ самой глухой чащѣ я увидалъ пёструю гончую собаку. Она лаяла и выла на одномъ мѣстѣ, и въ трёхъ шагахъ отъ нея возилось и чернѣло что-то.

Когда я подвинулся ближе, я разсмотрѣлъ кабана и услыхалъ, что Булька пронзительно завизжалъ. Кабанъ захрюкалъ и посунулся на гончую; гончая поджала хвостъ и отскочила. Мнѣ сталъ виденъ бокъ кабана и его голова. Я прицѣлился въ бокъ и выстрѣлилъ Я видѣлъ, что попалъ. Кабанъ хрюкнулъ и затрещалъ прочь отъ меня по чащѣ. Собаки визжали, лаяли слѣдомъ за нимъ; я по чащѣ ломился за ними. Вдругъ почти у себя подъ ногами я увидалъ и услыхалъ что-то. Это былъ Буль-

ка. Онъ лежалъ на боку и визжалъ. Подъ нимъ была лужа крови. Я подумалъ: пропала собака; но мнѣ теперь не до него было, я ломился дальше. Скоро я увидалъ кабана. Собаки хватали его сзади, а онъ поворачивался то на ту, то на другую сторону. Когда кабанъ увидалъ меня, онъ сунулся ко мнѣ. Я выстрѣлилъ другой разъ почти въ упоръ, такъ что щетина загорѣлась на кабанѣ, и кабанъ—захрипѣлъ, пошатался и всей тушей тяжело хлопнулся на земь.

Когда я подошёлъ, кабанъ уже былъ мёртвый и только то тамъ, то тутъ его пучило и подёргивало. Но собаки, ощетинившись, однѣ рвали его за брюхо и за ноги, а другія локали кровь изъ раны.

Тутъ я вспомнилъ про Бульку и пошёлъ его искать. Онъ ползъ мнѣ на встрѣчу и стоналъ. Я подошёлъ къ нему, присѣлъ и посмотрѣлъ его рану. У него былъ распоронъ животъ, и цѣлый комокъ кишокъ изъ живота волочился по сухимъ листьямъ. Когда товарищи подошли ко мнѣ, мы вправили Булькѣ кишки и зашили ему животъ. Пока зашивали животъ и прокалывали кожу, онъ всё лизалъ мнѣ руки.

Кабана привязали къ хвосту лошади, чтобъ вывезти изъ лѣсу, а Бульку положили на лошадь, и такъ привезли его домой. Булька проболѣлъ недѣль шесть, и выздоровѣлъ.

ФАЗАНЫ.

На Кавказѣ дикихъ куръ зовутъ фазанами. Ихъ такъ много, что онѣ тамъ дешевле домашней курицы. За фазанами охотятся *съ кобылкой*, *съ подсаду* и *изъ*

подъ собаки. Съ кобылкой вотъ какъ охотятся: возьмутъ парусины, натянутъ на рамку, въ серединѣ рамки сдѣлаютъ перекладину. А въ парусинѣ сдѣлаютъ прорѣшку. Эта рамка съ парусиной называется кобылкой. Съ этой кобылкой и съ ружьёмъ, на зарѣ выходятъ съ лѣсъ. Кобылку несутъ передъ собою и высматриваютъ въ прорѣшку фазановъ. Фазаны по зарямъ кормятся на полянкахъ. Иногда цѣлый выводокъ—насѣдка съ цыплятами, иногда пѣтухъ съ курицей, иногда нѣсколько пѣтуховъ вмѣстѣ.

Фазаны не видятъ человѣка, а не боятся парусины и подпускаютъ къ себѣ близко. Тогда охотникъ ставитъ кобылку, высовываетъ ружьё въ прорѣху и стрѣляетъ по выбору

Съ подсаду охотятся вотъ какъ: пустятъ дворную собачёнку въ лѣсъ и ходятъ за ней. Когда собака найдётъ фазана, она бросится за нимъ. Фазанъ влетитъ на дерево и тогда собачёнка начинаетъ на него лаять. Охотникъ подходитъ на лай и стрѣляетъ фазана на деревѣ. Охота эта была бы легка, еслибы фазанъ садился на дерево на чистомъ мѣстѣ и сидѣлъ бы прямо на деревѣ, такъ что его бы видно было. Но фазаны всегда садятся на густыя деревья въ чащѣ, и какъ завидятъ охотника, такъ прячутся въ сучкахъ. И бываетъ трудно пролѣзть въ чащѣ къ дереву, гдѣ сидитъ фазанъ, и трудно разсмотрѣть его. Когда собака одна лаетъ на фазана, онъ не боится ея; сидитъ на сучкѣ и ещё пѣтушится на неё и хлопаетъ крыльями. Но какъ только онъ увидитъ человѣка, то сейчасъ же вытягивается по сучку, такъ что только привычный охотникъ различитъ его, а непривычный будетъ стоять подлѣ и ничего не увидитъ.

Когда казаки подкрадываются къ фазанамъ, то они надвигаютъ шапку на своё лицо и не глядятъ вверхъ, потому что фазанъ боится человѣка съ ружьёмъ, а больше всего боится его глазъ.

Изъ подъ собаки охотятся вотъ какъ: берутъ лягавую собаку и ходятъ за ней по лѣсу. Собака чутьёмъ услышитъ, гдѣ на зарѣ ходили и кормились фазаны, и станетъ разбирать ихъ слѣды. И сколько бы ни напутали фазаны, хорошая собака всегда найдётъ послѣдній слѣдъ, выходъ съ того мѣста, гдѣ кормились. Чѣмъ дальше будетъ идти собака по слѣду, тѣмъ сильнѣе ей будетъ пахнуть, и такъ она дойдётъ до того мѣста, гдѣ днёмъ сидитъ въ травѣ или ходитъ фазанъ. Когда она подойдётъ близко, тогда ей будетъ казаться, что фазанъ ужъ тутъ, прямо передъ ней, и она всё будетъ идти осторожнѣе, чтобы не спугнуть его, и будетъ останавливаться, чтобы сразу прыгнуть и поймать его. Когда собака подойдётъ совсѣмъ близко, тогда фазанъ вылетаетъ и охотникъ стрѣляетъ.

МИЛЬТОНЪ И БУЛЬКА.

Я завёлъ себѣ для фазановъ лягавую собаку. Собаку эту звали Мильтонъ; она была высокая, худая, крапчатая по сѣрому, съ длинными брылами и ушами; и очень сильная и умная. Съ Булькой они не грызлись. Ни одна собака никогда не огрызалась на Бульку. Онъ бывало только покажетъ свои зубы, и собаки поджимаютъ хвосты и отходятъ прочь. Одинъ разъ я пошёлъ съ Мильтономъ за фазанами. Вдругъ Булька прибѣжалъ за мной въ лѣсъ. Я хотѣлъ прогнать его, но

никакъ не могъ. А идти домой, чтобы отвести его, было далеко Я думалъ, что онъ не будетъ мѣшать мнѣ, и пошёлъ дальше: но только что Мильтонъ почуялъ въ травѣ фазана и сталъ искать, Булька бросился впередъ, и сталъ соваться во всѣ стороны. Онъ старался прежде Мильтона поднять фазана Онъ что-то такое слышалъ въ травѣ, прыгалъ, вертѣлся; но чутьё у него плохое и онъ не могъ найти слѣда одинъ, а смотрѣлъ на Мильтона и бѣжалъ туда, куда шёлъ Мильтонъ. Только что Мильтонъ тронется по слѣду, Булька забѣжитъ впередъ. Я отзывалъ Бульку, билъ, но ничего не могъ съ нимъ сдѣлать. Какъ только Мильтонъ начиналъ искать, онъ бросался впередъ и мѣшалъ ему. Я хотѣлъ уже идти домой, потому что думалъ, что охота моя испорчена, но Мильтонъ лучше меня придумалъ, какъ обмануть Бульку. Онъ вотъ что сдѣлалъ: какъ только Булька забѣжитъ ему впередъ, Мильтонъ броситъ слѣдъ, повернётъ въ другую сторону и притворится, что онъ ищетъ. Булька бросится туда, куда показалъ Мильтонъ, а Мильтонъ оглянется на меня, махнётъ хвостомъ и пойдётъ опять по настоящему слѣду. Булька опять прибѣгаетъ къ Мильтону, забѣгаетъ впередъ, и опять Мильтонъ нарочно сдѣлаетъ шаговъ десять въ сторону, обманетъ Бульку и опять поведётъ меня прямо. Такъ что всю охоту онъ обманывалъ Бульку и не далъ ему испортить дѣла.

ЧЕРЕПАХА.

Одинъ разъ я пошёлъ съ Мильтономъ на охоту. Подлѣ лѣса онъ началъ искать, вытянулъ хвостъ, поднялъ уши и сталъ принюхиваться. Я приготовилъ ружьё

и пошёлъ за нимъ. Я думалъ, что онъ ищетъ куропатку, фазана или зайца. Но Мильтонъ не пошёлъ въ лѣсъ, а въ поле. Я шёлъ за нимъ и глядѣлъ впередъ. Вдругъ я увидалъ то, что́ онъ искалъ. Впереди его бѣжала небольшая черепаха, величиною съ шапку. Голая, темно-сѣрая голова на длинной шеѣ была вытянута, какъ пестикъ; черпаха широко перебирала голыми лапами, а спина ея вся была покрыта корой.

Когда она увидала собаку, она спрятала ноги и голову и опустилась на траву, такъ что видна была только одна скорлупа. Мильтонъ схватилъ её и сталъ грызть; но не могъ прокусить её, потому что у черепахи на брюхѣ такая же скорлупа, какъ и на спинѣ. Только спереди, сзади и съ боковъ есть отверстія, куда она пропускаетъ голову, ноги и хвостъ.

Я отнялъ черепаху у Мильтона и разсмотрѣлъ, какъ у нея разрисована спина и какая скорлупа и какъ она туда прячется. Когда держишь ее въ рукахъ и смотришь подъ скорлупу, то только внутри, какъ въ подвалѣ, видно что-то чёрное и живое. Я бросилъ черепаху на траву и пошёлъ дальше, но Мильтонъ не хотѣлъ её оставить, а нёсъ въ зубахъ за мною. Вдругъ Мильтонъ взвизгнулъ и пустилъ её. Черепаха у него во рту выпустила лапу и царапнула ему ротъ. Онъ такъ разсердился на неё за это, что сталъ лаять и опять схватилъ её и понесъ за мною. Я опять велѣлъ бросить, но Мильтонъ не слушался меня. Тогда я отнялъ у него черепаху и бросилъ. Но онъ не оставилъ ея. Онъ сталъ торопиться лапами подлѣ нея рыть яму. И когда вырылъ яму, то лапами завалилъ въ яму черепаху и закопалъ землёю.

Черепахи живутъ и на землѣ и въ водѣ, какъ ужи и лягушки. Дѣтей они выводятъ яицами, и яица кладутъ на землѣ, и не высиживаютъ ихъ, а яица сами, какъ рыбья икра, лопаются—и выводятся черепахи. Черепахи бываютъ маленькія, не больше блюдечка, и большія, въ три аршина длины и вѣсомъ въ 20 пудовъ. Большія черепахи живутъ въ моряхъ.

Одна черепаха въ весну кладётъ сотни яицъ. Скорлупа черепахи—это ея рёбра. Только у людей и у другихъ животныхъ рёбра бываютъ каждое отдѣльно, а у черепахи рёбра срослись въ скорлупу. Главное же то, что у всѣхъ животныхъ рёбра бываютъ внутри подъ мясомъ, а у черепахи рёбра сверху, а мясо подъ ними.

БУЛЬКА И ВОЛКЪ.

Когда я уѣзжалъ съ Кавказа, тогда ещё тамъ была война, и ночью опасно было ѣздить безъ конвоя.

Я хотѣлъ выѣхать какъ можно раньше утромъ, и для этого не ложился спать.

Мой пріятель пришёлъ провожать меня, и мы сидѣли весь вечеръ и ночь на улицѣ станицы передъ моей хатой.

Была мѣсячная ночь съ туманомъ, и было такъ свѣтло, что читать можно, хотя мѣсяца и не видно было.

Въ серединѣ ночи мы вдругъ услыхали, что черезъ улицу на дворѣ пищитъ поросёнокъ. Одинъ изъ насъ закричалъ: «это волкъ душитъ поросёнка!»

Я побѣжалъ къ себѣ въ хату, схватилъ заряженное ружьё и выбѣжалъ на улицу. Всѣ стояли у воротъ того двора, гдѣ пищалъ поросёнокъ и кричали мнѣ

«сюда!» Мильтонъ бросился за мной,—вѣрно думалъ, что я на охоту иду съ ружьёмъ; а Булька поднялъ свои короткія уши и метался изъ стороны въ сторону, какъ будто спрашивалъ, въ кого ему велятъ вцѣпиться. Когда я подбѣжалъ къ плетню, я увидалъ, что съ той стороны двора прямо ко мнѣ бѣжитъ звѣрь. Это былъ волкъ. Онъ подбѣжалъ къ плетню и вскочилъ на него. Я отстранился отъ него и приготовилъ ружьё. Какъ только волкъ соскочилъ съ плетня на мою сторону, я приложился почти въ упоръ и спустилъ курокъ; но ружьё сдѣлало: «чикъ» и не выстрѣлило. Волкъ не остановился и побѣжалъ черезъ улицу. Мильтонъ и Булька пустились за нимъ. Мильтонъ былъ близко отъ волка, но видно боялся схватить его; а Булька какъ ни торопился на своихъ короткихъ ногахъ—не могъ поспѣть. Мы бѣжали, что́ было силы, за волкомъ, но и волкъ и собаки скрылись у насъ изъ виду. Только у канавы на углу станицы мы услыхали подлаиванье, визгъ и видѣли сквозь мѣсячный туманъ, что поднялась пыль и что собаки возились съ волкомъ. Когда мы прибѣжали къ канавѣ, волка уже не было, и обѣ собаки вернулись къ намъ съ поднятыми хвостами и разсерженными лицами. Булька рычалъ и толкалъ меня головой,—онъ видно хотѣлъ что-то разсказать, но не умѣлъ.

Мы осмотрѣли собакъ и нашли, что у Бульки на головѣ была маленькая рана Онъ видно догналъ волка передъ канавой, но не успѣлъ захватить, и волкъ огрызнулся и убѣжалъ. Рана была небольшая, такъ что ничего опаснаго не было.

Мы вернулись назадъ къ хатѣ, сидѣли и разговари-

вали о томъ, что́ случилось. Я досадовалъ на то, что ружьё моё осѣклось и всё думалъ о томъ, какъ бы тутъ же на мѣстѣ остался волкъ, еслибъ оно выстрѣлило. Пріятель мой удивлялся, какъ волкъ могъ залѣзть на дворъ. Старый казакъ говорилъ, что тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, что это былъ не волкъ, а что это была вѣдьма, и что она заколдовала моё ружьё. Такъ мы сидѣли и разговаривали. Вдругъ собаки бросились, и мы увидали на серединѣ улицы передъ нами опять того же волка; но въ этотъ разъ онъ отъ нашего крика такъ скоро побѣжалъ, что собаки уже не догнали его.

Старый казакъ послѣ этого уже совсѣмъ увѣрился, что это былъ не волкъ, а вѣдьма; а я подумалъ, что не бѣшеный ли это былъ волкъ, потому что я никогда не видывалъ и не слыхивалъ, чтобы волкъ послѣ того, какъ его прогнали, вернулся опять на народъ.

На всякій случай я посыпалъ Булькѣ на рану пороху и зажёгъ его. Порохъ вспыхнулъ и выжегъ больное мѣсто.

Я выжегъ порохомъ рану затѣмъ, чтобы выжечь бѣшеную слюню, если она еще не успѣла войти въ кровь. Если же попала слюня и вошла уже въ кровь, то я зналъ, что по крови она разойдётся по всему тѣлу и тогда уже нельзя вылѣчить.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ СЪ БУЛЬКОЙ ВЪ ПЯТИГОРСКѢ.

Изъ станицы я поѣхалъ не прямо въ Россію, а сначала въ Пятигорскъ, и тамъ пробылъ два мѣсяца.

Мильтона я подарилъ казаку охотнику, а Бульку взялъ съ собой въ Пятигорскъ.

Пятигорскъ такъ называется отъ того, что онъ стоитъ на горѣ Бешъ-Тау. А Бешъ по татарски значитъ пять, Тау—гора. Изъ этой горы течётъ горячая сѣрная вода. Вода эта горяча, какъ кипятокъ, и надъ мѣстомъ, гдѣ идётъ вода изъ горы, всегда стоитъ паръ; какъ надъ самоваромъ. Всё мѣсто, гдѣ стоитъ городъ—очень весёлое. Изъ горъ текутъ горячіе родники, подъ горой течётъ рѣчка Подкумокъ. По горѣ лѣса, кругомъ поля, а вдалекѣ всегда видны большія, Кавказскія горы. На этихъ горахъ снѣгъ никогда не таетъ, и онѣ всегда бѣлыя, какъ сахаръ. Одна большая гора Эльбрусъ, какъ сахарная бѣлая голова, видна отовсюду, когда ясная погода. На горячіе ключи пріѣзжаютъ лѣчиться и надъ ключами сдѣланы бесѣдки, навѣсы, кругомъ разбиты сады и дорожки. По утрамъ играетъ музыка и народъ пьётъ воду, или купается и гуляетъ.

Самый городъ стоитъ на горѣ, а подъ горой есть слобода. Я жилъ въ этой слободѣ въ маленькомъ домикѣ. Домикъ стоялъ на дворѣ и передъ окнами былъ садикъ, а въ саду стояли хозяйскія пчёлы, не въ колодахъ, какъ въ Россіи, а въ круглыхъ плетушкахъ. Пчёлы тамъ такъ смирны, что я всегда по утрамъ съ Булькой сиживалъ въ этомъ садикѣ промежду ульевъ.

Булька ходилъ промежду ульевъ, удивлялся на пчёлъ, нюхалъ, слушалъ, какъ онѣ гудятъ, но такъ осторожно ходилъ около нихъ, что не мѣшалъ имъ, и они его не трогали.

Одинъ разъ утромъ я вернулся домой съ водъ и сѣлъ пить кофій въ палисадникѣ. Булька сталъ чесать се-

бѣ за ушами и гремѣть ошейникомъ. Шумъ тревожилъ пчёлъ, и я снялъ съ Бульки ошейникъ. Немного погодя я услыхалъ изъ города съ горы странный и страшный шумъ. Собаки лаяли, выли, визжали, люди кричали, и шумъ этотъ спускался съ горы и подходилъ всё ближе и ближе къ нашей слободѣ. Булька пересталъ чесаться, уложилъ свою широкую голову съ бѣлыми зубами промежъ переднихъ бѣлыхъ лапокъ, уложилъ и языкъ, какъ ему надо было, и смирно лежалъ подлѣ меня. Когда онъ услыхалъ шумъ, онъ какъ будто понялъ, что это такое, насторожилъ уши, оскалилъ зубы, вскочилъ и началъ рычать. Шумъ приближался. Точно собаки со всего города выли, визжали и лаяли. Я вышелъ къ воротамъ посмотрѣть, и хозяйка моего дома подошла тоже. Я спросилъ: «что это такое?» Она сказала: «это колодники изъ острога ходятъ собакъ бьютъ. Развелось много собакъ, и городское начальство велѣло бить всѣхъ собакъ по городу»

— Какъ, и Бульку убьютъ, если попадётся?

— Нѣтъ, въ ошейникахъ не велятъ бить.

Въ то самое время, какъ я говорилъ, колодники подошли ужъ къ нашему двору.

Впереди шли солдаты, сзади четыре колодника въ цѣпяхъ. У двухъ колодниковъ въ рукахъ были длинные желѣзные крючья и у двухъ дубины. Передъ нашими воротами одинъ колодникъ крючкомъ зацѣпилъ дворную собачёнку, притянулъ её на середину улицы, а другой колодникъ сталъ бить её дубиной. Собачёнка визжала ужасно, а колодники кричали что-то и смѣялись. Колодникъ съ крючкомъ перевернулъ собачён-

ку и, когда увидалъ, что она издохла, онъ вынулъ крючёкъ и сталъ оглядываться, нѣтъ ли ещё собаки.

Въ это время Булька стремглавъ, какъ онъ кидался на медвѣдя, бросился на этого колодника. Я вспомнилъ, что онъ безъ ошейника и закричалъ: «Булька, назадъ», и кричалъ колодникамъ, чтобы они не били Бульку. Но колодникъ увидалъ Бульку, захохоталъ и крючкомъ ловко ударилъ въ Бульку и зацѣпилъ его за ляшку. Булька бросился прочь; но колодникъ тянулъ къ себѣ и кричалъ другому: «бей!» Другой замахнулся дубиной, и Булька былъ бы убитъ, но онъ рванулся, кожа прорвалась на ляшкѣ, и онъ, поджавъ хвостъ, съ красной раной на ногѣ, стремглавъ влетѣлъ въ калитку, въ домъ и забился подъ мою постель.

Онъ спасся тѣмъ, что кожа его прорвалась насквозь въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ крючёкъ.

КОНЕЦЪ БУЛЬКИ И МИЛЬТОНА.

Булька и Мильтонъ кончились въ одно и тоже время. Старый казакъ не умѣлъ обращаться съ Мильтономъ. Вмѣсто того, чтобы брать его съ собой только на птицу, онъ сталъ водить его за кабанами. И въ туже осень сѣкачъ [1]) кабанъ распоролъ его. Никто не умѣлъ его зашить, и Мильтонъ издохъ. Булька тоже недолго жилъ послѣ того, какъ онъ спасся отъ колодниковъ. Скоро послѣ своего спасенія отъ колодниковъ онъ сталъ скучать и сталъ лизать всё, что ему попадалось. Онъ лизалъ мнѣ руки, но не такъ какъ прежде, когда ла-

[1]) Сѣкачъ—двухгодовалый кабанъ съ острымъ, незагнутымъ клыкомъ.

скался. Онъ лизалъ долго, и сильно налегалъ языкомъ, а потомъ начиналъ прихватывать зубами. Видно ему нужно было кусать руку, но онъ не хотѣлъ. Я не сталъ давать ему руку. Тогда онъ сталъ лизать мой сапогъ, ножку стола, и потомъ кусать сапогъ или ножку стола. Это продолжалось два дня, а на третій день онъ пропалъ, и никто не видалъ и не слыхалъ про него.

Украсть его нельзя было, и уйти отъ меня онъ не могъ; а случилось это съ нимъ 6 недѣль послѣ того, какъ его укусилъ волкъ Стало быть волкъ точно былъ бѣшеный. Булька взбѣсился и ушёлъ. Съ нимъ сдѣлалось то, что́ называется по охотничьи—стечка. Говорятъ, что бѣшенство въ томъ состоитъ, что у бѣшенаго животнаго въ горлѣ дѣлаются судороги. Бѣшеныя животныя хотятъ пить и не могутъ, потому что отъ воды судороги дѣлаются сильнѣе. Тогда они отъ боли и отъ жажды выходятъ изъ себя и начинаютъ кусать. Вѣрно у Бульки начинались эти судороги, когда онъ начиналъ лизать, а потомъ кусать мою руку и ножку стола.

Я ѣздилъ вездѣ по округѣ и спрашивалъ про Бульку, но не могъ узнать, куда онъ дѣлся и какъ онъ издохъ. Если бы онъ бѣгалъ и кусалъ, какъ дѣлаютъ бѣшеныя собаки, то я бы услыхалъ про него. А вѣрно онъ забѣжалъ куда-нибудь въ глушь и одинъ умеръ тамъ. Охотники говорятъ, что когда съ умной собакой сдѣлается стечка, то она убѣгаетъ въ поля или лѣса и тамъ ищетъ травы, какой ей нужно, вываливается по росамъ и сама лѣчится. Видно Булька не могъ вылѣчиться. Онъ не вернулся и пропалъ.

РУСАКЪ.

Заяцъ-русакъ жилъ зимою подлѣ деревни. Когда пришла ночь, онъ поднялъ одно ухо, послушалъ; потомъ поднялъ другое, поводилъ усами, понюхалъ и сѣлъ на заднія лапы. Потомъ онъ прыгнулъ разъ-другой по глубокому снѣгу и опять сѣлъ на заднія лапы и сталъ оглядываться. Со всѣхъ сторонъ ничего не было видно, кромѣ снѣга. Снѣгъ лежалъ волнами и блестѣлъ какъ сахаръ. Надъ головой зайца стоялъ морозный паръ и сквозь этотъ паръ виднѣлись большія, яркія звѣзды.

Зайцу нужно было перейти черезъ большую дорогу, чтобы придти на знакомое гумно. На большой дорогѣ слышно было, какъ визжали полозья, фыркали лошади и скрипѣли кресла въ саняхъ.

Заяцъ опять остановился подлѣ дороги. Мужики шли подлѣ саней съ поднятыми воротниками кафтановъ. Лица ихъ были чуть видны. Бороды, усы, рѣсницы ихъ были бѣлые. Изъ ртовъ и носовъ ихъ шёлъ паръ. Лошади ихъ были потныя, и къ поту присталъ иней. Лошади толкались въ хомутахъ, ныряли, выныривали въ ухабахъ. Мужики догоняли, обгоняли, били кнутами лошадей. Два старика шли рядомъ, и одинъ разсказывалъ другому, какъ у него украли лошадь.

Когда обозъ проѣхалъ, заяцъ перескочилъ дорогу и полегоньку пошёлъ къ гумну. Собачёнка отъ обоза увидала зайца. Она залаяла и бросилась за нимъ. Заяцъ поскакалъ къ гумну по субоямъ; зайца держали субои, а собака на десятомъ прыжкѣ завязла въ снѣгу и остановилась. Тогда заяцъ тоже остановился, посидѣлъ на

заднихъ лапахъ и потихоньку пошёлъ къ гумну. По дорогѣ онъ на зеленяхъ встрѣтилъ двухъ зайцевъ. Они кормились и играли. Заяцъ поигралъ съ товарищами, покопалъ съ ними морозный снѣгъ, поѣлъ озими и пошёлъ дальше. На деревнѣ было всё тихо, огни были потушены. Только слышался на улицѣ плачъ ребенка въ избѣ, да трескъ мороза въ брёвнахъ избъ. Заяцъ прошёлъ на гумно и тамъ нашёлъ товарищей. Онъ поигралъ съ ними на расчищенномъ току, поѣлъ овса изъ начатой кладушки, взобрался по крышѣ занесённой снѣгомъ на овинъ и черезъ плетень пошёлъ назадъ къ своему оврагу. На востокѣ свѣтилась заря, звѣздъ стало меньше, и ещё гуще морозный паръ подымался надъ землёю. Въ ближней деревнѣ проснулись бабы и шли за водой; мужики несли кормъ съ гуменъ, дѣти кричали и плакали. По дорогѣ ещё больше шло обозовъ и мужики громче разговаривали.

Заяцъ перескочилъ черезъ дорогу, подошёлъ къ своей старой норѣ, выбралъ мѣстечко повыше, раскопалъ снѣгъ, лёгъ задомъ въ новую нору, уложилъ на спинѣ уши и заснулъ съ открытыми глазами.

IX.

ОСНОВАНІЕ РИМА.

Былъ одинъ Царь, и у него было два сына: Нумиторъ и Амулій. Когда онъ умиралъ, онъ сказалъ сыновьямъ: «какъ вы хотите раздѣлиться между собою? Кто возьмётъ себѣ царство, а кто всѣ мои богатства?» Нумиторъ взялъ царство, а Амулій взялъ богатства. Когда Амулій взялъ богатства, ему стало завидно, что

братъ его царёмъ, и онъ сталъ дарить солдатъ и уговаривать, чтобы они прогнали Нумитора, а его бы поставили царёмъ. Солдаты такъ и сдѣлали, и Амулій сталъ царёмъ. У Нумитора была дочь. У дочери этой родилась двойня—два мальчика. Оба были велики и красивы.

Амулій боялся, чтобы народъ не полюбилъ этихъ близнецовъ, когда они выростутъ, и не выбралъ-бы ихъ царями. Онъ позвалъ своего слугу Фаустина и сказалъ ему: «возьми этихъ двухъ мальчиковъ и брось ихъ въ рѣку»

Рѣка называлась Тибръ.

Фаустинъ положилъ дѣтей въ зыбку, отнёсъ на берегъ и положилъ тамъ. Фаустинъ думалъ, что они помрутъ сами. Но Тибръ разлился до берега, поднялъ колыбелку, понёсъ её и поставилъ у высокаго дерева. Ночью пришла волчица и стала своимъ молокомъ кормить близнецовъ.

Мальчики выросли большіе и стали красивые и сильные. Они жили въ лѣсу недалеко отъ того города, гдѣ жилъ Амулій, научились бить звѣрей и тѣмъ кормились. Народъ узналъ ихъ и полюбилъ за ихъ красоту. Большаго прозвали Ромуломъ, а меньшаго Ремомъ. Одинъ разъ пастухи Нумитора и Амулія стерегли скотину недалеко отъ лѣса и поссорились, Амуліевы пастухи угнали стада Нумитора. Близнецы увидали это и побѣжали за пастухами, догнали ихъ и отняли скотину.

Пастухи Нумитора были сердиты за это на близнецовъ, выбрали время, когда Ромула не было, схватили Рема и привели въ городъ къ Нумитору и говорятъ: «Прояви

лись въ лѣсу два брата, отбиваютъ скотину и разбойничаютъ. Вотъ мы одного поймали и привели». Нумиторъ велѣлъ отвести Рема къ Царю Амулію. Амулій сказалъ: «Они обидѣли братниныхъ пастуховъ. Пускай братъ ихъ и судитъ». Рема опять привели къ Нумитору. Нумиторъ позвалъ его къ себѣ и спросилъ: «Откуда ты, и кто ты такой?» Ремъ сказалъ:

«Насъ два брата; когда мы были маленькіе, насъ принесло въ колыбелкѣ къ дереву на берегу Тибра, и тамъ насъ кормили дикіе звѣри и птицы. И тамъ мы выросли. А чтобы узнать, кто мы такіе,—у насъ осталась наша зыбка. На ней мѣдныя полоски. И на полоскахъ что-то написано».

Нумиторъ удивился и подумалъ: не его ли это внуки? Онъ оставилъ у себя Рема и послалъ за Фаустиномъ, чтобы спросить его.

Между тѣмъ Ромулъ искалъ брата и нигдѣ не могъ найти его. Когда ему сказали пастухи, что брата повели въ городъ,—онъ взялъ съ собой зыбку и пошёлъ за нимъ. Фаустинъ сейчасъ узналъ зыбку и сказалъ народу, что это внуки Нумитора, что Амулій хотѣлъ утопить ихъ. Тогда народъ озлобился на Амулія и убилъ его, а Ромула и Рема выбралъ Царями. Но Ромулъ и Ремъ не захотѣли жить въ этомъ городѣ, а оставили тутъ царствовать своего дѣда Нумитора. А сами пошли назадъ къ тому мѣсту подъ деревомъ, гдѣ ихъ выкормила волчица подлѣ рѣки Тибра, и построили тамъ новый городъ, — Римъ.

КАКЪ ГУСИ РИМЪ СПАСЛИ.

Въ 390-мъ году до Р. Х. дикіе народы Галлы напали на Римлянъ. Римляне не могли съ ними справиться, и которые убѣжали совсѣмъ вонъ изъ города, а которые заперлись въ кремлѣ. Кремль этотъ назывался Капитолій. Остались только въ городѣ одни сенаторы. Галлы вошли въ городъ, перебили всѣхъ сенаторовъ и сожгли Римъ. Въ серединѣ Рима оставался только кремль Капитолій, куда не могли добраться Галлы. Галламъ хотѣлось разграбить Капитолій, потому что они знали, что тамъ много богатствъ. Но Капитолій стоялъ на крутой горѣ: съ одной стороны были стѣны и ворота, а съ другой былъ крутой обрывъ. Ночью Галлы украдкою полѣзли изъ подъ обрыва на Капитолій: они поддерживали другъ друга снизу и передавали другъ другу копья и мечи.

Такъ они потихоньку взобрались ни обрывъ: ни одна собака не услыхала ихъ.

Они уже полѣзли черезъ стѣну, какъ вдругъ гуси почуяли народъ, загоготали и захлопали крыльями. Одинъ Римлянинъ проснулся, бросился къ стѣнѣ и сбилъ подъ обрывъ одного Галла. Галлъ упалъ и свалилъ за собою другихъ. Тогда сбѣжались Римляне и стали кидать брёвна и каменья подъ обрывъ, и перебили много Галловъ. Потомъ пришла помощь къ Риму, и Галловъ прогнали.

Съ тѣхъ поръ Римляне въ память этого дня завели у себя праздникъ. Жрецы идутъ наряженные по городу, одинъ изъ нихъ несётъ гуся, а за ними на верёвкѣ тащатъ собаку И народъ подходитъ къ гусю и кла-

няется ему и жрецу; для гусей даютъ дары, а собаку бьютъ палками до тѣхъ поръ, пока она не издохнетъ.

ПОЛИКРАТЪ САМОССКІЙ.

Былъ одинъ греческій Царь Поликратъ. Онъ во всёмъ былъ счастливъ. Онъ завоевалъ много городовъ и сталъ очень богатъ. Поликратъ и описалъ въ письмѣ всю свою счастливую жизнь, и послалъ это письмо своему другу царю Амазису въ Египетъ. Амазисъ прочёлъ письмо, и написалъ Поликрату отвѣтъ. Онъ писалъ такъ: «Пріятно бываетъ знать друга въ удачѣ. Но мнѣ твоё счастье не нравится. По моему, лучше бываетъ, когда человѣку въ одномъ дѣлѣ удача, а въ другомъ нѣтъ,—чтобы было въ перемежку. Послушай меня и сдѣлай вотъ что: что́ есть у тебя дороже всего, то возьми и брось куда нибудь въ такое мѣсто, чтобы не попалось людямъ. И тогда у тебя будетъ счастье въ перемежку съ несчастьемъ».

Поликратъ прочёлъ это и послушался своего друга Онъ сдѣлалъ вотъ что: былъ у него дорогой перстень; взялъ онъ этотъ перстень, собралъ много народа, и сѣлъ со всѣмъ народомъ въ лодку. Потомъ велѣлъ ѣхать въ море. И когда выѣхалъ далеко за острова, тогда при всёмъ народѣ бросилъ перстень въ море и вернулся домой.

На пятый день одному рыбаку случилось поймать очень большую, прекрасную рыбу, и захотѣлъ онъ подарить её Царю. Вотъ пришёлъ онъ къ Поликрату на дворъ, и когда Поликратъ вышелъ къ нему, рыбакъ сказалъ: Царь, я поймалъ эту рыбу и принёсъ тебѣ, потому

что такую прекрасную рыбу только Царю кушать». Поликратъ поблагодарилъ рыбака и позвалъ его къ себѣ обѣдать. Рыбакъ отдалъ рыбу и пошёлъ къ Царю, а повара разрѣзали рыбу и нашли въ ней тотъ самый перстень, что́ Поликратъ бросилъ въ море.

Когда повара принесли Поликрату его перстень и разсказали, какъ они нашли его,—Поликратъ написалъ другое письмо въ Египетъ къ своему другу Амазису и описалъ, какъ онъ бросилъ перстень и какъ онъ нашёлся. Амазисъ прочёлъ письмо и подумалъ: это не къ добру,—видно нельзя уйти отъ судьбы. А лучше мнѣ разойтись съ своимъ другомъ, чтобы **потомъ** не жалѣть его; и онъ послалъ сказать Поликрату, что ихъ дружбѣ конецъ.

Въ то время былъ одинъ человѣкъ Оройтесъ. Этотъ Оройтесъ былъ сердитъ на Поликрата, и хотѣлъ погубить его. Вотъ Оройтесъ придумалъ какую хитрость. Написалъ онъ Поликрату, что будто Персидскій царь Камбизъ обидѣлъ его и хотѣлъ убить, и что онъ будто ушёлъ отъ него. Оройтесъ такъ писалъ Поликрату: «У меня **много** богатствъ, но я не знаю, **гдѣ** мнѣ жить. Прими ты меня къ себѣ съ моими богатствами, и **тогда** мы съ тобой сдѣлаемся самые сильные цари. А если ты не вѣришь, что у меня **много** богатствъ, такъ пришли кого-нибудь посмотрѣть.

Поликратъ и послалъ своего слугу посмотрѣть, правда ли, что Оройтесъ привёзъ столько богатствъ. Когда слуга пріѣхалъ смотрѣть богатства, Оройтесъ такъ обманулъ его: онъ взялъ **много** лодокъ и во всѣ наложилъ камни; а сверхъ камней до краевъ заложилъ **золотомъ**.

Когда слуга Поликрата увидѣлъ эти лодки, онъ повѣрилъ, что лодки всѣ по края были полны золотомъ, и такъ и разсказалъ Поликрату.

Тогда Поликратъ захотѣлъ самъ ѣхать къ Оройтесу смотрѣть его богатства. Въ эту самую ночь дочь Поликрата увидала во снѣ, что онъ будто виситъ на воздухѣ. Дочь и стала просить отца, чтобъ онъ не ѣздилъ къ Оройтесу; но отецъ разсердился и сказалъ, что онъ её не отдастъ замужъ, если она не замолчитъ сейчасъ. А дочь сказала: «Я рада никогда не идти замужъ, только не ѣзди ты къ Оройтесу; я боюсь, что съ тобой случится бѣда».

Отецъ не послушался ея и поѣхалъ. **Когда** онъ пріѣхалъ, Оройтесъ схватилъ его и повѣсилъ до смерти. Такъ-то сонъ дочери и совершился.

Такъ и случилось, какъ угадалъ Амазисъ, что большое счастье Поликрата кончилось большимъ несчастьемъ.

БОГЪ ПРАВДУ ВИДИТЪ, ДА НЕ СКОРО СКАЖЕТЪ.

Въ городѣ Владимірѣ жилъ молодой купецъ Аксёновъ. У него были двѣ лавки и домъ.

Изъ себя Аксёновъ былъ русый, кудрявый, красивый и первый весельчакъ и пѣсенникъ. Съ молоду Аксёновъ много пилъ и когда напивался—буянилъ, но съ тѣхъ поръ, какъ женился, онъ бросилъ пить, и только изрѣдка это случалось съ нимъ.

Разъ лѣтомъ Аксёновъ поѣхалъ въ Нижній на ярмарку. **Когда** онъ сталъ прощаться съ семьёй, жена сказала ему:

— Иванъ Дмитріевичъ, не ѣзди ты нынче, я про тебя дурно во снѣ видѣла.

Аксёновъ посмѣялся и сказалъ:

— Ты всё боишься, какъ-бы не загулялъ я на ярмаркѣ?

Жена сказала:

— Не знаю сама, чего боюсь, а такъ дурно в дѣла,—видѣла, будто ты приходишь изъ города, снялъ шапку, а я гляжу: голова у тебя вся сѣдая.

Аксёновъ засмѣялся.

— Ну, это къ прибыли. Смотри,—какъ расторгуюсь, дорогихъ гостинцевъ привезу.

И онъ простился съ семьёй и уѣхалъ.

На половинѣ дороги съѣхался онъ съ знакомымъ купцомъ и съ нимъ вмѣстѣ остановился ночевать. Они напились чаю вмѣстѣ и легли спать въ двухъ комнатахъ рядомъ. Аксёновъ не любилъ долго спать, онъ проснулся среди ночи и, чтобы легче холодкомъ было ѣхать, взбудилъ ямщика и велѣлъ запрягать. Потомъ вышелъ въ чёрную избу, расчёлся съ хозяиномъ и уѣхалъ.

Отъѣхавши вёрстъ сорокъ, онъ опять остановился кормить, отдохнулъ въ сѣняхъ на постояломъ дворѣ, и въ обѣдъ вышелъ на крыльцо и велѣлъ поставить самоваръ; досталъ гитару и сталъ играть. Вдругъ ко двору подъѣзжаетъ тройка съ колокольчикомъ, и изъ повозки выходитъ чиновникъ съ двумя солдатами, подходитъ къ Аксёнову и спрашиваетъ: кто? откуда? Аксёновъ всё разсказываетъ, какъ есть, и проситъ: не угодно ли чайку вмѣстѣ выпить? Только чиновникъ всё пристаётъ съ распросами: «Гдѣ ночевалъ

прошлую ночь? Одинъ или съ купцомъ? Видѣлъ ли купца по утру? Зачѣмъ рано уѣхалъ со двора?»— Аксёновъ удивился, зачѣмъ его обо всёмъ спрашиваютъ; всё разсказалъ, какъ было, да и говоритъ: «Что-жъ вы меня такъ выспрашиваете? Я ни воръ, ни разбойникъ какой-нибудь. Ѣду по своему дѣлу, и нечего меня спрашивать».

Тогда чиновникъ кликнулъ солдатъ и сказалъ:

— Я исправникъ, и спрашиваю тебя затѣмъ, что купецъ, къ какимъ ты ночевалъ прошлую ночь, зарѣзанъ. Покажи вещи, а вы обыщите его.

Взошли въ избу, взяли чемоданъ и мѣшокъ, и стали развязывать и искать. Вдругъ исправникъ вынулъ изъ мѣшка ножикъ и закричалъ:

— Это чей ножикъ?

Аксёновъ поглядѣлъ, видитъ—ножикъ въ крови изъ его мѣшка достали, и испугался.

— А отъ чего кровь на ножѣ?

Аксёновъ хотѣлъ отвѣчать, но не могъ выговорить слова.

— Я.... я не знаю.... я.... ножъ.... я не мой....

Тогда исправникъ сказалъ:

— Поутру купца нашли зарѣзаннымъ на постелѣ. Кромѣ тебя некому было это сдѣлать. Изба была заперта изнутри, а въ избѣ никого, кромѣ тебя, не было. Вотъ и ножикъ въ крови у тебя въ мѣшкѣ, да и по лицу видно. Говори, какъ ты убилъ его, и сколько ты ограбилъ денегъ?

Аксёновъ божился, что не онъ это сдѣлалъ, что не видалъ купца послѣ того, какъ пилъ чай съ нимъ, что деньги у него только свои 8.000, что ножикъ не

его. Но голосъ у него обрывался, лицо было блѣдно, и онъ весь трясся отъ страха, какъ виноватый.

Исправникъ позвалъ солдатъ, велѣлъ связать и вести его на телѣгу. Когда его съ связанными ногами взвалили на телѣгу, Аксёновъ перекрестился и заплакалъ. У Аксёнова обобрали вещи и деньги, отослали его въ ближній городъ, въ острогъ. Послали во Владиміръ узнать, какой человѣкъ былъ Аксёновъ, и всѣ купцы и жители владимірскіе показали, что Аксёновъ съ молоду пилъ и гулялъ, но былъ человѣкъ хорошій. Тогда его стали судить. Судили его за то, что онъ убилъ рязанскаго купца и укралъ 20.000 денегъ.

Жена убивалась о мужѣ и не знала, что думать. Дѣти ея ещё всѣ были малы, а одинъ былъ у груди. Она забрала всѣхъ съ собою и поѣхала въ тотъ городъ, гдѣ ея мужъ содержался въ острогѣ. Сначала ея не пускали, но потомъ она упросила начальниковъ, и её привели къ мужу. Когда она увидала его въ острожномъ платьѣ, въ цѣпяхъ, вмѣстѣ съ разбойниками,—она ударилась о землю и долго не могла очнуться. Потомъ она поставила дѣтей вокругъ себя, сѣла съ нимъ рядышкомъ и стала сказывать ему про домашнія дѣла и спрашивать его про всё, что съ нимъ случилось. Онъ всё разсказалъ ей. Она сказала:

—Какъ же быть теперь?

Онъ сказалъ:

—Надо просить Царя. Нельзя же невинному погибать!

Жена сказала, что она уже подавала прошеніе Царю, но что прошеніе не дошло. Аксёновъ ничего не сказалъ и только потупился. Тогда жена сказала:

— Не даромъ я тогда, помнишь, видѣла сонъ, что ты сѣдъ сталъ. Вотъ ужь и вправду ты съ горя посѣдѣлъ. Не ѣздить бы тебѣ тогда.

И она начала перебирать его волоса и сказала:

— Ваня, другъ сердечный, женѣ скажи правду: не ты сдѣлалъ это?

Аксёновъ сказалъ: «и ты подумала на меня!»— закрылся руками и заплакалъ. Потомъ пришёлъ солдатъ и сказалъ, что женѣ съ дѣтьми надо уходить. И Аксёновъ въ послѣдній разъ простился съ семьёй.

Когда жена ушла, Аксёновъ сталъ вспоминать, что́ говорили. Когда онъ вспомнилъ, что жена тоже подумала на него и спрашивала его, онъ ли убилъ купца, онъ сказалъ себѣ: «видно, кромѣ Бога, никто не можетъ знать правды, и только Его надо просить и отъ Него только ждалъ милости». И съ тѣхъ поръ Аксёновъ пересталъ подавать прошенія, пересталъ надѣяться и только молился Богу.

Аксёнова присудили наказать кнутомъ и сослать въ каторжную работу. Такъ и сдѣлали.

Его высѣкли кнутомъ и потомъ, когда отъ кнута раны зажили, его погнали съ другими каторжниками въ Сибирь.

Въ Сибири, на каторгѣ, Аксёновъ жилъ 26 лѣтъ. Волоса его на головѣ стали бѣлые, какъ снѣгъ, и борода отросла длинная, узкая и сѣдая. Вся весёлость его пропала. Онъ сгорбился, сталъ ходить тихо, говорилъ мало, никогда не смѣялся и часто молился Богу.

Въ острогѣ Аксёновъ выучился шить сапоги и на заработанныя деньги купилъ Четьи-Минеи и читалъ

ихъ, **когда** былъ свѣтъ въ острогѣ; а по праздникамъ ходилъ въ острожную церковь, читалъ Апостолъ и пѣлъ на клиросѣ,—голосъ у него всё **еще** былъ хорошъ. Начальство любило Аксёнова за его смиренство, а товарищи острожные почитали его и называли «дѣдушкой» и «божьимъ человѣкомъ». Когда бывали просьбы по острогу, товарищи **всегда** Аксёнова посылали просить начальство, и **когда** промежь каторжныхъ были ссоры, то они **всегда** къ Аксёнову приходили судиться.

Изъ дому никто не писалъ писемъ Аксёнову, и онъ не зналъ, живы ли его жена и дѣти.

Привели разъ на каторгу новыхъ колодниковъ. Вечеромъ всѣ старые колодники собрались вокругъ новыхъ и стали ихъ разспрашивать, кто изъ какого города или деревни и кто за какія дѣла. Аксёновъ **то**же подсѣлъ на нары подлѣ новыхъ и, потупившись, слушалъ, кто что разсказывалъ. Одинъ изъ новыхъ колодниковъ былъ высокій, здоровый старикъ лѣтъ 60-ти, съ сѣдой стриженой бородой. Онъ разсказывалъ, за что его взяли. Онъ говорилъ:

— Такъ, братцы, ни за что сюда попалъ. У ямщика лошадь отвязалъ отъ саней. Поймали, говорятъ: укралъ. А я говорю: я только доѣхать скорѣй хотѣлъ,—я лошадь пустилъ. Да и ямщикъ мнѣ пріятель. Порядокъ, я говорю?—Нѣтъ, говорятъ, укралъ. А того не знаютъ, что и **гдѣ** укралъ. Были дѣла, давно бы слѣдовало **сюда** попасть, да не могли уличить, а **теперь** не по закону **сюда** загнали. Да врёшь,—былъ въ Сибири, да не долго гащивалъ...

— А ты **откуда** будешь? спросилъ одинъ изъ колодниковъ.

— А мы изъ города Владиміра, тамошніе мѣщане. Звать Макаромъ, а величаютъ Семёновичемъ.

Аксёновъ поднялъ голову и спросилъ:

— А что, не слыхалъ ли, Семёнычъ, во Владимірѣ городѣ про Аксёновыхъ купцовъ? Живы ли?

— Какъ не слыхать! Богатые купцы—даромъ что отецъ въ Сибири. Такой же, видно, какъ и мы грѣшные. А ты самъ, дѣдушка, за какія дѣла?

Аксёновъ не любилъ говорить про свое несчастье; онъ вздохнулъ и сказалъ:

— По грѣхамъ своимъ 26-й годъ нахожусь въ каторжной работѣ.

Макаръ Семеновъ сказалъ:

— А по какимъ же такимъ грѣхамъ?

Аксёновъ сказалъ: «стало-быть стоилъ того», и не хотѣлъ больше разсказывать; но другіе острожные товарищи разсказали новому, какъ Аксёновъ попалъ въ Сибирь. Они разсказали, какъ на дорогѣ кто-то убилъ купца и подсунулъ Аксёнову ножикъ, и какъ за это его понапрасну засудили.

Когда Макаръ Семёновъ услыхалъ это, онъ взглянулъ на Аксёнова, хлопнулъ себя руками по колѣнамъ и сказалъ:

— Ну-чудо! Вотъ чудо-то! Постарѣлъ же ты, дѣдушка!

Его стали спрашивать, чему онъ удивлялся, и гдѣ онъ видѣлъ Аксёнова; но Макаръ Семёновъ не отвѣчалъ, онъ только сказалъ:

— Чудеса, ребята,—гдѣ свидѣться пришлось!

И съ этихъ словъ пришло Аксёнову въ мысли, что не знаетъ ли этотъ человѣкъ про то, кто убилъ купца? Онъ сказалъ:

— Или ты слыхалъ, Семенычъ, прежде про это дѣло, или видалъ меня прежде?

— «Какъ не слыхать! Земля слухомъ полнится. Да давно ужь дѣло было; что́ и слыхалъ, то забылъ», сказалъ Макаръ Семёновъ.

— «Можетъ слыхалъ, кто купца убилъ?» спросилъ Аксёновъ.

Макаръ Семёновъ засмѣялся и сказалъ:

— Да видно тотъ убилъ, у кого ножикъ въ мѣшкѣ нашёлся. Если кто и подсунулъ тебѣ ножикъ, не пойманъ—не воръ. Да и какъ же тебѣ ножикъ въ мѣшокъ сунуть? Вѣдь онъ у тебя въ головахъ стоялъ? Ты бы услыхалъ.

Какъ только Аксёновъ услыхалъ эти слова, онъ подумалъ, что этотъ самый человѣкъ убилъ купца. Онъ всталъ и отошёлъ прочь. Всю эту ночь Аксёновъ не могъ заснуть. Нашла на него скука и стало ему представлятся: то представлялась ему его жена, такою, какою она была, когда провожала его въ послѣдній разъ на ярмарку. Такъ и видѣлъ онъ её, какъ живую, и видѣлъ ея лицо и глаза, и слышалъ, какъ она говорила ему и смѣялась. Потомъ представлялись ему дѣти, такія, какія они были тогда—маленькія, одинъ въ шубкѣ, другой у груди. И себя онъ вспоминалъ, какимъ онъ былъ тогда—весёлымъ, молодымъ; вспоминалъ, какъ онъ сидѣлъ на крылечкѣ на постояломъ дворѣ, гдѣ его взяли, и игралъ на гитарѣ,—и какъ у него на душѣ весело было тогда. И вспомнилъ лобное мѣсто, гдѣ его сѣкли, и палача, и народъ кругомъ, и цѣпи, и колодниковъ, и всю 26-ти-лѣтнюю острожную жизнь, и свою старость вспомнилъ. И такая скука

нашла на Аксенова, что хоть руки на себя наложить

— И всё отъ того злодѣя!.. думалъ Аксёновъ.

И на него нашла такая злость на Макара Семёнова, что хоть самому пропасть, а хотѣлось отмстить ему. Онъ читалъ молитвы всю ночь, но не могъ успокоиться. Днёмъ онъ не подходилъ къ Макару Семёнову и не смотрѣлъ на него.

Такъ прошли двѣ недѣли. По ночамъ Аксёновъ не могъ спать, и на него находила такая скука, что онъ не зналъ, куда дѣваться.

Одинъ разъ, ночью, онъ пошёлъ по острогу и увидалъ, что изъ-подъ одной нары сыплется земля. Онъ остановился посмотрѣть. Вдругъ Макаръ Семёновъ выскочилъ изъ-подъ нары и съ испуганнымъ лицомъ взглянулъ на Аксёнова. Аксёновъ хотѣлъ пройти, чтобъ не видѣть его; но Макаръ ухватилъ его за руку и разсказалъ, какъ онъ прокопалъ проходъ подъ стѣнами, и какъ онъ землю каждый день выноситъ въ голенищахъ и высыпаетъ на улицу, когда ихъ гоняютъ на работу. Онъ сказалъ:

— Только молчи, старикъ,—я и тебя выведу. А если скажешь,—меня засѣкутъ; да и тебѣ не спущу—убью.

Когда Аксёновъ увидалъ своего злодѣя, онъ весь затрясся отъ злости, выдернулъ руку и сказалъ:

— Выходить мнѣ не за чѣмъ и убивать меня нечего, —ты меня уже давно убилъ. А сказывать про тебя буду, или нѣтъ,—какъ Богъ на душу положитъ.

На другой день, когда вывели колодниковъ на работу, солдаты примѣтили, что Макаръ Семёновъ высыпалъ землю, стали искать въ острогѣ и нашли дыру. Начальникъ пріѣхалъ въ острогъ и сталъ всѣхъ до-

прашивать: кто выкопалъ дыру? Всѣ отпирались. Тѣ, которые знали, не выдавали Макара Семёнова, потому что знали, что за это дѣло его засѣкутъ до полусмерти. Тогда начальникъ обратился къ Аксёнову Онъ зналъ, что Аксёновъ былъ справедливый человѣкъ, и сказалъ:

— Старикъ, ты правдивъ,—скажи мнѣ передъ Богомъ, кто это сдѣлалъ?

Макаръ Семёновъ стоялъ какъ ни въ чёмъ не бывало и смотрѣлъ на начальника и не оглядывался на Аксёнова. У Аксёнова тряслись руки и губы, и онъ долго не могъ слова выговорить. Онъ думалъ: «Если скрыть его, за что же я его прощу, когда онъ меня погубилъ? Пускай поплатится за моё мученье. А сказать на него, точно—его засѣкутъ. А что, какъ я понапрасну на него думаю? Да и что-жъ, мнѣ легче развѣ будетъ?»

Начальникъ еще разъ сказалъ: «ну, что-жъ, старикъ, говори правду: кто подкопался?»

Аксёновъ поглядѣлъ на Макара Семёнова и сказалъ:

— Я не видалъ и не знаю.

Такъ и не узнали, кто подкопался.

На другую ночь, когда Аксёновъ лёгъ на свою нару и чуть задремалъ, онъ услыхалъ, что кто-то подошёлъ и сѣлъ у него въ ногахъ. Онъ посмотрѣлъ въ темнотѣ и узналъ Макара. Аксёновъ сказалъ:

— Чего тебѣ ещё отъ меня надо? Что ты тутъ дѣлаешь?

Макаръ Семёновъ молчалъ. Аксёновъ приподнялся и сказалъ:

— Что надо? Уйди! А то я солдата кликну.

Макаръ Семёновъ нагнулся близко къ Аксёнову и шёпотомъ сказалъ:

— Иванъ Дмитріевичъ, прости меня!

Аксёновъ сказалъ: «за что тебя прощать?»

— Я купца убилъ, я и ножикъ тебѣ подсунулъ. Я и тебя хотѣлъ убить, да на дворѣ зашумѣли; я сунулъ тебѣ ножикъ въ мѣшокъ и вылѣзъ въ окошко. Аксёновъ молчалъ и не зналъ, что́ сказать. Макаръ Семёновъ спустился съ нары, поклонился въ землю и сказалъ:

— Иванъ Дмитріевичъ, прости меня, прости ради Бога. Я объявлюсь, что я купца убилъ,—тебя простятъ. Ты домой вернёшься.

Аксёновъ сказалъ:

— Тебѣ говорить легко, а мнѣ терпѣть каково! Куда я пойду теперь?... Жена померла; дѣти забыли; мнѣ ходить некуда...

Макаръ Семёновъ не вставалъ съ полу, бился головой о землю и говорилъ:

— «Иванъ Дмитричъ, прости! Когда меня кнутомъ сѣкли, мнѣ легче было, чѣмъ теперь на тебя смотрѣть.... А ты ещё пожалѣлъ меня—не сказалъ. Прости меня ради Христа! Прости ты меня, злодѣя окаяннаго!»—И онъ зарыдалъ.

Когда Аксёновъ услыхалъ, что Макаръ Семёновъ плачетъ, онъ самъ заплакалъ и сказалъ:

— «Богъ проститъ тебя; можетъ быть я во сто разъ хуже тебя!» И вдругъ у него на душѣ легко стало. И онъ пересталъ скучать о домѣ, и никуда не хотѣлъ изъ острога, а только думалъ о послѣднемъ часѣ.

Макаръ Семёновъ не послушался Аксёнова и объявился виноватымъ. Когда вышло Аксёнову разрѣшеніе вернуться,—Аксёновъ уже умеръ.

X.

ЯБЛОНИ.

Я посадилъ двѣсти молодыхъ яблонь, и три года весною и осенью окапывалъ ихъ и на зиму завёртывалъ соломой отъ зайцевъ. На четвёртый годъ, когда сошёлъ снѣгъ, я пошёлъ смотрѣть свои яблони. Они потолстѣли въ зиму, кора на нихъ была глянцовитая и налитая; сучки всѣ были цѣлы и на всѣхъ кончикахъ и на развилинкахъ сидѣли круглыя, какъ горошинки, цвѣтовыя почки. Кое-гдѣ уже лопнули распуколки и виднѣлись алые края цвѣтовыхъ листьевъ. Я зналъ, что всѣ распуколки будутъ цвѣтами и плодами, и радовался, глядя на свои яблони. Но когда я развернулъ первую яблоню, я увидалъ, что внизу, надъ самой землёю, кора яблони обгрызена кругомъ по самую древесину — какъ бѣлое кольцо. Это сдѣлали мыши. Я развернулъ другую яблоню,—и на другой было тоже самое. Изъ двухъсотъ яблонь ни одной не осталось цѣлой. Я замазалъ обгрызенныя мѣста смолою съ воскомъ; но когда яблони распустились, цвѣты ихъ сейчасъ-же спали. Вышли маленькіе листики, и тѣ завяли и засохли. Кора сморщилась и почернѣла. Изъ двухъсотъ яблонь осталось только девять. На этихъ девяти яблоняхъ кора была не кругомъ объѣдена, а въ бѣломъ кольцѣ оставалась полоска коры. На этихъ

полоскахъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сходилась кора, сдѣлались наросты, и яблони хотя и поболѣли, но пошли. Остальныя всѣ пропали, только ниже обгрызенныхъ мѣстъ пошли отростки, и то всѣ дикіе.

Кора у деревьевъ—тѣ же жилы у человѣка: черезъ жилы кровь ходитъ по человѣку,—и черезъ кору сокъ ходитъ по дереву и поднимается въ сучья, листья и цвѣтъ. Можно изъ дерева выдолбить все нутро, какъ это бываетъ у старыхъ лозинъ, но только бы кора была жива—и дерево будетъ жить; но если кора пропадётъ, дерево пропало. Если человѣку подрѣзать жилы, то онъ умрётъ, во первыхъ потому, что кровь вытечетъ, а во вторыхъ потому, что крови не будетъ уже ходу по тѣлу.

Такъ и берёза засыхаетъ, когда ребята продолбятъ лунку, чтобы пить сокъ, и весь сокъ вытечетъ.

Такъ и яблони пропали отъ того, что мыши объѣли всю кору кругомъ, и соку уже не было хода изъ кореньевъ въ сучья, листья и цвѣтъ.

КЛОПЫ.

Я остановился ночевать на постояломъ дворѣ. Прежде чѣмъ ложиться спать, я взялъ свѣчу и посмотрѣлъ углы кровати и стѣнъ, и когда увидалъ, что во всѣхъ углахъ были клопы, сталъ придумывать—какъ-бы устроиться на ночь такъ, чтобы клопы не добрались до меня.

Со мною была складная кровать, но я зналъ, что поставь я её и посредине комнаты, клопы сползутъ со стѣнъ на полъ, и съ полу по ножкамъ кровати добе-

рутся и до меня; а потому я попросилъ у хозяина четыре деревянныя чашки, налилъ въ чашки воды и каждую ножку кровати поставилъ въ чашку съ водой. Я лёгъ, поставилъ свѣчу на полъ и сталъ смотрѣть— что̀ будутъ дѣлать клопы. Клоповъ было много и они уже чуяли меня: я видѣлъ, какъ они ползли по полу, влѣзали на край чашки и одни падали въ воду, другіе ворочались назадъ. «Перехитрилъ я васъ», подумалъ я, «теперь не доберётесь» — и хотѣлъ уже тушить свѣчу, какъ вдругъ почувствовалъ, что меня кусаетъ что-то. Осматриваюсь: клопъ. Какъ онъ попалъ ко мнѣ? Не прошло минуты, я нашёлъ другаго; я сталъ оглядываться и допытываться — какъ до меня они добрались?

Долго я не могъ понять, но наконецъ взглянулъ на потолокъ и увидалъ—клопъ ползъ по потолку; какъ только онъ доползъ вровень съ кроватью, онъ отцѣпился отъ потолка и упалъ на меня. «Нѣтъ», подумалъ я, «васъ не перехитришь», надѣлъ шубу и вышелъ на дворъ.

ЗАЯЦЪ И ГОНЧАЯ СОБАКА.

Заяцъ сказалъ разъ гончей собакѣ: для чего ты лаешь, когда гоняешься за нами? Ты бы скорѣе поймала насъ, если-бы бѣжала молча. А съ лаемъ ты только нагоняешь насъ на охотника: ему слышно, гдѣ мы бѣжимъ; и онъ забѣгаетъ съ ружьёмъ намъ на встрѣчу, убиваетъ насъ, и ничего не даётъ тебѣ».

Собака сказала: «я не для этого лаю, а лаю только потому, что когда слышу твой запахъ, то и сержусь,

и радуюсь, что я вотъ сейчасъ поймаю тебя; и сама не знаю зачѣмъ, но не могу удержаться отъ лая.

ЗАЙЦЫ И ВОЛКИ.

Зайцы по ночамъ кормятся корою деревьевъ; зайцы полевые—озимями и травой, гуменники—хлѣбными зёрнами на гумнахъ. За ночь зайцы прокладываютъ по снѣгу глубокій, видный слѣдъ. До зайцевъ охотники и люди, и собаки, и волки, и лисицы, и вороны, и орлы. Если бы заяцъ ходилъ просто и прямо, то поутру его сейчасъ бы нашли по слѣду и поймали; но Богъ далъ зайцу трусость,—и трусость спасаетъ его.

Заяцъ ходитъ ночью по полямъ и лѣсамъ безъ страха и прокладываетъ прямые слѣды; но какъ только приходитъ утро, враги его просыпаются, заяцъ начинаетъ слышать то лай собакъ, то визгъ саней, то голоса мужиковъ, то трескъ волка по лѣсу, и начинаетъ отъ страха метаться изъ стороны въ сторону. Проскачетъ впередъ, испугается чего нибудь и побѣжитъ назадъ по своему слѣду. Ещё услышитъ что-нибудь и со всего размаха прыгнётъ въ сторону и поскачетъ прочь отъ прежняго слѣда. Опять стукнетъ что-нибудь, опять заяцъ повернётся назадъ и опять поскачетъ въ сторону. Когда свѣтло станетъ, онъ ляжетъ.

На утро охотники начинаютъ разбирать заячій слѣдъ, путаются по двойнымъ слѣдамъ и далёкимъ прыжкамъ и удивляются хитрости зайца. А заяцъ и не думалъ хитрить. Онъ только всего боится.

ЧУТЬЕ.

Человѣкъ видитъ глазами, слышитъ ушами, нюхаетъ носомъ, отвѣдываетъ языкомъ и щупаетъ пальцами. У одного человѣка лучше видятъ глаза, у другаго хуже. Одинъ слышитъ издали, а другой глухъ. У одного чутье сильнѣе и онъ слышитъ, чѣмъ пахнетъ, издалека, а другой и пюхаетъ гнилое яицо, а не чуетъ. Одинъ ощупью узнаетъ всякую вещь, а другой ничего на ощупь не узнаетъ, не разберётъ дерева отъ бумаги. Одинъ чуть возмётъ въ ротъ, слышитъ, что сладко, а другой проглотитъ и не разберётъ, горько или сладко.

Такъ и у звѣрей разныхъ разныя чувства сильнѣе. Но у всѣхъ звѣрей чутьё сильнѣе, чѣмъ у человѣка.

Человѣкъ когда захочетъ узнать вещь—посмотритъ её, послушаетъ, какъ она шумитъ, иногда понюхаетъ и отвѣдаетъ; но человѣку для того, чтобы узнать вещь, нужнѣе всего её пощупать.

А для звѣрей почти для всѣхъ нужнѣе всего понюхать вещь. Лошадь, волкъ, собака, корова, медвѣдь до тѣхъ поръ не знаютъ вещи, пока её не понюхаютъ.

Когда лошадь чего-нибудь боится, она фыркаетъ—прочищаетъ себѣ носъ, чтобы лучше чуять, и до тѣхъ поръ не перестанетъ бояться, пока не обнюхаетъ.

Собака часто бѣжитъ за хозяиномъ по слѣду, а увидитъ хозяина—испугается, не узнаетъ и начнётъ лаять, до тѣхъ поръ, пока не обнюхаетъ его и не узнаетъ, что то, что ей на глазъ страшно, есть самый ея хозяинъ.

Быки видятъ, какъ бьютъ быковъ, слышатъ, какъ ревутъ быки на бойнѣ, и всё не понимаютъ, что такое

дѣлается. Но стóитъ коровѣ или быку найти на мѣсто, гдѣ бычачья кровь, да понюхать, и онъ поймётъ, начнётъ ревѣть, бить ногами, и его не отгонишь отъ того мѣста.

У одного старика заболѣла жена; онъ пошёлъ самъ доить корову. Корова фыркнула, узнала, что не хозяйка, и не давала молока. Хозяйка велѣла мужу надѣть свою шубейку и платокъ на голову,—корова дала молоко; но старикъ распахнулся, корова понюхала и опять остановила молоко.

Гончія собаки, когда гоняютъ звѣря по слѣду, то никогда не бѣгутъ по самому слѣду, а стороной, шаговъ на 20 Когда незнающій охотникъ хочетъ навесть собаку на слѣдъ звѣря и ткнётъ собаку носомъ въ самый слѣдъ, то собака всегда отскочитъ въ сторону. Для нея слѣдъ такъ сильно пахнетъ, что она ничего не разберётъ на самомъ слѣдѣ и не знаетъ, впередъ или назадъ побѣжалъ звѣрь. Она отбѣжитъ въ сторону и тогда только чуетъ, въ какую сторону сильнѣе пахнетъ и бѣжитъ за звѣремъ. Она дѣлаетъ тоже, что́ мы дѣлаемъ, если намъ говорятъ громко надъ самымъ ухомъ: мы отойдёмъ, и тогда издали только разберёмъ, что говорятъ. Или, когда слишкомъ близко отъ насъ то, что́ мы разсматриваемъ,—мы отстранимся и тогда разсмотримъ.

Собаки узнаютъ другъ друга и даютъ другъ другу знаки по запаху.

Еще тоньше чутьё у насѣкомыхъ. Пчела прямо летитъ на тотъ цвѣтокъ, какой ей нуженъ. Червякъ ползётъ къ своему листу; клопъ, блоха, комаръ чуютъ человѣка на сотни тысячъ клопиныхъ шаговъ

Если малы частицы тѣ, которыя отдѣляются отъ вещества и попадаютъ въ нашъ носъ, то какъже малы должны быть частицы тѣ, которыя попадаютъ въ чутьё насѣкомыхъ!

ОТЪ ЧЕГО ВЪ МОРОЗЫ ТРЕЩАТЪ ДЕРЕВЬЯ?

Отъ того, что въ деревьяхъ есть сырость, и сырость эта замерзаетъ, какъ вода. Когда вода замёрзнетъ, она раздаётся, а когда ей нѣтъ мѣста раздаться—она разрываетъ деревья.

Если налить воды въ бутылку и поставить на морозъ, вода замёрзнетъ и разорвётъ бутылку.

Когда изъ воды дѣлается лёдъ, то во льду этомъ такая сила, что, если наполнить чугунную пушку водой и заморозить, то льдомъ разорвётъ её.

Отъ чего вода не сжимается, какъ желѣзо, отъ холода,—а раздаётся, когда замёзнетъ?

Отъ того, что когда вода замёрзнетъ, ея частицы связываются между собою по другому, и промежъ нихъ больше пустыхъ мѣстъ.

Для чего вода не сжимается, когда замёрзнетъ?

Для того, чтобы вода въ рѣкахъ и озёрахъ не замёрзла до дна.

Лёдъ раздаётся отъ мороза, отъ того дѣлается легче воды и плаваетъ на водѣ, и только снизу подмерзаетъ и дѣлается толще и толще, но никогда не намерзаетъ до дна. А если-бы вода сжималась отъ мороза, какъ сжимается желѣзо, то верхняя вода замерзала бы на рѣкѣ и тонула-бы, потому что лёдъ былъ-бы тяжелѣе воды. Потомъ опять бы замерзала верхняя

вода и тонула-бы—и такъ замёрзли бы озёра и рѣки отъ дна и до верху.

СЫРОСТЬ.

I.

Отъ чего паукъ иногда дѣлаетъ частую паутину и сидитъ въ самой серединѣ гнѣзда, а иногда выходитъ изъ гнѣзда и выводитъ новую паутину?

Паукъ дѣлаетъ паутину по погодѣ, какая есть и какая будетъ. Глядя на паутину, можно узнать, какая будетъ погода; если паукъ сидитъ забившись въ серединѣ паутины и не выходитъ—это къ дождю. Если онъ выходитъ изъ гнѣзда и дѣлаетъ новыя паутины,—то это къ погодѣ.

Какъ можетъ паукъ знать впередъ, какая будетъ погода?

Чувства у паука такъ тонки, что когда въ воздухѣ начнётъ только собираться сырость, и мы этой сырости не слышимъ, и для насъ погода еще ясная—для паука уже идётъ дождь.

Точно такъ же, какъ и человѣкъ раздѣтый сейчасъ почувствуетъ сырость, а одѣтый не замѣтитъ ея, такъ и для паука идётъ дождь, когда для насъ онъ только собирается.

СЫРОСТЬ.

II.

Отъ чего зимою двери разбухаютъ и не затворяются, а лѣтомъ ссыхаются и притворяются?

Отъ того, что осенью и зимой дерево насытится водой, какъ губка, и его разопрётъ, а лѣтомъ вода выйдетъ паромъ и оно съёжится.

Отъ чего слабое дерево,—осина, больше разбухаетъ, а дубъ меньше?

Отъ того, что въ крѣпкомъ деревѣ,—дубѣ, пустаго мѣста меньше и водѣ нѣкуда набраться; а въ слабомъ деревѣ,—осинѣ, пустаго мѣста больше и водѣ есть куда набраться. Въ гниломъ деревѣ еще больше пустаго мѣста и отъ того гнилое дерево больше всего разбухаетъ и больше садится.

Колоды для пчёлъ дѣлаютъ изъ самаго слабаго и гнилаго дерева: самые лучшие улья бываютъ изъ гнилой лозины. Отъ чего это? Отъ того, что черезъ гнилую колоду проходитъ воздухъ, и для пчёлъ въ такой колодѣ воздухъ легче.

Отъ чего доски коробятся?

Отъ того, что неровно сохнутъ. Если приставить сырую доску одной стороной къ печкѣ, вода выйдетъ и дерево сожмётся съ этой стороны и потянетъ за собой другую сторону; а сырой сторонѣ сжаться нельзя, потому что въ ней вода,—и вся доска погнётся.

Для того, чтобы не коробились полы, ихъ рѣжутъ изъ сухихъ досокъ на куски, и куски эти вываривaютъ въ кипяткѣ. Когда изъ нихъ вода вся выкипитъ, ихъ клеятъ, и они уже не коробятся (паркетъ).

РАЗНАЯ СВЯЗЬ ЧАСТИЦЪ.

Отъ чего подушки подъ телѣги вырѣзаютъ и ступицы подъ колёса точатъ не изъ дуба, а изъ берёзы?

Подушки и ступицы нужны крѣпкія, а дубъ не дороже берёзы. Отъ того, что дубъ колется вдоль, а береза не расколется, а вся измочалится.

Отъ того, что дубъ, хоть и плотнѣе связанъ, чѣмъ берёза, да связанъ такъ, что расходится вдоль, а берёза не расходится.

Отъ чего колёса и полозья гнутъ изъ дуба и вяза, а не гнутъ изъ берёзы и липы?

Отъ того, что дубъ и вязъ, когда ихъ распарятъ въ банѣ, гнутся и не ломаются, а берёза и липа на всѣ стороны мочалятся.

Всё отъ того-же, что частицы дерева въ дубѣ и берёзѣ иначе связаны.

ЛЕДЪ, ВОДА И ПАРЪ.

Лёдъ бываетъ крѣпкій, какъ камень. Если во льдѣ вмёрзнетъ палка, то палку эту не выломаешь изо льда, пока не оттаешь. Когда лёдъ холоденъ, то по нёмъ возà ѣздятъ и не проваливаются, и брось на него 10 пудовъ желѣза, лёдъ не провалится.

Чѣмъ холоднѣе лёдъ, тѣмъ онъ крѣпче. Какъ согрѣется лёдъ—такъ онъ ослабнетъ, сдѣлается какъ каша; что́ въ нёмъ вмёрзло—рукой можно вынуть; онъ проваливается подъ ногами и не удержитъ и фунта желѣза. Когда лёдъ ещё больше согрѣется, то онъ станетъ водой. Изъ воды всякую вещь легко вынуть, и вода уже ничего не держитъ кромѣ дерева. Если ещё станешь согрѣвать воду, она ещё меньше станетъ держать. Въ холодной водѣ легче плавать, чѣмъ въ тёплой. А въ горячей водѣ и дерево тонетъ.

Если ещё согрѣть воду, она и вовсе разойдётся пàромъ; и паръ ужъ ничего не держитъ, а самъ идётъ во всѣ стороны.

Если кипятить воду подъ крышкой, то вода испарится и сядетъ каплями подъ крышкой, стечётъ внизъ и опять станетъ вода. Собрать эту воду и выставить на морозъ—опять станетъ лёдъ.

Согрѣй воду—будетъ паръ; застуди воду—будетъ лёдъ. Всё таже вода бываетъ летучая, когда согрѣется, и крѣпкая, когда остынетъ.

Во льду нѣтъ тепла, въ водѣ есть немного, а въ парѣ очень много.

Если ко льду приставить льдину, то льдина не согрѣется и не похолодѣетъ.

А если польёшь воды на лёдъ, то лёдъ потеплѣетъ, а вода похолодѣетъ. Лёдъ растаетъ, если воды много, и вода замёрзнетъ, если льду много.

А если на лёдъ пустить паръ, то лёдъ потеплѣетъ, а паръ похолодѣетъ: лёдъ растаетъ, станетъ водой, а паръ охолодѣетъ и тоже станетъ водой.

Если вода холодная и воздухъ холодный, то ни вода не согрѣется, ни воздухъ не похолодѣетъ. Но если воздухъ тёплый, а вода холодная, что́ будетъ? Изъ воздуха тепло будетъ переходить въ воду, вода станетъ всё теплѣе, а воздухъ всё холоднѣе, до тѣхъ поръ, пока они сравняются.

Если воздухъ теплѣе воды, то вода согрѣется, а воздухъ остынетъ; а если вода теплѣе, то воздухъ согрѣется, а вода остынетъ.

Если на воздухѣ изъ жидкой воды дѣлается мёрз-

лая вода, то значитъ вода теплѣе воздуха,—она будетъ холодѣть, а воздухъ теплѣть.

Ели на воздухѣ летучая вода дѣлается жидкой водой,—значитъ воздухъ холоднѣе летучей воды, и вода будетъ стыть, а воздухъ грѣться.

Если изъ крѣпкой воды дѣлается на воздухѣ жидкая вода, значитъ воздухъ теплѣе; онъ будетъ стыть, крѣпнуть, а лёдъ грѣться.

Если на воздухѣ изъ воды дѣлается паръ, высыхаетъ вода, значитъ воздухъ теплѣе; онъ будетъ стыть, а вода грѣться.

Льдомъ нельзя грѣть, а водой и паромъ можно грѣть. Водой можно вотъ какъ грѣть: провести въ холодный домъ воду. Какъ вода замёрзнетъ, такъ лёдъ выносить вонъ; опять замёрзнетъ,—опять выносить вонъ. И въ домѣ всё будетъ теплѣе, и такъ станетъ тепло, что вода, не станетъ ужъ мёрзнуть. Отъ чего это такъ будетъ? Отъ того, что, какъ вода замёрзнетъ, такъ она выпуститъ изъ себя лишнее тепло въ воздухъ, и до тѣхъ поръ будетъ выпускать, пока воздухъ согрѣется и вода перестанетъ мёрзнуть.

Паромъ грѣютъ вотъ какъ: напустятъ пару въ холодный домъ. Паръ станетъ охолаживаться, каплями потечётъ книзу и станетъ водой. Воду эту выносятъ и въ домѣ становится тепло.

Отъ чего это такъ будетъ? Отътого, что какъ только паръ станетъ водой, онъ изъ себя выпуститъ лишнее тепло въ воздухъ.

Когда изъ воды дѣлается лёдъ, а изъ пара дѣлается вода, то въ воздухъ выходитъ тепло изъ воды и изъ пара, и воздухъ становится теплѣе. А когда изъ

льда дѣлается вода, а изъ воды дѣлается паръ, то тепло изъ воздуха выходитъ въ воду и въ паръ, и воздухъ становится холоднѣе.

Если хочешь остудить тёплую горницу, принеси льду и дай ему растаять. Отъ чего станетъ холоднѣе? Отъ того что лёдъ, чтобъ ему сдѣлаться водой, заберётъ въ себя тепло изъ воздуха.

Если хочешь остудить, налей воды и дай ей высохнуть. Отъ чего такъ будетъ? Отъ того, что изъ воды сдѣлается паръ. А чтобы изъ воды сдѣлаться па̀ромъ, она заберётъ много тепла изъ воздуха.

Отъ этого бываетъ холоднѣе, когда идётъ дождь, и теплѣе, когда собирается дождь. Когда идётъ дождь, то вода сохнетъ, испаряется и забираетъ въ себя тепло. А когда собирается дождь, то въ воздухѣ ходятъ пары и охлаждаются въ тучи; отъ нихъ-то и тепло.

Такъ и говорятъ, что па̀ритъ.

КРИСТАЛЛЫ.

Если сыпать въ воду соль и мѣшать, то соль станетъ расходиться и такъ разойдётся въ водѣ, что не видать будетъ соли; но если сыпать ещё и ещё соли, то подъ конецъ соль ужь перестанетъ распускаться, а сколько ты её ни мѣшай, такъ и останется бѣлымъ порошкомъ въ водѣ. Вода насытилась солью и больше ужъ принять не можетъ. Но если разогрѣть воду, она приметъ ещё; и соль, та, которая не распускалась въ холодной водѣ, распустится въ горячей. Но если ещё насыпать соли, тогда ужъ и горячая вода не приметъ больше соли. А если больше станешь грѣть воду, то сама вода уйдётъ па̀ромъ, и соли ещё больше останет-

ся. Такъ на каждую вещь, какую вода распускаетъ, у воды есть мѣра, дальше чего ей нельзя распустить. Каждой вещи вода распускаетъ больше, когда горяча, чѣмъ когда холодна, но всё же—какъ насытится горячая вода, такъ дальше ужъ не принимаетъ. Вещь останется сама по себѣ, а вода уйдётъ пàромъ

Если насытить воду селитреннымъ порошкомъ, а потомъ подсыпать ещё селитры лишней, всё согрѣть и не мѣшавши дать остынуть, то селитра лишняя не ляжетъ порошкомъ на днѣ воды, а соберётся вся шестигранными столбиками и сядетъ на днѣ и по бокамъ, столбикъ подлѣ столбика Если насытить воду селитреннымъ порошкомъ и поставить въ тёпломъ мѣстѣ, то вода уйдётъ пàромъ, а селитра лишняя также сложится столбиками шестигранными.

Если насытить воду простою солью, согрѣть и также дать уйти водѣ пàромъ, то лишняя соль сложится тоже не порошкомъ, а кубиками Если насытить воду селитрой съ солью вмѣстѣ, лишняя селитра и соль не смѣшаются, и сложатся каждая по своему — селитра столбиками, а соль кубиками.

Если насытить воду извёсткой, или другой солью, или ещё чѣмъ нибудь, то каждая вещь, когда вода выйдетъ пàромъ, сложится по своему. Какая въ трехгранные столбики, какая въ восьмигранные, какая кирпичиками, какая звѣздочками — каждая по своему. Это-то фигуры разныя бываютъ во всѣхъ крѣпкихъ вещахъ. Иногда фигуры эти большія, въ руку; такіе находятъ камни въ землѣ Иногда фигуры эти такъ малы, что простымъ глазомъ не разберёшь ихъ; но въ каждой вещи есть свои фигуры.

Если, когда вода насыщена селитрой и въ ней начинаютъ складываться фигуры, отломить иголочкой край фигуры, то опять на тоже мѣсто придутъ новые кусочки селитры и опять задѣлаютъ отломанный край точно такъ, какъ ему надо быть,—шестигранными столбиками. Тоже самое и съ солью и со всякой другой вещью. Всѣ маленькія порошинки сами ворочаются и приставляются той стороной, какой надо.

Когда замерзаетъ лёдъ, то дѣлается тоже самое.

Летитъ снѣжинка—въ ней не видать никакой фигуры; но какъ только она сядетъ на что-нибудь тёмное и холодное, на сукно, на мѣхъ,—въ ней можно разобрать фигуру: увидишь звѣздочку, или шестиугольную дощечку. На окнахъ паръ примерзаетъ не какъ попало, а какъ онъ станетъ примерзать, такъ сейчасъ сложится въ звѣздочку.

Что такое лёдъ? Это холодная, крѣпкая вода. Когда изъ жидкой воды дѣлается крѣпкая вода, она складывается въ фигуры и изъ нея выходитъ тепло. Тоже самое дѣлается съ селитрой; когда она изъ жидкой складывается въ крѣпкія фигуры, изъ нея выходитъ тепло. Тоже съ солью, тоже съ плавленымъ чугуномъ, когда онъ изъ жидкаго дѣлается крѣпкимъ. Когда какая нибудь вещь изъ жидкой дѣлается крѣпкой, изъ нея выходитъ тепло и она складывается въ фигуры. А когда изъ крѣпкой дѣлается жидкая, то вещь забираетъ въ себя тепло, и изъ нея выходитъ холодъ и фигуры ея распускаются.

Принеси плавленаго желѣза и дай ему остывать: принеси тѣста горячаго и дай ему остывать; принеси извёстки гашеной и дай ей остывать,—будетъ тепло.

Принеси льду и тай его—станетъ холодно. Принеси селитры, соли и всякой вещи, какая въ водѣ расходится, и распускай её въ водѣ, — станетъ холодно. Чтобъ заморозить мороженое — сыплютъ соль въ воду.

X.

ВОЛЬГА БОГАТЫРЬ.

Что не мелки часты звѣздочки
Разсажалися подъ небесью,
Что не ясенъ свѣтелъ мѣсяцъ
Просвѣтилъ въ небѣ высокоемъ,—
Освѣтило красно солнышко
Нашу землю святорусскую:
На святой Руси на матушкѣ
Народился удалъ молодецъ,
Свѣтъ Вольга̀—сударь Буслаевичъ.
Отъ рожденья богатырскаго
Потряслася мать сыра земля,
Море сине всколыбалося,
Рыбы въ глубь моря забилися,
Звѣри въ чащи схоронилися,
Пострялось царство Турецкое.
Выросталъ Вольга семи годовъ—
Захотѣлъ онъ много мудрости,
Къ мудрецамъ задался въ выучку,
И въ наукъ пошло ученіе.
Понималъ Вольга всѣ мудрости.
Обучился первой мудрости—
Оборачиваться птицею;

Обучился другой мудрости—
Оборачиваться рыбою;
Обучился третьей мудрости—
Сѣрымъ волкомъ ся обёртывать.
Какъ и сталъ Вольга̀ въ пятнадцать лѣтъ,
Подбиралъ Вольга̀ дружинушку,
И собралъ онъ себѣ ровнюшекъ,
Удалыхъ-ли добрыхъ мо́лодцевъ,—
Тридцать братьевъ безъ единаго,
Становился самъ въ тридцатыихъ.
Какъ и сталъ Вольга̀ съ дружиною
На крутомъ яру у Кіева,
Взговоритъ Вольга̀ Буслаевичъ:
«Вы дружина моя храбрая,
«Тридцать братьевъ безъ единаго,
«Самъ Вольга̀ я во тридцатыихъ,—
«Вы большаго брата слушайте,
«Повелёно дѣло дѣлайте:
«Повяжите сѣти шёлковы,
«Опускайте въ море синее»
Тутъ Вольгу̀ дружина слушалась,
Повязала сѣти шёлковы,
Опускала въ море синее.
Рыбой Вольга ся обёртывалъ,
Рыбой-щукою зубастою,
Во станы поплылъ глубокіе,
Распугалъ всю рыбу красную,
Загонялъ рыбу во части сѣти.
Какъ и сталъ Вольга съ дружиною
На крутомъ яру у Кіева,
Взговоритъ Вольга Буслаевичъ:

«Вы, дружина моя храбрая,
«Тридцать братьевъ безъ единаго,
«Самъ Вольга̀ я во тридцатыихъ,
«Брата бо̀льшаго вы слушайте,
«Повелёно дѣло дѣлайте:—
«Вейте шёлковы верёвочки,
«Разстанавливайте по лѣсу,
«На звѣриныхъ-ли на тропочкахъ»
Тутъ Вольгу дружина слушалась—
Вила шёлковы верёвочки,
Разстанавливала по лѣсу.
Звѣремъ Вольга ся обёртывалъ
Сѣрымъ волкомъ голенастыимъ,
Поскакалъ въ лѣса дремучіе,
Во глухѝ ломы, во чащицы,
Распугалъ онъ звѣря куннаго,
Загонялъ звѣря во петельки.
Какъ и сталъ Вольга съ дружиною,
На крутомъ яру у Кіева,
Взговоритъ Вольга Буслаевичъ:
«Половили мы всю рыбушку
«Изъ синя моря глубокаго,
«Половили звѣря куннаго
«Изъ темныхъ лѣсовъ дремучіихъ;
«А и будетъ-ли тотъ мо̀лодецъ,
«Чтобъ сходилъ въ царство Турецкое
«Ко Царю Салтанъ-Бекетычу,
«Свѣдать думу его Царскую»
Молодцы тутъ стали прятаться,
Что большо̀й да за середняго,
А середній что за мѐньшаго,—

А отвѣта нѣтъ отъ мѣньшаго.
Говоритъ Вольга̀ Буслаевичъ:
«Вольгѣ будетъ самому идти».
Птицей Вольга̀ ся обёртывалъ,
Высокò взился подъ нѣбесью;
Прилеталъ въ Царство Турецкое,
На оконце сѣлъ косящато.
Сидитъ Царь Салтанъ Бекетовичъ
Со Царицею Давыдьевной,—
Разговоры разговарива(е)тъ;
Говоритъ Салтанъ Бекетовичъ:
«Ты жена моя возлюбленна,
«Молода-ли свѣтъ-Давыдьевна,
«Воевать хочу святую Русь,
«Хочу взять я славный Кіевъ-градъ,
«Подарить хочу по городу
«Девяти сынамъ, по русскому;
«Да привезть хочу я шубоньку
«Дорогую, соболиную».
Взговоритъ ему Давыдьевна:
— «Гой ты, Царь Салтанъ Бекетовичъ!
«Ты напрасно снаряжаешься
«Воевать на землю русскую;
«Али ты того не вѣдаешь—
«На Руси всё не по старому,
«Освѣтило красно солнышко
«Славну землю Святорусскую:
«Народился удалъ-мòлодецъ
«Богатырь Вольга̀ Буслаевичъ;
«Онъ теперь, Вольга Буслаевичъ,
«На окнѣ сидитъ и слушаетъ

«Наши рѣчи съ тобой тайныя.
«Не возмёшь ты славный Кіевъ-градъ,
«Не подаришь ты по городу
«Девяти сынамъ по русскому,
«А пропасть твоей головушкѣ
«Отъ того Вольги Буслаевича».
Тѣмъ словамъ Салтанъ не вѣровалъ;
На Царицу Царь прогнѣвался—
По лицу ударилъ бѣлому,
Прогонялъ онъ съ глазъ Давыдьевну.
Догадался Вольгъ Буслаевичъ,
Горностаемъ ся обёртывалъ,
Въ погреба бѣжалъ глубокіе—
Онъ тетивочки шелковыя
На лукахъ тугихъ накусывалъ,
Съ каленыхъ-отъ стрѣлъ желѣзочки
Онъ повынималъ—закапывалъ,
Оборачивался птицею,
Прилеталъ назадъ ко Кіеву,
Собиралъ свою дружинушку,
Подходилъ къ Царству Турецкому.
Царство крѣпко огорожено
Стѣной каменной, высокою,
Во стѣнѣ ворота крѣпкія,
По булату золочёныя,—
А засовы—крюки мѣдные,
Подворотня—дорогъ рыбій зубъ,
Мелкимъ вырѣзомъ вырѣзана;
По мудрёнымъ мелкимъ вырѣзамъ
Въ пору-ли пролѣзть мурашику.
Тутъ дружина закручинилась:

«Какъ пройти намъ стѣны каменны,
«Погубить-ли добрымъ молодцамъ
«Намъ головушки напрасныя?»
Догадался Вольгъ Буслаевичъ.
Мурашомъ себя обёртывалъ,
Добрыхъ молодцевъ мурашками,—
Пролѣзалъ съ своей дружиною
Въ подворотню зуба рыбьяго;
За стѣной Вольга Буслаевичъ
Оборачивалъ мурашиковъ—
Молодцами съ сбруей ратною.
Взговоритъ-ли Вольгъ Буслаевичъ:
«Вы большаго брата слушайте,
«Повелёно дѣло дѣлайте:
«Въ славномъ царствѣ во Турецкiимъ
«Вырубайте старъ и малаго,
«Изведите всѣхъ до кореня;
«Оставляйте только лучшiихъ
«Тридцать душекъ красныхъ дѣвушекъ»
Тутъ Вольгу дружина слушалась—
Въ славномъ царствѣ во Турецкiимъ
Вырубала старъ и малаго,
Изводила всѣхъ до кореня,
Не оставила на сѣмена;
Оставляла только лучшiихъ
Тридцать душекъ красныхъ дѣвушекъ.
Самъ Вольга Царя отыскивалъ,
Во палатахъ его каменныхъ—
Двери заперты желѣзныя,
Во дверяхъ засовы крѣпкiе.
Взговоритъ-ли Вольгъ Буслаевичъ:

«Хоть нога сломать, а выставить!»
Пнулъ ногой двери желѣзныя,
Поломалъ засовы крѣпкіе;
Царя славнаго Турецкаго
Бралъ Вольга за ручки бѣлыя.
Говорилъ Вольга Буслаевичъ:
«А не бьютъ Царей, ни казнятъ васъ»—
Царя хлопнулъ о кирпищатъ полъ,
И расшибъ Салтана въ дребезги.
Тутъ дружину свою храбрую
Вольга поровну одѣливалъ.
Табуновъ коней по тысячѣ,
По бочёнку красна золота,
Да по дѣвушкѣ на мо́лодца.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НЕСТОРОВА ЛѢТОПИСЬ.

ПОХОДЫ ИГОРЯ НА ГРЕКОВЪ.

Въ лѣто ҂ѕу҃ка. Поча кнѧжити Игорь по Ользѣ.

Въ лѣто ҂ѕу҃кв. Идє Игорь на Дрєвлѧны, и побѣдивъ ѧ, и възложи на нѧ дань большю Ольговы.

Въ лѣто ҂ѕу҃мѳ. Идє Игорь на Грєки; ꙗкѡ послаша Болгарє вѣсть ко царю, ꙗкѡ идꙋть Рꙋсь на Царьградъ скєдїй ї тысѧщь. Иже поидоша и приплꙋша, и почаша воєвати Вифаньскїѧ страны, и воєвахꙋ по Понтꙋ до Ираклїѧ и до Фафлогоньски зємли, и всю странꙋ Никомидїйскую

Въ 6421 году, началъ царствовать Игорь послѣ Олега.

Въ 6422 году пошёлъ Игорь на Древлянъ, и, побѣдивъ ихъ, наложилъ на нихъ дань бо́льшую, (чѣмъ) Олегова.

Въ 6449 году пошёлъ Игорь на Грековъ. И послали Болгаре извѣстіе къ Царю, что идутъ Русскіе на Царьградъ лодокъ 10 тысячъ, которые пошли и приплыли и начали воевать Виѳанскія земли, и воевали въ Понтійской области до (города) Иракліи и Пафла-

поплѣнивше, и Сꙋдъ весь пожьгоша. Ихъ же емше, овѣхъ растинахꙋ, дрꙋгїѧ аки странь поставлѧюще и стрѣлѧхꙋ въ нѧ, изимахꙋть, опаки рꙋцѣ съвѧзывахꙋть, гвозди желѣзныи посреди главы въбивахꙋть имъ; много же свѧтыхъ церквїй огневи предаша, монастырѣ и села пожьгоша, и имѣньѧ не малѡ отъ обою странꙋ взѧша.

Потомъ же пришедъшемъ воемъ отъ въстока, Памъфиръ деместикъ съ м҃-ми тысѧщь, Фока же патрекїй съ Макидоны, Ѳедоръ же стратилатъ съ Ѳраки, съ ними же и сановьници боѧрьстїи ѡбидоша Рꙋсь около. Съвѣщаша Рꙋсь, изидоша въорꙋжившесѧ на Греки, и брани межю ими бывши зьли, одва одолѣша Грьци; Рꙋсь же възратишасѧ къ дрꙋжинѣ своей къ вечерꙋ, на ночь влѣзоша въ лодьи и отбѣгоша. Ѳеофанъ же устрѣте ѧ въ лѧдехъ со огнемъ, и пꙋщати

гонской земли, и ограбивъ всю окрестность Никомидіи, гавань всю сожгли. Какихъ забирали, однихъ разрубали, другихъ ставя какъ цѣль, стрѣляли въ нихъ, (а то) брали, на спинѣ руки связывали и гвозди желѣзные вбивали посреди головы имъ. Много святыхъ церквей огню предали, монастыри и сёла пожгли, и добра не мало въ обѣихъ земляхъ взяли.

Потомъ же, когда пришли воины съ востока, Памфиръ Деместикъ съ 40 тысячами, Ѳока Патрицій съ Македонцами, и Ѳёдоръ Стратилатъ съ Ѳракійцами, съ ними ещё люди сана боярскаго, (то) обошли Русскихъ кругомъ. Держали совѣтъ Русскіе, и вышли построившись на Грековъ, и послѣ жестокаго боя между ними, едва одолѣли Греки. Русскіе же возвратившись къ дружинѣ своей къ вечеру, къ ночи вошли въ лодки и отплыли. Ѳео-

нача трꙋбами огнь на лодьѣ Рꙋскїѧ, и бысть видѣти страшно чюдо.

Рꙋсь же видѧщи пламѧнь, вметахꙋсѧ въ водꙋ морьскꙋю хотѧще убрести, и тако прочїи възвратишасѧ въсвоѧси. Тѣмже пришедшимъ въ землю свою, и повѣдахꙋ кождо своимъ ѡ бывшемъ и ѡ лѧдьнѣмь огни: «ꙗкоже молоньѧ», рече, «иже на небесѣхъ, Грьци имꙋть у собе, и сїю пꙋщающе жежагахꙋ насъ; сегѡ ради не ѡдолѣхомъ имъ».

Игорь же пришедъ нача совкꙋплѧти воѣ многи, и посла по Варѧги многи за море, вабѧ є на Греки, паки хотѣ поити на нѧ.

Въ лѣто ҂ѕꙋнв. Игорь же совкꙋпивъ вои многи, Варѧги, Русь, и Полѧны, Словѣни, и Кривичи, и Тѣверьцѣ, и Печенѣги, и тали у

фанъ же встрѣтилъ ихъ въ корабляхъ съ огнёмъ, и пускать началъ трубами огонь на лодки Русскія, и было видѣть страшно (это) диво.

Русскіе, видя пламень, бросались въ воду морскую, чтобы уйти, и такъ остальные возвратились во свояси. Когда они пришли въ землю свою, они разсказывали каждый своимъ о томъ, что̀ было, и о корабельномъ огнѣ: «какъ молнія», говорили, «что̀ на небѣ, (такая) есть у Грековъ, и эту (-то) пускаючи жгли насъ; отъ этого мы и не одолѣли ихъ»

Игорь же, возвратившись, началъ собирать воиновъ много, и послалъ за большимъ числомъ Варяговъ за море, набирая ихъ на Грековъ,—опять хотѣлъ идти на нихъ.

Въ 6452 году Игорь, собравъ воиновъ много, Варяговъ, Руси, и Полянъ, Славянъ, и Кривичей, и Тиверцовъ, и Печенѣговъ (и за-

нихъ поѧ, поиде на Греки въ лодьѧхъ и на конихъ, хотѧ мьстити себе.

Се слышавше Корсѹнци, послаша къ Романѹ, глаголюще: «се идѹтъ Рѹсь безъ числа корабль, покрыли сѹть море корабли». Такоже и Болгаре послаша вѣсть, глаголюще: «идѹть Рѹсь, и наѧли сѹть къ собѣ Печенѣги».

Се слышавъ царь, посла къ Игорю лѹчїѣ болѧре, молѧ и глаголѧ: «не ходи, но возьми дань, юже ималъ Олегъ, придамь и еще къ той дани». Такоже и къ Печенѣгомъ посла паволоки и злато многѡ. Игорь же дошедъ Дѹнаѧ, созва дрѹжинѹ, и нача дѹмати, и повѣда имъ рѣчь царевѹ.

Рѣша же дрѹжина Игорева: «да аще сице глаголетъ царь, то что хочемъ болѣ того, не бившесѧ имати злато, и сребро, и паволоки? еда кто вѣсть, кто ѡдолѣетъ, мы ли,

ложниковъ у нихъ взялъ), пошёлъ на Грековъ въ лодкахъ и на лошадяхъ, желая мстить (за) себя.

Это услышавши, Корсунцы послали къ Роману, говоря: «вотъ идутъ Русскіе, безъ числа кораблей — покрыли море корабли». Также и Болгаре послали извѣстіе, говоря: «идутъ Русскіе, и наняли себѣ Печенѣговъ».

Это услышавши, Царь послалъ къ Игорю знатнѣйшихъ бояръ, прося и говоря: «не ходи, а возьми дань, которую бралъ Олегъ; я прибавлю и ещё къ той дани». Также и Печенѣгамъ послалъ парчи и золота много. Игорь же, дошедши до Дуная, созвалъ дружину, и началъ совѣтъ держать и передалъ имъ слова Царя.

Сказала дружина Игоря: «а если такъ говоритъ Царь, то чего хотѣть больше этого: не бившись получить золото, и серебро, и парчи? Развѣ кто знаетъ, кто одо-

онѣ ли? ли съ моремъ кто свѣтенъ? се бо не по земли ходимъ, но по глубинѣ морьстѣй»...

Послуша ихъ Игорь, и повелѣ Печенѣгомъ воевати Болгарьскѫ землю, а самъ вземъ у Грекъ злато и паволоки и на всѣм воѣ, и възратисѧ въспѧть, и приде къ Кіевѫ въсвояси.

лѣетъ,—мы-ли, они-ли? или съ моремъ кто друженъ? вѣдь не по землѣ ходимъ мы, а по глубинѣ морской».

Послушалъ ихъ Игорь, и велѣлъ Печенѣгамъ воевать Болгарскую землю; а самъ взялъ у Грековъ, золото, и парчи, и (дани) на всѣхъ воиновъ, и вернулся назадъ и пришёлъ къ Кіеву во свояси.

СМЕРТЬ ИГОРЯ.

Въ лѣто ѕѵйг. Въ се же лѣто рекоша дрѫжина Игореви: «отроци Свѣньлѣжи изодѣлисѧ сѫть орѫжьемъ и порты, а мы нази; поиди, кнѧже, съ нами въ дань, да и ты добѫдеши и мы». Послѫша ихъ Игорь, иде въ Дерева въ дань, и примышлѧше къ первой дани, насилѧше имъ; возъемавъ дань, поиде въ градъ свой.

Идѫщю же емѫ въспѧть, размысливъ рече дрѫжинѣ

Годъ 6453. Въ этомъ году сказала дружина Игорю: люди Свѣнельдовы (вдоволь) одѣлися оружіемъ и одёжей, а мы голы; поди, князь, съ нами за данью, чтобъ и тебѣ раздобыться и намъ. Послушалъ ихъ Игорь, пошёлъ въ Дерева за данью и набавлялъ къ прежней дани, вымогалъ у нихъ; понабравъ дани, пошёлъ въ городъ свой.

Когда же онъ возвращался, раздумавъ сказалъ дружинѣ

своей: «идите съ данью домови, а я возвращюсь, похожю и еще». Пусти дружину свою домови, съ маломъ же дружины возвратися, желая больша имѣньа. Слышавше же Деревляне, яко опять идетъ, сдумавше со княземъ своимъ Маломъ: «аще ся въвадить волкъ въ овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьють его; тако и се, аще не убьемъ его, то вся ны погубить»; и послаша къ нему, глаголюще: «почто идеши опять? поималъ еси всю дань».

И не послуша ихъ Игорь, и вышедше изъ града Изкоростѣня Деревляне убиша Игоря и дружину его; бѣ бо ихъ мало. И погребенъ бысть Игорь; и есть могила его у Искоростѣня града въ Деревѣхъ и до сего дне.

своей: «идите съ данью домой, а я вернусь, похожу ещё». Отпустилъ свою дружину домой, а съ малой (частью) дружины вернулся, желая большаго сбора. Услышали Древляне, что онъ опять идётъ и рѣшили съ княземъ своимъ Маломъ: «Если повадится волкъ къ овцамъ, то выноситъ всё стадо, если не убьютъ его. Также и теперь, если не убьемъ его, то онъ всѣхъ насъ въ конецъ разоритъ». И послали къ нему, говоря: «зачѣмъ идёшь опять? ты взялъ уже всю дань».

И не послушалъ ихъ Игорь, и вышедши изъ города Искоростеня, Древляне убили Игоря и дружину его; потому что было ихъ мало. И похоронёнъ былъ Игорь, и есть могила его у Искоростеня въ Деревахъ и до сего дня.

МЕСТЬ ОЛЬГИ ЗА ИГОРЯ.

Кольга же бѣше въ Кіевѣ съ сыномъ съ дѣтьскомъ Свѧтославшмъ, и кормилецъ его Асмѹдъ, и воєвода бѣ Свѣнелдъ..

Рѣша же Деревлѧне: «се князь убихомъ Рѹскаго; поимемъ женѹ его Кольгѹ за князь свой Малъ, и Свѧтослава, и сотворимъ емѹ, ꙗкоже хощемъ». И послаша Деревлѧне лѹчьшїе мѹжи, числомъ к, въ лодьи къ Ользѣ, и приставша подъ Коричевымъ въ лодьи...

И повѣдаша Ользѣ, ꙗко Деревлѧне придоша, и возва ж Ольга къ собѣ: «добри гостье придоша»; и рѣша Деревлѧне: «придохомъ, кнѧгине». И рече имъ Ольга: «да глаголете, что ради придосте сѣмо?» Рѣша же Деревлѧне «посла ны Деревьска землѧ, реклши сице: мѹжа твоегѡ убихомъ, бѧше бо мѹжъ твой ꙗки волкъ восхищаѧ и грабѧ,

Ольга же была въ Кіевѣ съ сыномъ своимъ съ ребёнкомъ Святославомъ, и воспитатель его Асмудъ; а воевода былъ Свѣнельдъ.

И сказали Древляне: «вотъ мы Князя убили Русскаго; возьмёмъ жену его Ольгу за Князя своего Мала, и Святослава, и сдѣлаемъ съ нимъ, что́ хотимъ». И послали Древляне знатнѣйшихъ людей, числомъ 20, въ лодкѣ къ Ольгѣ. И пристали они подъ Боричевымъ въ лодкѣ.

И сказали Ольгѣ, что приплыли Древляне; и позвала ихъ Ольга къ себѣ: «добрые (молъ) гости пришли». И сказали Древляне: «мы пришли, Княгиня». И сказала имъ Ольга: «такъ говорите, для чего пришли сюда». И сказали Древляне: «послала насъ Древлянская земля, говоря такъ: мужа твоего убили мы, потому

а наши кнѧзи добри сѹть; да пойди за кнѧзь нашь за Малъ»; бѣ бо имѧ емѹ Малъ, кнѧзю Деревьскѹ.

Рече же имъ Ольга: «люба ми есть рѣчь ваша, уже мнѣ мѫжа своего не кресити; но хочю вы почтити наутрїѧ предъ людьми своими, а нынѣ идѣте въ лодью свою, и лѧзите въ лодьи величающеѥсѧ; азъ утро послю по вы, вы же рьцѣте: не ѣдемъ на конѣхъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны въ лодьѣ; и възнесѹть вы въ лодьи»; и отпѹсти ѧ въ лодью.

Ольга же повелѣ ископати ѧмѹ великѹ и глѹбокѹ на дворѣ терема́ѣмъ, внѣ града. И заутра Ольга, сѣдѧщи въ теремѣ, посла по гости, и придоша къ нимъ, глаголюще: «зоветь вы Ольга на честь великѹ». Они же рѣша: «не ѣдемъ на коних, ни на во-

что былъ твой мужъ какъ волкъ хватающій и грабящій, а наши князья добрые; такъ иди за князя нашего за Мала». Потому что было имя ему Малъ, князю Древлянскому.

И сказала имъ Ольга: «пріятна мнѣ рѣчь ваша; ужъ мнѣ мужа своего не воскресить; а хочу почтить васъ на утро передъ народомъ своимъ; такъ теперь идите въ лодку свою, и лягьте въ лодкѣ, величаючись; я утромъ пошлю за вами, вы же скажите: не поѣдемъ на лошадяхъ, ни пѣши не пойдёмъ, а несите насъ въ лодкѣ,—и взнесутъ васъ въ лодкѣ». И отпустила ихъ въ лодку.

А Ольга велѣла выкопать яму большую и глубокую на дворѣ (своего) терема, за городомъ. И наутро Ольга, сидя въ теремѣ, послала за гостями. И пришли къ нимъ говоря: «зовётъ васъ Ольга на чествованіе большое». Они же сказали: «не поѣ-

зѣхъ, ни пѣши идемъ, понесѣте ны въ лодьи». Рѣша же Кїѧне: «намъ неволѧ; кнѧзь нашь убьенъ, а кнѧгини наша хочетъ за вашъ кнѧзь»; и понесоша ѧ въ лодьи. Они же сѣдѧхѹ гордѧщесѧ; и принесоша ѧ на дворъ къ Ользѣ, и вринѹша є въ тамѹ и съ лодьею.

Приникъши Ольга и рече имъ: «добра ли вы честь?» они же рѣша: «пѹщи ны Игоревы смерти»; и повелѣ засыпати ѧ живы, и посыпаша ѧ.

Пославши Ольга къ Деревлѧномъ, рече имъ: «да аще мѧ просите право, то пришлите мѹжа нарочиты, да въ велицѣ чти придѹ за вашь кнѧзь, ѥда не пѹстѧть мене людье Кїевьстїи». Ѥ слышавше Деревлѧне, избраша лѹчьшіе мѹжи, иже дерьжахѹ Деревьскѹ землю, и послаша по ню.

демъ на лошадяхъ, ни на телѣгахъ, ни пѣшіе (не) пойдёмъ,—несите насъ въ лодкѣ». И сказали Кіевляне: «намъ неволя; Князь нашъ убитъ, а Княгиня наша хочетъ за вашего Князя». И понесли ихъ въ лодкѣ. Они же сидѣли, гордяся. И принесли ихъ на дворъ къ Ольгѣ, и бросили ихъ въ яму и съ лодкою

Нагнувшись, Ольга сказала имъ: «хорошъ ли вамъ почётъ?» Они же сказали: «хуже (онъ) намъ Игоревой смерти». И велѣла она засыпать ихъ живыми, и засыпали ихъ.

Пославши Ольга къ Древлянамъ, сказала имъ: «если меня просите вправду, то пришлите людей отборныхъ, чтобы въ большомъ почётѣ явилась я (идти) за вашего Князя, а то какъ бы не удержали меня люди Кіевскіе. Это услышавши, Древляне выбрали знатнѣйшихъ людей, которые правили

Деревлѧномъ же пришедъшимъ, повелѣ Ольга мовь створити, рькоуще сице: «измывшесѧ придите ко мнѣ». Они же пережьгоша истопкоу, и вълѣзоша Деревлѧне, и начаша сѧ мыти; и запроша о нихъ истопъкоу, и повелѣ зажечи ѧ ѿ дверій, тоу изгорѣша вси.

И посла къ Деревлѧномъ, рькоуци сице: «се уже идоу къ вамъ, да пристройте меды многи въ градѣ, идѣже убисте моужа моего, да поплачоусѧ надъ гробомъ его; и створю трызноу моужю своемоу». Они же то слышавше, свезоша меды многи сѣло, и възвариша. Ольга же, поимше мало дроужины, легъко идуци приде къ гробоу его, и плакасѧ по моужи своемъ. и повелѣ людемъ своимъ сѣсѣти могилоу великоу, и яко соспоша, и повелѣ трызноу творити.

Древлянскою землёю, и послали за нею.

Когда Древляне пришли, велѣла Ольга баню сготовить, говоря такъ: «вымывшись, приходите ко мнѣ». Они истопили избу, и вошли Древляне, и начали мыться; и заперли вкругъ нихъ (кругомъ) избу, и велѣла зажечь ихъ съ дверей; тутъ (и) сгорѣли всѣ.

И послала она къ Древлянамъ, говоря такъ: «вотъ уже иду я къ вамъ; такъ приготовьте медовъ больше въ городѣ, гдѣ вы убили мужа моего, чтобы поплакать мнѣ надъ могилой его, и сдѣлать поминки (по) своему мужу» Они, услышавъ это, свезли медовъ очень много, и заварили. Ольга-же, взявъ немного дружины, на легкѣ идя, пришла къ могилѣ его, и плакалась по мужѣ своёмъ. И велѣла людямъ своимъ насыпать могильный холмъ большой; и когда насыпали, велѣла поминки дѣлать.

Посемъ сѣдоша Деревлѧне пити, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити предъ ними: И рѣша Деревлѧне къ Ользѣ: «кдѣ єсть дружина наша, ихъ же послахомъ по тѧ?» она же рече: «идуть по мнѣ съ дружиною мужа моего». И ꙗко упишасѧ Деревлѧне, отъиде кромѣ, и повелѣ дружинѣ своей сѣчи Деревлѧны; и исѣкоша ихъ ѧ. И Ольга возъвратитсѧ Кіевъ.

Въ лѣто ѕунд. Ольга съ сыномъ своимъ Свѧтославомъ собра вои многи и храбры, и иде на Дерьвьскую землю. Изидоша Деревлѧне противу, и съѣмъшемъсѧ обѣма полкома на скупь, сѣчу копьемъ Свѧтославъ на Деревлѧны, и копье летѣ сквозѣ уши коневи, и удари въ ноги коневи, бѣ бо дѣтескъ. И рече Свѣнельдъ и Асмольдъ: «князь уже почалъ; потѧгнѣте, дружина, по князѣ». И побѣдиша Деревлѧны. Деревлѧне же по-

После того сѣли Древляне пить, и велѣла Ольга людямъ своимъ прислуживать имъ. И сказали Древляне Ольгѣ: „гдѣ—дружина наша, которую мы послали за тобой?» Она сказала: «идутъ за мной съ дружиною мужа моего». Когда напились Древляне, она отошла прочь, и велѣла дружинѣ своей рубить Древлянъ; и порубили ихъ 5000. А Ольга воротилась въ Кіевъ.

Въ 6454 году. Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ собрала войско большое и храброе, и пошла на Древлянскую землю. Вышли Древляне на встрѣчу, и, когда сошлись оба войска въ схваткѣ, бросилъ Святославъ копьёмъ въ Древлянъ, и копьё пролетѣло промежъ ушей коня и упало у ногъ лошади, потому что онъ былъ ребёнокъ. И сказали Свѣнельдъ и Асмольдъ: «князь уже началъ; впередъ, дружина, за кня-

бѣгоша и затворишасѧ въ градѣхъ своихъ.

Ольга же устремисѧ съ сыномъ своимъ на Искоростѣнь градъ, ꙗко тѣ бѧхꙋ убили мꙋжа еѧ, и ста около града съ сыномъ своимъ. А Деревлѧне затворишасѧ въ градѣ и борѧхꙋсѧ крѣпко изъ града, вѣдѣхꙋ бо, ꙗко сами убили кнѧзѧ и на что сѧ предати. И стоѧ Ольга лѣто, и не можаше взѧти града, и умысли сице: посла ко градꙋ глаголющи: «что хочете досѣдѣти? а вси гради ваши предашасѧ мнѣ, и ꙗлисѧ по дань, и дѣлають нивы своѧ и землѣ своѧ; а вы хочете изъмерети гладомъ, не имꙋчесѧ по дань».

Деревлѧне же рекоша: «ради сѧ быхомъ ꙗли по дань, но хощеши мьщати мꙋжа своего». Рече же имъ Ольга: «ꙗко азъ мьстила уже обидꙋ мужа своего, когда придоша

земъ!» И побѣдили Древлянъ, и Древляне побѣжали и заперлись въ городахъ своихъ.

Ольга же двинулась съ сыномъ своимъ на Искоростень городъ, такъ какъ они убили мужа ея, и стала около города съ сыномъ своимъ. А Древляне заперлись въ городѣ и оборонялись крѣпко изъ города; потому что знали они, что сами же убили Князя и (знали,) на что́ себя предадутъ. И стояла Ольга годъ, не могла взять города, и придумала такъ: послала къ городу, говоря: «чего вы хотите досидѣться? Вѣдь всѣ города ваши отдались мнѣ, и взялись (платить) дань, и обрабатываютъ нивы и земли свои; а вы хотите вымѣреть голодомъ, не хотя платить дань.

Древляне же сказали: «рады бы были мы взяться (платить) дань; да вѣдь ты хочешь всё мстить за мужа своего». Сказала имъ Ольга: «я отомстила уже обиду мужа

Кіевѹ, и когда творихъ трызнѹ мѹжеви своемѹ; а уже не хощю мьщати, но хощю дань имати помалѹ, и смирившисѧ съ вами поидѹ опѧть»

Рекоша же Деревлѧне: «што хощеши у насъ? ради даемъ медомь и скорою». Она же рече имъ: «нынѣ у васъ нѣсть медѹ, ни скоры, но мало у васъ прошю: дайте ми отъ двора по ѓ голѹби да по ѓ воробьи: азъ бо не хощю тѧжьки дани възложити, такоже и мѹжь мой, сего прошю у васъ мало, вы бо есте изънемогли въ осадѣ; да сего у васъ прошю мала». Деревлѧне же радѣ бывше, и собраша отъ двора по ѓ голѹби и по ѓ воробьи, и послаша къ Ользѣ съ поклономъ.

Ольга же рече имъ: «се уже есть покорилисѧ мнѣ и моемѹ дѣтѧти, а идѣте въ градъ, а я завтра отстѹплю своего, когда приходили ваши въ Кіевъ, и когда дѣлала поминки мужу своему; то ужъ не хочу мстить, но хочу брать дань понемногу, и замирившись съ вами, уйду назадъ».

И сказали Древляне: «чего хочешь отъ насъ? Мы готовы давать дань мёдомъ и шкурами». Она же сказала имъ: «теперь у васъ нѣтъ ни мёду, ни шкуръ, а я малаго у васъ прошу: дайте мнѣ отъ двора по три голубя, да по три воробья; потому что я не хочу тяжёлой дани налагать, какъ мужъ мой; прошу у васъ этого малаго, потому что вы изнемогли въ осадѣ; такъ вотъ у васъ прошу этого малаго». Древляне же обрадовались, собрали отъ двора по три голубя и по три воробья, и послали къ Ольгѣ съ поклономъ

Ольга же сказала имъ: «вотъ уже вы покорились мнѣ и моему дитяти; такъ идите въ городъ, а я завтра

отъ града и поиду въ свой градъ». Деревляне же ради бывше внидоша въ градъ, и повѣдаша людемъ, и обрадовашасѧ людье въ градѣ. Ольга же раздаѧ воемъ по голѹби комѹждо, а другимъ по воробьеви, и повелѣ къ коемѹждо голѹби и къ воробьеви привязывати цѣрь, обертывающе въ платки малы, нитъкою поверзывающе къ коемѹждо ихъ; и повелѣ Ольга, яко смерчесѧ, пѹстити голѹби и воробьи воемъ своимъ.

Голѹби же и воробьеве полетѣша въ гнѣзда своѧ, голѹби въ голѹбники, врабьѣве же подъ стрѣхи; и тако възгарахѹсѧ голѹбьници, ово клѣти, ово вежѣ, ово ли одрины, и не бѣ двора, идѣже не горѧше, и не бѣ льзѣ гасити, вси бо двори възгорѣшасѧ. И побѣгоша людье изъ града, и повелѣ Ольга воемъ своимъ имати ѧ; яко взѧ градъ и пожьже и; старѣишины же града изъимѧ, и проотступлю отъ города и пойду въ свой городъ». Древляне же обрадовавшись вошли въ городъ и разсказали народу, и обрадовался народъ въ городѣ. И Ольга раздала воинамъ по голубю каждому, а другимъ по воробью, и велѣла къ каждому голубю и воробью привязать сѣрпички, завёртывая въ лоскутья небольшіе, и ниткою наматывая каждому изъ нихъ; и велѣла Ольга, когда смерклось, пустить воробьевъ и голубей воинамъ своимъ.

И голуби и воробьи полетѣли въ гнѣзда свои, голуби въ голубятни, воробьи же подъ застрѣхи. И такъ стали загораться голубятни, (а) гдѣ клѣти, гдѣ вышки, гдѣ и избы; и не было двора, гдѣ бы не горѣло, и нельзя было гасить, потому что всѣ дворы загорѣлись. И побѣжалъ народъ изъ города, и велѣла Ольга воинамъ своимъ хватать ихъ; и такъ взяла она городъ и

чаѧ люди овыхъ изби, а дрꙋгїѧ работѣ предасть мꙋжемъ своимъ, а прокъ ихъ ѡстави платити дань. И възложи на нѧ дань тѧжькꙋ, в҃ части дани идета Кїевꙋ, а третьѧ Вышегородꙋ къ Ользѣ, бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ...

сожгла его; старшинъ же города перехватала, и прочихъ людей,—какихъ перебила, а другихъ въ работу отдала людямъ своимъ, а остатокъ ихъ оставила платить дань. И наложила на нихъ дань тяжелую: двѣ части дани идутъ въ Кіевъ, а третья въ Вышгородъ, Ольгѣ; потому что Вышгородъ былъ городъ Ольгинъ.

КРЕЩЕНІЕ ОЛЬГИ.

Въ лѣто ҂ѕꙋз҃г. Иде Ольга въ Греки, и приде Царюгородꙋ. Бѣ тогда царь имѧнемъ Костѧнтинъ; приде къ немꙋ Ольга, и видѣвъ ю добрꙋ сꙋщю ѕѣло лицемъ и смысленꙋ, удививъсѧ царь разꙋму еѧ, бесѣдова къ ней и рекъ ей: «подобна еси царствовати въ градѣ съ нами».

Въ году 6463 пошла Ольга въ греческую (землю), и пришла (въ) Царьградъ. Былъ тогда Царь именемъ Константинъ; и пришла къ нему Ольга, и, увидѣвши, что она хороша очень лицомъ и умна, удивившись разуму ея, Царь говорилъ съ ней и сказалъ ей: «тебѣ бы царствовать въ (нашемъ) городѣ съ нами».

Она же разꙋмѣвши рече къ царю: «азъ погана есмь, да аще мѧ хощеши крестити,

Она, понявши, (къ чему клонится рѣчь) — сказала Царю: «я не христіанка;

то крести мѧ самъ: аще ли ни, то не крещюсѧ»; и крести ю царь съ патрїархомъ. Просвѣщена же бывъши, радовашесѧ дꙋшею и тѣломъ; и поꙋчи ю патрїархъ о вѣрѣ, и рече ей: «благословенна ты въ женахъ Рꙋсскихъ, яко возлюби свѣтъ, а тьмꙋ оставн; благословити тѧ хотѧть сынове Рꙋсіи въ послѣдній родъ внꙋкъ твоихъ».

И заповѣда ей о церковномь уставѣ, о молитвѣ и о постѣ, о милостыни и о въздержаньи тѣла чиста; она же поклонивши главꙋ, стояше яко гꙋба напаѧема, внимающи ученьѧ; и поклонившисѧ патрїархꙋ, глаголющи: «молитвами твоими, владыко, да сохранена бꙋдꙋ отъ сѣти непрїязньны». Бѣ же речено имѧ ей по крещеньи Олена, якоже и древнѧѧ царица, мати великаго Констан-

так если ты меня хочешь крестить, то крести меня ты самъ; если же нѣтъ, то не крещусь». И крестилъ её Царь съ Патріархомъ. Просвѣтившись же, она радовалась душою и тѣломъ. И наставилъ её патріархъ въ вѣрѣ, и сказалъ ей: «благословенна ты между женщинами Русскими, такъ какъ полюбила свѣтъ, а тьму оставила; благословлять тебя будутъ сыны Русскіе до послѣдняго рода потомковъ твоихъ».

И далъ ей наставленіе о церковномъ уставѣ, о молитвѣ и о постѣ, о милосердіи и о соблюденіи тѣлесной чистоты. Она же, наклонивши голову, стояла, какъ губка напитывающаяся (водою), внимая поученію; и поклонившися патріарху, она сказала: «молитвами твоими, владыко, да сохранена буду отъ сѣтей лукаваго». И было наречено имя ей въ крещеніи Елена, какъ звалась

тина. И благослови ю патреархъ и ѡтпꙋсти ю.

И по крещеньи возва ю царь и рече ей: «хощю тѧ поѧти собѣ женѣ». Она же рече: «какѡ хочещи мѧ поѧти, крестивъ мѧ самъ и нарекъ мѧ дъщерею? а въ хрестсѧнехъ тогѡ нѣсть закона, а ты самъ вѣси». И рече царь: «переклюкала мѧ еси, Ольга»; и дасть ей дары многи, злато и сребро, паволоки и съсꙋды различныѧ, и отпꙋсти ю, нарекъ ю дъщерью собѣ...

и древняя Царица, мать великаго Константина. И благословилъ её патріархъ и отпустилъ её.

И послѣ крещенія пригласилъ её Царь и сказалъ ей: «хочу тебя взять себѣ въ жёны». Она же сказала: «какъ же хочешь меня взять (замужъ), крестивши меня самъ и назвавши меня дочерью? Вѣдь у христіанъ такого нѣтъ закона, и ты самъ (это) знаешь». И сказалъ Царь: «перехитрила меня ты, Ольга». И далъ ей подарковъ много, золота и серебра, парчей и утвари всякой, и отпустилъ её, назвавъ её дочерью себѣ.

СВЯТОСЛАВЪ.

Въ лѣто ҂ѕуѻв. Кнѧзю Свѧтославꙋ възрастъшю и възмꙋжавшю, нача вои совкꙋплѧти многи и храбры, и легко ходѧ, аки пардꙋсъ, войны многи творѧше. Ходѧ возъ по собѣ не возѧше, ни

Въ году 6472. Когда Святославъ выросъ и возмужалъ, началъ онъ воиновъ собирать многочисленныхъ и храбрыхъ, и легко ходя, какъ барсъ, войны частыя велъ. Дѣлая походы,

котьла, ни мясъ варѧ, но потонкꙋ изрѣзавъ конинꙋ ли, звѣринꙋ ли, или говѧдинꙋ, на углехъ испекъ ядѧше, ни шатра имѧше, но подъкладъ постлавъ и сѣдло въ головахъ; такоже и прочіи вои его вси бяхꙋ. И посылаше къ странамъ глаголѧ: «хочю на вы ити».

И иде на Окꙋ рѣкꙋ и на Волгꙋ, и налѣзе Вѧтичи, и рече Вѧтичемъ: «комꙋ дань даете?» они же рѣша: «Козаромъ по щьлягꙋ ѿ рала даемъ».

Въ лѣто ,ѕубг Иде Свѧтославъ на Козары. Слышавше же Козари, изидоша противꙋ съ кнѧземъ своимъ Каганомъ, и сступишасѧ бити; и бывши брани, одолѣ Свѧтославъ Козаромъ и градъ ихъ Бѣлꙋ Вѣжю взѧ. Ясы побѣди и Касогы.

Въ лѣто ,ѕубд. Вѧтичи повозокъ за собою онъ не возилъ, ни котловъ, и мяса не варилъ, но, тонко изрѣзавши, конину ли, дичину ли, или говядину, на угляхъ изжаривши, ѣлъ. И шатра не имѣлъ, но (спалъ), потникъ разославъ и сѣдло (положивъ) подъ голову. Такіе-же и прочіе воины его всѣ были. Онъ посылалъ въ (другія) земли, говоря: «хочу на васъ идти»

И пошёлъ онъ на Оку рѣку и на Волгу, и встрѣтилъ Вятичей и сказалъ Вятичамъ: «кому дань даёте?» И они сказали: «Козарамъ по деньгѣ съ плуга даёмъ».

Въ 6473 году пошёлъ Святославъ на Козаръ. И услышавши Козары вышли навстрѣчу съ княземъ своимъ Каганомъ, и сошлися биться. И была битва, и одолѣлъ Святославъ Козаръ и городъ ихъ Бѣлую Вѣжу взялъ. И Ясовъ побѣдилъ онъ и Косоговъ.

Въ 6474 году Вятичей

побѣди Свѧтославъ, и дань на нихъ взъложи.

Въ лѣто ҂ѕуо҃є. Иде Свѧтославъ на Дꙋнай на Болгары. И бившемъсѧ обоимъ, одолѣ Свѧтославъ Болгаромъ, и взѧ городъ п҃ по Дꙋнаеви; сѣде кнѧжа тꙋ въ Переѧславци, емлѧ дань на Грьцѣхъ.

побѣдилъ Святославъ, и дань на нихъ наложилъ.

Въ 6475 году пошёлъ Святославъ на Дунай на Болгаръ. И бились съ той и другой стороны—одолѣлъ Святославъ Болгаръ и взялъ 80 городовъ по Дунаю; и сѣлъ онъ княжа тамъ въ Переяславцѣ, собирая дань съ Грековъ.

СМЕРТЬ ОЛЬГИ.

Въ лѣто ҂ѕуоѳ. Рече Свѧтославъ къ матери своей и къ болѧромъ своимъ: «нелюбо ми есть въ Кїевѣ быти, хочю жити въ Переѧславци на Дꙋнаи, ꙗкѡ то есть середа въ земли моей, ꙗко тꙋ всѧ благаѧ сходѧтсѧ: ѿ Грекъ злато, паволоки, вина, овощеве розноличныѧ, изъ Чехъ же, изъ Ꙋгоръ сребро и комони, изъ Рꙋси же скора и воскъ, медъ и челѧдь»

Рече емꙋ Вольга: «видиши

Въ 6479 году сказалъ Святославъ матери своей и боярамъ своимъ: «не любо мнѣ въ Кіевѣ быть, хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ, такъ какъ это середина земли моей, (и) такъ какъ тамъ всё хорошее сходится: отъ Грековъ золото, шёлковыя ткани, вина, овощи всякія, отъ Чеховъ же и отъ Угровъ серебро и лошади, а отъ Русскихъ мѣха и воскъ, медъ и слуги».

Сказала ему Ольга: «ты

мѧ болное сꙋщю, камо хощеши отъ мене ити?» бѣ бо разболѣласѧ уже; рече же емꙋ: «погребъ мѧ, иди ꙗможе хочеши». По трехъ днехъ умре Ольга, и плакасѧ по ней сынъ еѧ, и внꙋци еѧ, и людье вси плачемъ великомъ, и несоша и погребоша ю; и бѣ заповѣдала Ольга не творити трызны надъ собою, бѣ бо имꙋщи презвꙋтеръ, сей похорони блаженнꙋю Ольгꙋ...

видишь, что я больна; куда (же) хочешь отъ меня идти?» а была она уже при смерти. И сказала она ему: «похоронивъ меня, иди, куда ты желаешь» Черезъ три дня умерла Ольга, и плакался по ней сынъ ея и внуки ея и люди всѣ плачемъ великимъ, и снесли и похоронили её; а завѣщала Ольга не дѣлать тризны надъ собой, потому что былъ у ней священникъ, онъ похоронилъ блаженную Ольгу.

ПОХОДЪ СВЯТОСЛАВА НА ГРЕКОВЪ.

Въ лѣто ҂ѕуѻ҃ѳ. Приде Свѧтославъ къ Переѧславцю, и затворишасѧ Болгоре въ градѣ. И излѣзоша Болгаре на сѣчю противꙋ Свѧтославꙋ, и и бысть сѣча велика, и одолѧхꙋ Болгаре; и рече Свѧтославъ воемъ своимъ: «уже намъ сдѣ пасти; потѧгнемъ мꙋжьски, братьѧ и дрꙋжино!» И къ вечерꙋ одолѣ Свѧтославъ, и взѧ градъ копь-

Въ 6479 году пришёлъ Святославъ къ Переяславцу, и заперлись Болгаре въ городѣ. И вышли Болгаре на битву противъ Святослава, и была битва большая, и стали одолѣвать Болгаре; и сказалъ Святославъ воинамъ своимъ: «уже (видно) намъ здѣсь пасть; давайте-жъ биться какъ слѣдуетъ мужамъ, братья и дружи-

елѣ, и посла къ Грекомъ, глаголѧ: «хочю на вы ити, взѧти градъ вашь, ꙗко и сей».

И рѣша Грьци: «мы недоужи противѹ вамъ стати, но возми дань на насъ, и на дроужинѹ свою, и повѣжьте ны, колько васъ, да вдамы по числѹ на главы». Се же рѣша Грьци, льстѧче подъ Рѹсью; сѹть бо Греци льстивии и до сего дни. И рече имъ Свѧтославъ: «есть насъ ѵ҃ тысѧщь», и прирече і҃ тысѧщь, бѣ бо Рѹси і҃ тысѧщь только.

И пристроиша Грьци р҃ тысѧщь на Свѧтослава, и не даша дани; и поиде Свѧтославъ на Греки, и изидоша противѹ Рѹси. Видѣвше же Рѹсь ѹбоѧшасѧ сѣло множьства вой, и рече Свѧтославъ: «уже намъ нѣкамо сѧ дѣти, волею и неволею стати противѹ; да не посрама!» И къ вечеру побѣдилъ Святославъ, и взялъ городъ приступомъ, и послалъ къ Грекамъ, говоря: «хочу на васъ идти, взять городъ вашъ, какъ и этотъ».

И сказали Греки: «мы не можемъ противъ васъ бороться; а возьми дань съ насъ, и на дружину свою (возьми); и скажите намъ, сколько васъ, чтобъ мы выдали по числу человѣкъ!» Это же сказали Греки, обманывая Русскихъ: ибо хитры Греки и до сего дня. И сказалъ имъ Святославъ: «насъ двадцать тысячъ», и присказалъ десять тысячъ, потому что было Русскихъ десять тысячъ только.

И снарядили Греки сто тысячъ (войска) на Святослава, и не дали дани; и пошёлъ Святославъ на Грековъ, и вышли они на встрѣчу Русскимъ. И увидѣвши Русскіе очень устрашились множества воиновъ, и сказалъ Святославъ: «Ужъ намъ некуда дѣться, волею

мимъ землѣ Рꙋскіѣ, но лѧжемъ костьми тꙋ, мертвыи бо срама не имамъ, аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ; ни имамъ убѣжати; но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поидꙋ: аще моѧ глава лѧжетъ, то промыслите собою»; и рѣша вои: «идѣже глава твоѧ, тꙋ и свои главы сложимъ»

или неволей (надо) стать противъ (нихъ): такъ не осрамимъ земли Русской, ляжемъ тутъ костьми! потому что мертвымъ намъ не будетъ срама; если-жъ побѣжимъ, срамъ намъ будетъ; да и не убѣжать намъ; такъ постоимъ же крѣпко, я же впереди васъ пойду: если моя голова ляжетъ, то (ужъ) позаботьтесь сами о себѣ» И сказали воины: «гдѣ голова твоя, тамъ и мы свои головы положимъ».

И исполчишасѧ Рꙋсь, и бысть сѣча велика, и одолѣ Свѧтославъ, и бѣжаша Грьци; и поиде Свѧтославъ ко градꙋ, воюѧ и грады разбиваѧ.

И построились Русскіе, и была битва большая, и одолѣлъ Святославъ, и побѣжали Греки; и пошёлъ Святославъ къ городу, (всё) опустошая и города раззоряя.

И созва царь болѧре своѧ въ полатꙋ, и рече имъ: «что створимъ, ꙗко не можемъ противꙋ емꙋ стати?» И рѣша емꙋ болѧре: «посли къ немꙋ дары, искꙋсимъ и, любезнивъ ли есть златꙋ, ли паволокамъ?» И посла къ нему злато, и паволоки, и

И созвалъ Царь (греческій) бояръ своихъ во дворецъ и сказалъ имъ: «что дѣлать намъ, вѣдь мы не можемъ противъ него устоять?» И сказали ему бояре: «пошли къ нему подарки; испытаемъ его, охотникъ ли онъ (до) золота

мѫжа мѫдра; рѣша емѹ: «гладай взора, и лица его, и смысла его»; онъ же вземъ дары, приде къ Святославѹ. Повѣдаша Святославѹ, яко придоша Грьци съ поклономъ, и рече: «въведѣте я сѣмо». Придоша и поклонишася емѹ, положиша предъ нимъ злато и паволоки; и рече Святославъ, кромѣ зря, отрокомъ своимъ: «схороните».

Они же придоша ко царю, и созва царь болѧры, рѣша же послании: «яко придохомъ къ нему и вдахомъ дары, и не възрѣ на ня, и повелѣ схоронити». И рече единъ: «искуси и еще, посли емѹ орѹжье». Они же послѹшаша его, и посласта емѹ мечь и ино орѹжье, и принесоша къ немѹ; онъ же пріимъ, нача хвалити и любити, и цѣловати царя.

или (до) дорогихъ тканей». И послали къ нему золота и тканей, и человѣка умнаго, сказавъ ему: «примѣчай осанку и лицо его, и нравъ его»; онъ же, взявъ дары, пришёлъ къ Святославу. Сказали Святославу, что пришли Греки съ поклономъ, и сказалъ онъ: «введите ихъ сюда. Пришли они и поклонились ему; положили передъ нимъ золото и ткани; и сказалъ Святославъ, въ сторону глядя, людямъ своимъ: «спрячьте».

Тѣ вернулись къ Царю, и. созвалъ Царь бояръ, и сказали посланные: «пришли мы къ нему и поднесли подарки, а онъ и не посмотрѣлъ на нихъ, и велѣлъ спрятать». И сказалъ одинъ: «испытай его ещё,— пошли ему оружіе. И послушали его, и послали ему мечъ и другое оружіе, и принесли ему ихъ; но онъ, принявъ, началъ хвалить и любоваться, и посылать привѣты Царю.

Придоша опять ко царю, и повѣдаша емѹ всѧ бывшаѧ, и рѣша болѧре: «лютъ се мужь хощетъ быти, яко имѣньѧ не брежеть, а оружье емлеть; имисѧ по дань». И посла царь, глаголѧ сице: «не ходи къ градѹ, возми дань, еже хощеши»; за маломъ бо бѣ не дошелъ Цареграда. И даша емѹ дань; имашеть же и за убьеныѧ, глаголѧ: «яко родъ его возметь». Взѧ же и дары многы, и възратисѧ къ Переѧславець съ похвалою великою.

Видѣвъ же мало дрѹжины своеѧ, рече въ собѣ: «еда како прельстивше изъбьють дрѹжинѹ мою и мене», бѣша бо многи погибли на полкѹ; и рече: «поидѹ въ Русь, приведѹ болѣ дрѹжины». И посла слы ко цареви въ Деревьстръ, бѣ бо тѹ царь, рька сице: «хочѹ имѣти миръ съ тобою твердъ и любовь».

Вернулись опять къ Царю и разсказали ему всё, что было. И сказали бояре: «лютъ этотъ человѣкъ долженъ быть, такъ какъ добромъ пренебрегаетъ, а оружіе берётъ; возьмись (платить) дань». И послалъ Царь, говоря такъ: «не ходи къ городу, возьми дань, какую хочешь»; потому что малымъ чѣмъ онъ не дошёлъ (до) Царьграда. И выдали ему дань; бралъ же онъ и на убитыхъ, говоря: «родные его получатъ». Взялъ и подарковъ много, и возвратился въ Переяславецъ со славою большою.

Видя же мало дружины своей, сказалъ онъ самъ себѣ: «какъ бы, схитривши, не перебили дружину мою и меня», потому что много погибло въ битвахъ; и сказалъ: «пойду въ Русь, приведу больше дружины» И послалъословъ къ Царю въ Доростолъ (Силистрію), потому что тамъ былъ Царь,

Се же слышавъ царь, радъ бысть и посла къ немѹ дары больша первыхъ...

говоря такъ: «хочу имѣть миръ съ тобой твердый и дружбу» Это услышавъ, Царь обрадовался и послалъ ему подарки больше первыхъ.

СМЕРТЬ СВЯТОСЛАВА.

Створивъ же миръ Свѧтославъ съ Греки, поиде въ лодьѩхъ къ порогомъ, и рече емѹ воевода отень Свѣналдъ: «поиди, княже, на коняхъ около, стоѧть во Печенѣзи въ порозѣхъ». И не послѹша его, поиде въ лодьѩхъ, и послаша Переѧславци къ Печенѣгомъ, глаголюще: «се идеть вы Свѧтославъ въ Рѹсь, вземъ имѣнье много у Грекъ и полонъ безчисленъ, съ малѣмъ дрѹжины»

Слышавше же се Печенизи, застѹпиша пороги, и приде Свѧтославъ къ порогомъ, и не бѣ лзѣ пройти порогъ; и ста зимовати въ

И заключивъ миръ съ Греками, Святославъ поплылъ въ лодкахъ къ порогамъ. И сказалъ ему воевода отцовскій Свѣнельдъ: «иди, князь, на лошадяхъ обходомъ, потому что стоятъ Печенѣги въ порогахъ». И не послушалъ онъ его, поплылъ на лодкахъ, и послали Переяславцы къ Печенѣгамъ, говоря: «вотъ вамъ идётъ Святославъ въ Русь, взявши добра много у Грековъ и добычи безъ числа, съ малой дружиной».

И услышавши это, Печенѣги заняли пороги; и пришёлъ Святославъ къ порогамъ, и нельзя было пройти пороги; и остался онъ зи-

Бѣлобережьи. И не бѣ у нихъ брашна уже, и бѣ гладъ великъ, тако по полугривнѣ глава конча, и зимова Свѧтославъ тꙋ

Весне же приспѣвъши, въ лѣто ѕ҃ꙋп, поиде Свѧтославъ въ пороги, и нападе на нь Кꙋрѧ, кнѧзь Печенѣжьскій, и убиша Свѧтослава. И взѧша главꙋ его и во лбѣ его сдѣлаша чашю, оковавше лобъ его, и пьѧхꙋ изъ него. Свѣналдъ же приде Кіевꙋ къ Ꙗрополкꙋ. И всѣхъ лѣтъ княженьѧ Свѧтославлѧ лѣтъ к҃ и й҃.

мовать въ Бѣлобережьи. И не было у нихъ ѣды уже, и былъ голодъ большой такъ что по полугривнѣ (продавалась) голова лошадиная, и зимовалъ Святославъ тамъ.

Когда же весна пришла, въ 6480-мъ году пошёлъ Святославъ къ порогамъ, и напалъ на него Куря, князь Печенѣжскій; и убили Святослава. И взяли голову его, и изъ черепа его сдѣлали чашу; оковавши черепъ его, пили изъ него. Свѣнельдъ же пришёлъ въ Кіевъ къ Ярополку. А всѣхъ лѣтъ княженія Святослава—28.

ЧУДО СИМЕОНА СТОЛПНИКА СЪ РАЗБОЙНИКОМЪ.

Разбойникъ єтеръ бѣ въ Сиріи именемъ Ѧнтиохъ, словѧше же повсему мирꙋ; тѣмже и многажды посылахꙋ вои и снꙋзници, да быша привели въ Ѧнтиохію, и не можахꙋ его гати, великіѧ ради кѣпости его. Ꙋготоваша же

Разбойникъ одинъ былъ въ Сиріи по имени Антіохъ,—слухъ о нёмъ шёлъ во всёмъ народѣ; почему и не-разъ посылали воиновъ и поимщиковъ, чтобы привели въ Антіохію, и не могли его взять по причинѣ большой

сѧ вои въ Антиохіи, и вси граждане изыдоша, да и быша гали; и обрѣтоша и въ стерѣ веси корчму пьюще, и обидоша корчемницю воини.

Увидѣвъ же ѧ онъ, начатъ лѣти· кезлогласованіѧ. Рѣка же идѧше мимо весь тѹ; кобылѹ же имѧше разбойникъ той, и заповѣдаше ѣй тако человѣкѹ, и послѹшаше его. Поставъ же, возложи ризы своѧ на ню и рѣче къ ней: «пойди и пожди мене на рѣцѣ». Иде кобыла грызающи и прѹщи и подожда его на рѣцѣ; изѧиде же разбойникъ исъ корчемницы, обнажь мечь свой, взпіа и глаголѧ: «бѣжите, да не кто умрѣть»; и никтоже не смѣ гати его

Текь же всѣде на кобылѹ, и пріѣхавъ гатсѧ за столпъ свѧтаго Сѵмеона, взпіа и глаголѧ: «спаси дѹшѹ гыбнѹщѹ». Свѧтый же рече: «что хощеши, человѣче?» Онъ же

силы его. Снарядились же воины въ Антіохіи, и всѣ граждане вышли, чтобы его взять. И нашли его въ одной деревнѣ вино пьющаго, и обошли корчму воины.

Увидѣвъ же ихъ, онъ началъ пѣть заклятія. Рѣка же шла мимо деревни той, и кобылу имѣлъ разбойникъ тотъ, и сказалъ ей, какъ человѣку, и она послушала его. Поднявшись, онъ положилъ платье своё на неё и сказалъ ей: «иди и подожди меня у рѣки». Пошла кобыла, огрызаясь и бросаясь, и подождала его у рѣки; вышелъ и разбойникъ изъ корчмы, обнаживъ мечь свой, крича и говоря: «бѣгите, не-то смерть (чтобы никто не погибъ)». И никто не смѣлъ схватить его.

И побѣжавъ сѣлъ на кобылу, и пріѣхавъ схватился за столпъ святаго Симеона, крича и говоря: «спаси душу гибнущую». Святой же сказалъ: «чего хочешь, чело-

рече къ немꙋ: разбойникъ есмь и прибѣгохъ сѣмо, спасенїа хотѧ». Рече же къ немꙋ свѧтый Симеонъ: «можеши ли сѧ покаѧти отъ злыхъ дѣлъ твоихъ?» Онъ же рече: «того бо ради и прїидохъ сѣмо, владыко». Еще же емꙋ глаголющꙋ, прїидоша посланїи воини изъ града, глаголюще праведномꙋ: «нѣсть никако потаити сего мꙋжа, многа бо молва бысть его ради; посли и, да прїиметь противу дѣломъ своимъ»

Рече праведный къ нимъ: «ни, чадца моѧ; азъ не приведохъ его сѣмо, ни его могꙋ отпꙋстити; но вѣдый волю его и дѣла, той можеть и спасти, тацѣхъ бо есть царство небесное: съ Богомъ нашимъ Іисꙋсъ Христомь два разбойника пропѧта быста; единъ же ею прїѧтъ противꙋ дѣломъ своимъ, а дрꙋгый наслѣдова ше царство небесное. Оже ли есть силній послав:чаго и сѣмо, тогдо отторгнетъ и от

вѣкъ?» Онъ же сказалъ ему: Я разбойникъ, и прибѣжалъ сюда, желая спасенія. И сказалъ ему святой Симеонъ: «можешь ли покаяться въ злыхъ дѣлахъ твоихъ?» Онъ же сказалъ: «затѣмъ и пришёлъ я сюда, владыко» Неуспѣлъ онъ ещё сказать, какъ пришли посланные воины изъ города, говоря праведному: «Нельзя никакъ скрыть этого человѣка, потому что большая молва идётъ объ нёмъ; выдай его, пусть онъ получитъ по дѣламъ своимъ».

Сказалъ праведный имъ: «пѣтъ, дѣти мои; я не приводилъ его сюда, и не могу его отпустить; но знающій желаніе его и дѣла, тотъ можетъ его спасти, потому что таковыхъ есть царство небесное: съ Богомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ два разбойника распяты были; одинъ (только) изъ нихъ двоихъ принялъ по дѣламъ своимъ, а другой наслѣдовалъ царство небес-

сюдѣ; мене же не оклеветайте трѹжьд агосѧ вельми многихъ ради грѣхъ моихъ». И сїѧ рекъ, отпѹсти.

Тѣмъ же отшедшимъ, рече разбойникъ къ немѹ: «господи мой, и азъ отъидѹ». Рече же сѧтый къ немѹ «на тожде ли злое отъидеши дѣло?» И рече разбойникъ: «ни, человѣче Божїй, но Господь Богъ зоветь мѧ». Въздѣвъ же рѹцѣ на небо, ничесогоже иного не глагола, но токмо: «Сыне Божїй, прїими въ миръ дѹшю мою». Плака же сѧ двѣ годинѣ; и сѧтый плакасѧ, зрѧ его, и вси людїе его. Легь же предъ столпомъ, предасть дѹшю; и стрѣвльше и, погребоша и внѣ ограды.

Въ дрѹгїй же день прїиде тѹ болѣ ста мѹжь, хотѧще и восхитити, вопїюще. Рече же къ нимъ сѧтый: «братїѧ, иже и посла сѣмо, крѣпкїй

ное. Если кто есть сильнѣе пославшаго его сюда, то онъ оторвётъ его отсюда; и не взведите клеветы на меня, много принявшаго трудовъ за многіе мои грѣхи». И сказавъ это, простился съ ними.

Когда тѣ ушли, сказалъ разбойникъ ему: «господинъ мой, и я уйду». И сказалъ святой ему: «на то же ли злое пойдёшь (опять) дѣло?» И сказалъ разбойникъ: «нѣтъ, человѣкъ Божій, а Господь Богъ призываетъ меня». И, воздѣвъ руки на небо, ничего другаго не говорилъ, какъ только: «сыне Божій, пріими въ покой дѹшу мою». И плакался два часа, и святой плакался, глядя на него, и всѣ люди его. И, легши передъ столпомъ, отдалъ душу; и вынесши его, похоронили за оградой.

На другой же день пришло туда болѣе ста человѣкъ, хотѣвшихъ схватить его и кричавшихъ. Сказалъ же имъ святой: «Братья,

васъ есть, требѣ бо ему бысть; и той посла два воина страшна и въоружена, и поѧста и. Азъ же окаѧнный, видѣвъ страшный образъ ею, не смѣхъ противитисѧ има, да мене не убїета, ꙗко противѧщасѧ Богу». Слышавше же се мужи тѣ отъ свѧтаго, съ какою похвалою предасть духъ свой, славѧще Бога отъидоша въ Антиохїю.

тотъ, кто его послалъ сюда, сильнѣе васъ; нуженъ видно онъ былъ ему; и онъ послалъ двухъ воиновъ страшныхъ и вооруженныхъ, и они взяли его. Я же грѣшный, видя страшный образъ ихъ (обоихъ), не смѣлъ противиться имъ, чтобы меня они не убили, какъ противящагося Богу». Услышавъ же это люди тѣ отъ святаго, въ какомъ просвѣтленіи предалъ духъ свой, прославляя Бога вернулись въ Антіохію.

КНИГА БЫТІЯ

ГЛАВА VI.

ѳ Нѡ́е человѣ́къ пра́веденъ, соверше́нъ сы́й въ ро́дѣ своє́мъ, Бг҃у оу҆годѝ Нѡ́е.

9. Ной былъ человѣкъ праведный и непорочный въ родѣ своемъ; Ной ходилъ предъ Богомъ.

і҃. Родѝ же Нѡ́е трѝ сы́ны, Си́ма, Ха́ма, І҆а́феѳа.

10. Ной родилъ трёхъ сыновъ: Сима, Хама и Іафета.

а҃і. Растлѣ́сѧ же землѧ̀ пред Бг҃омъ, и҆ напо́лнисѧ землѧ̀ непра́вды.

11. Но земля растлилась предъ лицемъ Божіимъ, и наполнилась земля зладѣяніями.

в҃і. И҆ ви́дѣ Гдⷭ҇ь Бг҃ъ зе́млю, и҆ бѣ̀ растлѣ́нна: ꙗ҆́кѡ растлѝ всѧ́ка пло́ть пꙋ́ть сво́й на землѝ.

г҃і. И҆ речѐ Гдⷭ҇ь Бг҃ъ Нѡ́ю: вре́мѧ всѧ́кагѡ человѣ́ка прі́йде пред̾ мѧ̀, ꙗ҆́кѡ и҆спо́лнисѧ землѧ̀ непра́вды ѿ ни́хъ: и҆ сѐ а҆́зъ погꙋблю̀ и҆́хъ и҆ зе́млю.

д҃і. Сотворѝ оу҆́бо себѣ̀ ковче́гъ ѿ дре́въ (негнію́щихъ) четвероꙋго́лныхъ: гнѣ́зда сотвори́ши в҆ ковче́зѣ, и҆ посмоли́ши є҆го̀ внꙋтрьꙋ́дꙋ и҆ внѣꙋ́дꙋ смоло́ю.

є҃і. И҆ та́кѡ сотвори́ши ковче́гъ: тре́хъ сѡ́тъ лакте́й долгота̀ ковче́га, и҆ пѧти́десѧти лакте́й широта̀, и҆ три́десѧти лакте́й высота̀ є҆гѡ̀.

ѕ҃і. Собира́ѧ сво́домъ сотвори́ши ковче́гъ, и҆ въ ла́коть сверши́ши є҆го̀ свы́ше: две́рь же ковче́га сотвори́ши ѿ страны̀: ѡ҆бита̑лища двокрѡ́вна и҆ трекрѡ́вна сотворѝши въ не́мъ.

з҃і. А҆́зъ же сѐ наведꙋ̀ по-

12. И воззрѣлъ Господь Богъ на землю, и вотъ, она растлѣнна: ибо всякая плоть извратила путь свой на землѣ.

13. И сказалъ Господь Богъ Ною: конецъ всякой плоти пришёлъ предъ лице Моё, ибо земля наполнилась отъ нихъ злодѣніями. И вотъ, Я истреблю ихъ съ земли.

14. Сдѣлай себѣ ковчегъ изъ дерева гоферъ; отдѣленія сдѣлай въ ковчегѣ, и осмоли его смолою внутри и снаружи.

15. И сдѣлай его такъ: длина ковчега триста локтей; широта его пятьдесятъ локтей, а высота его тридцать локтей.

16. И сдѣлай отверстіе въ ковчегѣ, и въ локоть сведи его вверху, и дверь въ ковчегъ сдѣлай съ боку его; устрой въ нёмъ нижнее, второе и третье жильё.

17. И вотъ, Я наведу на

то́пъ, во́дꙋ на зе́млю, погꙋби́ти всѧ́кꙋ пло́ть; въ не́йже есть дꙋ́хъ жи́зни под̀ небесе́мъ: и҆ є҆ли́ка сꙋ́ть на земли̇̀, сконча́ютсѧ.

землю потопъ водный, чтобъ истребить всякую плоть, въ которой есть духъ жизни, подъ небесами; всё, что́ есть на землѣ, лишится жизни.

и҃і. И҆ поста́влю завѣ́тъ мо́й съ тобо́ю: вни́деши же въ ковче́гъ ты̀, и҆ сы́нове твои̇̀, и҆ жена̀ твоѧ, и҆ жены̀ сынѡ́въ твои́хъ съ тобою.

18. Но съ тобою Я поставлю завѣтъ Мой: и войдёшь въ ковчегъ ты, и сыновья твои, и жена твоя, и жёны сыновъ твоихъ съ тобою.

ѳ҃г. И҆ ѿ всѣ́хъ скотѡ́въ, и҆ ѿ всѣ́хъ га̑дъ, и҆ ѿ всѣ́хъ ѕвѣре́й, и҆ ѿ всѧ́кїѧ пло́ти, два̀ два̀ ѿ всѣ́хъ введе́ши въ ковче́гъ, да пита́еши съ собо́ю: мꙋ́жескїй по́лъ и҆ же́нскїй бꙋ́дꙋтъ.

19. Введи также въ ковчегъ (изъ всякаго скота, и изъ всѣхъ гадовъ, и) изъ всѣхъ животныхъ, и отъ всякой плоти по парѣ, чтобъ они остались съ тобою въ живыхъ; мужескаго пола и женскаго пусть они будутъ.

к҃а. Ты́ же возми̇̀ себѣ̀ ѿ всѣ́хъ бра́шенъ, ꙗ҆́же и҆́мате ꙗ҆́сти, и҆ собере́ши къ себѣ̀, и҆ бꙋ́дꙋтъ тебѣ̀ и҆ ѻ҆́нымъ бра́шно.

21. Ты же возьми себѣ всякой пищи, какою питаются, и собери къ себѣ; и будетъ она для тебя и для нихъ пищею.

ГЛАВА VII.

в҃. Ѿ скотѡ́въ же чи́стыхъ введи къ себѣ̀ се́дмь се́дмь, мꙋ́жескїй по́лъ и҆ же́нскїй: ѿ скотѡ́въ же нечи́с-

2. И всякаго скота чистаго возьми по семи, мужескаго пола и женскаго, а изъ скота нечистаго по

тыхъ два̀ два̀, мꙋ́жескїй по́лъ и҆ же́нскїй.

г҃. И҆ ѿ пти́цъ небе́сныхъ чи́стыхъ се́дмь се́дмь, мꙋ́жескїй по́лъ и҆ же́нскїй: и҆ ѿ всѣ́хъ пти́цъ нечи́стыхъ двѣ̀ двѣ̀, мꙋ́жескїй по́лъ и҆ же́нскїй, препита́ти сѣ́мѧ по все́й земли̇̀.

д҃. Є҆ще́ бо дне́й се́дмь, а҆́зъ наведꙋ̀ до́ждь на зе́млю четы́редесѧть дне́й и҆ четы́редесѧть нощє́й: и҆ потреблю̀ всѧ́кое воста́нїе, є҆́же сотвори́хъ, ѿ лица̀ всеѧ̀ земли̇̀.

є҃. И҆ сотвори̇̀ Нѡ́е всѧ̑, є҆ли̑ка заповѣ́да є҆мꙋ̀ Гдь Бг҃ъ.

і҃. И҆ бы́сть по седми̇̀ дне́хъ, и҆ вода̀ пото́пнаѧ бы́сть на земли̇̀.

а҃і. Въ шестьсо́тное лѣ́то въ житїи̇̀ Нѡ́евѣ, втора́гѡ мц҃а, въ два́десѧть седмы́й де́нь мц҃а, въ де́нь то́й разверзо́шасѧ вси̇̀ и҆сто́чницы бе́здны, и҆ хлѧ̑би небе́сныѧ ѡверзо́шасѧ.

в҃і. И҆ бы́сть до́ждь на зе-

два, мужескаго пола и женскаго.

3. Также и изъ птицъ небесныхъ чистыхъ по семи, мужескаго пола и женскаго, и изъ всѣхъ птицъ нечистыхъ по двѣ, мужескаго пола и женскаго, чтобы сохранить племя для всей земли.

4 Ибо чрезъ семь дней Я буду изливать дождь на землю сорокъ дней и сорокъ ночей; и истреблю всё существующее, что̀ Я создалъ, съ лица земли.

5. Ной сдѣлалъ всё, что̀ Господь Богъ повелѣлъ ему.

10. Спустя семь дней, воды потопа пришли на землю.

11. Въ шестисотый годъ жизни Ноевой, во второй мѣсяцъ, въ семнадцатый день (27) мѣсяца, въ сей день разверзлись всѣ источники великой бездны, и окна небесныя отворились;

12. И лился на землю

млю четы́редесѧть дне́й, и҆ четы́редесѧть нощей.

г҃і Въ де́нь то́й вни́де Нѡ́е, Си́мъ, Ха́мъ, І҆а́феѳъ сы̀нове Нѡ́евы, и҆ жена̀ Нѡ́ева, и҆ три̇̀ жены̀ сынѡ́въ є҆гѡ̀ с̾ ни́мъ въ ковче́гъ:

д҃і. И҆ вси̇̀ ѕвѣ́рїе земні́и по ро́дꙋ, и҆ вси̇̀ ско́ти по ро́дꙋ, и҆ всѧ́кїй га́дъ дви́жꙋщїйсѧ на земли̇̀ по ро́дꙋ, и҆ всѧ́каѧ пти́ца перна́таѧ по ро́дꙋ своемꙋ̀.

є҃і. Внидо́ша къ Нѡ́ю въ ковче́гъ два̀ два̀, мꙋ́жескїй по́лъ и҆ же́нскїй, ѿ всѧ́кїѧ пло́ти, въ не́йже є҆́сть дꙋ́хъ живо́тный.

ѕ҃і. И҆ входѧщаѧ мꙋ́жескїй по́лъ. и҆ же́нскїй ѿ всѧ́кїѧ пло́ти внидо́ша къ Нѡ́ю въ ковче́гъ, ꙗ҆́коже заповѣ́да Гдⷭ҇ь Бг҃ъ Нѡ́ю: и҆ затвори̇̀ Гдⷭ҇ь Бг҃ъ ковче́гъ ѿвнѣ̀ є҆гѡ̀.

з҃і. И҆ бы́сть пото́пъ четы́редесѧть дне́й, и҆ четы́редесѧть нощей на земли̇̀, и҆ оу҆множисѧ вода̀, и҆ взѧ̀ ков-

дождь сорокъ дней и сорокъ ночей.

13. Въ сей самый день вошёлъ въ ковчегъ Ной, и Симъ, Хамъ и Іафетъ, сыновья Ноевы, и жена Ноева, и три жены сыновъ его съ ними.

14. Они, и всѣ звѣри земли по роду ихъ, и всякій скотъ по роду его, и всѣ гады, пресмыкающіеся по землѣ, по роду ихъ, и всѣ летающія по роду ихъ, всѣ птицы, всѣ крылатыя.

15. И вошли къ Ною въ ковчегъ по парѣ мужескаго пола и женскаго отъ всякой плоти, въ которой есть духъ жизни.

16. И вошедшіе къ Ною въ ковчегъ мужескій и женскій полъ всякой плоти вошли, какъ повелѣлъ ему Господь Богъ. И затворилъ Господь Богъ за нимъ ковчегъ.

17. И продолжалось на землѣ наводненіе сорокъ дней и сорокъ ночей, и умножилась вода, и подняла ков-

чéгъ, и҆ возвы́сисѧ ѿ землѝ:

чегъ, и онъ возвысился надъ землёю.

и҃і. И҆ возмога́ше вода̀, и҆ оу҆множа́шесѧ ѕѣлѡ̀ на землѝ, и҆ ноша́шесѧ ковчéгъ верхꙋ̀ воды̀

18. Вода же усиливалась и весьма умножалась на землѣ; и ковчегъ плавалъ по поверхности водъ.

ѳ҃і. Вода́ же возмога́ше ѕѣлѡ̀ ѕѣлѡ̀ на землѝ: и҆ покры̀ всѧ̀ го́ры высѡ́кїѧ, ꙗ҆́же бѧ́хꙋ под̀ небесе́мъ:

19. И усилилась вода на землѣ чрезвычайно, такъ что покрылись всѣ высокія горы, какія есть подъ всѣмъ небомъ.

к҃. Пѧтьна́десѧть лактéй горѣ̀ возвы́сисѧ вода̀, и҆ покры́ всѧ̀ го́ры высѡ́кїѧ.

20. На пятнадцать локтей поднялась надъ ними вода, и покрылись всѣ высокія горы.

к҃а. И҆ оу҆мре всѧ́каѧ пло́ть дви́жꙋщаѧсѧ по землѝ, пти́цъ и҆ скотѡ́въ, и҆ ѕвѣре́й, и҆ всѧ́кїй га́дъ дви́жꙋщїйсѧ на землѝ, и҆ всѧ́кїй чл҃вѣ́къ.

21. И лишилась жизни всякая плоть, движущаяся по землѣ, и птицы, и скоты, и звѣри, и всѣ гады, ползающіе по землѣ, и всѣ люди.

к҃в. И҆ всѧ̑ є҆ли́ка и҆мꙋ́тъ дыха́нїе жи́зни, и҆ все́, є҆́же бѣ̀ на сꙋ́ши, оу҆мре.

22. Все, что́ имѣло дыханіе духа жизни въ ноздряхъ своихъ на сушѣ, умерло.

к҃г. И҆ потреби́сѧ всѧ́кое воста́нїе, є҆́же бѧ́ше на лицѣ̀ всеѧ̀ землѝ, ѿ чл҃вѣ́ка да́же до скота̀, и҆ гадѡ́въ, и҆ пти́цъ небе́сныхъ, и҆ потреби́шасѧ ѿ землѝ: и҆ ѡ҆ста̀ Нѡ́е є҆ди́нъ,

23. Истребилось всякое существо, которое было на поверхности всей земли; отъ человѣка до скота, и гадовъ, и птицъ небесныхъ, всё истребилось съ земли:

и иже съ нимъ въ ковчезѣ.

кд. И возвысися вода надъ землею дней сто пятьдесятъ.

остался только Ной, и что было съ нимъ въ ковчегѣ.

24. Вода же усиливалась на землѣ сто пятьдесятъ дней.

ГЛАВА VIII

а. И помяну Богъ Ноа, и всѣ звѣри, и всѣ скоты, и всѣ птицы, и всѣ гады пресмыкающыяся, елика бѣху съ нимъ въ ковчезѣ: и наведе Богъ духъ на землю, и преста вода.

в. И заключишася источницы бездны, и хляби небесныя: и удержася дождь отъ небесе:

г. И вспять пойде вода идущая отъ земли: и умаляшеся вода по стѣ пятидесятихъ днехъ.

д. И сѣде ковчегъ въ мцѣ седмый въ двадесять седмый день мца, на горахъ Араратскихъ.

е. Вода же уходящи умаляшеся даже до десятаго мца: и въ десятый

И вспомнилъ Богъ о Ноѣ, и о всѣхъ звѣряхъ, и о всѣхъ скотахъ, и о всѣхъ птицахъ, и о всѣхъ гадахъ пресмыкающихся, бывшихъ съ нимъ въ ковчегѣ; и навѣлъ Богъ вѣтеръ на землю, и воды остановились.

2. И закрылись источники бездны и окна небесныя, и перестал дождь съ неба.

3. Вода же постепенно возвращалась съ земли, и стала убывать вода по окончаніи ста пятидесяти дней.

4. И остановился ковчегъ въ седьмомъ мѣсяцѣ, въ семнадцатый день мѣсяца, на горахъ Араратскихъ.

5. Вода постоянно убывала до десятаго мѣсяца; въ первый день десятаго

мцⷭ҇ъ, в҆ пе́рвый де́нь мца ꙗ҆ви́шасѧ версѝ гѡ́ръ.

ѕ҃. И҆ бы́сть по четы́редесѧтихъ дне́хъ ѿве́рзе Нѡ́е ѻ҆ко́нце ковче́га є҆́же сотворѝ:

з. И҆ посла̀ вра́на (ви́дѣти, а҆́ще оу҆стꙋпи́ла вода̀ ѿ лица̀ землѝ,) и҆ и҆зше́дъ не возврати́сѧ, до́ндеже и҆зсѧ́че вода̀ ѿ землѝ.

и҃. И҆ посла̀ голꙋби́цꙋ по не́мъ ви́дѣти, а҆́ще оу҆стꙋпи̇ла вода̀ ѿ лица̀ землѝ.

ѳ҃. И҆ не ѡ҆брѣ́тши голꙋби́ца поко́ѧ нога́ма свои́ма, возврати́сѧ къ немꙋ̀ въ ковче́гъ, ꙗ҆́ко вода̀ бѧ́ше по всемꙋ̀ лицꙋ̀ всеѧ̀ землѝ: и҆ простє́ръ рꙋ́кꙋ свою̀, прїѧ́тъ ю҆̀, и҆ внесѐ ю҆̀ къ себѣ̀ въ ковче́гъ.

і҃. И҆ преме́дливъ є҆щѐ се́дмь дне́й, па́ки посла́ голꙋби́цꙋ и҆з̾ ковче́га.

а҃і. И҆ возврати́сѧ къ немꙋ̀ голꙋби́ца къ ве́черꙋ, и҆ и҆мѣ́ѧше сꙋче́цъ ма́сличенъ

мѣсяца показались верхи горъ.

6. По прошествіи сорока дней Ной открылъ сдѣланное имъ окно ковчега.

7. И выпустилъ ворона, (чтобы видѣть, убыла ли вода съ земли,) который, вылетѣвъ, отлеталъ и прилеталъ, пока осушилась земля отъ воды.

8. Потомъ выпустилъ отъ себя голубя, чтобы видѣть, сошла ли вода съ лица земли.

9. Но голубь не нашёлъ мѣста покоя для ногъ своихъ, и возвратился къ нему въ ковчегъ; ибо вода была ещё на поверхности всей земли: и онъ простёръ руку свою, и взялъ его, и принялъ къ себѣ въ ковчегъ.

10. И помедлилъ ещё семь дней другихъ; и опять выпустилъ голубя изъ ковчега.

11. Голубь возвратился къ нему въ вечернее время; и вотъ, свѣжій мас-

съ ли́ствїемъ во оу̑стѣхъ скои́хъ: и̑ позна̀ Нѡ́е, ꙗ̑ко оу̑стꙋпѝ вода̀ ѿ лица̀ землѝ.

в҃і. И̑ преме́дливъ є̑щѐ се́дмь дне́й дрꙋги́хъ, па́ки посла̀ голꙋби́цꙋ, и̑ не приложи́ возврати́тисѧ къ немꙋ̀ пото́мъ.

г҃і. И̑ бысть въ пе́рвое и̑ шестьсо́тное лѣ́то житїѧ̀ Нѡ́ева, въ пе́рвый де́нь пе́рваго мц҃а, и̑зсѧ́че вода̀ ѿ лица̀ землѝ: и̑ ѿкры̀ Нѡ́е покро́въ ковче́га, є̑го́же сотворѝ, и̑ ви́дѣ ꙗ̑кѡ и̑зсѧ́че вода̀ ѿ лица̀ землѝ.

д҃і. Въ мц҃ъ же вторы́й, въ два́десѧть седмы́й де́нь мц҃а и̑зсше землѧ̀.

є҃і. И̑ речѐ Гдⷭ҇ь Бг҃ъ Нѡ́еви, гл҃ѧ:

ѕ҃і. И̑зы́ди и̑з̀ ковче́га ты́, и̑ жена̀ твоѧ̀, и̑ сы́нове твои̑, и̑ жены̀ сынѡ́въ твои́хъ съ тобо́ю.

з҃і. И̑ всѧ̀ ѕвѣ́ри є̑ли́цы сꙋ́ть съ тобою̀, и̑ всѧ́кꙋ пло́ть ѿ пти́цъ да́же до скотѡ́въ, и̑ всѧ́къ га́дъ дви́жꙋщїйсѧ по землѝ и̑зведѝ съ собо́ю: и̑ расти́тесѧ и̑ мно́-

личный листъ во рту у него: и Ной узналъ, что вода сошла съ земли.

12. Онъ помедлилъ ещё семь дней другихъ, и опять выпустилъ голубя; и онъ уже не возвратился къ нему.

13. Шесть сотъ перваго года жизни Ноевой къ первому дню перваго мѣсяца изсякла вода на землѣ; и открылъ Ной кровлю ковчега, и посмотрѣлъ, и вотъ, обсохла поверхность земли.

14. И во второмъ мѣсяцѣ, къ двадцать седьмому дню мѣсяца, земля высохла.

15. И сказалъ Господь Богъ Ною:

16. Выйди изъ ковчега ты, жена твоя, и сыновья твои, и жёны сыновъ твоихъ съ тобою.

17. Выведи съ собою всѣхъ животныхъ, которыя съ тобою, отъ всякой плоти, изъ птицъ, и скотовъ, и всѣхъ гадовъ пресмыкающихся по землѣ: пусть разойдутся

житесѧ на землѝ.

ӥі. И҆ и҆зы́де Нѡ́е, и҆ жена̀ є҆гѡ̀, и҆ сы́нове є҆гѡ̀, и҆ жены̀ сынѡ́въ є҆гѡ̀ съ ни́мъ:

ѳі. И҆ всѝ ѕвѣрїе, и҆ всѝ ско́ти, и҆ всѧ̀ пти̑цы, и҆ всѧ̀ га́ды дви́жꙋщыѧсѧ по ро́дꙋ своемꙋ̀ на землѝ, и҆зыдо́ша и҆з̾ ковче́га.

к҃. И҆ созда̀ Нѡ́е же́ртвенникъ Гдⷭ҇ви: и҆ взѧ̀ ѿ всѣ́хъ скотѡ́въ чи́стыхъ, и҆ ѿ всѣ́хъ пти̑цъ чи́стыхъ, и҆ вознесѐ во всесожже́нїе на же́ртвенникъ.

ва҃. И҆ ѡ҆бонѧ̀ Гдⷭ҇ь воню̀ бл҃агоꙋха́нїѧ, и҆ речѐ Гдⷭ҇ь Бг҃ъ, размы́сливъ: не приложꙋ̀ ктомꙋ̀ проклѧ́ти зе́млю за дѣла̀ чл҃ческаѧ: занѐ прилѣжи́тъ помышле́нїе чл҃кꙋ прилѣ́жнѡ на ѕла̑ѧ ѿ ю҆́ности є҆гѡ̀: не приложꙋ̀ оу҆́бо ктомꙋ̀ порази́ти всѧ́кꙋю пло́ть живꙋ́щꙋю, ꙗ҆́коже сотвори́хъ.

кв҃. Во всѧ̀ днѝ землѝ сѣѧтва и҆ жа́тва, зима̀ и҆ зно́й, лѣто и҆ весна̀, де́нь и҆ но́щь не преста́нꙋтъ.

они по землѣ, и пусть плодятся и размножаются на землѣ.

18. И вышелъ Ной, и сыновья его, и жена его, и жёны сыновъ его съ нимъ.

19. Всѣ звѣри, и весь скотъ, и всѣ гады, и всѣ птицы, всё движущееся по землѣ, по родамъ своимъ, вышли изъ ковчега.

20. И устроилъ Ной жертвенникъ Господу; и взялъ изъ всякаго скота чистаго, и изъ всѣхъ птицъ чистыхъ, и принёсъ во всесожженіе на жертвенникѣ.

21. И обонялъ Господь пріятное благоуханіе, и сказалъ Господь Богъ въ сердцѣ Своёмъ: не буду больше проклинать землю за человѣка, потому что помышленіе сердца человѣческаго—зло отъ юности его; и не буду больше поражать всего живущаго, какъ Я сдѣлалъ.

22. Впредь во всѣ дни земли сѣяніе и жатва, холодъ и зной, лѣто и зима, день и ночь не прекратятся.

ГЛАВА IX.

а. Й бл҃гословѝ Кт҃ъ Нѡ́а, и сы́ны є҃гѡ̀, и речѐ и҃мъ: расти́тесѧ и мно́житесѧ, и напо́лните зе́млю, и ѡ҃блада́йте е҃ю.

в. Й стра́хъ и тре́петъ ва́шъ бу́детъ на всѣ́хъ звѣре́хъ земны́хъ, (и на всѣ́хъ скотѣ́хъ земны́хъ), на всѣ́хъ пти́цахъ небе́сныхъ, и на всѣ́хъ дви́жу҇щихсѧ по землѝ, и на всѣ́хъ ры́бахъ морски́хъ: въ ру́цѣ ва́ши вда́хъ (ѧ҃).

г. Й всѧ́кое дви́жу҇щеесѧ е҃же е҃сть жи́во, ва́мъ бу́детъ въ снѣ́дь: та҃кѡ зе́лїе травно́е да́хъ ва́мъ всѐ.

д. То́чїю мѧ́са въ кро́ви ду҇ши́ да не снѣ́сте.

е. Кро́ви бо ва́шей, ду҇шъ ва́шихъ, ѡ҃ ру́кѝ всѧ́кагѡ звѣ́рѧ и҃зыщу҇ (е҃ѧ́): и ѡ҃ ру́кѝ человѣ́ка бра́та и҃зыщу҇ е҃ѧ́.

ѕ. Проливаѧ́й кро́вь че-

И благословилъ Богъ Ноя и сыновъ его, и сказалъ имъ: плодитесь, и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею.

2. Да страшатся и да трепещутъ васъ всѣ звѣри земные, (и весь скотъ земный) и всѣ птицы небесныя, всё, что̀ движется на землѣ, и всѣ рыбы морскія: въ ваши руки отданы они.

3. Всё движущееся, что́ живётъ, будетъ вамъ въ пищу; какъ зелень травную даю вамъ всё.

4. Только плоти съ душёю ея, съ кровію ея, не ѣшьте.

5. Я взыщу и вашу кровь, *въ которой* жизнь ваша, взыщу сё отъ всякаго звѣря, взыщу также душу человѣка отъ руки человѣка, отъ руки брата его.

6. Кто прольётъ кровь

ловѣчꙋ, въ є҆ѧ̀ мѣстѡ є҆гѡ̀ проліє́тсѧ: ꙗ҆́кѡ во ѻ҆́бразъ Бж҃їй сотвори́хъ чл҃вѣка.

з҃. Вы́ же расти́тесѧ и҆ мно́житесѧ, и҆ напо́лните зе́млю, и҆ мно̀житесѧ на не́й.

и҃. И҆ речѐ Бг҃ъ Нѡ́еви, и҆ сынѡ́мъ є҆гѡ̀ съ ни́мъ, глаго́лѧ:

ѳ҃. Сѐ а҆́зъ поставлѧ́ю завѣтъ мо́й ва́мъ, и҆ сѣмени ва́шемꙋ по ва́съ.

і҃. И҆ всѧ́кой дꙋши̇̀ живꙋ́щей съ ва́ми ѿ пти́цъ, и҆ ѿ скѡ́тъ, и҆ всѣ́мъ ѕвѣре́мъ земны́мъ, є҆ли́ка съ ва́ми (сꙋ́ть) ѿ всѣ́хъ и҆зше́дшихъ и҆з̾ ковче́га.

а҃і. И҆ поста́влю завѣтъ мо́й съ ва́ми: и҆ не оу҆́мретъ всѧ́ка пло́ть ктомꙋ̀ ѿ воды̀ пото́пныѧ, и҆ ктомꙋ̀ не бꙋ́детъ пото́пъ во́дный, є҆́же и҆стли́ти всю̀ зе́млю.

в҃і. И҆ речѐ Гдь Бг҃ъ Нѡ́еви: сіѐ зна́меніе завѣта, є҆́же а҆́зъ даю̀ междꙋ̀ мно́ю

человѣческую, того кровь прольётся рукою человѣка: ибо человѣкъ созданъ по образу Божію:

7. Вы же плодитесь и размножайтесь, и распространяйтесь по землѣ, и умножайтесь на ней.

8. И сказалъ Богъ Ною и сынамъ его съ нимъ:

9. Вотъ Я поставляю завѣтъ Мой съ вами, и съ потомствомъ послѣ васъ.

10. И со всякою душёю живою, которая съ вами, съ птицами и со скотами, и со всѣми звѣрями земными, которые у васъ, со всѣми вышедшими изъ ковчега, со всѣми животными земными;

11. Поставляю завѣтъ Мой съ вами, что не будетъ болѣе истреблена всякая плоть водами потопа, и не будетъ уже потопа на опустошеніе земли.

12. И сказалъ Господь Богъ: вотъ знаменіе завѣта, который Я поставляю

и вами, и между всякою душею живою, яже есть съ вами, въ роды вѣчныя:

13. Дугу мою полагаю во облацѣ, и будетъ въ знаменіе завѣта (вѣчнаго) между мною и землею.

14. И будетъ, когда Я наведу облако на землю: то явится радуга Моя въ облакѣ;

15. И Я вспомню завѣтъ Мой, который между Мною и между вами, и между всякою душею живою во всякой плоти; и не будетъ болѣе вода потопомъ на истребленіе всякой плоти.

16. И будетъ радуга Моя въ облакѣ; и Я увижу ее, и вспомню завѣтъ вѣчный между Богомъ, и между землею, и между всякою душею живою во всякой плоти, которая на землѣ.

17. И сказалъ Богъ Ною: вотъ знаменіе завѣта, который Я постановилъ между Мною и между вся-

ѥ҆сть на землѝ.

и҃і Бы́ша же сы́нове Нѡ́евы и҆зше́дшіи и҆з̾ ковче́га, Си́мъ, Ха́мъ, І҆а́феѳъ: Ха́мъ же бѧ́ше ѻ҆ц҃ъ Ханаа́нь.

ѳ҃і. Тріѐ сі́и сꙋ́ть сы́нове Нѡ́евы: ѿ си́хъ разсѣ́ѧшасѧ по все́й землѝ.

к҃. И҆ нача́тъ Нѡ́е чл҃вѣ́къ дѣ́латель (бы́ти) землѝ, и҆ насадѝ віногра́дъ:

к҃а. И҆ и҆спѝ ѿ вінà, и҆ оу҆пи́сѧ, и҆ ѡ҆бнажи́сѧ въ домꙋ̀ свое́мъ.

к҃в. И ви́дѣ Ха́мъ ѻ҆ц҃ъ Ханаа́нь наготꙋ̀ ѻ҆ц҃а̀ своегѡ́, и҆ и҆зше́дъ во́нъ повѣ́да ѻ҆бѣ́ма бра́тома свои́ма.

к҃г. И҆ взе́мше Си́мъ и҆ І҆а́феѳъ ри́зꙋ, возложи́ша (ю҆) на ѻ҆бѣ ра́мѣ свои̑, и҆ и҆до́ша вспѧ́ть зрѧ́ще, и҆ покры́ша наготꙋ̀ ѻ҆ц҃а́ своегѡ̀; и҆ лицѐ и҆́хъ вспѧ́ть зрѧ̀, и наготы̀ ѻ҆ц҃а̀ своегѡ̀ не ви́дѣша.

к҃д. И҆стрезви́сѧ же Нѡ́е ѿ вінà, и҆ разꙋмѣ̀ є҆ли́ка со-

кою плотію, которая на землѣ.

18. Сыновья Ноя, вышедшіе изъ ковчега, были: Симъ, Хамъ и Іафетъ. Хамъ же былъ отецъ Ханаана.

19. Сіи трое были сыновья Ноевы, и отъ нихъ населилась вся земля.

20. Ной началъ воздѣлывать землю, и насадилъ виноградникъ.

21. И выпилъ онъ вина, и опьянѣлъ, и *лежалъ* обнажённымъ въ шатрѣ своёмъ.

22. И увидѣлъ Хамъ, отецъ Ханаана, наготу отца своего, и вышедши разсказалъ двумъ братьямъ своимъ.

23 Симъ же и Іафетъ взяли одежду, и, положивъ её на плеча свои, пошли задомъ, и покрыли наготу отца своего; лица ихъ были обращены назадъ, и они не видали наготы отца своего.

24. Ной проспался отъ вина своего, и узналъ, что̀

творѝ є҆мꙋ̀ сы́нъ є҆гѡ̀ ю҆нѣ́йшїй.

к҃є. И҆ речѐ: про́клѧтъ (бꙋ́ди) Ханаа́нъ ѻ҆́трокъ: ра́бъ бꙋ́детъ бра́тїѧмъ свои́мъ.

к҃ѕ. И҆ речѐ: бл҃гослове́нъ Гдⷭ҇ь Бг҃ъ Си́мовъ: и҆ бꙋ́детъ Ханаа́нъ ѻ҆́трокъ ра́бъ є҆мꙋ̀.

к҃з. Да распростра́нитъ Бг҃ъ І҆а́феѳа, и҆ да всели́тсѧ въ селе́нїихъ Си́мовыхъ, и҆ да бꙋ́детъ Ханаа́нъ ра́бъ є҆мꙋ̀.

к҃и. Поживе́ же Нѡ́е по пото́пѣ лѣ́тъ три́ста пѧтьдесѧ́тъ:

к҃ѳ. И҆ бы́ша вси́ дні́е Нѡ́евы, лѣ́тъ де́вѧть сѡ́тъ пѧтьдесѧ́тъ, и҆ оу҆́мре.

сдѣлалъ надъ нимъ меньшій сынъ его;

25. И сказалъ: проклятъ Ханаанъ, рабъ рабовъ будетъ онъ у братьевъ своихъ.

26. Потомъ сказалъ: благословенъ Господь Богъ Симовъ; Ханаанъ же будетъ рабомъ ему.

27. Да распространитъ Богъ Іафета; и да вселится онъ въ шатрахъ Симовыхъ; Ханаанъ же будетъ рабомъ ему.

28. И жилъ Ной послѣ потопа триста пятьдесятъ лѣтъ.

29. Всѣхъ же дней Ноевыхъ было девять сотъ пятьдесятъ лѣтъ; и онъ умеръ.

ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ МАТѲЕЯ.

ГЛАВА XIII.

а҃. Въ де́нь же то́й и҆зше́дъ І҆и҃съ и҆з до́мꙋ, сѣдѧ́ше при мо́ри:

в҃. И҆ собра́шасѧ къ немꙋ̀ наро́ди мно́зи, ꙗ҆́коже є҆мꙋ̀ въ кора́бль влѣ́зти и҆ сѣ́сти:

Вышедши же въ день тотъ изъ дома, Іисусъ сѣлъ у моря.

2. И собралось къ Нему множество народа, такъ что Онъ вошёлъ въ лодку, и

и҆ ве́сь наро́дъ на бре́зѣ сто-
ѧ́ше.

г҃. И҆ глаго́ла и҆́мъ при́т-
чами мно́гѡ, глаго́лѧ: Сѐ
и҆зы́де сѣ́ѧй, да сѣ́етъ.

д҃. И҆ сѣ́ющꙋ є҆мꙋ̀, ѻ҆́ва
падо́ша при пꙋти̑: и҆ прїидо-
ша пти̑цы, и҆ позоба́ша ѧ҆̀.

є҃. Дрꙋга̑ѧ же падо́ша на
ка́менныхъ, и҆дѣ́же не и҆мѣ-
ѧхꙋ земли̑ мно́ги: и҆ а҆́бїе
прозѧбо́ша, занѐ не и҆мѣ́ѧхꙋ
глꙋбины̀ земли̑:

ѕ҃. Сл҃нцꙋ же возсїѧ́вшꙋ
присвѧ́нꙋша, и҆ занѐ не и҆мѣ-
ѧхꙋ коре́нїѧ, и҆зсхо́ша:

з҃. Дрꙋга̑ѧ же падо́ша въ
те́рнїи, и҆ взы́де те́рнїе, и҆
подави̑ и҆́хъ.

и҃. Дрꙋга̑ѧ же падо̀ша на
земли̑ до́брѣй, и҆ даѧ́хꙋ пло́дъ,
ѻ҆́но ѹ҆́бѡ сто̀, ѻ҆́но же
шестьдесѧ́тъ, ѻ҆́но же три́-
десѧть.

ѳ҃. И҆мѣ́ѧй ѹ҆́шы слы́ша-
ти, да слы́шитъ.

и҃і. Вы́ же ѹ҆слы́шите
при́тчꙋ сѣ́ющагѡ:

ѳ҃і. Всѧ́комꙋ слы́шащемꙋ
сло́во цр҃твїѧ и҆ не разꙋмѣ-

сѣлъ; а весь народъ стоялъ на берегу.

3. И поучалъ ихъ много притчами, говоря: вотъ вышелъ сѣятель сѣять.

4. И когда онъ сѣялъ, иное упало при дорогѣ; и налетѣли птицы, и поклевали то.

5. Иное упало на мѣста каменистыя, гдѣ не много было земли; и скоро взошло, потому что земля была не глубока;

6. Когда же взошло солнце, увяло, и, какъ не имѣло корня, засохло;

7 Иное упало въ терніе, и выросло терпіе, и заглушило его.

8. Иное упало на добрую землю, и принесло плодъ: одно во сто кратъ, а другое въ шестьдесятъ, иное же въ тридцать.

9. Кто имѣетъ уши слышать, да слышитъ!

18. Вы же выслушайте *значеніе* притчи о сѣятелѣ.

19. Ко всякому, слушающему слово о царствіи и

нающѣ, приходитъ лукавый, и, восхищаетъ всѣянное въ сердцѣ его: сіе есть, (еже) при пути сѣянное

к. А на камени сѣянное, сіе есть, слышавъ слово, и абіе съ радостію пріемлетъ е:

ка. Не имать же корене въ себѣ, но привременъ есть: бывши же печали, или гонѣнію словесе ради, абіе соблажняется.

кв. А сѣянное въ терніи, се есть, слышай слово, и печаль вѣка сего, и лесть богатства подавляетъ слово, и безъ плода бываетъ.

кг. А сѣянное на добрѣй земли, се есть, слышай слово и разумѣваяй: иже оубо плодъ приноситъ, и творитъ оубо сто, оубо же шестьдесятъ, оубо тридесятъ.

неразумѣющему, приходитъ лукавый, и похищаетъ посѣянное въ сердцѣ его: вотъ, кого означаетъ посѣянное при дорогѣ.

20. А посѣянное на каменистыхъ мѣстахъ означаетъ того, кто слышитъ слово, и тотчасъ съ радостію принимаетъ его;

21. Но не имѣетъ въ себѣ корня и непостояненъ: когда настанетъ скорбь или гоненіе за слово, тотчасъ соблазняется.

22. А посѣянное въ терніи означаетъ того, кто слышитъ слово, но забота вѣка сего и обольщеніе богатства заглушаетъ слово, и оно бываетъ безплодно

23. Посѣянное же на доброй землѣ означаетъ слышащаго слово и разумѣющаго, который и бываетъ плодоносенъ, такъ что иной приноситъ плодъ во сто кратъ, иной въ шестьдесятъ, а иной въ тридцать.

ГЛАВА XVIII.

а. Въ тóй чáсъ приступи́ша оу҃чн҃цы҃ ко Їи҃сꙋ, глаго́люще: кто́ оу҃бѡ бóлій е҃сть въ цáрствіи нб҃нѣмъ;

в. И̑ призвáвъ Їи҃съ ѻ҆троча́, постáви е҆̀ посредѣ и҃хъ

г. И̑ рече́: а҆мѝнь глю вáмъ, а҆ще не ѡ҃братите́сѧ, и̑ бꙋ́дете ꙗ҆кѡ дѣ́ти, не вни́дете въ ц҃рство нб҃ное.

д. И̑же оубо смири́тсѧ ꙗ҆кѡ ѻ҆троча́ сі́е, то́й е҃сть бóлій во ц҃рствіи нб҃нѣмъ.

е. И̑ и҆́же а҆́ще прі́и҃метъ ѻ҆троча́ таково́ во и҃мѧ мое́, мене́ прі́е҃млетъ:

ѕ. И̑ и҆́же а҆́ще соблазни́тъ е҆ди́наго ма́лыхъ сѝхъ вѣ́рующихъ въ мѧ̀, оу҃́не е҃сть е҃мꙋ́, да ѡ҃вѣ́ситсѧ жёрновъ ѻ҆се́лскій на выи҆ е҆гѡ̀, и̑ пото́нетъ въ пꙋ́чинѣ морстѣ́й.

з. Го́ре мі́рꙋ ѿ соблáзнъ: нꙋ́жда бо е҃сть прі́ити соблáзномъ: ѻ҆бáче го́ре человѣ́кꙋ

Въ то время ученики приступили къ Іисусу, и сказали: кто больше въ царствѣ небесномъ?

2. Іисусъ, призвавъ дитя, поставилъ его посреди ихъ,

3. И сказалъ: истинно говорю вамъ, если не обратитесь, и не будете какъ дѣти, не войдёте въ царство небесное.

4. И такъ, кто умалится, какъ это дитя; тотъ и больше въ царствѣ небесномъ.

5. И кто приметъ одно такое дитя во имя Моё; тотъ Меня принимаетъ;

6. А кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня; тому лучше было бы, если бы повѣсили ему мельничный жёрновъ на шею, и потопили его во глубинѣ морской.

7. Горе міру отъ соблазновъ; ибо надобно прійти соблазнамъ: но горе тому

томꙋ, и҆мже соблазнъ прихо́дитъ.

и҃. А҆́ще ли рꙋка́ т҃воѧ, и҆ли̑ нога̀ твоѧ̀ соблажнѧетъ тѧ̀, ѿсѣцы̀ ю̑, и҆ ве́рзи ѿ себѐ: добрѣ́йше ти̑ є҆́сть вни́ти въ живо́тъ хромꙋ и҆ли̑ безъ рꙋки̑, нежели двѣ̀ рꙋцѣ̀, и҆ двѣ̀ но́зѣ и҆мꙋщꙋ, вве́рженꙋ бы́ти во ѻ҆́гнь вѣ́чный.

ѳ҃. И҆ а҆́ще ѻ҆́ко твоѐ соблажнѧетъ тѧ̀, и҆зми̑ є҆̀, и҆ ве́рзи ѿ себѐ: добрѣ́йше ти̑ є҆́сть со є҆ди́нѣмъ ѻ҆́комъ въ живо́тъ вни́ти, не́же двѣ̀ ѻ҆́цѣ и҆мꙋщꙋ вверженꙋ бы́ти въ геє́ннꙋ ѻ҆́гненнꙋю.

і҃. Блюди́те, да не пре́зрите є҆ди́наго (ѿ) ма́лыхъ си́хъ: гл҃ю бо ва́мъ: ꙗ҆́кѡ А҆́гг҃ли и҆́хъ на нб҃сѣ́хъ вы́нꙋ ви́дѧтъ лицѐ Ѻ҆ц҃а̀ моегѡ̀ нб҃наго.

а҃і. Прїи́де бо Сн҃ъ человѣ́ческїй взыска́ти и҆ спасти̑ поги́бшаго.

в҃і. Что̀ ва́мъ мни́тсѧ; а҆́ще бꙋ́детъ нѣ́коемꙋ человѣ́кꙋ сто̀ ѻ҆ве́цъ, и҆ заблꙋ́дитъ є҆ди́на ѿ ни́хъ: не ѡ҆ста́витъ

человѣку, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ.

8. Если же рука твоя, или нога твоя соблазняетъ тебя; отсѣки ихъ, и брось отъ себя: лучше тебѣ войти въ жизнь безъ руки, или безъ ноги, нежели съ двумя руками и съ двумя ногами быть ввержену въ огонь вѣчный

9. И если глазъ твой соблазняетъ тебя; вырви его, и брось отъ себя: лучше тебѣ съ однимъ глазомъ войти въ жизнь, нежели съ двумя глазами быть ввержену въ геенну огненную.

11 Смотрите, не презирайте ни одного изъ малыхъ сихъ; ибо говорю вамъ, что Ангелы ихъ на небесахъ всегда видятъ лице Отца Моего небеснаго

11 Ибо Сынъ человѣческій пришёлъ взыскать и спасти погибшее

12. Какъ вамъ кажется? Если бы у кого было сто овецъ, и одна изъ нихъ заблудилась; то не оставитъ

ли де́вѧтьдесѧтъ и҆ де́вѧть въ гора́хъ, и҆ ше́дъ и҆́щетъ заблꙋ́ждшїѧ;

г҃і. И҆ а҆́ще бꙋ́детъ ѡ҆брѣсти̑ ю҆̀, а҆ми́нь глаго́лю ва́мъ, ꙗ҆́кѡ ра́дꙋетсѧ ѡ҆ не́й па́че, не́же ѡ҆ девѧти́десѧтихъ и҆ девѧти̑ не заблꙋ́ждшихъ.

д҃і. Та́ко нѣ́сть во́лѧ пред̾ ѻ҆ц҃е́мъ ва́шимъ нб҃нымъ, да поги́бнетъ є҆ди́нъ ѿ ма́лыхъ си́хъ.

є҃і. А҆́ще же согрѣши́тъ къ тебѣ̀ бра́тъ тво́й, и҆ди̑ и҆ ѡ҆бличи̑ є҆го̀ межд̾ꙋ̀ тобо́ю и҆ тѣ́мъ є҆ди́нѣмъ: а҆́ще тебѐ послꙋ́шаетъ, прїѡбрѣ́лъ є҆сѝ бра́та твоего̀.

ѕ҃і. А҆́ще ли тебѐ не послꙋ́шаетъ, пойми̑ съ собо́ю є҆щѐ є҆ди́наго и҆ли̑ два̀: да при ᲂу҆стѣ́хъ двою̀, и҆ли̑ трїе́хъ свидѣ́телей ста́нетъ всѧ́къ глаго́лъ.

з҃і. А҆́ще же не послꙋ́шаетъ и҆́хъ, повѣ́ждь цр҃кви: а҆́ще же и҆ цр҃ковь преслꙋ́шаетъ, бꙋ́ди тебѣ̀ ꙗ҆́коже ꙗ҆зы́чникъ и҆ мыта́рь.

и҃і. А҆ми́нь бо глаго́лю ва́мъ:

ли девяносто девять въ горахъ, и не пойдётъ ли искать заблудившуюся?

13. И если случится найти её; то, истинно говорю вамъ, онъ радуется о ней болѣе, нежели о девяносто девяти незаблудившихся.

14. Такъ нѣтъ воли Отца вашего небеснаго, чтобы погибъ одинъ изъ малыхъ сихъ.

15. Если же согрѣшитъ противъ тебя братъ твой; пойди, и обличи его между тобою и имъ однимъ: если послушаетъ тебя; то пріобрѣлъ ты брата своего.

16. Если же не послушаетъ; возьми съ собою ещё одного, или двухъ, дабы устами двухъ, или трёхъ свидѣтелей потвердилось всякое слово.

17. Если же не послушаетъ ихъ; скажи церкви; а если и церкви не послушаетъ; то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь.

18. Истинно говорю вамъ:

є҆ли́ка а҆́ще свѧ́жете на землѝ, бꙋ́дꙋтъ свѧ̑зана на нб҃сѝ: и҆ є҆ли́ка а҆́ще разрѣшитѐ на землѝ, бꙋ́дꙋтъ разрѣше́на на нб҃сѣ́хъ.

чтò вы свяжете на землѣ, то будетъ связано на небѣ; и чтò разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ.

ѳі҃. Па́ки, а҆ми́нь глаго́лю ва́мъ: ꙗ҆́кѡ а҆́ще два̀ ѿ ва́съ совѣщаєта на землѝ ѡ҆ всѧ́кой ѧ҆єщи, є҆ѧ́же а҆́ще про́сита, бꙋ́детъ и҆́ма ѿ Ѻ҆ц҃а̀ моєѡ̀, иже на нб҃сѣ́хъ.

19. Истинно также говорю вамъ, что, если двое изъ васъ согласятся на землѣ просить о всякомъ дѣлѣ; то, чего бы ни попросили, будетъ имъ отъ Отца Моего небеснаго.

к҃. И҆дѣ́же бо є҆ста̀ два̀ и҆лѝ трїѐ со́брани во и҆́мѧ моѐ, тꙋ̀ є҆́смь посредѣ̀ и҆́хъ.

20. Ибо гдѣ двое или трое собраны во имя Моё: тамъ Я посреди ихъ.

к҃а. Тогда̀ пристꙋ́пль къ немꙋ̀ Пе́тръ речѐ: Гд҃и, ко́лькра́ты а҆́ще согрѣши́тъ въ мѧ̀ бра́тъ мо́й, и҆ ѿпꙋщꙋ̀ ли є҆мꙋ̀ до се́дмь кра́тъ;

21. Тогда Петръ приступилъ къ Нему, и сказалъ: Господи! сколько разъ прощать брату моему, согрѣшающему противъ меня? до семи ли разъ?

к҃в. Глаго́ла є҆мꙋ̀ І҆и҃съ: не гл҃ю тебѣ̀, до се́дмь кра́тъ, но до се́дмьдесѧтъ кра́тъ седмери́цею.

22. Іисусъ говоритъ ему: не говорю тебѣ: до семи, но до седьмижды семидесяти разъ.

ПСАЛОМЪ LXXXIX.

в҃. Гди, прибѣжище бы́лъ є҆сѝ на́мъ въ ро́дъ и҆ ро́дъ.

г҃. Пре́жде да́же гора́мъ не бы́ти и҆ созда́тисѧ землѝ и҆ вселе́ннѣй, и҆ ѿ вѣ́ка и҆ до вѣ́ка ты̀ є҆сѝ.

д҃. Не ѿвратѝ человѣ́ка во смире́нїе, и҆ рѐклъ є҆сѝ: ѿврати́тесѧ, сы́нове человѣ́честїи.

є҃. Ꙗ҆́кѡ ты́сѧща лѣ́тъ пред̾ ѻ҆чи́ма твои́ма, Гдⷭ҇и, ꙗ҆́кѡ де́нь вчера́шнїй, и҆́же ми́мѡ и҆́де, и҆ стра́жа нощна́ѧ.

ѕ҃. Оу҆ничиже́нїѧ и҆́хъ лѣ́та бꙋ́дꙋтъ: оу҆́трѡ ꙗ҆́кѡ трава̀ ми́мѡ и҆́детъ, оу҆́трѡ процвѣте́тъ и҆ пре́йдетъ: на ве́черъ ѿпаде́тъ, ѡ҆жестѣ́етъ и҆ и҆́зсхнетъ:

з҃. Ꙗ҆́кѡ и҆счезо́хомъ гнѣ́вомъ твои́мъ, и҆ ꙗ҆́ростїю твое́ю смꙋти́хомсѧ.

и҃. Положи́лъ є҆сѝ беззакѡ́нїѧ на̑ша пред̾ тобо́ю: вѣ́къ

Господи! Ты намъ прибѣжище въ родъ и родъ.

3. Прежде нежели родились горы, и ты образовалъ землю и вселенную, и отъ вѣка и до вѣка Ты—Богъ.

4. Ты возвращаешь человѣка въ тлѣніе, и говоришь: возвратитесь, сыны человѣческіе!

5. Ибо предъ очами Твоими тысяча лѣтъ, какъ день вчерашній, когда онъ прошёлъ, и *какъ* стража въ ночи.

6. Ты *какъ* наводненіемъ уносишь ихъ; они, *какъ* сонъ,—какъ трава, которая утромъ выростаетъ, утромъ цвѣтётъ и зеленѣетъ, вечеромъ подсѣкается и засыхаетъ:

7. Ибо мы исчезаемъ отъ гнѣва Твоего, и отъ ярости Твоей мы въ смятеніи.

8. Ты положилъ беззаконія наши предъ Тобою, и

на́шъ въ просвѣще́нїе лица̀ твоегѡ̀.

ѳ҃. Ꙗ҆́кѡ всѝ днїе на́ши ѡ҆скꙋдѣ́ша, и҆ гнѣ́вомъ твои́мъ и҆счезо́хомъ:

і҃. Лѣ́та на́ша ꙗ҆́кѡ паꙋчи́на поꙋча́хꙋсѧ: днїе лѣ́тъ на́шихъ, въ ни́хже се́дмьдесѧтъ лѣ́тъ, а҆́ще же въ си́лахъ, ѻ҆́смьдесѧтъ лѣ́тъ, и҆ мно́жае и҆́хъ трꙋ́дъ и҆ болѣ́знь: ꙗ҆́кѡ прїи́де кро́тость на ны̀, и҆ нака́жемсѧ.

а҃і. Кто̀ вѣ́сть держа́вꙋ гнѣ́ва твоегѡ̀; и҆ ѿ стра́ха твоегѡ̀ ꙗ҆́рость твою̀ и҆счестѝ;

в҃і. Десни́цꙋ твою̀ та́кѡ сва́жи ми, и҆ наказа́нныѧ се́рдцемъ въ мꙋ́дрости.

г҃і. Ѡ҆брати́сѧ Гдⷭ҇и, доко́лѣ; и҆ оу҆моле́нъ бꙋ́ди на рабы̀ твоѧ̑.

д҃і. И҆спо́лнихомсѧ заꙋ́тра млⷭ҇ти твоеѧ̀ Гдⷭ҇и, и҆ возра́довахомсѧ и҆ возвеселихомсѧ:

є҃і. Во всѧ дни̑ на́шѧ возвесели́хомсѧ, за дни̑ въ

тайное наше предъ свѣтомъ лица Твоего.

9. Всѣ дни наши прошли во гнѣвѣ Твоёмъ; мы теряемъ лѣта наши, какъ звукъ

10. Дней лѣтъ нашихъ семьдесятъ лѣтъ, а при большей крѣпости—восемьдесятъ лѣтъ; и самая лучшая пора ихъ—трудъ и болѣзнь, ибо проходятъ быстро, и мы летимъ.

11. Кто знаетъ силу гнѣва Твоего, и ярость Твою по мѣрѣ страха твоего?

12. Научи насъ такъ счислять дни наши, чтобы намъ пріобрѣсть сердце мудрое.

13. Обратись, Господи! Доколѣ? Умилосердись надъ рабами Твоими.

14. Рано насыти насъ милостію Твоею, и мы будемъ радоваться и веселиться во всѣ дни наши.

15. Возвесели насъ за дни, *въ которые* Ты пора-

нѧ́же смири́лъ ны̀ є҆сѝ, лѣ́та въ нѧ́же ви́дѣхомъ ѕла̑ѧ.

ѕі И҆ при́зри на рабы̀ твоѧ̀, и҆ на дѣла̀ твоѧ̀, и҆ наста́ви сы́ны и҆́хъ.

ѕи И҆ бꙋ́ди свѣ́тлость Гд҃а Бг҃а на́шегѡ на на́съ, и҆ дѣла̀ рꙋ́къ на̀шихъ и҆спра́ви на на́съ, и҆ дѣ́ло рꙋ́къ на́шихъ и҆спра́ви.

жалъ насъ, за лѣта, *въ которыя* мы видѣли бѣдствіе.

16. Да явится на рабахъ Твоихъ дѣло Твоё, и на сынахъ ихъ—слава Твоя;

17 И да будетъ благоволеніе Господа Бога нашего на насъ, и въ дѣлѣ рукъ нашихъ споспѣшествуй намъ, въ дѣлѣ рукъ нашихъ споспѣшествуй

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

СЧЕТЪ.

УМНОЖЕНІЕ И ДѢЛЕНІЕ.

Если считать такъ: 5+3=8; это—*сложеніе*. Если считать такъ: 8—5=3; это—*вычитаніе*. Если считать такъ: пять троекъ сколько будетъ? — пятнадцать (3×5=15); это—*умноженіе*. Если считать такъ: три пятка сколько будетъ?—пятнадцать (5×3=15); это тоже—умноженіе

Если считать такъ: въ пятнадцати сколько будетъ троекъ?—пять (15:3=5); это—*дѣленіе*. Если считать такъ: въ пятнадцати чего будетъ три?—три пятка; это тоже—дѣленіе.

Умноженіе.

Три раза два (три пары) сколько будетъ?

$$2\times3=6$$

Два раза три (двѣ тройки) сколько будетъ?

$$3\times2=6$$

Восемь разъ пять (восемь пятковъ)?

$$5\times8=40$$

Пять разъ восемь (пять восьмериковъ)?

$$8\times5=40$$

Семь разъ двѣнадцать (семь дюжинъ)?

$$12\times7=84$$

Двѣнадцать разъ семь (двѣнадцать семериковъ)?

$$7 \times 12 = 84.$$

Шесть разъ пятьдесятъ (шесть полусотенъ)?

$$50 \times 6 = 300.$$

Пятьдесятъ разъ шесть (пятьдесятъ шестериковъ)?

$$6 \times 50 = 300.$$

Три раза сорокъ (три сорока) сколько будетъ?

$$40 \times 3 = 120$$

Сорокъ разъ три (сорокъ троекъ)?

$$3 \times 40 = 120$$

Дѣленіе.

Въ шести сколько разъ два?

(Въ шести сколько паръ?)

Въ шести по скольку будетъ два раза?

(Въ шести чего будетъ два?)

$$6 : 2 = 3$$

Въ сорока сколько разъ будетъ восемь?

(Въ сорока сколько восьмериковъ?)

Въ сорока по скольку будетъ восемь разъ?

(Въ сорока чего будетъ восемь?)

$$40 : 8 = 5$$

Въ восьмидесяти четырёхъ сколько разъ будетъ двѣнадцать?

(Въ восьмидесяти четырёхъ сколько дюжинъ?)

Въ восьмидесяти четырёхъ по скольку будетъ двѣнадцать разъ?

(Въ восьмидесяти четырёхъ чего будетъ двѣнадцать?)

$$84 : 12 = 7.$$

Въ трехъ стахъ сколько разъ будетъ пятьдесятъ?
(Въ трехъ стахъ сколько полусотенъ?).
Въ трехъ стахъ по скольку будетъ пятьдесятъ разъ?
(Въ трехъ стахъ чего будетъ пятьдесятъ?).

300:50=6

Въ ста двадцати сколько разъ будетъ сорокъ?
(Въ ста двадцати сколько будетъ сороковъ)?
Въ ста двадцати по скольку будетъ сорокъ разъ?
(Въ ста двадцати чего будетъ сорокъ?)

120:40=3

Умноженіе.

4×8. Значитъ узнать: восемь четвериковъ (восемь разъ четыре)—сколько будетъ? Или узнать: четыре восьмерика (четыре раза по восьми)—сколько будетъ?

Чтобы узнать, надо 4 сложить 8 разъ, или 8 сложить 4 раза.

4 сложить 8 разъ:

1-й разъ 4= 4.
2-й разъ 4+ 4= 8.
3-й разъ 4+ 8=12.
4-й разъ 4+12=16.
5-й разъ 4+16=20.
6-й разъ 4+20=24.
7-й разъ 4+24=28.
8-й разъ 4+28=32.

8-мь разъ 4=32.
4×8=32.

8 сложить 4 раза:

1-й разъ 8= 8.
2-й разъ 8+ 8=16.
3-й разъ 8+16=24.
4-й разъ 8+24=32.

4-ре раза 8=32.
8×4=32.

Помножить: 7×5, 9×2, 6×7, 5×4, 7×8, 6×5, 7×6, 3×9, 4×5, 8×7, 5×6.

Дѣленіе.

32:4. Значитъ—узнать:въ 32-хъ сколько будетъ четвериковъ? (сколько разъ по четыре?). Или узнать: въ 32-хъ чего будетъ четыре? (четыре раза по скольку?).

Чтобы узнать сколько будетъ четвериковъ въ 32-хъ, надо изъ 32-хъ вычитать по одному четверику, и счесть, сколько разъ вычтется.

1-й разъ 32—4=28.
2-й разъ 28—4=24.
3-й разъ 24—4=20.
4-й разъ 20—4=16.
5-й разъ 16—4=12.
6-й разъ 12—4= 8.
7-й разъ 8 —4= 4.
8-й разъ 4 —4= 0.

8-мь разъ изъ 32-хъ вычесть 4—ничего не останется. Стало быть изъ 32-хъ 4 вычтется ровно 8 разъ

32:4=8.

Чтобы узнать въ 32-хъ по скольку будетъ 4 раза, надо раздѣлить 32 на 4 равныя части. Сколько будетъ въ каждой части, по столько и будетъ 4 раза въ 32-хъ.

	32 8
Изъ 32-хъ разложи на 8 частей по 1 ($1 \times 8 = 8$), вычти 8, останется:	24
	24 8
Изъ 24-хъ разложи на 8 частей по 1 ($1 \times 8 = 8$), вычти 8, останется:	16
	16 8
Изъ 16-ти разложи на 8 частей по 1 ($1 \times 8 = 7$), вычти 8, останется:	8
	8 8
Изъ 8-ми разложи на 8 частей по 1 ($1 \times 8 = 8$), вычти 8, останется:	0

32 разложится на 8 частей по 4 ($4 \times 8 = 32$). и ничего не останется.
Стало быть въ 32-хъ будетъ 4 раза по восьми. $32 : 8 = 4$

Раздѣлить: 42:7, 20:4, 56:8, 35:7, 27:9, 42:6, 20:5, 56:7, 30:5.

Умноженіе.

2×50. Значитъ 2 сложить 50 разъ, или 50 сложить 2 раза,—будетъ 100.

3×80. Сложить 80 разъ 3, или 3 раза 80.

500×4. 138×2. 574×5. 898×6. 517×4.

Какъ скорѣе, такъ и дѣлай.

Дѣленіе.

100:2. Значитъ изъ 100 вычитать по 2 до тѣхъ поръ, пока ничего не останется. Или узнать, чего будетъ 2 въ 100-тѣ?

(Въ 100-тѣ 2 раза будетъ по скольку?)

Будетъ двѣ полусотни.

90:3. Вычитать по 3, или найти, чего будетъ 3 въ 90?

(Въ 90-тѣ 3 раза будетъ по скольку?)

2000:4. 800:2 500:5. 276:2. 936:3. 1000:4.

Какъ скорѣе, такъ и дѣлай.

Умноженіе.

9×8 Надо 9 сложить 8 разъ.

1-й разъ 9= 9.
2-й разъ 9+ 9=18.
3-й разъ 9+18=27.
4-й разъ 9+27=36.
5-й разъ 9+36=45.
6-й разъ 9+45=54.
7-й разъ 9+54=63.
8-й разъ 9+63=72.

8-мь разъ 9=72. 9×8=72.

Вмѣсто того, чтобы складывать по одному разу 9, можно складывать по два и по четыре раза вмѣстѣ. Вотъ такъ:

2 раза 9=18.
2 раза 9=18.
4 раза 9=36

4 раза 9=36
4 раза 9=36
8 разъ 9=72.

Если сложить 8 девять разъ, то выйдетъ то же самое.

Помножить:

22×2, 10×8, 45×4, 33×8, 71×4.

Дѣленіе.

72:9 Надо 9 вычитать изъ 72-хъ, и счесть, сколько разъ вычтется; или узнать, чего будетъ 9 въ 72-хъ? (Въ 72-хъ 9 разъ будетъ по сколько?)

Вычитай 9 изъ 72-хъ.

1-й разъ 72—9=63.
2-й разъ 63—9=54.
3-й разъ 54—9=45.
4-й разъ 45—9=36.
5-й разъ 36—9=27.
6-й разъ 27—9=18.
7-й разъ 18—9= 9.
8-й разъ 9 —9= 0.

8-мь разъ изъ 72 вычесть 9,—ничего не останется.

Раздѣлить 72:9.

Узнать, чего будетъ 9 въ 72-хъ. (въ 72-хъ 9 разъ по сколько?).
Разложи 72 на 9 равныхъ частей.
Вмѣсто того, чтобы раскладывать по одной, раскладывай по двѣ и по четыре.

	72
	18
Изъ 72-хъ разложи на 9 частей по 2 ($2\times9=18$), вычти 18, останется:	54
	54
	18
Изъ 54-хъ разложи на 9 частей по 2 ($2\times9=18$), вычти 18, останется:	36
	36
	36
Изъ 36 разложи на 9 частей по 4 ($4\times9=36$), вычти 36, останется:	00

72 разложится на 9 частей по 8 ($8\times9=72$), и ничего не останется.
Стало быть въ 72-хъ будетъ 8 разъ по 9 $72:8=9$.
Раздѣлить: 60:15. 44:11, 80:10, 180:45, 284:71, 3692:71

Умноженіе.

17×9. Надо 17 сложить 9 разъ или 9 сложить 17 разъ. 17 сложить 9 разъ:

17+17=34=2×17=34.

2 раза 17= 34.
2 раза 17= 34.
4 раза 17= 68

4 раза 17= 68.
4 раза 17= 68.
8 разъ 17=136.

8 разъ 17=136.
1 разъ 17= 17
9 разъ 17=153.

Если сложить 9-ть 17 разъ, то будетъ то же самое.

26×11. 26+26=52.

2 раза 26= 52.
2 раза 26= 52.
4 раза 26=104.

4 раза 26=104.
4 раза 26=104.
8 разъ 26=208

8 разъ 26=208
2 раза 26= 52.
10 разъ 26=260.

10 разъ 26=260.
1 разъ 26= 26.
11 разъ 26=286. 26×11=286.

26 разъ 11 будетъ то же самое.

35×12

1 разъ 35= 35.
1 разъ 35= 35.

2 раза 35= 70
2 раза 35= 70.

4 раза 35=140.
4 раза 35=140.

8 разъ 35=280.
4 раза 35=140.

12 разъ 35=420.

35×12=420.

35 сложить 12 разъ, будетъ то же самое

14×7.

1 разъ 14= 14.
1 разъ 14= 14.

2 раза 14= 28
2 раза 14= 28.

4 раза 14= 56
2 раза 14= 28.
1 разъ 14= 14.

7 разъ 14= 98.

Можно сдѣлать ещё такъ:

1 разъ 14= 14.
1 разъ 14= 14.

2 раза 14= 28
2 раза 14= 28.

4 раза 14= 56.
4 раза 14= 56.

8 разъ 14=112; вычесть 1 разъ 14,
1 разъ 14= 14.

7 разъ 14= 98. 14×7 98.

36×15.

1 разъ 36= 36
1 разъ 36= 36

2 раза 36= 72
2 раза 36= 72

4 раза 36=144
4 раза 36=144

8 разъ 36=288.
4 раза 36=144
2 раза 36= 72
1 разъ 36= 36.

15 разъ 36=540

Можно сдѣлать ещё такъ

1 разъ 36= 36
1 разъ 36= 36

2 раза 36= 72.
2 раза 36= 72.

4 раза 36=144
4 раза 36=144.

8 разъ 36=288
8 разъ 36=288.

16 разъ 36=576

16 разъ 36=576. Вычесть 1 разъ 36
1 разъ 36= 36

15 разъ 36=540

$36 \times 15 = 540$

Помножить: 48×7 56×9, 73×15, 183×3, 35×31.

Дѣленіе.

153: 9 Надо 9 вычитать изъ 153-хъ и считать сколько разъ вычтется, или узнать, въ 153-хъ 9 разъ будетъ по скольку?

Разложи 153 на 9 равныхъ частей

	153
	18
Изъ 153-хъ разложи на 9 частей по 2 (2×9 18), вычти 18, останется	135
	135
	18
Изъ 135-ти разложи на 9 частей по 2 (2 × 9= 18), вычти 18, останется	117
	117
	36
Изъ 117-ти разложи на 9 частей по 4 (4×9=36). вычти 36, останется	81
	81
	72
Изъ 81-го разложи на 9 частей по 8 (8 × 9=72), вычти 72, останется	9
	9
	9
Изъ 9-ти разложи на 9 частей по 1 (1 × 9 = 9), вычти 9, останется.	0

153 разложится на 9 частей по 17 (9×17=153), и ничего не останется

Стало быть въ 153-хъ 9 разъ будетъ по 17 153 · 9=17

286 : 26 Вычитать 26 изъ 286 и счесть, сколько разъ вычтется, или узнать, въ 286-ти 26 разъ будетъ по скольку?

286
52
Изъ 286-ти разложи на 26 частей по 2 (2×26=52), вычти 52, останется: 234

234
52
Изъ 234-хъ разложи на 26 частей по 2 (2×26=52), вычти 52, останется: 182

182
104
Изъ 182-хъ разложи на 26 частей по 4 (4×26=104), вычти 104, останется: 78

78
52
Изъ 78-ми разложи на 26 частей по 2 (2×26 = 52), вычти 52, останется: 26

26
26
Изъ 26-ти разложи на 26 частей по 1 (1 × 26 = 26) вычти 26, останется: 00

286-ть разложится на 26 частей по 11 (11 × 26 = 286), и ничего не останется. Стало быть въ 286-ти 26 разъ будетъ по 11-ти. 286 : 26 = 11.

420 : 35. Вычитать 35 изъ 420, и счесть, сколько разъ вычтется, или узнать въ 420-ти 35 разъ будетъ по скольку?

	420
	70
Изъ 420 ти разложи на 35 частей по 2 (2×35=70), вычти 70, останется:	350
	350
	70
Изъ 350-ти разложи на 35 частей по 2 (2×35=70), вычти 70, останется:	280
	280
	140
Изъ 280-ти разложи на 35 частей по 4 (4×35=140), вычти 140, останется:	140
	140
	140
Изъ 140-ка разложи на 35 частей по 4 (4×35=140), вычти 140, останется:	000

240 разложится на 35 частей по 12 (12×35=420), и ничего не останется
Стало быть въ 420 ти 35 разъ будетъ по 12-ти 430 . 35 = 12

98 : 14. Вычитать 14 изъ 98-ми и счесть, сколько разъ вычтется, или узнать, чего будетъ 14 въ 98-ми.

	98	
	28	
Изъ 98-ми разложи на 14 частей по 2 (2×14 = 28), вычти 28, останется:	70	
	70	
	28	
Изъ 70-ти разложи на 14 частей по 2 (2 × 14 = 28), вычти 28, останется:	42	
	42	
	28	
Изъ 42-хъ разложи на 14 частей по 2 (2×14 = 28), вычти 28, останется:	14	
	14	
	14	
Изъ 14-ти разложи на 14 частей по 1 (1 × 14 = 14), вычти 14, останется:	00	

98 разложится на 14 частей по 7 (7 × 14 = 98), и ничего не останется.

Стало быть въ 98-ми 14 семериковъ. 98 : 14 = 7

Раздѣлить 54 9, 198 22, 2352 112,
5292 : 756 5796 9, 38142 3

Помножить

3 × 48 Сорокъ восемъ надо сложить три раза Вмѣсто того, чтобы складывать 48 и 48, складывай десятки особенно и простыя особенно, такъ три раза 4 десятка будетъ 12 десятковъ — 120 Три раза 8 будетъ 24 Сложи вмѣстѣ 120 + 24 = 144

$$\begin{array}{r} 3 \times 40 = 120 \\ 3 \times \ 8 = \ 24 \\ \hline 3 \times 48 = 144 \end{array}$$

Помножить: 63 × 5; 74 × 8; 36 × 4,
24 × 3; 5 × 49: 83 × 6

Раздѣлить:

144 : 3. Надо 3 вычитать изъ 144-хъ и счесть, сколько разъ вычтется, или узнать, въ 144-хъ будетъ три раза по скольку?

Чтобы узнать, въ 144-хъ по скольку будетъ три раза, надо раздѣлить 144 на 3 части. Вмѣсто того, чтобы откладывать на каждую часть по одной и вдвое, можно откладывать сразу на часть по десятку и вдвое, пока выйдутъ всѣ десятки, а потомъ откладывать простыя, сколько останется.

144
30

Изъ 144-хъ разложи на 3 части по 10 ($3 \times 10 = 30$), вычти 30, останется: 114

30

Изъ 114-ти разложи на 3 части по 10 ($3 \times 10 = 30$), вычти 30, останется: 84

60

Изъ 84-хъ разложи на 3 части по 20 ($3 \times 20 = 60$), вычти 60, останется: 24

		24
		3
Изъ 24 разложи на 3 части по 1 (1×3=3). Изъ 24 вычесть 3, останется:		21
		6
Изъ 21 разложи на 3 части по 2 (2×3=6). Изъ 21 вычесть 6, останется:		15
		9
Изъ 15 разложи на 3 части по 3 (3×3=9). Изъ 15 вычесть 9, останется:		6
		6
Изъ 6 разложи на 3 части по 2 (2×3=6). Изъ 6 вычесть 6, останется:		0
		144
		120
Изъ 144 разложи на 3 части по 40 (40×3=120). Изъ 144 вычесть 120, остан.:		24
		24
Изъ 24 разложи на 3 части по 8 (8×3=24). Изъ 24 вычесть 24, остан.:		00

143 разложится на 3 части по 48 (3 × 48 144), и ничего не останется.
Въ 144 стало быть 3 раза будетъ по 48. 144 : 3 = 48.

Раздѣлить.

153 : 9. 284 : 4 378 : 7 180 : 6.

452 : 2. 100 : 5. 285 : 5. 177 : 3.

Помножить:

37 × 45. Надо помножить 30 на 40 и на 5, да 7 на 40 и на 5, и всё сложить.

30 × 40. Тридцать разъ четыре десятка будетъ 120 десятковъ 1200

30 × 5. Тридцать разъ пять будетъ 150

7 × 40. Семь разъ четыре десятка будетъ. 280

7 × 5. Семь разъ пять будетъ 35

Сложить. 1665.

Помножить:

49 × 72. 85 × 16 38 × 95. 49 × 25.

51 × 65.

Раздѣлить 1665 : 37.

1665
370
Изъ 1665 разложи на 37 ч. по 10 (10×37=370). Изъ 1665 вычти 370, остан. 1295
370
Изъ 1295 разложи на 37 ч. по 10 (10×37=370). Изъ 1295 вычти 370, остан. 925
740
Изъ 925 разложи на 37 ч. по 20 (20×37=740). Изъ 925 вычти 740, остан. 185
74
Изъ 185 разложи на 37 ч. по 2 (2×37=74). Изъ 185 вычти 74, остан. 111
74
Изъ 111 разложи на 37 ч. по 2 (2×37=74). Изъ 111 вычти 74, остан. 37
37
Изъ 37 разложи на 37 ч. по 1 (1×37=37). Изъ 37 вычти 37, остан. 00

1665
1480
Изъ 1665 разложи на 37 ч. по 40 (40×37=1480). Изъ 1665 вычти 1480, ост. 185
185
Изъ 185 разложи на 37 частей по 5 (5×37=185). Изъ 185 вычти 185, остан. 000

1665 разложится на 37 частей по 45 (45 × 37 = 1665), и ничего не останется.

Раздѣлить.

3528 : 72. 3528 : 49. 1360 : 16. 1360 : 85. 3315 : 51. 3315 : 65.

Помножить 352×674.

Надо помножить 300 на 600, на 70 и на 4; 50 помножить на 600, на 70 и на 4; 2 помножить на 600, на 70 и на 4.

300×600. Триста разъ шесть простыхъ будетъ тысяча восемьсотъ простыхъ; триста разъ шестьсотъ будетъ тысяча восемьсотъ сотенъ	180000
300×70. Триста разъ семь простыхъ будетъ двѣ тысячи сто простыхъ; триста разъ семь десятковъ будетъ двѣ тысячи сто десятковъ.	21000
300×4. Триста разъ четыре будетъ . .	1200
50×600. Пятьдесятъ разъ шесть будетъ триста; пятьдесятъ разъ шестьсотъ будетъ триста сотенъ.	30000
50×70. Пятьдесятъ разъ семь будетъ триста пятьдесятъ; пятьдесятъ разъ семь десятковъ будетъ триста пятьдесятъ десятковъ. .	3500
50×4. Пятьдесятъ разъ четыре будетъ .	200
2×600. Два раза шестьсотъ будетъ двѣнадцать сотъ	1200
2×70. Два раза семь десятковъ будетъ четырнадцать десятковъ.	140
2×4 Два раза четыре	8
Сложить, выйдетъ . .	237248

Помножить:

156×382. 595×435. 898×111. 205×178.

Раздѣлить: 237248 : 674.

Въ 237248-ми 674 раза по скольку?

Вмѣсто того, чтобы класть по 10-ти на часть, можно раскладывать по 100, по 1000 и больше.

Въ 237248 много ли десятковъ? 23724. Можно класть десятками.

Въ 237248 много ли сотенъ? 2372. Можно класть сотнями.

Въ 237248 много ли тысячь? 237. По тысячѣ нельзя положить; потому что, если положить по 1000 на 674 части, то всѣхъ выйдетъ 674000. А 674000 больше, чѣмъ 237248. Стало быть надо класть сперва сотнями, потомъ десятками, а потомъ простыми.

Изъ 237248 разложи на 674 части по 100, (100 × 674 = 67400);

	237248
изъ 237248 вычти 67400, останется	67400
	169848

Изъ 169848 разложи на 674 части по 100 (100 × 674 = 67400);

	67400
изъ 169848 вычти 67400, останется	102448

	102448
Изъ 102448 разложи на 674 части по 100, (100 × 674 = 67400);	67400
изъ 102448 вычти 67400, останется	35048
Изъ 35048 разложи на 674 части по 10, (10 × 674 = 6740);	6740
изъ 35048 вычти 6740, останется	28308
Изъ 28308 разложи на 674 части по 10, (10 × 674 = 6740);	6740
изъ 28308 вычти 6740, останется	21568
Изъ 21568 разложи на 674 части по 20, (20 × 674 = 13480);	13480
изъ 21568 вычти 13480, останется	8088
Изъ 8088 разложи на 674 части по 10, (10 × 674 = 6740);	6740
изъ 8088 вычти 6740, останется	1348
Изъ 1348 разложи на 674 части по 1, (1 × 674 = 674);	674
изъ 1348 вычти 674, останется	674
Изъ 674 разложи на 674 части по 1, (1 × 674 = 674);	674
изъ 674 вычти 664, останется	000

Изъ 237248 разложи на 674 части по 300 (300 × 674 = 202200);

	237248
изъ 237248 вычти 202200, останется	202200
	35048

Изъ 35048 разложи на 674 части по 50 (50 × 674 = 33700);

	35048
изъ 35048 вычти 33700, останется	33700
	1348

Изъ 1348 разложи на 674 части по 2 (2 × 674 = 1358);

	1348
изъ 1348 вычти 1348, останется	1348
	0000

237248 разложится на 674 части по 352 (352 × 674 = 237248), и ничего не останется.

* Стало быть въ 237248-ми 674 раза по 352. 237258 : 674 = 352.

Раздѣлить 468750 : 5. Въ 468750-ти 5 разъ по скольку? Десятковъ будетъ 46875; сотенъ будетъ 4687; тысячъ 468; десятковъ тысячъ 46. Сотенъ тысячъ 4. Сотнями тысячъ нельзя класть; по 100000 на 5 частей вышло бы 500000, — лишнее. Стало быть надо класть десятками тысячъ.

Изъ 468750 разложи на 5 частей по 10000 ($5 \times 10000 = 50000$);

изъ 468750 вычти 50000, останется. 468750 − 50000 = 418750

Изъ 418750 разл. на 5 ч. по 10000 ($5 \times 10000 = 50000$); вычти, остан. 418750 − 50000 = 368750

Изъ 368750 разл. на 5 ч. по 20000 ($5 \times 20000 = 100000$); вычти, остан. 368750 − 100000 = 268750

Изъ 268750 разл. на 5 ч. по 20000 ($5 \times 20000 = 100000$); вычти, остан 268750 − 100000 = 168750

Изъ 168750 разл. на 5 ч. по 20000 ($5 \times 20000 = 100000$); вычти, остан. 168750 − 100000 = 68750

Изъ 68750 разл на 5 ч. по 10000 ($5 \times 10000 = 50000$); вычти, остан. 68750 − 50000 = 18750

Изъ 18750 разложи на 5 ч. по 1000 ($5 \times 1000 = 5000$); вычти, остан. 18750 − 5000 = 13750

	13750
	10000
Изъ 13750 разложи на 5 ч. по 2000 (5 × 2000 = 10000); вычти; остан	3750
	500
Изъ 3750 разложи на 5 частей по 100 (5 × 100 = 500); вычти, остан.	3250
	1000
Изъ 3250 разложи на 5 частей по 200 (5 × 200 = 1000); вычти, остан.	2250
	1000
Изъ 2250 разложи на 5 частей по 200 (5 × 200 = 1000); вычти, останется	1250
	1000
Изъ 1250 разложи на 5 частей по 200 (5 × 200 = 1000); вычти, останется	250
	100
Изъ 250 разложи на 5 частей по 20 (5 × 20 = 100); вычти, останется	150
	100
Изъ 150 разложи на 5 частей по 20 (5 × 20 = 100); вычти, останется	50
	50
Изъ 50 разложи на 5 частей по 10 (5 × 10 = 50); вычти, останется	00

468750 разложится на 5 частей по 93750, и ничего не останется.
Стало быть въ 468750-ти 5 разъ по 93750. 468750 : 5=93750.

Раздѣлить:

809712 : 815. 68950 : 45. 56709 : 23. 608121 : 9.
308924 : 826 308924 : 374. 578034564 : 3.

Умножить:

$48 \times 37.$

Можно множить сначала десятки, а потомъ простыя:

40 на 30 и на 7, и
8 на 30 и на 7.

$40 \times 30 = 1200$
$40 \times 7 = 280$
$8 \times 30 = 240$
$8 \times 7 = 56$

1776.

А можно множить сначала простыя, а потомъ десятки:

7 на 8 и на 40, и
30 на 8 и на 40.

$7 \times 8 = 56$
$7 \times 40 = 280$
$30 \times 8 = 240$
$30 \times 40 = 1200$

1776.

Чтобы дѣлать скорѣе умноженіе, надо сначала множить простыя, а потомъ десятки, и писать такъ:

48
37

Семь разъ восемь — пять десятковъ и шесть простыхъ.

Пиши подъ простыми 6, и помни, что къ десяткамъ надо приложить 5,0.

48
37
6

Семь разъ четыре десятка—двѣ сотни и восемь десятковъ, и еще пять десятковъ,—вышло: три сотни, три десятка.

48
37
336

Тридцать разъ восемь—двѣ сотни, четыре десятка и ни одной простой. Пиши подъ простыми 0, подъ десятками четыре, и помни, что къ сотнямъ надо приложить 2,00

48
37
336
40

Тридцать разъ сорокъ—одна тысяча и двѣ сотни. Приложи двѣ сотни. Пиши: одна тысяча и четыре сотни.

48
37
336
1440

Сложи все вмѣстѣ:

48
37
336
1440
1776

687 × 325 =

687
325
3435
13740
206100
223275

715 × 201 =

715
201
715
143000
143715

702 × 204 =

702
204
2808
140400
143208

Помножить.

735×48. 561×798. 615×105. 281×107

Раздѣлить:

1680 : 35.

Чтобы дѣлать скорѣе дѣленіе, надо раскладывать не по одному десятку, а сразу столько десятковъ, сколько выйдетъ; потомъ вычесть десятки изъ десятковъ и раскладывать не по одной простой, а сразу столько, сколько выйдетъ, и писать такъ:

$$\begin{array}{r|l} 1680 & 35 \\ \hline & \end{array}$$

Изъ ста шестидесяти восьми десятковъ разложи на 35 частей по 4 десятка. Пиши 40 подъ чертой:

$$\begin{array}{r|l} 1680 & 35 \\ \hline & 40 \end{array}$$

Помножить тридцать пять на четыре десятка—выйдетъ 1400. Подпиши 1400 подъ 1680.

$$\begin{array}{r|l} 1680 & 35 \\ 1400 & 40 \end{array}$$

Вычти 1400 изъ 1680, и подпиши что̀ останется:

$$\begin{array}{r|l} 1680 & 35 \\ 1400 & 40 \\ \hline 280 & \end{array}$$

Изъ 280-ти разложи на 35 частей по восьми простыхъ. Пиши 8 подъ 40.

1680 35
1400 40
280 8

Помножь 35 на 8,—выйдетъ 280. Подпиши 280 подъ 280.

1680 35
1400 40
280 8
280

Вычти 280 изъ 280, и подпиши что останется. Сложи 40 и 8, будетъ 48.

1680 35
1400 40
280 8
280 48
000

1680 : 35 = 48.

837 : 75.

Разложи по 10 на 75 частей.
Помножить 10 на 75, выйдетъ 750.
Вычти 750 изъ 837, останется 87.

837 75
750 10
87

Разложи по 1 на 75 частей
Помножь 1 па 75, выйдетъ 75.

Вычти 75 изъ 87, останется 12.
Сложи 10 и 1, выйдетъ 11, и осталось 12.

837 : 75=11. Осталось 12.

5145 49
4900 100
245 5
245 105
000

5145 · 49=105.

817263 839
755100 900
62163 70
58730 4
3433 974
3356
77

817263 : 839=974. Осталось 77.

Раздѣлить:

5101:25. 382:16. 641:52. 21078:516.

Задачи.

I.

1) Купецъ купилъ лѣсъ за 3700 рублей. Срѣзалъ весь лѣсъ въ дрова, и вышло 531 сажень дровъ.

Купецъ продалъ дрова по 8 рублей за сажень. Получилъ ли купецъ барышъ, или убытокъ, и сколько барыша или убытка?

Сколько купецъ выручилъ за всѣ 531 сажень дровъ по 8 рублей?

$$531 \times 8 = 4248.$$

А сколько онъ заплатилъ? — 3700.

Что́ больше, 3700, или 4248? — 4248.

На сколько больше?

4248 — 3700 = 548. На 548 рублей.

2) Купецъ купилъ лѣсъ за 8650 рублей. Онъ срѣзалъ весь лѣсъ въ дрова, и вышло 796 саженъ дровъ.

Купецъ продалъ дрова всѣ по одной цѣнѣ, получилъ на лѣсѣ барыша 106 рублей.

По чёмъ купецъ продавалъ дрова за каждую сажень?

Купецъ выручилъ за дрова свои деньги 8650, да ещё 106 рублей. Стало быть всѣхъ 8756 рублей. 8756 рублей онъ получилъ за 796 саженъ. По чёмъ продавалъ за сажень? 8756 : 796.

3) Купецъ купилъ лѣсъ, заплатилъ 10000, срѣзалъ весь лѣсъ въ дрова, продавалъ дрова по 11 рублей за сажень и получилъ барыша 1000 рублей.

Сколько было саженъ дровъ? Купецъ выручилъ всѣхъ 11000 за дрова по 11 рублей за сажень. Сколько было саженъ? 11000 : 11 = 1000.

3) Купецъ купилъ лѣсъ. Срѣзалъ весь въ дрова. Вышло 693 сажени дровъ. Продавалъ дрова по 17 рублей и получилъ убытку 86 рублей. За сколько онъ купилъ лѣсъ?

За дрова купецъ выручилъ $693 \times 17 = 11781$.

А заплатилъ купецъ за лѣсъ 86-ю рублями больше. Стало быть онъ заплатилъ $11781 + 86 = 11867$ рублей.

ЗАДАЧИ

II.

1) На два человѣка на три дни давали 18 фунтовъ хлѣба. Прибавилось два человѣка. На 5 человѣкъ на 6 дней много ли нужно хлѣба?

18 фунтовъ давали на двухъ на три дня. На одного человѣка на три дня много ли? $18 : 2 = 9$.

Девять фунтовъ давали на одного человѣка на три дня. На день сколько? $9 : 3 = 3$. Три фунта на день на человѣка.

На 5 человѣкъ на 6 дней много ли нужно? На каждаго человѣка на день 3 фунта; на 6 дней, $3 \times 6 = 18$ фунтовъ на человѣка. На 5 человѣкъ на каждаго по 18 фунтовъ, $5 \times 18 = 90$, девяносто фунтовъ. Изъ сорока фунтовъ выходитъ пудъ, — много ли пудовъ? $90 : 40 = 2$ пуда и 10 фунтовъ.

2) На 62 человѣка выдавали по 43 пуда и по 16 фунтовъ хлѣба. Прибавилось ещё 15 человѣкъ; сколько на всѣхъ нужно хлѣба на годъ?

На 62 человѣка въ недѣлю выходило по 43 пуда и 16 фунтовъ. (Сколько фунтовъ въ 43-хъ пудахъ 16 фунтахъ? $43 \times 40 = 1720$. Приложи 16. Выйдетъ 1736 фунтовъ). На одинъ день на 62 человѣка много ли нужно хлѣба?

(Въ недѣлѣ 7 дней). $1736 : 7 = 248$.

На одного человѣка на одинъ день много ли нужно хлѣба? $248 : 62 = 4$.

Прибавилось 15 человѣкъ къ 62-мъ. Всѣхъ стало: $15 + 62 = 77$.

Много ли на день нужно хлѣба 77 человѣкамъ? $77 \times 4 = 308$.

77 человѣкамъ на день нужно 308 фунтовъ. Много-ли нужно въ годъ? (Въ году 365 дней)

$308 \times 356 = 109648$ фунтовъ. Много ли тутъ пудовъ? $109648 : 40 = 2741$ пудъ и 8 фунтовъ.

ЗАДАЧИ

III.

1) Пять братьевъ раздѣлили послѣ отца наслѣдство поровну. Въ наслѣдствѣ было три дома. Три дома нельзя было дѣлить, ихъ взяли старшіе три брата. А меньшимъ за то выдѣлили деньги. Каждый изъ старшихъ заплатилъ по 800 рублей меньшимъ.

Меньшіе раздѣлили эти деньги между собою и тогда у всѣхъ 5 братьевъ стало поровну. Много ли стоили дома?

Три старшіе брата дали двумъ меньшимъ три раза по восьмисотъ $3 \times 800 = 2400$. Меньшіе раздѣлили 2400 на 2 части $2400 : 2 = 1200$ и у всѣхъ стало по ровну, по 1200.

Стало быть дома стоили по 2000 рублей. А всего наслѣдства было на 6000 въ домахъ.

2) Мужикъ вышелъ пѣшкомъ изъ Тулы въ Москву въ 5 часовъ утра. Въ 12 часовъ выѣхалъ баринъ изъ Тулы въ Москву. Мужикъ идётъ 5 вёрстъ въ каждый

часъ, а баринъ ѣдетъ 11 вёрстъ въ каждый часъ. На какой верстѣ баринъ догонитъ мужика?

До тѣхъ поръ, пока баринъ выѣхалъ изъ Тулы, сколько мужикъ ушёлъ? Когда баринъ выѣхалъ и мужикъ шёлъ Сколько баринъ въ часъ навёрстывалъ на мужикѣ? На сколько онъ приближался къ мужику въ каждый часъ?

Въ сколько-жъ часовъ баринъ нагонитъ мужика?

Когда узнаешь въ сколько часовъ нагонитъ, тогда сочти, сколько часовъ ѣхалъ баринъ по 11 вёрстъ въ часъ.

ЗАДАЧИ.

IV

1) Одинъ мужикъ нанялъ 70 десятинъ земли, заплатилъ по 8 рублей за десятину помѣщику, и посѣялъ пшеницы всѣ 70 десятинъ. За сѣмяна заплатилъ по 1 р. 30 к. за пудъ, сѣялъ на десятину по 9 пудовъ. За работу заплатилъ по 8 рублей за десятину Родилось пшеницы по 13 копёнъ на десятинѣ. Изъ каждой копны вымолотилъ по 6 пудовъ пшеницы. За молотьбу по 7 копѣекъ съ пуда. За провозъ въ городъ заплатилъ по 11 копѣекъ съ пуда.

Продалъ пшеницу по 1 р. 40 копѣекъ за пудъ. Много ли мужикъ получилъ барыша, или убытку?

Выдалъ мужикъ за землю $70 \times 8 =$ 560,00.
Сѣмянъ высѣялъ мужикъ по 9 пудовъ на десятину, на 70 десятинъ $70 \times 9 = 630$ пудовъ. Покупалъ за пудъ по 1 р. 30 к За 630 пудовъ по 1 р. 30 копѣекъ $630 \times 130 =$ 819,00.

итого 1379,00.

Получилъ мужикъ 13 копёнъ на десятинѣ; на 70 десятинахъ $70 \times 13 = 910$. Изъ копны вышло по 6-ти пудовъ; изъ 910-ти копёнъ $910 \times 6 = 5460$ пудовъ Продалъ 5460 пудовъ по 1 руб 40 копѣекъ за пудъ Получилъ всѣхъ денегъ . . . . $5460 \times 140 =$ 7644,00.

За молотьбу мужикъ заплатилъ по 7 копѣекъ за пудъ, за 5460 пудовъ $5460 \times 7 =$ 38220 . . . . . 382,20.

За провозъ въ городъ по 11 копѣекъ за пу За провозъ въ городъ по 11 копѣекъ за пудъ, за 5460 пудовъ $5460 \times 11 =$ 600,60.

итого ещё расхода . .	982,80
прежняго расхода. .	1379,00
	2361,80
Всего прихода. .	7644,00
Всего расхода. .	2361,80
Барыша. .	5282,20

лѣлъ купить на всѣ деньги сто скотинъ, и чтобы платить за телушекъ по 5 рублей, за быковъ по 100 рублей, а за коровъ по 50 рублей. Работникъ купилъ 90 телушекъ, 9 коровъ и одного быка.

V

Одинъ человѣкъ выдумалъ игру въ шашки, сдѣлалъ хорошія шашки и шашешницу, и подарилъ Царю. Царю полюбилась игра, и онъ спросилъ, чѣмъ его наградить? Человѣкъ сказалъ: на одну клѣтку вели положить зернушко пшеницы, а на другую два, а на третью 4,

а на 4-ую вдвое, и опять вдвое, и такъ всѣ клѣтки уложить пшеницей, и мнѣ отдать ту пшеницу. Царь посмѣялся, что человѣкъ такъ мало проситъ; а какъ стали считать, такъ у Царя пшеницы не достало. Клѣтокъ въ шашечницѣ 8 съ одной стороны и 8 съ другой: 8 рядовъ по 8-ми = 64.

на 1-ую	1	на 24-ую	8.388,608
» 2	2	» 25	16.777,216
» 3	4	» 26	33.554,432
» 4	8	» 27	67.108,864
» 5	16	» 28	134.217,728
» 6	32	» 29	268.435,456
» 7	64	» 30	536.870,912
» 8	128	» 31	1.073.741,824
» 9	256	» 32	2.147.483,648
» 10	512	» 33	4.294.967,296
» 11	1,024	» 34	8.589.934,592
» 12	2,048	» 35	17.179.869,184
» 13	4,096	» 36	34.359.738,368
» 14	8,192	» 37	68.719.476,736
» 15	16,384	» 38	137.438.953,472
» 16	32,768	» 39	274.877.906,944
» 17	65,536	» 40	549.755.813,888
» 18	131,072	» 41	1.099.511.627,776
» 19	262,144	» 42	2.199.023.255,552
» 20	524,288	» 43	4.398.046.511,104
» 21	1.048,576	» 44	8.796.093.022,208
» 22	2.097,152	» 45	17.592.186.044,416
» 23	4.194,304	» 46	35.184.372.088,832

на 47-ую	70.368.744.177,664
» 48	140.737.488.355,328
» 49	281.474.976.710,656
» 50	562.949.953.421,312
» 51	1.125.899.906.842,624
» 52	2.251.799.813.685,248
» 53	4.503.599.627.370,496
» 54	9.007.199.254.740,992
» 55	18.014.398.509.481,984
» 56	36.028.797.018.963,968
» 57	72.057.594.037.927,936
» 58	144.115.188.075.855,872
» 59	288.230.376.151.711,744
» 60	576.460.752.303.423,488
» 61	1.152.921.504.606.846,976
» 62	2.305.843.009.213.693,952
» 63	4.611.686 018.427.387,904
» 64	9.223.372.036 854.775,808

Если 40.000 зёренъ въ одномъ пудѣ, то на одной послѣдней клѣткѣ вышло 230.584.300.921.369 пудовъ.

ДЛЯ УЧИТЕЛЯ.

—

КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Грамматическія упражненія здѣсь расположены въ такомъ порядкѣ:

Въ первомъ отдѣлѣ (I, стр. 1—2) обозначены особымъ шрифтомъ окончанія *винительнаго* падежа, когда онъ отличается отъ именительнаго

Во второмъ (II, стр. 2—4)—*родительнаго*

Въ третьемъ (III, стр 4—6)—*дательнаго*

Въ четвертомъ (IV, стр 6—8)—*творительнаго*

Въ пятомъ (V, стр. 8—10)—*предложнаго*.

Въ шестомъ (VI, стр. 10—21) обозначены всѣ эти падежи

Упражненія должны состоять въ томъ, чтобы ученикъ составлялъ изреченія, въ которыхъ употребленъ тотъ или другой падежъ, и чтобы узнавалъ падежи при чтеніи.

Въ седьмомъ отдѣлѣ (VII, стр 21—30) обозначены окончанія *родовъ* прилагательныхъ, числительныхъ и мѣстоименій въ именительномъ падежѣ *единственнаго числа*, и тѣхъ существительныхъ, съ которыми они согласованы. На эти упражненія слѣдуетъ обратить особое вниманіе, такъ какъ у дѣтей и у народа часто вовсе не существуетъ понятія о *среднемъ* родѣ; часто говорятъ: *моя ружье*, *сухая сѣна* и т. п.

*

Въ восьмомъ отдѣлѣ (VIII,. стр. 30 — 47) такимъ же образомъ обозначены окончанія *родовъ множественнаго числа.*

Въ девятомъ отдѣлѣ (IX, стр. 47—64) обозначены тѣ слова, не имѣющія склоненія, которыя всего чаще употребляются какъ *нарѣчія.* Нарѣчія, которыхъ производство трудно,. напр. *тамъ*, *когда*, и т. п. напечатаны цѣликомъ особымъ шрифтомъ; въ нарѣчіяхъ, которыхъ производство ясно, напечатаны особымъ шрифтомъ буквы, указывающія на это производство; напр. *такъ*, *пріятно*—отъ *такой*, *пріятный*; назадъ, поутру,—отъ *на* и *задъ*, отъ *по* и *утро*; *рядомъ* отъ *рядъ*, и т. д.

Упражненія должны состоять въ составленіи нарѣчій и въ узнаваніи ихъ при чтеніи.

Десятый отдѣлъ (X, стр. 64—79) назначенъ для упражненія въ узнаваніи всѣхъ формъ, указанныхъ въ предъидущихъ отдѣлахъ

КЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ. О СЧЕТѢ.

Дѣленіе есть самое трудное изъ ариѳметическихъ дѣйствій Но тотъ ученикъ, который понялъ ясно дѣленіе, уже не найдетъ никакого затрудненія въ дробяхъ; для того же, который не понялъ дѣленія, дроби будутъ всегда непонятны.

Поэтому не торопитесь умноженіемъ, а старайтесь посредствомъ умноженія уяснить ученику дѣйствіе обратное умноженію дѣленіе.

Всякое умноженіе представляетъ два случая. $3\times5=1$.) 3 раза 5, и 2.) 5 разъ 3. Точно также и дѣленіе всегда представляетъ два случая: $15:3=1$.) Сколько разъ 3 въ 15-ти, и 2.) какое число повторится 3 раза въ 15-ти. Если уче-

никъ привыкнетъ умножать, называя множителя тройками пятериками, восьмериками, и т. д., то и второй случай дѣленія,—какое число повторяется извѣстное число разъ въ дѣлимомъ,—можетъ быть выраженъ для ученика коротко и понятно. Если три пятка составляютъ 15, то ему понятенъ будетъ вопросъ; чего въ 15-ти три? т. е. пятковъ, или паръ, или четвериковъ?

Эта форма вопроса удобна потому, что она коротка и ясна для ученика (незнающаго еще дѣленія); въ особенности же потому, что только эта форма вопроса соотвѣтствуетъ дѣленію дробей: $^{4}/_{5} : {}^{1}/_{3}$. Нельзя сказать, сколько разъ $^{4}/_{5}$ въ $^{1}/_{3}$, ибо очевидно—ни разу. И нельзя сказать: раздѣлить $^{4}/_{5}$ на $^{1}/_{3}$ часть. Оба вопроса не имѣютъ смысла. Но какъ при 15 : 3 мы говоримъ: 15 есть три чего? или три какого числа?—такъ и при $^{4}/_{5} : {}^{1}/_{3}$ можно сказать: $^{4}/_{5}$ есть одна треть чего? или какого числа? Точно также и при помноженіи дроби на дробь, $^{3}/_{5} \times {}^{2}/_{3}$, нельзя сказать: повторить $^{3}/_{5}$ тыхъ $^{2}/_{3}$ раза и обратно; оба вопроса не имѣютъ смысла. Но, какъ при 5×3 мы говоримъ: три пятка или пять троекъ сколько будетъ?—такъ и при $^{3}/_{5} \times {}^{2}/_{3}$ можно сказать: двѣ трети трехъ пятыхъ сколько будетъ? Въ отдѣлѣ дробей объ этомъ говорено подробнѣе, теперь же упоминаю для того, чтобы учитель не прошелъ безъ вниманія принятую мною форму вопроса.

При умноженіи всегда два случая, и всегда предоставленъ выборъ брать тотъ или другой, смотря по удобству; точно также и при дѣленіи. Положимъ задано: 50×2, или $100 : 2$; всегда выбирается второй случай какъ при умноженіи, такъ и при дѣленіи, т. е. всегда берется два раза 50, а не 50 разъ два, и всегда отыскивается чего 2 въ 100, а не сколько разъ 2 въ 100.

Такъ точно и при дробяхъ, смотря по отношенію множителя и множимаго, и дѣлимаго и дѣлителя, избирается 1-й или 2-й случай. И ученикъ долженъ владѣть искусствомъ

выбирать тотъ или другой случай, и обращаться съ тѣмъ и съ другимъ.

Самое же дѣленіе, т. е. разложеніе числа на части, есть одинъ изъ пріемовъ совершать дѣйствіе отысканія множителя, изображаемое знакомъ (:) и неточно называемое дѣленіемъ

Обыкновенно, при дѣленіи цѣлыхъ чиселъ, дѣленіемъ на части совершенно замѣняютъ дѣйствіе (:) отысканія другаго множителя—когда данъ одинъ, и тѣмъ правда облегчаютъ пониманіе дѣленія цѣлыхъ чиселъ, но совершенно уже лишаютъ ученика возможности понять сущность дѣйствія дѣленія при дробныхъ числахъ

Совѣтую не торопясь упражнять ученика всегда вмѣстѣ въ умноженіи и въ обратномъ дѣленіи небольшихъ чиселъ, называя множителя пятками, дюжинами, семериками,—хоть бы даже и восемнадцатериками и двадцатиодноріками.

Предоставляйте ученику при умноженіи выбирать, какого множителя онъ хочетъ повторять. И заставляйте потомъ повторять другаго множителя. Упражненія эти полезны для пріученія ученика къ быстрому счету.

Предоставляйте ученику точно также при дѣленіи избирать пріемъ вычитанія, или разложенія на части. И заставляйте повѣрять одинъ другимъ.

Потомъ покажите ученику пріемъ ускоренія дѣйствія умноженія и дѣленія посредствомъ удвоенія множителя и дѣлителя.

Изученіе таблицы умноженія я считаю нетолько безполезнымъ,—такъ какъ при частомъ упражненіи ученикъ скоро

составляетъ себѣ каждый свою таблицу,—но даже вреднымъ, потому что знаніе наизусть произведенія затемняетъ ходъ вычисленія.

При умноженіи показанъ пріемъ удвоенія лишній разъ и потомъ вычитаніе лишняго раза. Такой же обратный примѣръ можно показать и при дѣленіи.

Потомъ покажите ученику пріемъ ускоренія счета посредствомъ повторенія десятками, сотнями, тысячами и т. д.

При помноженіи и дѣленіи многоразрядныхъ чиселъ однихъ на другія не говорите ученику правила о прибавленіи нолей отъ множителя къ произведенію; но всякій разъ заставляйте его соображать, сколько выйдетъ какихъ разрядовъ при повтореніи однимъ числомъ другаго. При этомъ заставляйте его называть числа какъ ему удобнѣе: десятками, сотнями, тысячами, и ставить значекъ на томъ разрядѣ, который онъ называетъ

При такомъ пріемѣ умноженіе многоразрядныхъ чиселъ дѣлается легко.

Положимъ дано помножить:

376539 × 7815.

Ученикъ говоритъ: триста тысячъ разъ семь *чего-то* будетъ = два милліона сто тысячъ *чего-то* Чего было 7? Тысячъ. Стало быть два милліона сто тысячъ тысячъ 2.100.000,000.

При этомъ пріемѣ уничтожается одна изъ главныхъ трудностей при обученіи дѣленію, состоящая въ томъ, чтобы знать, *чѣмъ задаваться*.

837655 на 417

Ученикъ говоритъ: на 417 частей по скольку я положу на часть? По десятку ли, по сотнѣ ли, по тысячѣ ли? Онъ го-

воритъ: если положу по 10 на часть, достанетъ ли десятковъ? Сколько десятковъ въ дѣлимомъ? 83765 десятковъ. Достанетъ. Достанетъ ли сотенъ? Сотенъ 8376. Достанетъ. Достанетъ ли тысячъ? Тысячъ 837. Достанетъ. Онъ беретъ тысячи на часть. А потомъ уже соображаетъ, сколько тысячъ на часть.

Потомъ покажите ученику обыкновенно принятый пріемъ умноженія и дѣленія, и объясните ему выгоду, состоящую въ томъ, чтобы не переписывать два раза числа, которыя приходится складывать. Но въ умноженіи не показывайте ученику пріема пропусканія нолей въ числахъ, происходящихъ отъ умноженія чиселъ высшихъ рязрядовъ, и въ дѣленіи не показывайте ученику пріема писанія частнаго безъ нолей, а всегда заставляйте выписывать всѣ ноли при умноженіи, и частное заставляйте писать съ нолями и потомъ складывать.

Неясность пониманія дѣйствій умноженія и дѣленія много зависитъ отъ этихъ ускоренныхъ пріемовъ.

Таблица умноженія и ускоренные пріемы придутъ сами собой и незамѣтно.

Задачи № I представляютъ измѣненіе неизвѣстнаго. Совѣтую по задачнику или изъ головы выбрать попонятнѣе задачи и самому измѣнять ихъ такимъ образомъ для учениковъ, а потомъ заставлять учениковъ самихъ составлять такія же измѣненія задачъ, начиная съ болѣе легкихъ. Напримѣръ Отецъ втрое старѣе сына; сыну 13 лѣтъ; сколько отцу?

Составь такую задачу, чтобы узнать, во сколько разъ отецъ старше сына, и т. д.

Задача № II составлена на такъ-называемыя именованныя числа и на такъ-называемое тройное правило.

Совѣтую не заставлять учить ни именованныя числа—какъ особый отдѣлъ, ни тройное правило,—а прямо задавать задачи на именованныя числа и на тройное правило. Именованныя числа трудны только тогда (и безполезны), когда ученикъ при рѣшеніи задачъ въ первый разъ узнаётъ содержаніе мѣръ или вѣса одного въ другомъ; правила только тогда, когда отъ ученика требуется, чтобы онъ рѣшилъ задачу непремѣнно по указанному примѣру. Объясненіе этой задачи состоитъ въ томъ, что первая задача, точно такая же, составлена на цѣлыя числа, доступныя ученику для умственнаго вычисленія.

При задачахъ № III сдѣлано словесное объясненіе вопроса.

Совѣтую составлять такого рода задачи и объяснять ученикамъ. Прошу замѣтить, что трудность большей части задачъ въ задачникахъ состоитъ въ дурномъ языкѣ, которымъ изложены вопросы, и что для того, чтобы ясно изложить задачу, надо надъ ней подумать.

Задача о посѣвѣ (IV) поставлена для объясненія цѣлаго ряда задачъ, въ особенности житейскихъ, гдѣ всѣ числа подраздѣляются на два разряда, имѣющіе быть сличены между собой. Кромѣ того, задачи этого рода подготовляютъ къ веденію книгъ, и потому совѣтую преимущественно выбирать изъ задачниковъ и составлять изъ головы задачи такого рода.

АЗБУКА

ГРАФА Л. Н. ТОЛСТАГО

КНИГА IV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Тип. Замысловскаго, Больш. Мѣщан., д. № 33.
1872.

ОГЛАВЛЕНІЕ IV-ОЙ КНИГИ.

Часть первая.

		Стран.
I.	Камышъ и маслина *(басня Езопа)*	1
	Два товарища (*Езопъ*)	1
	Дубъ и орѣшникъ	2
	Волкъ и ягненокъ (*Езопъ*)	2
	Левъ, волкъ и лисица (*Езопъ*)	3
	Царь и слоны (*индѣйск.*)	4
	Насѣдка и цыплята	4
	Левъ, оселъ и лисица (*Езопъ*)	5
	Дергачь и его самка	5
	Корова и козелъ	6
	Мужикъ и водяной (*Езопъ*)	6
	Воронъ и лисица (*Езопъ*)	7
II.	Царь и рубашка (*арабск.*)	8
	Отчего зло на свѣтѣ (*индѣйск.*)	9
	Воронъ и воронята (*литовск.*)	11
	Волкъ и мужикъ (*народн.*)	12
	Царское новое платье (*Андерсенъ*)	15
III.	Прыжокъ (*американск.*)	17
	Охота пуще неволи	19
IV.	Кавказскій плѣнникъ	30
V.	Лисій хвостъ	63
	Шелковичный червь	63
	Старый тополь	69
	Черемуха	70

Стран

Какъ ходятъ деревья 71
Удѣльный вѣсъ 72
Вредный воздухъ 73
Газы. I 77
Газы. II 79
Какъ дѣлаютъ воздушные шары 80
Разсказъ аэронавта 82
Гальванизмъ 85
Солнце-тепло 89
VI. Микулушка Селяниновичъ (былина) 92

Часть вторая.

Несторова лѣтопись.

Какъ Владиміръ посылалъ узнавать вѣры 97
Походъ на Корсунь и крещеніе Владиміра 102
Крещеніе Руси 107
Борьба Русскаго съ Печенѣгомъ 110
Добрыя дѣла Владиміра 113

Изъ четьи минеи.

Слово о гнѣвѣ (*Макарьевск.*) 117

Книга Бытія

Глава XXXVII 119
Глава XL 125
Глава XLI 129
Глава XLII 139
Глава XLIII 145
Глава XLIV 152
Глава XLV 158

Евангеліе отъ Матѳея.

Глава V 146

Псаломъ 103 170

Часть третья. Счетъ дробей.

Стран.

Отдѣлъ первый 175
Сложеніе и вычитаніе десятичныхъ дробей 178
Умноженіе и дѣленіе десятичныхъ дробей 179
Разныя счисленія 185

Отдѣлъ второй. Переименованіе дробей 190
Приведеніе по одному знаменателю 195

Отдѣлъ третій. Сложеніе и вычитаніе дробей . . 203
Умноженіе и дѣленіе дробей 212
Задачи, I. 218
Задача, II. 219
Задачи, III 220

Для учителя.

Къ первой части. 222
Къ третьей части. О счетѣ 223
I Отдѣлъ. Десятичныя дроби 224
Разныя счисленія 225
II Отдѣлъ. Переименованіе дробей 225
III Отдѣлъ 226

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

КАМЫШЪ И МАСЛИНА.

Маслина и камышъ заспорили о томъ, кто крѣпче и сильнѣе. Маслина посмѣялась надъ камышемъ за то, что онъ отъ всякаго вѣтра гнется. Камышъ молчалъ. Пришла буря: камышъ шатался, мотался, до земли сгибался — уцѣлѣлъ. Маслина напружилась сучьями противъ вѣтра—и сломилась.

ДВА ТОВАРИЩА.

Шли по лѣсу два товарища, и выскочилъ на нихъ медвѣдь. Одинъ бросился бѣжать, влѣзъ на дерево и спрятался, а другой остался на дорогѣ.—Дѣлать ему было нѣчего—онъ упалъ на земь и притворился мертвымъ.

Медвѣдь подошелъ къ нему и сталъ нюхать: онъ и дышать пересталъ.

Медвѣдь понюхалъ ему лицо, подумалъ, что мертвый, и отошелъ.

Когда медвѣдь ушелъ, тотъ слѣзъ съ дерева и

смѣется: «ну-что», говоритъ, «медвѣдь тебѣ на ухо говорилъ?»

«А онъ сказалъ мнѣ, что—плохіе люди тѣ, которые въ опасности отъ товарищей убѣгаютъ».

ДУБЪ И ОРѢШНИКЪ.

Старый дубъ уронилъ съ себя жолудь подъ кустъ орѣшника. Орѣшникъ сказалъ дубу: «Развѣ мало простора подъ твоими сучьями? Ты-бы ронялъ свои жолуди на чистое мѣсто. Здѣсь мнѣ самому тѣсно для моихъ отростковъ, и я самъ не бросаю на землю своихъ орѣховъ, а отдаю ихъ людямъ»

«Я живу 200 лѣтъ», сказалъ на это дубъ, «и дубокъ изъ этого жолудя проживетъ столько-же».

Тогда орѣшникъ разсердился и сказалъ: «такъ я заглушу твой дубокъ, и онъ не проживетъ и трехъ дней». Дубъ ничего не отвѣтилъ, а велѣлъ расти своему сынку изъ жолудя.

Жолудь намокъ, лопнулъ и уцѣпился крючкомъ ростка въ землю, а другой ростокъ пустилъ кверху.

Орѣшникъ глушилъ его и не давалъ солнца. Но дубокъ тянулся къ верху и сталъ сильнѣе въ тѣни орѣшника. Прошло сто лѣтъ. Орѣшникъ давно засохъ, а дубъ изъ жолудя поднялся до неба и раскинулъ шатеръ на всѣ стороны.

ВОЛКЪ И ЯГНЕНОКЪ.

Волкъ увидалъ,—ягненокъ пьетъ у рѣки.

Захотѣлось волку съѣсть ягнёнка, и сталъ онъ къ нему придираться. «Ты,» говоритъ, «мнѣ воду мутишь и пить не даешь.»

Ягненокъ говоритъ: «Ахъ волкъ, какъ я могу тебѣ воду мутить? Вѣдь я ниже по водѣ стою, да и то кончиками губъ пью. А волкъ говоритъ: «Ну, такъ зачѣмъ ты прошлымъ лѣтомъ моего отца ругалъ?» Ягненокъ говоритъ: «Да я, волкъ, и не родился еще прошлымъ лѣтомъ». Волкъ разсердился и говоритъ: «Тебя не переговоришь. Такъ я на тощакъ; за то и съѣмъ тебя».

ЛЕВЪ, ВОЛКЪ И ЛИСИЦА.

Старый, больной левъ лежалъ въ пещерѣ. Приходили всѣ звѣри провѣдывать царя, только лисица не бывала. Вотъ волкъ обрадовался случаю и сталъ передъ львомъ оговаривать лисицу

— Она, говоритъ, тебя ни во что считаетъ, ни разу не зашла царя провѣдать.

На эти слова и прибѣги лисица: Она услыхала, что волкъ говорилъ, и думаетъ: «погоди-жъ, волкъ, я тебѣ вымещу»

Вотъ левъ зарычалъ на лисицу, а она говоритъ: — «Не вели казнить, вели слово вымолвить. Я отъ того не бывала, что не досугъ было. А не досугъ было отъ того, что по всему свѣту бѣгала, у лѣкарей для тебя лѣкарства спрашивала. Только теперь нашла, вотъ и прибѣжала».

Левъ и говоритъ:

— Какое лѣкарство?

— А вотъ какое: если живаго волка обдерешь, да шкуру его тепленькую надѣнешь...

Какъ растянулъ левъ волка, лисица засмѣялась и говоритъ:

— Такъ-то, братъ; господъ не на зло, а на добро наводить надо.»

ЦАРЬ И СЛОНЫ.

Одинъ индѣйскій Царь велѣлъ собрать всѣхъ слѣпыхъ, и когда они пришли, велѣлъ имъ показать своихъ слоновъ. Слѣпые пошли въ конюшню и стали щупать слоновъ. Одинъ ощупалъ—ногу, другой—хвостъ, третій—рѣпицу [1]), четвертый—брюхо, пятый—спину, шестой—уши, седьмой—клыки, осьмой—хоботъ. Потомъ Царь позвалъ слѣпыхъ къ себѣ и спросилъ: каковы мои слоны? Одинъ слѣпой сказалъ: слоны твои похожи на столбы; этотъ слѣпой щупалъ ноги. Другой слѣпой сказалъ: они похожи на вѣники; этотъ щупалъ хвостъ. Третій сказалъ: они похожи на сучья; этотъ щупалъ рѣпицу. Тотъ, что щупалъ животъ, сказалъ: слоны похожи на кучу земли; тотъ что щупалъ бока, сказалъ: они похожи на стѣну; тотъ, что щупалъ спину, сказалъ: они похожи на гору; тотъ, что щупалъ уши, сказалъ: они похожи на платки; тотъ, что щупалъ голову, сказалъ: они похожи на ступу; тотъ, что щупалъ клыки, сказалъ: они похожи на рога; тотъ, что щупалъ хоботъ, сказалъ, что они похожи на толстую веревку.

И всѣ слѣпые стали спорить и ссориться.

НАСѢДКА И ЦЫПЛЯТА.

Насѣдка вывела цыплятъ и не знала, какъ ихъ уберечь. Она и сказала имъ: «Полѣзайте опять въ скор-

[1]) Рѣпица—та часть хвоста, гдѣ на немъ есть мясо.

лупу, когда вы будете въ скорлупѣ, я сяду на васъ, какъ прежде сидѣла, и уберегу васъ. Цыплята послушались, полѣзли въ скорлупу, но не могли никакъ влѣзть въ нее и только помяли себѣ крылья. Тогда одинъ цыпленокъ сказалъ матери:

«Если намъ всегда оставаться въ скорлупѣ, ты-бы лучше и не выводила насъ»

ЛЕВЪ, ОСЕЛЪ И ЛИСИЦА.

Левъ, оселъ и лисица вышли на добычу. Наловили они много звѣрей, и левъ велѣлъ ослу дѣлить. Оселъ раздѣлилъ по ровну на три части и говоритъ: «ну, теперь берите!» Левъ разсердился, съѣлъ осла и велѣлъ лисицѣ передѣлить. Лисица все собрала въ одну кучу, а себѣ чуточку оставила. Левъ посмотрѣлъ и говоритъ: «Ну, умница! Кто-жъ тебя научилъ такъ хорошо дѣлить?»

Она говоритъ: «А съ осломъ-то что́ было?»

ДЕРГАЧЪ И ЕГО САМКА.

Дергачъ поздно свилъ въ лугу гнѣздо и въ покосъ еще самка сидѣла на яицахъ. Рано утромъ мужики пришли къ лугу, сняли кафтаны, наточили косы и пошли другъ за другомъ подрѣзать траву и класть рядами. Дергачъ вылетѣлъ посмотрѣть, что́ дѣлаютъ ко́сцы. Когда онъ увидалъ, что одинъ мужикъ махнулъ косой и разрѣзалъ пополамъ змѣю,—онъ обрадовался, прилетѣлъ къ дергачихѣ и сказалъ: «не бойся мужиковъ; они пришли рѣзать змѣй; намъ давно отъ нихъ житья нѣтъ». А дергачиха сказала: «Мужики рѣжутъ

траву, а съ травой рѣжутъ все, что́ ни попадется: и змѣю, и дергачиное гнѣздо, и дергачиную голову. Не добро чуетъ мое сердце;—а нельзя мнѣ ни унести яицъ, ни улетѣть съ гнѣзда, чтобъ не остудить ихъ».

Когда косцы дошли до дергачинаго гнѣзда, одинъ мужикъ махнулъ косой и срѣзалъ дергачихѣ голову, а яйца положилъ за пазуху и отдалъ ребятамъ играть.

КОРОВА И КОЗЕЛЪ.

У старухи была корова и козелъ. Корова и козелъ вмѣстѣ ходили въ стадо. Корова все ворочалась, когда ее доили. Старуха вынесла хлѣба съ солью, дала коровѣ и приговаривала: «да стой же, матушка; на, на, еще вынесу, только стой смирно».

На другой вечеръ козелъ впередъ коровы вернулся съ поля, разставилъ ноги и сталъ передъ старухой. Старуха замахнулась на него полотенцемъ; но козелъ стоялъ не шевелился. Онъ помнилъ, что старуха обѣщала хлѣба коровѣ, чтобъ стояла смирно. Старуха видитъ, что козелъ не пронимается, взяла палку и прибила его.

Когда козелъ отошелъ, старуха опять стала кормить корову хлѣбомъ и уговаривать ее.

«Нѣтъ въ людяхъ правды!» подумалъ козелъ. «Я смирнѣе ея стоялъ, а меня прибили»

Онъ отошелъ къ сторонкѣ, разбѣжался, ударилъ въ подойникъ, разлилъ молоко и зашибъ старуху.

МУЖИКЪ И ВОДЯНОЙ.

Мужикъ уронилъ топоръ въ рѣку; съ горя сѣлъ на берегъ и сталъ плакать.

Водяной услыхалъ, пожалѣлъ мужика, вынесъ ему изъ рѣки золотой топоръ и говоритъ: «твой это топоръ?»

Мужикъ говоритъ: «нѣтъ, не мой»

Водяной вынесъ другой, серебрянный топоръ.

Мужикъ опять говоритъ—не мой топоръ.

Тогда водяной вынесъ настоящій топоръ.

Мужикъ говоритъ: «вотъ это мой топоръ»

Водяной подарилъ мужику всѣ три топора за его правду.

Дома мужикъ показалъ товарищамъ топоры, и разсказалъ, что́ съ нимъ было.

Вотъ одинъ мужикъ задумалъ то-же сдѣлать: пошелъ къ рѣкѣ, нарочно бросилъ свой топоръ въ воду, сѣлъ на берегъ и заплакалъ.

Водяной вынесъ золотой топоръ и спросилъ: «твой это топоръ?»

Мужикъ обрадовался и закричалъ: «мой, мой!»

Водяной не далъ ему золотаго топора, и его собственнаго назадъ не отдалъ,—за его неправду

ВОРОНЪ И ЛИСИЦА.

Воронъ добылъ мяса кусокъ и сѣлъ на дерево. Захотѣлось лисицѣ мясца. Она подошла и говоритъ

— Эхъ, воронъ, какъ посмотрю на тебя,—по твоему росту, да красотѣ, только бы тебѣ царемъ быть! И вѣрно былъ бы царемъ, если бы у тебя голосъ былъ.

Воронъ разинулъ ротъ и заоралъ, что́ было мочи. Мясо упало. Лисица подхватила его и говоритъ:

— Ахъ воронъ! коли бы еще у тебя и умъ былъ, быть бы тебѣ царемъ.

II.

ЦАРЬ И РУБАШКА.

Одинъ Царь былъ боленъ и сказалъ: «половину царства отдамъ тому, кто меня вылѣчитъ». Тогда собрались всѣ мудрецы и стали судить, какъ Царя вылѣчить. Никто не зналъ. Одинъ только мудрецъ сказалъ, что Царя можно вылѣчить. Онъ сказалъ: если найти счастливаго человѣка, снять съ него рубашку и надѣть на Царя,—Царь выздоровѣетъ. Царь и послалъ искать по своему царству счастливаго человѣка; но послы Царя долго ѣздили по всему царству и не могли найти счастливаго человѣка. Не было ни одного такого, чтобы всѣмъ былъ доволенъ. Кто богатъ, да хвораетъ; кто здоровъ, да бѣденъ, кто и здоровъ и богатъ, да жена не хороша; а у кого дѣти не хороши — всѣ на что-нибудь да жалуются. Одинъ разъ идетъ поздно вечеромъ царскій сынъ мимо избушки, и слышно ему—кто-то говоритъ: «вотъ, слава Богу, наработался, наѣлся и спать лягу; чего мнѣ еще нужно?» Царскій сынъ обрадовался, велѣлъ снять съ этого человѣка рубашку, а ему дать за это денегъ, сколько онъ захочетъ, а рубашку отнести къ Царю. Посланные пришли къ счастливому человѣку и хотѣли съ него снять рубаш-

ку; но счастливый былъ такъ бѣденъ, что на немъ не было рубашки.

ОТЧЕГО ЗЛО НА СВѢТѢ.

Пустынникъ жилъ въ лѣсу, и звѣри не боялись его. Онъ и звѣри говорили между собою и понимали другъ друга.

Одинъ разъ пустынникъ легъ подъ дерево, а воронъ, голубь, олень и змѣя собрались ночевать къ тому же мѣсту. Звѣри стали разсуждать—отъ чего зло бываетъ на свѣтѣ?

Воронъ сказалъ: «Зло на свѣтѣ все отъ голода. Когда поѣшь въ волю, сядешь себѣ на сукъ, покаркиваешь—все весело, хорошо, на все радуешься; а вотъ только поголодай день-другой, и все такъ противно станетъ, что и не смотрѣлъ бы на свѣтъ Божій. И все тебя тянетъ куда-то, перелетаешь съ мѣста на мѣсто, и нѣтъ тебѣ покоя. А завидишь мясо, такъ еще тошнѣе сдѣлается, такъ и бросишься безъ разбора. Другой разъ и палками-то и камнями въ тебя кидаютъ, и волки и собаки хватаютъ, а ты все не отстаешь. И сколько такъ изъ за голода пропадаетъ нашего брата. Все зло отъ голода».

Голубь сказалъ: «А по мнѣ не отъ голода зло, а все зло отъ любви. Кабы жили мы по одному, намъ бы горя мало. Одна голова не бѣдна, а и бѣдна, такъ одна. А то мы живёмъ всегда парочками. И такъ полюбишь свою дружку, что нѣтъ тебѣ покоя—все объ ней думаешь: сыта ли, тепла ли она? А какъ улетитъ куда-нибудь отъ тебя дружка, тутъ ужъ совсѣмъ

пропадаешь—все думаешь: какъ бы ястребъ не унёсъ или люди не поймали бы; и самъ полетишь ее искать, да и залетишь въ бѣду,—либо подъ ястреба, либо въ силокъ. А если пропадетъ дружка, такъ самому ужъ ничто не мило. Не ѣшь, не пьешь и только ищешь, да плачешь. Сколько насъ отъ этого пропадаетъ. Все зло не отъ голода, а отъ любви».

Змѣя сказала: «Нѣтъ, зло не отъ голода и не отъ любви, а зло отъ злости. Кабы жили мы смирно, не злились бы,—намъ бы все хорошо было. А то какъ сдѣлается что-нибудь не по тебѣ, разозлишься,—тогда ужъ ничто не мило. Только и думаешь, какъ зло свое на комъ выместить. Тутъ ужъ сама себя не помнишь, только шипишь, да ползаешь, ищешь, кого бы укусить. Ужъ никого не жалѣешь—отца и мать закусаешь. Сама себя, кажется, съѣла бы. И до тѣхъ поръ злишься, пока сама себя погубишь. Все зло на свѣтѣ отъ злости».

Олень сказалъ: «Нѣтъ, не отъ злости, и не отъ любви, и не отъ голода все зло на свѣтѣ, а зло отъ страха. Кабы можно было не бояться, все бы хорошо было. Ноги у насъ рѣзвыя, силы много. Отъ маленькаго звѣря рогами отобьешься, отъ большаго уйдешь. Да нельзя не бояться. Только хрусни въ лѣсу вѣтка, зашурши листья, такъ весь и затрясешься отъ страха, забьется сердце, точно выскочить хочетъ, и летишь, что есть духу. Другой разъ заяцъ пробѣжитъ, птица затрепещется, или сухая вѣтка обломится, а ты думаешь—звѣрь, да и набѣжишь на звѣря. А то бѣжишь отъ собаки,—набѣжишь на человѣка. Часто испугаешься и бѣжишь, самъ не знаешь куда, и съ раз-

маху оборвешься подъ кручь и убьешься. И спишь-то однимъ глазомъ, все слушаешь и боишься. Нѣтъ покоя. Все зло отъ страха».

Тогда пустынникъ сказалъ:

— Не отъ голода, не отъ любви, не отъ злобы, не отъ страха всѣ наши мученья, — а отъ нашего тѣла все зло на свѣтѣ. Отъ него и голодъ, и любовь, и злоба, и страхъ.

ВОРОНЪ И ВОРОНЯТА.

Воронъ свилъ себѣ гнѣздо на островѣ, и когда воронята вывелись, онъ сталъ ихъ переносить съ острова на землю. Сперва онъ взялъ въ когти одного вороненка и полетѣлъ съ нимъ черезъ море. Когда старый воронъ вылетѣлъ на середину моря, онъ уморился, сталъ рѣже махать крыльями и подумалъ: теперь я силенъ, а онъ слабъ,—я перенесу его черезъ море; а когда онъ станетъ великъ и силенъ, а я стану слабъ отъ старости, вспомнитъ-ли онъ мои труды и будетъ-ли переносить меня съ мѣста на мѣсто? И старый воронъ спросилъ вороненка: «Когда я буду слабъ, а ты будешь силенъ, будешь-ли ты носить меня? Говори мнѣ правду!» Вороненокъ боялся, что отецъ броситъ его въ море, и сказалъ: «буду». Но старый воронъ не повѣрилъ сыну и выпустилъ вороненка изъ когтей. Воронёнокъ какъ комокъ упалъ книзу и потонулъ въ морѣ. Старый воронъ одинъ полетѣлъ черезъ море назадъ на свой островъ. Потомъ старый воронъ взялъ другаго вороненка и также понёсъ его черезъ море. Опять онъ уморился на серединѣ моря и спросилъ сына—будетъ-ли

онъ его въ старости переносить съ мѣста на мѣсто? Сынъ испугался, чтобы отецъ не бросилъ его, и сказалъ: «буду».

Отецъ не повѣрилъ и этому сыну, и бросилъ его въ море. Когда старый воронъ прилетѣлъ назадъ къ своему гнѣзду, у него оставался одинъ вороненокъ. Онъ взялъ послѣдняго сына и полетѣлъ съ нимъ черезъ море. Когда онъ вылетѣлъ на средину моря и уморился, онъ спросилъ: «будешь ли ты въ моей старости кормить меня и переносить съ мѣста на мѣсто?» Вороненокъ сказалъ: «нѣтъ, не буду». «Отъ чего?» спросилъ отецъ. «Когда ты будешь старъ, а я буду большой, у меня будетъ свое гнѣздо и свои воронята, и я буду кормить и носить своихъ дѣтей». Тогда старый воронъ подумалъ: онъ правду сказалъ; за то потружусь и перенесу его за море. И старый воронъ не выпустилъ вороненка, а изъ послѣднихъ силъ замахалъ крыльями и перенесъ его на землю, чтобы онъ свилъ себѣ гнѣздо и вывелъ дѣтей.

ВОЛКЪ И МУЖИКЪ.

Гнались за волкомъ охотники. И набѣжалъ волкъ на мужика. Мужикъ шелъ съ гумна и несъ цѣпъ и мѣшокъ. Волкъ и говоритъ: «мужикъ, спрячь меня,—меня охотники гонятъ». Мужикъ пожалѣлъ волка, спряталъ его въ мѣшокъ и взвалилъ на плечи. Наѣзжаютъ охотники и спрашиваютъ мужика, не видалъ ли волка?

— «Нѣтъ, не видалъ».

Охотники уѣхали. Волкъ выскочилъ изъ мѣшка и бросился на мужика, хочетъ его съѣсть. Мужикъ и говоритъ:

— «Ахъ, волкъ, нѣтъ въ тебѣ совѣсти; я тебя спасъ, а ты жъ меня съѣсть хочешь». А волкъ говоритъ:

— «Старая хлѣбъ соль не помнится».

— «Нѣтъ, старая хлѣбъ-соль помнится; хоть у кого хочешь спроси,—всякій скажетъ, что помнится». Волкъ и говоритъ:

— «Давай, пойдемъ вмѣстѣ по дорогѣ. Кого перваго встрѣтимъ, спросимъ: забывается ли старая хлѣбъ-соль, или помнится? Если скажутъ: помнится,—я пущу тебя, а скужутъ: забывается,—съѣмъ». Пошли они по дорогѣ, и повстрѣчалась имъ старая, слѣпая кобыла. Мужикъ и спрашиваетъ: «скажи, кобыла, что помнится старая хлѣбъ-соль, или забывается?»

Кобыла и говоритъ:

— «Да вотъ какъ: жила я у хозяина 12-ть лѣтъ, принесла ему 12-ть жеребятъ, и все то время пахала да возила, а прошлымъ годомъ ослѣпла и все работала на рушалкѣ; а вотъ намедни стало мнѣ не въ силу кружиться, я и упала на колесо. Меня били, били, стащили за хвостъ подъ кручь и бросили. Очнулась я, насилу выдралась, и куда иду—сама не знаю»

Волкъ говоритъ:

— «Мужикъ, видишь,—старая хлѣбъ-соль не помнится». Мужикъ говоритъ:

— «Погоди, еще спросимъ».

Пошли дальше. Встрѣчается имъ старая собака. Ползетъ, задъ волочетъ.

Мужикъ говоритъ:

— «Ну, скажи, собака, забывается ли старая хлѣбъ-соль, или помнится?»

— «А вотъ какъ: жила я у хозяина 15 лѣтъ, его домъ

стерегла, лаяла и бросалась кусаться; а вотъ состарѣлась, зубъ не стало,—меня со двора прогнали, да еще задъ оглоблею отбили. Вотъ и волочусь, сама не знаю куда, подальше отъ стараго хозяина».

Волкъ говоритъ:

— «Слышишь, что́ говоритъ».

А мужикъ говоритъ:

— «Погоди еще до третьей встрѣчи».

И встрѣчается имъ лисица. Мужикъ говоритъ: «скажи, лиса, что помнится старая хлѣбъ-соль, или забывается?»

А лисица говоритъ:

— «Тебѣ зачѣмъ знать?»

А мужикъ говоритъ:

— «Да вотъ бѣжалъ волкъ отъ охотниковъ, сталъ меня просить,—я и спряталъ его въ мѣшокъ; а теперь онъ меня съѣсть хочетъ».

Лисица и говоритъ:

— «Да развѣ можно большому волку въ такой мѣшокъ умѣститься? Кабы я видѣла, я бы васъ разсудила».

Мужикъ говоритъ:

— «Весь помѣстится, хоть у него сама спроси».

И волкъ сказалъ: правда.

Тогда лисица говоритъ:

— «Не повѣрю, пока не увижу. Покажи, какъ ты лазилъ».

Тогда волкъ всупулъ голову въ мѣшокъ и говоритъ: «вотъ такъ».

Лисица говоритъ:

— Ты весь влѣзь, а то я такъ не вижу.

Волкъ и влѣзъ въ мѣшокъ. Лисица и говоритъ мужику: теперь завяжи. Мужикъ завязалъ мѣшокъ. Лисица говоритъ:

— «Ну теперь покажи, мужикъ, какъ ты на току хлѣбъ молотишь». Мужикъ обрадовался и сталъ бить цѣпомъ по волку.

А потомъ говоритъ: «А посмотри лисица, какъ на току хлѣбъ отвараниваютъ»,—и ударилъ лисицу по головѣ и убилъ. А самъ говоритъ: «старая хлѣбъ соль не помнится!»

ЦАРСКОЕ НОВОЕ ПЛАТЬЕ.

Одинъ Царь былъ охотникъ до хорошихъ платьевъ. Онъ ни объ чемъ больше не думалъ, только какъ бы ему получше нарядиться. Пришли къ нему одинъ разъ два портные мастера и говорятъ: мы можемъ сшить такое нарядное платье, какого еще никогда ни у кого не было. Только если кто глупъ и къ своей должности не годится, тотъ платья нашего не можетъ видѣть. Кто уменъ, тотъ будетъ видѣть, а кто глупъ, тотъ рядомъ будетъ стоять и не увидитъ платья нашей работы. Царь обрадовался портнымъ и велѣлъ сшить на себя платье. Портнымъ отвели во дворцѣ горницу и дали имъ бархату, шолку, золота,—всего, что нужно было для платья. Когда прошла недѣля, Царь послалъ своего министра узнать, готово ли новое платье. Министръ пришелъ и спросилъ; портные сказали, что готово и показали министру пустое мѣсто. Министръ зналъ, что если кто глупъ и къ своей должности не годится, то тотъ не можетъ видѣть платья; и онъ притворился,

что видитъ платье и похвалилъ. Царь велѣлъ себѣ принести платье. Ему принесли и показали пустое мѣсто; Царь, тоже притворился, что онъ видитъ новое платье, снялъ свое старое платье и велѣлъ надѣть на себя новое. Когда Царь пошелъ въ новомъ платьѣ гулять по городу,—всѣ видѣли, что на Царѣ нѣтъ никакого платья; но всѣ боялись сказать, что они не видятъ платья, потому что слышали, что только глупый не можетъ видѣть новаго платья. И каждый думалъ только про себя, что онъ не видитъ, а думалъ, что другіе всѣ видятъ. Такъ Царь гулялъ по городу, и всѣ хвалили новое платье. Вдругъ одинъ дурачекъ увидалъ Царя и закричалъ: «смотрите, Царь по улицамъ ходитъ раздѣвшись!» И Царю стало стыдно, что онъ не одѣтъ, и всѣ увидали, что на Царѣ ничего не было.

III.

ПРЫЖОКЪ.

Одинъ корабль обошелъ во кругъ свѣта и возвращался домой. Была тихая погода, весь народъ былъ на палубѣ. Посреди народа вертѣлась большая обезьяна и забавляла всѣхъ. Обезьяна эта корчилась, прыгала, дѣлала смѣшныя рожи, передразнивала людей, и видно было—она знала, что ею забавляются, и оттого еще больше расходилась.

Она подпрыгнула къ 12-ти-лѣтнему мальчику, сыну капитана корабля, сорвала съ его головы шляпу, надѣла и живо взобралась на мачту. Всѣ засмѣялись, а мальчикъ остался безъ шляпы и самъ не зналъ, смѣяться ли ему, или сердиться.

Обезьяна сѣла на первой перекладинѣ мачты, сняла шляпу и стала зубами и лапами рвать её. Она какъ будто дразнила мальчика, показывала на него и дѣлала ему рожи. Мальчикъ погрозилъ ей и крикнулъ на неё, но она еще злѣе рвала шляпу. Матросы громче стали смѣяться, а мальчикъ покраснѣлъ, скинулъ куртку и бросился за обезьяной на мачту. Въ одну минуту онъ взобрался по веревкѣ на первую перекладину; но обезьяна еще ловчѣе и быстрѣе его, въ ту самую минуту, какъ онъ думалъ схватить шляпу, взобралась еще выше.

—Такъ не уйдешь же ты отъ меня!—закричалъ мальчикъ и полѣзъ выше. Обезьяна опять подманила его и полѣзла еще выше, но мальчика уже разобралъ задоръ, и онъ не отставалъ. Такъ обезьяна и мальчикъ въ одну минуту добрались до самаго верха. На самомъ верху обезьяна вытянулась во всю длину и, зацѣпившись задней рукой [1]) за веревку, повѣсила шляпу на край послѣдней перекладины, а сама взобралась на макушку мачты и оттуда корчилась, показывала зубы и радовалась. Отъ мачты до конца перекладины, гдѣ висѣла шляпа, было аршина два, такъ что достать её нельзя было иначе, какъ выпустить изъ рукъ веревку и мачту.

Но мальчикъ очень раззодорился. Онъ бросилъ мачту и ступилъ на перекладину. На палубѣ всѣ смотрѣли и смѣялись тому, что́ выдѣлывали обезьяна и капитанскій сынъ; но какъ увидали, что онъ пустилъ веревку и ступилъ на перекладину покачивая руками, —всѣ замерли отъ страха.

Стоило ему только оступиться—и онъ бы въ дребезги разбился объ палубу. Да еслибъ даже онъ и не оступился, а дошелъ до края перекладины и взялъ шляпу, то трудно было ему повернуться и дойти назадъ до мачты. Всѣ молча смотрѣли на него и ждали, что́ будетъ.

Вдругъ въ народѣ кто-то ахнулъ отъ страха. Мальчикъ отъ этого крика опомнился, глянулъ внизъ и зашатался.

Въ это время капитанъ корабля, отецъ мальчика, вышелъ изъ каюты. Онъ несъ ружье, чтобы стрѣлять чаекъ [2]). Онъ увидалъ сына на мачтѣ, и тотчасъ же

[1]) У обезьянъ 4 руки.

[2]) Морскія птицы.

прицѣлился въ сына и закричалъ: «Въ воду! прыгай сейчасъ въ воду! Застрѣлю!» Мальчикъ шатался, но не понималъ. «Прыгай, или застрѣлю!.. Разъ, два»... и какъ только отецъ крикнулъ: «три!»—мальчикъ размахнулся головой внизъ и прыгнулъ.

Точно пушечное ядро шлепнуло тѣло мальчика въ море, и не успѣли волны закрыть его, какъ уже 20 молодцовъ матросовъ спрыгнули съ корабля въ море. Секундъ черезъ 40 — онѣ долги показались всѣмъ— вынурнуло тѣло мальчика. Его схватили и вытащили на корабль. Черезъ нѣсколько минутъ у него изо рта и изъ носа полилась вода, и онъ сталъ дышать.

Когда капитанъ увидалъ это, онъ вдругъ закричалъ, какъ будто его что-то душило, и убѣжалъ къ себѣ въ каюту, чтобъ никто не видалъ, какъ онъ плачетъ.

ОХОТА ПУЩЕ НЕВОЛИ.

Мы были на охотѣ за медвѣдями. Товарищу пришлось стрѣлять по медвѣдю; онъ ранилъ его, да въ мягкое мѣсто. Осталось немного крови на снѣгу, а медвѣдь ушелъ.

Мы сошлись въ лѣсу и стали судить, какъ намъ быть: идти ли теперь отыскивать этого медвѣдя, или подождать дня три, пока медвѣдь уляжется.

Стали мы спрашивать мужиковъ медвѣжатниковъ, можно или нельзя обойти теперь этого медвѣдя? Старикъ медвѣжатникъ говорилъ: «нельзя, надо медвѣдю дать остепениться; дней черезъ пять обойти можно, а

теперь за нимъ ходить—только напугаешь, онъ и не ляжетъ».

А молодой мужикъ медвѣжатникъ спорилъ съ старикомъ и говорилъ, что обойти теперь можно. «По этому снѣгу», говоритъ, «медвѣдь далеко не уйдетъ,—медвѣдь жирный. Онъ нынче же ляжетъ. А не ляжетъ, такъ я его на лыжахъ догоню».

И товарищъ мой тоже не хотѣлъ теперь обходить и совѣтовалъ подождать.

Я и говорю: «Да что спорить. Вы дѣлайте какъ хотите, а я пойду съ Демьяномъ по слѣду Обойдемъ—хорошо, не обойдемъ—все равно дѣлать нынче нечего, а еще не поздно».

Такъ и сдѣлали.

Товарищи пошли къ санямъ, да въ деревню, а мы съ Демьяномъ взяли съ собой хлѣба и остались въ лѣсу.

Какъ ушли всѣ отъ насъ, мы съ Демьяномъ осмотрѣли ружья, подоткнули шубы за пояса и пошли по слѣду.

Погода была хорошая: морозно и тихо. Но ходьба на лыжахъ была трудная: снѣгъ былъ глубокій и праховый. Осадки снѣга въ лѣсу не было, да еще снѣжокъ выпалъ наканунѣ, такъ что лыжи уходили въ снѣгъ на четверть, а гдѣ и больше.

Медвѣжій слѣдъ издалека былъ виденъ. Видно было, какъ шелъ медвѣдь, какъ мѣстами по брюхо проваливался и выворачивалъ снѣгъ. Мы шли сначала въ виду отъ слѣда, крупнымъ лѣсомъ; а потомъ, какъ пошелъ слѣдъ въ мелкій ельникъ, Демьянъ остановился. «Надо», говоритъ, «бросать слѣдъ. Должно быть здѣсь ляжетъ.

Присаживаться сталъ—на снѣгу видно. Пойдемъ прочь отъ слѣда и кругъ дадимъ Только тише идти надо; не кричать, не кашлять, а то спугнешь».

Пошли мы прочь отъ слѣда, влѣво. Прошли шаговъ пятьсотъ, глядимъ—слѣдъ медвѣжій опять передъ нами. Пошли мы опять по слѣду, и вывелъ насъ этотъ слѣдъ на дорогу. Остановились мы на дорогѣ и стали разсматривать, въ какую сторону пошелъ медвѣдь. Кое-гдѣ по дорогѣ видно было, какъ всю лапу съ пальцами отпечаталъ медвѣдь, а кое-гдѣ—какъ въ лаптяхъ мужикъ ступалъ по дорогѣ. Видно что пошелъ онъ къ деревнѣ

Пошли мы по дорогѣ. Демьянъ и говоритъ: «Теперь смотрѣть нечего на дорогу; гдѣ сойдетъ съ дороги вправо или влѣво—видно будетъ въ снѣгу. Гдѣ-нибудь своротитъ, не пойдетъ же въ деревню».

Прошли мы такъ по дорогѣ съ версту; видимъ впереди—слѣдъ съ дороги. Посмотрѣли—что за чудо! Слѣдъ медвѣжій, да не съ дороги въ лѣсъ, а изъ лѣсу на дорогу идетъ: пальцами къ дорогѣ. Я говорю: «это другой медвѣдь». Демьянъ посмотрѣлъ, подумалъ. «Нѣтъ», говоритъ, «это онъ самый, только обманывать началъ. Онъ задомъ съ дороги сошелъ». Пошли мы по слѣду—такъ и есть. Видно медвѣдь прошелъ съ дороги шаговъ десять задомъ, зашелъ за сосну, повернулся и пошелъ прямо. Демьянъ остановился и говоритъ: «Теперь вѣрно обойдемъ. Больше ему и лечь негдѣ, какъ въ этомъ болотѣ. Пойдемъ въ обходъ».

Пошли мы въ обходъ, по частому ельнику. Я ужъ уморился, да и труднѣе стало ѣхать. То на кустъ можжевеловый наѣдешь, зацѣпишь; то промежъ ногъ

елочка подвернется, то лыжа свернется безъ привычки, то на пень, то на колоду наѣдешь подъ снѣгомъ. Сталъ ужъ я уставать. Снялъ я шубу, и потъ съ меня такъ и льетъ. А Демьянъ—какъ на лодкѣ плыветъ. Точно сами подъ нимъ лыжи ходятъ. Не зацѣпитъ нигдѣ, не свернется. И мою шубу еще себѣ за плечи перекинулъ, и все меня понукиваетъ.

Дали мы кругъ версты въ три, обошли болото. Я уже отставать сталъ,—лыжи сворачиваются, ноги путаются. Остановился вдругъ впе́реди меня Демьянъ и машетъ рукой. Я подошелъ,—Демьянъ пригнулся, шепчетъ и показываетъ: «Видишь, сорока надъ ломомъ щекочетъ; птица издалече его духъ слышитъ. Это онъ».

Взяли мы прочь, прошли еще съ версту и нашли опять на старый слѣдъ. Такъ что мы кругомъ обошли медвѣдя, и онъ въ серединѣ нашего обхода остался. Остановились мы. Я и шапку снялъ и разстегнулся весь: жарко мнѣ какъ въ банѣ, и весь какъ мышь мокрый. И Демьянъ раскраснѣлся, рукавомъ утирается. «Ну», говоритъ, «баринъ, дѣло сдѣлали, теперь отдохнуть надо».

А ужъ заря сквозь лѣсъ краснѣться стала. Сѣли мы на лыжи отдыхать. Достали хлѣбъ изъ мѣшка и соль; поѣлъ я сначала снѣгу, а потомъ хлѣба. И такой мнѣ хлѣбъ вкусный показался, что я въ жизнь такого не ѣлъ. Посидѣли мы; ужъ и смеркаться стало. Я спросилъ Демьяна, далеко ли до деревни. «Да верстъ 12 ть будетъ. Дойдемъ ночью; а теперь отдохнуть надо. Надѣвай-ка шубу, баринъ, а то остудишься».

Наломалъ Демьянъ вѣтвей еловыхъ, обилъ снѣгъ, настлалъ кровать, и легли мы съ нимъ рядышкомъ, руки подъ головы подложили. И самъ не помню я,

какъ заснулъ. Проснулся я часа черезъ два. Треснуло что-то.

Я такъ крѣко спалъ, что и забылъ, гдѣ я заснулъ. Оглянулся я — что за чудо? Гдѣ я? Палаты какія-то бѣлыя надъ мной, и столбы бѣлые, и на всемъ блестки блестятъ. Глянулъ вверхъ—разводы бѣлые, а промежъ разводовъ сводъ какой-то вороненый, и огни разноцвѣтные горятъ. Оглядѣлся я, вспомнилъ, что мы въ лѣсу, и что это деревья въ снѣгу и въ иней мнѣ за палаты показались, а огни—это звѣзды на небѣ промежъ сучьевъ дрожатъ.

Въ ночь иней выпалъ; и на сучьяхъ иней, и на шубѣ моей иней, и Демьянъ весь подъ инеемъ, и сыплется сверху иней. Разбудилъ я Демьяна. Стали мы на лыжи и пошли. Тихо въ лѣсу; только слышно, какъ мы лыжами по мягкому снѣгу посовываемъ, да кое-гдѣ треснетъ дерево отъ мороза, и по всему лѣсу голкъ раздастся. Одинъ разъ только—живое что-то зашумѣло близехонько отъ насъ и прочь побѣжало. Я такъ и думалъ, что медвѣдь. Подошли къ тому мѣсту, откуда зашумѣло,—увидали слѣды заячьи. И осинки обглоданы. Это зайцы кормились.

Вышли мы на дорогу, привязали лыжи за собой и пошли по дорогѣ. Идти легко стало. Лыжи сзади по накатанной дорогѣ раскатываются, громыхаютъ, снѣжокъ подъ сапогами поскрипываетъ, холодный иней на лицо какъ пушокъ липнетъ. А звѣзды вдоль по сучьямъ точно на встрѣчу бѣгутъ, засвѣтятся, потухнутъ,—точно все небо ходуномъ ходитъ.

Товарищъ спалъ,—я разбудилъ его. Мы разсказали, какъ обошли медвѣдя, и велѣли хозяину къ утру со-

брать загонщиковъ мужиковъ. Поужинали и легли спать.

Я бы съ усталости проспалъ до обѣда, да товарищъ разбудилъ меня. Вскочилъ я, смотрю: товарищъ ужъ одѣтъ, съ ружьемъ что-то возится.

— «А гдѣ Демьянъ?» — «Онъ ужъ давно въ лѣсу. Ужъ и обкладъ повѣрилъ, сюда прибѣгалъ, а теперь повелъ загонщиковъ заводить». Умылся я, одѣлся, зарядилъ свои ружья; сѣли въ сани, поѣхали.

Морозъ все держалъ крѣпкій, тихо было и солнца не видать было; туманъ стоялъ на верху и иней садился.

Проѣхали мы версты три по дорогѣ, подъѣхали къ лѣсу. Видимъ—въ низочкѣ дымокъ синѣетъ и народъ стоитъ,—мужики и бабы съ дубинами.

Слѣзли мы, подошли къ народу. Мужики сидятъ, кортошки жарятъ, смѣются съ бабами.

И Демьянъ съ ними. Поднялся народъ, повелъ ихъ Демьянъ разставлять кругомъ по нашему вчерашнему обходу. Вытянулись мужики и бабы ниткой, 30-ть человѣкъ—только по поясъ ихъ видно,—зашли въ лѣсъ; потомъ пошли мы съ товарищемъ по ихъ слѣду.

Дорожка хоть и натоптана, да тяжело идти; за то падать нѣкуда,—какъ промежду двухъ стѣнъ идешь.

Прошли мы такъ съ полверсты; смотримъ—ужъ Демьянъ съ другой стороны къ намъ бѣжитъ на лыжахъ, машетъ рукой, чтобъ къ нему шли.

Подошли мы къ нему, показалъ намъ мѣста. Сталъ я на свое мѣсто, оглядѣлся.

На лѣво отъ меня высокій ельникъ; сквозь него далеко видно, и за деревьями чернѣется мнѣ мужикъ

загонщикъ. Противъ меня частый, молодой ельникъ въ ростъ человѣка. И на ельникѣ сучья повисли и слились отъ снѣга. Въ серединѣ ельника дорожка засыпана снѣгомъ. Дорожка эта прямо на меня идетъ. На право отъ меня частый ельникъ, а на концѣ ельника полянка. И на этой полянкѣ, вижу я, что Демьянъ ставитъ товарища.

Осмотрѣлъ я свои два ружья, взвелъ курки и сталъ раздумывать, гдѣ бы мнѣ получше стать. Сзади меня къ трехъ шагахъ большая сосна. «Дай стану у сосны, и ружье другое къ ней прислоню». Полѣзъ я къ соснѣ, провалился выше колѣнъ, обтопталъ у сосны площадку аршина въ полтора и на ней устроился. Одно ружье взялъ въ руки, а другое съ взведенными курками прислонилъ къ соснѣ. Кинжалъ я вынулъ и вложилъ, чтобы знать, что въ случаѣ нужды онъ легко вынимается.

Только я устроился, слышу—кричитъ въ лѣсу Демьянъ: «Пошелъ! въ ходъ пошелъ! пошелъ!» И какъ закричалъ Демьянъ, на кругу закричали мужики разными голосами: «Пошелъ! Уууу!..» кричали мужики. «Ай! Иихъ!» кричали бабы тонкими голосами.

Медвѣдь былъ въ кругу. Демьянъ гналъ его. Кругомъ вездѣ кричалъ народъ, только я и товарищъ стояли молчали и не шевелились, ждали медвѣдя. Стою я, смотрю, слушаю, сердце у меня такъ и стучитъ. Держусь за ружье, подрагиваю. Вотъ-вотъ, думаю, выскочитъ, прицѣлюсь, выстрѣлю, упадетъ... Вдругъ на лѣво слышу я — въ снѣгу обваливается что-то; только далеко. Глянулъ я въ высокій ельникъ: шаговъ на 50, за деревьями, стоитъ что-то черное, большое. Приложился

я и жду. Думаю, не подбѣжитъ ли ближе. Смотрю—шевельнулъ онъ ушами, повернулся и назадъ. Съ боку мнѣ его всего видно стало. Здоровенный звѣрище! Нацѣлился я съ горяча. Хлопъ!—слышу: шлепнулась объ дерево моя пуля. Смотрю изъза дыма,—медвѣдь мой назадъ катитъ въ обкладъ и скрылся за лѣсомъ. Ну, думаю, пропало мое дѣло, теперь ужъ не набѣжитъ на меня; либо товарищу стрѣлять, либо черезъ мужиковъ пойдетъ, а уже не на меня. Стою я, зарядилъ опять ружье и слушаю. Кричатъ мужики со всѣхъ сторонъ, но съ правой стороны, недалеко отъ товарища, слышу—не путемъ кричитъ какая-то баба: «Вотъ онъ! Вотъ онъ! Вотъ онъ! Сюда! Сюда! Ой, ой! Ай, ай, ай!»

Видно—на глазахъ медвѣдь. Не жду уже я къ себѣ медвѣдя, и гляжу на право на товарища. Смотрю—Демьянъ съ палочкой безъ лыжъ по тропинкѣ бѣжитъ къ товарищу, присѣлъ подлѣ него и палкой указываетъ ему на что-то, какъ будто цѣлится. Вижу—товарищъ вскинулъ ружье, цѣлится туда, куда показываетъ Демьянъ. Хлопъ!—выпалилъ. «Ну», думаю, «убилъ». Только смотрю, не бѣжитъ товарищъ за медвѣдемъ. «Видно промахъ, или плохо попалъ,—уйдетъ», думаю, «теперь медвѣдь назадъ, а ко мнѣ уже не выскочитъ!» Что такое? Впереди себя слышу вдругъ—какъ вихорь летитъ кто-то, близехонько сыплется снѣгъ, и пыхтитъ. Поглядѣлъ я передъ собой: а онъ прямёхонько на меня по дорожкѣ между частымъ ельникомъ катитъ стремглавъ, и видно—со страху самъ себя не помнитъ. Шагахъ отъ меня въ пяти весь мнѣ виденъ,—грудь черная, и головища огромная съ рыжинкой. Летитъ прямёхонько на меня лбомъ и сыплетъ снѣгъ во всѣ

стороны. И вижу я по глазамъ медвѣдя, что онъ не видитъ меня, а съ испугу катитъ благимъ матомъ куда попало. Только ходъ ему прямо на сосну, гдѣ я стою. Вскинулъ я ружье, выстрѣлилъ,—а уже онъ еще ближе. Вижу—не попалъ, пулю пронесло; а онъ и не слышитъ, катитъ на меня и все не видитъ. Пригнулъ я ружье, чуть не уперъ въ него въ голову. Хлопъ!—вижу попалъ, а не убилъ.

Приподнялъ онъ голову, прижалъ уши, осклабился и прямо ко мнѣ. Хватился я за другое ружье; но только взялся рукою, ужъ онъ налетѣлъ на меня, сбилъ съ ногъ въ снѣгъ и перескочилъ черезъ. Ну, думаю, хорошо, что онъ бросилъ меня. Сталъ я подниматься, слышу—давитъ меня что-то, не пускаетъ. Онъ съ налету не удержался, перескочилъ черезъ меня, да повернулся передомъ назадъ и навалился на меня всей грудью. Слышу я—лежитъ на мнѣ тяжелое, слышу теплое надъ лицомъ, и слышу—забираетъ онъ въ пасть все лицо мое. Носъ мой ужъ у него во рту, и чую я—жарко и кровью отъ него пахнетъ. Надавилъ онъ меня лапами за плечи, и не могу я шевельнуться. Только подгибаю голову къ груди изъ пасти, носъ и глаза выворачиваю. А онъ норовитъ какъ разъ въ глаза и носъ зацѣпить. Слышу—зацѣпилъ онъ зубами верхней челюстью въ лобъ подъ волосами, а нижней челюстью въ маслакъ подъ глазами, стиснулъ зубы, началъ давить. Какъ ножами рѣжутъ мнѣ голову; бьюсь я, выдергиваюсь, а онъ торопится и какъ собака грызетъ—жамкнетъ-жамкнетъ. Я вывернусь,—онъ опять забираетъ. Ну, думаю,—конецъ мой пришелъ. Слышу

вдругъ полегчило на мнѣ Смотрю—нѣту его, соскочилъ онъ съ меня и убѣжалъ.

Когда товарищъ и Демьянъ увидали, что медвѣдь сбилъ меня въ снѣгъ и грызетъ, они бросились ко мнѣ. Товарищъ хотѣлъ поскорѣе поспѣть, да ошибся; вмѣсто того, чтобы бѣжать по протоптанной дорожкѣ, онъ побѣжалъ цѣликомъ и упалъ. Пока онъ выкарабкивался изъ снѣга, медвѣдь все грызъ меня. А Демьянъ какъ былъ безъ ружья, съ одной хворостиной, пустился по дорожкѣ, самъ кричитъ. «Барина заѣлъ! Барина заѣлъ!» Самъ бѣжитъ и кричитъ на медвѣдя: «Ахъ ты баломутный! Что́ дѣлаетъ! Брось! Брось!»

Послушался медвѣдь, бросилъ меня и побѣжалъ. Когда я поднялся, на снѣгу крови было, точно барана зарѣзали, и надъ глазами лохмотьями висѣло мясо; а сгоряча больно не было.

Прибѣжалъ товарищъ, собрался народъ, смотрятъ мою рану, снѣгомъ примачиваютъ. А я и забылъ про рану, спрашиваю: «гдѣ медвѣдь, куда ушелъ?» Вдругъ слышимъ: «вотъ онъ! вотъ онъ!» Видимъ—медвѣдь бѣжитъ опять къ намъ. Схватились мы за ружья, да не поспѣлъ никто выстрѣлить—ужъ онъ пробѣжалъ. Медвѣдь остервенѣлъ—хотѣлось ему еще погрызть, да увидалъ, что народу много, испугался. По слѣду мы увидали, что изъ медвѣжьей головы идетъ кровь; хотѣли идти догонять, но у меня разболѣлась голова, и поѣхали въ городъ, къ доктору.

Докторъ зашилъ мнѣ раны шелкомъ, и онѣ стали заживать.

Черезъ мѣсяцъ мы поѣхали опять на этого медвѣдя; но мнѣ не удалось добить его. Медвѣдь не выходилъ

изъ обклада, а все ходилъ кругомъ и ревѣлъ страшнымъ голосомъ. Демьянъ добилъ его. У медвѣдя этого моимъ выстрѣломъ была перебита нижняя челюсть и выбитъ зубъ.

Медвѣдь этотъ былъ очень великъ и на немъ прекрасная, черная шкура.

Я сдѣлалъ изъ нея чучелу, и она лежитъ у меня въ горницѣ. Раны у меня на лбу зажили, такъ что только чуть-чуть видно, гдѣ онѣ были.

IV.

КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ.

I.

Служилъ на Кавказѣ офицеромъ одинъ баринъ. Звали его Жилинъ.

Пришло ему разъ письмо изъ дома. Пишетъ ему старуха-мать: «Стара́ я ужь стала, и хочется передъ смертью повидать любимаго сынка. Пріѣзжай со мной проститься, похорони, а тамъ и съ Богомъ поѣзжай опять на службу. А я тебѣ и невѣсту пріискала: и умная, и хорошая, и имѣнье есть. Полюбится тебѣ—можетъ и женишься и совсѣмъ останешься».

Жилинъ и раздумался: «И въ самомъ дѣлѣ: плоха ужъ старуха стала; можетъ и не придется увидать. Поѣхать; а если невѣста хороша—и жениться можно».

Пошелъ онъ къ полковнику, выправилъ отпускъ, простился съ товарищами, поставилъ своимъ солдатамъ четыре ведра водки на прощанье и собрался ѣхать.

На Кавказѣ тогда война была. По дорогамъ ни днемъ, ни ночью не было проѣзда. Чуть кто изъ русскихъ отъѣдетъ или отойдетъ отъ крѣпости — татары или убьютъ, или уведутъ въ горы. И было заведено, что два раза въ недѣлю изъ крѣпости въ крѣпость ходили

провожатые солдаты. Спереди и сзади идутъ солдаты, а въ срединѣ ѣдетъ народъ.

Дѣло было лѣтомъ. Собрались на зорькѣ обозы за крѣпость, вышли провожатые солдаты и тронулись по дорогѣ. Жилинъ ѣхалъ верхомъ, и телѣга его съ вещами шла въ обозѣ.

Ѣхать было 25 верстъ. Обозъ шелъ тихо; то солдаты остановятся, то въ обозѣ колесо у кого соскочитъ, или лошадь станетъ, и всѣ стоятъ — дожидаются.

Солнце уже и за полдни перешло, а обозъ только половину дороги прошелъ. Пыль, жара, солнце такъ и печетъ, и укрыться негдѣ. Голая степь; ни деревца, ни кустика по дорогѣ.

Выѣхалъ Жилинъ впередъ, остановился и ждетъ, пока подойдетъ къ нему обозъ. Слышитъ, сзади на рожкѣ заиграли,—опять стоять. Жилинъ и подумалъ: «А не уѣхать ли одному, безъ солдатъ? Лошадь подо мной добрая, если и нападусь на татаръ—ускачу. Или не ѣздить?...»

Остановился, раздумываетъ. И подъѣзжаетъ къ нему на лошади другой офицеръ, Костылинъ, съ ружьемъ, и говоритъ:

— «Поѣдемъ, Жилинъ, одни. Мочи нѣтъ, ѣсть хочется, да и жара. На мнѣ рубаху хоть выжми». А Костылинъ—мужчина грузный, толстый, весь красный, а потъ съ него такъ и льетъ. Подумалъ Жилинъ и говоритъ:

— А ружье заряжено?

— Заряжено.

— Ну, такъ поѣдемъ. Только уговоръ—не разъѣзжаться.

И поѣхали они впередъ по дорогѣ. Ѣдутъ степью разговариваютъ, да поглядываютъ по сторонамъ. Кругомъ далеко видно.

Только кончилась степь, вошла дорога промежъ двухъ горъ въ ущелье. Жилинъ и говоритъ:

— Надо выѣхать на гору поглядѣть,—а то тутъ, пожалуй, выскочатъ изъ горы и не увидишь.

А Костылинъ говоритъ:

— «Что смотрѣть? Поѣдемъ впередъ». Жилинъ не послушалъ его.

— Нѣтъ, говоритъ, ты подожди внизу, а я только взгляну.

И пустилъ лошадь на лѣво, на гору. Лошадь подъ Жилинымъ была охотницкая (онъ за нее сто рублей заплатилъ въ табунѣ жеребенкомъ, и самъ выѣздилъ); какъ на крыльяхъ взнесла его на кручь. Только выскакалъ, глядь,—а передъ самымъ имъ, на десятину мѣста, стоятъ татары верхами. Человѣкъ тридцать. Онъ увидалъ, сталъ назадъ поворачивать; и татары его увидали, пустились къ нему, сами на скаку выхватываютъ ружья изъ чахловъ. Припустилъ Жилинъ подъ кручь во всѣ лошадиныя ноги, кричитъ Костылину:

— «Вынимай ружье!»—а самъ думаетъ на лошадь на свою: «матушка, вынеси; не зацѣпись ногой, спотыкнешься — пропалъ. Доберусь до ружья, я имъ не дамся».

А Костылинъ, замѣсто того, чтобы подождать, только увидалъ татаръ,—закатился что есть духу къ крѣпости. Плетью ожариваетъ лошадь то съ того бока, то съ другаго. Только въ пыли видно, какъ лошадь хвостомъ вертитъ.

Жилинъ видитъ—дѣло плохо. Ружье уѣхало, съ одной шашкой ничего не сдѣлаешь. Пустилъ онъ лошадь назадъ, къ солдатамъ—думалъ уйти. Видитъ, ему наперерѣзъ катятъ шестеро. Подъ нимъ лошадь добрая, а подъ тѣми еще добрѣе, да и наперерезъ скачутъ. Сталъ онъ окорачивать, хотѣлъ назадъ поворотить, да ужь разнеслась лошадь, не удержитъ, прямо на нихъ летитъ. Видитъ—близится къ нему съ красной бородой татаринъ на сѣромъ конѣ. Визжитъ, зубы оскалилъ, ружье на готовѣ.

— Ну, думаетъ Жилинъ, знаю васъ чертей, если живаго возьмутъ, посадятъ въ яму, будутъ плетью пороть. Не дамся же живой...

А Жилинъ хоть не великъ ростомъ, а удалъ былъ. Выхватилъ шашку, пустилъ лошадь прямо на краснаго татарина, думаетъ: «Либо лошадью сомну, либо срублю шашкой».

На лошадь мѣста не доскакалъ Жилинъ, выстрѣлили по немъ сзади изъ ружей и попали въ лошадь. Ударилась лошадь о земь со всего маху,—навалилась Жилину на ногу.

Хотѣлъ онъ подняться, а ужь на немъ два татарина вонючіе сидятъ, крутятъ ему назадъ руки. Рванулся онъ, скинулъ съ себя татаръ,—да еще соскакали съ коней трое на него, начали бить прикладами по головѣ. Помутилось у него въ глазахъ и зашатался. Схватили его татары, сняли съ сѣделъ подпруги запасныя, закрутили ему руки за спину, завязали татарскимъ узломъ, поволокли къ сѣдлу. Шапку съ него сбили, сапоги стащили, все обшарили, деньги, часы вынули, платье все изорвали. Оглянулся Жилинъ на свою ло-

шадь. Она, сердечная, какъ упала на бокъ, такъ и лежитъ, только бьется ногами,—до земли не достаетъ; въ головѣ дыра, и изъ дыры такъ и свищетъ кровь черная,—на аршинъ кругомъ пыль смочила.

Одинъ татаринъ подошелъ къ лошади, сталъ сѣдло снимать. Она все бьется,—онъ вынулъ кинжалъ, прорѣзалъ ей глотку. Засвистѣло изъ горла, трепенулась и паръ вонъ.

Сняли татары сѣдло, сбрую. Сѣлъ татаринъ съ красной бородой на лошадь, а другіе подсадили Жилина къ нему на сѣдло; а чтобы не упалъ, притянули его ремнемъ за поясъ къ татарину и повезли въ горы.

Сидитъ Жилинъ за татариномъ, покачивается, тычется лицомъ въ вонючую татарскую спину. Только и видитъ передъ собой здоровенную татарскую спину, да шею жилистую,—да бритый затылокъ изъ подъ шапки синѣется. Голова у Жилина разбита, кровь запеклась надъ глазами. И нельзя ему ни поправиться на лошади, ни кровь обтереть. Руки такъ закручены, что въ ключицѣ ломитъ.

Ѣхали они долго съ горы на гору, переѣхали въ бродъ рѣку, выѣхали на дорогу и поѣхали лощиной.

Хотѣлъ Жилинъ примѣчать дорогу, куда его везутъ,—да глаза замазаны кровью, а повернуться нельзя.

Стало смеркаться; переѣхали еще рѣчку, стали подниматься по каменной горѣ, запахло дымомъ, забрехали собаки. Пріѣхали въ аулъ [1]). Послѣзли съ лошадей татары, собрались ребята татарскіе, окружили Жилина, пищатъ, радуются, стали камнями пулять въ него.

---

[1]) Аулъ—татарская деревня.

Татаринъ отогналъ ребятъ, снялъ Жилина съ лошади и кликнулъ работника. Пришелъ ногаецъ, скуластый, въ одной рубахѣ. Рубаха оборванная, вся грудь голая. Приказалъ что-то ему татаринъ. Принесъ работникъ колодку: два чурбака дубовыхъ на желѣзныя кольца насажены, и въ одномъ кольцѣ пробойчикъ и замокъ.

Развязали Жилину руки, надѣли колодку и повели въ сарай; толкнули его туда и заперли дверь. Жилинъ упалъ на навозъ. Полежалъ, ощупалъ въ темнотѣ, гдѣ помягче, и легъ.

II.

Почти всю эту ночь не спалъ Жилинъ. Ночи короткія были. Видитъ—въ щелкѣ свѣтиться стало. Всталъ Жилинъ, раскопалъ щелку побольше, сталъ смотрѣть.

Видна ему изъ щелки дорога—подъ гору идетъ, на право сакля татарская, два дерева подлѣ ней. Собака черная лежитъ на порогѣ, коза съ козлятами ходитъ—хвостиками подергиваютъ. Видитъ—изъ подъ горы идетъ татарка молоденькая, въ рубахѣ цвѣтной, распояской, въ штанахъ и сапогахъ, голова кофтакомъ покрыта, а на головѣ большой кувшинъ жестяной съ водой. Идетъ, въ спинѣ подрагиваетъ, перегибается, а за руку татарченка ведетъ бритаго, въ одной рубашенкѣ. Прошла татарка въ саклю съ водой, вышелъ татаринъ вчерашній съ красной бородой, въ бешметѣ въ шелковомъ, на ремнѣ кинжалъ серебряный, въ башмакахъ на босу ногу. На головѣ шапка высокая, баранья, черная, назадъ заломлена. Вышелъ, потягивается,

бородку красную самъ поглаживаетъ. Постоялъ, велѣлъ что-то работнику и пошелъ куда-то.

Проѣхали потомъ на лошадяхъ двое ребятъ къ водопою. У лошадей крапъ мокрый. Выбѣжали еще мальчишки бритые, въ однѣхъ рубашкахъ безъ портокъ, собрались кучкой, подошли къ сараю, взяли хворостину и суютъ въ щелку. Жилинъ какъ ухнетъ на нихъ: завизжали ребята, закатились бѣжать прочь,—только колѣнки голыя блестятъ.

А Жилину пить хочется, въ горлѣ пересохло; думаетъ: хоть бы пришли провѣдать. Слышитъ — отпираютъ сарай. Пришелъ красный татаринъ, а съ нимъ другой, поменьше ростомъ, черноватенькій. Глаза черные, свѣтлые, румяный, бородка меленькая подстрижена; лицо веселое, все смѣется. Одѣтъ черноватый еще лучше: бешметъ шелковый синій, галунчикомъ обшитъ. Кинжалъ на поясѣ большой, серебряный; башмачки красные, сафьянные, тоже серебромъ обшиты. А на тонкихъ башмачкахъ другіе, толстые башмаки. Шапка высокая, бѣлаго барашка.

Красный татаринъ вошелъ, проговорилъ что-то точно ругается и сталъ; облокотился на притолку, кинжаломъ пошевеливаетъ, какъ волкъ изъ подлобья косится на Жилина. А черноватый,—быстрый, живой, такъ весь на пружинахъ и ходитъ,—подошелъ прямо къ Жилину, сѣлъ на карточки, оскаливается, потрепалъ его по плечу, что-то началъ часто-часто по своему лопотать, глазами подмигиваетъ, языкомъ прищелкиваетъ, все приговариваетъ: корошо урусъ! корошо урусъ!

Ничего не понялъ Жилинъ и говоритъ: «Пить, воды пить дайте».

Черный смѣется. «Корошъ урусъ»,—все по своему лопочетъ.

Жилинъ губами и руками показалъ, чтобъ пить ему дали.

Черный понялъ, засмѣялся, выглянулъ въ дверь, кликнулъ кого-то: «Дина!»

Прибѣжала дѣвочка—тоненькая, худенькая, лѣтъ тринадцати и лицомъ на чернаго похожа. Видно, что дочь. Тоже—глаза черные, свѣтлые и лицомъ красивая. Одѣта въ рубаху длинную, синюю, съ широкими рукавами и безъ пояса. На полахъ, на груди и на рукавахъ оторочено краснымъ. На ногахъ штаны и башмачки, а на башмачкахъ другіе съ высокими каблуками; на шеѣ монисто, все изъ русскихъ полтинниковъ. Голова непокрытая, коса черная и въ косѣ лента, а на лентѣ привѣшены бляхи и рубль серебряный.

Велѣлъ ей что-то отецъ. Убѣжала и опять пришла, принесла кувшинчикъ жестяной. Подала воду, сама сѣла на корточки, вся изогнулась такъ, что плечи ниже колѣнъ ушли. Сидитъ, глаза раскрыла, глядитъ на Жилина, какъ онъ пьетъ,—какъ на звѣря какого.

Подалъ ей Жилинъ назадъ кувшинъ. Какъ она прыгнетъ прочь, какъ коза дикая. Даже отецъ засмѣялся. Послалъ ее еще куда-то. Она взяла кувшинъ, побѣжала, принесла хлѣба преснаго на дощечкѣ круглой, и опять сѣла, изогнулась, глазъ не спускаетъ—смотритъ.

Ушли татары, заперли опять дверь.

Погодя немного приходитъ къ Жилину ногаецъ и говоритъ:

— «Ай-да, хозяинъ, ай-да!»

Тоже не знаетъ по русски. Только понялъ Жилинъ, что велитъ идти куда-то.

Пошелъ Жилинъ съ колодкой, хромаетъ, ступить нельзя, такъ и воротитъ ногу въ сторону. Вышелъ Жилинъ за ногайцемъ. Видитъ—деревня татарская, домовъ десять, и церковь ихняя, съ башенкой. У одного дома стоятъ три лошади въ сѣдлахъ. Мальчишки держатъ въ поводу. Выскочилъ изъ этого дома черноватый татаринъ, замахалъ рукой, чтобъ къ нему шелъ Жилинъ. Самъ смѣется, все говоритъ что-то по своему, и ушелъ въ дверь. Пришелъ Жилинъ въ домъ. Горница хорошая, стѣны глиной гладко вымазаны. Въ передней стѣнѣ пуховики пестрые уложены, по бокамъ висятъ ковры дорогіе; на коврахъ ружья, пистолеты, шашки—всѣ въ серебрѣ. Въ одной стѣнѣ печка маленькая вровень съ поломъ. Полъ земляной, чистый, какъ токъ, и весь передній уголъ устланъ войлоками; на войлокахъ ковры, а на коврахъ пуховыя подушки. И на коврахъ, въ однихъ башмакахъ сидятъ татары: черный, красный и трое гостей. За спинами у всѣхъ пуховыя подушки подложены, а передъ ними на круглой дощечкѣ блины просяные, и масло коровье распущено въ чашкѣ, и пиво татарское—буза, въ кувшинчикѣ. Ѣдятъ руками и руки всѣ въ маслѣ.

Вскочилъ черный, велѣлъ посадить Жилина къ сторонкѣ, не на коверъ, а на голый полъ; залѣзъ опять на ковёръ, угощаетъ гостей блинами и бузой. Посадилъ работникъ Жилина на мѣсто, самъ снялъ верхніе башмаки, поставилъ у двери рядкомъ, гдѣ и другіе башмаки стояли, и сѣлъ на войлокъ поближе къ хозяевамъ; смотритъ, какъ они ѣдятъ, слюни утираетъ.

Поѣли татары блины, пришла татарка въ рубахѣ такой же, какъ и дѣвка, и въ штанахъ; голова платкомъ покрыта. Унесла масло, блины, подала лоханку хорошую и кувшинъ съ узкимъ носкомъ. Стали мыть руки татары, потомъ сложили руки, сѣли на колѣнки, подули во всѣ стороны и молитвы прочли. Поговорили по своему. Потомъ одинъ изъ гостей татаръ повернулся къ Жилину, сталъ говорить по русски:

— «Тебя», говоритъ, «взялъ Кази-Мугамедъ»,—самъ показываетъ на краснаго татарина, «и отдалъ тебя Абдулъ-Мурату»,—показываетъ на черноватаго.—«Абдулъ-Муратъ теперь твой хозяинъ».—Жилинъ молчитъ. Заговорилъ Абдулъ-Муратъ, и все показываетъ на Жилина, и смѣется и приговаетъ: «солдатъ урусъ, корошо урусъ». Переводчикъ говоритъ: «онъ тебѣ велитъ домой письмо писать, чтобъ за тебя выкупъ прислали. Какъ пришлютъ деньги, онъ тебя пуститъ».

Жилинъ подумалъ и говоритъ: «а много ли онъ хочетъ выкупа?»

Поговорили татары; переводчикъ и говоритъ:

— Три тысячи монетъ.

— «Нѣтъ,» говоритъ Жилинъ, «я этого заплатить не могу». Вскочилъ Абдулъ, началъ руками махать, что-то говоритъ Жилину,—все думаетъ, что онъ пойметъ. Перевелъ переводчикъ, говоритъ: «Сколько же ты дашь?» Жилинъ подумалъ и говоритъ: 500 рублей. Тутъ татары заговорили часто, всѣ вдругъ. Началъ Абдулъ кричать на краснаго, залопоталъ такъ, что слюни изо рта брызжутъ.

А красный только жмурится, да языкомъ пощелкиваетъ.

Замолчали они, переводчикъ говоритъ:

— Хозяину выкупа мало 500 рублей. Онъ самъ за тебя 200 рублей заплатилъ. Ему Кази-Мугамедъ былъ долженъ. Онъ тебя за долгъ взялъ. Три тысячи рублей, меньше нельзя пустить. А не напишешь, въ яму посадятъ, наказывать будутъ плетью.

«Эхъ», думаетъ Жилинъ, «съ ними что робѣть, то хуже». Вскочилъ на ноги и говоритъ:

— А ты ему, собакѣ, скажи, что если онъ меня пугать хочетъ, такъ ни копѣйки-жъ не дамъ, да и писать не стану. Не боялся, да и не буду бояться васъ, собакъ!

Пересказалъ—переводчикъ, опять заговорили всѣ вдругъ.

Долго лопотали, вскочилъ черный, подошелъ къ Жилину

— «Урусъ», говоритъ, «джигитъ, джигитъ Урусъ!»

Джигитъ по ихнему значитъ «молодецъ» И самъ смѣется; сказалъ что-то переводчику, а переводчикъ говоритъ.

— Тысячу рублей дай.

Жилинъ сталъ на своемъ: — «Больше 500 рублей не дамъ. А убьете,—ничего не возьмете».

Поговорили татары, послали куда-то работника, а сами то на Жилина, то на дверь поглядываютъ. Пришелъ работникъ и идетъ за нимъ человѣкъ какой-то, толстый, босикомъ и ободранный; на ногѣ тоже колодка.

Такъ и ахнулъ Жилинъ —узналъ Костылина. И его поймали. Посадили ихъ рядомъ; стали они разсказывать другъ другу, а татары молчатъ, смотрятъ. Раз-

сказалъ Жилинъ, какъ съ нимъ дѣло было; Костылинъ разсказалъ, что лошадь подъ нимъ стала и ружье осѣклось, и что этотъ самый Абдулъ нагналъ его и взялъ.

Вскочилъ Абдулъ, показываетъ на Костылина, что-то говоритъ. Перевелъ переводчикъ, что они теперь-оба одного хозяина, и кто прежде деньги дастъ, того прежде отпустятъ.

— «Вотъ», говоритъ Жилину, «ты все серчаешь, а товарищъ твой смирный; онъ написалъ письмо домой, пять тысячъ монетъ пришлютъ. Вотъ его и кормить будутъ хорошо, и обижать не будутъ».

Жилинъ и говоритъ:

— Товарищъ какъ хочетъ; онъ, можетъ, богатъ, а я не богатъ. Я, говоритъ, какъ сказалъ, такъ и будетъ. Хотите—убивайте,—пользы вамъ не будетъ, а больше 500 рублей не напишу

Помолчали. Вдругъ какъ вскочитъ Абдулъ, досталъ сундучекъ, вынулъ перо, бумаги лоскутъ и чернила, сунулъ Жилину, хлоннулъ по плечу, показываетъ. «пиши» Согласился на 500 рублей.

— «Погоди еще», говоритъ Жилинъ переводчику, «скажи ты ему, чтобъ онъ насъ кормилъ хорошо, одѣлъ-обулъ какъ слѣдуетъ, чтобъ держалъ вмѣстѣ,—намъ веселѣй будетъ, и чтобы колодку снялъ». Самъ смотритъ на хозяина и смѣется. Смѣется и хозяинъ. Выслушалъ и говоритъ:

— «Одежу самую лучшую дамъ: и черкеску, и сапоги, хоть жениться. Кормить буду какъ князей. А коли хотятъ жить вмѣстѣ—пускай живутъ въ сараѣ. А колодку нельзя снять—уйдутъ. На ночь только сни-

мать буду». Подскочилъ, треплетъ по плечу.—«Твоя хорошъ, моя хорошъ!»

Написалъ Жилинъ письмо, а на письмѣ не такъ написалъ,—чтобы не дошло. Самъ думаетъ: «я уйду».

Отвели Жилина съ Костылинымъ въ сарай, принесли имъ туда соломы кукурузной, воды въ кувшинѣ, хлѣба, двѣ черкески старыя и сапоги истрепанные, солдатскіе. Видно—съ убитыхъ солдатъ стащили. На ночь сняли съ нихъ колодки и заперли въ сарай.

III.

Жилъ такъ Жилинъ съ товарищемъ мѣсяцъ цѣлый. Хозяинъ все смѣется.—«Твоя, Иванъ, хорошъ,—моя, Абдулъ, хорошъ.» А кормилъ плохо,—только и давалъ, что хлѣбъ прѣсный изъ просяной муки, лепешками печеный, а то и вовсе тѣсто непеченое.

Костылинъ еще разъ писалъ домой, все ждалъ присылки денегъ и скучалъ. По цѣлымъ днямъ сидитъ въ сараѣ и считаетъ дни, когда письмо придетъ, или спитъ. А Жилинъ зналъ, что его письмо не дойдетъ, а другаго не писалъ.

— «Гдѣ», думаетъ, «матери столько денегъ взять за меня заплатить. И то она тѣмъ больше жила, что́ я посылалъ ей. Если ей 500 рублей собрать, надо разориться въ концъ. Богъ дастъ—и самъ выберусь».

А самъ все высматриваетъ, выпытываетъ, какъ ему бѣжать.

Ходитъ по аулу, насвистываетъ, а то сидитъ, что-нибудь рукодѣльничаетъ, или изъ глины куколъ лѣ-

питъ, или плететъ плетенки изъ прутьевъ. А Жилинъ на всякое рукодѣлье мастеръ былъ.

Слѣпилъ онъ разъ куклу, съ носомъ, съ руками, съ ногами и въ татарской рубахѣ, и поставилъ куклу на крышу.

Пошли татарки за водой. Хозяйская дочь Динка увидала куклу, позвала татарокъ. Составили кувшины, смотрятъ, смѣются. Жилинъ снялъ куклу, подаетъ имъ. Онѣ смѣются, а не смѣютъ взять. Оставилъ онъ куклу, ушелъ въ сарай и смотритъ, что будетъ?

Подбѣжала Дина, оглянулась, схватила куклу и убѣжала.

На утро смотритъ, на зорькѣ Дина вышла на порогъ съ куклой. А куклу ужъ лоскутками красными убрала и качаетъ какъ ребенка, сама по своему прибаюкиваетъ. Вышла старуха, забранилась на нее, выхватила куклу, разбила ее, услала куда-то Дину на работу.

Сдѣлалъ Жилинъ другую куклу, еще лучше,—отдалъ Динѣ. Принесла разъ Дина кувшинчикъ, поставила, сѣла и смотритъ на него, сама смѣется, показываетъ на кувшинъ.

«Чего она радуется?» думаетъ Жилинъ. Взялъ кувшинъ, сталъ пить. Думалъ вода, а тамъ молоко. Выпилъ онъ молоко,—«хорошо», говоритъ. Какъ взрадуется Дина!

— «Хорошо, Иванъ, хорошо!»—и вскочила, забила въ ладоши, вырвала кувшинчикъ и убѣжала.

И съ тѣхъ поръ стала она ему каждый день крадучи молока носить. А то дѣлаютъ татары изъ козьяго молока лепешки сырныя, и сушатъ ихъ на кры-

шахъ,—такъ она эти лепешки ему тайкомъ принашивала. А то, разъ рѣзалъ хозяинъ барана,—такъ она ему кусокъ баранины принесла въ рукавѣ. Броситъ и убѣжитъ.

Была разъ гроза сильная, и дождь часъ цѣлый какъ изъ ведра лилъ. И помутились всѣ рѣчки. Гдѣ бродъ былъ, тамъ на три аршина вода пошла, камни ворочаетъ. Повсюду ручьи текутъ, гулъ стоитъ по горамъ. Вотъ, какъ прошла гроза, вездѣ по деревнѣ ручьи бѣгутъ. Жилинъ выпросилъ у хозяина ножикъ, вырѣзалъ валикъ, дощечки, колесо оперилъ, а къ колесу на двухъ концахъ куколъ придѣлалъ.

Принесли ему дѣвчонки лоскутковъ,—одѣлъ онъ куколъ: одна—мужикъ, другая—баба; утвердилъ ихъ, поставилъ колесо на ручей. Колесо вертится, а куколки прыгаютъ.

Собралась вся деревня: мальчишки, дѣвчонки, бабы; и татары пришли, языкомъ щелкаютъ:

— Ай, урусъ! ай, Иванъ!

Были у Абдула часы русскіе, сломанные. Позвалъ онъ Жилина, показываетъ, языкомъ щелкаетъ. Жилинъ говоритъ:

— Давай, починю.

Взялъ, разобралъ ножичкомъ, разложилъ; опять сладилъ, отдалъ. Идутъ часы.

Обрадовался хозяинъ, принесъ ему бешметъ свой старый, весь въ лохмотьяхъ, подарилъ. Нечего дѣлать, взялъ,—и то годится покрыться ночью.

Съ тѣхъ поръ прошла про Жилина слава, что онъ мастеръ. Стали къ нему изъ дальнихъ деревень пріѣзжать; кто замокъ на ружье или пистолетъ починить

принесетъ, кто часы. Привезъ ему хозяинъ снасть: и щипчики, и буравчики, и подпилочекъ.

Заболѣлъ разъ татаринъ, пришли къ Жилину: «поди, полѣчи». Жилинъ ничего не знаетъ, какъ лѣчить. Пошелъ, посмотрѣлъ, думаетъ: «авось поздоровѣетъ самъ». Ушелъ въ сарай, взялъ воды, песку, помѣшалъ. При татарахъ нашепталъ на воду, далъ выпить. Выздоровѣлъ на его счастье татаринъ. Сталъ Жилинъ немножко понимать по ихнему. И которые татары привыкли къ нему,—когда нужно, кличутъ: Иванъ, Иванъ; а которые все какъ на звѣря косятся.

Красный татаринъ не любилъ Жилина. Какъ увидитъ, нахмурится и прочь отвернется, либо обругаетъ. Былъ еще у нихъ старикъ. Жилъ онъ не въ аулѣ, а приходилъ изъ-подъ горы. Видалъ его Жилинъ только когда онъ въ мечеть проходилъ Богу молиться. Онъ былъ ростомъ маленькій, на шапкѣ у него бѣлое полотенце обмотано. Бородка и усы подстрижены,—бѣлые, какъ пухъ; а лицо сморщенное и красное, какъ кирпичъ. Носъ крючкомъ, какъ у ястреба, а глаза сѣрые, злые, и зубовъ нѣтъ,—только два клыка. Идетъ, бывало, въ чалмѣ своей, костылемъ подпирается, какъ волкъ озирается. Какъ увидитъ Жилина, такъ захрапитъ и отвернется.

Пошелъ разъ Жилинъ подъ гору—посмотрѣть, гдѣ живетъ старикъ. Сошелъ по дорожкѣ, видитъ—садикъ, ограда каменная; изъ-за ограды—черешни, шепталы и избушка съ плоской крышкой. Подошелъ онъ поближе, видитъ—ульи стоятъ плетеные изъ соломы, и пчелы летаютъ, гудятъ. И старикъ стоитъ на колѣночкахъ; что-то хлопочетъ у улья. Поднялся Жилинъ повыше

посмотрѣть и загремѣлъ колодкой. Старикъ оглянулся— какъ визгнетъ; выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ, въ Жилина выпалилъ. Чуть успѣлъ онъ за камень притулиться.

Пришелъ старикъ къ хозяину жаловаться. Позвалъ хозяинъ Жилина, самъ смѣется и спрашиваетъ:

— Зачѣмъ ты къ старику ходилъ?

— «Я», говоритъ, «ему худаго не сдѣлалъ. Я хотѣлъ посмотрѣть, какъ онъ живетъ». Передалъ хозяинъ.

А старикъ злится, шипитъ, что-то лопочетъ, клыки свои выставилъ, махаетъ руками на Жилина.

Жилинъ не понялъ всего,—но понялъ, что старикъ велитъ хозяину убить русскихъ, а не держать ихъ въ аулѣ. Ушелъ старикъ.

Сталъ Жилинъ спрашивать хозяина: что это за старикъ? Хозяинъ и говоритъ:

— «Это большой человѣкъ! Онъ первый джигитъ былъ, онъ много русскихъ побилъ, богатый былъ. У него было три жены и 8 сыновъ. Всѣ жили въ одной деревнѣ. Пришли русскіе, разорили деревню и семь сыновей убили. Одинъ сынъ остался и передался русскимъ. Старикъ поѣхалъ и самъ передался русскимъ. Пожилъ у нихъ три мѣсяца, нашелъ тамъ своего сына, самъ убилъ его и бѣжалъ. Съ тѣхъ поръ онъ бросилъ воевать, пошелъ въ Мекку—Богу молиться Отъ этого у него чалма. Кто въ Меккѣ былъ, тотъ называется Хаджи и чалму надѣваетъ. Не любитъ онъ вашего брата. Онъ велитъ тебя убить; да мнѣ нельзя убить,—я за тебя деньги заплатилъ; да я, тебя, Иванъ, полюбилъ; я тебя не то, что убить,—я бы тебя и выпускать не сталъ, кабы слова не далъ». Смѣется, самъ

приговариваетъ по-русски: «твоя, Иванъ, хорошъ,— моя, Абдулъ, хорошъ!»

IV.

Прожилъ такъ Жилинъ мѣсяцъ. Днемъ ходитъ по аулу или рукодѣльничаетъ, а какъ ночь придетъ, затихнетъ въ аулѣ,—такъ онъ у себя въ сараѣ копаетъ. Трудно было копать отъ камней, да онъ подпилкомъ камни теръ, и прокопалъ онъ подъ стѣной дыру, что въ пору пролѣзть. «Только бы», думаетъ, мнѣ «мѣсто хорошенько узнать, въ какую сторону идти. Да не сказываютъ никто татары».

Вотъ онъ выбралъ время, какъ хозяинъ уѣхалъ; пошелъ послѣ обѣда за аулъ, на гору,—хотѣлъ оттуда мѣсто посмотрѣть. А когда хозяинъ уѣзжалъ, онъ приказалъ малому за Жилинымъ ходить, съ глазъ его не спускать. Бѣжитъ малый за Жилинымъ, кричитъ:

— Не ходи! Отецъ не велѣлъ. Сейчасъ народъ позову!

Сталъ его Жилинъ уговаривать.

— Я, говоритъ, далеко не уйду,—только на ту гору поднимусь; мнѣ траву нужно найти,—вашъ народъ лѣчить. Пойдемъ со мной; я съ колодкой не убѣгу. А тебѣ завтра лукъ сдѣлаю и стрѣлы.

Уговорилъ малаго, пошли. Смотрѣть на гору—не далеко, а съ колодкой трудно; шелъ-шелъ, насилу взобрался. Сѣлъ Жилинъ, сталъ мѣсто разглядывать. На полдни за сарай лощина, табунъ ходитъ, и аулъ другой въ низочкѣ видѣнъ. Отъ аула другая гора—еще круче; а за той горой еще гора. Промежъ горъ лѣсъ

синѣется, а тамъ еще горы—все выше и выше поднимаются. А выше всѣхъ,—бѣлыя, какъ сахаръ, горы стоятъ подъ снѣгомъ. И одна снѣговая гора выше другихъ шапкой стоитъ. На восходъ и на закатъ—все такія же горы; кое-гдѣ аулы дымятся въ ущельяхъ. Ну, думаетъ: это все ихняя сторона. Сталъ смотрѣть въ русскую сторону:—подъ ногами рѣчка, аулъ свой, садики кругомъ. На рѣчкѣ, какъ куклы маленькія видно,—бабы сидятъ, полоскаютъ. За ауломъ пониже гора, и черезъ нее еще двѣ горы, по нимъ лѣсъ; а промежь двухъ горъ синѣется ровное мѣсто, и на ровномъ мѣстѣ, далеко-далеко, точно дымъ стелется. Сталъ Жилинъ вспоминать, когда онъ въ крѣпости дома жилъ, гдѣ солнце всходило и гдѣ заходило. Видитъ—тамъ точно, въ этой долинѣ должна быть наша крѣпость. Туда, промежъ этихъ двухъ горъ, и бѣжать надо.

Стало солнышко закатываться. Стали снѣговыя горы изъ бѣлыхъ—алыя; въ черныхъ горахъ потемнѣло; изъ лощинъ паръ поднялся, и самая та долина, гдѣ крѣпость наша должна быть,—какъ въ огнѣ загорѣлась отъ заката. Сталъ Жилинъ вглядываться,—маячитъ что-то въ долинѣ, точно дымъ изъ трубъ. И такъ и думается ему, что это самое—крѣпость русская.

Ужь поздно стало. Слышно—мулла прокричалъ. Стадо гонятъ—коровы ревутъ. Малый все зоветъ: «пойдемъ», а Жилину и уходить не хочется.

Вернулись они домой. «Ну, думаетъ Жилинъ, теперь мѣсто знаю, надо бѣжать». Хотѣлъ онъ бѣжать въ ту же ночь. Ночи были темныя,—ущербъ мѣсяца. На бѣду—къ вечеру вернулись татары. Бывало, пріѣзжаютъ они—гонятъ съ собой скотину, и пріѣзжаютъ

веселые. А на этотъ разъ ничего не пригнали, и привезли на сѣдлѣ своего убитаго татарина, брата рыжаго. Пріѣхали сердитые, собрались всѣ хоронить. Вышелъ и Жилинъ посмотрѣть. Завернули мертваго въ полотно, безъ гроба, вынесли подъ чинары за деревню, положили на траву. Пришелъ мулла, собрались старики, полотенцами повязали шапки, разулись, сѣли рядкомъ на пятки передъ мертвымъ.

Спереди мулла, сзади три старика въ чалмахъ рядкомъ, а сзади ихъ еще татары. Сѣли, потупились и молчатъ. Долго молчали. Поднялъ голову мулла и говоритъ:

— Алла! (значитъ Богъ). Сказалъ это одно слово,— и опять потупились и долго молчали; сидятъ, не шевелятся. Опять поднялъ голову мулла:

— «Алла!» и всѣ проговорили: «Алла!»—и опять замолчали. Мертвый лежитъ на травѣ, не шелохнется, и они сидятъ какъ мертвые. Не шевельнется ни одинъ. Только слышно, на чинарѣ листочки отъ вѣтерка поворачиваются. Потомъ прочелъ мулла молитву, всѣ встали, подняли мертваго на руки, понесли. Принесли къ ямѣ. Яма вырыта не простая, а подкопана подъ землю, какъ подвалъ: Взяли мертваго подъ мышки да подъ лытки, перегнули, спустили полегонечку, подсунули сидьмя подъ землю, заправили ему руки на животъ.

Притащилъ ногаецъ камышу зеленаго, заклали камышомъ яму, живо засыпали землей, сравняли, а въ головы къ мертвецу камень стоймя поставили. Утоптали землю, сѣли опять рядкомъ передъ могилкой. Долго молчали.

— «Алла! Алла! Алла!»—Вздохнули и встали.

Роздалъ рыжій денегъ старикамъ, потомъ всталъ, взялъ плеть, ударилъ себя три раза по лбу и пошелъ домой.

На утро видитъ Жилинъ—ведетъ красный кобылу за деревню, и за нимъ трое татаръ идутъ. Вышли за деревню, снялъ рыжій бешметъ, засучилъ рукава,—ручищи здоровыя,—вынулъ кинжалъ, поточилъ на брускѣ. Задрали татары кобылѣ голову кверху, подошелъ рыжій, перерѣзалъ глотку, повалилъ кобылу и началъ свѣжевать,—кулачищими шкуру подпарываетъ. Пришли бабы, дѣвки, стали мыть кишки и нутро. Разрубили потомъ кабылу, стащили въ избу. И вся деревня собралась къ рыжему поминать покойника.

Три дня ѣли кобылу, бузу пили, покойника поминали. Всѣ татары дома были. На четвертый день, видитъ Жилинъ, въ обѣдъ куда-то собираются. Привели лошадей, убрались, и поѣхали человѣкъ 10-ть, и красный поѣхалъ; только Абдулъ дома остался. Мѣсяцъ только народился, ночи еще темныя были.

— «Ну», думаетъ Жилинъ, «нынче бѣжать надо», и говоритъ Костылину. А Костылинъ заробѣлъ.

— Да какже бѣжать?—мы и дороги не знаемъ.

— Я знаю дорогу.

— Да и не дойдемъ въ ночь.

— А не дойдемъ—въ лѣсу переночуемъ. Я вотъ лепешекъ набралъ. Чтожъ ты будешь сидѣть? Хорошо пришлютъ денегъ, а то вѣдь и не соберутъ. А татары теперь злые, за то, что ихняго русскіе убили. Поговариваютъ—насъ убить хотятъ

Подумалъ-подумалъ Костылинъ.

— Ну, пойдемъ!

V

Полѣзъ Жилинъ въ дыру, раскопалъ пошире, чтобъ и Костылину пролѣзть; и сидятъ они,—ждутъ, чтобы затихло въ аулѣ.

Только затихъ народъ въ аулѣ, Жилинъ полѣзъ подъ стѣну, выбрался. Шепчетъ Костылину: «полѣзай». Полѣзъ и Костылинъ, да зацѣпилъ камень ногой, загремѣлъ. А у хозяина сторожка была—пестрая собака. И злая-презлая; звали ее Уляшинъ. Жилинъ уже напередъ прикормилъ ее. Услыхалъ Уляшинъ,—забрехалъ и кинулся, а за нимъ другія собаки. Жилинъ чуть свиснулъ, кинулъ лепешки кусокъ,—Уляшинъ узналъ, замахалъ хвостомъ и пересталъ брехать.

Хозяинъ услыхалъ, загайкалъ изъ сакли: «гайть! гайть, Уляшинъ!»

А Жилинъ за ушами почесываетъ Уляшина. Молчитъ собака, трется ему объ ноги, хвостомъ махаетъ.

Посидѣли они за угломъ. Затихло все, только слышно—овца перхаетъ въ закутѣ, да низомъ вода по камушкамъ шумитъ. Темно, звѣзды высоко стоятъ на небѣ; надъ горой молодой мѣсяцъ закраснѣлся, кверху рожками заходитъ. Въ лощинахъ туманъ какъ молоко бѣлѣется.

Поднялся Жилинъ, говоритъ товарищу: ну, братъ, айда!

Тронулись; только отошли, слышатъ,—запѣлъ мулла на крышѣ: «Алла! Бесмилла! Ильрахманъ!» Значитъ—пойдетъ народъ въ мечеть. Сѣли опять, притаившись подъ стѣнкой. Долго сидѣли, дожидались, пока народъ пройдетъ. Опять затихло.

— «Ну, съ Богомъ!» Перекрестились, пошли. Прошли черезъ дворъ подъ кручь къ рѣчкѣ, перешли рѣчку, пошли лощиной. Туманъ густой, да низомъ стоитъ, а надъ головой звѣзды виднешеньки. Жилинъ по звѣздамъ примѣчаетъ, въ какую сторону идти. Въ туманѣ свѣжо, идти легко, только сапоги неловки,—стоптались. Жилинъ снялъ свои, бросилъ, пошелъ босикомъ. Попрыгиваетъ съ камушка на камушекъ, да на звѣзды поглядываетъ. Сталъ Костылинъ отставать.

— Тише, говоритъ, иди; сапоги проклятые—всѣ ноги стерли.

— Да ты сними, легче будетъ.

Пошелъ Костылинъ босикомъ,—еще того хуже: изрѣзалъ всѣ ноги по камнямъ, и все отстаетъ. Жилинъ ему говоритъ:

— Ноги обдерешь—заживутъ, а догонятъ—убьютъ, хуже.

Костылинъ ничего не говоритъ, идетъ-покряхтываетъ. Шли они низомъ долго. Слышатъ—вправо собаки забрехали. Жилинъ остановился, осмотрѣлся, полѣзъ на гору, руками ощупалъ.

— Эхъ, говоритъ, ошиблись мы,—вправо забрали. Тутъ аулъ чужой—я его съ горы видѣлъ; назадъ надо, да влѣво, въ гору. Тутъ лѣсъ долженъ быть.

А Костылинъ говоритъ:

— Подожди хоть немножко, дай вздохнуть,—у меня ноги въ крови всѣ.

— Э, братъ, заживутъ; ты легче прыгай. Вотъ какъ!

И побѣжалъ Жилинъ назадъ, и влѣво въ гору, въ лѣсъ. Костылинъ все отстаетъ и охаетъ. Жилинъ шикнетъ-шикнетъ на него; а самъ все идетъ.

Поднялись на гору. Такъ и есть—лѣсъ. Вошли въ лѣсъ,—по колючкамъ изодрали все платье послѣднее. Напали на дорожку въ лѣсу. Идутъ.

— «Стой!» Затопало копытами по дорогѣ. Остановились, слушаютъ. Потопало какъ лошадь и остановилось. Тронулись они—опять затопало. Они остановятся—и оно остановится. Подползъ Жилинъ, смотритъ на свѣтъ по дорогѣ,—стоитъ что-то. Лошадь не лошадь, и на лошади что-то чудное, на человѣка не похоже. Фыркнуло—слышитъ. «Что за чудо!» Свиснулъ Жилинъ потихоньку,—какъ шаркнетъ съ дороги въ лѣсъ и затрещало по лѣсу,—точно буря летитъ, сучья ломаетъ

Костылинъ такъ и упалъ со страху. А Жилинъ смѣется, говоритъ:

— Это олень. Слышишь—какъ рогами лѣсъ ломитъ? Мы его боимся, а онъ насъ боится.

Пошли дальше. Ужъ высожары спускаться стали, до утра не далеко. А туда ли идутъ, нѣтъ ли,—не знаютъ. Думается такъ Жилину, что по этой самой дорогѣ его везли, и что до своихъ верстъ десять еще будетъ,—а примѣты вѣрной нѣтъ, да и ночью не разберешь. Вышли на полянку. Костылинъ сѣлъ и говоритъ:

— Какъ хочешь, а я не дойду,—у меня ноги не идутъ.

Сталъ его Жилинъ уговаривать.

— Нѣтъ, говоритъ,—не дойду, не могу.

Разсердился Жилинъ, плюнулъ, обругалъ его.

— Такъ я же одинъ уйду,—прощай!

Костылинъ вскочилъ, пошелъ. Прошли они версты

четыре. Туманъ въ лѣсу еще гуще сѣлъ, ничего не видать передъ собой, и звѣзды ужъ чуть видны.

Вдругъ слышатъ—впереди топаетъ лошадь. Слышно—подковами за камни цѣпляется. Легъ Жилинъ на брюхо, сталъ по землѣ слушать.

— Такъ и есть,—сюда, къ намъ, конный ѣдетъ!

Сбѣжали они съ дороги, сѣли въ кусты и ждутъ. Жилинъ подползъ къ дорогѣ, смотритъ—верховой татаринъ ѣдетъ, корову гонитъ, самъ себѣ подъ носъ мурлычетъ что-то. Проѣхалъ татаринъ. Жилинъ вернулся къ Костылину.

— Ну, пронесъ Богъ,—вставай, пойдемъ.

Сталъ Костылинъ вставать и упалъ.

— Не могу, — ей Богу, не могу; силъ моихъ нѣтъ.

Мужчина грузный, пухлый, запотѣлъ; да какъ обхватило его въ лѣсу туманомъ холоднымъ, да ноги ободраны,—онъ и разсолодѣлъ. Сталъ его Жилинъ силой поднимать. Какъ закричитъ Костылинъ:

— Ой, больно!

Жилинъ такъ и обмеръ.

—«Что кричишь? Вѣдь татаринъ близко,—услышитъ». А самъ думаетъ: «Онъ и вправду разслабъ; что мнѣ съ нимъ дѣлать? Бросить товарища не годится».

— Ну, говоритъ, вставай, садись на закорки,—снесу, коли ужъ идти не можешь.

Подсадилъ на себя Костылина, подхватилъ руками подъ ляжки, вышелъ на дорогу, поволокъ.

— Только, говоритъ, не дави ты меня руками за глотку, ради Христа. За плечи держись.

Тяжело Жилину,—ноги тоже въ крови и уморился.

Нагнется, подправитъ, подкинетъ, чтобъ повыше сидѣлъ на немъ Костылинъ, тащитъ его по дорогѣ.

Видно услыхалъ татаринъ, какъ Костылинъ закричалъ. Слышитъ Жилинъ—ѣдетъ кто-то сзади, кличетъ по своему. Бросился Жилинъ въ кусты. Татаринъ выхватилъ ружье, выпалилъ,—не попалъ, завизжалъ по своему и поскакалъ прочь по дорогѣ

— «Ну», говоритъ Жилинъ, «пропали, братъ! Онъ, собака, сейчасъ соберетъ татаръ за нами въ погоню. Коли не уйдемъ версты три — пропали». — А самъ думаетъ на Костылина: «И чортъ меня дернулъ колоду эту съ собой брать. Одинъ я бы давно ушелъ».

Костылинъ говоритъ:—Иди одинъ, за что тебѣ изъ за меня пропадать.

— Нѣтъ, не пойду, не годится товарища бросать.

Подхватилъ опять на плечи, поперъ. Прошелъ онъ такъ съ версту. Все лѣсъ идетъ и не видать выхода. А туманъ ужь расходиться сталъ, и какъ будто тучки заходить стали, не видать ужъ звѣздъ. Измучился Жилинъ.

Пришелъ у дороги родничекъ, камнемъ обдѣланъ. Остановился, ссадилъ Костылина.

— Дай, говоритъ, отдохну, напьюсь. Лепешекъ поѣдимъ. Должно быть недалеко.

Только прилегъ онъ пить, слышитъ — затопало сзади. Опять кинулись вправо, въ кусты, подъ кручь, и легли.

Слышатъ голоса татарскіе; остановились татары на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они съ дороги свернули. Поговорили, потомъ зауськали, какъ собакъ притравливаютъ. Слышатъ—трещитъ что-то по кустамъ, прямо

къ нимъ собака чужая чья-то. Остановилась, забрехала.

Лѣзутъ и татары—тоже чужіе; схватили ихъ, посвязали, посадили на лошадей, повезли.

Проѣхали версты три,—встрѣчаетъ ихъ Абдулъ хозяинъ съ двумя татарами. Поговорилъ что-то съ татарами, пересадили на своихъ лошадей, повезли назадъ въ аулъ.

Абдулъ ужь не смѣется и ни слова не говоритъ съ ними.

Привезли на разсвѣтѣ въ аулъ, посадили на улицѣ. Сбѣжались ребята. Камнями, плетками бьютъ ихъ, визжатъ.

Собрались татары въ кружокъ, и старикъ изъ подъ горы пришелъ. Стали говорить. Слышитъ Жилинъ, что судятъ про нихъ, что́ съ ними дѣлать. Одни говорятъ—надо ихъ дальше въ горы услать, а старикъ говоритъ: «надо убить». Абдулъ споритъ, говоритъ: «я за нихъ деньги отдалъ; я за нихъ выкупъ возьму». А старикъ говоритъ: «Ничего они не заплатятъ, только бѣды надѣлаютъ. И грѣхъ русскихъ кормить. Убить,—и кончено».

Разошлись. Подошелъ хозяинъ къ Жилину, сталъ ему говорить:

— Если, говоритъ, мнѣ не пришлютъ за васъ выкупъ, я черезъ двѣ недѣли васъ запорю. А если затѣешь опять бѣжать,—я тебя какъ собаку убью. Пиши письмо, хорошенько пиши!

Принесли имъ бумаги, написали они письма. Набили на нихъ колодки, отвели за мечеть. Тамъ яма была аршинъ пяти,—и спустили ихъ въ эту яму.

VI.

Житье имъ стало совсѣмъ дурное. Колодки не снимали и не выпускали на вольный свѣтъ. Кидали имъ туда тѣсто непеченое, какъ собакамъ, да въ кувшинѣ воду спускали. Вонь въ ямѣ, духота, мокрота Костылинъ совсѣмъ разболѣлся, распухъ, и ломота во всемъ тѣлѣ стала; и все стонетъ или спитъ. И Жилинъ пріунылъ, видитъ—дѣло плохо. И не знаетъ, какъ выдраться.

Началъ онъ было подкапываться, да землю некуда кидать; увидалъ хозяинъ, пригрозилъ убить.

Сидитъ онъ разъ въ ямѣ на корточкахъ, думаетъ объ вольномъ житьѣ, и скучно ему. Вдругъ прямо ему на колѣнки лепешка упала, другая, и черешни посыпались. Поглядѣлъ кверху,—а тамъ Дина. Поглядѣла на него, посмѣялась и убѣжала. Жилинъ и думаетъ: «Не поможетъ ли Дина?»

Расчистилъ онъ въ ямѣ мѣстечко, наковырялъ глины, сталъ лѣпить куколъ. Надѣлалъ людей, лошадей, собакъ; думаетъ: «какъ придетъ Дина, брошу ей».

Только—на другой день нѣтъ Дины. А слышитъ Жилинъ—затопали лошади, проѣхали какіе-то, и собрались татары у мечети, спорятъ, кричатъ и поминаютъ про русскихъ. И слышитъ голосъ старика. Хорошенько не разобралъ онъ, а догадывается, что русскіе близко подошли,—и боятся татары, какъ бы въ аулъ не зашли, и не знаютъ, что съ плѣнными дѣлать.

Поговорили и ушли. Вдругъ слышитъ—зашуршало что-то на верху. Видитъ: Дина присѣла на корточки, колѣнки выше головы торчатъ, свѣсилась, монисты

висятъ, болтаются надъ ямой. Глазенки такъ и блестятъ какъ звѣздочки. Вынула изъ рукава двѣ сырныя лепешки, бросила ему. Жилинъ взялъ и говоритъ:—«Что давно не бывала? А я тебѣ игрушекъ надѣлалъ. На, вотъ!» Сталъ ей швырять по одной. А она головой мотаетъ, не смотритъ. «Не надо», говоритъ. Помолчала, посидѣла и говоритъ: «Иванъ! тебя убить хотятъ». Сама себѣ рукой на шею показываетъ.

— Кто убить хочетъ?

— Отецъ,—ему старики велятъ. А мнѣ тебя жалко.

Жилинъ и говоритъ:

— А коли тебѣ меня жалко, такъ ты мнѣ палку длинную принеси.

Она головой мотаетъ,—что «нельзя». Онъ сложилъ руки, молится ей:

— Дина, пожалуйста! Динушка, принеси!

—«Нельзя», говоритъ, «увидятъ, всѣ дома», и ушла.

Вотъ сидитъ вечеромъ Жилинъ и думаетъ: «что будетъ?» Все поглядываетъ вверхъ. Звѣзды видны, а мѣсяцъ еще не всходилъ. Мулла прокричалъ, затихло все. Сталъ уже Жилинъ дремать, думаетъ: «побоится дѣвка».

Вдругъ на голову ему глина посыпалась; глянулъ кверху—шестъ длинный въ тотъ край ямы тыкается. Потыкался, спускаться сталъ, ползетъ въ яму. Обрадовался Жилинъ, схватилъ рукой, спустилъ;—шестъ здоровый. Онъ еще прежде этотъ шестъ на хозяйской крышѣ видѣлъ.

Поглядѣлъ вверхъ,—звѣзды высоко въ небѣ блестятъ, и надъ самой ямой, какъ у кошки, у Дины глаза въ

темнотѣ свѣтятся. Нагнулась она лицомъ на край ямы и шепчетъ: «Иванъ, Иванъ!» А сама руками у лица все машетъ,—что «тише молъ»

— Что? говоритъ Жилинъ

— Уѣхали всѣ, только двое дома.

Жилинъ и говоритъ:

— Ну, Костылинъ, пойдемъ, попытаемся послѣдній разъ; я тебя подсажу.

Костылинъ и слышать не хочетъ.

— Нѣтъ, говоритъ, ужъ мнѣ видно отсюда не выдти. Куда я пойду, когда и поворотиться силъ нѣтъ?

—«Ну, такъ прощай,—не поминай лихомъ». Поцѣловался съ Костылинымъ.

Ухватился за шестъ, велѣлъ Динѣ держать и полѣзъ. Раза два онъ обрывался,—колодка мѣшала. Поддержалъ его Костылинъ,—выбрался кое-какъ на верхъ. Дина его тянетъ рученками за рубаху изо всѣхъ силъ, сама смѣется.

Взялъ Жилинъ шестъ и говоритъ:

— Снеси на мѣсто, Дина, а то хватятся,—прибьютъ тебя.

Потащила она шестъ, а Жилинъ подъ гору пошелъ. Слѣзъ подъ кручь, взялъ камень вострый, сталъ замокъ съ колодки выворачивать. А замокъ крѣпкій,—никакъ не собьетъ, да и неловко. Слышитъ—бѣжитъ кто-то съ горы, легко попрыгиваетъ. Думаетъ: «вѣрно опять Дина». Прибѣжала Дина, взяла камень и говоритъ:

— Дай, я.

Сѣла на колѣночки, начала выворачивать. Да рученки тонкія какъ прутики,—ничего силы нѣтъ. Бро-

сила камень, заплакала. Принялся опять Жилинъ за замокъ, а Дина сѣла подлѣ него на корточкахъ, за плечо его держитъ. Оглянулся Жилинъ, видитъ — на лѣво за горои зарево красное загорѣлось, мѣсяцъ встаетъ. «Ну, думаетъ, до мѣсяца надо лощину пройти, до лѣсу добраться». Поднялся, бросилъ камень. Хоть въ колодкѣ—да надо идти.

— Прощай, говоритъ, Динушка. Вѣкъ тебя помнить буду.

Ухватилась за него Дина, шаритъ по немъ руками, ищетъ—куда бы лепешки ему засунуть. Взялъ онъ лепешки.

— «Спасибо», говоритъ, «умница. Кто тебѣ безъ меня куколъ дѣлать будетъ?» И погладилъ ее по головѣ.

Какъ заплачетъ Дина,—закрылась руками, побѣжала на гору, какъ козочка прыгаетъ. Только въ темнотѣ слышно—монисты въ косѣ по спинѣ побрякиваютъ.

Перекрестился Жилинъ, подхватилъ рукой замокъ на колодкѣ, чтобы не бренчалъ, пошелъ по дорогѣ,—ногу волочитъ, а самъ все на зарево поглядываетъ, гдѣ мѣсяцъ встаетъ. Дорогу онъ узналъ. Прямикомъ идти верстъ восемь. Только бы до лѣсу дойти прежде, чѣмъ мѣсяцъ совсѣмъ выйдетъ. Перешелъ онъ рѣчку,—побѣлѣлъ уже свѣтъ за горой. Пошелъ лощиной, идетъ, самъ поглядываетъ: не видать еще мѣсяца. Ужъ зарево посвѣтлѣло и съ одной стороны лощины все свѣтлѣе-свѣтлѣе становится. Ползетъ подъ гору тѣнь, все къ нему приближается.

Идетъ Жилинъ, все тѣни держится. Онъ спѣшитъ, а мѣсяцъ еще скорѣе выбирается; ужъ и на право засвѣтились макушки. Сталъ подходить къ лѣсу.

выбрался мѣсяцъ изъ-за горъ,—бѣло, свѣтло совсѣмъ, какъ днемъ. На деревахъ всѣ листочки видны. Тихо, свѣтло по горамъ; какъ вымерло все. Только слышно внизу рѣчка журчитъ.

Дошелъ до лѣсу,—никто не попался. Выбралъ Жилинъ мѣстечко въ лѣсу потемнѣе, сѣлъ отдыхать.

Отдохнулъ, лепешку съѣлъ. Нашелъ камень, принялся опять колодку сбивать. Всѣ руки избилъ, а не сбилъ. Поднялся, пошелъ по дорогѣ. Прошелъ съ версту, выбился изъ силъ,—ноги ломитъ. Ступитъ шаговъ десять и остановится. «Нечего дѣлать», думаетъ, «буду тащиться пока сила есть. А если сѣсть, такъ и не встану. До крѣпости мнѣ не дойти, а какъ разсвѣтетъ,—лягу въ лѣсу, переднюю, и ночью опять пойду».

Всю ночь шелъ. Только попались два татарина верхами,—да Жилинъ издалека ихъ услышалъ, схоронился за дерево.

Ужь сталъ мѣсяцъ блѣднѣть, роса пала, близко къ свѣту, а Жилинъ до края лѣса не дошелъ.—«Ну, думаетъ, еще тридцать шаговъ пройду, сверну въ лѣсъ и сяду». Прошелъ 30 шаговъ, видитъ—лѣсъ кончается. Вышелъ на край—совсѣмъ свѣтло; какъ на ладонкѣ передъ нимъ степь и крѣпость, и на лѣво, близехонько подъ горой,—огни горятъ, тухнутъ, дымъ стелется, и люди у костровъ.

Вглядѣлся—видитъ: ружья блестятъ, казаки, солдаты.

Обрадовался Жилинъ, собрался съ послѣдними силами, пошелъ подъ гору. А самъ думаетъ: «избави Богъ,—тутъ, въ чистомъ полѣ, увидитъ конный татаринъ; хоть близко, а не уйдешь».

Только подумалъ—глядь: на лѣво, на бугрѣ стоятъ трое татаръ, десятины на двѣ. Увидали его,—пустились къ нему. Такъ сердце у него и оборвалось. Замахалъ руками, закричалъ что было духу своимъ:

— Братцы! выручай! братцы!

Услыхали наши,—выскочили казаки верховые. Пустились къ нему—наперерѣзъ татарамъ.

Казакамъ далеко, а татарамъ близко. Да ужъ и Жилинъ собрался съ послѣдней силой, подхватилъ рукой колодку, бѣжитъ къ казакамъ, а самъ себя не помнитъ, крестится и кричитъ:

— Братцы! братцы! братцы!

Казаковъ человѣкъ 15-ть было.

Испугались татары,—не доѣзжаючи стали останавливаться. И подбѣжалъ Жилинъ къ казакамъ.

Окружили его казаки, спрашиваютъ: «кто онъ, что за человѣкъ, откуда?» А Жилинъ самъ себя не помнитъ, плачетъ и приговариваетъ:

— Братцы! братцы!

Выбѣжали солдаты, обступили Жилина; кто ему хлѣба, кто каши, кто водки; кто шинелью прикрываетъ, кто колодку разбиваетъ.

Узнали его офицеры, повезли въ крѣпость. Обрадовались солдаты, товарищи собрались къ Жилину.

Разсказалъ Жилинъ, какъ съ нимъ все дѣло было, и говоритъ:

— Вотъ и домой съѣздилъ, женился! Нѣтъ, ужъ видно не судьба моя.

И остался служить на Кавказѣ. А Костылина только еще черезъ мѣсяцъ выкупили за пять тысячь. Еле живаго привезли.

V.

ЛИСІЙ ХВОСТЪ.

Человѣкъ поймалъ лисицу и спросилъ ее: «кто научилъ лисицъ обманывать хвостомъ собакъ»? Лисица спросила: «Какъ обманывать? Мы не обманываемъ собакъ, а просто бѣжимъ отъ нихъ что есть силы». Человѣкъ сказалъ: «Нѣтъ, вы обманываете хвостомъ. Когда собаки догоняютъ васъ и хотятъ схватить,—вы поворачиваете хвостомъ въ одну сторону; собака круто поворачиваетъ за хвостомъ,—а вы тогда бѣжите въ противную сторону». Лисица засмѣялась и сказала: «мы дѣлаемъ это не для того, чтобы обманывать собакъ; а дѣлаемъ это только для того, чтобы поворачиваться: когда собака догоняетъ насъ, и мы видимъ, что не можемъ уйти прямо,—мы поворачиваемъ въ сторону; а для того, чтобы поворотиться вдругъ въ одну сторону, намъ нужно взмахнуть хвостомъ въ другую, — такъ какъ вы это дѣлаете руками, когда хотите на бѣгу поворотиться. Это не наша выдумка; это придумалъ самъ Богъ еще тогда, когда онъ сотворялъ насъ,— для того, чтобы собаки не могли переловить всѣхъ лисицъ».

ШЕЛКОВИЧНЫЙ ЧЕРВЬ.

У меня были старыя тутовыя деревья въ саду. Еще дѣдушка мой посадилъ ихъ. Мнѣ дали осенью золот-

никъ сѣмянъ шелковичныхъ червей и присовѣтовали выводить червей и дѣлать шелкъ. Сѣмяна эти—темносѣрыя, и такія маленькія, что въ моемъ золотникѣ я сосчиталъ ихъ 5835. Они меньше самой маленькой булавочной головки. Они совсѣмъ мертвыя; только когда раздавишь, такъ они щелкнутъ

Сѣмечки валялись у меня на столѣ, и я было забылъ про нихъ.

Но разъ весной я пошелъ въ садъ и замѣтилъ, что почка на тутовникѣ стала распускаться, и на припорѣ солнечномъ ужъ былъ листъ. Я вспомнилъ про сѣмена червей и дома сталъ перебирать ихъ и разсыпалъ попросторнѣе. Большая часть сѣмечекъ были уже не темносѣрыя, какъ прежде, а одни были свѣтлосѣрыя, а другія еще свѣтлѣе, съ молочнымъ отливомъ.

На другое утро я рано посмотрѣлъ яички и увидалъ, что изъ однихъ червячки уже вышли, а другія разбухли и налились. Они видно почувствовали въ своихъ скорлупкахъ, что кормъ ихъ поспѣлъ.

Червячки были черные, мохнатые и такіе маленькіе, что трудно ихъ было разсмотрѣть. Я поглядѣлъ въ увеличительное стекло на нихъ и увидалъ, что они въ яичкѣ лежатъ-свернутые колечкомъ, и какъ выходятъ, такъ выпрямляются. Я пошелъ въ садъ за тутовыми листьями, набралъ пригоршни три, положилъ къ себѣ на столъ и принялся готовить для червей мѣсто, такъ какъ меня учили.

Пока я готовилъ бумагу, червячки почуяли на столѣ свой кормъ и поползли къ нему. Я отодвинулъ и сталъ манить червей на листъ, и они, какъ собаки за кускомъ мяса, ползли за листомъ по сукну стола черезъ каран-

даши, ножницы и бумагу. Тогда я нарѣзалъ бумаги, протыкалъ ее ножичкомъ, на бумагу наложилъ листья, и совсѣмъ съ листомъ наложилъ бумагу на червяковъ. Червячки пролѣзли въ дырочки, всѣ взобрались на листъ и сейчасъ же принялись за ѣду.

На другихъ червей, когда они вывелись, я также наложилъ бумагу съ листомъ, и всѣ пролѣзли въ дырочки и принялись ѣсть. На каждомъ листѣ бумаги, всѣ червяки собирались вмѣстѣ и съ краевъ объѣдали листъ. Потомъ, когда съѣдали все, то ползали по бумагѣ и искали новаго корма. Тогда я накладывалъ на нихъ новые листы дырявой бумаги съ тутовымъ листомъ, и они перелѣзали на повый кормъ.

Они лежали у меня на полкѣ, и когда листа не было, они ползали по полкѣ, приползали къ самому краю, но никогда не спадали внизъ, даромъ что они слѣпые. Какъ только червякъ подойдетъ къ обрыву, онъ, прежде чѣмъ спускаться, изо рта выпуститъ паутинку и на ней приклеится къ краю, спустится, повиситъ, поосмотрится, и если хочетъ спуститься — спустится, а если хочетъ вернуться назадъ, то втянется назадъ по своей паутинкѣ.

Цѣлые сутки червяки только и дѣлали, что ѣли. И листу все имъ надо было подавать больше и больше. Когда имъ принесешь свѣжій листъ и они переберутся на него, то дѣлается шумъ, точно дождь по листьямъ: это они начинаютъ ѣсть свѣжій листъ.

Такъ старшіе черви жили пять дней. Уже они очень выросли и стали ѣсть въ 10 разъ больше противъ прежняго. На пятый день, я зналъ, что имъ надо засыпать, и все ждалъ, когда это будетъ. Къ вечеру на

5-й день точно—одинъ старшій червякъ прилипъ къ бумагѣ и пересталъ ѣсть и шевелиться.

На другія сутки я долго караулилъ его. Я зналъ, что черви нѣсколько разъ линяютъ, потому что выростаютъ и имъ тѣсно въ прежней шкурѣ, и они надѣваютъ новую.

Мы караулили по перемѣнкамъ съ моимъ товарищемъ. Ввечеру товарищъ закричалъ: «раздѣваться началъ, идите!» Я пришелъ и увидалъ, что точно,—этотъ червякъ прицѣпился старой шкурой къ бумагѣ, прорвалъ около рта дыру, высунулъ голову, и тужится, извивается—какъ бы выбраться, но старая рубашка не пускаетъ его. Долго я смотрѣлъ на него, какъ онъ бился и не могъ выбраться, и захотѣлъ помочь ему. Я ковырнулъ чуть чуть ногтемъ, но тотчасъ же увидалъ, что сдѣлалъ глупость. Подъ ногтемъ было что-то жидкое, и червякъ замеръ. Я думалъ, что это кровь, но потомъ я узналъ, что у червяка подъ кожей есть жидкій сокъ—для того, чтобы по смазкѣ легче сходила его рубашка. Ногтемъ я вѣрно разстроилъ новую рубашку, потому что червякъ хотя и вылѣзъ, но скоро умеръ.

Другихъ уже я не трогалъ, а они всѣ также выбирались изъ своихъ рубашекъ; только нѣкоторые пропадали, а всѣ почти, хотя и долго мучались, но выползали-таки изъ старой рубашки.

Перелинявши, червяки сильнѣе стали ѣсть, и листу пошло еще больше. Черезъ 4 дня они опять заснули и опять стали вылѣзать изъ шкуръ. Листу пошло еще больше, и они уже были ростомъ въ осьмушку вершка. Потомъ черезъ шесть дней—опять заснули и вышли опять въ новыхъ шкурахъ изъ старыхъ, и стали уже

очень велики и толсты, и мы едва поспѣвали готовить имъ листъ.

На 9-й день старшіе червяки совсѣмъ перестали ѣсть и поползли вверхъ по полкамъ и по столбамъ. Я собралъ ихъ и положилъ имъ свѣжаго листа, но они отворачивали головы отъ листа и ползли вочь. Я вспомнилъ тогда, что червяки, когда готовятся завиваться въ куклы, то перестаютъ совсѣмъ ѣсть и ползутъ вверхъ.

Я оставилъ ихъ и сталъ смотрѣть, что́ они будутъ дѣлать.

Старшіе влѣзли на потолокъ, разошлись врозь, поползали и стали протягивать по одной паутинкѣ въ разныя стороны. Я смотрѣлъ за однимъ. Онъ забрался въ уголъ, протянулъ нитокъ шесть на вершокъ отъ себя во всѣ стороны повисъ на нихъ, перегнулся подковой вдвое, и сталъ кружить головой и выпускать шелковую паутину, такъ что паутина обматывалась вокругъ него. Къ вечеру онъ уже былъ какъ въ туманѣ въ своей паутинѣ. Чуть видно его было; а на другое утро ужъ его и совсѣмъ не видно было за паутиной; онъ весь обмотался шелкомъ, и все еще моталъ.

Черезъ три дня онъ кончилъ мотать и замеръ.

Потомъ я узналъ, сколько онъ выпускаетъ въ длину паутины въ эти три дня. Если размотать всю его паутину, то выйдетъ иногда больше версты, а рѣдко меньше. И если счесть сколько разъ надо мотнуть червяку головой въ эти три дня, чтобы выпустить паутину, то выйдетъ, что онъ повернется вокругъ себя въ эти три дня 300,000 разъ. Значитъ онъ не переставая дѣлаетъ каждую секунду по обороту. За то уже

послѣ этой работы, когда мы сняли нѣсколько куколокъ и разломили ихъ, то мы нашли въ куколкахъ червяковъ совсѣмъ высохшихъ, бѣлыхъ, точно восковыхъ.

Я зналъ, что изъ этихъ куколокъ съ бѣлыми, восковыми мертвецами внутри—должны выйдти бабочки; но глядя на нихъ, не могъ этому вѣрить. Однако все таки я на 20-й день сталъ смотрѣть, что̀ будетъ съ тѣми, какихъ я оставилъ.

На 20-й день, я зналъ, что должна быть перемѣна. Ничего не было видно, и я уже думалъ—что-нибудь не такъ, какъ вдругъ примѣтилъ—на одномъ коконѣ кончикъ потемнѣлъ и намокъ. Я подумалъ уже, не испортился ли, и хотѣлъ выбросить. Но потомъ подумалъ: не такъ ли начинается?—и сталъ смотрѣть, что́ будетъ. И точно, изъ мокраго мѣста что-то тронулось. Я долго не могъ разобрать, что̀ это такое. Но потомъ показалось что-то похожее на голову съ усиками. Усики шевелились. Потомъ я замѣтилъ, что лапка просунулась въ дырку, потомъ другая,—и лапки цѣплялись и выкарабкивались изъ куколки. Все дальше и дальше выдиралось что-то, и я разобралъ—мокрую бабочку. Когда выбрались всѣ шесть лапокъ,—задокъ выскочилъ, она вылѣзла и тутъ же сѣла. Когда бабочка обсохла, она стала бѣлая, расправила крылья, полетала, покружилась и сѣла на окно.

Черезъ два дня бабочка на подоконникѣ рядкомъ наклала яицъ и приклепла ихъ. Яички были желтыя. 25 бабочекъ положили яица. И я набралъ 5,000 яичекъ.

На другой годъ я выкормилъ уже больше червей и больше вымоталъ шелку.

СТАРЫЙ ТОПОЛЬ.

Пять лѣтъ нашъ садъ былъ заброшенъ; я нанялъ работниковъ съ топорами и лопатами, и самъ сталъ работать съ ними въ саду. Мы вырубали и вырѣзывали сушь и дичь и лишніе кусты и деревья. Больше всего разрослись и глушили другія деревья—тополь и черёмуха. Тополь идетъ отъ корней, и его нельзя вырыть, а въ землѣ надо вырубать корни. За прудомъ стоялъ огромный въ два обхвата тополь. Вокругъ него была полянка; она вся заросла отростками тополей. Я велѣлъ ихъ рубить: мнѣ хотѣлось чтобы мѣсто было веселѣе,—а главное, мнѣ хотѣлось облегчить старый тополь, потому что я думалъ—всѣ эти молодыя деревья отъ него идутъ и изъ него тянутъ сокъ. Когда мы вырубали эти молодые топольки, мнѣ иногда жалко становилось смотрѣть, какъ разрубали подъ землею ихъ сочные коренья, какъ потомъ въ четверомъ мы тянули и не могли вырвать надрубленный тополекъ. Онъ изо всѣхъ силъ держался и не хотѣлъ умирать. Я подумалъ: видно нужно имъ жить, если они такъ крѣпко держаться за жизнь. Но надо было рубить, и я рубилъ. Потомъ уже, когда было поздно,—я узналъ, что не надо было уничтожать ихъ.

Я думалъ, что отростки вытягиваютъ сокъ изъ стараго тополя, а вышло на оборотъ. Когда я рубилъ ихъ, старый тополь ужъ умиралъ. Когда распустились листья, я увидалъ (онъ расходился на два сука), что одинъ сукъ былъ голый; и въ тоже лѣто онъ засохъ. Онъ давно уже умиралъ и зналъ это, и передалъ свою жизнь въ отростки.

Отъ этого они такъ скоро разрослись, а я хотѣлъ его облегчить—и побилъ всѣхъ его дѣтей.

ЧЕРЕМУХА.

Одна черемуха выросла на дорожкѣ орѣшника и заглушала лещиновые кусты. Долго думалъ я — рубить или не рубить ее; мнѣ жаль было Черемуха эта росла не кустомъ, а деревомъ вершка три въ отрубѣ и саженъ 4 въ вышину, вся развилистая, кудрявая, и вся обсыпанная яркимъ, бѣлымъ, душистымъ цвѣтомъ. Издалека слышенъ былъ ея запахъ. Я бы и не срубилъ ее, да одинъ изъ работниковъ (я ему прежде сказалъ вырубить всю черемуху) безъ меня началъ рубить ее. Когда я пришелъ, ужъ онъ врубился въ нее вершка на полтора, и сокъ такъ и хлюпалъ подъ топоромъ, когда онъ попадалъ въ прежнюю тяпку. «Нечего дѣлать, видно судьба», — подумалъ я, взялъ самъ топоръ и началъ рубить вмѣстѣ съ мужикомъ.

Всякую работу весело работать; весело и рубить. Весело наискось глубоко всадить топоръ, и потомъ напрямикъ подсѣчь подкошенное, и дальше и дальше врубаться въ дерево.

Я совсѣмъ забылъ о черемухѣ и только думалъ о томъ, какъ-бы скорѣе свалить ее. Когда я запыхался, я положилъ топоръ, уперся съ мужикомъ въ дерево и попытался свалить его Мы качнули: дерево задрожало листьями, и на насъ закапало съ него росой и посыпались бѣлые, душистые лепестки цвѣтовъ.

Въ тоже время, точно вскрикнуло что-то,—хрустнуло въ серединѣ дерева; мы налегли, и, какъ будто запла-

кало,—затрещало въ серединѣ, и дерево свалилось. Оно разодралось у надруба и покачиваясь легло сучьями и цвѣтами на траву. Подрожали вѣтки и цвѣты послѣ паденія и остановились.

«Эхъ! штука-то важная!» сказалъ мужикъ. «Живо жалко!» А мнѣ такъ было жалко, что я поскорѣе отошелъ къ другимъ рабочимъ.

КАКЪ ХОДЯТЪ ДЕРЕВЬЯ.

Разъ мы вычищали на полубугрѣ подлѣ пруда заросшую дорожку. Много нарубили шиповника, лозины, тополя,—потомъ пришла черёмуха. Росла она на самой дорогѣ и была такая старая и толстая, что ей не могло быть меньше 10 лѣтъ. А пять лѣтъ тому назадъ, я зналъ, что садъ былъ чищенъ. Я никакъ не могъ понять—какъ могла тутъ вырости такая старая черёмуха. Мы срубили ее и прошли дальше. Дальше, въ другой чащѣ, росла другая такая же черёмуха, даже еще потолще. Я осмотрѣлъ ея корень и нашелъ, что она росла подъ старой липой. Липа своими сучьями заглушила ее и черёмуха протянулась аршинъ на пять прямымъ стеблемъ по землѣ, а когда выбралась на свѣтъ, подняла голову и стала цвѣсти. Я срубилъ ее въ корнѣ, и подивился тому, какъ она была свѣжа и какъ гнилъ былъ корень Когда я срубилъ ее, мы съ мужиками стали ее оттаскивать; но сколько мы ни тащили,—немогли ее сдвинуть: она какъ будто прилипла. Я сказалъ «посмотри, не зацѣпили-ли гдѣ?» Работникъ подлѣзъ подъ нее и закричалъ: «Да у ней другой корень; вотъ на дорогѣ!» Я подошелъ къ нему и увидалъ, что это было правда.

Черёмуха, чтобы ея не глушила липа, перешла изъ-подъ липы на дорожку, за три аршина отъ прежняго корня. Тотъ корень, что я срубилъ, былъ гнилой и сухой, а новой былъ свѣжій. Она почуяла видно, что ей не жить подъ липой, вытянулась, вцѣпилась сучкомъ за землю, сдѣлала изъ сучка корень, а тотъ корень бросила. Тогда только я понялъ, какъ выросла та первая черёмуха на дорогѣ. Она тоже вѣрно сдѣлала,—но успѣла уже совсѣмъ отбросить старый корень, такъ что я не нашелъ его.

УДѢЛЬНЫЙ ВѢСЪ.

Греческій Царь Гіеронъ Сиракузскій заказалъ своему золотыхъ дѣлъ мастеру Димитрію золотую корону для идола Юпитера и далъ ему 12 фунтовъ золота. Димитрій сдѣлалъ корону, и когда Царь ее свѣсилъ, то въ коронѣ было ровно 12 фунтовъ. Только царь прослышалъ, что Димитрій укралъ много золота и въ корону подмѣшалъ серебра. Царю хотѣлось доискаться, много-ли подмѣшано серебра въ коронѣ, и онъ велѣлъ ее перетопить, чтобы видѣть середину. Былъ одинъ умный и ученый человѣкъ, родной царю, Архимедъ. Онъ сказалъ царю: «не вели ломать корону, чтобы даромъ не пропала работа; а я, не ломаючи корону, узнаю, сколько въ ней серебра и сколько золота. Царь согласился съ Архимедомъ, и Архимедъ сдѣлалъ такъ:

Онъ взялъ фунтъ золота и фунтъ серебра, и свѣсилъ ихъ просто на вѣсахъ; а потомъ свѣсилъ ихъ въ водѣ. Фунтъ золота въ водѣ потянулъ на одну гирьку меньше, чѣмъ прежде, а фунтъ серебра на двѣ гирьки меньше.

Потомъ Архимедъ всю корону свѣсилъ въ водѣ, позвалъ Царя и сказалъ: «Съ фунта чистаго золота, если вѣсить въ водѣ,—остается гирька; а если вѣсить серебро въ водѣ,—остаются двѣ гирьки съ фунта; стало быть, если корона вся изъ чистаго золота и въ ней 12 фунтовъ, то въ двѣнадцати фунтахъ надо снять съ вѣсовъ 12 гирекъ. Вотъ смотри». Онъ положилъ на вѣсы 12 фунтовъ и сталъ вѣшать корону въ водѣ. Корона не потянула двѣнадцати фунтовъ безъ 12 гирекъ, а меньше. Сняли еще гирекъ,—Архимедъ и говоритъ: «Вотъ сколько тутъ снято лишнихъ гирекъ, на столько Димитрій и обманулъ тебя». Такъ Архимедъ вѣрно узналъ, сколько было серебра подмѣшано въ корону.

ВРЕДНЫЙ ВОЗДУХЪ.

Въ селѣ Никольскомъ, въ праздникъ, народъ пошелъ къ обѣднѣ. На барскомъ дворѣ остались скотница, староста и конюхъ. Скотница пошла къ колодцу за водой. Колодезь былъ на самомъ дворѣ. Она вытащила бадью, да не удержала. Бадья сорвалась, ударилась объ стѣнку колодца и оторвала веревку. Скотница вернулась въ избу и говоритъ старостѣ:

— «Александръ! слазяй, батюшка, въ колодезь,—я бадью упустила». Александръ сказалъ:

— «Ты упустила, ты и доставай». Скотница сказала, что она, пожалуй, сама полѣзетъ,—только, чтобы онъ спускалъ её.

Староста посмѣялся ей и сказалъ:

— «Ну, пойдемъ. Ты теперь на тощакъ, такъ я удержу; а послѣ обѣда и не удержать».

Староста привязалъ палку къ веревкѣ, и баба верхомъ сѣла на нее, взялась за веревку и стала слѣзать въ колодезь, а староста за колесо сталъ спускать ее. Въ колодцѣ было всего шесть аршинъ глубины, и только на аршинъ стояла вода. Староста спускалъ за колесо потихоньку и все спрашивалъ: «Еще что-ли?» Скотница кричала оттуда: «еще немного!»

Вдругъ староста почувствовалъ, что веревка ослабла; онъ окликнулъ скотницу, но она не отвѣчала. Староста поглядѣлъ въ колодезь и увидѣлъ, что баба лежитъ въ водѣ головой и кверху ногами. Староста сталъ кричать и звать народъ; но никого не было. Пришелъ только одинъ конюхъ. Староста велѣлъ ему держать колесо, а самъ вытянулъ веревку, сѣлъ на палку и полѣзъ въ колодезь.

Только что конюхъ спустилъ старосту до воды, съ старостой сдѣлалось то же самое. Онъ бросилъ веревку и упалъ головой внизъ на бабу. Конюхъ сталъ кричать, потомъ побѣжалъ въ церковь за народомъ. Обѣдня отошла, и народъ, шелъ изъ церкви. Всѣ мужики и бабы побѣжали къ колодцу. Всѣ столпились у колодца и всякій кричалъ свое,—но никто не зналъ, что дѣлать. Молодой плотникъ Иванъ пробился сквозь толпу къ колодцу, схватилъ веревку, сѣлъ на палку и велѣлъ себя спускать. Иванъ только привязалъ себя къ веревкѣ кушакомъ. Двое спускали его, а другіе всѣ смотрѣли въ колодезь, что будетъ съ Иваномъ. Какъ только онъ сталъ доходить до воды, онъ бросилъ веревку руками и упалъ бы головой; но кушакъ держалъ его. Всѣ закричали: «тащи его назадъ!» — и Ивана вытащили.

Онъ какъ мертвый висѣлъ на кушакѣ, голова его тоже висѣла и билась о края колодца. Лицо было сине-багровое. Его вынули, сняли съ веревки и положили на землю. Думали, что онъ мертвый; но онъ вдругъ тяжело дохнулъ, сталъ перхать и ожилъ.

Тогда хотѣли лѣзть еще, но одинъ старый мужикъ сказалъ, что лазить нельзя, потому что въ колодцѣ дурной воздухъ, и что этотъ дурной воздухъ убиваетъ людей. Тогда мужики побѣжали за баграми и стали вытаскивать старосту и бабу. Старостина жена и мать голосили у колодца, другіе ихъ унимали, а мужики цѣпляли въ колодцѣ баграми, и старались вытащить мертвыхъ. Раза два они дотаскивали старосту до половины колодца за его платье; но онъ былъ тяжелъ, платье прорывалось и онъ срывался. Наконецъ зацѣпили его въ два багра и вытащили. Потомъ вытащили и скотницу. Оба уже были совсѣмъ мертвые и не ожили.

Потомъ, когда стали разсматривать колодезь, то узнали, что точно,—внизу колодца былъ дурной воздухъ.

Воздухъ этотъ бываетъ такой тяжелый, что въ немъ ни человѣкъ и никакое животное жить не можетъ. Спустили въ колодезь кошку,—и какъ она дошла до того мѣста, гдѣ стоялъ другой воздухъ, она сейчасъ умерла. Мало того, что животное жить не можетъ,—свѣча тамъ не можетъ горѣть. Спустили свѣчу, и какъ она дошла до того мѣста—сейчасъ потухла.

Бываютъ мѣста подъ землей, гдѣ этотъ воздухъ собирается, и если попадешь въ такое мѣсто, то сейчасъ умираешь. Для этого въ рудникахъ дѣлаютъ лампы, и прежде чѣмъ человѣку идти въ такое мѣсто, спускаютъ туда лампу. Если лампа тухнетъ, то и человѣ-

ку нельзя идти; тогда пускаютъ туда чистаго воздуха до тѣхъ поръ, пока можетъ огонь горѣть. Подлѣ города Неаполя есть одна такая пещера. Въ ней дурной воздухъ всегда стоитъ внизу на аршинъ отъ земли, а выше хорошій воздухъ. Человѣкъ будетъ ходить по этой пещерѣ и ему ничего нѣ сдѣлается; а собака— какъ войдетъ, такъ и задохнется.

Откуда берется этотъ дурной воздухъ? Онъ дѣлается изъ того самаго хорошаго воздуха, какимъ мы дышемъ. Если собрать много людей въ одно мѣсто и закрыть всѣ двери и окна такъ, чтобы не проходилъ свѣжій воздухъ, то сдѣлается такой же воздухъ, какъ въ колодцѣ,—и люди помрутъ.

Сто лѣтъ тому назадъ на войнѣ, индѣйцы взяли въ плѣнъ 146 англичанъ и заперли ихъ въ подземную пещеру, куда не могъ проходить воздухъ.

Плѣнные англичане, когда побыли тамъ нѣсколько часовъ, стали задыхаться,—и подъ конецъ ночи изъ нихъ 123 умерло, а остальные вышли еле живые и больные. Сначала въ пещерѣ воздухъ былъ хорошъ; но когда плѣнные выдышали весь хорошій воздухъ, а новаго не приходило,—сдѣлался дурной воздухъ, похожій на тотъ, что былъ въ колодцѣ, и они померли. Отчего дѣлается дурной воздухъ изъ хорошаго, когда соберутся много людей? Оттого, что люди, когда дышутъ, то забираютъ въ себя хорошій воздухъ, а выдыхаютъ дурной.

ГАЗЫ.

I.

Воздухъ бываетъ разный, хоть онъ всегда свѣтлый и невидный.

Вода расходится въ воздухѣ, дѣлается летучею; и когда много воды въ воздухѣ, онъ бываетъ сырой, когда мало—сухой.

Когда въ закрытомъ мѣстѣ надышутъ люди, воздухъ бываетъ дурной, нездоровый; а на открытыхъ мѣстахъ, или въ лѣсу,—воздухъ здоровый, хорошій. Это бываетъ отъ того, что въ забрытой комнатѣ къ обыкновенному воздуху прибавился тотъ дурной воздухъ, который выдыхаютъ изъ себя люди и всѣ животныя.

Стало быть въ воздухѣ есть разныя части, и ихъ глазомъ нельзя отличить: всѣ похожи на обыкновенный воздухъ. Эти разныя вещества, разные *газы*, смѣшаны въ воздухѣ такъ, какъ вода съ уксусомъ или съ виномъ. Если въ воду налить водки, то вода и водка перемѣшаются такъ, что глазомъ не разберешь, есть ли въ водѣ водка, или нѣтъ,—и много ли ея, или мало. Но понюхать, — и можно разобрать; такъ и въ воздухѣ бываетъ разная смѣсь, и глазами ничего нельзя видѣть, а можно только почувствовать, когда долго подышешь. Въ хорошемъ воздухѣ дышать пріятно и здорово, въ дурномъ тяжело и иногда вредно.

Для дыханія нужнѣе всѣхъ частей воздуха одна, называемая *кислородомъ*. Если собрать этотъ газъ отдѣльно и всунуть въ него курилку, то она сейчасъ загорится огнемъ. Стало быть отъ него дерево и всякая другая вещь горитъ сильнѣе. А если кислорода нѣтъ въ воздухѣ, и всунуть въ такой воздухъ курилку, она погаснетъ.

Отъ того воздухъ и нуженъ для горѣнія, что въ немъ есть кислородъ. Чтобы огонь разгорѣлся, на него дуютъ, машутъ; а если хочешь, чтобы загорѣвшаяся вещь погасла,—сдѣлай такъ, чтобы вокругъ нея не было воздуха; накрой ее, зажми со всѣхъ сторонъ,—и она погаснетъ.

Другая часть воздуха — *азотъ*. Въ немъ дышать нельзя и вещи не могутъ горѣть.

Третья часть воздуха—углекислый газъ, *углекислота*. Она тоже не годится ни для дыханія, ни для горѣнія. Этого газа мало въ воздухѣ, но онъ вездѣ есть. Когда же его наберется много, то онъ опускается и собирается внизу, потому что онъ тяжелѣе другихъ газовъ.

Четвертая часть воздуха—водяные пары, летучая вода.

Когда мы дышемъ, то кислородъ уходитъ въ наше тѣло, и въ томъ воздухѣ, который мы выдыхаемъ, кислорода меньше, чѣмъ въ обыкновенномъ воздухѣ, а за то больше углекислоты. Вотъ отъ чего воздухъ становится дурнымъ отъ дыханія.

Деревья, травы и всѣ растенія тоже дышутъ, только они не втягиваютъ въ себя воздухъ, какъ мы втягиваемъ грудью, а вбираютъ его всѣми листочками и молодой корою. И изъ всѣхъ листочковъ тоже незамѣтно выдыхается воздухъ; и этотъ воздухъ тоже не такой, какъ обыкновенный: въ немъ меньше углекислоты и больше кислорода. Стало быть растеніямъ нужна углекислота, которая не нужна и вредна животнымъ. И вотъ отчего въ лѣсу воздухъ такой здоровый: тамъ и углекислоты меньше, и кислорода больше.

ГАЗЫ.

II.

Если въ ведро съ водой набрасать камней, пробокъ, соломы, дерева сухаго и сыраго, насыпать песку, глины, соли, налить туда же масла, водки, и все это взболтать и смѣшать,—и потомъ посмотрѣть, что̀ будетъ дѣлаться, то увидишь, что камни, глина, песокъ пойдутъ на дно; сухое дерево, солома, пробки, масло всплывутъ кверху; соль и водка распустятся, такъ что ихъ не будетъ видно. Все это будетъ сначала кружиться, шевелиться, толкать другъ друга, а потомъ все найдетъ себѣ мѣсто и разстановится: что̀ тяжелѣе, то скорѣе пойдетъ книзу; что̀ легче, то скорѣе пойдетъ на верхъ.

Точно также въ воздухѣ, надъ землею размѣщаются всѣ газы. Какіе тяжелѣе воздуха, тѣ садятся ниже; какіе легче, тѣ поднимаются выше; какіе могутъ распуститься, тѣ расходятся по всему воздуху.

Если бы газы не дѣлались новые, не смѣшивались бы съ другими, не перемѣнялись бы, то воздухъ бы стоялъ надъ землею и не шевелился бы, какъ вода въ ведрѣ, когда она устоится; но на землѣ безпрестанно дѣлаются новые газы, и тѣ, какіе есть, смѣшиваются съ другими веществами.

Каждый человѣкъ, каждое животное, когда дышетъ, то выбираетъ изъ воздуха кислородъ и въ самомъ себѣ смѣшиваетъ его съ веществами своего тѣла, а выпускаетъ уже другимъ газомъ. Всякое растеніе — трава, дерево забираетъ въ себя углекислоту и выпускаетъ кислородъ. Вода въ одномъ мѣстѣ изъ жидкой дѣлается летучею, водянымъ газомъ, невидимымъ паромъ; въ

другомъ мѣстѣ изъ летучей воды дѣлается жидкая. Отъ этого въ воздухѣ всегда ходятъ разные газы: какіе легче, тѣ идутъ вверхъ, какіе тяжелѣе — тѣ опускаются внизъ,—и ходятъ газы безпрестанно, какъ въ ведрѣ съ водою разныя вещества. Но всего больше весь воздухъ шевелится и ходитъ отъ того, что— какъ онъ гдѣ нагрѣется, такъ поднимается кверху,— а какъ остынетъ, такъ идетъ къ низу. Когда въ солнечный день солнце съ боку свѣтитъ въ окно, то въ лучахъ солнца видно, какъ кружатся и прыгаютъ кверху и книзу пылинки. Это крутится теплый и холодный воздухъ и носитъ съ собою легкія пылинки.

КАКЪ ДѢЛАЮТЪ ВОЗДУШНЫЕ ШАРЫ.

Если взять надутый пузырь и опустить его въ воду, а потомъ пустить, — то пузырь выскочитъ на верхъ воды и станетъ по ней плавать. Точно также, если кипятить чугунъ воды,—то на днѣ, надъ огнемъ, вода дѣлается летучею, газомъ; и какъ соберется немножко водянаго газа, онъ сейчасъ пузыремъ выскочитъ на верхъ. Сперва выскочитъ одинъ пузырь, потомъ другой, а какъ нагрѣется вся вода, то пузыри выскакиваютъ не переставая; тогда вода *кипитъ*.

Такъ же, какъ изъ воды выскакиваютъ на верхъ пузыри надутые летучею водою, потому что они легче воды,—такъ изъ воздуха выскочитъ на самый верхъ воздуха пузырь надутый газомъ-*водородомъ*, или горячимъ воздухомъ,—потому что горячій воздухъ легче холоднаго воздуха, а водородъ легче всѣхъ газовъ.

Воздушные шары дѣлаютъ изъ водорода и изъ горячаго воздуха. Изъ водорода шары дѣлаютъ вотъ какъ:

сдѣлаютъ большой пузырь, привяжутъ его веревками къ кольямъ и напустятъ въ него водорода. Какъ только отвяжутъ веревку, пузырь полетитъ кверху, и летитъ до тѣхъ поръ, пока не выскочитъ изъ воздуха того, который тяжеле водорода. А когда выскочитъ наверхъ въ легкій воздухъ, то начнетъ плавать по воздуху, какъ пузырь на водѣ. Изъ горячаго воздуха дѣлаютъ воздушные шары вотъ какъ. Сдѣлаютъ большой пустой шаръ съ горлышкомъ внизу, какъ перевернутый кувшинъ; и въ горлышкѣ придѣлаютъ клокъ хлопка, и хлопокъ этотъ намочатъ въ спиртѣ и зажгутъ. Отъ огня разогрѣется воздухъ въ шарѣ и станетъ легче воздуха холоднаго, и шаръ потянетъ кверху, какъ пузырь изъ воды. И шаръ будетъ летѣть до тѣхъ поръ кверху, пока не придетъ воздухъ легче горячаго воздуха въ шарѣ.

Почти сто лѣтъ тому назадъ французы—братья Монгольфьеры выдумали воздушные шары. Они сдѣлали шаръ изъ полотна съ бумагой, напустили въ него горячаго воздуха: шаръ полетѣлъ. Тогда они сдѣлали другой шаръ побольше, подвязали подъ шаръ барана, пѣтуха и утку, и пустили. Шаръ поднялся и опустился благополучно. Потомъ уже поддѣлали подъ шаръ лодочку, и въ лодочку сѣлъ человѣкъ. Шаръ взлетѣлъ такъ высоко, что скрылся изъ виду; полеталъ и потомъ спустился благополучно. Потомъ придумали наполнять шары водородомъ и стали летать еще выше и скорѣе.

Для того, чтобы летать на шару, подвязываютъ подъ него лодочку, и въ эту лодочку садятся по двое, по трое, и даже по восьми человѣкъ, и берутъ съ собою питье и ѣду.

Для того, чтобы спускаться и подниматься когда хо-

чешь, въ шару сдѣланъ клапанъ, и этотъ клапанъ тотъ, кто летитъ, можетъ за веревку потянуть и открывать и закрывать. Если шаръ слишкомъ высоко поднимется, и, кто летитъ, хочетъ спустить его, то онъ откроетъ клапанъ,—газъ выйдетъ, шаръ сожмется и станетъ спускаться. Кромѣ того на шару всегда есть мѣшки съ пескомъ. Если сбросить мѣшокъ, то шару будетъ легче, и онъ пойдетъ кверху. Если, кто летитъ, хочетъ спуститься и видитъ, что внизу не ладно, — или рѣка, или лѣсъ,—то онъ высыпаетъ песокъ изъ мѣшковъ, и шаръ становится легче и опять поднимается.

РАЗСКАЗЪ АЭРОНАВТА.

Народъ собрался смотрѣть на то, какъ я полечу. Шаръ былъ готовъ. Онъ подрагивалъ, рвался вверхъ на четырехъ канатахъ и то морщился, то надувался. Я простился съ своими, сѣлъ въ лодку, осмотрѣлъ, всѣ ли мои припасы были по мѣстамъ, и закричалъ: «пускай!» Канаты подрѣзали, и шаръ поднялся кверху сначала тихо,—какъ жеребецъ сорвался съ привязи и оглядывался,—и вдругъ дернулъ кверху и полетѣлъ такъ, что дрогнула и закачалась лодка. Внизу захлопали въ ладоши, закричали и замахали платками и шляпами. Я взмахнулъ имъ шляпой, и не успѣлъ опять надѣть её, какъ ужъ я былъ такъ высоко, что съ трудомъ могъ разобрать людей. Первую минуту мнѣ стало жутко, и морозъ пробѣжалъ по жиламъ; но потомъ вдругъ такъ стало весело на душѣ, что я забылъ бояться. Мнѣ ужъ чуть слышенъ былъ шумъ въ городѣ. Какъ пчелы шумѣлъ народъ внизу. Улицы, дома, рѣка, сады въ городѣ виднѣлись мнѣ внизу какъ на картин-

кѣ. Мнѣ казалось, что я царь надъ всѣмъ городомъ и народомъ,—такъ мнѣ весело было на верху. Я шибко поднимался кверху, — только подрагивали веревки въ лодкѣ, да разъ налетѣлъ на меня вѣтеръ, перевернулъ меня два раза на мѣстѣ; но потомъ опять не слыхать было, лечу ли я, или стою на мѣстѣ. Я только потому замѣчалъ, что лечу кверху, что все меньше и меньше становилась подо мной картинка города, и дальше становилось видно. Земля точно росла подо мной, становилась шире и шире, и вдругъ я замѣтилъ, что земля подо мной стала какъ чашка. Края были выпуклые,— на днѣ чашки былъ городъ. Мнѣ веселѣе и веселѣе становилось. Весело и легко было дышать и хотѣлось пѣть. Я запѣлъ, но голосъ мой былъ такой слабый, что я удивился и испугался своему голосу.

Солнце еще стояло высоко, но на закатѣ тянулась туча,—и вдругъ она закрыла солнце. Мнѣ опять стало жутко, и я, чтобъ заняться чѣмъ нибудь, досталъ барометръ и посмотрѣлъ на него, и по немъ узналъ, что я поднялся уже на 4 версты. Когда я клалъ на мѣсто барометръ, что-то затрепыхалось около меня, и я увидалъ голубка. Я вспомнилъ, что взялъ голубка затѣмъ, чтобы спустить его съ записочкой внизъ. Я написалъ на бумажкѣ, что я живъ и здоровъ, на 4-хъ верстахъ высоты, и привязалъ бумажку къ шеѣ голубя. Голубь сидѣлъ на краю лодки и смотрѣлъ на меня своими красноватыми глазами. Мнѣ казалось, что онъ просилъ меня, чтобы я не сталкивалъ его. Съ тѣхъ поръ какъ стало пасмурно, внизу ничего не было видно. Но нечего дѣлать, надо было послать внизъ голубя. Онъ дрожалъ всѣми перушками, когда я взялъ его въ руку.

Я отвелъ руку и бросилъ его. Онъ, часто махая крыльями, полетѣлъ бокомъ какъ камень книзу. Я посмотрѣлъ на барометръ. Теперь я уже былъ на пять верстъ надъ землею и чувствовалъ, что мнѣ воздуха мало, и я часто сталъ дышать. Я потянулъ за веревку, чтобы выпустить газъ и спускаться, но ослабѣлъ ли я, или сломалось что-нибудь — клапанъ не открывался. Я обмеръ. Мнѣ не слыхать было, чтобы я поднимался,—ничто не шевелилось; но дышать мнѣ становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. «Если я не остановлю шаръ», подумалъ я, «то онъ лопнетъ, и я пропалъ». Чтобы узнать, поднимаюсь ли я или стою на мѣстѣ,—я выбросилъ бумажку изъ лодки. Бумажки точно камни летѣли книзу. Значитъ я какъ стрѣла летѣлъ кверху. Я изо всѣхъ силъ ухватился за веревку и потянулъ. Слава Богу—клапанъ открылся, засвистало что-то. Я выбросилъ еще бумажку—бумажка полетѣла около меня и поднялась. Значитъ я опускался. Внизу все еще ничего не было видно. Только какъ море тумана разстилалось надо мной. Я спустился въ туманъ. Это были тучи. Потомъ подулъ вѣтеръ, понесъ меня куда-то, и скоро выглянуло солнце, и я увидалъ подъ собой опять чашку земли. Но не было нашего города, а какіе-то лѣса и двѣ синія полосы—рѣки. Опять мнѣ стало радостно на душѣ и не хотѣлось спускаться; но вдругъ что-то зашумѣло подлѣ меня, и я увидѣлъ орла.

Онъ удивленными глазами поглядѣлъ на меня и остановился на крыльяхъ. Я какъ камень летѣлъ внизъ. Я сталъ скидывать баластъ, чтобъ задержаться.

Скоро мнѣ стали видны поля, лѣсъ, и у лѣса деревня, и къ деревнѣ идетъ стадо. Я слышалъ голоса

народа и стада. Шаръ мой спускался тихо. Меня увидали. Я закричалъ и бросилъ имъ веревки. Сбѣжался народъ. Я видѣлъ, какъ мальчикъ первый поймалъ веревку. Другіе подхватили, прикрутили шаръ къ дереву и я вышелъ. Я леталъ только 3 часа. Деревня эта была за 250 верстъ отъ моего города.

ГАЛЬВАНИЗМЪ.

Былъ одинъ ученый итальянецъ Гальвани. У него была электрическая машина, и онъ показывалъ своимъ ученикамъ, что такое электричество. Онъ натиралъ крѣпко стекло шелкомъ съ мазью и потомъ къ стеклу подводилъ мѣдную шишечку укрѣпленную въ стеклѣ,— и изъ стекла перескакивала искра въ мѣдную шишечку. Онъ толковалъ имъ, что бываетъ такая же искра и отъ сургуча и отъ янтаря. Показывалъ, какъ перушки и бумажки иногда притягиваются электричествомъ, иногда отталкиваются, и отчего это бываетъ. Онъ много дѣлалъ разныхъ опытовъ съ электричествомъ, и все это показывалъ ученикамъ.

Однажды у него заболѣла жена. Онъ позвалъ доктора и спросилъ, чѣмъ её лѣчить? Докторъ велѣлъ сдѣлать ей супъ изъ лягушекъ. Гальвани велѣлъ наловить съѣдобныхъ лягушекъ. Ему наловили, убили ихъ и положили къ нему на столъ.

Пока кухарка не приходила за лягушками, Гальвани продолжалъ показывать ученикамъ эликтрическую машину и пускать искры.

Вдругъ онъ увидалъ, что мертвыя лягушки на столѣ дрыгаютъ ногами. Онъ сталъ присматриваться.

и замѣтилъ, что всякій разъ, какъ онъ пуститъ искру изъ электрической машины, лягушки дрыгнутъ ногами. Гальвани набралъ еще лягушекъ и сталъ надъ ними дѣлать опыты. Всякій разъ выходило такъ, что какъ пуститъ искру, такъ мертвыя лягушки станутъ какъ живыя шевелить ногами.

Гальвани и подумалъ, что живыя лягушки не отъ того ли шевелятъ ногами, что въ нихъ проходитъ электричество. А Гальвани зналъ, что электричество есть и въ воздухѣ, что въ сургучѣ, янтарѣ и стеклѣ оно замѣтнѣе, но что оно есть въ воздухѣ и что гроза и молнія бываютъ отъ воздушнаго электричества.

Вотъ онъ и сталъ пытать, не будутъ ли мертвыя лягушки двигать ногами и отъ воздушнаго электричества. Для этого онъ взялъ лягушекъ, снялъ съ нихъ шкуру, отрѣзалъ головы и переднія лапы и подвѣсилъ ихъ мѣдными крючками къ крышѣ подъ желѣзный жолобъ. Онъ думалъ, что когда найдетъ гроза и въ воздухѣ будетъ много электричества, то черезъ мѣдную проволоку электричество пройдетъ въ лягушекъ, и они начнутъ шевелиться.

Только гроза проходила нѣсколько разъ, а лягушки не шевелились. Гальвани сталъ уже снимать ихъ, да снимаючи тронулъ лягушечьей ногой объ жолобъ,—и нога дрыгнула. Гальвани снялъ лягушекъ и сталъ пробовать такъ: онъ привязалъ къ мѣдному крючку желѣзную проволоку и проволокой трогалъ лягушечью лапу,—и лапа дрыгала.

Вотъ Гальвани и рѣшилъ, что всѣ животныя живы только отъ того, что въ нихъ электричество, и что электричество перескакиваетъ отъ мозга въ мясо и отъ

этого животныя движутся. Никто тогда еще не пробовалъ хорошенько этого дѣла и не зналъ, и всѣ повѣрили Гальвани. Но въ это время другой ученый, Вольта, сталъ пробовать по своему и показалъ всѣмъ, что Гальвани ошибся. Онъ попробовалъ трогать лягушку не такъ, какъ Гальзани, не мѣднымъ крючкомъ съ желѣзной проволокой—а либо мѣдной проволокой съ мѣднымъ крючкомъ, либо желѣзной съ желѣзнымъ крючкомъ,—и лягушки не шевелились. Лягушки шевелились только тогда, когда Вольта трогалъ ихъ желѣзной проволокой связанной съ мѣдной.

Вольта и подумалъ, что электричество не въ мертвой лягушкѣ, а въ желѣзѣ и мѣди. Онъ сталъ пробовать, и точно: какъ только сведешь вмѣстѣ желѣзо и мѣдь,—такъ и дѣлается электричество; а отъ электричества уже и дрыгаетъ ногами мертвая лягушка. Вольта и сталъ пробовать—какъ бы дѣлать электричество не такъ, какъ прежде его дѣлали. Прежде электричество дѣлали тѣмъ, что натирали стекло или сургучъ. А Вольта сталъ дѣлать его тѣмъ, что желѣзо и мѣдь сводилъ вмѣстѣ. Онъ пробовалъ сводить вмѣстѣ желѣзо и мѣдь и другіе металлы и дошелъ до того, что изъ одного соединенія металловъ: серебра, платины, цинка, олова, желѣза—онъ производилъ электрическія искры.

Послѣ Вольты придумали еще усилить электричество тѣмъ, что промежъ металловъ стали наливать разныя жидкости — воду и кислоты. Отъ этихъ жидкостей электричество стало еще сильнѣе, такъ что ужъ не нужно—какъ прежде дѣлали—тереть, чтобы было электричество; а стоитъ только положить въ одну чашку

кусковъ разнаго металла и налить жидкостей — и въ этой чашкѣ будетъ электричество, и будетъ выходить искра изъ проволоки.

Когда придумано было это электричество, стали его прилагать къ дѣлу: придумали золотить и серебрить электричествомъ, придумали свѣтъ электрическій, и придумали электричествомъ на дальнемъ разстояніи съ мѣста на мѣсто передавать знаки.

Для этого кладутъ куски разныхъ металловъ въ стаканчики; въ нихъ наливаютъ жидкости. Въ стаканчикахъ набирается электричество, и это электричество проводятъ по проволокѣ въ то мѣсто, куда хотятъ, а изъ того мѣста проволоку проводятъ въ землю. Электричество въ землѣ бѣжитъ опять назадъ къ стаканчикамъ и поднимается къ нимъ изъ земли по другой проволокѣ; такъ что электричество не переставая ходитъ кругомъ, какъ въ кольцѣ,—по проволокѣ въ землю и назадъ по землѣ, и опять по проволокѣ, и опять по землѣ. Электричество можетъ ходить въ одну и въ другую сторону,—какъ захочешь пустить его: оно можетъ идти сначала по проволокѣ и возвращаться по землѣ,—или сначала по землѣ и возвращаться по проволокѣ. Надъ проволокой, въ томъ мѣстѣ, куда подаютъ знаки, придѣлана магнитная стрѣлка, и стрѣлка эта поворачиваетъ въ *одну* сторону, если *электричество пустить туда по проволокѣ и назадъ по землѣ*,—и въ *другую*, если электричество пустить *туда по землѣ* и *назадъ по проволокѣ*. По этой стрѣлкѣ уговорены знаки, и по этимъ знакамъ на телеграфахъ пишутъ съ одного мѣста въ другое.

СОЛНЦЕ-ТЕПЛО.

Выдь зимой въ тихій, морозный день въ поле или въ лѣсъ, и посмотри кругомъ себя и послушай: вездѣ кругомъ снѣгъ, рѣки замерзли, сухія травки торчатъ изъ-подъ снѣга, деревья стоятъ голыя, ничто не шевелится.

Посмотри лѣтомъ: рѣки бѣгутъ, шумятъ; въ каждой лужицѣ лягушки кричатъ, бубулькаютъ; птицы перелетываютъ, свистятъ, поютъ; мухи, комары вьются, жужжатъ; деревья, травы растутъ, махаются.

Заморозь чугунъ съ водой, — онъ окаменѣетъ. Поставь замороженный чугунъ на огонь: станетъ лёдъ трескаться, таять, пошевеливаться; станетъ вода качаться, бульки пускать; потомъ, какъ станетъ кипѣть,—загудитъ, завертится. Тоже дѣлается и на свѣтѣ отъ тепла. Нѣтъ тепла—все мертво; есть тепло—все движется и живетъ. Мало тепла—мало движенья; больше тепла—больше движенья; много тепла—много движенья; очень много тепла—и очень много движенья.

Откуда берется тепло на свѣтѣ? Тепло отъ солнца.

Ходитъ солнце низко зимой, стороною, не упираетъ лучами въ землю, — и ничто не шевелится. Станетъ солнышко ходить выше надъ головами; станетъ свѣтить въ припоръ къ землѣ, — отогрѣется все на свѣтѣ и начнетъ шевелиться.

Станетъ снѣгъ осаживаться, станетъ отдувать лёдъ на рѣкахъ, польется вода съ горъ, поднимутся пары изъ воды въ облака, пойдетъ дождь. Кто все это сдѣлаетъ? Солнце. Оттаютъ сѣмечки, выпустятъ ростки, зацѣпятся ростки за землю; изъ старыхъ кореньевъ

пойдутъ побѣги, начнутъ расти деревья и травы. Кто это сдѣлалъ? Солнце.

Встанутъ медвѣди, кроты; очнутся мухи, пчёлы; выведутся комары, выведутся рыбы изъ яичекъ на теплѣ. Кто все это сдѣлалъ? Солнце.

Разогрѣется въ одномъ мѣстѣ воздухъ, подымется, а на его мѣсто пойдетъ воздухъ похолоднѣе,—станетъ вѣтеръ. Кто это сдѣлалъ? Солнце.

Поднимуться облака, станутъ сходиться и расходиться, — ударитъ молнія. Кто сдѣлалъ этотъ огонь? Солнце.

Выростутъ травы, хлѣба, плоды, деревья; насытятся животныя, напитаются люди, соберутъ корму и топлива на зиму; построятъ себѣ люди дома, построятъ чугунки, города. Кто все приготовилъ? Солнце.

Человѣкъ построилъ себѣ домъ. Изъ чего онъ его сдѣлалъ? Изъ бревенъ. Бревна вырублены изъ деревьевъ; деревья выростило солнце.

Топится печка дровами. Кто выростилъ дрова? Солнце.

Ѣстъ человѣкъ хлѣбъ, картофель. Кто выростилъ? Солнце. Ѣстъ человѣкъ мясо. Кто выкормилъ животныхъ, птицъ? Травы. А травы выростило солнце.

Человѣкъ строитъ каменный домъ изъ кирпича и извести. Кирпичъ и известка обожжены дровами. Дрова заготовило солнце.

Все, что людямъ нужно, что идетъ прямо на пользу,— все это заготовляется солнцемъ, и во все идетъ много солнечнаго тепла. Потому и нуженъ всѣмъ хлѣбъ, что его растило солнце и что въ немъ много солнечнаго тепла. Хлѣбъ грѣетъ того, кто его ѣстъ.

Потому и нужны дрова и бревна, что въ нихъ много

тепла. Кто закупитъ дровъ на зиму, тотъ закупитъ солнечнаго тепла; и зимой, когда захочетъ, то и зажжетъ дрова и выпуститъ тепло солнечное себѣ въ горницу.

А когда есть тепло, то есть и движенье. Какое ни на есть движенье — все отъ тепла; — либо прямо отъ солнечнаго тепла, либо отъ тепла того, которое заготовило солнце въ углѣ, въ дровахъ, въ хлѣбѣ и въ травѣ.

Лошади, быки возятъ, люди работаютъ, — что ихъ *двигаетъ*? Тепло. А откуда они взяли тепло? Изъ корма. А кормъ заготовило солнце.

Водяныя и вѣтреныя мельницы вертятся и мелютъ. Кто ихъ двигаетъ? Вѣтеръ и вода. А вѣтеръ кто гонитъ? Тепло. А воду кто гонитъ? Тепло-же. Оно подняло воду парами вверхъ, и безъ этого вода не падала бы книзу. Машина работаетъ, — ее движетъ паръ. А паръ кто дѣлаетъ? Дрова. — А въ дровахъ тепло солнечное.

Изъ тепла дѣлается движенье, а изъ движенья тепло. И тепло и движенье отъ солнца.

IV.

МИКУЛУШКА СЕЛЯНИНОВИЧЪ.

Выѣзжалъ-ли Вольга̀-свѣтъ съ дружиною
По селамъ-городамъ за получкою,
Съ мужиковъ выбирать дани-выходы;
Выѣзжалъ-ли, судырь, во чисто поле,—
Услыхалъ во чистомъ полѣ пахаря:
Слышно—пашетъ мужикъ, да посвистыва(е)тъ,
Сдалека, слышно, сошка поскрипыва(е)тъ,
Сошнички по камнямъ, слышно, чѐркаютъ,—
А не видно нигдѣ въ полѣ пахаря.
И поѣхалъ Вольга̀ къ тому пахарю—
Цѣлый день ѣхалъ съ утра до вечера,
А наѣхать не могъ Вольга̀ пахаря.
День другой ѣхалъ съ утра до вечера,
А наѣхать не могъ Вольга̀ пахаря.
Слышно—пашетъ мужикъ, да посвистыва(е)тъ,
Сдалека, слышно, сошка поскрипыва(е)тъ,
Сошнички по камнямъ, слышно, чѐркаютъ,—
А не видно нигдѣ въ полѣ пахаря.
Третій день Вольга̀ ѣхалъ до пабѣдья—
Наѣзжаетъ Вольга̀ въ полѣ пахаря:
Въ полѣ пашетъ мужикъ, да понукива(е)тъ,
Съ края въ край онъ бороздку отвалива(е)тъ

Камни, корни сохой выворачива(е)тъ;
Какъ заѣдетъ мужикъ-отъ въ одинъ конецъ—
Со другаго конца и не виднушко.
А у пахаря сошка кленовенька,
Сошники во той сошкѣ булатные,
Захлеснуты гужочки шелковеньки,
А кобылка во сошкѣ соловенька.
Взговоритъ-ли Вольга тому пахарю:
«Гой мужикъ-пахарёкъ! Божья помощь тѣ,—
«Божья помощь пахать, да крестьянствовать,
«Широку борозду отворачивать,
«Да коренья, каменья вывертывать!»
Говоритъ-ли мужикъ таковы слова:
«А спасибо, Вольга, — благодарствуемъ, —
«Божья помощь, подитка, намъ надобна,
«Божья помощь—пахать, да крестьянствовать.
«Самъ далеко-ль, ѣдешь, со дружинушкой?
«Далеко-ль Богъ несётъ,—куда путь держишь?»
Взоговоритъ-ли Вольга таковы слова:
«А я ѣду, мужикъ, со дружинушкой
«По селамъ-городамъ за получкою—
«Выбиратъ съ мужиковъ дани-выходы.
«Ай, поѣдемъ со мной во товарищахъ!»
Взялъ мужикъ, воткнулъ сошку въ бороздочку,
Онъ гужочки шелковы взялъ выстегнулъ,
Взялъ изъ сошки кобылку да вывернулъ,
На кобылку ввалился, сѣлъ охлѣпью—
Со Вольгою поѣхалъ въ товарищахъ
Говоритъ-ли мужикъ таковы слова:
— «А не ладно, Вольга, я въ бороздочкѣ
«Свою сошку оставилъ не-убранну:

«Какъ-бы сошка съ земельки повыдернуть,
«Съ сошничковъ какъ-бы землю повытряхнуть,
«А и бросить сошка за ракитовъ кустъ».
Посылалъ тутъ Вольга̀ десять молодцевъ:
Велитъ сошку съ земельки повыдернуть,
Съ сошничковъ велитъ землю повытряхнуть,
А и бросить сошка за ракитовъ кустъ.—
Подъѣзжали ко сошкѣ тѣ мо́лодцы,
Соскочили въ бороздку съ добрыхъ коней,
Разомъ брались за сошку кленовеньку,—
Отъ земли этой сошки поднять нельзя.
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ съ земли сошку выдернуть,
Не могу̀тъ съ сошниковъ землю вытряхнуть,—
А и бросить сошка за ракитовъ кустъ.
А и шлетъ-ли Вольга всю дружинушку:
Велитъ сошку съ земельки повыдернуть,
Съ сошничковъ велитъ землю повытряхнуть,
А и бросить сошка за ракитовъ кустъ.
Вотъ за сошку бралась вся дружинушка,
Разомъ бра̀лась за сошку кленовую,—
Только сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ съ земли сошку выдернуть,
Не могу̀тъ съ сошничковъ землю вытряхнуть,
А и бросить сошка за ракитовъ кустъ.
Подъѣзжалъ тутъ мужикъ-деревеньщина:
Онъ слѣзалъ со кобылки соловенькой,
Подходилъ къ своей сошкѣ кленовенькой,
Брался ручкой одной да попёхивалъ,
Изъ земельки онъ сошку выдергивалъ,
Съ сошничковъ онъ земельку вытрёхивалъ,

Онъ палицей камлыжки сокрёбывалъ
А и бросилъ сошка за ракитовъ кустъ.
На добрыхъ коней сѣли,—поѣхали.
Выѣзжаютъ они на дороженьку—
Мужикова кобылка ходой идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь ужъ поскакиваетъ;
Мужикова кобылка рысцой пошла,
А Вольгинъ-отъ ужъ конь оставаться сталъ.
Передомъ мужикъ ѣдетъ, не тряхнется,—
Во всю прыть Вольга ѣдетъ сугоною.
Мужику тутъ Вольга сталъ покрикивать,
Мужику колпакомъ сталъ помахивать:
«Ты, мужикъ-пахарёкъ, ты постой, пожди,
«За тобою, мужикъ, не угонишься».
На Вольгу тутъ мужикъ пріогляnулся,
Сталъ кобылку свою укорачивать,—
И поѣхали шагомъ дорожкою.
Взговоритъ-ли Вольга таковы слова:
«У тебя-ли, мужикъ, лошадь добрая—
«Кабы лошадь твоя да конькомъ была,—
«За лошадку цѣна-бы пятьсотъ рублей».
Говоритъ-ли мужикъ таковы слова:
«А и глупъ-ты, Вольга, глупо сказыва(е)шь;
«Я кобылочку взялъ изъ подъ матери,
«За сосунчика далъ я пятьсотъ рублей;
«А конькомъ-бы была—ей и смѣты нѣтъ».
Взговоритъ-ли Вольга таковы слова:
«А и какъ тя, мужикъ, звать по имени,—
«Величать тебя какъ по изотчеству?»
Говоритъ-ли мужикъ таковы слова:
— «А я ржи напашу, во скирды сложу,

«Домой выволоку, дома вымолочу,
«Да и пива сварю, мужиковъ сзову;
«И почнутъ мужики тутъ покликивать:
«Гой Микула-свѣтъ, ты Микулушка,
«Свѣтъ-Микулушка, да Селяниновичъ!»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НЕСТОРОВА ЛѢТОПИСЬ.

КАКЪ ВЛАДИМІРЪ ПОСЫЛАЛЪ УЗНАВАТЬ ВѢРЫ.

Въ лѣто ҂ѕуч҃е. Созва Володимеръ болѧры своѧ и старци градьскїѣ, и рече имъ: «се приходиша ко мнѣ Болгаре, рькꙋще: прїими законъ нашъ; посемъ же приходиша Нѣмци, и ти хвалѧхꙋ законъ свой; по сихъ придоша Жидове. Се же послѣже придоша Грьци, хꙋлѧще вси законы, свой же хвалѧще. И много глаголаша сказающе отъ начала мїрꙋ, о бытьи всего мїра; сꙋть же хитро сказающе, и чюдно слышати ихъ, любо комꙋждо слꙋшати ихъ, и дрꙋгїй свѣтъ повѣдаютъ быти: да аще кто,

Въ 6495 году созвалъ Владиміръ бояръ своихъ и стариковъ городскихъ, и сказалъ имъ: «Вотъ приходили ко мнѣ Болгаре, говоря: прими законъ нашъ, а послѣ приходили Нѣмцы, и тѣ хвалили законъ свой; послѣ нихъ пришли Евреи. А вотъ напослѣдокъ пришли Греки, хуля всѣ законы, а свой хваля. И много говорили, разсказывая отъ начала міра, о томъ, какъ весь міръ есть; и они очень искусно говорятъ, дивишься слушая ихъ, пріятно каждому слушать ихъ; они

дѣсть, въ нашю вѣрѫ стѫпить, то паки, умеръ, станѣть и не умрѣти ємѹ въ вѣки; аще ли въ инъ законъ стѫпить, то на ономъ свѣтѣ въ огнѣ горѣти. Да что ума придасте? что отвѣчаете»?

И рѣша бояре и старци: «вѣси, княже, яко своего никтоже не хѹлить, но хвалить; аще хощеши испытати гораздо, то имаши у собе мѫжи: пославъ испытай когождо ихъ слѫжбѫ, и кто како слѫжить Богѹ». И бысть люба рѣчь князю и всѣмъ людемъ; избраша мѫжи добры и смыслены, числомъ і, и рѣша имъ: «идѣте первое въ Болгары, и испытайте первое вѣрѫ ихъ»

Они же идоша, и пришедше видѣша скверьнаѧ дѣла и кланѧнье въ ропати;

разсказываютъ, что есть другой свѣтъ: такъ что если кто, дескать, въ нашу вѣру вступитъ, тотъ, умёрши, снова будетъ жить и не умереть ему во вѣкъ; и если въ другой законъ вступитъ, то на томъ свѣтѣ въ огнѣ горѣть (ему). Такъ какъ же вы посовѣтусте? что́ отвѣтите?»

И сказали бояре и старики: «ты знаешь, князь, что своего никто не хулитъ, а хвалитъ; если (жъ ты хочешь разузнать хорошенько, то есть у тебя (на то) люди: послави разузнай (у) каждаго ихъ служеніе,—кто какъ служитъ Богу». И полюбилась рѣчь (эта) князю и всему собранію; выбрали людей именитыхъ и умныхъ, числомъ десять, и сказали имъ: «идите сперва къ Болгарамъ, и разузнайте сперва ихъ вѣру».

Они и пошли, и пришедши видѣли скверныя дѣла и молёніе въ мечети; и

придоша въ землю свою. И рече имъ Володимеръ: «идѣте паки въ Нѣмци, съглѧдайте такоже, и оттудѣ идѣте въ Греки». Они же придоша въ Нѣмци, и съглѧдавше церковнꙋю слꙋжбꙋ ихъ, придоша Цариюгородꙋ, и внидоша ко царю; царь же испыта, коегѧ ради вины придоша, они же сповѣдаша емꙋ всѧ бывшаѧ.

Се слышавъ царь, радъ бывъ, и честь великꙋ створи имъ въ той же день. Наутрїѧ посла къ патрїархꙋ, глаголѧ сице: «придоша Рꙋсь, пытающе вѣры нашеѧ; да пристрой церковь и крилосъ, и самъ причинисѧ въ свѧтительскіѧ ризы, да видѧть славꙋ Бога нашего». Си слышавъ патрїархъ, повелѣ созвати крилосъ, по обычаю створиша праздникъ, и кадила вожьгоша, пѣньѧ и лики съставиша.

вернулись въ землю свою. И сказалъ имъ Владиміръ: «Идите опять къ Нѣмцамъ, разглядите также, и оттуда идите къ Грекамъ». Они пришли къ Нѣмцамъ, и повидавъ церковную службу ихъ, пришли въ Царьградъ, и явились къ царю Царь же распросилъ, зачѣмъ они пришли, и они разсказали ему всё, что было.

Услыша это и обрадовавшись, царь празднество большое устроилъ имъ въ въ тотъ же день. На утро послалъ онъ къ патріарху, говоря такъ: «Пришли Русскіе узнавать вѣру нашу, такъ приготовь церковь и клиръ, и самъ одѣнься въ святительскія одежды; пусть видятъ славу Бога нашего». Услышавъ это, патріархъ велѣлъ созвать клиръ; по заведенному порядку устроили празднество, и паникадила зажгли, пѣніе и хоръ устроили.

И иде съ ними въ церковь, и поставиша ѧ на пространнѣ мѣстѣ, показающе красотꙋ церковнꙋю, пѣньѧ и слꙋжбы архїерѣйски, прѣстоѧнье дїаконъ, сказающе имъ слꙋженье Бога своего; они же во изꙋмѣньи бывше, удивившесѧ, похвалиша слꙋжбꙋ ихъ. И призваша ѧ царѧ Василїй и Костѧнтинъ, рѣста имъ: «идѣте въ землю вашю», и отпꙋстиша ѧ съ дары велики и съ честью.

Они же придоша въ землю свою, и созва кнѧзь болѧры своѧ и старци. Рече Володимеръ: «се придоша посланїи нами мꙋжи, да слышимъ отъ нихъ бывшее»; и рече: «скажите предъ дрꙋжиною».

Они же рѣша: «іако ходихомъ въ Болгары, смотрихомъ, како сѧ покланѧють въ храмѣ, рекше въ ропати, стоѧще безъ пояса; покло-

И пошёлъ онъ съ ними въ церковь, и поставилъ ихъ на просторномъ мѣстѣ, показывая красоту церковную, и пѣніе и служеніе Архіерейское, предстояніе дьякоповъ, разсказывая имъ служеніе Богу своему. Они, изумлённые и удивясь, восхваляли богослуженіе ихъ. И призвали ихъ оба царя, Василій и Константинъ, (и) сказали имъ: «Идите въ землю вашу». И отпустили ихъ съ подарками большими и съ почестями.

Пришли они въ землю свою, и созвалъ князь бояръ своихъ и стариковъ. Сказалъ Владиміръ: «вотъ пришли посланные нами люди, такъ послушаемъ отъ нихъ, что́ было»; и сказалъ: «разсказывайте передъ дружиною.»

И они сказали: «Мы ходили къ Болгарамъ, смотрѣли, какъ они покланяются въ храмѣ, то есть въ мечети, стоя безъ пояса; по-

нивсѧ сѧдеть, и глѧдить сѣмо и онамо, ꙗко бѣшенъ, и нѣсть весельѧ въ нихъ, но печаль и смрадъ великъ, нѣсть добръ законъ ихъ. И придохомъ въ Нѣмци, и видѣхомъ въ храмѣхъ многи слꙋжбы творѧща, а красоты не видѣхомъ никоеѧ же»

«И придохомъ же въ Греки, и ведоша ны, идѣже слꙋжать Богꙋ своемꙋ, и не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такаго вида, ли красоты такоѧ, и недоꙋмѣемъ бо сказати; токмо то вѣмы, ꙗко онъдѣ Богъ съ человѣки пребываеть, и есть слꙋжба ихъ паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты тоѧ; всѧкъ бо человѣкъ аще укꙋсить сладка, послѣди горести не прїимаеть, тако и мы не имамы сдѣ быти».

клонившись сядетъ, и глядитъ туда и сюда, какъ безумный, и нѣтъ радости въ нихъ, но печаль и смрадъ большой; не хорошъ законъ ихъ. И ходили къ Нѣмцамъ, и видѣли— въ храмахъ много служеній дѣлаютъ, а красоты не видѣли никакой.»

«А пришли мы къ Грекамъ и повели они насъ (туда), гдѣ служатъ Богу своему, и мы не знаемъ, на небѣ ли мы были, или на землѣ: потому что нѣтъ на землѣ такого зрѣлища, или красоты такой; и (никакъ) не съумѣемъ разсказать (что̀ было). Только то мы знаемъ, что тамъ Богъ съ людьми пребываетъ, и служеніе ихъ лучше, чѣмъ у всѣхъ народовъ. Мы же не можемъ забыть красоты той, потому что всякій человѣкъ, если отвѣдаетъ сладкаго, то потомъ горькаго не принимаетъ; такъ и мы здѣсь (больше) не останемся».

Отвѣщавше же болѧре рекоша: «аще бы лихъ законъ Гречьскій, то не бы баба твоѧ пріѧла Ольга, ꙗже бѣ мꙋдрѣйши всѣхъ человѣкъ» Отвѣщавъ же Володимеръ рече: «кдѣ крещенье пріимемъ?» они же рекоша: «гдѣ ти любо».

И отвѣчая бояре сказали: «если бы (былъ) дуренъ законъ греческій, то не приняла бы (его) бабка твоя Ольга, которая была умнѣе всѣхъ людей. И отвѣчая Владиміръ сказалъ:— «гдѣ же крещеніе примемъ?» И они сказали: «гдѣ тебѣ угодно».

ПОХОДЪ НА КОРСУНЬ И КРЕЩЕНІЕ ВЛАДИМІРА.

И минꙋвшꙋ лѣтꙋ, въ лѣто ҂ѕуч҃ѕ, иде Володимеръ съ вои на Корсꙋнь, градъ Гречьскій, и затворишасѧ Корсꙋнѧне въ градѣ; и ста Володимеръ объ онъ полъ города въ лимени, дали града стрѣлище едино, и борѧхꙋсѧ крѣпко изъ града, Володимеръ же объстоѧ градъ. Изнемогахꙋ въ градѣ людье, и рече Володимеръ къ гражаномъ: «аще сѧ не вдасте, имамъ стоѧти и за г҃ лѣта». Они же не послꙋшаша того. Володимеръ же изрѧди воѧ своѧ, и повелѣ приспꙋ сыпати къ градꙋ.

И когда прошёлъ годъ, въ 6496-мъ году, пошёлъ Владиміръ съ войскомъ на Корсунь, городъ греческій, и заперлись Корсуняне въ городѣ; и сталъ Владиміръ по ту сторону города у залива, отъ города (на) выстрѣлъ одинъ; и защищались крѣпко изъ города, Владиміръ же обложилъ городъ. Изнемогалъ въ городѣ народъ, и сказалъ Владиміръ горожанамъ: «если не сдадитесь, буду стоять и больше трёхъ лѣтъ.» Они же не послушали этого. Владиміръ приготовилъ (къ

Симъ же сѹщимъ, Корсѹняне, подъкопавше стѣнѹ градьскѹю, крадѹще сыплемѹю перьсть, и ношахѹ къ собѣ въ градъ, сыплюще посредѣ града; воини же присыпахѹ болѣ, а Володимеръ стояше. И се мѫжь Корсѹнянинъ стрѣли, именемъ Настасъ, написавъ сице на стрѣлѣ: «кладязи, иже сѹть за тобою отъ въстока, изъ того вода идеть по трубѣ; копавъ переими». Володимеръ же се слышавъ, возрѣвъ на небо, рече: «аще се сѧ сбѹдеть, и самъ сѧ крещю.»

И тѹ абье повелѣ копати преки трѹбамъ, и преѧша водѹ; людье изнемогоша водною жажею и предашасѧ. Вниде Володимеръ въ градъ и дружина его, и посла Володимеръ ко цареви Василью и Костѧнтинѹ, глагола сице:

бою) воиновъ своихъ, и велѣлъ насыпь дѣлать къ городу.

Когда они насыпали, Корсуняне, подкопавши стѣну городскую и крадучи насыпаемую землю, носили къ себѣ въ городъ, сваливая посредине города. Воины же продолжали насыпать, а Владиміръ стоялъ. И вотъ (одинъ) человѣкъ Корсунянинъ, именемъ Настасъ, выстрѣлилъ, написавъ такъ на стрѣлѣ: «колодцы, которые за тобой отъ востока,—изъ тѣхъ вода идётъ по трубѣ; перекопавши, перейми (воду).» Владиміръ же это услышавъ, взглянувши на небо, сказалъ: «Если это сбудется, я самъ крещусь.»

И тутъ сейчасъ велѣлъ копать поперекъ трубъ, и переняли воду. Люди изнемогли отъ жажды и сдались. Вошёлъ Владиміръ въ городъ и дружина его; и послалъ Владиміръ къ царямъ Василію и Константину,

«се градъ ваю славный взяхъ; слышю же се, яко сестру имата дѣвою, да аще єѣ не вдаста за мя, створю граду вашему, якоже и сему створихъ».

И слышаста царя, быста печальна; и вздаста вѣсть, сице глаголюща: «не достоить хрестѣномъ за поганыя дати: аще ся крестиши, то и се получишь, и царство небесное пріимеши, и съ нами единовѣрникъ будеши; аще ли сего не хощеши створити, не можемъ дати сестры своее за тя».

Си слышавъ Володимеръ, рече посланымъ отъ царю: «глаголите царема тако: яко азъ крещюся, яко испытахъ преже сихъ дній законъ вашь, и есть ли люба вѣра ваша и служенье, еже бо ми споведаша послании нами мужи.» И си слышавша царя, рада быста и умолиста сестру свою, именемъ Аньну, и

говоря такъ: «вотъ я городъ вашъ славный взялъ, слышу же вотъ, что сестра у васъ есть невѣста; такъ если её не отдадите за меня, сдѣлаю (съ) городомъ вашимъ такъ же, какъ и (съ) этимъ сдѣлалъ».

И услышали цари, опечалились; и дали отвѣтъ, такъ говоря: «не прилично христіанамъ за язычниковъ выдавать; если крестишься, то и это получишь, и царство небесное наслѣдуешь, и съ нами единовѣрцемъ будешь; если же ты этого не хочешь сдѣлать, не можемъ выдать сестры своей за тебя».

Это услышавъ, Владиміръ сказалъ посланнымъ отъ обоихъ царей: «скажите Царямъ такъ: что я крещуся, что я узналъ прежде этихъ дней законъ вашъ, и что мнѣ по душѣ вѣра ваша и богослуженіе, насколько мнѣ разсказали посланные нами люди.» И это услышавши, цари

посласта къ Володимерѹ, глаголюща: «крестисѧ и тогда послевѣ сестрѹ свою къ тобѣ». Рече же Володимеръ: «да пришедъше съ сестрою вашею крестѧть мѧ»

И послѹшаста царѧ и посласта сестрѹ свою, сановники нѣкіѧ и прозвѹтеры: она же не хотѧше ити; «такѡ въ полонъ», рече, «идѹ, лѹче вы ми сдѣ умрети». И рѣста ей братьѧ: «ѥда какѡ обратить Богъ тобою Рѹсскѹю землю въ покаѧнье, а Гречьскую землю избавишь ѿ лютыѧ рати: видиши ли, колько зла створиша Рѹсь Грекомъ? и нынѣ, аще не идеши, тоже имѹть створити намъ»; и одва ю принѹдиша.

Она же сѣдъши въ кѹбарѹ, цѣловавши ужики своѧ, съ плачемъ поиде чрезъ море; и приде къ Корсѹню, и изи-

обрадовались, и упросили сестру свою, именемъ Анну, и послали къ Владиміру, говоря: «крестися, и тогда пошлёмъ мы сестру свою къ тебѣ. И сказалъ Владиміръ: «такъ пусть придутъ съ сестрою своею и крестятъ меня»

И согласились цари, послали сестру свою, чиновниковъ нѣкоторыхъ и священниковъ; а она не хотѣла идти. «Въ плѣнъ», говорила она, «иду, лучше бы мнѣ здѣсь умереть». И сказали ей братья: «Можетъ быть какъ-нибудь обратитъ Богъ тобою русскій народъ къ покаянію, и ты греческій народъ избавишь отъ злой войны. Видишь ли сколько зла сдѣлали Русскіе Грекамъ? И теперь если не пойдёшь, тоже сдѣлаютъ намъ.» И едва её убѣдили.

И она сѣвши въ корабль, распростившись съ родными своими, съ плачемъ поплыла черезъ море. И при-

доша Корсуняне съ поклономъ, и въведоша ю въ градъ, и посадиша ю въ полатѣ.

По Божью же устрою, въ се время разболѣся Володимеръ очима, и не видяше ничтоже, и тужаше велми; и посла къ нему царица, реку щи: «аще хощеши избыти болѣзни сея, то вскорѣ крестися, аще ли ни, то не имаши изъбыти недуга сего». Си слышавъ Володимеръ, рече: «да аще истина будетъ, то поистинѣ великъ Богъ будетъ христеянескъ»; и повелѣ хрестити ся.

Епископъ же Корсунскій съ попы царициными, огласивъ, крести Володимера; такъ възложи руку на нь, абье прозрѣ. Видивъ же се Володимеръ напрасное исцѣленье, и прослави Бога, рекъ: «топерво увѣдѣхъ Бога истиньнаго». Се же видѣвше дружина его, мнози крестишася.

плыла къ Корсуню и вышли Корсуняне съ поклономъ и ввели её въ городъ, и помѣстили её во дворцѣ.

И по Божьему устроенію въ это время разболѣлся Владиміръ глазами, и не видѣлъ ничего, и тужилъ крѣпко; и послала къ нему царица говоря:—«Если хочешь избавиться (отъ) болѣзни этой, то скорѣе крестись. Если же нѣтъ, то ты не избавишься (отъ) этого недуга.» Это услышавъ, Владиміръ сказалъ: «Такъ если это на самомъ дѣлѣ будетъ, то по правдѣ великъ Богъ будетъ христіанскій» и велѣлъ крестить себя.

И епископъ Корсунскій съ священниками царицыными, огласивъ, окрестилъ Владиміра; какъ только онъ возложилъ руку на него, такъ онъ тотчасъ прозрѣлъ. И увидѣвши это внезапное изцѣленіе, Владиміръ прославилъ Бога и сказалъ: «вотъ впервые увѣдалъ я

Бога истиннаго». Видѣвъ же это, многіе изъ дружины его крестились.

КРЕЩЕНІЕ РУСИ.

Володимеръ же посемъ поемъ царицю, и Настаса, и попы Корсѹньски, съ мощми свѧтагѡ Климента и Фифа, ученика єгѡ, поима сѣсуды церковныѧ и иконы на благословенье себѣ. Постави же цѣрковь въ Корсѹнѣ на горѣ, юже сѣсыпаша средѣ града, крадѹще приспѹ.

Вдасть же за вѣно Грекомъ Корсѹнь опѧть царицѣ дѣлѧ, а самъ приде Кіевѹ. Ѥкѡ приде, повелѣ кѹмиры испроверщи, овы исѣщи, а дрѹгіѧ огневи предати; Перѹна же повелѣ привѧзати коневи къ хвостѹ, и влещи съ горы по Коричевѹ на Рѹчай, ві мѹжа пристави тети жезльемъ. Сѐ же не такѡ древѹ чюющю, но на порѹганье бѣсѹ, иже прелщаше симъ

И Владиміръ послѣ этого, взявъ царицу и Настаса, и священниковъ Корсунскихъ съ мощами Св. Климента и Ѳиѳа, ученика его, взялъ сосуды церковные и иконы на благословенье себѣ. И поставилъ церковь въ Корсуни, на горѣ, которую насыпали по серединѣ города, крадучи насыпь.

Вернулъ же онъ, вмѣсто вѣна за невѣсту, Грекамъ Корсунь за царицу, а самъ воротился въ Кіевъ. Какъ пришёлъ, велѣлъ идоловъ ниспровергнуть, которыхъ изрубить, а которыхъ огню предать; а Перуна велѣлъ привязать къ хвосту и тащить съ горы по Боричеву на Ручай; двѣнадцать человѣкъ приставилъ онъ бить его палками; и

образомъ человѣкы, да възмездье пріиметъ ѿ человѣкъ.

Велій еси, Господи, чюдна дѣла твоя! вчера чтимъ отъ человѣкъ, а днесь поругаемъ. Влекому же ему по рѹчаю къ Днѣпрѹ, плакахѹся его невѣрніи людье, еще бо не бѣхѹ пріяли святаго крещенья; и привлекше, врнѹша и въ Днѣпръ.

И пристави Володимеръ, рекъ: «аще кдѣ пристанеть, вы отрѣвайте его ѿ берега, дондеже пороги проидетъ; то тогда охабитеся его». Они же повелѣнаа створиша; яко пѹстиша и, проиде сквозѣ пороги, изверже и вѣтръ на рѣнь и оттолѣ прослѹ Перѹнѣ Рѣнь, якоже и до сего дне словеть.

это не потому, чтобъ дерево чувствовало, но на поруганіе бѣсу, который обманывалъ этимъ образомъ людей, — чтобъ возмездіе получилъ онъ отъ людей.

Великъ Ты, Господи, чудны дѣла Твои! Вчера онъ чтимъ людьми, а нынче поруганъ. Когда тащили его по Ручаю къ Днѣпру, плакали по нёмъ невѣрные люди, потому что ещё не приняли они святаго крещенія; и притащивши, бросили въ Днѣпръ.

А приставилъ же Владиміръ ихъ, сказавъ: «Если онъ гдѣ нибудь пристанетъ, то вы отталкивайте его отъ берега, до тѣхъ поръ, (пока) пороги пройдётъ; только тогда избавитесь отъ него». Они же, что́ велѣно—сдѣлали; какъ пустили, и прошёлъ онъ черезъ пороги, выкинулъ его вѣтеръ на отмель, и оттого прозвалась она Перунова отмѣль, какъ и до сего дня зовётся.

Посемъ же Володимеръ посла по всемъ градѣ, глаголѧ: «аще не обрѧщетьсѧ ктѡ завтра на рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищь, ли работникъ, противенъ мнѣ да бѹдеть». Се слышавше людье, съ радостью идѧхѹ, радѹющесѧ и глаголюще: «аще бы се не добро было, не бы сегѡ князь и болѧре пріѧли».

Наѹтріѧ же изыде Володимеръ съ попы царицины и съ Корсѹньскыми на Днѣпръ, и снидесѧ безъ числа людій: влѣзоша въ водѹ и стоѧхѹ овы до шіе, а дрѹзіи до персій, младенци же отъ берега, дрѹзіи же младенци держаще, свершенїи же бродѧхѹ; попове же стоѧще молитвы творѧхѹ.

И бѧше си видѣти радость на небеси и на земли.

После того Владиміръ послалъ по всему городу, говоря: «если не окажется кто завтра на рѣкѣ: богатый ли, убогій ли, нищій ли, или работникъ,—тотъ врагъ мнѣ будетъ.» Это услышавши, люди съ радостью шли, веселяся и говоря: «Если бы это не хорошо было, не приняли бы этого князь и бояре».

И на утро вышелъ Владиміръ съ священниками царицыными и съ Корсунскими на Днѣпръ. И сошлося безъ числа народу: вошли въ воду и стояли одни по шею, а другіе по груди, дѣти у берега, другіе же дѣтей держали, взрослые же шли въ бродъ. Священники же стояли и молитвы творили.

И видѣть это была радость на небѣ и на землѣ.

БОРЬБА РУССКАГО СЪ ПЕЧЕНѢГОМЪ.

Въ лѣто ҂ѕф҃. Иде Володимеръ на Хорваты. Пришедшю бо ему съ войны Хорватьскыѧ, и се Печенѣзи придоша по оной сторонѣ отъ Сулы; Володимеръ же поиде противу имъ, и срѣте ѧ на Трубежи на бродѣ, кдѣ нынѣ Переѧславль. И ста Володимеръ на сей сторонѣ, а Печенѣзи на оной, и не смѧху си на ону страну, ни они на сю страну.

И пріѣха кнѧзь Печенѣжьскый къ рѣкѣ, возва Володимера и рече ему: «выпусти ты свой мужь, а ꙗ свой да сѧ борета; да аще твой мужь ударить моимъ, да не воюемъ за три лѣта, аще нашь мужь ударитъ, да воюемъ за три лѣта»; и разидостасѧ разно. Володимеръ же приде въ товары, и посла биричи по товаромъ, глаголѧ: «нѣту ли такогѡ мужа,

Въ 6500 году пошёлъ Владиміръ на Хорватовъ; и когда пришёлъ съ войны Хорватской, вдругъ Печенѣги пришли по той сторонѣ отъ Сулы; Владиміръ же пошёлъ на встрѣчу имъ, и встрѣтилъ ихъ на Трубежѣ на броду, гдѣ нынче Переяславль. И остановился Владиміръ на этой сторонѣ, а Печенѣги на той. И не рѣшались (перейти) ни эти на ту сторону, ни тѣ на эту сторону.

И подъѣхалъ князь Печенѣжскій къ рѣкѣ, вызвалъ Владиміра и сказалъ ему: «выставь ты своего воина, а я своего, чтобы они вдвоёмъ поборолись; такъ (что) если твой воинъ ударитъ моимъ (объ землю), такъ мы не будемъ воевать три года, а если нашъ воинъ ударитъ, такъ мы будемъ воевать васъ три года». И разошлись врозь. И

иже бѣ сѧ галъ съ Печенѣжиномъ?» и не wбрѣтесѧ никдѣже.

Заѹтра пріѣхаша Печенѣзи и свой мѹжь приведоша, и у нашихъ не бысть. И почаша тѹжити Володимеръ, сѧ по всѣмъ воемъ, и приде единъ старъ мѹжь ко кнѧзю и рече емѹ: «кнѧже! есть у мене единъ сынъ меншей дома, а съ четырми есмь вышелъ, а онъ дома: wт дѣтьства бо егw нѣсть ктw имъ ударилъ: единою бо ми и сварѧщю, и ономѹ мьнѹщю усніе, разгнѣвавъсѧ на мѧ, прѣторже череви рѹками».

Кнѧзь же се слышавъ радъ бысть, посла по нь, и приведоша и ко кнѧзю, и кнѧзь повѣда емѹ всѧ; сей же рече: «кнѧже! не вѣдѣ, могѹ ли со нь, и да искѹсить

Владиміръ пришёлъ въ обозъ и послалъ глашатаевъ по обозу, говоря: «нѣтъ ли такого ратника, который бы схватился съ Печенѣгомъ?» И не нашлось (такого) нигдѣ.

На утро подъѣхали Печенѣги и своего воина вывели, а у нашихъ не было. И началъ печалиться Владиміръ, посылая по всему войску, и пришёлъ одинъ старый человѣкъ къ князю и сказалъ ему: «князь, есть у меня одинъ сынъ меньшой до́ма; съ четырьмя я вышёлъ, а онъ до́ма; отъ дѣтства его нѣтъ того, кто бы его повалилъ: разъ вотъ, когда я бранилъ его, а онъ мялъ шкуру, то онъ, разсердившись на меня, перервалъ кожу руками».

И князь, это услыхавши, обрадовался, послалъ за нимъ, и привели его къ князю, и князь сказалъ ему всё: онъ же сказалъ; «Князь, не знаю, въ си-

мѧ: нѣтꙋ ли быка велика и силна?»

И налѣзоша быкъ великъ и силенъ, и повелѣ раздраждити быка; возложиша на нь желѣза горѧча, и быка пꙋстиша, и побѣже быкъ мимѡ и, и похвати быка рꙋкою за бокъ, и вынѧ кожю съ мѧсы, єликѡємꙋ рꙋка зѧ; и рече ємꙋ Володимеръ: «можеши сѧ съ нимъ бороти».

И наꙋтріѧ придоша Печенѣзи, почаша звати: «нѣ ли мꙋжа? се нашь доспѣлъ». Володимеръ же повелѣ той ночи облещисѧ въ орꙋжье; и приступиша тꙋ обои. Выпꙋстиша Печенѣзи мꙋжь свой, бѣ бо превеликъ сѣлѡ и страшенъ; и выстꙋпи мꙋжь Володимерь, и узрѣ и Печенѣзинъ и посмѣѧсѧ, бѣ во середнїй тѣломъ:

силахъ ли я съ нимъ (бороться), но пусть испытаютъ меня; нѣтъ ли здѣсь быка бо́льшаго и сильнаго?»

И нашли быка большаго и сильнаго, и велѣлъ (Владиміръ) разсердить быка. Положили на него желѣзо горячее, и быка пустили. И побѣжалъ быкъ мимо его, и ухватилъ онъ быка за бокъ, и вырвалъ кожу съ мясомъ, сколько у него рука захватила; и сказалъ ему Владиміръ: «ты можешь съ нимъ бороться».

И на утро пришли Печенѣги и начали кричать: «нѣтъ развѣ человѣка? вотъ нашъ готовъ». Владиміръ же велѣлъ той ночью надѣть оружіе, и подступили тутъ оба (войска). Выслали Печенѣги человѣка своего, и былъ онъ огроменъ очень и страшенъ; и вышелъ человѣкъ Владиміровъ, и увидалъ его Печенѣгъ и посмѣялся, потому что тотъ былъ средняго роста.

И размѣривше межи обѣма полкома, пꙋстиша ѧ къ собѣ, и ꙗстасѧ, и почаста сѧ крѣпкѡ держати, и ꙋдави Печенѣзина въ рꙋкахъ до смерти и ꙋдари имъ о землю; и кликнꙋша, и Печенѣзи побѣгоша, и Рꙋсь погнаша по нихъ сѣкꙋще, и прогнаша ѧ.

И размѣривъ (разстояніе) между обоими войсками: пустили ихъ другъ къ другу; и схватилися они, и начали крѣпко бороться, и сдавилъ (Русскій) Печенѣга въ рукахъ до смерти и ударилъ имъ объ землю; и (Русскіе) закричали, и Печенѣги побѣжали, и Русскіе гнались за ними, рубя (ихъ), и разогнали ихъ.

Володимеръ же радъ бывъ, заложи городъ на бродѣ томъ; и нарече и Переѧславль, зане переѧ славꙋ отрокъ отъ. Володимеръ же великимъ мꙋжемъ створи того и отца егѡ. Володимеръ же възвратисѧ въ Кыевъ съ побѣдою и съ славою великою.

И Владиміръ обрадовавшись заложилъ городъ у брода того и назвалъ его Переяславлемъ, потому что перенялъ славу юноша тотъ. И Владиміръ знатнымъ человѣкомъ сдѣлалъ его и отца его. И Владиміръ вернулся въ Кіевъ съ побѣдою и славою великою.

ДОБРЫЯ ДѢЛА ВЛАДИМІРА.

По сихъ же придоша Печенѣзи къ Василевꙋ, и Володимеръ съ малою дрꙋжиною изыде противꙋ, и състꙋпившимсѧ, и не могъ стерпѣти противꙋ, подъбѣгъ ста

Послѣ этаго пришли Печенѣги къ Василёву, и Владиміръ съ малою дружиною вышелъ на встрѣчу, и когда сошлися, онъ не могъ выдержать (нападенія) и отсту-

подъ мостомъ; одва укрысѧ противныхъ; и тогда обѣщасѧ Володимеръ поставити церковь свѧтаго Преображеньѧ, бѣ бо въ тъ день Нрсображенье Господне, єгда си бысть сѣча.

Избывъ же Володимеръ сегѡ, постави церковь, и створи праздникъ великъ, варѧ т̄ проваръ медѹ, и съзываше болѧры своѧ, и посадникы, старѣйшины по всѣмъ градомъ, и люди многы, и раздаѧ убогымъ т̄ гривенъ.

Праздновавъ князь днїй ѝ, и възвращашетьсѧ Кыевѹ на Успенье свѧтыѧ Богородица, и тѹ пакы сотвораше праздникъ великъ, сзываѧ безчисленное можьство народа. Видѧ же люди хрестьяны сѹща, радовашесѧ дѹшею и тѣломъ, и такѡ по всѧ лѣта творѧше.

Бѣ бо любѧ словеса книжныѧ; слыша бо єдиною Єванпивъ остановился ниже моста, и едва укрылся (отъ) враговъ; и тогда обѣщался Владиміръ поставить церковь въ Василёвѣ Св. Преображенія, потому что было въ тотъ день Преображеніе Господне, когда эта была битва.

Избавившись же отъ этого, Владиміръ поставилъ церковь, и сдѣлалъ празднество большое, наваривъ триста котловъ мёду и назвавши бояръ своихъ, и посадниковъ, и старѣйшинъ со всѣхъ городовъ, и народу много, и раздавши бѣднымъ триста гривенъ.

Праздновавши князь восемь дней, возвратился въ Кіевъ на успенье Св. Богородицы, и тутъ опять дѣлалъ пиръ большой, созывая безчисленное множество народу. И видя народъ христіанами, радовался душою и тѣломъ, и такъ всегда онъ дѣлалъ.

Любилъ онъ слова книжныя; слышавъ иногда чи-

гелье чтомо: «блажени милостивїи, ꙗкѡ ти помиловани бѫдѫтъ»; и паки: «продайте имѣньꙗ ваша и дадите нищимъ», и паки: «не скрывайте собѣ сокровищь на земли, идѣже тлѧ тлить и татье подъкопываютъ, но скрывайте собѣ сокровище на невесѣхъ, идѣже ни тлѧ тлить, ни татье крадѫть»; и Давыда глаголюща: «блаженъ мѫжь милѹѧ и даѧ»; Соломона же слыша глаголюща: «вдаяй нищемѹ, Богѹ взаимъ даетъ»;— си слышавъ, повелѣ всѣкомѹ нищемѹ и убогомѹ приходити на дворъ княжь и взимати всѣкѹ потребѹ, питье и ѣденье, и отъ скотьниць кѹнами.

Устрои же и се, рекъ: «ꙗкѡ немощнїи и болнїи не могѫть долѣзти двора моегѡ». Повелѣ пристроити кола; и въскладше хлѣбы, мяса, рыбы, овощь разноличный, медъ въ бчелкахъ, а въ дрѹгыхъ квасъ, возити по готаемое Евангеліе: «блаженны милостивые, такъ какъ они помилованы будутъ»; и опять: «продайте имѣніе своё и отдайте нищимъ»; и опять «не прячьте себѣ богатствъ на землѣ, гдѣ червь точитъ и воры подкапываютъ, но прячьте себѣ богатства на небѣ, гдѣ ни червь (не) точитъ, ни воры (не) крадутъ», (слыша) и Давида, говорящаго: «Блаженъ человѣкъ, милующій и дающій;» и Соломона слышалъ, говорящаго. «дающій нищему, Богу взаймы даетъ»; (все) это слышавши велѣлъ всякому нищему и убогому приходить на дворъ княжескій, и брать всё, что нужно: питье и ѣду, и изъ казны деньги.

Устроивъ и это, сказалъ: «слабые и больные не могутъ дойти до двора моего». Велѣлъ сдѣлать телѣги, наклавши на нихъ хлѣба, мяса, рыбы, овощей разныхъ, мёда въ боченкахъ, а въ другихъ квасу, возить по го-

роду, вопрашающимъ: «кдѣ болнїй и нищь, не могы ходити?» тѣмъ раздаваху на потребу.

Се же паки творяше людемъ своимъ: по всѣмъ недѣлѧмъ устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити болѧромъ, и гридемъ, и сѧцьскымъ, и десѧцьскымъ, и нарочитымъ мѫжемъ, при кнѧзи и безъ кнѧзя: бываше множьство отъ мясъ, ѿ скота и отъ звѣрины, бѧше по изобилью отъ всего. Сгда же подъпьѧхѫтьсѧ, начьнѧхѫть роптати на кнѧзь, глаголюще: «зло есть нашимъ головамъ! да намъ пасти деревѧными лжицами, а не сребрѧными»

Се слышавъ Володимеръ, повелѣ исковати лжицѣ сребрены пасти дружинѣ; рекъ сице: «пакы сребромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мой и отець мой доискасѧ злата и сребра». Бѣ бо Во-

роду, спрашивая: «гдѣ больные и нищіе, (что) не могутъ ходить?» такимъ (людямъ) раздавали сколько нужно.

А вотъ что еще дѣлалъ для людей своихъ: каждую недѣлю учердилъ въ (своемъ) дворѣ пиръ приготовлять и приходить боярамъ, и дружинникамъ, и сотскимъ, и десятскимъ, и сановнымъ людямъ, при князѣ и безъ князя. Бывало множество мяса, и скота, и дичины, было въ изобиліи всего. Когда же (бывало) подопьютъ, начнутъ роптать на князя, говоря: «худо нашимъ головамъ; онъ далъ намъ ѣсть деревянными ложками, а не серебряными.»

Это услышавши, Владиміръ велѣлъ наковать ложекъ серебряныхъ, ѣсть дружинѣ, сказавъ такъ: «серебромъ и золотомъ не добыть мнѣ дружины, а дружиною добуду серебра и золота, какъ и дѣдъ мой и отецъ мой доискались дру-

лодимеръ любѧ дрꙋжинꙋ, и съ ними дꙋмаѧ о строи земленѣмъ, и о ратехъ, и о уставѣ земленѣмъ.

жиною золота и серебра». А Владиміръ любилъ дружину, и съ нею совѣщался объ устройствѣ земли, и объ воинахъ, и объ земскомъ уставѣ.

И живѧше Володимеръ по устроенью отьню и дѣдню.

И жилъ Владиміръ по порядкамъ отцовскимъ и дѣдовскимъ.

ИЗЪ ЧЕТЬИ МИНЕИ

Слово о гнѣвѣ, ꙗко держай гнѣвъ на своѧ дрꙋги въ область даетсѧ діаволꙋ.

Слово о гнѣвѣ; какъ неоставляющій гнѣва на своихъ ближнихъ, отдается во власть дьяволу.

Повѣдаше Ісакъ мнихъ: бысть ми, рече, нѣкогда распрѧ съ братомъ, и имѣхъ на нь гнѣвъ. Дѣлаѧ же свое рꙋкодѣліе, помѧнꙋхъсѧ, и скорбѧхъ, ꙗкѡ соблазнивсѧ; и пребыхъ весь день празденъ, не вѣдый, что сотворити.

Расказывалъ монахъ Исакъ: случилась у меня, говорилъ онъ, однажды ссора съ однимъ изъ братіи; и оставался я въ гнѣвѣ на него. Занимаясь же своимъ рукодѣльемъ, опомнился я, и скорбѣлъ, какъ поддавшійся искушенію; и весь день провелъ я безъ дѣла, не зная, за что приняться.

И се уноша дверьми вниде ко мнѣ, и не сотворь молитвы, глагола ми: «соблаз-

И вотъ вошелъ ко мнѣ въ двери юноша, и, не сотворивъ молитвы, сталъ

нилсѧ єси; но даждь мнѣ, да ти исправлю». Азъ же рѣхъємѹ: «отъиди отселе и николиже приходи, ꙗкѡ нѣси ты отъ Бога».

И рече ми: «жаль ми тебе, ꙗкѡ дѣло си гѹбиши, а мой єси уже». Азъ же отвѣщахъ къ немѹ паки: «Божій єсмь, а не твой, діаволе».

И рече ми: «въ истинѹ далъ єсть намъ Богъ держащихъ гнѣвъ и зло помнѧщихъ; ты же имаши ѓ недѣли гнѣвамсѧ, и врагъ єси сѹсѣдѹ своемѹ». Азъ же рѣхъ ємѹ: «лжеши». Глагола ми: «не имаши геены палѧщіѧ памѧти, зло имаши къ немѹ; азъ же къ помнѧщимъ зло приставленъ єсмь, и уже мой єси»

И ꙗкѡ слышахъ се, идохъ ко братѹ, и поклонихсѧ ємѹ, и сотворихъ любовь. И обратившсѧ обрѣтохъ, ꙗкѡ изговорить мнѣ: «поддался ты искушенію! но дай только мнѣ, и я поправлю тебѣ (все дѣло)!» Я же сказалъ ему «уйди отсюда, и никогда больше не приходи, потому что ты не отъ Бога!»

И сказалъ онъ мнѣ: «жаль мнѣ тебя, что ты дѣло себѣ портишь; только ты ужъ мой!» Я же опять отвѣчалъ ему: «Божій—я, а не твой, сатана!»

А онъ сказалъ мнѣ: «(говорю тебѣ) по истинѣ: намъ отдалъ Богъ (всѣхъ), не покидающихъ гнѣва и помнящихъ зло; а ты уже три недѣли, какъ въ гнѣвѣ, и сталъ врагомъ ближнему своему» Я же сказалъ ему: «ты лжешь!» Сказалъ онъ мнѣ: «нѣтъ у тебя въ памяти геенны огненной; зло у тебя къ брату; а я и приставленъ къ помнящимъ зло, и ты ужъ—мой!»

И, какъ услышалъ я это, такъ и пошелъ къ брату; попросилъ у него прощенья и вошелъ (съ нимъ) въ

жеглъ есть рꙋкодѣлїе мое и рогозиницю, на ней же кланѧхсѧ.

любовь. И вернувшись, я увидѣлъ, что (сатана) сжегъ мою работу и рогожку, на которой я клалъ поклоны.

КНИГА БЫТІЯ

ГЛАВА XXXVII.

в҃. І҆ѡ́сифъ бѧ́ше седмина́десѧти лѣтъ, пасы́й ѻ҆́вцы ѻ҆ц҃а̀ своегѡ̀ съ бра́тїею свое́ю.

г҃. І҆а́кѡвъ же люблѧ́ше І҆ѡ́сифа па́че всѣ́хъ сынѡ́въ свои́хъ, ꙗ҆́кѡ сы́нъ въ ста́рости є҆мꙋ̀ бы́сть: и҆ сотвори̑ є҆мꙋ̀ ри́зꙋ пе́стрꙋ.

д҃. Ви́дѣвше же бра́тїѧ є҆гѡ, ꙗ҆́кѡ лю́битъ є҆го̀ ѻ҆ц҃ъ па́че всѣ́хъ сынѡ́въ свои́хъ, возненави́дѣша є҆го̀, и҆ не можа́хꙋ глаго́лати къ немꙋ̀ ничто́же ми́рно.

є҃. Ви́дѣвъ же І҆ѡ́сифъ со́нъ, повѣ́да и҆̀ бра́тїи свое́й.

ѕ҃. И҆ речѐ и҆̀мъ: послꙋ́шайте сна̀ сегѡ́, є҆го́же ви́дѣхъ.

2. Іосифъ, семнадцати лѣтъ, пасъ скотъ отца своего вмѣстѣ съ братьями своими.

3. Израиль любилъ Іосифа болѣе всѣхъ сыновей своихъ, потому что онъ былъ сынъ старости его; и сдѣлалъ ему разноцвѣтную одежду.

4. И увидѣли братья его, что отецъ ихъ любитъ его болѣе всѣхъ братьевъ его; и возненавидѣли его, и не могли говорить съ нимъ дружелюбно.

5. И видѣлъ Іосифъ сонъ, и разсказалъ его братьямъ своимъ: и они возненавидѣли его еще болѣе.

6. Онъ сказалъ имъ: выслушайте сонъ, который я видѣлъ.

з. Мнѣхъ васъ вяжущихъ снопы средѣ поля: и вста мой снопъ, и ста прямо: ваши же снопы обратившеся поклонишася моему снопу.

7. Вотъ, мы вяжемъ снопы посреди поля, и вотъ, мой снопъ всталъ, и сталъ прямо; и вотъ, ваши снопы стали кругомъ, и поклонились моему снопу.

и. Рѣша же ему братіи его: еда царствомъ царствовати будеши над нами, или господствомъ господствовати будеши над нами; и приложиша еще ненавидѣти его сновъ ради его, и ради словесъ его.

8. И сказали ему братья его: не уже ли ты будешь царствовать надъ нами? Не уже ли будешь владѣть нами? И возненавидѣли его еще болѣе за сны его, и за слова его.

ѳ. Виде же сонъ другій, и повѣда его отцу своему, и братіи своей, и рече: се видѣхъ другій сонъ: яки бы солнце и луна, и единонадесять звѣздъ покланяхуся мнѣ.

9. И видѣлъ онъ еще другой сонъ, и разсказалъ его отцу своему и братьямъ своимъ, говоря: вотъ, я видѣлъ еще сонъ; вотъ, солнце, и луна, и одиннадцать звѣздъ покланяются мнѣ.

і. И запрети ему отецъ его и рече ему: что сонъ сей, егоже еси видѣлъ; еда пришедше пріидемъ азъ и мати твоя, и братіа твоя поклонитися тебѣ до земли;

10. И онъ разсказалъ отцу своему и братьямъ своимъ; и побранилъ его отецъ его, и сказалъ ему: что это за сонъ, который ты видѣлъ? не уже ли я, и твоя мать, и твои братья пріидемъ поклониться тебѣ до земли?

аі. Позавидѣша же ему

11. Братья его досадова-

бра́тїм ѥгѡ̀: сѻ̄ъ́ жс ѥгѡ́ соблюдѣ́ сло́во сїе́.

ві. Ѿидо́ша же бра́тїм ѥгѡ̀ пасти́ ѻ҃вцы ѻ҃тца̀ своегѡ́ въ Сухе́мѣ.

гі. И̑ речѐ Їсра́иль ко Їѡ́сифѹ̀: ѥ̂да̀ бра́тїм твои́м не пасѹ́тъ въ Сухе́мѣ; гра̀ди, да пошлю́ тѧ къ ни́мъ. речѐ же ѥ̂мѹ̀: сѐ а҆́зъ.

ді. Рече́ же ѥ̂мѹ̀ Їи́ль: ше́дъ, ви́ждь, а҆́ще здра́вствѹютъ бра́тїм твои́м, и̑ ѻ҃вцы; и̑ повѣ́ждь мн̀. и̑ посла̀ ѥгѡ̀ ѿ ю҆до́ли Хеврѡ́ни: и̑ прїи́де въ Сухе́мъ.

ѕі. И̑ ѡ҆́брѣте ѥгѡ̀ челове́къ заблѹжда́юща на по́ли: вопроси́ же ѥгѡ́ чл҃ве́къ, гла́голѧ: чесогѡ̀ и̑́щеши;

зі. Ѻ҃нъ же рече́: бра́тїи моего́м и̑́щѹ: повѣ́ждь мн̀, гдѣ̀ пасѹ́тъ.

ѯі. Рече́ же ѥ̂мѹ̀ челове́къ: ѿидо́ша ѡ҆́сюдѹ̀: слы́шахъ бо и̑́хъ глаго́лющихъ: по́йдемъ въ Доѳаи́мъ. и̑ и́де Їѡ́сифъ въ слѣ́дъ бра́тїи своего́м, и̑ ѡ҆́брѣте ѧ̀ въ Доѳаи́мѣ.

ли на него; а отецъ его замѣтилъ это слово.

12. Братья его пошли пасти скотъ отца своего, въ Сихемъ.

13. И сказалъ Израиль Іосифу: братья твои не пасутъ ли въ Сихемѣ? Пойди, я пошлю тебя къ нимъ. Онъ отвѣчалъ ему вотъ я.

14 Израиль сказалъ ему: пойди, посмотри, здоровы ли братья твои и цѣлъ ли скотъ, и принеси мнѣ отвѣтъ. И послалъ его изъ долины Хевронской и онъ пришелъ въ Сихемъ.

15 И нашелъ его нѣкто блуждающимъ въ полѣ, и спросилъ его тотъ человѣкъ, говоря: чего ты ищешь?

16. Онъ сказалъ: я ищу братьевъ моихъ; скажи мнѣ, гдѣ они пасутъ?

17. И сказалъ тотъ человѣкъ: они ушли отсюда; ибо я слышалъ, какъ они говорили: пойдемъ въ Доѳанъ. И пошелъ Іосифъ за братьями своими, и нашелъ

ихъ въ Доѳанѣ.

ѝі. Предꙋзрѣша же єго ѝздалече, прежде приближенїѧ єгѡ̀ къ нимъ: и҆ ѕлѣ̀ оу҆мы́слиша оу҆би́ти є҆го.

18. И увидѣли они его издали, и прежде нежели онъ приблизился къ нимъ, стали умышлять противъ него, чтобы убить его.

ѳі. Рече́ же кі́йждо къ бра̀тꙋ своемꙋ̀: сѐ снови́децъ ѻ҆ный и҆́детъ.

19. И сказали другъ другу: вотъ идетъ сновидѣцъ.

к҃. Ны́нѣ оу҆́бо прїиди́те, оу҆бїе́мъ є҆го̀, и҆ вве́ржемъ є҆го̀ во є҆ди́нъ ѿ рвѡ́въ, и҆ рече́мъ: ѕвѣ́рь лю́тъ снѣде́ є҆го̀: и҆ оу҆́зримъ, что̀ бꙋ́дꙋтъ сѡ́нїѧ є҆гѡ̀.

20. Пойдемъ теперь, и убьемъ его, и бросимъ его въ какой нибудь ровъ, и скажемъ, что хищный звѣрь съѣлъ его; и увидимъ, что́ будетъ изъ его сновъ.

ка. Слы́шавъ же Рꙋві́мъ, ѿѧ̀ є҆го̀ и҆з̾ рꙋ́къ и҆́хъ, и҆ рече́: не оу҆бїе́мъ є҆го̀ на дꙋши̇̀.

21. И услышалъ *сіе* Рувимъ, и избавилъ его отъ рукъ ихъ, сказавъ: не убьемъ его.

к҃в. Рече́ же и҆́мъ Рꙋві́мъ: не проли́йте кро́ве: вверзите є҆го̀ во є҆ди́нъ ѿ рвѡ́въ си́хъ, и҆́же въ пꙋсты́ни, рꙋки́ же не возло́жите на него̀: [тща́шесѧ бо] ꙗ҆́кѡ да и҆зы́метъ є҆го̀ ѿ рꙋ́къ и҆́хъ, и҆ ѿда́стъ є҆го̀ ѻ҆ц҃ꙋ̀ своемꙋ̀.

22. И сказалъ имъ Рувимъ: не проливайте крови; бросьте его въ ровъ, который въ пустынѣ, а руки не налагайте на него. *Сіе говорилъ онъ* (съ тѣмъ намѣреніемъ), чтобы избавить его отъ рукъ ихъ, и возвратить его къ отцу его.

к҃г. Бы́сть же є҆гда̀ прїиде І҆ѡ́сифъ къ бра́тїи своє́й, соблеко́ша со І҆ѡ́сифа ри́зꙋ

23. Когда Іосифъ пришелъ къ братьямъ своимъ, они сняли съ Іосифа одеж-

пе́стрꙋю, ꙗ҆́же на не́мъ:

к҃д. И҆ поє́мши є҆го̀, вверго́ша въ ро́въ: ро́въ же то́щь, воды̀ не и҆мѧ́ше.

к҃є. И҆ сѣдо́ша ꙗ҆́сти хлѣ́бъ: и воззрѣ́вше ѻ҆чи́ма, ви́дѣша: и҆ сѐ пꙋ́тницы І҆сма́илтѧне и҆дѧ́хꙋ ѿ Галаа́да, и҆ велблю́ды и҆́хъ по́лны ѳѵмїа́ма, и҆ рити́ны и҆ ста́кти; и҆дѧ́хꙋ же везꙋ́ще во Є҆гѵ́петъ.

к҃ѕ. Рече́ же І҆ꙋ́да къ бра́тїи свое́й: ка́ѧ по́льза, а҆́ще оу҆бїе́мъ бра́та на́шего, и҆ скры́емъ кро́вь є҆гѡ̀;

к҃з. Грѧди́те продади́мъ є҆го̀ І҆сма́илтѧнѡмъ си́мъ: рꙋ́цѣ же на́ши да не бꙋ́дꙋтъ на не́мъ, ꙗ҆́кѡ бра́тъ нашъ, и҆ пло́ть на́ша є҆сть: послꙋ́шаша же бра́тїѧ є҆го̀.

к҃и. И҆ мимоидо́ша человѣ́цы Мадїа́мстїи кꙋпцы̀: и҆ и҆звлеко́ша и҆ возведоша І҆ѡ́сифа и҆з ро́ва, и҆ прода́ша І҆ѡ́сифа І҆сма́илтѧнѡмъ на два́десѧть златни́цъ: и҆ поведо́ша І҆ѡ́сифа во Є҆гѵ́петъ.

ду его, одежду разноцвѣтную, которая была на немъ;

24. И взяли его и бросили въ ровъ; ровъ же тотъ былъ пустъ; воды въ немъ не было.

25. И сѣли они ѣсть хлѣбъ, и взглянувъ, увидѣли, вотъ, идетъ изъ Галаада караванъ Измаильтянъ, и верблюды ихъ несутъ стираксу, бальзамъ и ладонъ; идутъ они отвезти это въ Египетъ.

26. И сказалъ Іуда братьямъ своимъ: что́ пользы, если мы убьемъ брата нашего, и скроемъ кровь его?

27. Пойдемъ, продадимъ его Измаильтянамъ; а руки наши да не будутъ на немъ, ибо онъ братъ нашъ, плоть наша. Братья его послушались.

28. И, когда проходили купцы Мадіамскіе, вытащили Іосифа изо рва, и продали Іосифа Измаильтянамъ за двадцать сребрениковъ; а они отвели Іосифа въ Египетъ.

к҃ѳ. Возвра́тисѧ же Рꙋві́мъ къ ро́вꙋ, и҆ не оу҆зрѣ̀ І҆ѡ́сифа въ ро̀вѣ: и҆ растерза̀ ри̑зы своѧ̀.

л҃ И҆ прїи́де къ бра́тїи свое́й, и҆ речѐ: ѻ҆трочища нѣ́сть, а҆зъ же ка́мѡ и҆дꙋ̀ ктомꙋ̀;

л҃а. Взе́мше же ри́зꙋ І҆ѡ́сифовꙋ, закла́ша ко́злища ѿ ко́зъ, и҆ пома́заша ри́зꙋ кро́вїю.

л҃в. И҆ посла́ша ри́зꙋ пе́стрꙋю, и҆ принесо́ша ко ѻ҆ц҃ꙋ̀ своемꙋ̀, и҆ реко́ша; сїю̀ ѡ҆брѣто́хомъ: познава́й, а҆́ще ри̑за сы́на твоегѡ̀ є҆́сть, и҆лѝ нѝ;

л҃г. И҆ позна̀ ю̀, и҆ рече́: ри́за сы́на моегѡ̀ є҆́сть: ѕвѣ́рь лю́тъ снѣдѐ є҆го̀: ѕвѣ́рь восхи́ти І҆ѡ́сифа.

л҃д. И҆ растерза̀ І҆а́кѡвъ ри́зы своѧ̀, и҆ возложѝ вретище на чре́сла своѧ̀, и҆ пла́кашесѧ сы́на своегѡ̀ днѝ мно́ги.

л҃є. Собра́шесѧ же всѝ сы́нове є҆гѡ̀ и҆ дще́ри, и҆ прїидо́ша оу҆тѣ́шити є҆го̀: и҆ не

29. Рувимъ же пришелъ опять ко рву; и вотъ, нѣтъ Іосифа во рвѣ. И разодралъ онъ одежды свои,

30. И возвратился къ братьямъ своимъ, и сказалъ: отрока нѣтъ, а я, куда я дѣнусь?

31. И взяли одежду Іосифа, и закололи козла, и вымарали одежду кровью;

32. И послали разноцвѣтную одежду, и доставили къ отцу своему, и сказали: мы это нашли; посмотри, сына ли твоего эта́ одежда, или нѣтъ.

33 Онъ узналъ ее, и сказалъ. *это* одежда сына моего; хищный звѣрь съѣлъ его; вѣрно, растерзанъ Іосифъ.

34. И разодралъ Іаковъ одежды свои; и возложилъ вретище на чресла свои; и оплакивалъ сына своего многіе дни.

35. И собрались всѣ сыновья его, и всѣ дочери его, чтобы утѣшить его;

хотѧ́ше оу҆тѣ́шитисѧ, глаго́лѧ: ꙗ҆́кѡ сни́дꙋ къ сы́нꙋ моемꙋ̀ во а҆́дъ; и҆ пла́касѧ ѡ҆ не́мъ ѻ҆́цъ є҆гѡ̀.

но онъ не хотѣлъ утѣшиться, и сказалъ: съ печалію сойду къ сыну моему въ преисподнюю. Такъ оплакивалъ его отецъ его.

л҃ѕ. Мадїа́не же прода́ша І҆ѡ́сифа во є҆гѵ́петъ Пентефрі́ю є҆ѵвнꙋ́хꙋ Фараѡ́новꙋ, а҆рхїмаги́рꙋ.

36. Мадіанитяне же продали его въ Египтѣ Потифару, царедворцу Фараонову, начальнику тѣлохранителей.

ГЛАВА XL.

Бы́сть же по словесѣ́хъ си́хъ, согрѣши̑ старѣ́йшина вїна́рскъ царѧ̀ є҆гѵ́петска, и҆ старѣ́йшина жита́рскъ гдⷭ҇и́нꙋ своемꙋ̀ царю̀ є҆гѵ́петскомꙋ.

Послѣ сего виночерпій царя Египетскаго и хлѣбадаръ провинились передъ господиномъ своимъ, царемъ Египетскимъ.

в҃. И҆ разгнѣвасѧ Фараѡ́нъ на ѻ҆́ба є҆внꙋ́хи своѧ̀, на старѣ́йшинꙋ вїна́рска, и҆ на старѣ́йшинꙋ жита́рска.

2. И прогнѣвался Фараонъ на двухъ царедворцовъ своихъ, на главнаго виночерпія и на главнаго хлѣбодара.

г҃. И҆ вве́рже и҆́хъ въ темни́цꙋ во оу҆зи́лище, въ мѣсто, и҆дѣ́же І҆ѡ́сифъ вве́рженъ бѧ́ше.

3 И отдалъ ихъ подъ стражу въ домъ начальника тѣлохранителей, въ темницу, въ мѣсто, гдѣ заключенъ былъ Іосифъ.

д҃. И҆ врꙋчи̑ и҆́хъ старѣ́йшина темни́цы І҆ѡ́сифꙋ, и҆ предста̀ и҆́мъ: и҆ бѣ́ста дни̑

4. Начальникъ тѣлохранителей приставилъ къ нимъ Іосифа, и онъ служилъ имъ.

[нѣкія] въ темни́цѣ.

е҃. И҆ ви́дѣста ѻ҆ба сонъ во є҆ди́нꙋ но́щь: видѣ́нїе же со́нное старѣ́йшины вїна́рска и҆ старѣ́йшины житарска, и҆́же бѣ́ста царѧ̀ Є҆гѵ́петска, сꙋ́ще въ темницѣ, бѧ́ше сїѐ.

ѕ҃. Вни́де же къ ни́мъ І҆ѡ́сифъ заꙋ́тра, и҆ ви́дѣ и҆́хъ, и҆ бѧ́хꙋ смꙋще́ни.

з҃. И҆ вопроша̀ше є҆внꙋ́хѡвъ Фараѡ́нихъ, и҆́же бы́ша съ ни́мъ въ темницѣ ѹ҆ гдⷭ҇и́на своегѡ̀, гл҃ѧ: что́, ꙗ҆́кѡ ли̑ца ва̑ша ѹ҆ны̑ла дне́сь;

и҃. Ѻ҆ни́ же рѣ́ша є҆мꙋ̀: со́нъ ви́дѣхомъ, и҆ разсꙋжда́ѧй є҆го́ нѣ́сть. рече́ же и҆́мъ І҆ѡ́сифъ: є҆да̀ не Бг҃омъ и҆зѧвле́нїе и҆́хъ є҆́сть; повѣ́дите ѹ҆́бо мнѣ̀.

ѳ҃. И҆ повѣ́да старѣ́йшина вїна́рскъ со́нъ сво́й І҆ѡ́сифꙋ, и҆ рече́: во снѣ̀ мое́мъ бѧ́ше вїногра́дъ предо мно́ю:

И пробыли они подъ стражею нѣсколько времени.

5. Однажды виночерпію и хлѣбодару царя египетскаго, заключеннымъ въ темницѣ, видѣлись сны, каждому свой сонъ, обоимъ въ одну ночь, каждому сонъ особеннаго значенія.

6. И пришелъ къ нимъ Іосифъ поутру, увидѣлъ ихъ, и вотъ, они въ смущеніи.

7. И спросилъ онъ царедворцевъ Фараоновыхъ, находившихся съ нимъ въ домѣ господина его подъ стражею, говоря: отъ чего у васъ сегодня печальныя лица?

8. Они сказали ему: намъ видѣлись сны; а истолковать ихъ некому. Іосифъ сказалъ имъ: не отъ Бога ли истолкованія? разскажите мнѣ.

9. И разсказалъ главный виночерпій Іосифу сонъ свой, и сказалъ ему: мнѣ снилось, вотъ виноградная

лоза предо мною.

і҃. Въ вїноградѣ же три лѣторасли: и҆ то́й цвѣтꙋ́щъ произнесѐ ѿрасли; зрѣлы гро́зды лѡ́зныѧ.

10 На лозѣ три вѣтви. Она развилась, показался на ней цвѣтъ, выросли на ней ягоды.

а҃і. И҆ ча́ша Фараѡ́нова въ рꙋцѣ̀ мое́й: и҆ взѧ́хъ гре́знъ, и҆ и҆зжа́хъ ѻ҆ный въ ча́шꙋ, и҆ да́хъ ча́шꙋ въ рꙋ́кꙋ Фараѡ́ню.

11. И чаша Фараонова въ рукѣ у меня. Я взялъ ягодъ, и выжалъ ихъ въ чашу Фараонову, и подалъ чашу въ руки Фараону.

в҃і И҆ речѐ є҆мꙋ̀ І҆ѡ́сифъ. сїѐ разсꙋжде́нїе семꙋ̀: трѝ лѣторасли, три́ днѝ сꙋ́ть:

12. И сказалъ ему Іосифъ: вотъ истолкованіе его: три вѣтви—это три дня.

г҃і. Є҆щѐ трѝ днѝ и҆ помѧне́тъ Фараѡ̀нъ са́нъ тво́й, и҆ па́ки поста́витъ тѧ̀ въ старѣ́йшинство твоѐ вїна́рско, и҆ пода́си ча́шꙋ Фараѡ́нꙋ въ рꙋ́кꙋ є҆гѡ̀ по са́нꙋ твоемꙋ̀ пе́рвомꙋ, ꙗ҆́коже бы́лъ є҆сѝ вїночє́рпїй.

13. Чрезъ три дня Фараонъ вознесетъ главу твою, и возвратитъ тебя на мѣсто твое, и ты подашь чашу Фараонову въ руку его, по прежнему обыкновенію, когда ты былъ у него виночерпіемъ.

д҃і. Но помѧнѝ мѧ̀ тобо́ю є҆гда̀ бл҃го тѝ бꙋ́детъ: и҆ сотвори́ши надо мно́ю мл҃ть: и҆ да помѧне́ши ѡ҆ мнѣ̀ Фараѡ́нꙋ, и҆ и҆зведе́ши мѧ́ ѿ тверды́ни сеѧ́:

14. Вспомни же меня, когда хорошо тебѣ будетъ; и сдѣлай мнѣ благодѣяніе, и упомяни обо мнѣ Фараону, и выведи меня изъ этого дома.

є҃і. Ꙗ҆́кѡ татбо́ю оу҆кра́денъ бы́хъ и҆з̾ земли̇̀ Є҆вре́йскїѧ, и҆ здѣ̀ ничто́ ѕло̀ сотвори́хъ,

15. Ибо я украденъ изъ земли Евреевъ; а также и здѣсь ничего не сдѣлалъ,

но вверго́ша мѧ̀ въ ро́въ сей́.

ѕ. Ѝ ви́дѣ старѣ́йшина житѧ́рскъ, ꙗ̀кѡ прѧ́мѡ разсꙋ́ди, ѝ речѐ Ї̀ѡсифꙋ̀: ѝ ѧ̀зъ ви́дѣхъ со́нъ, ѝ мнѧ́хсѧ три́ кѡ́шницы хлѣ́бовъ держа́ти на главѣ́ мое́й

з. Въ ко́шницѣ же ве́рхнѣй ѿ̀ всѣ́хъ родѡ́въ, ꙗ̀же Фараѡ́нъ ꙗ̀стъ, дѣ́ло хлѣ́бенное, ѝ пти́цы нб҃ны́м ꙗ̀дѧ́хꙋ̀ тѧ̀м ѿ̀ ко́шницы, ꙗ̀же на главѣ́ мое́й.

и҃. Ѿ̈вѣщѧ́въ же Ї̀ѡсифъ, речѐ е́мꙋ̀: сі́е разсꙋжде́нїе е́гѡ̀: три́ кѡ́шницы, три́ дніе сꙋ́ть:

ѳ҃. Ещѐ три́ дніе, ѝ ѿ̀и́метъ Фараѡ́нъ главꙋ̀ твою ѿ̀ тебѐ, ѝ повѣ́ситъ тѧ̀ на дре́вѣ, ѝ и҆ꙁ҆ѧ́дѧтъ пти́цы нево́сным плоть твою ѿ̀ тебѐ.

к҃. Бы́сть же въ де́нь тре́тій, де́нь рожде́нїѧ бѧ́ше Фараѡ́на, ѝ творѧ́ше пи́ръ всѣ́мъ ѻ҆тро́кѡмъ свои́мъ: ѝ помѧнꙋ̀ старѣ́йшинство старѣ́йшины ві҃на́рска, ѝ старѣ́йшинство старѣ́йшины житѧ́рска, посредѣ̀ ѻ҆тро́къ свои́хъ:

за что бы бросить меня въ темницу.

16. Главный хлѣбодаръ увидѣлъ, что истолковалъ онъ хорошо, и сказалъ Іосифу: мнѣ также снилось, вотъ на головѣ у меня три корзины решетчатыхъ.

17 Въ верхней корзинѣ всякая пища Фараонова, издѣліе пекаря; и птицы небесныя клевали ее изъ корзины на головѣ моей.

18. И отвѣчалъ Іосифъ, и сказалъ ему: вотъ истолкованіе его: три корзины—это три дня.

19 Черезъ три дня Фараонъ сниметъ съ тебя голову твою: и повѣситъ тебя на деревѣ; и птицы небесныя будутъ клевать плоть твою съ тебя.

20. На третій день, день рожденія Фараонова, сдѣлалъ онъ пиръ для всѣхъ слугъ своихъ, и вспомнилъ о главномъ виночерпіи и главномъ хлѣбодарѣ, среди слугъ своихъ:

к҃а. И҆ поста́ви старѣ́йшинꙋ вїна́рска въ старѣ́йшинство є҆гѡ̀: и҆ подадѐ ча́шꙋ въ рꙋ́кꙋ Фараѡ́ню:

к҃в. Старѣ́йшинꙋ же жита́рска повѣ́си [на дре́вѣ], ꙗ҆́коже сказа́ и҆̀ма І҆ѡ́сифъ.

к҃г. И҆ не помѧ́нꙋ старѣ́йшина вїна́рскъ І҆ѡ́сифа, но забы̀ є҆го̀.

21. И возвратилъ главнаго виночерпія на прежнее мѣсто, и онъ подалъ чашу въ руку Фараону.

22. А главнаго хлѣбодара повѣсилъ (на деревѣ), какъ истолковалъ имъ Іосифъ.

23. И не вспомнилъ главный виночерпій объ Іосифѣ, но забылъ его.

ГЛАВА XLI.

Бы́сть же по двою̀ лѣ́тꙋ дне́й, Фараѡ́нъ ви́дѣ со́нъ: мнѧ́шесѧ стоѧ́ти при рѣцѣ̀.

в҃. И҆ сѐ а҆́ки и҆з рѣкѝ и҆схожда́хꙋ се́дмь кра́въ дѡбры́ ви́домъ, и҆ и҆збра́нны тѣлесы́ и҆ пасѧ́хꙋсѧ по бре́гꙋ.

г҃. Дрꙋгі̑ѧ же се́дмь кра́въ и҆зыдо́ша по си́хъ и҆з рѣкѝ ѕлы̑ ви́домъ и҆ тѣлесы̀ хꙋ́ды, и҆ пасѧ́хꙋсѧ съ кра́вами по бре́гꙋ рѣчно́мꙋ.

д҃. И҆ поѧдо́ша се́дмь кра́вы ѕлы̑ѧ и҆ хꙋды̑ѧ тѣлесы̀ се́дмь кра̑въ до́брыхъ ви́домъ, и҆ и҆збра́нныхъ тѣлесы̀. [и҆ сі̑ѧ неви́димы бы́ша, ꙗ҆́кѡ внидо́-

По прошествіи двухъ лѣтъ Фараону снилось: вотъ, онъ стоитъ у рѣки.

2. И вотъ, вышли изъ рѣки семь коровъ, хорошихъ видомъ и тучныхъ плотію, и паслись въ тростникѣ.

3. Но вотъ, послѣ нихъ вышли изъ рѣки семь коровъ другихъ, худыхъ видомъ и тощихъ плотію, и стали подлѣ тѣхъ коровъ, на берегу рѣки.

4. И съѣли коровы худыя видомъ и тощія плотію семь коровъ хорошихъ видомъ и тучныхъ. И проснулся Фараонъ,

ша въ чре́сла и҆́хъ] воста́ же Фараѡ́нъ.

є҃. И҆ ви́дѣ со́нъ вторы̀й: и҆ сѐ се́дмь кла́си и҆схожда́хꙋ и҆з̀ сте́блїѧ є҆ди̇нагѡ и҆збра́нны и҆ добры̀.

ѕ҃. Дрꙋзі́и же се́дмь кла́си то́нцыи, и҆стонче́ни вѣ́тромъ и҆зраста́хꙋ по ни́хъ.

з҃. И҆ пожро́ша се́дмь кла́си то́нцыи и҆ истонче́ни вѣ́тромъ се́дмь кла́сѡвъ и҆збра́нныхъ и҆ по́лныхъ. воста́ же Фараѡ́нъ, и бѧ́ше со́нъ.

и҃. Бы́сть же заꙋ́тра, и҆ возмꙋти́сѧ дꙋша̀ є҆гѡ̀: и҆ посла́въ, созва̀ всѧ̀ сказа́тели Є҆гѵ́петскїѧ, и҆ всѧ̀ мꙋ́дрыѧ є҆гѡ̀: и҆сповѣ́да и҆́мъ Фараѡ́нъ со́нъ сво́й: и҆ не бѧ́ше сказꙋ́ѧй тогѡ̀ Фараѡ́нꙋ.

ѳ҃. И҆ речѐ старѣ́йшина вїна́рскъ Фараѡ́нꙋ, гл҃ѧ: грѣ́хъ мо́й воспомина́ю дне́сь.

і҃. Фараѡ́нъ разгнѣ́васѧ на рабы̀ своѧ́, и҆ вве́рже на́съ въ темни́цꙋ, въ домꙋ̀ а҆рхї-

5. И заснулъ опять, и снилось ему въ другой разъ: вотъ, на одномъ стеблѣ поднялось семь колосьевъ тучныхъ и хорошихъ

6. Но вотъ, послѣ нихъ выросло семь колосьевъ тощихъ и изсушенныхъ восточнымъ вѣтромъ.

7. И пожрали тощіе колосья семь колосьевъ тучныхъ и полныхъ. И проснулся Фараонъ, и *понялъ*, *что* это сонъ.

8. Утромъ смутился духъ его, и послалъ онъ, и призвалъ всѣхъ волхвовъ Египта и всѣхъ мудрецовъ его, и разсказалъ имъ Фараонъ сонъ свой: но не было никого, кто бы истолковалъ его Фараону.

9. И сталъ говорить главный виночерпій Фараону, и сказалъ: грѣхи мои вспоминаю я нынѣ.

10. Фараонъ прогнѣвался на рабовъ своихъ, и отдалъ меня и главнаго хлѣбодара

магѝра, менѐ и҆ старѣ́йшинꙋ жита̀рска.

а҃і. И҆ ви́дѣхомъ со́нъ ѻ҆́ба є҆ди́ныѧ но́щи а҆́зъ и҆ ѻ҆́нъ, кі́йждо сво́й со́нъ ви́дѣхомъ.

в҃і. Бѧ́ше же та́мо съ на́ми ю҆́ноша, ѻ҆́трокъ Є҆вре́инъ а҆рхїмагѝровъ: и҆ повѣ́дахомъ є҆мꙋ̀, и҆ разсꙋди́ на́мъ.

г҃і. Бы́сть же, ꙗ҆́коже сказа́ на́мъ, та́кѡ и҆ слꙋчи́сѧ, мнѣ̀ па́ки бы́ти во свое́мъ старѣ́йшинствѣ, а҆ ѻ҆́ному повѣ́шенꙋ.

д҃і. Посла́въ же Фараѡ́нъ призва́ І҆ѡ́сифа: и҆ и҆зведо́ша є҆го̀ и҆з̾ тверды́ни, и҆ ѡ҆стриго́ша є҆го̀, и҆ и҆змѣни́ша ри́зы є҆мꙋ̀: и҆ прїи́де къ Фараѡ́нꙋ.

є҃і. Рече́ же Фараѡ́нъ І҆ѡ́сифꙋ: со́нъ ви́дѣхъ, и҆ сказꙋ́ѧй є҆го́ нѣ́сть: а҆́зъ же слы́шахъ ѡ тебѣ̀ гл҃ющихъ, ꙗ҆́ко слы́шавъ сны̀, разсꙋжда́еши ты̀ѧ.

ѕ҃і. Ѿвѣща̀въ же І҆ѡ́сифъ

подъ стражу въ домъ начальника тѣлохранителей.

11. И снился намъ сонъ въ одну ночь, мнѣ и ему, каждому снился сонъ особеннаго значенія.

12. Тамъ же былъ съ нами молодой Еврей, рабъ начальника тѣлохранителей. Мы расказали ему сны наши, и онъ истолковалъ намъ каждому соотвѣтственно съ его сновидѣніемъ.

13. И какъ онъ истолковалъ намъ, такъ и сбылось: я возвращенъ на мѣсто мое; а тотъ повѣшенъ.

14. И послалъ Фараонъ, и позвалъ Іосифа; и поспѣшно вывели его изъ темницы. Онъ остригся и перемѣнилъ одежду свою, и пришелъ къ Фараону.

15. Фараонъ сказалъ Іосифу: мнѣ снился сонъ, и нѣтъ никого, кто бы истолковалъ его, а о тебѣ я слышалъ, что ты умѣешь толковать сны.

16. И отвѣчалъ Іосифъ

*

Фараѡ́нꙋ, речѐ: безъ Бг҃а не ѿвѣща́етсѧ спасе́нїе Фараѡ́нꙋ.

Фараону говоря: это не мое; Богъ дастъ отвѣтъ во благо Фараону.

з҃і. Рече́ же Фараѡ́нъ Іѡ́сифꙋ, гл҃ѧ: во снѣ̀ мое́мъ мнѧ́хсѧ стоѧ́ти на бре́зѣ рѣчнѣ́мъ:

17. И сказалъ Фараонъ Іосифу: мнѣ снилось: вотъ, стою я на берегу рѣки.

и҃і. И҆ а҆́ки и҆з рѣкѝ и҆схожда́хꙋ се́дмь кра̑вы дѡбры́ ви́домъ, и҆ и҆збра̑нны тѣлесы̀, и҆ пасѧ́хꙋсѧ по бре́гꙋ.

18. И вотъ, вышли изъ рѣки семь коровъ тучныхъ плотію и хорошихъ видомъ; и паслись въ тростникѣ.

ѳ҃і. И҆ се́ дрꙋгїѧ се́дмь кра́въ и҆схожда́хꙋ въ слѣ́дъ и҆́хъ и҆з рѣкѝ, злы̑ и҆ недобры̀ ви́домъ, и҆ хꙋ́ды тѣлесы̀, ꙗ҆ковы́хъ не ви́дѣхъ таковы́хъ во все́й земли̇̀ Е҆гѵ́петстѣй хꙋ́ждшихъ.

19. Но вотъ, послѣ нихъ вышли семь коровъ другихъ, худыхъ, очень дурныхъ видомъ и тощихъ плотію; я не видывалъ во всей землѣ Египетской такихъ худыхъ, какъ онѣ.

к҃. И҆ изѧдо́ша се́дмь кра̑вы ѕлы̑ѧ и хꙋды̑ѧ се́дмь кра́въ пе́рвыхъ до́брыхъ и избра́нныхъ:

20. И съѣли тощія и худыя коровы прежнихъ семь коровъ тучныхъ.

к҃а. И҆ внидо́ша во ᲂу҆трѡ́бы и҆́хъ, и҆ не ꙗ҆ви́шасѧ, ꙗ҆́кѡ внидо́ша во ᲂу҆трѡ́бы и҆́хъ: и ѡ҆бли́чїѧ и҆́хъ ѕла̑ бы́ша, ꙗ҆́кѡ и҆ и҆спѐрва. воста́въ же [па́ки] ᲂу҆снꙋ́хъ.

21. И вошли *тучныя* въ утробу ихъ, но не примѣтно было, что онѣ вошли въ утробу ихъ. Онѣ были такъ же худы видомъ, какъ и сначала. И я проснулся.

к҃в. И҆ ви́дѣхъ па́ки во снѣ̀ моѐмъ, и҆ а҆́ки се́дмь кла́си и҆схожда́хꙋ и҆з е҆ди́нагѡ сте́блїѧ пѡ́лны и҆ добры̀.

22. *Потомъ* снилось мнѣ: вотъ, на одномъ стеблѣ поднялись семь колосьевъ полныхъ и хорошихъ.

к҃г. Дрꙋзі́и же се́дмь кла́си то́нцыи и҆ вѣ́тромъ и҆стончени и҆зница́хꙋ въ слѣ́дъ и҆́хъ.

23. Но вотъ, послѣ нихъ выросло семь колосьевъ тонкихъ, тощихъ и изсушенныхъ восточнымъ вѣтромъ.

к҃д. И҆ пожро́ша се́дмь кла́си то́нцыи и҆ вѣ́тромъ истонче́ни се́дмь кла́совъ до́брыхъ и҆ по́лныхъ. рѣ́хъ оу҆бѡ сказа́телемъ, и҆ не бы́сть повѣ́даѧй мнѣ̀ тогѡ̀.

24 И пожрали тощіе колосья семь колосьевъ хорошихъ. Я разсказалъ это волхвамъ, но никто не изъяснилъ мнѣ.

к҃є. И҆ речѐ І҆ѡ́сифъ Фараѡ́нꙋ: со́нъ Фараѡ́новъ єди́нъ є҆́сть. є҆ли́ка Бг҃ъ твори́тъ, показа̀ Фараѡ́нꙋ.

25. И сказалъ Іосифъ Фараону: сонъ Фараоновъ одинъ: что́ Богъ сдѣлаетъ, то Онъ возвѣстилъ Фараону.

к҃ѕ. Се́дмь кра̑вы дѡ́брыѧ се́дмь лѣ́тъ сꙋ́ть: и҆ се́дмь кла́си до́брїи, се́дмь лѣ́тъ сꙋ́ть: со́нъ Фараѡ́новъ є҆ди́нъ є҆̀сть.

26. Семь коровъ хорошихъ, это семь лѣтъ; и семь колосьевъ хорошихъ, это семь лѣтъ: сонъ одинъ.

к҃з. И҆ се́дмь кра̑вы хꙋды̑ѧ, ꙗ҆́же и҆зыдо́ша по си́хъ, се́дмь лѣ́тъ сꙋ́ть: и҆ се́дмь кла́си то́нцыи и҆ и҆стонче́ни вѣ́тромъ, се́дмь лѣ́тъ сꙋ́ть: бꙋ́дꙋтъ се́дмь лѣ́тъ гла́да.

27. И семь коровъ тощихъ и худыхъ, вышедшихъ послѣ тѣхъ, это семь лѣтъ; также и семь колосьевъ тощихъ и изсушенныхъ восточнымъ вѣтромъ, это семь лѣтъ голода.

к҃и. Сло́во же є҆́же рѣ́хъ Фараѡ́нꙋ, є҆ли́ка Бг҃ъ твори́тъ, показа́ Фараѡ́нꙋ.

28 Вотъ, почему сказалъ я Фараону: что̀ Богъ сдѣлаетъ, то Онъ показалъ Фараону.

к҃ѳ. Сѐ се́дмь лѣ́тъ при-

29. Вотъ, наступаетъ семь

хо́дитъ, о҃би́лность мно́га во всей землѝ Е҆гу́петстѣй.

л҃. Прїи́дутъ же се́дмь лѣтъ гла́да по си́хъ: ѝ забу́дутъ сы́тости бу́дущїм во все́мъ Е҆гу́птѣ, ѝ погу́битъ гла́дъ зе́млю:

лл҃а. Ѝ не позна́ется о҃би́лїе на земли́ ѿ гла́да бу́дущаго по си́хъ: си́ленъ бо бу́детъ зѣлѡ̀.

лв҃. Повтори́сѧ же со́нъ Фараѡ́ну два́жды, ꙗ҆́кѡ йстинно бу́детъ сло́во е҆́же ѿ Бг҃а: ѝ оу҆скори́тъ Бг҃ъ сотвори́ти о҃но.

лг҃. Ны́нѣ оу҆́бо оу҆смотри́ человѣка му́дра ѝ смы́сленна, ѝ поста́ви е҆гѡ́ над землѐю Е҆гу́петскою:

лд҃. Ѝ да сотвори́тъ Фараѡ́нъ, ѝ поста́витъ мѣстонача́льники по землѝ: и да собира́ютъ пя́тую ча́сть ѿ всѣ́хъ плодѡ́въ земли́ Е҆гу́петскїм се́дми лѣтъ о҃би́льныхъ:

лe҃. Ѝ да соберу́тъ всѧ́кую пи́щу се́дми лѣтъ гряду́щихъ до́брыхъ си́хъ: ѝ да собере́тсѧ пшени́ца подъ ру́кою Фараѡ́нею, ѝ да сохрани́тсѧ по гра́дѡмъ.

лѕ҃. Сохраня́ема бо бу́детъ въ житни́цѣхъ на лѣта́ глада́, ѝ не погибне́тъ въ землѝ.

лѕ҃. Ѝ рече́ Фараѡ́нъ ко Ио́сифу: се́, ꙗ҆́кѡ ѧ҆зъ тебѣ́ повелѣ́хъ, всѣ́мъ ты̀ повелѣ́ваетъ: то́кмо престо́лъ мо́й да бу́детъ вы́ше тебе́.

лз҃. Ѝ рече́ Ио́сифъ Фараѡ́ну: ꙗ҆́кѡ ѧ҆зъ тебѣ́ повелѣ́хъ, всѣ́мъ ты̀ повелѣ́ваетъ: то́кмо престо́лъ мо́й да бу́детъ вы́ше тебе́.

лѳ҃. Ѝ рече́ Фараѡ́нъ ко Ио́сифу: се́, ꙗ҆́кѡ ѧ҆зъ тебѣ́ повелѣ́хъ, всѣ́мъ ты̀ повелѣ́ваетъ: то́кмо престо́лъ мо́й да бу́детъ вы́ше тебе́.

лѳ҃. Ѝ рече́ Ио́сифъ Фараѡ́ну:

ѡ҆ню: пи́ща во градѣ̀хъ да храни́тсѧ.

хлѣбъ подъ вѣденіе Фараона въ пищу, и пусть берегутъ.

л҃ѕ. И҆ бꙋ́детъ пи́ща соблюде́на земли̑ на се́дмь лѣ̀тъ гладныхъ, ꙗ҆̀же и҆́мꙋтъ бы́ти въ земли̑ Є҆гѵ́петстѣй, да не потреби́тсѧ землѧ̀ въ гла́дѣ.

36. И будетъ сія пища въ запасъ для земли на семь лѣтъ голода, которые будутъ въ землѣ Египетской, дабы земля не погибла отъ голода.

л҃з. Оу҆го̀дно же бы́сть сло̀во пред̾ Фараѡ́номъ и҆ пред̾ всѣ̀ми рабы̀ є҆гѡ̀.

37. Сіе понравилось Фараону и всѣмъ слугамъ его.

л҃и. И҆ рече́ Фараѡ́нъ всѣ̀мъ рабѡ̀мъ свои̑мъ: є҆да̀ ѡ҆брѧ̀щемъ человѣ̀ка сицева́го, и҆̀же и҆́мать Дх҃а Бж҃їѧ въ себѣ̀;

38. И сказалъ Фараонъ слугамъ своимъ: найдемъ ли мы такого, какъ онъ, человѣка, въ которомъ былъ бы Духъ Божій?

л҃ѳ. Речѐ же Фараѡ̀нъ І҆ѡ̀сифꙋ: поне́же показа́ Бг҃ъ тебѣ̀ всѧ̑ сїѧ̑, нѣ́сть человѣ̀ка мꙋдрѣ́йша и҆ смы́сленнѣйша па́че тебѐ.

39 И сказалъ Фараонъ Іосифу: такъ какъ Богъ открылъ тебѣ все сіе; то нѣтъ столь разумнаго и мудраго, какъ ты.

м҃. Ты̀ бꙋ́деши въ домꙋ̀ мое́мъ, и҆ оу҆̀стъ твои́хъ да послꙋ́шаютъ вси̑ лю́дїе мои̑: ра́звѣ престо̀ломъ а҆̀зъ бо́лѣе тебѐ бꙋ́дꙋ.

40. Ты будешь надъ домомъ моимъ; и твоего слова держаться будетъ весь народъ мой; только престоломъ я буду больше тебя.

м҃а. Речѐ же Фараѡ́нъ І҆ѡ́сифꙋ: сѐ поставлѧ́ю тѧ̀ дне́сь над̾ все́ю земле́ю Є҆гѵ́петскою.

41. И сказалъ Фараонъ Іосифу: вотъ, я поставляю тебя надъ всею землею Египетскою

м҃в. И҆ сне́мъ Фараѡ́нъ пе́рстень съ рꙋкѝ своеѧ́, возложи є҆го̀ на рꙋ́кꙋ І҆ѡ́сифову: и҆ ѡ҆блечѐ є҆го̀ въ ри́зꙋ червлѐнꙋ, и҆ возложѝ гри́внꙋ зла́тꙋ на вы́ю є҆гѡ̀:

м҃г. И҆ всадѝ є҆го̀ на колесни́цꙋ свою̀ вторꙋ́ю, и҆ проповѣ́да пред̾ ни́мъ проповѣ́дникъ: и҆ поста́ви є҆го̀ над̾ все́ю землѐю Є҆гѵ́петскою.

м҃д. Рече́ же Фараѡ́нъ І҆ѡ́сифꙋ: а҆́зъ Фараѡ́нъ: без̾ тебѐ не воздви́гнетъ рꙋкѝ своеѧ̀ никто́же во все́й землѝ Є҆гѵ́петстѣй.

м҃є. И҆ наречѐ Фараѡ́нъ и҆́мѧ І҆ѡ́сифꙋ, Ѱонѳомфани́хъ: и҆ дадѐ є҆мꙋ̀ А҆сене́ѳꙋ, дще́рь Петефрі́а жреца̀ И҆лїопо́лскагѡ, є҆мꙋ̀ въ женꙋ̀.

м҃ѕ. І҆ѡ́сифъ же бѧ́ше лѣ́тъ три́десѧти, є҆гда̀ предста̀ Фараѡ́нꙋ царю̀ Є҆гѵ́петскомꙋ. и҆зы́де же І҆ѡ́сифъ ѿ лица̀ Фараѡ́нѧ, и҆ про́йде всю̀ зе́млю Є҆гѵ́петскꙋю.

42. И снялъ Фараонъ перстень свой съ руки своей, и надѣлъ его на руку Іосифу; одѣлъ его въ виссонныя одежды, возложилъ золотую цѣпь на шею ему;

43. Велѣлъ везти его на второй изъ своихъ колесницъ, и провозглашать предъ нимъ: преклоняйтесь! И поставилъ его надъ всею землею Египетскою.

44. И сказалъ Фараонъ Іосифу: я Фараонъ; безъ тебя никто не двинетъ ни руки своей, ни ноги своей, во всей землѣ Египетской.

45. И нарекъ Фараонъ Іосифу имя: Цафнаѳ-панеахъ; и далъ ему въ жену Асенеѳу, дочь Потифера, жреца Иліопольскаго. И пошелъ Іосифъ по землѣ Египетской.

46. Іосифу было тридцать лѣтъ отъ рожденія, когда онъ предсталъ предъ лице Фараона, царя Египетскаго. И вышелъ Іосифъ отъ лица Фараонова, и прошелъ по всей землѣ Египетской.

м҃з И҆ сотворѝ землѧ̀ въ седмѝ лѣтѣхъ ѻ҆би́лнꙋ жа́твꙋ.

47. Земля же въ семь лѣтъ изобилія приносила *изъ зерна* по горсти.

м҃и. И҆ собра̀ всѧ́кꙋю пи́щꙋ седмѝ лѣтъ, въ ни́хже бѧ́ше ѻ҆би́лность въ земли̇̀ Є҆гѵ́петстѣй: и҆ положи̇̀ пи́щꙋ во градѣ́хъ: пи́щи пѡ́ль гра́да сꙋ́щихъ ѻ҆́крестъ є҆гѡ̀ положи̇̀ въ не́мъ.

48. И собралъ онъ всякій хлѣбъ семи лѣтъ, которые были (плодородны) въ землѣ Египетской, и положилъ хлѣбъ въ городахъ; въ *каждомъ* городѣ положилъ хлѣбъ полей, окружающихъ его.

м҃ѳ. И҆ собра̀ І҆ѡ́сифъ пшени́цꙋ ꙗ҆̀кѡ песо́къ морскі́й мно́гꙋ ѕѣлѡ̀, до́ндеже не можа́хꙋ и҆счести̇̀: безъ числа́ бо бѧ́ше.

49. И скопилъ Іосифъ хлѣба весьма много, какъ песку морскаго, такъ что пересталъ и считать; ибо не стало счета.

н҃. І҆ѡ́сифꙋ же бѣ́ста два̀ сы́на, пре́жде прише́ствїѧ седми̇̀ лѣтъ гла́дныхъ, и҆̀хже роди̇̀ є҆мꙋ А҆сене́ѳа, дще́рь Петефрі́а жреца̀ И҆лїопо̀лска.

50. До наступленія годовъ голода, у Іосифа родились два сына, которыхъ родила ему Асенеѳа, дочь Потифера, жреца Иліопольскаго.

н҃а. Нарече́ же І҆ѡ́сифъ и҆́мѧ пе́рвенцꙋ, Манассі́а, [гл҃ѧ:] ꙗ҆̀кѡ забы́ти мнѣ̀ сотвори̇̀ Бг҃ъ всѧ̀ болѣ́зни моѧ̀, и҆ всѧ̀ ꙗ҆̀же ѻ҆ц҃а̀ моегѡ̀.

51. И нарекъ Іосифъ имя первенцу: Манассія; потому что (говорилъ онъ), Богъ далъ мнѣ забыть всѣ несчастія мои, и весь домъ отца моего.

н҃в. И҆мѧ же второ́мꙋ наречѐ, Є҆фраи́мъ, [гл҃ѧ:] ꙗ҆̀кѡ возрасти̇́ мѧ Бг҃ъ въ земли̇̀ смире́нїѧ моегѡ̀:

52. А другому нарекъ имя Ефремъ; потому что (говорилъ онъ), Богъ сдѣлалъ меня плодовитымъ въ землѣ

страданія моего.

н҃г. Минꙋ́ша же се́дмь лѣ́тъ ѻ҆би́лныхъ, ꙗ҆́же бы́ша въ землѝ Є҆гѵ́петстѣй.

53. И прошли семь лѣтъ изобилія, которое было въ землѣ Египетской;

н҃д. И҆ нача́ша се́дмь лѣ́тъ гла́дныхъ приходи́ти, ꙗ҆́коже речѐ І҆ѡ́сифъ: и҆ бы́сть гла́дъ по все́й землѝ: во все́й же землѝ Є҆гѵ́петстѣй бы́ша хлѣ́бы.

54. И наступили семь лѣтъ голода, какъ сказалъ Іосифъ. И былъ голодъ во всѣхъ земляхъ: а во всей землѣ Египетской былъ хлѣбъ.

н҃є. И҆ взалка̀ всѧ̀ землѧ̀ Є҆гѵ́петскаѧ: возопи́ же наро́дъ къ Фараѡ́нꙋ ѡ҆ хлѣ́бѣхъ. рече́ же Фараѡ́нъ всѣ́мъ Є҆гѵ́птѧнѡмъ: и҆ди́те ко І҆ѡ́сифꙋ, и҆ є҆́же рече́тъ ва́мъ, сотвори́те.

55. Но когда и вся земля Египетская начала терпѣть голодъ; то народъ началъ вопіять къ Фараону о хлѣбѣ. И сказалъ Фараонъ всѣмъ Египтянамъ: пойдите къ Іосифу, и дѣлайте, что́ онъ вамъ скажетъ.

н҃ѕ. И҆ гла́дъ бѧ́ше на лицѣ̀ всеѧ̀ землѝ. ѿве́рзе же І҆ѡ́сифъ всѧ̀ жи́тницы, и҆ продаѧ́ше всѣ́мъ Є҆гѵ́птѧнѡмъ.

56. И былъ голодъ по всей землѣ: и отворилъ Іосифъ всѣ житницы, и сталъ продавать хлѣбъ Египтянамъ. Голодъ же усиливался въ землѣ Египетской.

н҃з. И҆ всѧ̀ страны̀ прихожда́хꙋ во Є҆гѵ́петъ, кꙋпова́ти ко І҆ѡ́сифꙋ: ѡ҆бдержа́ше бо гла́дъ всю̀ зе́млю.

57. И изъ всѣхъ странъ приходили въ Египетъ, покупать хлѣбъ у Іосифа; ибо голодъ усилился по всей землѣ.

ГЛАВА XLII.

а. Ви́дѣвъ же Ї́аковъ тѧ́кѡ кꙋ́плѧ ѥ́сть [пшени́цы] во Ѻ́гꙋптѣ, рече́ сыно́мъ свои́мъ: почто́ не ра́дите;

в. Се́ слы́шахъ, тѧ́кѡ ѥ́сть пшени́ца во Ѻ́гꙋптѣ: и́дите та́мѡ, и́ кꙋпи́те на́мъ ма́лѡ пи́щи, да жи́ви бꙋ́демъ, и́ не оꙋ́мрем҃ъ.

г. И́до́ша же бра́тїѧ Ї́ѡсифовы де́сѧть, кꙋпи́ти пшени́цы во Ѻ́гꙋпетъ:

д. Веніами́на же, бра́та Ї́ѡсифова не ѿпꙋсти́ съ бра́тїею ѥ́гѡ, рече́ бо: да не когда́ слꙋчи́тсѧ [на пꙋти́] ѥ́мꙋ зло́.

е. Прїидо́ша же сы́нове Ї́ꙗлевы кꙋпи́ти съ прихожда́щими: бѧ́ше бо гла́дъ въ земли́ Ханаа́нстѣй.

ѕ. Ї́ѡсифъ же бѧ́ше кня́зь земли́: сей продаѧ́ше всѣ́мъ лю́де́мъ земли́ [тоѧ́]. прише́дше же бра́тїѧ Ї́ѡсифовы, поклони́шасѧ ѥ́мꙋ лице́мъ до земли́.

И узналъ Іаковъ, что въ Египтѣ есть хлѣбъ, и сказалъ Іаковъ сыновьямъ своимъ: что вы смотрите?

2. И сказалъ: вотъ, я слышалъ, что есть хлѣбъ въ Египтѣ; пойдите туда, и купите намъ оттуда хлѣба, чтобы намъ жить и не умереть.

3. Десять братьевъ Іосифовыхъ пошли купить хлѣба въ Египтѣ,

4. А Веніамина, брата Іосифова, не послалъ Іаковъ съ братьями его; ибо сказалъ: не случилось бы съ нимъ бѣды.

5. И пришли сыны Израилевы покупать хлѣбъ, вмѣстѣ съ другими пришедшими; ибо въ землѣ Ханаанской былъ голодъ.

6. Іосифъ же былъ начальникомъ въ землѣ той; онъ и продавалъ хлѣбъ всему народу земли. Братья Іосифа пришли и поклонились ему лицемъ до земли.

з҃. Ви́дѣвъ же І҆ѡ́сифъ бра́тїю свою̀, позна̀: и҆ ѿчꙋжда́шесѧ и҆́хъ, и҆ глаго́лаше и҆́мъ же́стокѡ, и҆ речѐ и҆́мъ: ѿкꙋ́дꙋ прїидо́сте; ѻ҆ни́ же рѣ́ша: ѿ землѝ Ханаа́нскїѧ, кꙋпи́ти пи́щи.

и҃. Позна́ же І҆ѡ́сифъ бра́тїю свою̀: ѻ҆ни́ же не позна́ша є҆гѡ̀

ѳ҃. И҆ помѧнꙋ̀ І҆ѡ́сифъ сны̀ своѧ̀, ꙗ҆̀же ви́дѣ ѻ҆́нъ: и҆ речѐ и҆́мъ: соглѧда́таи є҆стѐ, соглѧ́дати пꙋте́й страны̀ [сеѧ̀] прїидо́сте.

і҃. Ѻ҆ни́ же рѣ́ша: ни̇̀, гдⷭ҇и́не, раби̇̀ твои̇̀ прїидо́хомъ кꙋпи́ти пи́щи.

а҃і. Вси̇̀ є҆смы̀ сы́нове є҆ди́нагѡ чл҃вѣ́ка: ми́рницы є҆смы̀, не сꙋ́ть раби̇̀ твои̇̀ соглѧда́таи.

в҃і. Рече́ же и҆́мъ: ни̇̀, но пꙋти̇̀ землѝ [сеѧ̀] прїидо́сте соглѧдати.

г҃і. Ѻ҆ни́ же рѣ́ша: двана́десѧть є҆смы̀ бра́тїѧ раби̇̀ твои̇̀ въ землѝ Ханаа́ни: и҆ сѐ ме́ншїй [ѿ на́съ] со

7. И увидѣлъ Іосифъ братьевъ своихъ, и узналъ ихъ; но показалъ, будто не знаетъ ихъ, и говорилъ съ ними сурово, и сказалъ имъ: откуда вы пришли? Они сказали: изъ земли Ханаанской, купить пищи:

8. Іосифъ узналъ братьевъ своихъ; но они не узнали его.

9. И вспомнилъ Іосифъ сны, которые снились ему о нихъ; и сказалъ имъ: вы соглядатаи; вы пришли высмотрѣть наготу (слабыя мѣста) земли сей.

10. Они сказали ему: нѣтъ, господинъ нашъ; рабы твои пришли купить пищи.

11. Мы всѣ дѣти одного человѣка; мы люди честные; рабы твои не бывали соглядатаями.

12. Онъ сказалъ имъ: нѣтъ, вы пришли высмотрѣть наготу земли сей.

13. Они сказали: насъ, рабовъ твоихъ, двѣнадцать братьевъ; мы сыновья одного человѣка въ землѣ Ха-

ѻ҆ц҃е́мъ на́шимъ дне́сь: а дрꙋга́гѡ нѣ́сть

наанской, и вотъ, меньшій теперь съ отцемъ нашимъ, а одного не стало.

ді. Рече́ же и҆́мъ І҆ѡ́сифъ: сїѐ є҆́сть є҆́же реко́хъ ва́мъ, гл҃ѧ: ꙗ҆́кѡ соглѧда́таи є҆стѐ.

14. И сказалъ имъ Іосифъ: это самое я и говорилъ вамъ, сказавъ: вы соглядатаи.

є҃і. Въ се́мъ ꙗ҆ви́тесѧ: та́кѡ мѝ зра́вїѧ Фараѡ́нѧ, не и҆зы́дете ѿсю́дꙋ, а҆́ще бра́тъ ва́шъ ме́ншїй не прїи́детъ сѣ́мѡ

15. Вотъ, какъ вы будете испытаны: *клянусь* жизнію Фараона, вы не выйдете отсюда, если не прійдетъ сюда меньшій братъ вашъ

ѕ҃і. Посли́те ѿ себѐ є҆ди́наго, и҆ возми́те бра́та ва́шего: вы́ же держи́ми бꙋ́дите, до́ндеже ꙗ҆́вѣ бꙋ́дꙋтъ словеса̀ ва́ша, а҆́ще и҆́стинствꙋете и҆лѝ нѝ: а҆́ще же нѝ, та́кѡ мѝ здра́вїѧ Фараѡ́нѧ, воистиннꙋ соглѧда́таи є҆стѐ.

16. Пошлите одного изъ васъ, и пусть онъ приведетъ брата вашего; а вы будете задержаны. И откроется, правда ли у васъ; и если нѣтъ, *то клянусь* жизнію Фараона, что вы соглядатаи.

з҃і. И҆ дадѐ ѧ҆̀ под стоа́жꙋ на трѝ днѝ.

17. И отдалъ ихъ подъ стражу на три дня.

и҃і. Рече́ же и҆́мъ въ де́нь тре́тїй: сїѐ сотвори́те, и҆ жи́ви бꙋ́дете: Бг҃а бо а҆̀зъ боюсѧ.

18. И сказалъ имъ Іосифъ въ третій день: вотъ что сдѣлайте, и останетесь живы; ибо я боюсь Бога

ѳ҃і. А҆́ще ми́рницы є҆стѐ, бра́тъ ва́шъ да ᲂу҆де́ржитсѧ є҆ди́нъ под стра́жею: са́ми же и҆ди́те, и҆ ѿвези́те кꙋ́пле-

19. Если вы люди честные: то одинъ братъ изъ васъ пусть содержится въ домѣ, гдѣ вы заключены;

нꙋю пшени́цꙋ ва́шꙋ:

к. Ѝ бра́та ва́шего ме́ньшаго приведи́те ко мнѣ̀, ѝ вѣ́рна бꙋ́дꙋтъ словеса̀ ва́ша: а̏ще же нѝ, оу̏мрете: ѝ сотвори́ша та́кѡ.

ка. Ѝ речѐ кі́йждо къ бра́тꙋ своемꙋ: е̏й, во грѣсѣ́хъ бо е̏смы̀ бра́та ра́ди на́шегѡ, я̀кѡ презрѣ́хомъ скорбѣ́ніе дꙋшѝ е̏гѡ̀, е̏гда̀ моля́шесѧ на́мъ, ѝ не послꙋша́хомъ е̏гѡ̀: ѝ сегѡ̀ ра́ди прі́йде на́ны скорбѣ́ніе сі́е.

кв. Ѿвѣща́въ же Рꙋви́мъ речѐ и̏мъ: не рѣ́хъ ли ва́мъ, гл҃ѧ: не прегрѣши́те дѣ́тища; ѝ не послꙋ́шасте менѐ: ѝ сѐ кро́вь е̏гѡ̀ взыскꙋ́ется.

кг. Тѝи же не вѣ́дѣша, я̀кѡ разꙋмѣ́етъ Ї҃ѡсифъ; толма́чь бо между̀ и̏ми ба́ше.

кд. Ѿврати́всѧ же ѿ нѝхъ, проплака́сѧ Ї҃ѡсифъ: ѝ па́ки прі́йде къ ни́мъ, ѝ речѐ и̏мъ. ѝ поꙗ́ Сѷ́меѡ́на ѿ

а вы пойдите, отвезите хлѣбъ, ради голода семействъ вашихъ.

20. Брата же вашего меньшаго приведите ко мнѣ, чтобы не умереть вамъ. Такъ они и сдѣлали.

21. И говорили они другъ другу: точно мы наказываемся за грѣхъ противъ брата нашего; мы видѣли страданіе души его, когда онъ умолялъ насъ, но не послушали его; за то и постигло насъ горе сіе.

23. Рувимъ отвѣчалъ имъ, и сказалъ: не говорилъ ли я вамъ: не грѣшите противъ отрока? но вы не послушались. Вотъ кровь его взыскивается.

23. А того не знали они, что Іосифъ понимаетъ; ибо между ними былъ переводчикъ.

24. И отошелъ отъ нихъ Іосифъ, и заплакалъ. И возвратился къ нимъ, и говорилъ съ ними, и, взявъ

ни́хъ, и҆ свѧза̀ є҆го̀ пред̾ ни́ми.

к҃є. Повелѣ̀ же І҆ѡ́сифъ напо́лнити сосꙋ́ды и҆́хъ пшени́цы, и҆ возврати́ти сребро̀ и҆́хъ комꙋ́ждо во вре́тище своѐ, и҆ да́ти и҆̀мъ бра́шно на пꙋ́ть: и҆ бы́сть и҆̀мъ та́кѡ.

к҃ѕ. И҆ возложивше пшени́цꙋ на ѻ҆слы̀ своѧ̀, ѿидо́ша ѿтꙋ́дꙋ.

к҃з. Ѿрѣши́въ же є҆ди́нъ вре́тище своѐ, да́ти пи́щꙋ ѻ҆слѡ́мъ свои́мъ, и҆дѣ́же ста́ша, и҆ ви́дѣ оу҆̀золъ сребра̀ своегѡ̀, и҆ бѣ̀ верхꙋ̀ оу҆стїѧ вре́тищнагѡ.

к҃и. И҆ речѐ бра́тїи свое́й: возвращено́ ми є҆́сть сребро̀, и҆ сѐ сїѐ во вре́тищи моє́мъ. и҆ оу҆жасе́сѧ срⷣце и҆́хъ: и҆ возмѧто́шасѧ, дрꙋ́гъ ко дрꙋ́гꙋ гл҃юще: что̀ сїѐ сотвори̇̀ Бг҃ъ на́мъ;

к҃ѳ. Прїидо́ша же ко І҆а́кѡвꙋ ѻ҆тцꙋ̀ своемꙋ̀ въ зе́млю Ханаа́ню, и҆ повѣ́даша є҆мꙋ̀ всѧ̑ слꙋчи́вшаѧсѧ и҆̀мъ, гл҃ще:

изъ нихъ Симеона, связалъ его предъ глазами ихъ.

25. И приказалъ Іосифъ наполнить мѣшки ихъ хлѣбомъ, а серебро ихъ возвратить каждому въ мѣшокъ его, и дать имъ запасовъ на дорогу. Такъ и сдѣлано съ ними.

26. Они положили хлѣбъ свой на ословъ своихъ, и пошли оттуда.

27. И открылъ одинъ *изъ нихъ* мѣшокъ свой, чтобы дать корму ослу своему на ночлегѣ; и увидѣлъ серебро свое въ отверстіи мѣшка его.

28. И сказалъ своимъ братьямъ: серебро мое возвращено; вотъ оно въ мѣшкѣ у меня. И смутилось сердце ихъ, и они съ трепетомъ другъ другу говорили: что это Богъ сдѣлалъ съ ними?

29. И пришли къ Іакову, отцу своему, въ землю Ханаанскую, и разсказали ему все случившееся съ ними, говоря:

л҃. Гл҃а мꙋ́жъ господи́нъ землѝ [ѻ҆́ныѧ] къ на́мъ же́стокѡ, и҆ вве́рже на́съ въ темни́цꙋ, а҆́ки соглѧ́дающихъ зе́млю.

30. Начальствующій надъ тою землею говорилъ съ нами сурово, и принялъ насъ за соглядатаевъ земли той.

л҃а. Рѣ́хомъ же є҆мꙋ̀: ми́рницы є҆смы̀, нѣ́смы соглѧда́таи:

31. И сказали мы ему: мы люди честные; мы не бывали соглядатаями;

л҃в. Двана́десѧть бра́тїѧ є҆смы̀, сы́нове ѻ҆ц҃а̀ на́шегѡ: є҆ди́нагѡ нѣ́сть, а҆ ме́ншїй со ѻ҆ц҃е́мъ на́шимъ дне́сь въ землѝ Ханаа́ни.

32. Насъ двѣнадцать братьевъ, сыновей у отца нашего; одного не стало, а меньшій теперь съ отцомъ нашимъ въ землѣ Ханаанской.

л҃г. Рече́ же на́мъ мꙋ́жъ гдⷭ҇и́нъ землѝ [тоѧ̀]: по семꙋ̀ оу҆вѣ́мъ, ꙗ҆́кѡ ми́рницы є҆стѐ: бра́та є҆ди́наго ѡ҆ста́вите здѣ̀ оу҆ менѐ: а҆ кꙋ́пленꙋю пшени́цꙋ до́мꙋ ва́шемꙋ взе́мше, ѿиди́те:

33. И сказалъ намъ начальствующій надъ тою землею: вотъ, какъ узнаю я, честные ли вы люди. Оставьте у меня одного брата изъ васъ; а вы возьмите хлѣбъ ради голода семействъ вашихъ, и пойдите;

л҃д. И҆ приведи́те ко мнѣ̀ бра́та ва́шего ме́ншаго: и҆ оу҆вѣ́мъ, ꙗ҆́кѡ не соглѧда́таи є҆стѐ, но ꙗ҆́кѡ ми́рницы є҆стѐ: и҆ бра́та ва́шего ѿда́мъ ва́мъ, и҆ кꙋ́плю твори́те въ землѝ.

34. И приведите ко мнѣ меньшаго брата вашего, и узнаю я, что вы не соглядатаи, но люди честные; отдамъ вамъ брата вашего, и вы можете промышлять въ этой землѣ.

л҃е Бы́сть же є҆гда̀ и҆спразднѧ́хꙋ вре́тища своѧ̀, и҆

35 Когда же они опорожняли мѣшки свои; вотъ,

бѧ́ше оу҆́золъ сребра̀ во вре́тищи коегѡ́ждо и҆́хъ: и҆ ви́дѣша оу҆́злы сребра̀ своегѡ̀ са́ми, и҆ ѻ҆ц҃ъ и҆́хъ, и҆ оу҆боѧ́шасѧ.

л҃ѕ. Рече́ же и҆́мъ І҆а́кѡвъ ѻ҆ц҃ъ и҆́хъ: менѐ безча́дна сотвори́сте: І҆ѡ́сифа нѣ́сть, Сѵ́меѡ́на нѣ́сть, и҆ Веніамі́на ли по́ймете; на мѧ̀ бы́ша сїѧ̑ всѧ̑

л҃з. Рече́ же Рꙋви́мъ ѻ҆тцꙋ̀ своемꙋ̀, гл҃ѧ: двои́хъ сынѡ́въ мои́хъ оу҆бі́й, а҆́ще не приведꙋ̀ є҆гѡ̀ къ тебѣ̀: да́ждь є҆го̀ въ рꙋцѣ̀ мои̇, и҆ а҆́зъ приведꙋ̀ є҆го̀ къ тебѣ̀.

л҃и. Ѻ҆́нъ же речѐ: не по́йдетъ сы́нъ мо́й съ ва́ми, ꙗ҆́кѡ бра́тъ є҆гѡ̀ оу҆́мре, и҆ то́й є҆ди́нъ ѡ҆ста̀: и҆ слꙋчи́тсѧ є҆мꙋ̀ ѕло̀ на пꙋти́, въ ѻ҆́ньже а҆́ще по́йдете, и҆ сведе́те старость мою̀ съ печа́лїю во а҆́дъ.

у каждаго узелъ серебра его въ мѣшкѣ его. И увидѣли они узлы серебра своего, они и отецъ ихъ, и испугались.

36 И сказалъ имъ Іаковъ, отецъ ихъ: вы лишили меня дѣтей: Іосифа нѣтъ, и Симеона нѣтъ; и Веніамина взять хотите,— все это на меня!

37. И сказалъ Рувимъ отцу своему, говоря: убей двухъ моихъ сыновей, если я не приведу его къ тебѣ; отдай его на мои руки; я возвращу его тебѣ.

38. Онъ сказалъ: не пойдетъ сынъ мой съ вами; потому что братъ его умеръ, и онъ одинъ остался. Если случится съ нимъ несчастіе на пути, въ который вы пойдете; то сведете вы сѣдину мою съ печалью во гробъ.

ГЛАВА XLIII.

а҃. Гла́дъ же ѡ҆долѣ̀ на землѝ.

в҃. Бы́сть же є҆гда̀ скон-

Голодъ усилился на землѣ.

2. И когда они съѣли

ча́ша пшени́цꙋ ꙗ҆дꙋ́ще, ю҆́же принесо́ша и҆з̾ Е҆гѵ́пта: и҆ речѐ и҆́мъ ѻ҆ц҃ъ и҆́хъ: па́ки ше́дше кꙋпи́те на́мъ ма́лѡ пи́щи.

хлѣбъ, который привезли изъ Египта; тогда отецъ ихъ сказалъ имъ: пойдите опять, купите намъ немного пищи.

г҃. Рече́ же є҆мꙋ̀ І҆ꙋ́да, гл҃ѧ: клѧ́твою засвидѣ́тельствова на́мъ мꙋ́жъ гдⷭ҇и́нъ землѝ [тоѧ̀], гл҃ѧ: не оу҆́зрите лица̀ моегѡ̀, а҆́ще бра́тъ ва́шъ ме́ншїй не прїи́детъ съ ва́ми.

3. И сказалъ ему Іуда, говоря: тотъ человѣкъ рѣшительно объявилъ намъ, сказавъ: не являйтесь ко мнѣ на лице, если брата вашего не будетъ съ вами.

д҃. А҆́ще оу҆́бо по́слеши бра́та на́шего съ на́ми, по́йдемъ, и҆ кꙋ́пимъ тебѣ̀ пи́щи:

4. Если пошлешь съ нами брата нашего; то пойдемъ, и купимъ тебѣ пищи.

є҃. А҆́ще же не по́слеши бра́та на́шего съ на́ми, не по́йдемъ: мꙋ́жъ бо речѐ на́мъ, гл҃ѧ: на оу҆́зрите лица̀ моегѡ̀, а҆́ще бра́тъ ва́шъ ме́ншїй не прїи́детъ съ ва́ми.

5. А если не пошлешь, то не пойдемъ; ибо тотъ человѣкъ сказалъ намъ: не являйтесь ко мнѣ на лице, если брата вашего не будетъ съ вами.

ѕ҃. Рече́ же І҆и҃ль: почто̀ ѕло̀ сотвори́сте мѝ, повѣ́давше мꙋ́жꙋ, ꙗ҆́кѡ є҆́сть ва́мъ бра́тъ;

6. Израиль сказалъ: для чего вы сдѣлали мнѣ такое зло, сказавъ тому человѣку, что у васъ есть еще братъ?

з҃. Ѻ҆ни́ же рѣ́ша: вопроша́ѧ вопросѝ на́съ мꙋ́жъ и҆ ро́да на́шегѡ, глаго́лѧ: а҆́ще є҆щѐ ѻ҆ц҃ъ ва́шъ жи́въ є҆́сть, и҆ а҆́ще є҆́сть ва́мъ бра́тъ; и҆ повѣ́дахомъ є҆мꙋ̀ по вопро́сꙋ

7. Они сказали: распрашивалъ тотъ человѣкъ о насъ и о родствѣ нашемъ. говоря: живъ ли еще отецъ вашъ? есть ли у васъ братъ? Мы и разсказали ему по

семꙋ: ѐда̀ вѣдѣхомъ; ꙗ҆́кѡ речéтъ нáмъ: приведи́те брáта вáшего;

и҃. Речé же І҆ꙋ́да ко І҆и҃лю ѻ҆тцꙋ̀ своемꙋ̀: ѿпꙋсти̇̀ ѻ҆́трочища со мнóю: и҆ востáвше пóйдемъ, да жи́ви бꙋ́демъ, и҆ не оу҆́мремъ, и҆ мы̀ и҆ ты̀ и҆ и҆мѣ́нїе нáше.

ѳ҃. А҆́зъ же возмꙋ̀ ѐгѡ̀: ѿ рꙋкꙋ̀ моéю взыщи̇̀ ѐгѡ̀: а҆́ще не приведꙋ̀ ѐгѡ̀ къ тебѣ̀, и҆ постáвлю ѐгѡ̀ пред̾ тобóю, грѣ́шенъ бꙋ́дꙋ къ тебѣ̀ всѧ̀ дни̇̀.

і҃. А҆́ще бо бы́хомъ не оу҆мéдлили, оу҆жѐ возврати́лисѧ бы двáжды.

а҃і. Речé же и҆́мъ І҆и҃ль ѻ҆ц҃ъ и҆́хъ: а҆́ще тáкѡ є҆́сть, сїѐ сотвори́те: возми́те ѿ плодѡ́въ земны́хъ въ сосꙋ́ды своѧ̀, и҆ донеси́те чл҃вѣ́кꙋ дáры, ритíнꙋ, мéдъ, ѳѷмїáма же, и҆ стáкти, и҆ теревíнѳъ, и҆ ѻ҆рѣ́хи:

этимъ распросамъ. Могли ли мы знать, что онъ скажетъ: приведите брата вашего?

8 Іуда же сказалъ Израилю, отцу своему: отпусти отрока со мною; и мы встанемъ и пойдемъ, и живы будемъ и не умремъ и мы, и ты, и дѣти наши.

9. Я отвѣчаю за него, изъ моихъ рукъ потребуешь его. Если я не приведу его къ тебѣ, и не поставлю его предъ лицемъ твоимъ; то останусь я виновнымъ предъ тобою во всѣ дни жизни.

10. Если бы мы не медлили; то уже сходили бы два раза.

11. Израиль, отецъ ихъ, сказалъ имъ: если такъ, то вотъ, что сдѣлайте: возьмите съ собою плодовъ земли сей, и отнесите въ даръ тому человѣку нѣсколько бальзама и нѣсколько меду, стираксы и ладану, фисташковъ и миндальныхъ орѣховъ.

*

ві. И̑ сребро̀ сугу́бо возмúте въ рукѣ свои̑, и̑ сребро̀ ѡ̑брѣтенное во вре́тищ\хъ ва́шихъ возврати́те съ собо́ю, да не ка́кѡ невѣдѣніе е̑сть.

гг. И̑ бра́та своего̀ поими́те: и̑ воста́вше, и̑ди́те къ мужу̀.

ді. Бъ же мо́й да да́стъ ва́мъ бла́года́ть пред мужемъ, и̑ ѿпу́ститъ бра́та ва́шего е̑ди́наго, и̑ Веніами́на: а̑зъ бо та́коже ѡ̑безча́дѣхъ, ѡ̑безча́дѣхъ.

ег. Взе́мше же мужіе да́ры сі́и̑, и̑ сребро̀ сугу́бое взя́ша въ рукѣ свои̑, и̑ Веніами́на: и̑ воста́вше, прїидо́ша во е̑гу́петъ, и̑ ста́ша пред Ію́сифомъ.

зг. Ви́дѣ же и̑̀хъ Ію́сифъ, и̑ Веніами́на, бра́та своего̀ е̑диномà́терим: и̑ речѐ строи́телю до́му своегѡ̀: введи́ мужы [сі́и̑] въ до́мъ, и̑ заколи́ ѿ ско́та, и̑ оу̀гото́вай: со мно́ю бо та́сти и̑му́тъ

12. Возьмите и другое серебро въ руки ваши; а серебро, обратно положенное въ отверстіе мѣшковъ вашихъ, возвратите руками вашими: можетъ быть, это недосмотръ.

13. И брата вашего возьмите, и вставъ, пойдите опять къ человѣку тому.

14. Богъ же всемогущій да дастъ вамъ найти милость у человѣка того, чтобы онъ отпустилъ вамъ и другаго брата вашего и Веніамина. А мнѣ если уже быть бездѣтнымъ; то пусть буду бездѣтнымъ.

15. И взяли тѣ люди дары эти, и серебра вдвое взяли въ руки свои, и Веніамина, и встали, и пошли въ Египетъ и предстали предъ лице Іосифа.

16. Іосифъ, увидѣвъ между ними Веніамина, брата своего, сына матери своей, сказалъ начальнику дома своего: введи сихъ людей въ домъ, и заколи что-нибудь изъ скота, и присго-

мꙋ́жїе [сі́и] хлѣ́бъ въ полꙋ́дне.

з҃і. Сотвори́ же чл҃вѣ́къ, ꙗ҆́коже речѐ Іѡ́сифъ, и҆ введѐ мꙋ́жы въ до́мъ Іѡ́сифовъ.

и҃і. Ви́дѣвше же мꙋ́жїе, ꙗ҆́кѡ введо́ша и҆́хъ въ до́мъ Іѡ́сифовъ, рѣ́ша: сребра̀ ра́ди возвраще́ннагѡ во вре́тищахъ на́шихъ пе́рвѣе, вво́дѧтъ ны̀, є҆́же бы ѡ҆клевета́ти на́съ, и҆ нанестѝ на ны̀, да по́ймꙋтъ на́съ въ рабы̀, и҆ ѻ҆слы̀ на́ши.

ѳ҃і. Пристꙋпи́вше же къ чл҃кꙋ сꙋ́щемꙋ над̾ до́момъ Іѡ́сифовымъ, реко́ша є҆мꙋ̀ при вратѣ́хъ до́мꙋ,

к҃. Гл҃юще: мо́лимъ тѧ̀ гдⷭ҇и́не: прїидо́хомъ пе́рвѣе кꙋпи́ти пи́щи.

к҃а. Бы́сть же є҆гда̀ прїидо́хомъ на ста́нъ, и҆ ѿрѣши́хомъ вре́тища своѧ̀, и҆ сѐ сребро̀ коегѡ́ждо во вре́тищи є҆гѡ̀: то́е сребро̀ на́ше вѣ́сомъ возрати́хомъ нн҃ѣ рꙋка́ми на́шими:

товъ; потому что со мною будутъ ѣсть эти люди въ полдень.

17. И сдѣлалъ человѣкъ тотъ, какъ сказалъ Іосифъ, и ввелъ человѣкъ тотъ людей сихъ въ домъ Іосифовъ.

18. И испугались люди эти, что ввели ихъ въ домъ Іосифовъ, и сказали: это за серебро, возвращенное прежде въ мѣшки наши, ввели насъ, чтобы придраться къ намъ, и напасть на насъ, и взять насъ въ рабство, и ословъ нашихъ.

19. И подошли они къ начальнику дома Іосифова, и стали говорить ему у дверей дома.

20. И сказали: послушай, господинъ нашъ, мы приходили уже прежде покупать пищи.

21. И случилось, что, когда пришли мы на ночлегъ, и открыли мѣшки наши,—вотъ серебро каждаго въ отверстіи мѣшка его, серебро наше по вѣсу его, и мы возвращаемъ его

кв. И̑ сребро̀ дрꙋго́е принесо́хомъ съ собо́ю кꙋпи́ти пи̑щи: не вѣ́мы, кто̀ вложи́ сребро̀ во вре́тища на́ша.

кг. Рече́ же и̑мъ: ми́ръ ва́мъ, нѐ бо́йтесѧ: Бг̃ъ ва́шъ и̑ Бг̃ъ о̑ц̃ъ ва́шихъ дадѐ ва́мъ сокро́вища во вре́тищахъ ва́шихъ: а̑ сребро̀ ва́ше за пр҃и́а́тое и̑мѣ́ю. и̑ и̑зведѐ къ ни́мъ Сѷ̑меѡ́на:

кд. И̑ принесѐ во́дꙋ ѡ̑мы́ти но́зѣ и̑́мъ, и̑ дадѐ па̑жити о̑слѡ́мъ и̑́хъ.

ке. Оу̑гото́ваша же да́ры, дс̑ндеже пр҃и́йдетъ Іѡ́сифъ въ полꙋ́днє: слы́шаша бо, ꙗ̑кѡ та́мо и̑́мать ѡ̑бѣ́дати.

кѕ. Пр҃и́йде же Іѡ́сифъ въ до́мъ: и̑ принесо́ша е̑мꙋ̀ да́ры, ꙗ̑же и̑ммо́хꙋ въ рꙋка́хъ сво́и́хъ, въ до́мъ: и̑ поклони́шасѧ е̑мꙋ̀ лице́мъ до земли̑.

кз. И̑ вопроси̑ и̑́хъ: здра́ви ли е̑стѐ; и̑ речѐ и̑́мъ: здра́въ ли е̑сть. о̑ц̃ъ ва́шъ

своими руками.

22. А для покупки пищи мы принесли другое серебро въ рукахъ нашихъ. Мы не знаемъ, кто положилъ серебро наше въ мѣшки наши.

23. Онъ сказалъ: будьте спокойны, не бойтесь. Богъ вашъ и Богъ отца вашего далъ вамъ кладъ въ мѣшкахъ вашихъ; серебро ваше дошло до меня. И привелъ къ нимъ Симеона.

24. И ввелъ тотъ человѣкъ людей сихъ въ домъ Іосифовъ, и далъ воды, и они омыли ноги свои; и далъ корму ослам ихъ.

25. И они приготовили дары къ приходу Іосифа въ полдень; ибо слышали, что тамъ будутъ ѣсть хлѣбъ.

26. И пришелъ Іосифъ домой; и они принесли ему въ домъ дары, которые были на рукахъ ихъ, и поклонились ему до земли.

27. Онъ спросилъ ихъ о здоровьи, и сказалъ: здоровъ ли отецъ вашъ ста-

ста́рецъ, є҆го̀ же рекóсте. є҆ще́ ли жи́въ є҆́сть,

ки҃. Ѻ҆ни́ же рекóша: здра́въ є҆́сть ра́бъ твóй ѻ҆ц҃ъ на́шъ, є҆щѐ жи́въ є҆́сть. и҆ речѐ: бл҃гословéнъ чл҃вѣ́къ ѻ҆́ный Бг҃ꙋ. и҆ прини́кше поклони́шасѧ є҆мꙋ̀

кѳ҃. Воззрѣ́въ же ѻ҆чи́ма свои́ма І҆ѡ́сифъ, ви́дѣ Венїамі́на бра́та своегò є҆динома́тернѧ, и҆ речѐ: се́й ли є҆́сть бра́тъ ва́шъ ю҆нѣ́йшїй, є҆гóже рекóсте ко мнѣ̀ привестѝ; и҆ речѐ: Бг҃ъ да поми́лꙋетъ тѧ̀, ча́до.

л҃. Возмꙋти́сѧ же І҆ѡ́сифъ: подви́жесѧ бо ѹ҆трóба є҆гѡ̀ ѡ҆ бра́тѣ своéмъ, и҆ и҆ска́ше пла́кати: вшéдъ же въ лóжницꙋ, пла́касѧ та́мѡ.

л҃а. И҆ ѹ҆мы́въ лицѐ, и҆зшéдъ ѹ҆держа́сѧ, и҆ речѐ: предложи́те хлѣ́бы.

л҃в. И҆ предложи́ша є҆мꙋ̀ є҆ди́номꙋ, и҆ ѻ҆́нымъ ѻ҆сóбнѡ, и҆ Є҆гѵ́птѧнѡмъ, и҆́же съ ни́мъ ꙗ҆дѧ́хꙋ, ѻ҆сóбнѡ: не можа́хꙋ

рецъ, о которомъ вы говорили? Живъ ли еще онъ?

28. Они сказали: здоровъ рабъ твой, отецъ нашъ; еще живъ. Онъ сказалъ: благословенъ человѣкъ сей отъ Бога. И преклонились они и поклонились.

29. И поднялъ глаза свои Іосифъ, и увидѣлъ Веніамина, брата своего, сына матери своей, и сказалъ: это братъ вашъ меньшій, о которомъ вы сказывали мнѣ? И сказалъ: да будетъ милость Божія съ тобою, сынъ мой!

30. И поспѣшно удалился Іосифъ, потому что воскипѣла любовь къ брату его, и онъ готовъ былъ заплакать, и вошелъ онъ во внутреннюю комнату, и плакалъ тамъ.

31. И умывъ лице свое, вышелъ, и скрѣпился и сказалъ: подавайте кушанье.

32. И подали ему особо, и имъ особо и Египтянамъ, обѣдавшимъ съ нимъ, особо: ибо Египтяне не мо-

бо Єгѵ́птѧне ꙗ҆сти хлѣ́ба съ Є҆вре́и: ме́рзость бо є҆́сть Єгѵ́птѧнѡмъ [всѧ́къ пастꙋ́хъ ѻ҆вчїй].

гутъ ѣсть съ Евреями; потому что это мерзость для Египтянъ.

л҃г. Сѣдо́ша же прѧмѡ є҆мꙋ̀, пе́рвенецъ по старѣ́йшинствꙋ своемꙋ̀, и҆ ме́ншїй по ме́ншествꙋ своемꙋ̀: и҆ дивлѧ́хꙋсѧ мꙋ́жїе кі́йждо ко бра́тꙋ своемꙋ̀.

33. И сѣли они предъ нимъ, первородный по первородству его, и младшій по молодости его, и дивились эти люди другъ предъ другомъ.

л҃д. И҆ взѧ́ша ча̑сти ѿ негѡ̀ къ себѣ̀. вѧ́щшаѧ же бы́сть ча̀сть Веніамі́нова па́че всѣ́хъ часте́й пѧтери́цею, не́же ѻ҆́ныхъ. пи́ша же, и҆ оу҆пи̑шасѧ съ ни́мъ.

34. И посылались имъ кушанья отъ него; и доля Веніамина была впятеро больше долей каждаго изъ нихъ. И пили, и довольно пили они съ нимъ.

ГЛАВА XLIV

а҃. И҆ заповѣ́да І҆ѡ́сифъ домострои́телю своемꙋ̀, глаго́лѧ: напо́лните вре́тища мꙋже́мъ пи̑щи, є҆ли́кѡ мо́гꙋтъ понестѝ: и вложи́те комꙋ́ждо сребро̀ верхꙋ̀ оу҆́стїѧ вре́тища.

И приказалъ Іосифъ начальнику дома своего, говоря: наполни мѣшки этихъ людей пищею, сколько они могутъ нести, и серебро каждаго положи въ отверстіе мѣшка его.

в҃. И҆ ча́шꙋ мою̀ сре́брѧнꙋю вложи́те во вре́тище ме́ншагѡ, и҆ цѣ́нꙋ пшени́цы є҆гѡ̀. бы́сть же по словеси̑ І҆ѡ́сифѡвꙋ, ꙗ҆́коже рече̑.

2. А чашу мою, чашу серебряную, положи въ отверстіе мѣшка къ младшему, вмѣстѣ съ серебромъ за купленный имъ хлѣбъ. И сдѣлалъ тотъ по слову

г. Оу҃тро, возсі́м: и мꙋ́жіе ѿпꙋстѝшасѧ са́ми, и ѻслѧ́та ихъ.

д. Изше́дше же ѻни̑ ѿ гра́да, не ѿидо́ша дале́че: и рече Іѡ́сифъ домостроителю своемꙋ́: востáвь гони̑ въ слѣ́дъ мꙋ́жеи, и постѝгни и̑хъ, и рцы̀ и̑мъ: что̀ ꙗ́кѡ воздáсте [мн̑] зла́ за бла́гаѧ;

е. Ꙗ́скꙋю ꙋкрадо́сте ча́шꙋ мою̀ сребрꙋ́ю; не сі́я ли е́сть, ѿ нея́же пїе́тъ господи́нъ мо́й; ѻ́нъ же и колꙋ́ваніемъ волꙋ́ѵетъ въ не́й: зла́ совершисте́, ꙗ́же сотвори́сте.

Ѡбрѣ́тъ же и̑хъ, речѐ и̑мъ по словесе́мъ сі́мъ.

Ѻни̑ же ре́ша е́мꙋ: ꙗ́скꙋю глетъ господи́нъ словесá сі́и; не бꙋ́ди рабѡ́мъ твои́мъ, сотвори́ти по словесѝ семꙋ́

з. Я́ще сребро̀, е́же ѡбрѣто́хомъ во вре́тищахъ на́шихъ, возврати́хомъ къ тебѣ Іосифа, которое сказалъ онъ.

3. Утромъ, когда разсвѣ́ло, эти люди были отпущены, они и ослы ихъ.

4. Еще не далеко отошли они отъ города, какъ Іосифъ сказалъ начальнику дома своего: ступай, догоняй этихъ людей, и, когда догонишь, скажи имъ: для чего вы заплатили зломъ за добро? для чего укра́ли у меня серебряную чашу?

5. Не та ли это, изъ которой пьетъ господинъ мой? И онъ гадаетъ на ней. Худо это вы сдѣлали.

6 Онъ догналъ ихъ, и сказалъ имъ эти слова.

7 Они сказали ему: для чего господинъ нашъ говоритъ такія слова? Нѣтъ, рабы твои не сдѣлаютъ такого дѣла.

8. Вотъ, серебро, найденное нами въ отверстіи мѣшковъ нашихъ, мы обратно

ѿ землѝ Ханаа́ни, ка́кѡ бы́хомъ оу҆кра́ли и҆з до́мꙋ господи́на твоегѡ̀ сребро̀ и҆лѝ зла́то;

принесли тебѣ изъ земли Ханаанской: какъ же намъ украсть изъ дома господина твоего серебро или золото?

ѳ҃ Оу҆ негѡ́же а҆́ще ѡ҆брѧ́щеши ча́шꙋ ѿ ра́бъ твои́хъ, да оу҆мретъ: и҆ мы̀ бꙋ́демъ рабѝ гдⷭ҇и́нꙋ на́шемꙋ.

9. У кого изъ рабовъ твоихъ найдется чаша, тому смерть; и мы будемъ рабами господину нашему.

і҃. Ѻ҆́нъ же речѐ: и҆ ны́нѣ ꙗ҆́коже гл҃ете, та́кѡ бꙋ́детъ: оу҆ негѡ́же а҆́ще ѡ҆брѧ́щетсѧ ча́ша, бꙋ́детъ мо́й ра́бъ, вы́ же бꙋ́дете чи́сти.

10. Онъ сказалъ: хорошо; какъ вы сказали, такъ пусть и будетъ: у кого найдется чаша, тотъ будетъ мнѣ рабомъ, а вы будете не виноваты.

а҃і. И҆ потща́шасѧ, и҆ све́рже кі́йждо вре́тище своѐ на зе́млю, и҆ ѿверзо́ша кі́йждо вре́тище своѐ.

11. Они поспѣшно спустили каждый свой мѣшокъ на землю, и открыли каждый свой мѣшокъ

в҃і. И҆зыска́ же ѿ старѣ́йшагѡ заче́нъ, до́ндеже прїи́де до ме́ншагѡ: и҆ ѡ҆брѣ́те ча́шꙋ во вре́тищи Венїамі́ни.

12. Онъ обыскалъ, началъ со старшаго, и кончилъ младшимъ; и нашлась чаша въ мѣшкѣ Веніаминовомъ.

г҃і. И҆ растерза́ша ри́зы своѧ̀, и҆ возложи́ша кі́йждо вре́тище своѐ на ѻ҆слѧ̀ своѐ, и҆ возврати́шасѧ во гра́дъ.

13. И разодрали они одежды свои, и, возложивъ каждый на осла своего ношу, возвратились въ городъ.

д҃і. Вни́де же І҆ꙋ́да и҆ бра́тїѧ є҆гѡ̀ ко І҆ѡ́сифꙋ, є҆щѐ

14. И пришли Іуда и братья его въ домъ Іосифа,

ѥ҆мꙋ̀ сꙋ́щꙋ тꙋ̀, и҆ падо́ша пред̾ ни́мъ на зе́млю.

ѕ҃і. Рече́ же и҆́мъ І҆ѡ́сифъ: что̀ дѣ́ло сїѐ сотвори́сте; не вѣ́дасте ли̑, ꙗ҆́кѡ нѣ́сть волхвова́тель человѣ́къ, ꙗ҆́коже а҆́зъ;

ѕ҃і. Рече́ же І҆ꙋ́да: что̀ ѿвѣща́емъ гдⷭ҇и́нꙋ, и҆лѝ что̀ возглаго́лемъ, и҆лѝ чи́мъ ѡ҆правди́мсѧ; Бг҃ъ же ѡ҆брѣ́те непра́вдꙋ рабѡ́въ твои́хъ: сѐ мы̀ є҆смы̀ рабѝ гдⷭ҇и́нꙋ на́шемꙋ, и҆ мы̀, и҆ оу҆ негѡ́же ѡ҆брѣ́тесѧ ча́ша.

з҃і. Рече́ же І҆ѡ́сифъ: не бꙋ́ди мѝ сотвори́ти глаго́лъ се́й: мꙋ́жъ, оу҆ негѡ́же ѡ҆брѣ́тесѧ ча́ша, то́й бꙋ́детъ мѝ ра́бъ: вы́ же поиди́те в̾ цѣ́лости ко ѻ҆ц҃ꙋ своемꙋ̀.

и҃і. Пристꙋпи́въ же къ немꙋ̀ І҆ꙋ́да, речѐ: молю́ тѧ гдⷭ҇и́не, да рече́тъ ра́бъ тво́й сло́во пред̾ тобо́ю, и҆ не прогнѣ́вайсѧ на раба̀ твоегѡ̀: ꙗ҆́кѡ ты̀ є҆сѝ по Фараѡ́нѣ.

ѳ҃і. Гдⷭ҇и́не, ты̀ вопроша́лъ

который былъ еще дома, и пали предъ нимъ на землю.

15. Іосифъ сказалъ имъ: что это вы сдѣлали? развѣ вы не знали, что такой человѣкъ, какъ я, конечно угадаетъ?

16 Іуда сказалъ: что намъ сказать господину нашему? что говорить? чѣмъ оправдываться? Богъ нашелъ неправду рабовъ твоихъ; вотъ, мы рабы господину нашему, и мы, и тотъ, въ чьихъ рукахъ нашлась чаша.

17. Но Іосифъ сказалъ: нѣтъ, я этого не сдѣлаю; тотъ, въ чьихъ рукахъ нашлась чаша, будетъ мнѣ рабомъ, а вы пойдите съ миромъ къ отцу вашему.

18. И подошелъ Іуда къ нему, и сказалъ: господинъ мой, позволь рабу твоему сказать слово во уши господина моего, и не прогнѣвайся на раба твоего; ибо ты то же, что Фараонъ.

19. Господинъ мой спра-

ѐси̑ рабѡ́въ твои́хъ, гл҃ѧ: а҆́ще и҆́мате ѻ҆ц҃а̀, и҆лѝ бра́та;

шивалъ рабовъ своихъ, говоря: есть ли у васъ отецъ или братъ?

к҃. И҆ рѣ́хомъ гдⷭ҇и́нꙋ: є҆́сть на́мъ ѻ҆ц҃ъ ста́ръ, и҆ ѻ҆́трочищъ на ста́рость ме́ншїй є҆мꙋ̀, а҆ бра́тъ є҆гѡ̀ ᲂу҆́мре, ѻ҆́нъ же є҆ди́нъ ѡ҆ста́сѧ ᲂу҆ ма́тере своеѧ̀, ѻ҆ц҃ъ же возлюбѝ є҆го̀.

20. Мы сказали господину нашему, что у насъ есть отецъ престарѣлый, и у него младшій сынъ, сынъ старости, котораго братъ умеръ, а онъ остался одинъ *отъ* матери своей; и отецъ любитъ его.

к҃а. Ты́ же ре́клъ є҆сѝ рабѡ́мъ твои́мъ: приведи́те є҆го̀ ко мнѣ̀, да ви́ждꙋ є҆го̀.

21. Ты же сказалъ рабамъ твоимъ: приведите его ко мнѣ, чтобы мнѣ взглянуть на него.

к҃в. И҆ рѣ́хомъ гдⷭ҇и́нꙋ: не возмо́жетъ ѻ҆́трочищъ ѡ҆ста́вити ѻ҆ц҃а̀ своего̀: а҆́ще же ѡ҆ста́витъ ѻ҆ц҃а̀, ᲂу҆́мретъ.

22. Мы сказали господину нашему: отрокъ не можетъ оставить отца своего; и если онъ оставитъ отца своего, то сей умретъ.

к҃г. Ты́ же ре́клъ є҆сѝ рабѡ́мъ твои́мъ: а҆́ще не прїи́детъ бра́тъ ва́шъ ме́ншїй съ ва́ми, не приложитѐ ктомꙋ̀ ви́дѣти лица̀ моегѡ̀.

23. Но ты сказалъ рабамъ твоимъ: если не прійдетъ меньшій братъ вашъ, то вы болѣе не являйтесь ко мнѣ на лице.

к҃д. Бы́сть же є҆гда̀ прїидо́хомъ къ рабꙋ̀ твоемꙋ̀ ѻ҆ц҃ꙋ̀ на́шемꙋ, повѣ́дахомъ є҆мꙋ̀ словеса̀ гдⷭ҇и́на на́шегѡ.

24. Когда мы пришли къ рабу твоему, отцу нашему: то пересказали ему слова господина моего.

к҃е. Рече́ же на́мъ ѻ҆ц҃ъ на́шъ: и҆ди́те па́ки, и҆ кꙋпи́те

25. И сказалъ отецъ нашъ: пойдите опять, ку-

на́мъ ма́лѡ пи́щи.

к҃ѕ. Мы́ же реко́хомъ: не возмо́жемъ и҆ти̑: но а҆́ще бра́тъ на́шъ ме́ншїй и҆́детъ с҆ на́ми, по́йдемъ: и҆́бо не возмо́жемъ ви́дѣти лицѐ мꙋ́жа, бра́тꙋ на́шемꙋ ме́ншемꙋ не сꙋ́щꙋ съ на́ми.

к҃з. Рече́ же ра́бъ тво́й ѻ҆ц҃ъ на́шъ къ на́мъ: вы̀ вѣ́сте, ꙗ҆́кѡ двои́хъ роди̑ мнѣ̀ жена̀:

к҃и. И҆ ѿи́де є҆ди́нъ ѿ менѐ, и҆ реко́сте: ꙗ҆́кѡ ѕвѣ́ремъ снѣде́нъ бы́сть, и҆ не ви́дѣхъ є҆гѡ̀ да́же до ны́нѣ.

к҃ѳ. А҆́ще оу҆́бо по́ймете и҆ сего̀ ѿ лица̀ моегѡ̀, и҆ слꙋчи́тсѧ є҆мꙋ̀ ѕло̀ на пꙋти̑, и҆ сведе́те ста́рость мою̀ съ печа́лїю во а҆́дъ

л҃. Пы́не оу҆́бо а҆́ще пойдꙋ̀ къ рабꙋ́ твоемꙋ̀, ѻ҆ц҃ꙋ́ же на́шемꙋ, и҆ ѻ҆́трочища не бꙋ́детъ съ на́ми: [дꙋша́ же є҆гѡ̀ свѧ́зана є҆́сть съ дꙋше́ю сегѡ̀:]

л҃а. И҆ бꙋ́детъ є҆гда̀ оу҆ви́дитъ ѻ҆́нъ не сꙋ́ща ѻ҆́трочища съ на́ми, оу҆́мретъ, и҆ сведꙋ́тъ

пите намъ не много пищи.

26. Мы сказали: нельзя намъ идти; а если будетъ съ нами меньшій братъ нашъ, то пойдемъ; потому что нельзя намъ видѣть лица того человѣка, если не будетъ съ нами меньшаго брата нашего.

27 И сказалъ намъ рабъ твой, отецъ нашъ: вы знаете, что жена моя родила мнѣ двухъ *сыновъ*.

28 Одинъ пошелъ отъ меня, и я сказалъ: вѣрно онъ разстерзанъ; и я не видалъ его донынѣ.

29. Если и сего возьмете отъ глазъ моихъ, и случится съ нимъ несчастіе; то сведете вы сѣдину мою съ горестію во гробъ.

30. Теперь если я прійду къ рабу твоему, отцу нашему, и не будетъ съ нами отрока, съ душею котораго связана душа его:

31. То онъ, увидѣвъ, что нѣтъ отрока, умретъ; и сведутъ рабы твои сѣ-

раби̑ твои̑ ста́рость раба̀ твоегѡ̀, ѻ҆ц҃а́ же на́шего, съ печа́лїю во а҆́дъ.

дину̑ раба твоего, отца нашего, съ печалью во гробъ.

л҃в. Ра́бъ бо тво́й ѿ ѻ҆ц҃а̀ взѧ̀ ѻ҆́трочища, глаго́лѧ: а҆́ще не приведꙋ̀ є҆го̀ къ тебѣ̀, и҆ поста́влю є҆го̀ пред̾ тобо́ю, грѣ́шенъ бꙋ́дꙋ ко ѻ҆ц҃ꙋ̀ всѧ̀ дни̑.

32. Притомъ я, рабъ твой, взялся отвѣчать за отрока отцу моему, сказавъ: если не приведу его къ тебѣ и не поставлю его предъ тобою; то останусь я виновнымъ предъ отцемъ моимъ во всѣ дни жизни.

л҃г. Ны́нѣ оу҆́бо пребꙋ́дꙋ тебѣ̀ ра́бъ вмѣ́стѡ ѻ҆́трочища, ра́бъ гд҃и́нꙋ: ѻ҆́трочищъ же да и҆́детъ съ бра́тїею свое́ю.

33. И такъ пусть я, рабъ твой, вмѣсто отрока останусь рабомъ у господина моего; а отрокъ пусть идетъ съ братьями своими.

л҃д. Ка́кѡ бо пойдꙋ̀ ко ѻ҆ц҃ꙋ̀, ѻ҆́трочищꙋ не сꙋ́щꙋ съ съ на́ми; да не ви́ждꙋ ѕлы́хъ, ꙗ҆́же ѡ҆брѧ́щꙋтъ ѻ҆ц҃а̀ моего̀.

34. Ибо какъ пойду я къ отцу моему, когда отрока не будетъ со мною? я увидѣлъ бы бѣдствіе, которое постигло бы отца моего.

ГЛАВА XLV.

а҃. И҆ не можа́ше І҆ѡ́сифъ оу҆держа́тисѧ всѣ́мъ предстоѧ́щымъ є҆мꙋ̀, но речѐ: ѡ҆тосли́те всѣ́хъ ѿ менѐ: и҆ не предстоѧ́ше ни є҆ди́нъ І҆ѡ́сифꙋ, є҆гда̀ познава́шесѧ бра́тїи свое́й.

Іосифъ не могъ болѣе удерживаться при всѣхъ стоявшихъ около него, и закричалъ: удалите отъ меня всѣхъ. И не оставалось при Іосифѣ никого, когда онъ открылся братьямъ своимъ.

в҃. И ѥ҆спꙋ́сти гла́съ съ пла́чемъ: слы́шаша же вси̑ Е҆гꙋ́птѧне, и̑ слы́шано бы́сть въ домꙋ̀ Фараѡ́новѣ.

г҃. Рече́ же Ї҆ѡ́сифъ бра́тїи свое́й: а҆́зъ е҆́смь Ї҆ѡ́сифъ: е҆щ҆е́ ли ѻ҆́цъ мо́й жи́въ е҆́сть; и̑ не могѡ́ша бра́тїѧ ѿвѣщ҆а́ти е҆мꙋ̀: смꙋ́тѝшасѧ бо.

д҃. Рече́ же Ї҆ѡ́сифъ бра́тїи свое́й: приближи́тесѧ ко мнѣ̀: и̑ приближи́шасѧ. и̑ рече́: а҆́зъ е҆́смь Ї҆ѡ́сифъ бра́тъ ва́шъ, е҆гѡ́же прода́сте во Е҆гꙋ́петъ.

е҃. Нн҃ѣ ꙋ҆́бо не скорби́те, ниже́ же́стокш ва́мъ да а҆́вит҃сѧ, а҆́кш прода́сте мѧ̀ сю̑ѧ: на жи́знь бо посла́ мѧ̀ Бг҃ъ пре́дъ ва́ми.

ѕ҃. Сі҃е́ бо второ́е лѣ́то гла́дъ на земли̑, и̑ е҆щ҆е́ пѧ́ть лѣ́тъ ѡ҆́стѧ, въ ни́хже не бꙋ́детъ ѡ҆́рѧнїѧ, ни жа́твы.

з҃. Посла́ бо мѧ̀ Бг҃ъ пре́дъ ва́ми ѡ҆ста́вити ва́мъ ѡ҆ста́нокъ на земли̑, и̑ препита́ти ва́шъ ѡ҆ста́нокъ ве́лїй.

2. И громко зарыдалъ онъ, и услышали Египтяне, и услышалъ домъ Фараоновъ.

3. И сказалъ Іосифъ братьямъ своимъ: я Іосифъ, живъ ли еще отецъ мой? Но братья его не могли отвѣчать ему; потому что они смутились предъ нимъ.

4. И сказалъ Іосифъ братьямъ своимъ: подойдите ко мнѣ. Они подошли. Онъ сказалъ: я Іосифъ, братъ вашъ, котораго вы продали въ Египетъ.

5. Но теперь не печальтесь, и не жалѣйте о томъ, что вы продали меня сюда; потому что Богъ послалъ меня передъ вами для сохраненія вашей жизни.

6. Ибо теперь два года голода на землѣ: остается еще пять лѣтъ, въ которыя ни орать, ни жать не будутъ.

7. Богъ послалъ меня передъ вами, чтобы оставить васъ на землѣ и сохранить вашу жизнь великимъ из-

бавленіемъ.

и҃. Ны́нѣ оу҆́бо не вы̀ посла́сте мѧ̀ сѣ́мѡ, но Бг҃ъ: и҆ сотвори́ мѧ ꙗ҆́кѡ ѻ҆ц҃а̀ Фараѡ́нꙋ, и҆ гдⷭ҇и́на всемꙋ̀ до́мꙋ є҆гѡ̀, и҆ кнѧ́зѧ всє́й землѝ Є҆гѵ́петстѣй.

8. И такъ не вы послали меня сюда, но Богъ, который и поставилъ меня отцомъ Фараону, и господиномъ во всемъ домѣ его, и владыкою во всей землѣ Египетской.

ѳ҃. Потща́вшесѧ оу҆́бо, взы́дите ко ѻ҆ц҃ꙋ̀ моемꙋ̀, и҆ рцы́те є҆мꙋ̀: сїѧ̀ гл҃етъ сы́нъ тво́й І҆ѡ́сифъ: сотвори́ мѧ Бг҃ъ гдⷭ҇и́на всє́й землѝ Є҆гѵ́петстѣй: сни́ди оу҆́бо ко мнѣ̀, и҆ не оу҆ме́дли:

9. Идите скорѣе къ отцу моему, и скажите ему: такъ говоритъ сынъ твой Іосифъ: Богъ поставилъ меня господиномъ надъ всѣмъ Египтомъ: прійди ко мнѣ, не медли.

і҃. И҆ всели́шисѧ в҆ землѝ Гесе́мли А҆раві́йстѣй, и҆ бꙋ́деши близ̾ менѐ ты̀, и҆ сы́нове твои̇̀, и҆ сы́нове сынѡ́въ твои́хъ, ѻ҆́вцы твоѧ̀, и҆ воло́ве твои̇̀, и҆ є҆ли́ка сꙋ́ть твоѧ̀.

10. Ты будешь жить въ землѣ Гесемъ; и будешь близъ меня, ты, и сыны твои, и сыны сыновъ твоихъ, и мелкій и крупный скотъ твой, и все твое.

а҃і. И҆ препита́ю тѧ̀ та́мѡ, є҆ще́ бо пѧ́ть лѣ́тъ бꙋ́детъ гла́дъ на землѝ, да не поги́бнеши ты̀, и҆ сы́нове твои̇̀, и҆ всѧ̀ и҆мѣ́нїѧ твоѧ̀.

11. И прокормлю тебя тамъ, ибо голодъ будетъ еще пять лѣтъ; чтобы не обнищалъ ты, и домъ твой, и все твое.

в҃і. Сѐ ѻ҆́чи ва́ши ви́дѧтъ, и҆ ѻ҆́чи Веніамі́на бра́та моегѡ̀, ꙗ҆́кѡ оу҆ста̀ моѧ̀ гл҃ющаѧ къ ва́мъ.

12. И вотъ очи ваши и очи брата моего Веніамина видятъ, что это мои уста говорятъ съ вами.

г҃і. Возвѣсти́те оу҆́бо ѻ҆ц҃ꙋ̀ моемꙋ̀ всю̀ сла́вꙋ мою̀ сꙋ́щꙋю во Є҆гѵ́птѣ, и҆ є҆ли́ка ви́дите: и҆ оу҆скори́вше, приведи́те ѻ҆ц҃а̀ моего̀ сѣ́мѡ

д҃і. И҆ напа́дъ на вы́ю Ве́нїамі́на бра́та своегѡ̀, пла́касѧ над̾ ни́мъ: и҆ Венїамі̀нъ пла́касѧ на вы́и є҆гѡ̀.

є҃і. И҆ ѡ҆блобызавъ всю̀ бра́тїю свою̀, пла́касѧ над̾ ни́ми: и҆ по си́хъ глаго́лаша къ немꙋ̀ бра́тїѧ єгѡ̀.

ѕ҃і. И҆ пронесе́сѧ гла́съ в̾ домꙋ̀ Фараѡ́новѣ, гл҃юще: прїидо́ша бра́тїѧ І҆ѡ́сифова: возра́довасѧ же̑ Фараѡ́нъ, и҆ раби̇̀ є҆гѡ̀.

з҃і. Рече́ же Фараѡ́нъ ко І҆ѡ́сифꙋ: рцы̀ бра́тїи свое́й, сїѐ сотвори́те: напо́лните сосꙋ́ды ва́шѧ [пшени́цы], и҆ и҆ди́те въ зе́млю Ханаа́ню:

і҃і. И҆ взе́мше ѻ҆ц҃а̀ ва́шего, и҆ и҆мѣ́нїѧ ва́ша, прїиди́те ко мнѣ̀: и҆ да́мъ ва́мъ ѿ всѣ́хъ бла̑гъ Є҆гѵ́петскихъ, и҆ снѣ́сте тꙋ́къ земли̇̀.

13 Скажите же отцу моему о всей славѣ моей въ Египтѣ и о всемъ, что̀ вы видѣли; и приведите скорѣе отца моего сюда.

14. И палъ онъ на шею Веніамину, брату своему, и плакалъ; и Веніаминъ плакалъ на шеѣ его.

15. И цѣловалъ всѣхъ братьевъ своихъ, и плакалъ, обнимая ихъ. Потомъ говорили съ нимъ братья его.

16. Дошелъ въ домъ Фараона слухъ, что пришли братья Іосифа; и пріятно было Фараону и рабамъ его.

17. И сказалъ Фараонъ Іосифу, скажи братьямъ твоимъ: вотъ, что̀ сдѣлайте: навьючьте скотъ вашъ (хлѣбомъ), и ступайте въ землю Ханаанскую;

18. И возьмите отца вашего и семейства ваши, и прійдите ко мнѣ; я дамъ вамъ лучшее (мѣсто) въ землѣ Египетской, и вы будете ѣсть тукъ земли.

ѳі. Ты́ же заповѣ́ждь сїѧ̑: взѧ́ти и҆́мъ колесни́цы ѿ земли̑ Е҆гѵ́петскїѧ дѣ́темъ и҆́хъ и҆ жена́мъ и҆́хъ, и҆ поимше ѻ҆ц҃а̀ своего̀, прїиди́те.

19. Тебѣ же повелѣваю сказать имъ: сдѣлайте сіе: возьмите себѣ изъ земли Египетской колесницъ для дѣтей вашихъ, и для женъ вашихъ, и привезите отца вашего и прійдите.

к҃. И҆ не пощади́те ѻ҆чи́ма сосꙋ́дѡвъ ва́шихъ: всѧ̑ бо благаѧ̑ Е҆гѵ́петскаѧ ва́мъ бꙋ́дꙋтъ.

20. И не жалѣйте вещей вашихъ, ибо лучшее изъ всей земли Египетской *дамъ* вамъ.

к҃а. Сотвори́ша же та́кѡ сы́нове І҆сра́илевы: даде́ же и҆́мъ І҆ѡ́сифъ колесни́цы по повелѣ́нїю Фараѡ́на царѧ̀ [Е҆гѵ́петска], и҆ дадѐ и҆́мъ бра́шно на пꙋ́ть.

21. Такъ и сдѣлали сыны Израилевы. И далъ имъ Іосифъ колесницы, по приказанію Фараона, и далъ имъ путевой запасъ.

к҃в. И҆ всѣ́мъ дадѐ сꙋгꙋ́бы ри́зы, Венїамі́нꙋ же дадѐ три́ста златни́цъ, и҆ пѧ́теры ри́зы премѣ́нныѧ.

22. Каждому изъ нихъ онъ далъ перемѣну одеждъ, а Веніамину далъ триста сребренниковъ и пять перемѣнъ одеждъ.

к҃г И҆ ѻ҆ц҃ꙋ̀ своемꙋ̀ посла̀ та́кожде, и҆ де́сѧть ѻ҆слѡ́въ везꙋ́щихъ ѿ всѣ́хъ бла̑гъ Е҆гѵ́петскихъ, и҆ де́сѧть мскѡ́въ везꙋ́щихъ хлѣ́бы на пꙋ́ть ѻ҆ц҃ꙋ̀ е҆гѡ̀

23. Также и отцу своему послалъ десять ословъ, навьюченныхъ лучшими *произведеніями* Египетскими, и десять ослицъ, навьюченныхъ зерномъ, хлѣбомъ и припасами отцу своему на путь.

к҃д. И҆ ѿпꙋсти̑ бра́тїю свою̀

24. И отпустилъ братьевъ

и҆ ѿидо́ша. и҆ речѐ и҆мъ: не гнѣвайтесѧ на пꙋтѝ.

своихъ, и они пошли. И сказалъ имъ: не ссорьтесь на дорогѣ

к҃є. И҆зыдо́ша же и҆з Є҆гѵ́пта, и҆ прїидо́ша въ зе́млю Ханаа́ню ко І҆а́кѡвꙋ ѻ҆ц҃ꙋ своемꙋ

25. И пошли они изъ Египта, и пришли въ землю Ханаанскую къ Іакову, отцу своему.

к҃ѕ. И҆ повѣ́даша є҆мꙋ̀, глаго́люще: ꙗ҆́кѡ сн҃ъ тво́й І҆ѡ́сифъ жи́въ є҆́сть, и҆ ѻ҆́нъ владѣ́етъ над̾ все́ю земле́ю Є҆гѵ́петскою. и҆ ᲂу҆жасе́сѧ въ мы́сли І҆а́ковъ: не вѣ́роваше бо и҆́мъ.

26. И извѣстили его, сказавъ: Іосифъ, сынъ твой живъ, и теперь владычествуетъ надъ всею землею Египетскою. Но сердце его смутилось; ибо онъ не вѣрилъ имъ.

к҃з. Гл҃аша же є҆мꙋ̀ всѧ̑ рече́ннаѧ ѿ І҆ѡ́сифа, є҆ли́ка рече́ и҆мъ: ᲂу҆зрѣ̀въ же колесни́цы, ꙗ҆̀же посла̀ І҆ѡ́сифъ, є҆̀же взѧ́ти є҆го̀, ѡ҆живѐ дꙋ́хъ І҆а́кѡва ѻ҆ц҃а̀ и҆́хъ

27 Когда же они пересказали ему всѣ слова Іосифа, которыя онъ говорилъ имъ; и когда увидѣлъ колесницы, которыя прислалъ Іосифъ, чтобы везти его; тогда ожилъ духъ Іакова, отца ихъ.

к҃и. И҆ речѐ І҆и҃ль. вели́ко мѝ єсть [сїѐ], а҆̀ще єщѐ І҆ѡ́сифъ сы́нъ мо́й жи́въ є҆̀сть: ше́дъ, ᲂу҆зрю̀ є҆го̀, пре́жде не́же ᲂу҆мре́ти мѝ.

28. И сказалъ Израиль: довольно (сего для меня), еще живъ сынъ мой Іосифъ; пойду и увижу его, пока не умру.

ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ МАТѲЕЯ.

ГЛАВА V

а҃. Оу҆зрѣвъ же наро́ды, взы́де на гору̀: и҆ сѣдшꙋ̀ є҆мꙋ̀, приступи́ша къ немꙋ̀ оу҆чн҃цы̀ є҆гѡ̀:

в҃. И҆ ѿве́рзъ оу҆ста̀ своѧ̑, оу҆ча́ше и҆хъ, гл҃ѧ:

г҃. Бл҃же́ни ни́щїи дх҃омъ: ꙗ҆́кѡ тѣ̀хъ є҆́сть цр҃твїе нб҃ное.

д҃. Бл҃же́ни пла́чꙋщїи: ꙗ҆̀кѡ тїи оу҆тѣ́шатсѧ.

є҃. Бл҃же́ни кро́тцыи: ꙗ҆́кѡ тїи наслѣ́дѧтъ зе́млю.

ѕ҃. Бл҃же́ни а҆лчꙋщїи и҆ жа́ждꙋщїи пра́вды: ꙗ҆̀кѡ тїи насы́тѧтсѧ.

з҃. Бл҃же́ни мл҃тивїи: ꙗ҆́кѡ тїи поми́ловани бꙋ́дꙋтъ.

и҃. Бл҃же́ни чи́стїи ср҃цемъ: ꙗ҆̀кѡ тїи Бг҃а оу҆зрѧтъ.

ѳ҃. Бл҃же́ни миротво́рцы: ꙗ҆́кѡ тїи сы́нове Бж҃їи нарекꙋ́тсѧ.

і҃. Бл҃же́ни и҆згна́ни пра́вды ра́ди: ꙗ҆̀кѡ тѣ̀хъ є҆́сть цр҃твїе нб҃ное.

Увидѣвъ народъ, Онъ взошелъ на гору; и, когда сѣлъ, приступили къ Нему ученики Его.

2. И Онъ, отверзши уста свои, училъ ихъ, говоря:

3. Блаженны нищіе духомъ; ибо ихъ есть царство небесное.

4. Блаженны плачущіе; ибо они утѣшатся.

5. Блаженны кроткіе; ибо они наслѣдуютъ землю.

6. Блаженны алчущіе и жаждущіе правды; ибо они насытятся.

7. Блаженны милостивые; ибо они помилованы будутъ.

8. Блаженны чистые сердцемъ; ибо они Бога узрятъ.

9. Блаженны миротворцы; ибо они будутъ наречены сынами Божіими.

10. Блаженны изгнанные за правду; ибо ихъ есть царство небесное.

ѧ. Блаженни єстѐ, єгдà поносѧтъ вáмъ, и йжденýтъ, и рекýтъ всѧкъ сóлъ глаголъ на вы лжýще, менѐ рáди.

вѧ. Рáдуйтесѧ и веселúтесѧ, ꙗкш мздà вáша мнóга на нбсѣхъ: тáкш бо йзгнáша пророки, йже [бѣша] прéжде вáсъ.

гѧ. Вы єстѐ сóль земли: áще же сóль ѡбýѧѣтъ, чúмъ ѡсолúтсѧ; ни вочтóже бýдетъ ктомý, тóчїю да йзсы́пана бýдетъ вóнъ, и попираéма чл҃вѣки.

дѧ. Вы єстѐ свѣтъ мíра: не мóжетъ грáдъ оукрытúсѧ верхý горы стоѧ.

єѧ. Нижѐ вжигáютъ свѣтúльника, и поставлѧ́ютъ єгѡ̀ подъ спýдомъ, но на свѣщнúцѣ, и свѣтитъ всѣмъ, йже въ храминѣ [сýть].

ѕѧ. Тáкш да просвѣтúтсѧ свѣтъ вáшъ предъ чл҃вѣки, ꙗкш да вúдятъ вáша дѡ́брая дѣлà, и прослáвятъ Ѻц҃à вáшего, йже на нбсѣхъ.

зѧ. [Да] не мнúте, ꙗкш прїидóхъ разорúти закóнъ,

11. Блаженны вы, когда будутъ поносить васъ и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня.

12. Радуйтесь и веселитесь; ибо велика ваша награда на небесахъ: такъ гнали и пророковъ, бывшихъ прежде васъ.

13. Вы соль земли. Если же соль потеряетъ силу; то чѣмъ сдѣлаешь ее соленою? Она уже ни къ чему негодна, какъ развѣ выбросить ее вонъ на попраніе людямъ.

14. Вы свѣтъ міра. Не можетъ укрыться городъ, стоящій на верху горы.

15. И зажегши свѣчу, не ставятъ ее подъ сосудомъ, но на подсвѣчникѣ, и свѣтитъ всѣмъ въ домѣ.

16. Такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла, и прославляли Отца вашего небеснаго.

17. Не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ

и҆лѝ проро́ки: не прїидо́хъ разори́ти, но и҆спо́лнити:

и҃і. А҆ми́нь бо глаго́лю ва́мъ: до́ндеже пре́йдетъ нб҃о и҆ землѧ̀, і҆ѡ́та є҆ди́на, и҆лѝ є҆ди́на черта̀ не пре́йдетъ ѿ зако́на, до́ндеже всѧ̑ бꙋ́дꙋтъ.

ѳ҃і. И҆́же а҆́ще разори́тъ є҆ди́нꙋ за́повѣдей си́хъ ма́лыхъ, и҆ наꙋчи́тъ та́кѡ чл҃вѣ́ки, мні́й наречє́тсѧ въ цр҃твїи нб҃нѣмъ: а҆ и҆́же сотвори́тъ и҆ наꙋчи́тъ, се́й ве́лїй наречє́тсѧ въ цр҃твїи нб҃нѣмъ.

к҃. Гл҃ю бо ва́мъ: ꙗ҆́кѡ а҆́ще не и҆збꙋ́детъ пра́вда ва́ша па́че кни́жникъ и҆ фарїсе́й, не зни́дете въ цр҃твїе нб҃ное.

к҃а. Слы́шасте, ꙗ҆́кѡ рече́но бы́сть дре́внимъ: не оу҆бїе́ши: и҆́же [бо] а҆́ще оу҆бїе́тъ, пови́ненъ є҆́сть сꙋдꙋ̀.

к҃в. А҆́зъ же глаго́лю ва́мъ: ꙗ҆́кѡ всѧ́къ гнѣ́ваѧйсѧ на бра́та своего́ всꙋ́е, пови́ненъ

или пророковъ; не нарушить пришелъ Я, но исполнить.

18. Ибо истинно говорю вамъ: доколѣ не прейдетъ небо и земля, ни одна іота или ни одна черта не прейдетъ изъ закона, пока не исполнится все.

19. И такъ, кто нарушитъ одну изъ заповѣдей сихъ малѣйшихъ, и научитъ такъ людей; тотъ малѣйшимъ наречется въ царствѣ небесномъ: а кто сотворитъ и научитъ; тотъ великимъ наречется въ царствѣ небесномъ.

20. Ибо, говорю вамъ, если праведность ваша не превзойдетъ праведности книжниковъ и фарисеевъ; то вы не войдете въ царство небесное.

21. Вы слышали, что сказано древнимъ: не убивай; кто же убьетъ, подлежитъ суду (Исх. 20, 13).

22. А Я говорю вамъ, что всякій, гнѣвающійся на брата своего напрасно

є҆́сть сꙋдꙋ̀: и҆́же бо а҆́ще ре-
че́тъ бра́тꙋ своемꙋ̀, рака̀:
пови́ненъ є҆́сть со́нмищꙋ: а҆
и҆́же рече́тъ; оу҆ро́де: пови́-
ненъ є҆́сть гее́ннѣ ѻ҆́гненнѣй.

к҃г. А҆́ще оу҆́бо принесе́ши
да́ръ тво́й ко ѻ҆лтарю̀, и҆ тꙋ̀
помѧне́ши, ꙗ҆́кѡ бра́тъ тво́й
и҆́мать нѣ́что на тѧ̀:

к҃д. Ѡ҆ста́ви тꙋ̀ да́ръ тво́й
пред̾ ѻ҆лтаре́мъ, и҆ ше́дъ пре́-
жде смири́сѧ съ бра́томъ
твои́мъ, и҆ тогда̀ прише́дъ
принеси̇̀ да́ръ тво́й.

к҃є. Бꙋ́ди оу҆вѣщава́ѧсѧ съ
сопе́рникомъ твои́мъ ско́рѡ,
до́ндеже є҆сѝ на пꙋтѝ съ ни́мъ:
да не преда́стъ тебе сопе́р-
никъ сꙋдїи̇̀, и҆ сꙋдїѧ̀ тѧ̀ пре́-
да́стъ слꙋзѣ̀, и҆ въ темни́цꙋ
вве́рженъ бꙋ́деши.

к҃ѕ. А҆ми́нь глаго́лю тебѣ̀:
не и҆зы́деши ѿтꙋ́дꙋ, до́ндеже
возда́си послѣ́днїй кодра́нтъ.

л҃г. Па́ки слы́шасте, ꙗ҆́кѡ
рече́но бы́сть дре́внимъ: не
во лжꙋ̀ клене́шисѧ, возда́си

подлежитъ суду; кто же
скажетъ брату своему: рака̀,
подлежитъ синедріону; а
кто скажетъ: безумный, по-
длежитъ гееннѣ огненной.

23. И такъ, если ты при-
несешь даръ твой къ жерт-
веннику, и тамъ вспомнишь,
что братъ твой имѣетъ что
нибудь противъ тебя;

24. Оставь тамъ даръ
твой предъ жертвенникомъ,
и пойди, прежде примирись
съ братомъ твоимъ, и тогда
прійди, и принеси даръ
твой.

25. Мирись съ соперни-
комъ твоимъ скорѣе, пока
ты еще на пути съ нимъ,
чтобы соперникъ не отдалъ
тебя судьѣ, а судья не
отдалъ бы тебя слугѣ, и
не ввергли бы тебя въ тем-
ницу

26. Истинно говорю те-
бѣ: ты не выйдешь оттуда,
пока не отдашь до послѣд-
няго кодранта.

33 Еще слышали вы,
что сказано древнимъ: не
преступай клятвы, но ис-

же Гдⷭ҃еви клⷭ҃твы твоⷭ҃.

λд. Азъ же глаго́лю ва́мъ не клⷭ҃тисѧ всⷭ҃кѡ: ни нб҃омъ ꙗ̀кѡ пр҃то́лъ е҃сть Бжі҃й:

λе. Ни земле́ю, ꙗ̀кѡ подно́жіе есть нога́ма е҃гѡ̀: ни Іе҃рли́момъ, ꙗкѡ гра́дъ есть вали́кагѡ цр҃ⷭ҃.

λѕ. Нижѐ главо́ю твое́ю кленисѧ, ꙗ̀кѡ не мо́жеши вла́са е҆ди́нагѡ бѣ́ла и҆лѝ че́рна сотвори́ти.

λз. Бꙋ́ди же сло́во ва́ше, е́й, е́й: нѝ, нѝ: ли́шше же сею̀, ѿ непрі҃ѧ́зни е҃сть.

λи. Слы́шасте, ꙗ̀кѡ рече́но бы́сть: о҆́ко за о҆́ко, и҆ зꙋ́бъ за зꙋ́бъ.

λѳ. Азъ же гл҃ю ва́мъ не проти́витисѧ злꙋ́: но а҆̀ще тⷭ҃ кто̀ ѹ҆да́ритъ въ десню́ю твою̀ ланиⷮ҃ꙋ, ѡ҆́брати е҆́мꙋ и҆ дрꙋгꙋ́ю:

м҃. И҆ хотⷭ҃ще́мꙋ сꙋди́тисѧ съ тобо́ю, и҆ ри́зꙋ твою̀ взⷭ҃-

полняй предъ Господомъ клятвы твои. (Лев. 19,12. Второз. 23, 21).

34. А Я говорю вамъ: не клянись вовсе: ни небомъ, потому что оно престолъ Божій;

35. Ни землею, потому что она подножіе ногъ Его; ни Іерусалимомъ, потому что онъ городъ великаго Царя.

36. Ни головою своею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сдѣлать бѣлымъ или чернымъ.

37. Но да будетъ слово ваше: да, да; нѣтъ, нѣтъ; а что сверхъ этого, то отъ лукаваго.

38. Вы слышали, что сказано: око за око, и зубъ за зубъ. (Исх. 21, 24).

39. А Я говорю вамъ: не противься злому. Но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую.

40. И кто захочетъ судиться съ тобою, и взять

ти, ѿпꙋсти̑ є҆мꙋ̀ и҆ срачи́цꙋ:

м҃а. И҆ а҆́ще кто̀ тѧ̀ по́йметъ по си́лѣ по́прище є҆ди́но, и҆ди̑ съ ни́мъ два̀.

м҃в. Просѧ́щемꙋ оу҆ тебѐ да́й: и҆ хотѧ́щаго ѿ тебѐ заѧ́ти, не ѿврати̑.

м҃г. Слы́шасте, ꙗ҆́кѡ рече́но є҆́сть: возлю́биши и҆скреннѧго твоего̀, и҆ возненави́диши врага̀ твоего̀.

м҃д. А҆́зъ же глаго́лю ва́мъ: люби́те враги̑ ва́шѧ, бл҃гви́те кленꙋ́щыѧ вы̀, добро̀ твори́те ненави́дѧщымъ ва́съ, и҆ моли́тесѧ за творѧ́щихъ ва́мъ напа́сть, и҆ и҆згонѧ́щыѧ вы̀:

м҃є. Ꙗ҆́кѡ да бꙋ́дете сн҃ове Ѻ҆ц҃а̀ ва́шегѡ, и҆̀же є҆́сть на нб҃сѣ́хъ, ꙗ҆́кѡ сл҃нце своѐ сїѧ́етъ на ѕлы̑ѧ и҆ бл҃гі̑ѧ, и҆ дожди́тъ на прв҃ныѧ и҆ на непра́ведныѧ.

м҃ѕ. А҆́ще бо лю́бите лю́бѧщихъ ва́съ, кꙋ́ю мздꙋ̀ и҆́мате; не и҆ мытари́ ли то́жде творѧ́тъ;

м҃з. И҆ а҆́ще цѣлꙋ́ете дрꙋ́ги

у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду.

41. И кто принудитъ тебя идти съ нимъ одно поприще, иди съ нимъ два.

42. Просящему у тебя дай, и отъ хотящаго занять у тебя неотвращайся.

43. Вы слышали, что сказано: люби ближняго твоего, и ненавидь врага твоего. (Лев. 19, 17. 18).

44. А Я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ, и молитесь за обижающихъ васъ, и гонящихъ васъ;

45. Да будете сынами Отца вашего небеснаго; ибо Онъ повелѣваетъ солнцу своему восходить надъ злыми и добрыми, и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ.

46. Ибо, если вы будете любить любящихъ васъ, какая вамъ награда? Не то же ли дѣлаютъ и мытари?

47. И если вы привѣт-

ва́шѧ то́кмѡ, что̀ ли́шше творитѐ; не и҆ ꙗ҆зы́чницы ли та́кожде творѧ́тъ;

ствуете только братьевъ вашихъ, что особеннаго дѣлаете? Не такъ же ли поступаютъ и язычники?

м҃и. Бꙋ́дите оу҆́бо вы̀ сосоверше́ни, ꙗ҆́коже Ѻ҆ц҃ъ ва́шъ нб҃ный соверше́нъ є҆́сть.

48. И такъ будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный.

ПСАЛОМЪ CIII.

а҃. Бл҃гослови̇̀ дꙋше̇̀ моѧ̀ Гд҃а. Гд҃и Бж҃е мо́й, возвели́чилсѧ є҆сѝ ѕѣлѡ̀: во и҆сповѣда́нїе и҆ в̾ велелѣ́потꙋ ѡ҆бле́клсѧ є҆сѝ.

Благослови, душе моя, Господа! Господи, Боже мой! Ты дивно великъ, Ты облеченъ славою и величіемъ.

в҃. Ѡ҆дѣѧ́йсѧ свѣ́томъ ꙗ҆́кѡ ри́зою, простира́ѧй нб҃о ꙗ҆́кѡ ко́жꙋ:

2. Ты одѣваешься свѣтомъ, какъ ризою, простираешь небеса, какъ шатеръ;

г҃. Покрыва́ѧй вода́ми превы́спреннѧѧ своѧ̑, полага́ѧй ѻ҆́блаки на восхожде́нїе своѐ, ходѧ́й на крилꙋ̀ вѣтрѐню:

3. Устрояешь надъ водами горніе чертоги Свои, дѣлаешь облака Своею колесницею, шествуешь на крыльяхъ вѣтра.

д҃. Творѧ́й А҆́гг҃лы своѧ̀ дх҃и, и҆ слꙋги̑ своѧ̀ пла́мень ѻ҆́гненный:

4. Ты творишь ангелами Своими духовъ, служителями Своими—огонь пылающій.

є҃. Ѡ҆снова́ѧй зе́млю на тве́рди є҆ѧ̀: не преклони́тсѧ

5. Ты поставилъ землю на твердыхъ основахъ: не

въ вѣкъ вѣка.

ѕ҃. Бе́здна ꙗ҆́кѡ ри́за ѡ҆дѣѧ́нїе є҆ѧ̀, на гора́хъ ста́нꙋтъ во́ды:

з҃. Ѿ запре́щенїѧ твоегѡ̀ побѣгнꙋтъ, ѿ гла́са гро̀ма твоегѡ̀ оу҆боѧ́тсѧ.

и҃. Восхо́дѧтъ го́ры, и҆ низхо́дѧтъ полѧ̀, въ мѣ́сто є҆́же ѡ҆снова́лъ є҆сѝ и҆́мъ.

ѳ҃. Предѣ́лъ положи́лъ є҆сѝ, є҆гѡ́же не пре́йдꙋтъ, нижѐ ѡ҆братѧ́тсѧ покры́ти зе́млю.

і҃. Посыла́ѧй и҆сто́чники въ дебрехъ, посредѣ гѡ́ръ про́йдꙋтъ во́ды.

а҃і. Напаѧ́ютъ всѧ̀ ѕвѣ́ри се́лныѧ, ждꙋ́тъ ѻ҆на́гри въ жа́ждꙋ свою̀.

в҃і. На ты́хъ пти́цы нб҃ныѧ привита́ютъ: ѿ сре́ды ка́менїѧ дадѧ́тъ гла́съ.

г҃і. Напаѧ́ѧй го́ры ѿ превы́спреннихъ свои́хъ: ѿ плода̀ дѣ́лъ твои́хъ насы́титсѧ землѧ̀.

д҃і. Прозѧба́ѧй травꙋ̀ ско-

поколеблется она въ вѣки и вѣки.

6. Бездною, какъ одѣяніемъ, покрылъ Ты ее; на горахъ стоятъ воды.

7. Отъ прещенія Твоего бѣгутъ онѣ, отъ гласа грома Твоего быстро уходятъ.

8. Восходятъ на горы, нисходятъ въ долины, на мѣсто, которое Ты назначилъ для нихъ.

9. Ты положилъ предѣлъ, котораго не перейдутъ, и не возвратятся покрыть землю.

10. Ты послалъ источники въ долины, между горами текутъ (воды,,

11. Поятъ всѣхъ полевыхъ звѣрей; дикіе ослы утоляютъ жажду свою.

12. При нихъ обитаютъ птицы небесныя, изъ среды вѣтвей издаютъ голосъ.

13. Ты напояешь горы съ высотъ Своихъ, плодами дѣлъ Твоихъ насыщается земля.

14. Ты произращаешь

тѡ́мъ, и҆ ѕла́къ на слꙋ́жбꙋ чл҃вѣ́кѡмъ, и҆звести̑ хлѣ́бъ ѿ земли̑:

е҃і. И҆ ві́но̀ весели́тъ се́рдце человѣ́ка, оу҆ма́стити лицѐ є҆ле́емъ: и҆ хлѣ́бъ се́рдце человѣ́ка оу҆крѣпи́тъ.

ѕ҃і. Насы́тѧтсѧ древа̀ пѡлска́ѧ, ке́дри Лїва́нстїи, и҆́хже є҆сѝ насади́лъ:

з҃і. Та́мѡ пти̑цы вогнѣздѧ́тсѧ, є҆рѡдїе́во жили́ще предводи́телствꙋетъ и҆́ми.

и҃і. Го́ры высѡ́кїѧ є҆ле́немъ, ка́мень прибѣ́жище за́ѧцемъ.

ѳ҃і. Сотвори́лъ є҆́сть лꙋнꙋ̀ во времена̀: со́лнце позна̀ за́падъ сво́й.

к҃. Положи́лъ є҆сѝ тмꙋ̀, и҆ бы́сть но́щь, въ не́йже про́йдꙋтъ всѝ ѕвѣ́рїе дꙋбра́внїи,

к҃а. Скѵ́мни рыка́ющїи восхи́тити, и҆ взыска́ти ѿ Бг҃а пи́щꙋ себѣ̀.

к҃в. Возсїѧ̀ со́лнце, и҆ собра́шасѧ, и҆ въ ло́жахъ свои́хъ лѧ́гꙋтъ.

траву для скота, и зелень на пользу человѣка, чтобы произвесть изъ земли пищу.

15. И вино, которое веселитъ сердце человѣка, и елей, отъ котораго блистаетъ лице его, и хлѣбъ, который укрѣпляетъ сердце человѣка.

16. Насыщаются древа Господа, кедры Ливанскіе, которые Онъ насадилъ;

17. На нихъ гнѣздятся птицы: ели — жилище аисту,

18 Высокія горы — сернамъ; каменные утесы — убѣжище зайцамъ.

19 Онъ сотворилъ луну для *указанія* временъ, солнце знаетъ свой западъ.

10. Ты простираешь тьму, и бываетъ ночь: во время ея бродятъ всѣ лѣсные звѣри;

11. Львы рыкаютъ о добычѣ, и просятъ у Бога пищу себѣ.

12. Восходитъ солнце, (и) они собираются и ложатся въ свои логовища.

к҃г. И҆зы́детъ чел҃овѣ́къ на дѣ́ло своѐ, и҆ на дѣ́ланїе своѐ до ве́чеоа.

к҃д. Ꙗ҆́кѡ возвели́чишасѧ дѣла̀ твоѧ̑ Гд҃и: всѧ̑ премꙋ́дростїю сотвори́лъ є҆сѝ: и҆спо́лнисѧ землѧ̀ тва́ри твоеѧ̀.

к҃є. Сїѐ мо́ре вели́кое и҆ простра́нное: та́мѡ га́ди, и҆́хже нѣ́сть числа̀, живѡ́тнаѧ ма̑лаѧ съ вели́кими:

к҃ѕ. Та́мѡ корабли̇̀ преплаваютъ, ѕмі́й се́й, є҆го́же созда́лъ є҆сѝ рꙋга́тисѧ є҆́мꙋ.

к҃з. Всѧ̑ къ тебѣ̀ ча́ютъ, да́ти пи́щꙋ имъ во бл҃го вре́мѧ.

к҃и. Да́вшꙋ тебѣ̀ и҆́мъ, соберꙋ́тъ: ѿве́рзшꙋ тебѣ̀ рꙋ́кꙋ, всѧ́ческаѧ и҆спо́лнѧтсѧ бл҃гости:

к҃ѳ. Ѿвра́щшꙋ же тебѣ̀ лицѐ, возмѧтꙋ́тсѧ: ѿи́меши дꙋ́хъ и҆́хъ, и҆ и҆сче́знꙋтъ, и҆ въ пе́рсть свою̀ возвратѧ́тсѧ.

л҃. По́слеши Дх҃а твоего̀, и҆ сози́ждꙋтсѧ, и҆ ѡ҆бнови́ши лицѐ землѝ.

13. Выходитъ человѣкъ на дѣло свое и на работу свою до вечера.

14. Какъ многочисленны дѣла Твои, Господи! Все создалъ Ты премудро; земля полна произведеній Твоихъ.

15. Это море великое и пространное: тамъ пресмыкающіяся, которымъ нѣтъ числа, животныя малыя съ большими;

16. Тамъ плаваютъ корабли, тамъ этотъ левіаѳанъ, котораго Ты сотворилъ играть въ немъ.

17. Всѣ они отъ Тебя ожидаютъ, чтобы Ты далъ имъ пищу ихъ въ свое время.

18. Даешь имъ, принимаютъ, отверзаешь руку Твою, насыщаются благомъ;

19. Сокроешь лице Твое, мятутся, отнимешь духъ ихъ, умираютъ, и въ персть свою возвращаются;

20. Пошлешь духъ Твой, созидаются, и Ты обновляешь лице земли.

л҃а. Бꙋ́ди сла́ва Гдⷭ҇нѧ во вѣ́ки: возвесели́тсѧ Гдⷭ҇ь ѡ҆ дѣ́лѣхъ свои́хъ:

21. Да будетъ Господу слава во вѣки; да веселится Господь о дѣлахъ Своихъ!

л҃в. Призира́ѧй на зе́млю, и҆ творѧ́й ю҆̀ трѧсти́сѧ: прикаса́ѧйсѧ гора́мъ, и҆ дымѧ́тсѧ.

22. Призираетъ на землю, и она трясется; прикасается къ горамъ, и дымятся.

л҃г. Воспою̀ Гдⷭ҇еви въ животѣ̀ мое́мъ, по́ю̀ Бг҃ꙋ моемꙋ̀, до́ндеже є҆́смь:

23. Буду пѣть Господу во *всю* жизнь мою, буду пѣть Богу моему, доколѣ есмь.

л҃д. Да оу҆сладитсѧ є҆мꙋ̀ бесѣ́да моѧ̀, а҆́зъ же возвеселю́сѧ ѡ Гдⷭ҇ѣ.

24. Да будетъ благопріятна Ему пѣснь моя; буду веселиться о Господѣ.

л҃є. Да исче́знꙋтъ грѣ́шницы ѿ землѝ, и҆ беззакѡ́нницы, ꙗ҆́коже не бы́ти и҆̀мъ. бл҃гослови̇̀ дꙋше̇̀ моѧ̀ Гдⷭ҇а.

25. Да исчезнутъ грѣшники съ земли, и беззаконныхъ да не будетъ болѣе. Благослови, душа моя Господа! Аллилуія!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

СЧЁТЪ.

ДРОБИ

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

—

1111.

Читать справа влѣво: одна единица, одинъ десятокъ, одна сотня, одна тысяча.

Десятокъ — это десять единицъ.

Сотня — это десять десятковъ и сто единицъ.

Тысяча — это десять сотенъ и тысяча единицъ.

1111.

Читать слѣва вправо: одна тысяча, одна сотня, одинъ десятокъ, одна единица.

Одна сотня — это десятая часть тысячи.

Десятокъ — это десятая часть сотни и сотая часть тысячи.

Единица—это десятая часть десятка, сотая часть сотни и тысячная часть тысячи.

5398.

Можно прочесть справа влѣво: 8 единицъ, 9 десятковъ, 3 сотни и 5 тысячъ.

И можно прочесть слѣва вправо: 5 единицъ, 3 десятыя части единицы, 9 сотыхъ частей единцы, и 8 тысячныхъ частей.

Если считать справа влѣво, — это счётъ цѣлыми числами, а если считать слѣва вправо,—это счётъ дробями.

73890—цѣлое число.

9 десятковъ, 8 сотенъ, 3 тысячи и 7 десятковъ тысячъ.

0,7389—дробь.

7 десятыхъ, 3 сотыхъ, 8 тысячныхъ и 9 десятитысячныхъ.

Если считаешь вмѣстѣ и справа и слѣва, дробями и цѣлыми числами, то надо замѣтить запятою, по какихъ поръ считаешь справа влѣво цѣлыми, и по какихъ поръ слѣва вправо дробями.

18,35 значитъ, что 18 считать справа влѣво цѣлыми: 8 единицъ и 1 десятокъ. А 35 считать слѣва вправо дробями: 3 десятыхъ и 5 сотыхъ.

236,004 значитъ, что три цифры слѣва надо считать справа влѣво. Будетъ 236 единицъ. А 004 слѣва вправо. Будетъ 0 десятыхъ, 0 сотыхъ, 4 тысячныхъ.

Если написано 53980 цѣлыхъ, то можно выговорить: 80 простыхъ, 9 сотенъ, 3 тысячи, и 5 десятковъ тысячъ. И можно выговорить: 980 простыхъ, 3 ты-

сячи и 5 десятковъ тысячъ. И можно выговорить: 3980 простыхъ и 5 десятковъ тысячъ. И можно выговорить: 53 тысячи 980 простыхъ. Всегда такъ и выговариваютъ.

Если написано: 0,5398 дробями, то можно выговорить:

Ноль цѣлыхъ, 5 десятыхъ, 3 сотыхъ, 9 тысячныхъ и 8 десятитысячныхъ.

И можно выговорить:

Ноль цѣлыхъ, 53 сотыхъ, 9 тысячныхъ, и 8 десятитысячныхъ.

И можно выговорить:

Ноль цѣлыхъ, 539 тысячныхъ и 8 десятитысячныхъ.

И можно выговорить:

Ноль цѣлыхъ, 5398 десятитысячныхъ.

Всегда такъ и выговариваютъ.

Прочесть

0,53 · 0,678 · 0,107 0,02 · 4,03507.

Въ цѣлыхъ числахъ можно прибавлять сколько хочешь нолей съ лѣвой стороны: число не измѣнится.

Въ дробяхъ можно прибавлять сколько хочешь нолей съ правой стороны — число не измѣнится.

1,235 = 1,23500

0,45 = 0,45000000.

СЛОЖЕНІЕ И ВЫЧИТАНІЕ ДЕСЯТИЧНЫХЪ ДРОБЕЙ.

Дроби складываются и вычитаются точно также, какъ цѣлыя.

Тысячныя складываются съ тысячными, и когда наберется 10 тысячныхъ, то дѣлается одна сотая; а наберется 10 сотыхъ—дѣлается 1 десятая; а наберется 10 десятыхъ—дѣлается одна цѣлая.

Точно также вычитаются тысячныя изъ тысячныхъ, сотыя изъ сотыхъ, десятыя изъ десятыхъ. И если недостанетъ тысячныхъ, то одну сотую раскладываютъ на 10 тысячныхъ; а недостанетъ сотыхъ, то 1 десятую раскладываютъ на 10 сотыхъ; а не достанетъ десятыхъ, то одну цѣлую раскладываютъ на 10 десятыхъ.

Сложить:

2,0358 + 8,4098	2,0358 + 8,4098 10,4456
1893,004 + 0,99756	1893,00400 + 0000,99756 1894,00156

Вычесть:

$3{,}004 - 1{,}895$ $\quad 3{,}004 = 2{,}9^{*}4$

$1{,}895$

$1{,}109$

$2{,}3 - 1{,}05678$ $\quad 2{,}3 = 2{,}30000$

$2{,}30000 = 2{,}2999^{*}$

$-1{,}05678$

$1{,}24322$

Сложить:

$538{,}0879 + 36{,}569$ $\quad 0{,}0053 + 0{,}9008$

$0{,}9999 + 0{,}1111 + 4{,}147$ $\quad 2491 + 8{,}14 + 0{,}45$

Вычесть:

$3{,}235 - 0{,}4569.$ $\quad 4{,}005 - 0{,}873.$

$7 - 1{,}9835$ $\quad 10{,}0006 - 6{,}3508.$

УМНОЖЕНІЕ И ДѢЛЕНІЕ ДЕСЯТИЧНЫХЪ ДРОБЕЙ.

Десятичныя дроби помножаются и дѣлятся на *цѣлыя* числа точно также, какъ и простыя числа; надо только помнить, какой разрядъ помножаешь или дѣлишь.

Помножить

$3{,}47 \times 6 = 3 \times 6 = 18$

$0{,}4 \times 6 = 2{,}4$

$0{,}07 \times 6 = 0{,}42$

$20{,}82$

Раздѣлить: 20,82 6

Изъ 20,82 на 6 частей по 3,0; всѣхъ 18
Изъ 02,82 на 6 частей по 0,4; всѣхъ 2,4
Изъ 00,42 на 6 частей по 0,07; всѣхъ 0,42

Изъ 20,82 на 6 частей по 3,47; всѣхъ 20,82.

Можно и просто множить и дѣлить такъ:

6,25	
×31	
6,25	30 разъ 5 сотыхъ будетъ
187,50	150 сотыхъ.
193,75	30 разъ 2 десятыхъ будетъ 60 десятыхъ.

193,75	31	
186,00	6,0	193 цѣлыхъ на 31 часть будетъ по 6 цѣлыхъ.
7,75	0,2	
6,20	0,05	77 десятыхъ на 31 часть будетъ по 2 десятыхъ.
1,55		
1,55		155 сотыхъ на 31 часть будетъ по 5 сотыхъ.
0,00		

Всякія числа помножаютъ на десятичныя дроби такъ же, какъ на цѣлыя числа; только когда помножаешь цѣлое число, то, если помножишь на десятки, выходитъ въ 10 разъ больше, и пишешь въ другой разрядъ на лѣво; напримѣръ: 3 × 20 выходитъ не 6, а 60; а когда множишь на десятыя, то выходитъ въ 10 разъ меньше и пишешь въ другой разрядъ на право:

3 × 0,2 выходитъ не 6, а 0,6.

Когда множишь на сотни цѣлаго числа, то выходитъ въ 100 разъ больше, и пишешь въ 3-й разрядъ на лѣво:

3 × 200 выходитъ не 6, а 600.

А когда множишь на сотыя, то выходитъ въ 100 разъ меньше, и пишешь въ 3-й разрядъ на право:

3 × 0,02 выходитъ не 6, а 0,06; и т. д.

Когда множишь 30 на 20 цѣлыхъ, то выходитъ не 60, а въ 10 разъ болѣе, 600.

Когда множишь 0,3 на 0,2 (три десятыхъ на двѣ десятыхъ), то выходитъ не 0,6, а въ 10 разъ меньше 0,06.

Когда множишь 600 на 500, то выходитъ не 3000, а въ 100 разъ больше, 300000.

Когда множишь 0,06 на 0,05, то выходитъ не 0,30, а въ въ 100 разъ меньше 0,0030 (тридцать десятитысячныхъ).

Дѣлятъ на дроби точно также, какъ на цѣлыя числа, только когда дѣлишь на цѣлыя, то, если дѣлишь на десятки, выходитъ въ 10 разъ меньше; если на сотни, то въ 100 разъ меньше, и т. д.; а когда дѣлишь на десятыя, то выходитъ въ 10 разъ больше; когди дѣлишь на сотыя, то выходитъ въ 100 разъ больше; и т. д.

Если дѣлишь 60 на 20, то выходитъ не 30, а въ 10 разъ меньше, 3

Если дѣлишь 60 на 0,2, то выходитъ не 30, а въ 10 разъ больше, 300.

Если дѣлишь 600 на 200, то выходитъ не 300, а въ 100 разъ меньше, 3

Если дѣлишь 600 на 0,02, то выходитъ не 300, а въ 100 разъ больше, 30000.

Когда приходится вычитать 0,35 изъ 2 единицъ, надо 2 единицы написать 2,00—двѣсти сотыхъ; точно также, когда приходится дѣлить 2 единицы на 0,35, надо 2 единицы написать 2,00 двѣсти сотыхъ, и дѣлить сотыя.

Раздѣлить 1 на 0,05 значитъ раздѣлить 1,00:0,05; 100 сотыхъ раздѣлить на 5, будетъ 20 сотыхъ. Въ сто разъ больше—будетъ 20 единицъ.

Десятичныя дроби на десятичныя множатся какъ цѣлыя числа, и точно также можно начинать умноженіе съ самаго большаго или съ самаго мелкаго разряда. Чтобы скорѣе дѣлать умноженіе дробей, надо подписывать единицы подъ единицами, десятыя подъ десятыми, сотыя подъ сотыми, и т. д., и начинать съ самаго мелкаго разряда.

Примѣръ умноженія.

	Милліоны.	Сотни тысячъ.	Десятки тысячъ.	Тысячи.	Сотни.	Десятки	Единицы.	Десятыя.	Сотыя.	Тысячныя.	Десятитысячныя.	Стотысячныя.	Милліонныя.
Цѣлыя				6	7	8	4						
				×	3	5	6						
			4	0	7	0	4						
		3	3	9	2	0							
	2	0	3	5	2								
	2	4	1	5	1	0	4						
Дроби							6,	7	8	4			
							× 3,	5	6				
								4	0	7	0	4	
							3,	3	9	2	0		
							2	0,	3	5	2		
							2	4,	1	5	1	0	4

6 разъ 4 тысячныхъ было бы 24 тысячныхъ: но 6 сотыхъ въ 100 разъ меньше, стало быть будетъ—24 стотысячныхъ.

6 разъ 8 сотыхъ было бы 48 сотыхъ; но 6 сотыхъ въ 100 разъ меньше, стало быть будетъ 48 десятитысячныхъ, и т. д.

5 разъ 4 тысячныхъ было бы 20 тысячныхъ; но 5 десятыхъ въ 10 разъ меньше, стало быть будетъ 20 десятитысячныхъ, и т. д.

Раздѣлить:

Цѣлыя

32824815	6789
27156000	4000
5668815	800
5431200	30
237615	5
203670	
33945	
33945	
00000	

Дроби.

32,824815	6,789
27,156	4,835
5,668815	
5,4312	
0,237615	
0,20367	
0,033945	
0,033945	
0,000000	

Я дѣлю 32824 тысячныя на 6789 тысячныхъ. У меня выйдутъ не тысячныя, а въ 1000 разъ больше—цѣлыя.

Я дѣлю 56688 десятитысячныхъ на тысячныя — выйдутъ въ 1000 разъ больше—десятыя.

Я дѣлю стотысячныя, выйдутъ въ 1000 разъ больше—сотыя.

Я дѣлю милліонныя, выйдутъ въ 1000 разъ больше—тысячныя.

Помножить:

1564,893 × 0,5 536,03 × 0,698
10,006 × 15,181 99,161 × 0,007

Раздѣлить:

0,5315 : 0,67 2,5689 : 7,079
47, 578 : 0,0748

РАЗНЫЯ СЧИСЛЕНІЯ.

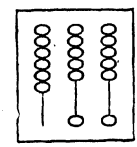
Цѣлыя числа почти всегда считаютъ десятками; но можно считать пятками, парами, тройками, дюжинами, полдюжинами, и какимъ хочешь счётомъ Чтобы считать не десятками, можно счёты сдѣлать не такъ, какъ всегда ихъ дѣлаютъ.

Если хочешь считать полдюжинами, то сними съ каждаго ряда счётовъ по 4 кости и оставь 6. Тогда можно, что́ хочешь, считать не въ десятичномъ, а въ шестичномъ счётѣ.

Надо сложить 3 да 4 въ шестичномъ счётѣ. Какъ наберётся 6, скинь всѣ и положи одинъ шестерикъ

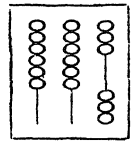
3+4 въ шестичномъ счётѣ выйдетъ такъ.

$\overset{6}{\smile}$ $\overset{6}{\smile}$
+4 =11



Надо вычесть изъ одного шестирика и одной простой — 4. Скинь одну и разложи шестерикъ на 6 Скинь три, которыхъ недостало; останется 3.

$$\overset{6}{\smile}\ \overset{6}{\smile}\ \overset{6}{\smile}$$
$$11 - 4 = 3$$



Точно также можно считать въ какомъ хочешь счисленіи: въ семичномъ, въ 25-тичномъ, въ девятичномъ, въ 113-тичномъ.

Только надо помнить, что, въ какомъ считаешь счисленіи, то въ столько разъ каждый разрядъ влѣво больше разряда вправо. Если считаешь въ семичномъ счисленіи, то первый разрядъ будутъ единицы, 2-й разрядъ влѣво будутъ семерики, 3-й разрядъ влѣво будутъ $7 \times 7 = 49$, 4-й разрядъ будетъ $49 \times 7 = 343$; и т. д.

Если въ пятичномъ счисленіи, то разряды будутъ такіе: 1-й разрядъ—единицы; 2-й разрядъ 5; 3-й разрядъ 25; 4-й разрядъ 125 и т. д.

Въ шестичномъ счисленіи сложить:

$$\overset{6}{\smile}\ \overset{6}{\smile}$$
$$35204 \text{ и } 45120$$

$$\begin{array}{r} \overset{6}{\smile} \\ 35204 \\ +45120 \\ \hline 124324 \end{array}$$

Въ девятичномъ счисленіи сложить:

$$\overset{9}{\smile}\ \overset{9}{\smile}$$
$$\begin{array}{r} 87056 + 71587 \\ 71587 \\ \hline 168654 \end{array}$$

Въ шестичномъ вычесть:

$$\overset{6}{\smile}\quad\overset{6}{\smile}$$
$$124324 - 45120$$
$$45120$$
$$\overline{35204}$$

Въ девятичномъ вычесть

$$\overset{9}{\smile}\quad\overset{9}{\smile}$$
$$168654 - 71587.$$
$$71587$$
$$\overline{87056}$$

Сложить въ двоичномъ счисленіи:

$$\overset{2}{\smile}\quad\overset{2}{\smile}$$
$$10110 + 101011$$

въ восьмичномъ.

$$\overset{8}{\smile}\quad\overset{8}{\smile}$$
$$75432 + 63154$$

въ четверичномъ:

$$\overset{4}{\smile}\quad\overset{4}{\smile}$$
$$321\ 03 + 3102$$

$$\overset{5}{\smile}\quad\overset{5}{\smile}$$
$$40321 - 34234.$$

Вычесть:

$$\overset{7}{\smile}\quad\overset{7}{\smile}$$
$$60054 - 44365$$

Для того, чтобы считать въ счисленіяхъ больше 10 цифрами, надо для 10, 11, 12, 13, 14, и т. д. придумать особые знаки, такъ чтобы знаки эти помѣща-

лись не на двухъ мѣстахъ, а на одномъ мѣстѣ. На счётахъ, если сдѣлать счёты съ 17, 20 и болѣе костями, можно считать въ какомъ хочешь счисленіи, только надо помнить, что, если считаешь въ 17-тичномъ счисленіи, то каждая кость ряда влѣво считаетъ въ 17 разъ больше каждой кости ряда вправо.

Можно считать во всякомъ счисленіи и дробями.

Если написать $\overset{6}{\smile}{3,2}$, то это значитъ—первая цифра слѣва есть единицы, вторая цифра дроби въ 6 разъ меньше единицы. $\overset{6}{\smile}{3,2}$, значитъ 3 единицы и 2 шестыхъ.

Дроби въ разномъ счисленіи считаются такъже, какъ и дроби въ десятичномъ счисленіи.

Если надо сложить въ шестичномъ счисленіи $\overset{6}{\smile}{0,3}$ и $\overset{6}{\smile}{0,5}$, то выйдетъ $\overset{6}{\smile}{1,2}$. Если надо вычесть въ семичномъ счисленіи $\overset{7}{\smile}{1,2} - \overset{7}{\smile}{0,4}$, то выйдетъ $\overset{7}{\smile}{0,5}$.

Если надо помножить въ десятичномъ счисленіи 2 на $\overset{9}{\smile}{0,3}$, то $2 \times \overset{9}{\smile}{0,3}$ будетъ 6 въ 9 разъ меньше, $2 \times \overset{9}{\smile}{0,3} = \overset{9}{\smile}{0,6}$. Если надо помножить $\overset{9}{\smile}{0,2}$ на $\overset{9}{\smile}{0,3}$, то будетъ не 6 девятыхъ, а въ 9 разъ меньше, 6-ть 81-хъ, $= \overset{9}{\smile}{0,06}$.

$$\overset{9}{\smile}{0,2} \times \overset{9}{\smile}{0,3} = \overset{9}{\smile}{0,06}.$$

Если надо раздѣлить 8 на $\overset{11}{\smile}{0,4}$ то выйдетъ не 2, а 2 въ 11 разъ болѣе, т. е. 22. $8 : \overset{11}{\smile}{0,4} = 22$.

Если надо раздѣлить $\overset{11}{\smile}{0,8} : \overset{11}{\smile}{0,2}$ то выйдетъ не $\overset{11}{\smile}{0,4}$, а въ 11 разъ больше = 4 цѣлыхъ.

Цѣлыя числа всегда считаются въ десятичномъ счисленіи, и рѣдко въ другомъ счисленіи, а дроби рѣдко считаются въ десятичномъ счисленіи и почти всегда въ разныхъ счисленіяхъ.

Дроби въ десятичномъ счисленіи пишутся всегда такъ: 0,35 (35 сотыхъ), 1,017 (одна цѣлая и 17 тысячныхъ), и т. д. А дроби въ разныхъ счисленіяхъ пишутъ такъ: наверху пишутъ число, а внизу то, въ какомъ оно счисленіи, и это нижнее число зовётся *знаменателемъ*. А самое число, что́ пишется на верху, зовётся *числителемъ*. Вотъ такъ: $\frac{5}{11}$. 5—числитель, а 11 знаменатель, и выговаривается: пять одинадцатыхъ.

$\frac{1}{2}$ одна вторая.

$\frac{7}{15}$ семь пятнадцатыхъ.

$\frac{221}{367}$ двѣсти двадцать одна триста шестьдесятъ седьмая.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Переименованіе дробей.

Для того, чтобы считать дробями, надо умѣть передѣлывать числа изъ одного счисленія въ другое, и такъ, чтобы числа не становились ни больше, ни меньше, а только цифры перемѣнялись.

$$1 = \frac{2}{2} = \frac{3}{3} = \frac{4}{4} = \frac{5}{5} = \frac{6}{6} = \frac{7}{7} = \frac{8}{8} = \cdots \frac{115}{115}.$$

$$2 = \frac{4}{2} = \frac{8}{4} = \frac{16}{8} = \cdots \frac{1000}{500}$$

$$10 = \frac{20}{2} = \frac{50}{5} = \frac{60}{6} = \cdots \frac{1000}{100}$$

$$\frac{1}{2} = \frac{3}{6} = \frac{5}{10} = \frac{6}{12} = \frac{7}{14} = \frac{9}{18} = \frac{10}{20} = \cdots \frac{33}{66}$$

$$\frac{2}{3} = \frac{6}{9} = \frac{8}{12} = \cdots \frac{92}{138}.$$

$$\frac{7}{15} = \frac{21}{45} = \frac{42}{90} = \cdots \frac{630}{1350}.$$

$$\frac{100}{800} = \frac{10}{80} = \frac{5}{40} = \frac{1}{8}.$$

Числа можно передѣлывать изъ мелкаго счисленія въ крупное и изъ крупнаго въ мелкое. Чтобы передѣлывать числа изъ крупнаго счисленія въ мелкое,— надо въ сколько-нибудь разъ увеличить счисленіе и въ столько же разъ увеличить число.

Если хочешь изъ мелкаго счисленія переводить въ крупное, то надо въ сколько-нибудь разъ уменьшить счисленіе и въ столько же разъ уменьшить число.

Если я хочу двѣ десятыя перевести въ счисленіе въ десять разъ мельче, то вмѣсто десятыхъ будутъ въ 10 разъ мельче части—сотыя, а вмѣсто 2-хъ будетъ въ 10 разъ больше частей—20.

$$0{,}2 = 0{,}20 \qquad \frac{2}{10} = \frac{20}{100}$$

Если я хочу $\frac{2}{3}$ перевесть въ счисленье въ 7 разъ мельче, то вмѣсто 3-ихъ будутъ въ 7 разъ мельче части—21-ыя, а вмѣсто 2-хъ будетъ въ 7 разъ больше частей—14

Если я хочу 0,30 сотыхъ перевести въ счиленіе въ 10 разъ крупнѣе, то вмѣсто сотыхъ будутъ десятыя—въ 10 разъ крупнѣе сотыхъ, а вмѣсто 30-ти будетъ въ десять разъ меньше частей—3

$$0{,}30 = 0{,}3 = \frac{30}{100} = \frac{3}{10}.$$

Если я хочу $\frac{50}{75}$ перевести въ счисленіе въ 25 разъ крупнѣе, то вмѣсто 75-хъ будутъ третьи, а вмѣсто 50 частей будетъ въ 25 разъ меньше частей—2

$$\frac{50}{75} = \frac{2}{3}.$$

Чтобы переводить изъ одного счисленія въ другое, надо и числителя и знаменателя множить или дѣлить на то число, въ сколько разъ то счисленіе, въ какое хочешь перевесть, крупнѣе или мельче того, въ какомъ было число.

7 перевести въ 6 разъ мельче счисленіе.

$$7 = \frac{7 \times 6}{1 \times 6} = \frac{42}{6}.$$

$$\frac{7}{8} = \frac{7 \times 6}{8 \times 6} = \frac{42}{48}.$$

$\frac{5}{11}$ сдѣлать въ 13 разъ мельче; $\frac{5 \times 13}{11 \times 13} = \frac{65}{143}$

$\frac{8}{12}$ сдѣлать въ 4 раза крупнѣе.

$$\frac{8:4}{12:4} = \frac{2}{3}$$

$\frac{81}{144}$ сдѣлать въ 9 разъ крупнѣе. $\frac{81:9}{144:9} = \frac{9}{16}$.

Изъ крупнаго счисленія можно перевести всякую дробь въ какое хочешь болѣе мелкое счисленіе, потому что у всякой дроби можно помножить числителя и знаменателя на тоже число; но изъ мелкаго въ крупное счисленіе нельзя перевести всякую дробь, потому что надо, чтобъ числитель и знаменатель дѣлились на одно и тоже число безъ остатка, а не во всякой дроби числитель и знаменатель дѣлятся на одно и тоже число безъ остатка.

Въ $\frac{3}{6}$ и числитель и знаменатель дѣлится на 3, а въ $\frac{3}{8}$ числитель дѣлится на 3, а знаменатель не дѣлится; знаменатель дѣлится на 4 и на 2, а числитель не дѣлится.

Чтобы знать, какія дроби можно передѣлывать изъ мелкаго счисленія въ крупное, надо знать, какія числа на какія дѣлятся безъ остатка.

Чтобы узнать, дѣлится ли число на 2, надо только счесть, дѣлятся ли единицы на два. Если единицы дѣлятся, то, какое бы число большое ни было, оно всё дѣлится на два; потому что каждый десятокъ дѣлится на два, и каждая сотня, и каждая тысяча, каждый десятокъ тысячи, и всѣ другія разряды, сколько бы ихъ ни было.

28
36 . 8 и 6 дѣлятся на два, и все дѣлится на два безъ остатка. 28 : 2 = 14; 36 : 2 = 18

3578
4896 3578 : 2 = 1789 4896 : 2 = 2448.

Чтобы узнать, дѣлится ли число на 3, надо сложить всѣ цифры числа, и *сложеное* раздѣлить на 3. Если *сложеное* раздѣлится на три, то всё число раздѣлится на 3; потому что, сколько бы ни было десятковъ, сотенъ, тысячъ, каждый десятокъ раздѣлится на 3, и останется отъ него только 1,

```
10|3
 9|3
 1
```

и каждая сотня раздѣлится на 3, и останется отъ нея только 1,

```
100|3
 99|33
  1
```

и каждая тысяча раздѣлится на 3, и останется отъ нея только 1,

```
1000|3
 999|333
    1
```

И также каждый десятокъ тысячъ и каждая сотня тысячъ, и такъ дальше. Стало быть, когда сочтешь всѣ цифры, ты сочтешь тѣ самыя единицы, какія остаются отъ десятковъ, сотенъ, тысячъ, и т. д. Если эти единицы дѣлятся съ послѣдними единицами, то всё дѣлится.

24 2 + 4 = 6; 6 : 3 = 2

36 3 + 6 = 9; 9 : 3 = 3

75402 7 + 5 + 4 + 2 = 18; 18 : 3 = 6

82371 8 + 2 + 3 + 7 + 1 = 21; 21 : 3 = 7

75402 : 3 = 25134 82371 : 3 = 27457.

Чтобы узнать, дѣлится ли число на 4, надо счесть, дѣлятся ли десятки и единицы на 4. Если десятки и единицы дѣлятся, то сотни, тысячи и всѣ другія навѣрно раздѣлятся, потому что каждая сотня дѣлится на 4; 100 : 4 = 25, и 1000 : 4 = 250. И т. д.

2784 — 84 : 4 = 21
9532 — 32 : 4 = 8.

2784 : 4 = 696 — 9532 : 4 = 2383.

Чтобы узнать, дѣлится ли число на 5, надо только замѣтить, дѣлятся ли единицы на 5. А если единицы дѣлятся, то всё число дѣлится; потому что каждый десятокъ, и каждая сотня, и тысяча дѣлятся на 5.

57890 : 5 = 11578
37925 : 5 = 7585.

Чтобы узнать, дѣлится ли число на 6, надо узнать, дѣлится ли оно на 3 и на 2. Если дѣлится на 3 и на 2, то дѣлится и на 6, потому что 6 = 2 × 3.

57324 — 5 + 7 + 3 + 2 + 4 = 21; 21 : 3 = 7; и послѣдняя цифра 4 : 2 = 2.
67932 — 6 + 7 + 9 + 3 + 2 = 27; 27 : 3 = 9; и послѣдняя цифра 2 : 2 = 1.

57324 : 6 = 9554
67932 : 6 = 11322.

Чтобы узнать, дѣлится число на 8, надо счесть, дѣлятся ли единицы, десятки и сотни на 8. Если дѣлятся, то и всё число дѣлится, потому что каждая 1000 дѣлится на 8; 1000 : 8 = 125; и каждый десятокъ тысячъ 10000 : 8 = 1250, и всѣ остальныя.

20135368 — 368 : 8 = 46.
79541272 — 272 : 8 = 34.

$$20135368 : 8 = 2516921.$$
$$79541272 : 8 = 9942659.$$

Чтобы узнать, дѣлится ли число на 9, надо сложить всѣ цифры числа, и сложеное раздѣлить на 9. Если сложеное раздѣлится, то и все число раздѣлится, потому что каждый десятокъ, и каждая сотня, и тысяча, когда дѣлится на 9, то отъ нихъ остается 1. Если эти единицы, когда ихъ сложить съ настоящими единицами, дѣлятся на 9, то и всѣ число раздѣлится на 9.

543213 $5+4+3+2+1+3 = 18; 18 : 9 = 2.$
810576 $8+1+5+7+6 = 27; \quad 27 : 9 = 3.$

$$543213 : 9 = 60357.$$
$$810576 : 9 = 90064.$$

Чтобы узнать, дѣлится число на 10, надо только замѣтить, есть ли единицы. Если нѣтъ единицъ, то всѣ число дѣлится на 10, потому что 10 дѣлится, а сотни и тысячи, сколько бъ ихъ ни было, всѣ изъ десятковъ.

$$457510 : 10 = 45751.$$
$$301100 : 10 = 30110.$$

ПРИВЕДЕНІЕ КЪ ОДНОМУ ЗНАМЕНАТЕЛЮ.

Надо умѣть переводить дроби изъ мелкаго въ крупное и изъ крупнаго въ мелкое счисленіе; но, кромѣ того надо еще умѣть двѣ дроби, или нѣсколько дробей, переводить изъ разныхъ счисленій въ одинаковое,— къ одному знаменателю.

$\frac{5}{6}$ и $\frac{3}{21}$ привести къ одному знаменателю. Сколько разъ повторить 6, и сколько разъ повторить 21, чтобъ число вышло одно и тоже?

Возьми 1 разъ большое число, и столько разъ малое число, чтобъ малое сравнялось съ большимъ

Если малое не сравняется, а перейдетъ большое, то возьми другой разъ большое и столько разъ малое, чтобъ опо сравнялось съ большимъ. Если малое и тогда не сравняется, то возьми еще разъ большое и опять малое,—и равняй такъ оба числа до тѣхъ поръ, пока они сойдутся.

1 разъ 21, и 4 раза малое 6.

Малое перейдетъ на 3.

Возьми 2-й разъ 21; тогда большое перейдетъ на 18.

Возьми малое еще 3 раза—оно сравняется.

Стало быть $2 \times 21 = 7 \times 6 = 42$. Стало быть,

$$\frac{5 \times 7}{6 \times 7} = \frac{35}{42}, \text{ а } \frac{3 \times 2}{21 \times 2} = \frac{8}{42}.$$

Сравнять $\frac{3}{7}$ и $\frac{2}{5}$.

Возьму 1 разъ 7, и 2 раза $5 = 10$. Малое перейдётъ на 3.

Возьму 2-й разъ 7, большое перейдётъ на 4.

Возьму 3-й разъ 5, малое перейдётъ на 1.

Возьму 3-й разъ 7, большое перейдётъ на 6.

Возьму 4-й и 5-й разъ 5, малое перейдётъ на 4.

Возьму 4-й разъ 7, большое перейдётъ на 3.

Возьму 6-й разъ 5, малое перейдётъ на 2.

Возьму 5-й разъ 7, большое перейдётъ на 5.

Возьму 7-й разъ 5, малое съ большимъ сравняются.

Стало быть $5 \times 7 = 7 \times 5 = 35$.

$$\frac{3 \times 5}{7 \times 5} = \frac{15}{35}, \text{ а } \frac{2 \times 7}{5 \times 7} = \frac{14}{35}.$$

Сравнять 943 и 345.

1× 943	2× 345	большое	перейдётъ	на	253
1× —	3× —	малое	—	—	92
2× —	3× —	большое	—	—	851
2× —	6× —	малое	—	—	184
3× —	6× —	большое	—	—	759
3× —	9× —	малое	—	—	276
4× —	9× —	большое	—	—	667
4× —	11× —	малое	—	—	23
5× —	11× —	большое	—	—	920
5× —	14× —	малое	—	—	115
6× —	14× —	большое	—	—	828
6× —	17× —	малое	—	—	207
7× —	17× —	большое	—	—	736
7× —	20× —	малое	—	—	299
8× —	20× —	большое	—	—	644
8× —	22× —	малое	—	—	46
9× —	22× —	большое	—	—	897
9× —	25× —	малое	—	—	138
10× —	25× —	большое	—	—	805
10× —	28× —	малое	—	—	230
11× —	28× —	большое	—	—	713
11× —	31× —	малое	—	—	322
12× —	31× —	большое	—	—	621
12× —	33× —	малое	—	—	69
13× —	33× —	большое	—	—	874
13× —	36× —	малое	—	—	161
14× —	36× —	большое	—	—	782
14× —	39× —	малое	—	—	253
15× —	39× —	большое	—	—	690
15× —	41× —	—	—	—	000

Для того, чтобы скорѣе приводить къ одному знаменателю, надо дѣлать такъ:

Сперва повторить малое число столько разъ, чтобы

оно подошло какъ можно ближе къ большому числу, но не достало до него, а потомъ повторить малое число столько разъ, чтобы оно подошло какъ можно ближе къ большому числу и перешло бы его.

Когда узнаешь, сколько разъ надо повторить малое число, чтобъ оно не достало до большаго числа, и сколько разъ повторить малое число, чтобъ оно перешло большое число, тогда равняй недостатки и лишки, и замѣчай, сколько разъ повторить недостатки, чтобъ лишковъ было больше недостатковъ. И до тѣхъ поръ равняй лишки съ недостатками, пока лишковъ не будетъ ровно съ недостатками.

28 и 7. Сколько разъ повторить 7, чтобы оно сравнялось съ 28? 4 раза. 1×28 и 4×7 будетъ ровно.

21 и 6.

Сколько разъ повторить 6 чтобъ сравнялось съ 21? $4\times6=24$. 6 не сравнялось съ 21, а перешло его на 3. Сколько разъ повторить 6, чтобъ не достало до 21, и сколько разъ повторить 6, чтобъ перешло 21?

1×21 и 3×6—недостанетъ 3.
1×21 и 4×6—лишнихъ 3.

Равняй лишки съ недостатками. Возьми одинъ разъ первую линейку и одинъ разъ вторую линейку, и сочти, сколько разъ повторится 21 и 6.

1×21 и 3×6 недостало 3.
1×21 и 4×6 лишнія 3.

Сложи разы. 2×21 и 7×6—сравнялись.

306 и 221

Сколько разъ повторить 221, чтобы сравнять съ 306?

$2 \times 221 = 442$.

221 не сравнялось съ 306, а перешло его на (442—306 =) 136.

Сколько разъ взять 221, чтобъ недостало, и сколько разъ взять, чтобъ перешло?

(1 лин.) 1×306 и 1×221—недостало 85.

(2 лин.) 1×306 и 2×221—лишнія 136.

Равняй лишки съ недостатками.

Недостатки съ лишками не сравняются.

Сколько разъ повторить первую линейку и вторую линейку, чтобъ было недостатковъ больше лишковъ?

Два раза первую и одинъ разъ вторую.

(2 раза 1-я лин.) 2×306 и 2×221 нед. $85+85=170$.
(2-я линейка) 1×306 и 2×221 лишковъ 136.

(3 лин.) Сложи: 3×306 и 4×221 недост. 34.

Сколько разъ повторить 1-ю и 2-ю линейку, чтобъ лишковъ было больше недостатковъ?

Одинъ разъ вторую и одинъ разъ первую.

(2-я линейка) 1×306 и 2×221 лишковъ 136
(1-я линейка) 1×306 и 1×221 недостатк. 85.

(4 лин.) Слож.: 2×306 и 3×221 лишковъ 51.

Сколько разъ повторить 3-ю и 4-ю линейку, чтобъ недостатковъ было больше лишковъ? Два раза 3-ю линейку и одинъ разъ 4-ю линейку.

(2 раза 3-я лин.) 6×306 и 8×221 нед. $34+34=68$.
(4-я линейка) 2×306 и 3×221 лишк. 51.

(5-я лин.) Сложи: 8×306 и 11×221 недост. 17

Сколько разъ повторить 3-ю и 4-ю линейку, чтобы лишковъ было больше недостатковъ? Одинъ разъ 4-ю, и одинъ разъ 3-ю линейку

2×306 и 3×221 — лишковъ 51.
3×306 и 4×221 — недост. 34.

(6 лин.) Сложить: 5×306 и 7×221 — лишковъ 17.

Равняй 5-ю и 6-ю линейки:

(5-я линейка) 8×306 и 11×221; недостатк. 17.
(6-я линейка) 5×306 и 7×221; лишковъ 17.

Сложить 13×306 и 18×221 — сравнялось.

943 и 345.

(1 лин.) 1×943 и 2×345 недостанетъ 253.
(2 лин.) 1×943 и 3×345 лишковъ 92.

Чтобъ больше было недостатковъ, надо взять одинъ разъ первую линейку и два раза вторую.

(1-я линейка) 1×943 и 2×345 недостанетъ 253.
(2 раза 2-я лин.) 2×943 и 6×345 лиш. 92+92=184.

(3 лин.) Слож.: 3×943 и 8×345 недостанетъ = 69.

Чтобъ больше было лишковъ, надо взять 3 раза вторую линейку и одинъ разъ первую линейку.

(3 раза 2-я лин.) 3×943 и 9×345 лишк. 276.
(1-я линейка) 1×943 и 2×345 недостатк. 253.

(4-я лин.) Слож.: 4×943 и 11×345 лишнихъ 23

Сравнять лишки и недостатки. 3-ю линейку взять одинъ разъ, и 4-ю линейку взять 3 раза.

(3-я линейка) 3×943 и 8×345 недостатковъ 69.
(3 раза 4-я лин.) 12×943 и 33×345 лишк. 69.

Сложить 15×943 и 41×345 — сравнялось.

Сравнять: 15379 и 4459.

1 × 15379 и 3×4459 недост. 2002	1×15379 и 4×4459 лишк 2457
(2 раза 1-я л.) 2×15379 и 6×4459 н. 4004	(2-я лин.) 1×15379 и 4×4459 л. 2457
(2-я лин.) 1×15379 и 4×4459 л. 2457	(1-я лин.) 1×15379 и 3×4459 н. 2002
(3 лин.) Слож. 3×15379 и 10×4459 н. 1547	(4 л.) Слож. 2×15379 и 7×4459 л. 455
(3-я линейка) 3×15379 и 10×4459 н. 1547	(4 раза 4-я) 8×15379 и 28×4459 л. 1820
(3 раза 4-я л.) 6×15379 и 21×4459 л. 1365	(3 лин.) 3×15379 и 10×4459 н. 1547
(5-я л.) Слож. 9×15379 и 31×4459 н. 182	(6-я л.) Сл. 11×15379 и 38×4459 л. 273
(2 раза 5-я л.) 18×15379 и 62×4459 н. 364	(6-я лин.) 11×15379 и 38×4459 л. 273
(6-я лин.) 11×15379 и 38×4459 л. 273	(5-я лин.) 9×15379 и 31×4459 н. 182
Сложить: 29×15379 и 100×4459 н. 91	Сложить 20×15379 и 69×4459 л. 91

29×15379 и 100×4459 недост. 91.
20×15379 и 69×4459 лишн. 91.

Сложить: 49×15379 и 169×4459 сравнялось.

Чтобъ дѣлать скорѣе.

3045 и 870.

3045|870 — 2610|3 — 435

870 — 435 — 435

1×3045 и 3×870 нед. 435 — 1×3045 и 4×870 лишн. 435.

1 разъ и 3 раза.
1 — и 4 —
2 — 7 — сравнялось.

2172 и 235.

2172|235 — 2115|9 — 57

10×235=2350 — 2172 — 178

1×2172 и 9×235 недост. 57

×4

4— — и 36— — — 228
1— — и 10— — — 178
5— — и 46— — — 50
28— — и 259— — — 49
33— — и 305— — — 1

1×2172 и 10×235 лишн. 178
3— — и 27— — 3×57=171
4— — и 37— — — 7
231 — 2135— — — —7
Сл. 235 — 2172— — — — 00

Сравнять: 117 и 90. 1183 и 182. 693 и 55 648 и 279. 324 и 372.

Если надо привести къ одному знаменателю много дробей — уравнять много чиселъ, то надо равнять сначала два самыя большія числа, а потомъ съ ними уравнивать малыя.

Сравнять: 40, 30, 12, 9, 15, 4, 8.

40 и 30. 1×40 и 1×30 нед. 10. 1×40 и 2×30 л. 20.
2× 40 и 2×30 нед. 20
1× 40 и 2×30 лиш. 20
3× 40 и 4×30—сравняется.

120 и 12. 1×120 и 10×12.

120 и 9. 1×120 и 13× 9 н. 3. 1×120 и 14×9 л. 6
2×120 и 26×9 нед. 6.
1×120 и 14×9 лиш. 6.
3×120 и 40×9—сравняется

360 и 15. 1×360 и 24×15

360 и 4. 1×360 и 90×4

360 и 8. 1×360 и 45×8.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

СЛОЖЕНІЕ И ВЫЧИТАНІЕ ДРОБЕЙ.

Дроби складываются и вычитаются точно также, какъ и простыя числа; только надо помнить, въ какомъ счисленіи написаны дроби. Если дроби написаны въ десятичномъ счисленіи, то 10 десятыхъ будетъ одна единица; а если въ 17-тичномъ счисленіи, то 17 семнадцатыхъ будетъ одна единица; если въ шестичномъ счисленіи, то 6 шестыхъ будетъ одна еди-

ница, если въ тысяча-двѣсти-тридцати-пятичномъ, то 1235 тысяча-двѣсти-тридцать-пятыхъ будетъ одна единица, и т. д.

Одна вторая (одна половина) $(\frac{1}{2})$ да одна вторая $(\frac{1}{2})$ будетъ двѣ вторыя $(\frac{2}{2})$, все равно 1 цѣлая.

$$\frac{1}{2} + \frac{1}{2} = 1 \qquad 0{,}5 + 0{,}5 = 1{,}0$$

Изъ одной цѣлой (1) вычесть одну вторую $(\frac{1}{2})$. Одна цѣлая все равно, что $\frac{2}{2}$ (двѣ вторыя). Изъ $\frac{2}{2}$ вычесть $\frac{1}{2}$ будетъ $\frac{1}{2}$.

$$1 - \frac{1}{2} = \frac{1}{2} \qquad 1{,}0 - 0{,}5 = 0{,}5$$

Пять половинъ $(\frac{5}{2})$ да три половины $(\frac{3}{2})$ будетъ восемь половинъ $(\frac{8}{2})$. Все равно четыре цѣлыя (4).

$$\frac{5}{2} + \frac{3}{2} = 4$$

Изъ четырехъ цѣлыхъ (4) вычесть три половины $(\frac{3}{2})$ Четыре цѣлыя (4) все равно, что восемь половинъ $(\frac{8}{2})$ Изъ восьми половинъ $(\frac{8}{2})$ вычесть три половины $(\frac{3}{2})$,—останется пять половинъ $(\frac{5}{2})$.

$$4 - \frac{3}{2} = \frac{5}{2} \qquad 0{,}9 + 0{,}9 = 1{,}8$$

Одна четверть $(\frac{1}{4})$ да двѣ четверти $(\frac{2}{4})$ да еще три четверти $(\frac{3}{4})$ будетъ шесть четвертей $(\frac{6}{4})$. Шесть четвертей $(\frac{6}{4})$ все равно, что одна цѣлая и двѣ четверти $(1\frac{2}{4})$ $\qquad \frac{1}{4} + \frac{2}{4} + \frac{3}{4} = 1\frac{2}{4}$.

$$0{,}1 + 0{,}5 + 0{,}7 = 1{,}3.$$

Изъ одной цѣлой (1) и двухъ четвертей $(\frac{2}{4})$ вычесть три четверти $(\frac{3}{4})$

Одна цѣлая (1) все равно, что четыре четверти $(\frac{4}{4})$; да еще двѣ четверти $(\frac{2}{4})$ будетъ шесть четвертей $(\frac{6}{4})$.

Изъ шести четвертей $(\frac{6}{4})$ вычесть три четверти $(\frac{3}{4})$. останется три четверти $(\frac{3}{4})$.

$$1\frac{2}{4} - \frac{3}{4} = \frac{3}{4}. \qquad 1{,}3 - 0{,}5 = 0{,}8.$$

Двѣ трети $(\frac{2}{3})$, да еще двѣ трети $(\frac{2}{3})$, да еще одна треть $(\frac{1}{3})$, да еще двѣ трети $(\frac{2}{3})$ будетъ семь третей $(\frac{7}{3})$. Все равно двѣ цѣлыхъ (2) и одна треть $(\frac{1}{3})$.

$$\frac{2}{3} + \frac{2}{3} + \frac{1}{3} + \frac{2}{3} = 2\frac{1}{3}$$

$$0{,}5 + 0{,}6 + 0{,}8 + 0{,}9 = 2{,}8.$$

Изъ двухъ цѣлыхъ (2) и одной трети $(\frac{1}{3})$ вычесть двѣ трети $(\frac{2}{3})$. Двѣ цѣлыя (2) все равно, что шесть третей $(\frac{6}{3})$; да еще одна треть $(\frac{1}{3})$—будетъ семь третей $(\frac{7}{3})$. Изъ семи третей $(\frac{7}{3})$ вычесть двѣ трети $(\frac{2}{3})$,— останется пять третей $(\frac{5}{3})$. Все равно одна цѣлая и двѣ трети $(1\frac{2}{3})$.

$$2\frac{1}{3} - \frac{2}{3} = 1\frac{2}{3}$$

$$2{,}7 - 0{,}8 = 1{,}9.$$

Одна седьмая $(\frac{1}{7})$ да двѣ седьмыхъ $(\frac{2}{7})$ да четыре

седьмыхъ $(\frac{4}{7})$ будетъ семь седьмыхъ $(\frac{7}{7})$. Все равно, что одна цѣлая (1).

$$\frac{1}{7} + \frac{2}{7} + \frac{4}{7} = 1.$$

$$0,3 + 0,2 + 0,5 = 1,0.$$

Изъ одной цѣлой (1) вычесть три седьмыхъ $(\frac{3}{7})$. Одна цѣлая (1) все равно, что семь седьмыхъ $(\frac{7}{7})$. Изъ семи седьмыхъ $(\frac{7}{7})$ вычесть три седьмыхъ $(\frac{3}{7})$, останется четыре седьмыхъ $(\frac{4}{7})$.

$$1 - \frac{3}{7} = \frac{4}{7}. \qquad 1,0 - 0,3 = 0,7.$$

Одна пятнадцатая $(\frac{1}{15})$ да восемь пятнадцатыхъ $(\frac{8}{15})$, да семь пятнадцатыхъ $(\frac{7}{15})$ будетъ шестнадцать пятнадцатыхъ $(\frac{16}{15})$. Все равно одна цѣлая и одна пятнадцатая $(1\frac{1}{15})$

$$\frac{1}{15} + \frac{8}{15} + \frac{7}{15} = \frac{16}{15} = 1\frac{1}{15}.$$

$$0,1 + 0,8 + 0,9 + 0,7 = 2,5$$

Изъ одной цѣлой (1) и одной пятнадцатой $(\frac{1}{15})$ вычесть четыре пятнадцатыхъ $(\frac{4}{15})$. Одна цѣлая (1) все равно, что пятнадцать пятнадцатыхъ $(\frac{15}{15})$; да одна пятнадцатая $(\frac{1}{15})$ будетъ шестнадцать пятнадцатыхъ $(\frac{16}{15})$. Изъ шестнадцати пятнадцатыхъ $(\frac{16}{15})$ вычесть четыре пятнадцатыхъ $(\frac{4}{15})$, останется двѣнадцать пятнадцатыхъ $(\frac{12}{15})$.

$$1\frac{1}{15} - \frac{4}{15} = \frac{12}{15}. \qquad 2,5 - 0,7 = 1,8.$$

Тысяча пятьсотъ тридцать два и двѣ трети $(1532\frac{2}{3})$ да семьсотъ три и двѣ трети $(703\frac{2}{3})$ будетъ двѣ тысячи двѣсти тридцать пять (2235) и четыре трети $(\frac{4}{3})$.

Четыре трети $(\frac{4}{3})$ все равно, что одна цѣлая и одна треть $(1\frac{1}{3})$. Всего будетъ двѣ тысячи двѣсти тридцать шесть (2236) и одна треть $(\frac{1}{3})$.

$$1532\frac{2}{3} + 703\frac{2}{3} = 2236\frac{1}{3}.$$

$$67{,}8 + 75{,}3 = 143{,}1.$$

Изъ двухъ тысячъ двухъ сотъ тридцати шести (2236) и одной трети $(\frac{1}{3})$ вычесть семьсотъ три (703) и двѣ трети $(\frac{2}{3})$.

Двѣ тысячи двѣсти тридцать шесть (2236) все равно, что двѣ тысячи двѣсти тридцать пять (2235) и три трети $(\frac{3}{3})$; да еще одна треть $(\frac{1}{3})$—будетъ двѣ тысячи двѣсти тридцать пять (2235) и четыре трети $(\frac{4}{3})$. Вычесть семьсотъ три (703) и двѣ трети $(\frac{2}{3})$, останется тысяча пятьсотъ тридцать два (1532) и двѣ трети $(\frac{2}{3})$.

$$2236\frac{1}{3} - 703\frac{2}{3} = 1532\frac{2}{3}$$

$$143{,}1 - 67{,}8 = 75{,}3.$$

Пятьдесятъ шесть сто восемнадцатыхъ $(\frac{56}{118})$, да во-

семьдесятъ четыре сто-восемнадцатыхъ $(\frac{84}{118})$ будетъ сто сорокъ сто-восемнадцатыхъ $(\frac{140}{118})$. Все равно, что одна цѣлая (1) и двадцать два стовосемнадцатыхъ $(\frac{22}{118})$.

$$\frac{56}{118} + \frac{84}{118} = \frac{140}{118} = 1\frac{22}{118}.$$

$$0{,}17 + 0{,}81 + 0{,}36 = 1{,}34.$$

Изъ одной цѣлой (1) и двадцати двухъ стовосемнадцатыхъ $(\frac{22}{118})$ вычесть восемьдесятъ четыре сто-восемнадцатыхъ $(\frac{84}{118})$.

Одна цѣлая (1) все равно, что сто восемнадцать сто-восемнадцатыхъ $(\frac{118}{118})$, да еще двадцать двѣ сто-восемнадцатыхъ $(\frac{22}{118})$—будетъ сто сорокъ стовосемнадцатыхъ $(\frac{140}{118})$. Вычесть восемьдесятъ четыре сто-восемнадцатыхъ $(\frac{84}{118})$,—останется пятьдесятъ шесть сто-восемнадцатыхъ $(\frac{56}{118})$.

$$1\frac{22}{118} - \frac{84}{118} = \frac{56}{118} \qquad 1{,}34 - 0{,}36 = 0{,}98.$$

Одна четверть $(\frac{1}{4})$ да одна четверть $(\frac{1}{4})$ будетъ двѣ четверти $(\frac{2}{4})$. Двѣ четверти $(\frac{2}{4})$ все равно, что одна половина $(\frac{1}{2})$.

$$\frac{1}{4} + \frac{1}{4} = \frac{1}{2}$$

Одна половина $(\frac{1}{2})$ да одна четверть $(\frac{1}{4})$ сколько будетъ четвертей? Одна половина $(\frac{1}{2})$ все равно, что

двѣ четверти ($\frac{2}{4}$). Двѣ четверти ($\frac{2}{4}$) да одна четверть ($\frac{1}{4}$) будетъ три четверти ($\frac{3}{4}$).

$$\frac{1}{2} + \frac{1}{4} = \frac{3}{4}$$

Изъ одной половины ($\frac{1}{2}$) вычесть одну четверть ($\frac{1}{4}$). Одна половина ($\frac{1}{2}$) все равно, что двѣ четверти ($\frac{2}{4}$). Изъ двухъ четвертей ($\frac{2}{4}$) вычесть одну четверть ($\frac{1}{4}$),—останется одна четверть ($\frac{1}{4}$).

$$\frac{1}{2} - \frac{1}{4} = \frac{1}{4}$$

Одна восьмушка ($\frac{1}{8}$) да одна восьмушка ($\frac{1}{8}$) будетъ двѣ восьмушки ($\frac{2}{8}$). Двѣ восьмушки ($\frac{2}{8}$) все равно, что одна четверть ($\frac{1}{4}$).

$$\frac{1}{8} + \frac{1}{8} = \frac{1}{4}$$

Одна половина ($\frac{1}{2}$), три четверти ($\frac{3}{4}$) и пять восьмушекъ ($\frac{5}{8}$) сколько будетъ восьмушекъ? Одна половина ($\frac{1}{2}$) все равно, что четыре восьмушки ($\frac{4}{8}$). Три четверти ($\frac{3}{4}$) все равно, что шесть восьмушекъ ($\frac{6}{8}$). Четыре восьмушки ($\frac{4}{8}$), да шесть восьмушекъ ($\frac{6}{8}$), да пять восьмушекъ ($\frac{5}{8}$) будетъ пятнадцать восьмушекъ ($\frac{15}{8}$),—все равно одна цѣлая (1) и семь восьмушекъ ($\frac{7}{8}$).

$$\frac{1}{4} + \frac{3}{4} + \frac{5}{8} = \frac{15}{8} = 1\frac{7}{8}$$

Изъ двѣнадцати восьмыхъ $(\frac{12}{8})$ вычесть три четверти $(\frac{3}{4})$. Двѣнадцать восьмушекъ $(\frac{12}{8})$ все равно, что шесть четвертей $(\frac{6}{4})$. Три четверти $(\frac{3}{4})$ изъ шести четвертей $(\frac{6}{4})$ останется три четверти $(\frac{3}{4})$.

$$\frac{12}{8} - \frac{3}{4} = \frac{3}{4}$$

Одна шестая $(\frac{1}{6})$ да одна шестая $(\frac{1}{6})$ будетъ двѣ шестыхъ $(\frac{2}{6})$. Двѣ шестыхъ $(\frac{2}{6})$ все равно, что одна треть $(\frac{1}{3})$. $\frac{1}{6} + \frac{1}{6} = \frac{2}{6} = \frac{1}{3}$

Одна шестая $(\frac{1}{6})$ да одна шестая $(\frac{1}{6})$, да еще одна шестая $(\frac{1}{6})$ будетъ три шестыхъ $(\frac{3}{6})$ все равно, что одна половина $(\frac{1}{2})$.

$$\frac{1}{6} + \frac{1}{6} + \frac{1}{6} = \frac{3}{6} = \frac{1}{2}$$

Двѣ трети $(\frac{2}{3})$ да одна половина $(\frac{1}{2})$ сколько будетъ? Одна половина $(\frac{1}{2})$ все равно, что три шестыхъ $(\frac{3}{6})$, а двѣ трети $(\frac{2}{3})$ все равно, что четыре шестыхъ $(\frac{4}{6})$. Три шестыхъ $(\frac{3}{6})$ да четыре шестыхъ $(\frac{4}{6})$ будетъ семь шестыхъ $(\frac{7}{6})$,—все равно одна цѣлая и одна шестая $(1\frac{1}{6})$. $\frac{2}{3} + \frac{1}{2} = 1\frac{1}{6}$.

Одна двѣнадцатая $(\frac{1}{12})$ да одна двѣнадцатая $(\frac{1}{12})$ будетъ двѣ двѣнадцатыхъ $(\frac{2}{12})$. Двѣ двѣнадцатыхъ $(\frac{2}{12})$ все равно, что одна шестая $(\frac{1}{6})$.

$$\frac{1}{12} + \frac{1}{12} = \frac{2}{12} = \frac{1}{6}$$

Одна двѣнаднатая $(\frac{1}{12})$, да одна двѣнадцатая $(\frac{1}{12}$ да еще одна двѣнадцатая $(\frac{1}{12})$ будетъ три двѣнадцатыхъ $(\frac{}{12})$. Три двѣнадцатыхъ $(\frac{3}{12})$ все равно, что одна четвѣрть $(\frac{1}{4})$.

$$\frac{1}{12} + \frac{1}{12} + \frac{1}{12} = \frac{3}{12} = \frac{1}{4}$$

Изъ пяти шестыхъ $(\frac{5}{6})$ вычесть три четверти $(\frac{3}{4})$. Пять шестыхъ $(\frac{5}{6})$ все равно, что десять двѣнадцатыхъ $(\frac{10}{12})$; три четверти $(\frac{3}{4})$ все равно, что девять двѣнадцатыхъ $(\frac{9}{12})$.

Изъ десяти двѣнадцатыхъ $(\frac{10}{12})$ вычесть девять двѣнадцатыхъ $(\frac{9}{12})$,—останется одна двѣнадцатая $(\frac{1}{12})$.

$$\frac{5}{6} - \frac{3}{4} = \frac{1}{12}.$$

Изъ трехъ четвертей $(\frac{3}{4})$ вычесть двѣ пятыхъ $(\frac{2}{5})$. Три четверти $(\frac{3}{4})$ все равно, что пятнадцать двадцатыхъ $(\frac{15}{20})$. Двѣ пятыхъ $(\frac{2}{5})$ все равно, что восемь двадцатыхъ $(\frac{8}{20})$

Изъ пятнадцати двадцатыхъ $(\frac{15}{20})$ вычесть восемь двадцатыхъ $(\frac{8}{20})$, останется семь двадцатыхъ $(\frac{7}{20})$

$$\frac{3}{4} - \frac{2}{5} = \frac{7}{20}.$$

Сложить:

$$\frac{13}{17}+\frac{23}{41} \qquad \frac{18}{42}+\frac{11}{23} \qquad \frac{9}{117}+\frac{8}{90}$$

$$\frac{3}{5}+\frac{4}{7}+\frac{5}{8}+485+\frac{1}{3}+2+6\frac{1}{16}$$

Вычесть.

$$1-\frac{3}{15} \qquad 75-\frac{8}{13} \qquad \frac{7}{8}-\frac{286}{1231} \qquad \frac{2}{3}-\frac{5}{7}$$

$$\frac{5}{6}-\frac{17}{42} \qquad \frac{2}{13}-\frac{25}{1000}$$

УМНОЖЕНІЕ И ДѢЛЕНІЕ ДРОБЕЙ.

На дроби помножается и дѣлится всякое число точно такъже, какъ и на цѣлыя числа, только надо помнить, въ какомъ счисленіи та дробь, на какую помножаешь или дѣлишь. Если дробь, на какую помножаешь, написана въ десятичномъ счисленіи, то когда помножишь на 0,3,— все, что̀ выйдетъ, будетъ въ 10 разъ меньше, а когда помножишь на 0,03,— все, что̀ выйдетъ, будетъ въ 100 разъ меньше. Если дробь написана въ 17-тичномъ счисленіи, напримѣръ $\frac{3}{17}$, то, когда помножишь на 3, все, что̀ выйдетъ, будетъ въ 17 разъ меньше. Если дробь, на какую дѣлишь, написана въ 10-тичномъ счисленіи, то, когда раздѣлишь на 0,3, все, что̀ выйдетъ, будетъ въ 10 разъ больше, а когда раздѣлишь на 0,03, то все то, что̀

выйдетъ, будетъ въ 100 разъ больше. Если дробь написана въ 13-тичномъ счисленіи, напримѣръ $\frac{5}{13}$, то, когда раздѣлишь на 5, все, что́ выйдетъ, будетъ въ 13 разъ больше.

$$8 \times \frac{3}{4}$$

Можно сдѣлать такъ: 8 взять 3 раза, будетъ 24; въ 4 раза меньше—будетъ 6.

Или такъ: 8 взять въ 4 раза меньше, будетъ 2; и 2 взять 3 раза, будетъ 6

$8 \times \frac{3}{4} = 6$. Три четверти восьми будетъ 6.

Если надо взять восемь разъ три четверти, то будетъ 24 чеѣверти; если надо взять 8 разъ три стодвадцатыя, то будетъ 24 стодвадцатыя.

$$\frac{5}{6} \times 11 = \frac{55}{6} \qquad \frac{37}{85} \times 23 = \frac{851}{85}$$

$$6 : \frac{3}{4}$$

Можно сдѣлать такъ: 6 раздѣлить на 3,—будетъ 2. Взять въ 4 раза больше—будетъ 8. Или такъ: 6 въ 4 раза больше,—будетъ 24; и раздѣлить на 3,—будетъ 8.

$$6 : \frac{3}{4} = 8$$

Если $\frac{12}{15}$ надо раздѣлить на 3, то будетъ четыре пятнадцатыхъ. Если двѣнадцать тридцатьседьмыхъ раздѣлить на три, то будетъ 4 тридцатьседьмыхъ.

$$\frac{35}{47} : 7 = \frac{5}{47} \qquad \frac{171}{569} \cdot 9 = \frac{19}{569}$$

$$4 \times \frac{2}{3}$$

4 взять 2 раза—будетъ 8; нужно взять въ 3 раза меньше.

(Для того, чтобы раздѣлить 8 на 3, надо передѣлать 8 въ столько частей, чтобы онѣ дѣлились на 3. $8 = \frac{24}{3}$) $\frac{24}{3} : 3 = \frac{8}{3}$; $\frac{8}{3} = 2\frac{2}{3}$.

Или 4 въ 3 раза меньше. (Для того чтобы 4 раздѣлить на 3, надо 4 передѣлать въ столько частей, чтобы дѣлилось на 3. $4 = \frac{12}{3}$) $\frac{12}{3} : 3 = \frac{4}{3}$ и нужно $\frac{4}{3}$ взять 2 раза; будетъ $\frac{8}{3} = 2\frac{2}{3}$.

$4 \times \frac{2}{3} = \frac{8}{3} = 2\frac{2}{3}$. Двѣ трети четырехъ будетъ двѣ и двѣ трети.

$$6 : \frac{4}{5}$$

6 раздѣлить на 4 (Чтобы 6 раздѣлить на 4, надо передѣлать 6 такъ, чтобы дѣлилось безъ остатка на 4. $6 = \frac{24}{4}$) $\frac{24}{4} : 4 = \frac{6}{4}$

$\frac{6}{4}$ въ пять разъ больше будетъ $\frac{30}{4} = 7\frac{2}{4} = 7\frac{1}{2}$.

Или 6 въ 5 разъ больше, 30—раздѣлить на 4. (Передѣлать 30. $30 = \frac{120}{4}$).

$\frac{120}{4} : 4 = \frac{30}{4} = 7\frac{1}{2}$; $6 : \frac{4}{5} = 7\frac{1}{2}$.

Шесть есть четыре пятыхъ семи съ половиною.

$$85 \times \frac{119}{173}$$

85. взять 119 разъ = 10115; въ 173 раза меньше будетъ $\frac{10115}{173} = 58\frac{81}{173}$. Или:

85 взять въ 173 раза меньше = $\frac{85}{173}$, и взять 119 разъ, будетъ $\frac{10115}{173} = 58\frac{81}{173}$.

$$85 : \frac{173}{119}$$

85 раздѣлить на 173 = $\frac{85}{173}$; въ 119 разъ больше—будетъ $\frac{10115}{173} = 58\frac{81}{173}$. Или:

85 въ 119 разъ больше, будетъ 10115; раздѣлить на 173 = $\frac{10115}{173} = 58\frac{81}{173}$.

$$\frac{6}{7} \times \frac{2}{3}$$

$\frac{6}{7}$ взять 2 раза, будетъ $\frac{12}{7}$; въ 3 раза меньше будетъ $\frac{4}{7}$. Или:

$\frac{6}{7}$ взять въ 3 раза меньше, будетъ $\frac{2}{7}$; и взять 2 раза, будетъ $\frac{4}{7}$.

$\frac{6}{7} \times \frac{2}{3} = \frac{4}{7}$ Двѣ трети шести седьмыхъ будетъ четыре седьмыхъ.

$\frac{4}{7} \cdot \frac{2}{3}$

$\frac{4}{7}$ раздѣлить на $2 = \frac{2}{7}$; $\frac{2}{7}$ въ три раза больше, будетъ $\frac{6}{7}$. Или $\frac{4}{7}$ въ 3 раза больше $\frac{12}{7}$; раздѣлить на $2 = \frac{6}{7}$.

$\frac{4}{7} : \frac{2}{3} = \frac{6}{7}$. Четыре седьмыхъ есть двѣ трети шести седьмыхъ.

$\frac{5}{7} \times \frac{2}{3}$

$\frac{5}{7}$ взять 2 раза, будетъ $\frac{10}{7}$; въ 3 раза меньше. (Надо $\frac{10}{7}$ передѣлать такъ, чтобы можно было безъ остатка раздѣлить на 3. $\frac{10}{7} = \frac{30}{21}$). $\frac{30}{21}$ въ три раза меньше-будетъ $\frac{10}{21}$.

Или $\frac{5}{7}$ взять въ 3 раза меньше (надо $\frac{5}{7}$ передѣлать, $\frac{5}{7} = \frac{15}{21}$); $\frac{15}{21}$ въ 3 раза меньше $= \frac{5}{21}$; взять 2 раза, будетъ $\frac{10}{21}$.

$\frac{5}{7} \times \frac{2}{3} = \frac{10}{21}$. Двѣ трети пяти седьмыхъ будетъ десять двадцать первыхъ.

$\frac{5}{7} \quad \frac{3}{8}$

$\frac{5}{7}$ раздѣлить на 3 ($\frac{5}{7} = \frac{15}{21}$); $\frac{15}{21} : 3 = \frac{5}{21}$; $\frac{5}{21}$ взять въ 8 разъ больше $= \frac{40}{21}$. Или: $\frac{5}{7}$ въ 8 разъ больше $= \frac{40}{7}$; раздѣлить на 3 ($\frac{40}{7} = \frac{120}{21}$), $\frac{120}{21}$ раздѣлить на 3, — $\frac{40}{21}$.

$\frac{5}{7} : \frac{3}{8} = \frac{40}{21}$. Пять седьмыхъ есть три восьмыхъ сорока двадцатьпервыхъ.

$$5 \times \frac{1}{7}$$

5 взять 1 разъ будетъ 5, и въ 7 разъ меньше. Вмѣсто того, чтобы дѣлить 5 на 7, можно прямо написать 5 въ 7 разъ меньше, такъ $0,\overset{7}{\smile}5$—въ семичномъ счисленіи, или все равно $\frac{5}{7}$. $5 \times \frac{1}{7} = \frac{5}{7}$

$$5 : \frac{7}{8}$$

5 раздѣлить на 7. Вмѣсто того, чтобы дѣлить 5 на 7, можно прямо написать 5 въ 7 разъ меньше, такъ: $\overset{7}{\smile}0,5$ въ семичномъ счисленіи, или все равно $\frac{5}{7}$; и взять $\frac{5}{7}$ въ 8 разъ больше,—будетъ $\frac{40}{7} = 5\frac{5}{7}$; $5 : \frac{7}{8} = 5\frac{5}{7}$.

$$\frac{18}{23} \times \frac{31}{49}$$

$\frac{18}{23}$ взять 31 разъ $\frac{558}{23}$, и въ 49 разъ меньше. Можно не дѣлить числителя, а, чтобы сдѣлать число въ 49 разъ меньше, перевести его въ счисленіе въ 49 разъ меньше 23-го. Какое счисленіе будетъ въ 49 разъ меньше 23-го? $(23 \times 49 = 1127)$. 1127-е.

$\frac{558}{23}$ въ 49 разъ меньше будетъ $\frac{558}{1127}$. Или:

$\frac{18}{23}$ взять въ 49 разъ меньше (перевести въ счисленіе въ 49 разъ меньше) будетъ $\frac{18}{1127}$. Взять 31 разъ,—будетъ $\frac{558}{1127}$.

$$\frac{17}{19} : \frac{11}{23}$$

$\frac{17}{19}$ раздѣлить на 11. Перевести $\frac{17}{19}$ въ счисленіе въ 11 разъ меньше ($19 \times 11 = 209$); $\frac{17}{19} : 11 = \frac{17}{209}$. Взять въ 23 раза больше $= \frac{391}{209}$.

Или: $\frac{17}{19}$ въ 23 раза больше $\frac{391}{19}$ раздѣлить на 11 (перевести въ счисленіе въ 11 разъ меньше) $\frac{391}{209}$.

$$\frac{17}{19} : \frac{11}{23} = \frac{391}{209}$$

Помножить:

$53 \times \frac{27}{38}$ $3 \times \frac{17}{141}$ $11 \times \frac{5}{8}$ $\frac{2}{3} \times \frac{8}{13}$ $\frac{4}{9} \times \frac{506}{1004}$ $1 \times \frac{5}{7}$

Раздѣлить.

$1 : \frac{2}{7}$ $386 : \frac{17}{18}$ $5 : \frac{283}{423}$ $\frac{5}{11} : \frac{7}{16}$ $\frac{8}{21} : \frac{11}{13}$

ЗАДАЧИ.

I.

1. Мужъ съ женою брали деньги изъ одного сундука, и ничего не осталось.

Мужъ взялъ $\frac{7}{10}$ всѣхъ денегъ, а жена 690 рублей. Сколько было всѣхъ денегъ?

Мужъ взялъ $\frac{7}{10}$ всѣхъ денегъ, а жена то, что̀ оставалось; стало быть жена взяла $\frac{3}{10}$ всѣхъ денегъ.

Чтобъ узнать, сколько было всѣхъ денегъ, надо узнать, 690 есть $\frac{3}{10}$ чего? т. е. 690 : $\frac{3}{10}$.

690 есть $\frac{3}{10}$-тыхъ 2300.

2. Мужъ съ женою положили 540 рублей денегъ въ сундукъ и забрали всѣ деньги. Мужъ взялъ $\frac{3}{9}$; сколько взяла жена? Сколько денегъ $\frac{3}{9}$ отъ 540? $\frac{3}{9} \times 540 = \frac{1620}{9} =$ 180. Стало быть жена взяла 540—180=360.

3. Мужъ съ женою положили 1200 рублей въ сундукъ и брали каждый особо. Всѣ деньги вышли. Жена взяла 576 рублей; сколько частей всѣхъ денегъ взялъ мужъ? Жена взяла 576 изъ 1200. Стало быть осталось 1200 — 576 = 624. 624 есть какая часть 1200? 1200 есть 624 чего? т. е. 1200 : 624 = $\frac{1200}{624}$; а $\frac{1200 : 48}{624 : 48} = \frac{25}{13}$. $\frac{25}{13} = 1\frac{12}{13}$

ЗАДАЧИ.

II.

1. Одинъ человѣкъ отдалъ $\frac{1}{2}$ своихъ денегъ бѣднымъ, $\frac{1}{4}$ на церковь, а три рубля оставилъ себѣ. Сколько у него было денегъ? Сколько онъ далъ бѣднымъ? Сколько на церковь?

Роздалъ онъ $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$; всего $\frac{3}{4}$; стало быть осталась $\frac{1}{4}$ и эта $\frac{1}{4}$ была 3 рубля. Стало быть 3 есть $\frac{1}{4}$ чего? $3 : \frac{1}{4} = 12$ рублей. Бѣднымъ онъ далъ $12 \times \frac{1}{2} = 6$ рублей, а на церковь далъ $12 \times \frac{1}{4} = 3$ рубля.

2 Одинъ человѣкъ изъ всѣхъ своихъ денегъ истратилъ $\frac{1}{7}$ на постройку дома, $\frac{3}{10}$ на отдѣлку дома и $\frac{1}{14}$ на покупку мебели, и осталось у него 10200 рублей Сколько у него всѣхъ было денегъ и сколько стоила 1) постройка дома? 2) отдѣлка дома? 3) мебель?

Сколько онъ издержалъ частей своихъ денегъ?

$$\frac{1}{7} + \frac{3}{10} + \frac{1}{14} = \frac{18}{35}.$$

Стало быть недостаетъ $\frac{17}{35}$, и $\frac{17}{35}$ всѣхъ денегъ будетъ 10200. 10200 есть $\frac{17}{35}$ чего? $10200 : \frac{17}{35} = 21000$.

Всѣхъ денегъ было 21000

Теперь, сколько пошло на постройку? $21000 \times \frac{1}{7} = 3000$, **на отдѣлку?** $21000 \times \frac{3}{10} = 6300$; на покупку мебели? $21000 \times \frac{1}{14} = 1500$

ЗАДАЧИ.

III.

1. Надъ бочкой придѣланы двѣ трубы, изъ обѣихъ трубъ вода течетъ въ бочку. Изъ одной трубы вода наполнитъ бочку въ 24 минуты; изъ другой въ 15 минутъ.

Еще есть въ бочкѣ дыра; изъ дыры вытечетъ вся вода изъ бочки въ 2 часа (2 часа = 120 минутъ). Наполнится ли бочка и скоро ли, если пустить воду изъ обѣихъ трубъ, и вода будетъ течь въ дыру?

Что будетъ черезъ минуту послѣ того, какъ открыть обѣ трубы? Сколько будетъ воды въ бочкѣ?

Изъ одной трубы (той, которая въ 15 минутъ наполняетъ бочку) будетъ въ минуту $\frac{1}{15}$ бочки, а изъ другой трубы (той, которая наполнитъ въ 24 минуты бочку) будетъ въ минуту $\frac{1}{24}$ бочки. Вытечетъ же изъ бочки въ минуту $\frac{1}{120}$ бочки. Стало быть, въ минуту будетъ $\frac{1}{15}+\frac{1}{24}\left(\frac{8}{120}+\frac{5}{120}\right)=\frac{13}{120}$; $\frac{13}{120}-\frac{1}{120}=\frac{12}{120}=\frac{1}{10}$.

Въ минуту въ бочкѣ будетъ $\frac{1}{10}$. Во сколько времени будетъ полна вся бочка?

$$1:\frac{1}{10}=10.$$

Бочка будетъ полна въ 10 минутъ.

ДЛЯ УЧИТЕЛЯ.

КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Грамматическія упражненія въ четвертой книгѣ расположены слѣдующимъ образомъ:

На первыхъ страницахъ (1—2 стр.), до басни *Волкъ и ягненокъ*, обозначено особымъ шрифтомъ окончаніе *ся* въ глаголахъ, которое ученики очень часто произносятъ какъ *си*. Заставляйте ученика видоизмѣнять возвратные глаголы, и обратите вниманіе на то, что *ся*, измѣняясь въ *съ*, часто скрадываетъ отъ ученика настоящую форму глагола.

На слѣдующихъ страницахъ (2—4) обозначены неокончательная форма на *ть* и изъявительная на *тъ* (*буду любить* и *онъ любитъ*), которыя весьма часто смѣшиваются учениками; говорятъ: онъ ходитъ, и т. п. Заставляйте ученика составлять изреченія, въ которыхъ была бы употреблена та и другая форма.

На страницахъ 4—7 (съ басни *Наспдка и цыплята*) обозначены окончанія женскаго и средняго рода прошедшаго времени. Эти окончанія, обыкновенно смѣшиваются; именно, въ среднемъ родѣ ученики вмѣсто *о* ставятъ *а*.

На страницахъ 8—12 (до сказки *Волкъ и мужикъ*) обозначены окончанія второго лица на *ешь* и на *ишь*, также обыкновенно смѣшиваемыя.

На страницахъ 13—29 обозначены окончанія неокончательной формы *ться* и изъявительной *тся*.

Въ разсказѣ *Кавказскій Плѣнникъ* обозначено нѣсколько формъ спряженія глаголовъ: 1) неокончательное наклоненіе, 2) второе и третье лицо единственнаго числа настоящаго (и будущаго) времени, и 3) третье лицо множественнаго числа тогоже времени—въ тѣхъ случаяхъ, когда формы эти являются въ самомъ простомъ видѣ; въ первыхъ двухъ главахъ (стр. 30—42) указано спряженіе безъ вставки *е*: *любить*, *любишь*, *любитъ*, *любятъ*; въ остальныхъ главахъ (стр. 42—62) указано спряженіе со вставкою *е*: *дѣлать*, *дѣлаешь*, *дѣлаетъ*, *дѣлаютъ*. Ученики должны пріучиться различать, гдѣ слѣдуетъ ставить *е*. гдѣ *и*, а также въ третьемъ лицѣ множественнаго числа, гдѣ ставить *а* и *я*, гдѣ *у* и *ю*.

Остальной отдѣлъ первой части можетъ служить для того, чтобы ученики отыскивали въ немъ всѣ глагольныя формы, съ которыми познакомились въ предъидущихъ отдѣлахъ.

КЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ. О СЧЕТѢ.

Счетъ дробями состоитъ изъ трехъ отдѣловъ.

Первый отдѣлъ есть объясненіе того, что счетъ дробями есть ни что другое, какъ продолженный меньше единицы рядъ счисленія, и что счисленія могутъ быть десятичныя и всякія другія. Въ этомъ же отдѣлѣ показаны всѣ дѣйствія съ дробями.

Второй отдѣлъ объясняетъ переведеніе изъ одного счисленія въ другое. Въ этомъ же отдѣлѣ: признаки дѣлимости чиселъ и приведеніе къ одному знаменателю.

Третій отдѣлъ есть рядъ примѣровъ сложенія, вычитанія, умноженія и дѣленія.

Всѣ отдѣлы объясняютъ одинъ другой, и потому необходимо, пройдя всѣ три отдѣла въ томъ порядкѣ, какъ они изложены, возвратиться назадъ и вновь пройти два первые отдѣла.

I ОТДѢЛЪ.

Десятичныя дроби.

Кто понимаетъ, какъ совершаются въ десятичномъ счисленіи переходы изъ разрядовъ въ разряды, какимъ образомъ 100×100 выходитъ 10000, и $200 \times 100 = 20000$, и $10000 : 100 = 100$, тотъ уже знаетъ собственно возвышеніе въ степень и извлеченіе корней; а между прочимъ начинаютъ ариѳметику съ счисленія, и оно всѣмъ понятно.

Рѣдкій ученикъ въ состояніи будетъ объяснить, почему $30000 : 100 = 300$. Но всякій это знаетъ, помнитъ и понимаетъ. На этомъ-то знаніи и пониманіи должно быть основано понятіе о дробяхъ.

Покажите ученику, что сложеніе и вычитаніе десятичныхъ дробей ничѣмъ не отличается отъ сложенія и вычитанія цѣлыхъ чиселъ.

Потомъ покажите ученику какъ можно болѣе примѣровъ того, что въ цѣлыхъ числахъ помноженіе на единицу бо́льшаго разряда увеличиваетъ произведеніе въ столько разъ, въ сколько разъ множитель больше единицы (или переводитъ на столько разрядовъ влѣво, на сколько множитель стоитъ влѣво отъ единицы, т. е. на то мѣсто, на которомъ стоитъ множитель).

Когда это ясно ученику, покажите, что, когда помножаешь на единицу разряда, который меньше принимаемаго нами за единицу, то произведеніе уменьшается въ столько разъ, въ сколько разъ множитель меньше единицы (или произведеніе переходитъ на столько разрядовъ вправо, насколько множитель стоитъ вправо, т. е переходитъ на то мѣсто, на которомъ стоитъ множитель).

Потомъ покажите, что умноженіе и дѣленіе десятичныхъ дробей ничѣмъ ни отличается отъ умноженія и дѣленія простыхъ чиселъ.

Разныя счисленія.

Ясное понятіе о возможности другихъ счисленій, кромѣ десятичнаго, и о томъ, что законы счисленія одни и тѣже, какое бы ни было счисленіе,—весьма полезно.

И потому пройдите нѣсколько упражненій сложенія и вычитанія въ различныхъ счисленіяхъ цѣлыми числами.

При счисленіи 11-чномъ надо помнить, что для 10 нуженъ особый знакъ * умѣщающійся на одномъ мѣстѣ.

Умноженіе и дѣленіе въ различныхъ счисленіяхъ для ученика слишкомъ было бы затруднительно, и потому опущено.

Какъ только счисленіе не-десятичное съ цѣлыми числами ясно, то покажите, что въ различныхъ счисленіяхъ можно считать и меньше единицы, т. е. вправо, и пройдите упражнія въ сложеніи, вычитаніи и умноженіи дробей (по одному разряду), изображая ихъ какъ десятичныя дроби, $0{,}\overset{5}{3} + 0{,}\overset{5}{4}$, и т. п.

II ОТДѢЛЪ.

Переименованіе дробей.

Переименованіе дробей есть умноженіе и дѣленіе дроби на единицу извѣстнаго счисленія. И потому переименованіе должно бы было слѣдовать за умноженіемъ.

Въ сущности же не только умноженіе, но и сложеніе нельзя объяснять безъ переименованія; поэтому, пройдя переименованіе дробей, какъ оно изложено, и прибавивъ отъ себя примѣры, возвратитесь послѣ умноженія и дѣленія къ переименованію и объясните его, какъ умноженіе и дѣленіе на единицу извѣстнаго счисленія.

На этотъ отдѣлъ вообще обратите большее вниманіе, такъ какъ въ сущности вся особенность счета дробями состоитъ только въ необходимости переименованія.

Приведеніе къ одному знаменателю. Лучшій примѣръ для объясненія того, какимъ образомъ дѣлается приведеніе къ одному знаменателю, дадутъ двѣ палки,—одна, напримѣръ, въ 6 вершковъ, а другая въ 8,—которыя кладутся рядомъ по одному направленію нѣсколько разъ, пока концы обѣихъ палокъ сравняются. Или двѣ бумажки, которыя перегибаются концами одна на другую, пока концы сойдутся.

Способъ приведенія къ одному знаменателю посредствомъ большаго и меньшаго приближенія—включаетъ въ себѣ всѣ способы: и перемноженіе чиселъ одного на другое, и дѣленіе на множителей,—имѣя передъ всѣми преимущество ясности того, что́ совершается съ числами.

Способъ перемноженія другъ на друга я не указываю и не совѣтую указывать, такъ какъ это одно изъ тѣхъ открытій, которыя долженъ сдѣлать самъ ученикъ.

Разложеніе на производителей я не указываю потому, что это способъ алгебраическій и слишкомъ сложный; но не считаю его безполезнымъ для понятливаго ученика.

Способъ же дѣленія одного числа на другое я не включилъ потому, что объясненіе этого пріема такъ трудно и противно обычнымъ пріемамъ мысли, что ученики почти никогда не понимаютъ его, а всегда только заучиваютъ на память.

ТРЕТІЙ ОТДѢЛЪ.

Назначеніе этого отдѣла состоитъ въ томъ, чтобы ученикъ *всегда* имѣющій изъ жизни уже ясное понятіе о дробяхъ въ малыхъ числахъ (какъ $^1/_2$, $^1/_3$, $^1/_4$), соединилъ бы это житейское пониманіе дробей съ тѣми объясненіями, которыя даются ему при ученіи. Кромѣ того, этотъ отдѣлъ ознакомляетъ ученика съ различными особенностями, встрѣчающимися при дѣйствіяхъ съ дробями, объясняя ихъ на малыхъ величинахъ.

Отъ учителя и отъ способности того ученика, съ которымъ

учитель имѣетъ дѣло, будетъ зависѣть, пропустить ли часть упражненій этого отдѣла, или прибавить къ нимъ новыя упражненія.

Выраженіе при умноженіи $5 \times {}^3/_4$—*взять три четверти пяти*, я совѣтую пояснить примѣромъ выраженія при умноженіи цѣлыхъ чиселъ—*взять три пятка*.

Выраженіе при дѣленіи: 5 есть $^3/_4$ чего? я совѣтую пояснить примѣромъ выраженія при дѣленіи цѣлыхъ чиселъ: 15 есть 3 чего?

Выраженія же эти при задачахъ почти всегда прямо выражаютъ вопросъ.

У него было $^3/_4$ 24-хъ рублей. Сколько у него было денегъ? 24 помножить на $^3/_4$ — не выражаетъ вопроса, а взять $^3/_4$-ти 24-хъ прямо выражаетъ вопросъ и изображается такъ:

$$24 \times \frac{3}{4}$$

У него было $^3/_4$ всѣхъ денегъ, 24 рубля. Сколько всѣхъ? 24 раздѣли на $^3/_4$ — не выражаетъ вопроса; а 24 есть $^3/_4$ чего?—прямо выражаетъ вопросъ.

Случаи умноженія и дѣленія дробей на цѣлыя числа, или на дроби, не требуютъ никакого особаго разъясненія.

Если нужно помножить или раздѣлить $^3/_4$ на какое нибудь число, то знаменатель множимаго или дѣлимаго не имѣетъ никакого значенія при дѣйствіи, которое совершается надъ числомъ: знаменателя надо только помнить. Дѣйствіе же происходитъ всегда надъ числителемъ.

$^3/_4 \times 2$ будетъ 6 четвертей, $^3/_4 : 2$ будетъ $^3/_8$—не отъ того, что что-нибудь сдѣлано съ знаменателемъ, а потому что 3 неудобно дѣлить, и мы передѣлываемъ $^3/_4$ въ $^6/_8$.

Первыя три задачи составлены такъ, что неизвѣстное измѣняется. Давши другую подобную задачу, заставьте ученика перестановлять неизвѣстное. Послѣдующія двѣ задачи составлены такъ, что 1-я задача съ малыми числами объясняетъ 2-ю.

Всякій разъ, когда ученикъ затрудняется въ рѣшеніи задачи, задайте ему точно такую же съ самыми малыми числами.

III-я задача есть образецъ постановленія вопроса.

Пройдя эти 4 части ариѳметики и не упоминая объ именованныхъ числахъ, ни объ отношеніяхъ и пропорціяхъ, ни о тройныхъ, смѣшанныхъ и другихъ правилахъ, учитель можетъ смѣло открыть всякій задачникъ,—и всякую задачу ученикъ рѣшитъ, если она изложена простымъ русскимъ языкомъ.

ОПЕЧАТКА ВЪ 3-Й КНИГѢ.

Стр.	Строк.	Напеч.	Читай.
149	11	35 сложить 12	12 сложить 35

СОДЕРЖАНИЕ

АЗБУКА (1871—1872)

Книга I 5
Книга II 197
Книга III 363
Книга IV 555

Настоящее юбилейное издание первого полного собрания сочинений Л. Н. Толстого печатается на основании постановлений Совета Народных Комиссаров СССР от 24 июня 1925 г., 8 августа 1934 г. и 27 августа 1939 г.

Редактор В. С. Мишин

Технический редактор Л. М. Сутина

Корректор Т. П. Лебедева

Подписано к печати 17/III-57 г. Бумага 68×100¹/₁₆—50¹/₂ печ. л. 62,11 усл. печ. л. 29,8 уч. изд. л.
Тираж 5000. Зак. 1603

Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Министерство культуры СССР.
Главное управление полиграфической промышленности. 2-я типография «Печатный Двор» имени А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.